

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Александр Широкоград

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ас **СРМАК**
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
МОСКВА
2003

УДК 94(47)(092)
ББК 63.3(2)-8
Ш 64

Оформление
В. И. Харламова

Ш64 Широкоград А. Б.
Исторические портреты / А. Б. Широкоград. — М.: ООО
«Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО
НПП «Ермак», 2003. — 604, [4] с.: ил. — (Смутное время).

ISBN 5-17-019644-X (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-06880-3 (ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 5-9577-0236-6 (ЗАО НПП «Ермак»)

Новая книга известного писателя-историка А. Б. Широкограда посвящена Смутному времени.

В центре внимания автора судьбы людей, которые являлись главными действующими лицами Великой российской драмы XVIII века: Бориса Годунова, Василия Шуйского, Лжедмитрия I, Марины Мнишек, Лжедмитрия II и других.

УДК 94(47)(092)
ББК 63.3(2)-8

Формат 84×108/32. Подписано в печать 25.06.2003.
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,9
Тираж 7 000 экз. Заказ № 1485.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005 93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09 12.2002

ISBN 5-17-019644-X
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-06880-3
(ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 5-9577-0236-6
(ЗАО НПП «Ермак»)

© Широкоград А. Б., 2003
© ООО «Издательство Астрель», 2003

ISBN 5-17-019644-X

9 785170 196449

Предисловие

События 1598–1613 годов стали одними из самых интересных периодов нашей истории. Причем Смутное время является самой мифологизированной частью отечественной истории до 1917 года. В итоге не только школьники, но и студенты исторических факультетов знакомятся не с реальными событиями того времени, а с тем, что должно было быть по мнению царей и генсеков.

Автор ставил себе цель — не только восстановить подлинный ход событий, но и показать главных действующих лиц Великой российской драмы XVII века. Автор попытался избавиться от набившего оскомину осовременивания деятелей прошлого. Так, к примеру, мотивацию поступков царей, королей, бояр и церковных иерархов определяли не только политическая ситуация и нравы начала XVII века, но и происхождение героя, и деятельность его предков.

К сожалению, объем книги и неизбежность постоянных повторов в описании событий и участие в них

исторических лиц, действовавших в одно время и в одном месте, ограничивают число героев повествования. Поэтому в книге нет отдельных глав, посвященных таким выдающимся личностям, как Прокопий Ляпунов, Иван Заруцкий, деятелям Семибоярщины и т. д. О главных событиях их жизни можно узнать из других глав.

Александр Широкоград

Борис Годунов

Борис Годунов представляет собой одну из наиболее трагических фигур нашей истории. Наши правители настолько часто переписывают историю, что на Западе Россию называют страной с непредсказуемым прошлым. Одни исторические деятели, как, например, Александр Невский или Дмитрий Донской, при всех властях, за исключением разве что историка М. Н. Покровского, изображены в розовых тонах. Других, скажем Столыпина, то возносят, то низвергают, то он палач, то великий реформатор. А вот Годунов при всех властях одинаково замазан серым цветом. Годунов единственный среди московских самодержцев не погребен в Архангельском соборе.

Между тем ни один историк не может сказать: вот этим достоверно доказанным поступком Борис Годунов нанес вред государству Российскому. Все обвинения носят спорный характер. Борис якобы приказал убить царевича Дмитрия, он ввел якобы крепостное право. Я говорю «якобы», поскольку наиболее ком-

петентные историки опровергают эти утверждения, не говоря уже о том, что на определенном этапе развития России крепостное право было необходимо. Да еще неизвестно, что ожидало бы Россию, окажись в 1598 году на престоле шестнадцатилетний психопат-эпилептик, окруженный сворой глупых и жадных родственников.

Но больше всего пострадала репутация Бориса Годунова от пера Александра Сергеевича Пушкина. Теперь, как только заходит речь о Годунове, все, начиная от профессоров истории и маститых писателей до школьников, твердят, как попугай:

Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач...

Эти слова, вложенные Пушкиным в уста князя Василия Шуйского, навеки стали ярлыком царя Бориса. Фраза, безусловно, хорошо написана и производила большой эффект как на барышень XIX века, так и на современных образованцев-интеллигентов. Но вот Василий Шуйский подобную чушь нести не мог. Причем как раз потому, что Шуйский не любил Годунова. Слово «татарин» в устах Шуйского, кажущееся образованцу ругательством, было лучшим подарком Годунову. Ведь одним словом «татарин» Шуйский автоматически признает приоритет Годунова — Чингизиды¹ в те времена считались выше Рюриковичей, и были случаи в XV–XVII веках, когда Рюриковичи из тщеславия выдавали себя за Чингизидов.

И на счет Малюты Скуратова Василий Шуйский не стал бы распространяться, поскольку его родной брат Дмитрий также был женат на дочери Малюты, да еще взял ее с большим приданым, не интересуясь, как оно попало к Малюте.

Но да бог с ним, с происхождением. У Пушкина каждое появление царя Бориса сопровождается исте-

рикой. Первый раз мы его видим, когда он еще и не знает о самозванце, но все равно стелает:

И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

В следующей сцене он узнает о появлении самозванца. «Так вот зачем тринадцать лет мне сряду все снилось убитое дитя». Что же сотворил «злодей» Борис? Да вот, приказал зарезать в мае 1591 года в Угличе восьмилетнего Дмитрия Ивановича, сына Грозного от седьмой жены, то есть незаконного по всем канонам Православной церкви. Ну и прозорлив был Борис, знал, что его сестра Ирина родит в 1592 году царю Федору не мальчика, а девочку Федосью, знал, что Федосья умрет в двухлетнем возрасте, знал, что детей у Федора с Ириной больше не будет, и т. п.

Ну а если все-таки царевича зарезали по указу Бориса? Неужто не нашлось других наследников престола? Ведь должны же были быть у Федора и Дмитрия двоюродные, троюродные, пусть пятиродные братья и сестры? Вон, через 100 лет потомство Павла I и Марии Федоровны состояло из двух десятков великих князей и еще трех или четырех десятков князей императорской крови. Почему-то об этом не думают не только читатели «Бориса Годунова», но и премудрые «пушкиноведа». Куда же у бедного царя Федора делись все родственники, может, в теплые края по вызову подались? Да не было у него ни близких, ни самых дальних родственников! Все московские цари и великие князья — Василий Темный, Иван III, Василий III и Иван Грозный — старательно вырезали всех своих родственников мужского пола, включая детей. Ну а женского пола — топили или травили, а иногда и в монастыре милостиво разрешали дни кончить. Кстати, законного царевича Дмитрия Ивановича по-

настоящему убили за 82 года до угличской драмы по приказу Василия III.

Великий князь всея Руси Иван III по ряду соображений приказал венчать на царство своего сына от первой жены Марии Тверской Ивана Молодого. И на одну половину всея Руси (вторая-то была под Литвой) у нас оказалось сразу два великих князя всея Руси. Ивану Молодому не удалось пережить отца и стать Иваном IV. Тогда Иван III повелел короновать его сына Дмитрия Ивановича. 4 февраля 1498 года Дмитрий Иванович торжественно венчался на царство, и опять стало два великих князя всея Руси. Но путем хитрой интриги после смерти Ивана III на престол взошел Василий III, сын Ивана III от второй жены Софии Палеолог. Законный же наследник, помазанник Божий Дмитрий Иванович был заключен в «тесное заточенье», то есть в каменный мешок. А в 1509 году ему немножко помогли уйти в мир иной.

Ну и что, у всех Иванов и Василиев мелькали «мальчики кровавые в глазах»? Если бы Годунов действительно приказал убить Дмитрия, то этим он только показал себя достойным преемником потомков Ивана Калиты. Борис Годунов воспитывался не в пансионе для благородных девиц, а с детских лет рос во дворце Ивана Грозного, и жена его была дочерью Малюты Скуратова.

Знал ли все это Александр Сергеевич? Ну если не все, то большую часть, безусловно, знал. И тем не менее вывел на сцену неврастеника Бориса. Что это — творческая фантазия, стремление понравиться широким слоям публики, обожающей подобные эффекты? Вполне допустимо. Но мог ли быть прототип Годунова, не реального, разумеется, а пушкинского? Был ли у нас царь с «кровавыми мальчиками в глазах»?

Петр I убил сына Алексея? Нет, он никогда не казался и был всегда уверен в непогрешимости своих поступков. Екатерина II отправила к праотцам в тече-

ние года сразу двух императоров — Петра III и Ивана VI, один из которых был ее мужем? Тоже нет, у этой дамы были крепкие нервы. Александр I? А вот тут стоп! 24-летний Александр I стал во главе заговора против своего отца. Александр лично не участвовал в царевичестве 11 марта 1801 года, но находился рядом, в Михайловском замке, и через несколько минут ему предъявили изуродованный до неузнаваемости труп отца. Непосредственно в зверском убийстве Павла участвовало не более дюжины офицеров, но при захвате замка их было не менее двухсот. Практически весь Петербург знал детали убийства императора, хотя официально было объявлено об апоплексическом ударе. Разумеется, в России писать об убийстве царя было строжайше запрещено. Но повсюду Александра ждали немые укоры — это портреты отца и встречи с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, которая никогда не простила сына. Свои помалкивали, чтобы не «махнуть до Нерчинска», а вот иностранцы...

На Первого консула Французской республики роялистами было совершено покушение. В ответ Наполеон Бонапарт распорядился схватить на нейтральной территории герцога Эгиенского, родственника Людовика XVI, судить военно-полевым судом и расстрелять.

Александр I направил Бонапарту гневный протест. Наполеон с юмором ответил, что если бы убийцы Павла находились на нейтральной территории вблизи русской границы и взвод русских драгун арестовал бы их, то правительство Французской республики ничего не имело бы против. Каково было читать ответ Александру, ежедневно видевшему царевича в Зимнем дворце?

В 1813 году в Германии к Александру подвели пленного французского генерала. Царь начал его распекал за негуманное ведение боевых действий.

Генерал громко ответил: «А я, между прочим, не убивал своего отца», за что и был отправлен в Сибирь. С 1820 года Александр ударился в мистику, подолгу проводил время с архимандритом Фотием, монахами и святошами. Наконец 18 ноября 1825 года Александр таинственно скончался в Таганроге. По мнению многих историков, его смерть была инсценировкой, а сам Александр начал вторую жизнь под именем странника Федора Кузьмича и дожил до 1864 года. Во всяком случае, когда в 30-х годах XX века в Петропавловской крепости была вскрыта гробница Александра I, она оказалась пустой. Вот вам и «Годунов», взошедший на престол ценой злодейского убийства, постоянно терзаемый муками совести, окруженный мистиками и монахами... «Да, жалок тот, в ком совесть нечиста».

О смерти Павла нельзя было писать даже эзоповым языком. Запретила же цензура строку «...умолк рев Норда сиповатый...». Современный читатель и не поймет намека, а вот цензоры — народ ушлый. Но тут поэту удалось и царя с кровавыми мальчиками в глазах показать, и «совсем не рассердить Богомольной важной дуры, слишком чопорной цензуры». Ради этого стоило так отретушировать царя Бориса Федоровича. Мы же попытаемся понять, кем был реальный исторический персонаж Борис Федорович Годунов.

Представители значительной части разбогатевших дворянских семейств в России любили приписывать себе родоначальников — знатных иностранцев. И если Романовы-Захарьины к началу XVII века еще не подыскивали иноземной родни Андрею Кобыле, то татарское происхождение Годуновых официально было записано в Родословной XV–XVII веков. Мало того, происхождению Годуновых было посвящено историческое произведение «Сказание о Чете». Согласно сказанию, в 1330 году татарский царевич

Чингизид Чет ехал из Орды в Москву к князю Ивану Калите. По пути Чет сделал остановку в одной версте от города Костромы на месте слияния реки Костромы с Волгой. Ночью царевичу привиделась Пресвятая Богородица с апостолом Филиппом и святым Ипатием Гангрским. Чет был так потрясен увиденным, что решил принять православие и основать на этом месте монастырь. При крещении Чет получил имя Захария², а основанную им обитель называли Ипатьево-Троицким мужским монастырем.

Сын Захарии-Чета Александр был убит в Костроме почти одновременно с основанием монастыря при невыясненных обстоятельствах. Внук же Чета Дмитрий Александрович Зерно стал ближним боярином московского князя Дмитрия Донского.

У Дмитрия Зерно было три сына: Иван, Константин и Дмитрий. Константин был бездетен, а у Ивана было три сына, из которых лишь два дали дальнейшее потомство. Это были Федор Сабур, основатель многочисленного рода Сабуровых, и Иван Годун, основатель рода Годуновых. Третий же сын Дмитрия Зерно, тоже Дмитрий, стал основателем рода Вельяминовых.

В советские времена все древние источники, связанные с религией, были объявлены вымышленными. Естественно, это коснулось и «Сказания о Чете». Некоторые историки, включая Р. Г. Скрынникова, утверждают, что «Сказание...» было в корыстных целях придумано монахами Ипатьевского монастыря, а на самом деле Годуновы, Сабуровы и Вельяминовы происходят из старинного рода костромских дворян. Скрынников называет Дмитрия Александровича Зерно «крупным костромским вотчинником, отец которого Александр был убит в Костроме в начале XIV века»³. Но как видим, Скрынников не называет имени отца Александра. Выговорить «Александр Захарьевич» он не может — это противоречит его концепции, а других вариантов у него нет.

В справочнике К. Рыжова «Все монархи мира» (М.: Вече, 1998) говорится, что Чета в Орде крестил митрополит Петр. Петр действительно приезжал в Орду в 1313 году к хану Узбеку, но откуда в справочнике взялся эпизод с крещением Чета — не ясно. По моему мнению, отрицать возможность «видения» Чету, то есть вариант «Сказания...», на сто процентов нельзя, поскольку в Средние века различные святые часто снились людям. Но вероятность этого ничтожна. Я же попробую логически реконструировать события. В начале XIV века в Москву приезжает на службу к Ивану Калите татарский царевич Чет — событие довольно ординарное для Московского княжества XIV–XV веков. Чет мог быть крещен в Орде в 1313 году, но скорей всего его крестил тот же митрополит Петр в Москве.

Со смертью в 1303 году бездетного костромского князя Бориса Андреевича Костромское княжество потеряло свою независимость и вошло в состав Владимирского княжества. В 1328 году московский князь Иван Калита получает из Орды ярлык на великое княжество Владимирское. В этом случае обязательно происходила смена администрации. Видимо, князь Дмитрий Иванович и послал в Кострому царевича Захарию-Чета. Как и положено, Захария отправился к новому месту службы с семейством. Возможно, основание Ипатьевского монастыря было связано с убийством сына Чета Александра. Но скорей всего строительство монастыря было начато по указанию из Москвы. Я неоднократно бывал в Ипатьевском монастыре и могу подтвердить, что место для него выбрано весьма удачно. Больше половины периметра стен монастыря окружено водой, сам монастырь стоит на естественном холме, и т. д. В XIV веке река Кострома была куда более полноводной, чем теперь. Ипатьевский монастырь контролировал устье реки Костромы, где шло интенсивное судоходство. Эта ре-

ка была единственной водной артерией, связывающей обильное соляными промыслами Галицкое княжество с Волгой.

Можно считать на 99,9% доказанным, что род Годуновых происходил от татарского царевича Чета. Лучшим доказательством этого служит молчание оппонентов Бориса в 1600–1605 годах о его происхождении. Какие только фантастические обвинения не предъявляли Годунову, а об этом молчали. А ведь вранье о происхождении рода издавна считалось на Руси большим бесчестьем и даже уголовным преступлением. Разумеется, что татарским происхождением Годунова ни Шуйский и никто другой попрекать не могли, ведь в XIII–XVI веках Чингизиды считались выше Рюриковичей.

Дети и внуки Дмитрия Зерно служили боярами у Василия I, особенно известен был бездетный боярин Константин Дмитриевич Шея (правнук Чета). Положение потомков Чета несколько ухудшилось в середине XV века в ходе тридцатилетней гражданской войны. Дело в том, что Михаил, сын Федора Сабур, поставил не на ту лошадку. Он пошел на службу к Дмитрию Шемяке, в 1447 году он одумался и перебежал к победителю. Василий Темный простил его, но Сабуровы и Годуновы были несколько отодвинуты от престола.

Праправнук Дмитрия Зерно окольный Константин Федорович Сверчок-Сабуров в 1505 году выдает свою дочь Соломонию замуж за Василия III. О Соломонии Сабуровой стоит рассказать поподробнее. И совсем не потому, что прадед Соломонии Федор Сабур и основатель фамилии Годуновых — Иван Годун — были родными братьями. Дело в том, что история Соломонии имеет прямое отношение к истории Смутного времени.

Брак Василия III и Соломонии был бесплодным долгих двадцать лет. Василий болезненно переживал

отсутствие наследника. Он горько жаловался приближенным на свою судьбу. Однажды на охоте Василий увидел большое гнездо на дереве и сказал: «Горе мне! На кого я похож? И на птиц небесных не похож, потому что и они плодовиты; и на зверей земных не похож, потому что и они плодовиты, и на воды не похож, потому что и воды плодовиты: волны их утешают, рыбы веселят». Взглянув на землю, сказал: «Господи! Не похож я и на землю, потому что и земля приносит плоды свои во всякое время, и благословляют они тебя, Господи!» Вскоре после этого он начал думать с боярами и с плачем говорил им: «Кому по мне царствовать на Русской земле и во всех городах моих и пределах? Братьям отдать? Но они и своих уделов устроить не умеют». На что бояре ответили: «Государь князь Великий! Неплодную смоковницу посекают и измещут из винограда».

Однако Василий III не решился сразу на развод с Соломонией. Великий князь обратился за советом к монахам Афонского монастыря в Греции. Следуя каноническим правилам, афонские монахи развод не одобрили. Зато решительным сторонником развода выступил московский митрополит Даниил. Горой стояла за развод московская служилая знать во главе с Захарьиными-Кошкиными. Все прекрасно понимали, что со смертью Василия III они окажутся в лучшем случае на вторых ролях. Ведь Василию должен был наследовать его брат удельный дмитровский князь Юрий Иванович, который, естественно, поставит на главные должности в Москве людей из своего дмитровского двора.

В конце 1525 года митрополиту и боярам удалось склонить Василия к разводу. 23 ноября власти начали «розыск о колдовстве» великой княгини Соломонии. Действительно, несчастная женщина обращалась к знахарям за помощью от бесплодия. Бояре заставили рынду⁴ Ивана Юрьевича Сабурова дать показания про-

тив сестры. Иван показал, что Соломония выписала из Рязани ворожею Степаниду и часто с ней общалась. Соломония и Степанида вместе прыскали волшебной заговорной водой «сорочку, и порты, и чехол, и иное, которое платье белое» великого князя, очевидно, чтобы вернуть его любовь.

Теперь Василий III имел основания предать жену церковному суду как ведьму. Но вместо этого он 29 ноября приказал увезти ее в девичий Рождественский монастырь на Трубе (на Рву), где ее принудительно подстригли в монахини под именем София. Соломония сопротивлялась до последнего, когда на нее надели монашеское одеяние, она сорвала его и растоптала. Тогда Шинюга Поджогин ударил ее плетью. Соломония не могла смириться со своей участью и распустила слух, что она беременна. В распространении этого слуха подозревали вдову Юрия Траханиотова и жену постельничего Якова Мансурова. Женщины утверждали, что слышали о беременности из уст самой Соломонии. Василий III в гневе избил Траханиотову, а свою бывшую жену немедленно удалил из столицы.

Соломония была заточена в Покровском девичьем монастыре в Суздале. Вскоре по Москве поползли слухи, что в Суздале у Соломонии родился сын Георгий. Гробница таинственного Георгия сохранилась в общей усыпальнице суздальского Покровского монастыря до 1934 года под видом гробницы Анастасии Шуйской, дочери царя Василия Ивановича, сосланной в монастырь вместе с матерью. В ходе археологических раскопок, проведенных в Покровском монастыре в 1934 году, в предполагаемом месте погребения Георгия в каменном гробике найдена кукла в одежде из шелковых древних тканей, завернутая в материю и опоясанная пояском с кисточками. Костей в гробике археологи не обнаружили. Реставраторы ткани по типичным для княжеской одежды золотым прошивам отнесли мальчиковую рубашку и другие обнаружен-

ные в гробике ткани к концу XVI века. Это же подтверждал и орнамент на надгробной плите. Полученные материалы доказали, что гробница не принадлежала Анастасии Шуйской. Но все это лишь косвенно подтверждает версию о рождении у Соломонии сына.

Тем не менее в XIX и XX веках ряд писателей и даже историков факт рождения Георгия считали бесспорным, мало того, утверждали, что у него был сын, который и стал Лжедмитрием I. Но об этом подробнее я расскажу после, а пока вернемся к Годуновым и Сабуровым. Сабуровы вторично породнились с родом Ивана Калиты, когда дочь боярина Бориса Юрьевича Сабурова⁵ Евдокия ненадолго стала женой наследника престола Ивана Ивановича. По приказу Ивана Грозного 4 ноября 1571 года она была пострижена в суздальский Покровский монастырь. Евдокия пережила Смутное время и умерла в 1620 году.

Как видим, потомки Чета в XIV–XVI веках так же, как и Кошкины-Захарьины, были близки к престолу. Другой вопрос, что им хронически не везло — то тридцатилетняя феодальная война, то дочери бесплодные.

Годуновы, младшая ветвь потомков Чета, почти не видны за боярами Сабуровыми. Историкам лишь известно, что Иван Годун, младший брат Федора Сабура, имел двух сыновей и десять внуков, а кроме того, много дочерей и внуков. Годуновы владели несколькими поместьями в районе Костромы, Новгорода Великого, Вязьмы и др. Никто из Годуновых не был членом Боярской думы, и лишь немногие получали командные воеводские чины.

Дед Бориса Годунова имел четырех сыновей — Ивана Чермного⁶, Федора Кривого, Дмитрия и Василия. Старший брат, Иван Чермный, успешно начал службу и в середине XVI века получил должность младшего воеводы в Смоленске. Но Иван рано умер, а его младшие братья так и не получили от царя Ива-

на воеводских назначений в первые полтора десятилетия своей службы.

В семье Федора Ивановича Кривого было трое детей — Василий, будущий царь Борис и будущая царица Ирина. Благодаря прозвищу Кривой мы знаем о физическом недостатке Федора Годунова. Судить о личных качествах этого человека не представляется возможным. Служебная карьера Федору явно не удалась. Незадолго до появления на свет Бориса московские власти составили списки «Тысячи лучших слуг», включавшие весь цвет тогдашнего дворянства. Ни Федор, ни его брат Дмитрий Иванович Годунов не попали в число «лучших дворян».

Федор Кривой умер рано. Трое детей стали сиротами. Братья Федор и Дмитрий Годуновы совместно владели небольшими вотчинами в Костроме и под Вязьмой. В жизни Бориса это обстоятельство сыграло особую роль. После смерти отца его взял в свою семью дядя. Не только родственные чувства и ранняя кончина собственных детей побудили Дмитрия Ивановича принять участие в судьбе племянника. Важно было не допустить раздела последнего родового имения.

Невысокое служебное положение, можно сказать, спасло Годуновых в годы опричного террора. Государство оказалось поделенным на опричнину и земщину. Царь Иван IV объявил Вязьму своим опричным владением, его подручные произвели там «перебор людишек». В присутствии особой комиссии каждый вяземский дворянин должен был дать показания о своем происхождении, родстве жены и дружеских связях. Родство с боярами, столь высоко ценившееся прежде, могло теперь погубить карьеру служилого человека. В опричный корпус зачислялись незнатные дворяне, они и получали все возможные привилегии. Прочих лишали их поместий и высылали из уезда. Судя по вяземским писцовым книгам, Дмитрий Годунов пережил все испытания и попал в

опричный корпус в момент его формирования. Дмитрий Иванович Годунов исправно служил в опричнине, но не лез в руководство. Свой первый думный чин он получил случайно, благодаря внезапной смерти царского постельничего В. Ф. Наумова. Иван Грозный назначил Д. И. Годунову «у постели быти», а затем «за саньями ходити» на свадьбе царя с Марфой Собакиной 25 октября 1571 года. Постельничий ведал «царской постелью», то есть гардеробом.

Постельничему подчинялись многочисленные дворцовые мастерские, в которых работали портные, скорняки, колпачники, «чеботники» и другие мастера. Постельничий приказ заботился не только о бытовых, но и о духовных нуждах царской семьи. В его штате было несколько десятков певчих, составлявших придворную капеллу.

Со времени введения опричнины Постельничий приказ сильно разросся. За его высшими служителями числилось более пяти тысяч четвертей поместной земли. Через руки постельничего проходили крупные суммы денег. На одно лишь жалованье служителям и мастерам приказ тратил до тысячи рублей в год.

Постельничий приказ заботился также о повседневной безопасности царской семьи. В годы опричнины эта функция приобрела особое значение. На 1573 год постельничему подчинялись постельные, комнатные, столовые и водочные сторожа, дворцовые истопники и прочая прислуга. В дворцовую стражу принимались только самые надежные и проверенные люди. Постельничий приказ отвечал за охрану царских покоев в ночное время. С вечера постельничий лично обходил внутренние дворцовые караулы, после чего укладывался с царем «в одном покою вместе».

Опричнина изменила значение важнейших дворцовых чинов. Теперь оружничий, постельничий и ясельничий не только заведовали соответствующими

дворцовыми приказами, но и заседали в думе, вели дипломатические переговоры, командовали полками и судили.

Поскольку Д. И. Годунов по должности должен был постоянно состоять при царской особе, он жил в царском дворце. Там же поселились и его малолетние племянники Борис и Ирина.

Точная дата рождения Бориса Годунова историкам неизвестна. Предполагают, что он родился около 1552 года. Ирина Годунова родилась в 1557 году и, таким образом, была ровесницей царю Федору. Позже противники царя Бориса распустят слухи о его малограмотности и даже неграмотности. Это не соответствует действительности. Достоверно известно, что Д. И. Годунов подарил монастырям несколько книг из своей библиотеки. Дядя обучил грамоте Бориса и Ирину. До нас дошли автографы Бориса, написанные аккуратным каллиграфическим почерком. Другой вопрос, что, взойдя на престол, Борис, подобно другим московским самодержцам, навсегда отложил перо. Первым нарушил этот вековой обычай лишь Лжедмитрий I, любивший собственноручно писать различные документы.

В 1570–1572 годах Борис Годунов назначен был рындой в свите царевича Ивана. 25 октября 1571 года Борис присутствовал на очередной свадьбе Ивана Грозного в качестве дружки царицы Марфы Собакиной. Любопытно, что другим дружкой был Малюта Скуратов, а свахами — жена Малюты и его дочь Мария.

Со вступлением Дмитрия Годунова на должность постельничего наметился союз с фактическим главой опричнины Малютой Скуратовым. Царский фаворит был нужен Годунову, а влиятельный постельничий не менее был нужен Малюте. Этот союз был укреплен браком Бориса Годунова и дочери Скуратова Марии. Родство с Малютой Скуратовым в некоторой мере помогло уцелеть Дмитрию Годунову во вре-

мя чисток 1571–1572 годов в опричнине, когда погибли почти все, кто был близок к царю: боярин Басманов, оружничий Вяземский, ясельничий Зайцев. Среди высших дворецких чинов уцелел один только Дмитрий Годунов.

Едва достигнув совершеннолетия, Борис Годунов получил свой первый придворный чин — стряпчего. Борис исполнял при дворе камергерские обязанности. По росписи придворных чинов в его обязанности входило: «Как государь разбирается и убирается, повинны [стряпчие] с постельничим платейцо у государя принимать и подавать». По ночам стряпчие дежурили на Постельном крыльце царского дворца.

На царской службе Годуновы и Сабуровы вступили в местнический конфликт с боярами Колычевыми. Богдан Сабуров добился того, что боярин Василий Умный-Колычев был «выдан ему головой». Однако Годуновы не уgomонились, пока Иван Грозный не приказал казнить Василия Умного-Колычева. Князь Борис Тулупов, потомок стародубских удельных князей, нанеся какое-то «бесчестье» Борису Годунову и за это был посажен царем на кол. На глазах мученика была убита и его мать Анна. Борис Годунов за «бесчестье» получил вотчину казненного Тулупова. Потом Годунов постарался избавиться от этого имения. Как только умер Иван Грозный, Борис Годунов с благословения царя Федора передал тулуповскую вотчину монастырю и наказал монахам молиться за погубленных бояр братьев Колычевых, Бориса Тулупова и его мать.

В ходе Ливонской войны в конце декабря 1572 года русские войска взяли крепость Вейсенштейн (Пайда) в Эстляндии. При штурме погиб Малюта Скуратов. Иван Грозный в отместку сжег на костре всех пленных шведов, а Скуратова велел торжественно похоронить в волоколамском Иосифо-Волоцком монастыре (в районе Волоколамска были его родовые владения). Таким образом, Годуновы лишились важ-

ного союзника, но зато смерть Малюты усилила расположение к ним царя.

Как уже говорилось, жизнь семейства Годуновых протекала в царских хоробах. Ирина росла на глазах Ивана Грозного. Более преданной родни царю было не сыскать, и 7 сентября 1580 года состоялась свадьба царевича Федора и Ирины. Любопытно, что месяц спустя, 6 октября, в московском Спасо-Преображенском соборе протопоп Никита венчал Ивана IV и Марию Нагую. Посаженным отцом жениха был его собственный сын — двадцатитрехлетний Федор, дружкой жениха был князь Василий Иванович Шуйский, а дружкой невесты — Борис Федорович Годунов. Таким образом, все участники свадебной церемонии позже побывали на царском престоле.

В 1580–1581 годах царь дает боярские чины Дмитрию и Борису Годуновым. В 30 лет получить чин боярина было лестно даже Рюриковичу, а ведь за Борисом никаких заслуг не числилось, кроме, разумеется, близости к царю. Даже двоюродный брат Бориса Степан Васильевич Годунов стал окольничим.

После свадьбы Иван Грозный выделил царевичу Федору большое удельное княжество, по размерам превосходящее многие европейские государства и включавшее города Суздаль, Ярославль и Кострому со многими волостями и селами. Это удельное княжество фактически перешло под контроль Годуновых.

С начала 70-х годов XVI века происходит резкое увеличение земельных владений Дмитрия и Бориса Годуновых. Часть земель была пожалована им царем, часть была куплена у других землевладельцев. Так, царь пожаловал Дмитрию Годунову дворцовые бортные села Ижевск и Киструсь в Рязанском уезде, вотчины Путилово и Беседы в Московском уезде и т. д. Дмитрий скупил вотчины во Владимирском и Дмитровском уездах. Каким-то образом ему же досталась

Совьюжская волость в Солигалицком уезде, что дало Годунову огромные доходы от продажи соли.

Борис получил в приданое от Малюты Скуратова большую вотчину в Малоярославском уезде. Борис покупает у Третьяковых село Хорошово под Москвой, затем покупает несколько сел в Тверском и Бежецком районах. Каким-то образом Борис приобретает вотчину Горетево в Московском уезде и т. д. Богатыми землевладельцами стали и троюродные братья Бориса — Григорий, Степан и Иван Васильевичи Годуновы.

Как видим, при Иване Грозном Годуновы успешно делали карьеру и богатели, что резко контрастировало с жизнью других знатных родов. Вся страна трепетала от террора психически нездорового царя.

Весной 1579 года царь Иван тяжело заболел. Не надеясь на выздоровление, он вызвал в Александровскую слободу бояр и высшее духовенство и объявил своим преемником старшего сына царевича Ивана. Он увещевал присутствующих верно служить будущему государю. Двор двадцатипятилетнего наследника сразу стал центром большой политической игры. Но надежды бояр на перемены вскоре рассеялись — царь выздоровел. Отношения старшего Ивана с младшим еще более ухудшились.

В начале 1581 года в Польшу бежал Давид Бельский, который рассказал королю Стефану, что царь Иван «не любит старшего сына и нередко бьет его палкой».

К этому времени царевич Иван имел уже третью жену. Первый раз Иван женился в 18 лет на Евдокии Юрьевне Сабуровой. Через три года Иван Грозный сосватал сыну новую жену — Параскеву Михайловну Соловую, а Евдокия была отправлена в монастырь. Вскоре в монастыре оказалась и Параскева. До нас не дошли ни поводы, ни истинные причины двух разводов царевича, но в любом случае они произош-

ли если не по принуждению, то по крайней мере с согласия отца. Третьей женой царевича стала Елена Шереметева — отдаленная родственница Захарьиных-Кошкиных.

9 ноября 1581 года Иван Грозный убивает своего сына Ивана. Ссора отца с сыном произошла из-за Елены Шереметевой. По одной версии, царь застал ее не вполне одетой, пришел в ярость и отмолотил беременную сноху посохом. По другой — царь не желал иметь наследника престола от Шереметевой, и недостаточное число одежд на ней (три вместо семи) было лишь поводом к расправе. Царевич заступился за жену и был тяжело ранен в голову жезлом отца. В последнем сходятся и папский посол А. Поссевино, и англичанин Джером Горсей, находившийся в Александровской слободе в день убийства. На следующую ночь Елена родила мертвого ребенка, царевич же прожил еще одиннадцать дней. Иван Грозный плакал о сыне и даже отказался от запланированной поездки в Москву. Он ждал его выздоровления.

19 ноября царевич Иван был похоронен в Архангельском соборе московского Кремля. Царь несколько дней был безутешен — плакал и молился. Ведь царь убил не только сына, он убил единственного законного и дееспособного наследника престола. Один удар царского посоха покончил с династией Рюриковичей и кардинально изменил историю России.

От первой жены Анастасии Романовны Грозный имел двух сыновей — Ивана и слабоумного Федора. От последующих пяти жен — Марии Темрюковны, Марфы Собакиной, Анны Колтовской, Марии Долгоруковой и Анны Васильчиковой Иван IV детей не имел⁷.

19 октября 1583 года Мария Нагая родила царю сына Дмитрия. Однако царя Мария ни нагая, ни одетая давно уже не интересовала. Еще в августе 1582 года царь отправляет в Англию дворянина Федора Писемского, чтобы начать дело о сватовстве

племянницы английской королевы Елизаветы I Марии Гастингс. Послу было велено сказать королеве: «Ты бы, сестра наша любительная, Елисавета королевна, ту свою племянницу нашему послу Федору показать велела и парсону б ее (портрет) к нам прислала на доске и на бумаге для того: будет она пригодится к нашему государскому чину, то мы с тобою королевною то дело станем делать, как будет пригоже». Писемский должен был взять портрет и меру роста, рассмотреть хорошенько, дородна ли невеста, бела или смугла, узнать, сколько ей лет, как приходится королеве в родстве, кто ее отец, есть ли у нее братья и сестры. Если скажут, что царь Иван женат, то отвечать: «Государь наш по многим государствам посылал, чтоб по себе приискать невесту, да не случилось, и государь взял за себя в своем государстве боярскую дочь не по себе; и если королевнина племянница дородна и такого великого дела достойна, то государь наш, свою отставя, сговорит за королевнину племянницу».

По ряду причин сватовство затянулось, и Писемскому показали невесту в саду только в мае 1583 года. Затем Писемский вернулся в Россию вместе с английским послом Боусом.

Рождение Дмитрия никак не сказалось на марьяжных хлопотах Ивана. Другой вопрос, что Боус имел и другие поручения королевы — посредничество в заключение мира с Польшей и Швецией, получение новых льгот английским торговым компаниям и т. д. Англичане пытались увязать эти вопросы со сватовством Марии Гастингс. В связи с этим Иван Васильевич в начале марта 1584 года решил свататься к шведской принцессе. Благо, 29 июля 1583 года со Швецией был заключен Плюсский мирный договор. С этой целью в Стокгольм к королю Юхану III был послан князь Василий Шуйский. Но боярин не проехал и ста верст, как его нагнал посол с вестью, что жених преставился.

В конце февраля 1584 года здоровье царя резко ухудшилось. По словам очевидцев, тело его сильно распухло, началось какое-то внутреннее гниение, царя переносили по дворцу в креслах.

Существует легенда, по которой Богдан Бельский разыскал где-то на севере вещей колдуний, которые предсказали смерть царя на 18 марта 1584 года. Но 18 марта в полдень Иван, наоборот, почувствовал облегчение и приказал Бельскому идти к колдуньям и узнать о предзнаменовании созвездий, ибо предсказанный ими день его смерти уже наступил, а царь жив и даже весел. «Скажи им, — наказывал Иван Бельскому, — что если они соврали, то я их сегодня же велю сжечь живьем или же живыми зарю в землю». Бельский передал слова царя колдуньям, и старшая из них ответила: «Не сердись, господин. Ты ведь знаешь, что день кончается, когда сядет солнце».

В 2 часа пополудни Иван приказал нести себя в банию, а в 7 часов его вынесли оттуда, посвежевшего и окрепшего. Он сел на постель и позвал своего любимца, ближнего дворянина Родиона Петровича Биркина, чтобы сыграть с ним в шахматы. За этой партией следили несколько слуг и приближенные царя — Борис Годунов, Богдан Бельский, резидент английской «Московской компании» Д. Горсей и лейб-медик Эйлоф. Внезапно царь повалился навзничь и, не приходя в сознание, умер. Над уже мертвым Иваном был совершен обряд пострижения в монахи. Царь Иван Грозный превратился в смиренного инока Иону. По православному канонам монаху в момент пострига прощаются все прежние грехи, а отвечает перед Богом он лишь за новые грехи, совершенные после пострига.

Существует много легенд, что царь Иван умер не своей смертью, а был убит. Объединяет все эти легенды одно — среди убийц всегда оказывался Борис Годунов. В превосходной в художественном отношении и столь же безграмотной в историческом отношении

пьесе А. К. Толстого Годунов убивает царя морально — говорит дерзкие речи и нагло смотрит на него. Популярный историк Вольдемар Баязин утверждает, что Грозный был задушен Борисом Годуновым и Богданом Бельским. В качестве единственного доказательства своей версии Баязин указывает на то, что им обоим было выгодно убить царя⁸. Есть версии, что та же «сладкая парочка» Борис и Богдан отравили царя⁹ и т. д. Но все эти легенды появились лишь спустя несколько лет после смерти Ивана IV, когда против Годунова будет развязана невиданная по масштабам психологическая война. Первой «жертвой» Годунова станет Иван Грозный, за ним последует царевич Дмитрий, убиенный по приказу Бориса. Борис де отравит целую семью — двухлетнюю царевну Федосью, ее отца царя Федора Иоанновича, а позже и царицу Ирину. Перетравив всю царскую семью, неутомимый Годунов примется за свою собственную и отравит жениха своей дочери Ксении датского принца Иоанна. Кто и зачем организовал такую чудовищную ложь — мы узнаем из последующих глав. А пока умер величайший тиран российской истории.

Законным наследником Ивана Грозного был его двадцатисемилетний сын Федор. Однако умственные способности и склад характера Федора явно не соответствовали функциям российского самодержца. Поэтому Иван Грозный якобы перед смертью создал опекунский совет, который должен был управлять страной от имени царя Федора. Я говорю «якобы», поскольку завещание Ивана Грозного не только не сохранилось, но и его точный текст неизвестен историкам. Говоря о завещании царя Ивана, наши историки обычно ссылаются на сообщения иностранцев.

Через несколько месяцев после смерти Ивана IV его личный лекарь послал в Польшу сообщение о том, что царь назначил четырех регентов — Никиту Романова-Юрьева, Ивана Мстиславского и еще двоих бояр.

Английский посол Джером Горсей в одном случае говорит о четверых боярах-регентах, в другом — о пяти. Горсей утверждал, что главным правителем Грозный назначил Бориса Годунова, а в помощники ему определил Ивана Мстиславского, Ивана Шуйского, Никиту Романова и Богдана Бельского. Австрийский посол Николай Варкоч писал: «Покойный великий князь Иван Васильевич перед своей кончиной составил душевное завещание, в котором он назначил некоторых господ своими душеприказчиками и исполнителями своей воли. Но в означенном завещании он ни словом не упомянул Бориса Федоровича Годунова, родного брата нынешней великой княгини, и не назначил ему никакой должности, что того очень задело в душе».

На основании сведений иностранцев историки сами составили список членов регентского совета — как кому нравится. К примеру, Р. Г. Скрынников действует методом исключения и отдает предпочтение Богдану Бельскому, вычеркивая из списка регентов Бориса Годунова.

На мой взгляд, спорна сама версия создания Иваном IV регентского совета. Обстоятельства внезапной смерти Грозного полностью исключают возможность составления завещания в последние часы его жизни. Если же завещание было составлено заранее, то какой был смысл его хранить в тайне? Торжественное объявление царем списка регентского совета придавало бы совету легитимность.

Да и в самом совете как мог царь Иван сажать рядом Ивана Петровича Шуйского с хитрым Богданом Яковлевичем Бельским? Бельский был опричником, затем состоял при дворе царя, но он даже не имел придворного звания. Окольничим он стал при царе Федоре, а боярином — при Лжедмитрии I.

Если действительно Борис Годунов не был включен в регентский совет, то почему его противники не использовали этот важный козырь в борьбе против

Годунова ни в 1584 году, ни в последующие двадцать лет? Предъявили бы народу подлинное завещание Грозного или рассказали бы, как и при каких обстоятельствах Годунов уничтожил его. Можно привести еще множество аргументов в пользу того, что никакого завещания Грозного не существовало и в помине.

Буквально через несколько минут после смерти царя Ивана уже никто не вспоминал о «завещании» или о каких-либо других бумагах, а все ближние бояре начали действовать силой. Немедленно ворота Кремля были заперты, а его гарнизон поднят по тревоге. Шуйские объединились с Годуновыми и Романовыми и обвинили в измене семейство Нагих — родственников царевича Дмитрия по матери. В ночь после смерти царя все Нагие и их родственники были заключены под стражу. Через несколько дней царевич Дмитрий, его мать и часть Нагих были отправлены в Углич, остальных Нагих отправили в ссылку в разные города.

Богдан Бельский попытался организовать контрпереворот в пользу малолетнего Дмитрия. Богдан ввел в Кремль несколько стрелецких сотен и пообещал им «великое жалованье» и привилегии, если они не будут слушаться бояр, а станут подчиняться только ему. А тем временем бояре, разъехавшиеся по домам обедать, узнали о происшедшем. Никита Романов и Иван Мстиславский вернулись в Кремль с большой толпой вооруженных дворян и холопов. Стрельцы отказались открыть ворота вооруженной толпе, но через калитку пропустили одних бояр. Тогда боярская дворня попыталась взять ворота силой. На шум стал собираться народ, стрельцы схватились за оружие.

Среди москвичей разнесся слух, что Богдан Бельский со своими приспешниками извел царя Ивана, а теперь хочет побить бояр, известить царя Федора и сам сесть на царский престол. Московские мещане и ратные люди собрались к Кремлю. Руководство толпой

приняли рязанские дворяне — Ляпуновы, Кикины и др. Москвичи захватили пушки, стоявшие на Красной площади, и подтащили их к Фроловским (Спасским) воротам. Засевшие в Кремле стрельцы открыли огонь из пищалей, толпа также ответила огнем. В ходе перестрелки было убито около двадцати человек и ранено до ста человек.

Бельский струсил и выпустил из Кремля бояр Ивана Федоровича Мстиславского, Никиту Романовича Романова-Юрьева и двоих дьяков — братьев Щелкаловых. Увидев бояр, толпа заревела: «Выдайте нам Богдана Бельского: он хочет известить царский корень и боярские роды». Тогда бояре объявили, что царь Федор приказал сослать Богдана Бельского в Нижний Новгород. Действительно, Богдан был отправлен в Нижний, правда, не как преступник, а на воеводство. Стрельцы покинули Кремль, успокоились и бунтовавшие москвичи.

Тем не менее обстановка в столице оставалась весьма беспокойной. По словам летописца, «пришли изо всех городов в Москву именитые люди и молили со слезами царевича Федора, чтоб был на Московском государстве царем и венчался царским венцом». Это очень любопытно — зачем явились именитые люди в Москву? В столь опасном положении Боярская дума сочла необходимым призвать в Москву «лучших людей» со всей страны, чтобы решить вопрос, кому быть царем — совершеннолетнему, но неспособному править Федору или младенцу Дмитрию. Горсей сообщает, что собор состоялся 4 мая 1584 года в присутствии митрополита, архиепископов, епископов, игуменов и всего дворянства. До нас дошли сообщения современников иностранцев Пертея и Горсея о соборе в Москве. Англичанин Горсей даже сравнивал собор с английским парламентом.

Собор практически единогласно избрал Федора Ивановича на царство. 31 мая 1584 года Федор тор-

жественно венчался на царство «по греческим обычаям». Долгая церемония утомила его. Не дождавшись конца коронации, Федор передал шапку Мономаха боярину Мстиславскому, а державу (тяжелое золотое яблоко) — Борису Годунову. Этот в принципе незначительный эпизод произвел гнетущее впечатление на всех присутствовавших.

Царь Федор мало походил на своего отца. Он был небольшого роста, приземист, одутловат, имел нетвердую походку. С его лица не сходила блаженная улыбка. Федор был крайне набожен. Ежедневно он подолгу молился, любил сам звонить на колокольне. Раз в неделю царь отправлялся на богомолье в близкие монастыри. Набожность у Федора сочеталась с любовью к диким забавам и кровавым потехам. Федор буквально упивался зрелищем кулачного и в особенности медвежьего боя. На его глазах вооруженный рогатиной охотник отбивался, как мог, от медведя в круге, обнесенном стеной, из которого некуда было бежать. Потеха редко обходилась без крови. Кроткий царь Федор периодически бил палкой ближних бояр, доставалось и шурина Борису.

Положительно отзывался о Федоре лишь патриарх Иов, который видел в нем разумного политика и образец государя. Все остальные современники и особенно иностранцы были беспощадны к новому царю. Английский посол Флетчер писал: «Царь прост и слабоумен... мало способен к делам политическим и до крайности суеверен». Папский нунций Поссевино писал об идиотизме царя, граничащем с безумием. Польский посол Лев Сапега, вернувшись из Москвы, заявил на сейме: «Напрасно говорят, что у этого государя мало рассудка: я убедился, что он вовсе лишен его».

При царе Федоре постепенно стал исчезать страх, вызванный террором его отца. По этому случаю дьяк Иван Тимофеев записал: «Бояре долго не могли поверить, что царя Ивана нет более в живых, когда же

они поняли, что это не во сне, а действительно случилось, через малое время многие из первых благородных вельмож, чьи пути были сомнительны, помазав благоухающим мирром свои седины, с гордостью оделись великолепно и, как молодые, начали поступать по своей воле. Как орлы, они с этим обновлением и временной переменной вновь переживали свою юность и, пренебрегая оставшимся после царя сыном Федором, считали, как будто и нет его...»

Перед коронацией началась жестокая борьба сильнейших кланов (родов) за награды и пожалования, которыми обычно сопровождалось восшествие на престол великих князей московских. Больше всех прилепился Борис Годунов. Федор возвел шурина в чин конюшего, то есть сделал старшим боярином. В 1565 году царь Иван казнил последнего конюшего — князя А. Б. Горбатого-Шуйского — и упразднил этот чин. Восстановление чина конюшего и назначение 32-летнего боярина означало укрепление позиций клана Годуновых. В начале мая 1584 года боярином и дворецким стал Григорий Васильевич Годунов. 31 мая получили боярство Степан и Иван Васильевичи Годуновы. В июне 1584 года и в апреле 1586 года Иван Васильевич Годунов упоминается как «боярин и дворецкий казанский и нижегородский и наместник рязанский». Таким образом, уже к лету 1584 года в Боярской думе было пять бояр Годуновых, трое из которых занимали особые дворцовые должности.

Дума продолжала пополняться сторонниками клана Годуновых. Князья Хворостины всегда были на хорошем счету у Годуновых. В первый же год царствования царя Федора окольный князь Д. И. Хворостин получил чин боярина, а его брат Ф. И. Хворостин, занимавший должность дворецкого, стал окольным. К началу 1585 года боярами становятся князья Никита и Тимофей Романовичи Трубецкие, которые были также сторонниками Годуновых. К но-

ябрю 1585 года чин думного дворянина получил Андрей Петрович Клешнин — человек, преданный Борису Годунову. В 1584 году чин окольничего получил князь Петр Семенович Лобанов-Ростовский, приближенный Годуновых. В 1585 году боярином становится свояк Бориса Годунова, родовитый и богатый князь Иван Михайлович Глинский.

Однако с воцарением Федора существенно усилился и клан Шуйских. Перед коронацией боярство получил Василий Иванович Шуйский. К апрелю 1585 года боярином стал Александр Иванович Шуйский, а в начале следующего года — Дмитрий Иванович Шуйский.

В 1584–1585 годах в Боярской думе оказалось и много сторонников Шуйских. Так, в 1584 году из окольничих в бояре попал Ф. В. Шереметев, а окольничим и царским казначеем стал В. В. Головин.

Коронация Федора дает клану Романовых гораздо меньше, чем Годуновым и Шуйским. К сентябрю 1584 года боярство получает князь Федор Михайлович Троекуров, сын которого Иван был женат на Анне Никитичне Юрьевой-Захарьиной. К февралю 1585 года боярином стал князь Иван Васильевич Сицкий, женатый на Евфимии Никитичне Юрьевой-Захарьиной. Одновременно с ним стал боярином князь Федор Дмитриевич Шастунов, женатый на Фетинье Даниловне Захарьиной-Юрьевой.

Сразу после смерти Ивана Грозного возникает союз между Годуновыми и Романовыми-Захарьиными. Союз этот был вынужденным. И те, и другие были родственниками царя Федора по женской линии, и для обоих кланов стало бы катастрофой воцарение Дмитрия и приход к власти Богдана Бельского и шайки наглых и жадных Нагих.

После коронации Федора и ссылки Нагих и Бельского союз Годуновых и Романовых-Захарьиных не только не распался, а наоборот, укрепился в борьбе с

кланом Шуйских. Оба семейства были «плебеями» перед «принцами крови», как Шуйских называли в Польше. Был тут и субъективный фактор. Никита Романович стал уже стар и серьезно болел. В августе 1584 года Никита окончательно слег в постель и не мог выполнять свои служебные обязанности. Сыновья Никиты Романовича были еще сравнительно молоды и не имели пока большого политического веса.

Современники сходятся во мнении, что Никита Романович осенью 1584 года сам искал дружбы Бориса Годунова и вверил ему своих совсем еще молодых сыновей. Троицкий монах Авраамий Палицын, очевидец событий, утверждал, что Годунов обещал Никите Романовичу «соблюсти» его семью. Автор «Сказания о Филарете Романове», использовавший семейные предания Романовых, авторитетно подтвердил слова Авраама Палицына. Согласно «Сказанию...», Борис Годунов проявил любовь к детям Романова и дал страшную клятву, что всегда будет почитать их за братьев. В конце 1585 года Никита Романович постригся в монахи под именем Нифонта и скончался 23 апреля 1586 года.

Годуновы и Романовы постепенно стали оттеснять Шуйских от ведения государственных дел. Это хорошо заметно в дипломатии. Так, боярин Ф. М. Троекуров трижды (осенью 1584 года, летом 1586 года и летом 1587 года) отправляется послом в Польшу. Летом 1586 года русские послы по указанию Бориса Годунова собирали в Польше сведения о связях Шуйских с «изменником» М. И. Головиным. В апреле 1586 года Борис Годунов отказал польскому послу М. Гарабурде в аудиенции «всех бояр» и назначил вести переговоры доверенных лиц — «ближней думы» бояр И. В. Годунова, князя И. В. Сицкого и «ближних» дьяков Щелкаловых и Е. Д. Вылузгина.

Во внутренних делах наибольшую остроту приобрела борьба за Казенный приказ — центральное фи-

нансовое ведомство государства. Обычно владеть царской казной назначались два казначея, которые контролировали друг друга. Опираясь на поддержку бояр, главный казначей Петр Иванович Головин добился того, что вторым казначеем был назначен его родственник Владимир Головин. Более века Головины из поколения в поколение служили главными казначеями при московских государях. Но теперь, при царе Федоре, они распоряжались государственной казной бесконтрольно. Казенный приказ оказался вотчиной сторонников Мстиславского и Шуйского. Петр Иванович Головин имел большое влияние в Боярской думе. Показателем его положения служит его роль в коронации Федора, когда он нес перед царем шапку Мономаха.

Осенью 1584 года Борис Годунов предложил Боярской думе провести ревизию царской казны. Под нажимом Годуновых и Романовых-Захарьиных дума вынуждена была начать ревизию. Проверка наличности выявила огромные хищения. Петр Иванович Головин был приговорен Боярской думой к смертной казни. Но и Годуновы, и Романовы-Захарьины прекрасно понимали, что Русь устала от террора Ивана Грозного, и публичная казнь знатного боярина вызовет у народа нежелательные ассоциации. Поэтому Петра Головина вывели на Лобное место и передали в руки палача, который сорвал с него одежду и занес топор над головой. Но в этот момент была зачитана царская грамота о помиловании осужденного и ссылке его в Арзамас.

По дороге в Арзамас П. И. Головин был убит. Подробности его смерти до нас не дошли, но судя по всему, дело не обошлось без Бориса Годунова. Во всяком случае, известно, что позже Годунов сделал вклад в московский Симонов Успенский монастырь «по Петру Головину». В. В. Головин также был привлечен к суду, лишен чина окольничего и сослан. Брат казначея Михаил Иванович Головин бежал в Литву.

В опалу попал и окольничий И. П. Головин. В Сибири и казанских пригородах на воеводствах (фактически в ссылке) оказались и другие члены рода Головиных — Василий Петрович, Владимир Петрович, Иван Васильевич, Никита Петрович, Петр Петрович Меньшой, Федор Васильевич Головины. Они вернулись в Москву только при Лжедмитрии I.

Противники Годуновых и Романовых-Захарьиных попытались устроить переворот. Шуйские, Воротынские и Колычевы начинают уговаривать престарелого князя Ивана Федоровича Мстиславского принять участие в убийстве Бориса Годунова. Мстиславский поначалу отказывается, он слаб и нерешителен, да и Борис Годунов всегда хорошо к нему относился. Мало того, Борис публично назвал себя сыном Ивана Федоровича, разумеется, имея в виду покровительство, а не кровное родство. Но через некоторое время Мстиславский дал себя уговорить. Бориса должны были убить на пиру у Мстиславского. Однако заговор был открыт. Но публичного суда не было. И. Ф. Мстиславский был очень популярен, а Годуновы и Романовы еще слишком слабы, чтобы устраивать показательные процессы без риска нежелательных последствий. В итоге состоялось тайное соглашение, по которому И. Ф. Мстиславский был обязан постричься в монахи.

23 июня 1585 года князь Мстиславский приехал в Соловецкий монастырь, но ему там, видимо, не понравилось, и он отправился на Белоозеро. В Кирилло-Белозерском монастыре И. Ф. Мстиславский постригся и стал старцем Ионой. В обмен на пострижение Годуновы и Романовы позволили его сыну Федору Ивановичу Мстиславскому занять в Боярской думе место отца и сохранить все родовые вотчины.

В 1585 году — начале 1586 года опалам подверглись князья А. П. Куракин, И. М. Воротынский и В. Ю. Голицын. Не пострадали только Шуйские, хо-

тя их руководящая роль в борьбе с Годуновыми была очевидна.

В 1585 году положение в столице было крайне нестабильным. Об этом свидетельствует и передача Борисом Годуновым Троице-Сергиеву монастырю фантастической по тем временам суммы — тысячи рублей. Этот вклад должен был обеспечить будущее семьи Годуновых в случае победы их врагов. Весной 1586 года Шуйские попытались прийти к власти с помощью мятежа. На подкуп московских купцов и «черных людей» были потрачены крупные суммы. Шуйские распускали самые нелепые слухи. Так, например, Борису Годунову приписывалось намерение свергнуть с престола Федора и посадить на царский трон католика — австрийского принца, женив его на царице Ирине. Борис Годунов, в свою очередь, передал большие суммы начальникам всех стрелецких полков.

В те времена в Московском государстве, как и через 500 лет при большевиках, тщательно скрывались все народные восстания. Поэтому о бунте московского населения в мае 1586 года никаких официальных документов не сохранилось. Мало того, в конце 1586 года русские послы в Польше и Австрии категорически опровергали слухи о том, что царь Федор в «Кремле-городе в осаде сидел». Они говорили: «Того не бывало, то некто сказывал негораздо, бездельник. От ково, от мужиков в осаде сидеть? А сторожи в городе и по воротам, то не ново, издавна так ведетца для всякого береженья». Послы нагло ввали, как, впрочем, и положено дипломатам. Расходные книги Чудова монастыря засвидетельствовали факт осады Кремля с полной неопровержимостью. В середине мая 1586 года монастырь закупал боеприпасы «для осадного времени». Как видим, монастырские служки и холопы в дни осады охраняли кремлевские стены вместе с верными Годуновым стрельцами.

Поднимать население на восстание — дело крайне опасное, особенно когда зачинщики восстания стремятся не к радикальным переменам, а к простой смене правителей. Это еще раз показал московский бунт 1586 года — чернь вышла из-под контроля Шуйских. Уничтожение клана Годуновых и, возможно, Романовых могло произойти только ценой большой крови и полного разгрома стрельцов. А что потом? Смогли бы в случае победы Шуйские обуздать московскую чернь? Однозначных ответов на эти вопросы у Шуйских, видимо, не было, и они решили заключить мир с Борисом Годуновым. Роль посредника взял на себя митрополит Дионисий. В нашей исторической литературе его принято называть сторонником Шуйских. На самом же деле Дионисий был хитрым и чрезвычайно честолюбивым человеком. Его поведение свидетельствует о том, что он не желал полной победы ни Шуйским, ни Годуновым. А сторону тех и других Дионисий принимал исключительно из тактических соображений. Он вел свою борьбу за власть. Заметим, у него было много шансов на успех. Дионисий мечтал стать наставником и фактическим правителем при набожном царе Федоре. В Средние века отмечены десятки случаев, когда глава церкви становился главой светской власти при неспособном правителе.

С помощью Дионисия стороны быстро достигли компромисса. Князь Иван Петрович Шуйский вышел к восставшим и заявил, что Шуйские помирились с Годуновыми. Из толпы вышли два купца и сказали князю: «Помирились вы нашими головами: и вам от Бориса пропасть, и нам погибнуть». В ту же ночь эти два купца были схвачены.

Какое-то время условия соглашения между Годуновыми и Шуйскими более-менее выполнялись обеими сторонами. А тем временем Шуйские готовили страшный удар Борису — развод царя Федора с Ириной. (У Федора и Ирины не было детей, хотя царица

неоднократно беременела, но каждый раз случались выкидыши.)

Вскоре представители земства вместе с митрополитом явились во дворец и подали царю Федору прошение, «чтобы он, государь, чадородия ради второй брак принял, а первую свою царицу отпустил во иноческий чин». Прощение это было равнозначно соборному приговору: его подписали князь Иван Шуйский и ряд членов Боярской думы, митрополит Дионисий, епископы и вожди посада — гости и торговые люди.

Шуйские недооценили характер Федора. Еще в последние годы жизни Иван Грозный пытался заставить Федора развестись, но каждый раз наталкивался на решительное сопротивление. Применить же крайние меры после убийства царевича Ивана Грозный не решался. Сейчас же развода требовал не свирепый царь-отец, а подданные. Заметим, что хотя Федор не любил лезть в государственные дела и доверял это ближним боярам, но при этом никогда не считал их равными себе. Царь категорически отверг идею развода. Кроме того, красноречивому Борису удалось перетащить на свою сторону митрополита Дионисия. Вопрос о разводе царя был снят.

Настал черед и Годунову нанести ответный удар. Шуйских он решил оставить напоследок, а пока надо было свергнуть церковную верхушку. 13 октября 1586 года по приказу царя митрополит Дионисий был лишен сана. Борис Годунов довольно мягко обошелся с честолюбивым митрополитом. Дионисия сослали в новгородский Спасский Хутынский монастырь, игуменом которого он был до своего назначения на митрополию. Его ближайшего сподвижника Сарайского и Крутицкого епископа Варлаама Пушкина отправили в Антониев монастырь в Новгороде. Опальные церковники получили возможность продолжать свои «беседы» в тиши и уединении. Место Дионисия на митрополичьей кафедре занял Иов.

Согласно «Истории патриарха Иова», в апреле 1569 года Иван Грозный посетил Успенский монастырь, стоявший на берегу Волги напротив города Старицы. Царь обратил внимание на молодого монаха Иова — воспитанника архимандрита Германа. Был он красив, имел приятный голос, проникновенно читал наизусть Писание и произносил слова молитв столь трогательно, что Грозный царь со своими опричниками плакали в умилении... Царь повелел произвести Иова в архимандриты.

Родители Иова были простыми посадскими людьми, так что путь к светской карьере их сыну был закрыт. Но успехи в церковной карьере зависели гораздо больше от личных качеств человека, нежели от его происхождения. Вспомним, к примеру, что Никон и Аввакум были из одной деревни.

В 1571 году Иов становится архимандритом московского Симонова Успенского монастыря, а через четыре года — архимандритом более престижного Новоспасского монастыря. 16 апреля 1581 года Иов был рукоположен в сан епископа Коломенского. По свидетельствам современников, Иов имел достаточно хорошее образование, но был человеком посредственным. Такие люди навсегда задерживаются на средних ступенях служебной лестницы, являются хорошими исполнителями, но мало подходят на роль главных действующих лиц.

9 января 1586 года, в разгар борьбы с Шуйскими, по велению Годунова Иова перевели из Коломны в Ростов и назначили архиепископом Ростовским, Ярославским и Белозерским. Пробыв архиепископом менее года, Иов уже 11 декабря 1586 года занял митрополичью кафедру.

В середине декабря 1586 года Шуйские вновь организовали мятеж московских горожан. О подробностях мятежа официальные летописцы молчат. Но любопытно донесение витебского воеводы польскому

королю, отправленное в конце декабря. Воевода писал, что мятеж горожан в Москве возглавил Андрей Иванович Шуйский. Восставшие якобы напали на двор Годуновых и разгромили его. При штурме двора был убит сам Борис и 800 человек его сторонников. На самом деле штурм годуновского подворья не удался и сам мятеж был подавлен.

Расправа над побежденными на сей раз была жестче. Купец Федор Нагай и шесть купцов — сторонников Шуйских — были публично казнены у Кремлевской стены. Десятки торговых людей разослали по разным городам «на житье». Князя Шуйские были отправлены в ссылку в свои вотчины. Но в начале 1587 года Борис Годунов приказал взять под стражу Шуйских. Князя Ивана Петровича Шуйского схватили по дороге, когда он ехал в свою суздальскую вотчину. Иван Петрович под караулом был отправлен на Белоозеро. Там его постригли в монахи под именем Иова. 16 ноября 1588 года старец Иов преставился, причем недруги Годунова утверждали, что его удавили по приказу Бориса. Пока ни современникам, ни историкам не приходило в голову обвинить Бориса в глупости или патологической жестокости. Так зачем же ему понадобилось убивать весьма популярного в народе человека, героя обороны Пскова, который, став монахом, уже не мог участвовать в политической борьбе, даже если бы ему удалось бежать из монастыря?

Князь Андрей Иванович Шуйский был отправлен в Каргополь, где через полгода скончался при невыясненных обстоятельствах. Естественно, и его смерть приписали козням Бориса.

В города Галич и Шую были сосланы братья Василий, Дмитрий, Александр и Иван Ивановичи Шуйские. Опалы непосредственно не затронули В. Ф. Скопина-Шуйского, который находился «на жалованьи в Каргополе» и не принимал участия в мятеже 1586 года.

По отдаленным городам были разосланы и сторонники Шуйских. Так, князя И. А. Татеева сослали в Астрахань, И. Ф. Крюк-Колычева — в Нижний Новгород и т. д. На время из столицы был удален и свояк Шуйских князь Д. А. Ногтев-Суздальский. Его ссылка была почетной — он стал воеводой в Свияжске.

Сторонник Шуйских боярин Ф. В. Шереметев не подвергся опале вместе с Шуйскими и сохранил боярский чин. Но в 1589–1590 годах, видимо, не без связи с делом Шуйских он был вынужден постричься в монахи.

Разгромив клан Шуйских, Борис дал ясно понять князьям Рюриковичам, что им и их сторонникам нечего и мечтать о престоле.

Управление Россией из коллегиального, как это было в 1584–1585 годах, постепенно переходит в единоличное правление Бориса Годунова. Естественно, это сказывается и на богатстве рода Годуновых. В 1584–1586 годах царь Федор жалует Борису и его родне десять вотчин. Отметим лишь пожалование в 1586 году Бориса большой северной волостью Вага.

Англичанин Горсей писал в 1589 году, что годовой доход Годуновых составляет 175 тысяч рублей и они могли выставить в поле сто тысяч воинов. Цифры эти несколько преувеличены, но они показывают, по крайней мере, порядок богатства Годуновых.

Еще в 1586 году Борису Годунову пришла в голову мысль учредить патриаршество на Руси. Не будем спорить, чего больше хотел достичь Борис — величия России или усиления своей власти. С началом царствования Федора Борис не отделяет свои интересы от интересов России. Позднейшие историки, в значительной своей части настроенные враждебно к Годунову, не найдут ни одного поступка боярина, а затем и царя Бориса, совершенного в личных целях и шедшего вразрез с интересами государства.

26 января 1589 года константинопольский патриарх Иеремия возвел Иова на московский патриарший престол. За это Иеремии из царской казны отвалили небывало большую сумму на построение новой патриаршей резиденции и нового собора в Константинополе.

Не забывал Борис заручиться и поддержкой среднего духовенства. Семейство Годуновых давало огромные вклады, по тысячи и более рублей, в Троице-Сергиев, Соловецкий, Кирилло-Белозерский, Иосифо-Волоколамский монастыри. Таким образом, церковь в целом безоговорочно поддерживала Бориса.

15 мая 1591 года в Угличе погиб царевич Дмитрий. Это событие стало прологом к Великой смуте начала XVII столетия. Уже много столетий историки спорят о причинах смерти Дмитрия. Рассматриваются три основные версии.

Согласно первой версии царевич Дмитрий был зарезан убийцами, нанятыми Борисом Годуновым. По второй — он зарезался сам в припадке эпилепсии, по третьей — семейство Нагих заранее узнало об опасности, грозящей Дмитрию, и заменило царевича другим мальчиком.

Начнем с последней версии. В маленьком Угличе чуть ли не все горожане знали в лицо царевича. Читателю нет нужды напоминать, что представители знати всегда занимали привилегированное положение в церквях на службах, во всевозможных церковных и светских шествиях, праздниках и т. п. Наконец, как могли обознаться многочисленные мамки, няньки, мальчишки — товарищи по играм, служилые дворяне, представители городской администрации, видевшие труп младенца? А следственная комиссия из Москвы? Они что, тоже не осматривали труп убитого?

Бредовость третьей версии очевидна. Мало того, что реализация ее была технически невозможна, даже идея подмены не могла прийти в головы Нагих. И

дело не в том, что это семейство отличала скудность истинных способностей. Предположим, у Нагих нашлись умнейшие советники, так разве они не продумали бы последствий подмены? Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что после убийства подставного ребенка последует ссылка или заточение Нагих. А как потом доказать, что царевич истинный? Ведь тогда московские правители могли без проблем объявить его самозванцем и посадить на стол без лишних разговоров.

Оппоненты могут возразить: мол, в 1605 году вся Россия поверила в чудесное спасение царевича Дмитрия. По сему поводу хорошо сказал современник, польский канцлер Ян Замойский: «Зарезали и не посмотрели кого, это что, Плавтова комедия?» А через два века Пушкин напишет:

...Ни король, ни папа, ни вельможи
Не думают о правде слов моих.
Димитрий я иль нет — что им за дело?
Но я предлог раздоров и войны.

К словам поэта можно добавить, что до «правды слов» самозванца не было дела ни московским боярам, ни обнищавшим дворянам южных городов, ни купцам и, само собой, ни холопам, мечтавшим избавиться от кабалы и вдоволь пограбить. Были, естественно, и люди, искренне верившие в чудесное избавление царевича, но и сейчас, в начале XXI века, имеется значительный контингент людей, готовых верить в плачущие иконы, в инопланетян, в оживление мамонтов, найденных в Сибири, и т. д.

Несколько более правдоподобна первая версия об убийстве царевича. Согласно ей злодей Годунов замышлял убить Дмитрия. Тут мы предоставим слово историку С. М. Соловьеву: «Сначала хотели отравить Дмитрия: давали ему яд в пищу и питье, но понапрасну. Тогда Борис призвал родственников своих,

Годуновых, людей близких, окольного Клепнина и других и объявил им, что отравой действовать нельзя, надобно употребить другие средства. Один из Годуновых, Григорий Васильевич, не хотел дать своего согласия на злое дело, и его больше не призывали на совет и чуждались. Другие советники Борисовы выбрали двух людей, по их мнению, способных на дело, — Владимира Загряжского и Никифора Чепчугова; но они отреклись. Борис был в большом горе, что дело не дается; его утешил Клепнин: «Не печалься, — говорил он ему, — у меня много родных и друзей, желание твое будет исполнено». И точно, Клепнин отыскал человека, который взялся исполнить дело: то был дьяк Михайла Битяговский. С Битяговским отправили в Углич сына его Данилу, племянника Никиту Качалова, сына мамки Димитриевой, Осипа Волохова; этим людям поручено было заведывать всем в городе. Царица Марья заметила враждебные замыслы Битяговского с товарищами и стала беречь царевича, никуда от себя из хором не отпускала. Но 15 мая, в полдень, она почему-то осталась в хоромах, и мамка Волохова, бывшая в заговоре, повела ребенка на двор, куда сошла за ними и кормилица, напрасно уговаривавшая мамку не водить ребенка. На крыльце уже дожидались убийцы; Осип Волохов, взявши Димитрия за руку, сказал: «Это у тебя, государь, новое ожерельице?» Ребенок поднял голову и отвечал: «Нет, старое». В эту минуту сверкнул нож; но убийца кольнул только в шею, не успев захватить гортани, и убежал; Димитрий упал, кормилица пала на него, чтобы защитить, и начала кричать: тогда Данила Битяговский с Качаловым, избивши ее до полу-смерти, отняли у нее ребенка и дорезали. Тут выбежала мать и начала кричать. На дворе не было никого, все родственники ее разошлись по домам; но соборный пономарь, видевший с колокольни убийство, заперся и начал бить в колокол; народ сбежался на

двор и, узнавши о преступлении, умертвил старого Битяговского и троих убийц; всего погибло 12 человек. Тело Димитрия положили в гроб и вынесли в соборную церковь Преображения, а к царю послали гонца с вестию об убийстве брата. Гонца привели к Борису; тот велел взять у него грамоту, написал другую, что Димитрий сам зарезался, по небрежению Нагих, и велел эту грамоту подать царю: Федор долго плакал. Для сыску про дело и для погребения Димитрия посланы были в Углич князь Василий Иванович Шуйский, окольный Андрей Клепнин, дьяк Влизар Вылузгин и крутицкий митрополит Геласий. Посланные осмотрели тело, погребли его и стали расспрашивать угличан, как, по небрежению Нагих, закололся царевич? Им отвечали, что царевич был убит своими рабами — Битяговским с товарищами — по приказанию Бориса Годунова и его советников. Но, приехавши в Москву, Шуйский с товарищами сказали царю, что Димитрий закололся сам. Нагих привезли в Москву и пытали крепко; у пытки был сам Годунов с боярами и Клепниным; но с пытки Нагие говорили, что царевич убит. Царицу Марью постригли в монахини и заточили в Выксинскую пустынь за Белоозеро; Нагих всех разослали по городам, по тюрьмам; угличан — одних казнили смертью, иным резали языки, рассылали по тюрьмам, много людей свезли в Сибирь и населили ими город Пелым, и с того времени Углич запустел¹⁰.

Итак, если верить этой версии, Борис Годунов вовлек в заговор не менее двадцати человек, причем заранее было ясно, что кто бы ни убил Димитрия, подозрение падет именно на них. Их допросят с пристрастием, и они расскажут все, что знают. То есть заранее было ясно, что скрыть преступление не удастся. Причем заметим, что Борис в 1591 году не был неограниченным диктатором. Он был правителем в государстве, главой которого все-таки оставался царь Федор. Сторонники

Годуновых имели сильное влияние в Боярской думе, но не составляли и трети ее состава. Союзники Годуновых Романовы, равно как и другие бояре, рады были бы любому поводу, чтобы свалить Бориса. А тут организация убийства царевича!

Но тут Годунова спасают Нагие. Во все времена лиц, покушавшихся на владетельных особ, любой ценой старались взять живыми для допроса. А тут убивают безоружных несопротивляющихся людей. А братья Нагие, которые вроде бы больше всех должны быть заинтересованы найти организаторов преступления, приказывают убить простых исполнителей, то есть спрятать концы в воду. XVI век — жестокий век, а Нагие не такие люди, чтобы дать легко умереть своим врагам. Если был у Нагих было хоть малейшее основание считать Битяговского с компанией убийцами, почему бы их не пытать — и компромат можно получить, и мучениями врагов насладиться. Итак, предположив, что Дмитрий действительно убит Битяговским и компанией, мы неизбежно приходим к выводу, что братья Нагие искусно заматали следы. Это — абсурд.

Примитивная версия убийства Дмитрия по приказу Годунова уже 150 лет эксплуатируется драматургами и художниками. Тут и пушкинский «Борис Годунов»; «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис» А. К. Толстого, вплоть до современных картин Ильи Глазунова. Зарезанный царевич и терзаемый муками раскаяния убийца — тема, щекочущая нервы обывателя.

Если верить рассказам противников Годунова, в России с 1584 по 1603 год никто из знатных людей не умер своей смертью. Все они, от Ивана Грозного до Ирины, вдовы царя Федора, были убиты Борисом Годуновым.

Маститым ученым не приходит в голову, что в 1591 году Годунову не было необходимости идти на

необычайные меры, ведь царю Федору было всего 34 года. Вспомним, что у деда Федора Василия III наследник родился в 55 лет, а второй сын — в 57 лет. В том же году царица Ирина забеременела. Но, увы, в 1592 году родилась девочка Федосья, да и та прожила всего два года. Любопытно, что в смерти племянницы враги также обвинили Годунова.

Но предположим, Борису приспичило покончить с Дмитрием. Так надо ли было выдумывать опереточное убийство? Не проще было бы обратиться к традиционным методам Московского государства, которыми пользовались Василий II, Иван III, Василий III и Иван IV? Нагих обвинили бы в государственной измене, в колдовстве и т. п., отдалили бы от них Дмитрия и поместили бы его в надежное место под опеку надежных людей. А там он через несколько месяцев тихо отдал бы Богу душу, как это делали многие детишки удельных князей, включая маленьких детей. Причем в каждом таком случае никаких народных возмущений не наблюдалось.

Отсюда наиболее правдоподобной представляется вторая версия о самоубийстве царевича. Дело в том, что Дмитрий страдал эпилепсией. Как позже утверждали многочисленные свидетели, «и прежде того... на нем [царевиче] была ж та болезнь по месяцам беспрестанно». Сильный припадок был у Дмитрия за месяц до его смерти. Как показала мамка Волохова, перед «великим днем» Дмитрий в припадке «объел руки Ондрееве дочке Нагова, одва у него... отнели». Андрей Нагой также подтвердил это, сказав, что царевич «ныне в великое говенье у дочери его руки переел», и раньше «руки едал» и у него, и у жильцов, и у постельниц: царевича «как станут держать, и он в те поры ест в нецывенье, за что попадетца». То же показала и вдова Битяговского: «...Множды бывало, как ево [Дмитрия] станут бити тот ведут и станут ево держати Ондрей Нагой и корми-

лицы и боярони и он... им руки кусал или за что ухватит зубом, то отъест».

Последний приступ эпилепсии у Дмитрия продолжался уже несколько дней. Начался он во вторник, к четвергу царевичу «маленко стало полехче» и мать взяла его к обедне, а потом отпустила на двор погулять. По показаниям мамки, в субботу Дмитрий во второй раз вышел на прогулку, и тут у него начался новый приступ.

Отметим и еще одну важную деталь. Дмитрий обожал играть ножами и игрушечными саблями. «Ну и что? — спросит читатель. — Все мальчишки любят оружие». Да, но наши дети играют пластмассовыми или деревянными сабельками, и даже взрослый человек, повесивший настоящую саблю на стену, по нашим совково-демократическим законам рискует угодить на несколько лет в тюрьму. В Средние же века дети феодалов с малых лет играли настоящим оружием. В европейских музеях имеются десятки или даже сотни образцов детских доспехов и детского по размеру и весу, но отлично заточенного оружия — ножей, стилетов, сабель, боевых топоров и т. п. Кстати, в X–XVII веках довольно часто проводились турниры и даже поединки детей в возрасте 8–12 лет, причем смертельные исходы таких поединков считались ординарным событием.

У Дмитрия с малых лет было предрасположение к жестокости. Он очень любил смотреть, как резали быков или баранов. Однажды зимой, играя со своими сверстниками, царевич велел слепить двадцать «снежных баб» и, дав им имена московских бояр Годуновых, Романовых и других, с криком «Вот что вам будет, когда я буду царствовать!» разбил им головы саблей. Любимой забавой малыша было, ловко орудуя сабелькой или маленькой железной палицей, убивать кур и гусей.

15 мая царевич вместе с другими детьми играл в «тычку». Правила игры несложные — надо взять за острие лезвием вверх нож и метнуть в очерченный на земле круг. Внезапно с Дмитрием, державшим нож, случился приступ эпилепсии — «падучей болезни». Мальчик упал на нож и уколол горло. На шее непосредственно под кожным покровом находятся сонная артерия и ярёмная вена. При повреждении любого из этих сосудов смертельный исход неизбежен. Не исключен был и другой вариант — известно много случаев, когда больной во время приступов эпилепсии («эпилептических сумерек») кидался с ножом на близких или предпринимал попытку суицида. Произошла заурядная бытовая драма, подобные случаи сейчас не попадают на страницы даже «бульварной» прессы.

Естественно, что очевидцы не смогли определить, в какой момент царевич ранил себя — при падении или когда бился в конвульсиях на земле. Достоверно знали лишь одно — Дмитрий ранил себя в горло. Отсюда и разноречивые показания. Мальчишки говорили, что Дмитрий «набросился на нож», а мамка Василиса Волохова утверждала, что «бросило его о землю, и тут царевич сам себя поколол в горло». Кроме них смерть царевича издали видел стряпчий Семейка Юдин. Он не разглядел деталей, но подтвердил, что царевич закололся сам.

На крик прибежала мать — царица Марья. Она не стала слушать объяснения Волоховой, а схватила полено и стала бить ее, приговаривая, что Дмитрия зарезали Василисин сын Осип вместе с Данилой Битяговским и Никитой Качаловым. Потом царица велела своему брату Григорию Нагому бить Василису, и тот забил ее до полусмерти. Странно, царица Марья трапезничала, ничего не видела, а увидев тело сына, сразу назвала имена трех убийц. Откуда такая информация? Тогда зачем она оставила сына под прищипком матери предполагаемого убийцы?

Увы, все дело обстоит гораздо проще. По прибытии в Углич семейство Нагих стало обирать город. Для пресечения злоупотреблениями Боярская дума направила в Углич свою администрацию, во главе которой стоял дьяк Михайла Битяговский. Семейство Нагих утратило право бесконтрольно распоряжаться доходами со своего удела и стало получать деньги «на обиход» из царской казны. Это, естественно, навлекло на дьяка ненависть семейства Нагих. Позже уцелевшие чины администрации заявили следственной комиссии, что Михаил Нагой постоянно «прашивал сверх государева указа денег из казны», а Битяговский «ему отказывал», в результате чего между ними вспыхивали частые ссоры. Последняя стычка между Битяговским и Нагим произошла утром 15 мая. Понятно, что при виде окровавленного сына Марья инстинктивно произнесла имена ненавистного дьяка и его родни, добавив к ним мамку Волохову, не углядевшую за ребенком.

Мария Нагая приказала церковному сторожу Максиму Кузнецову ударить в колокола в церкви Спаса. Набат поднял на ноги весь город. Вокруг мертвого царевича собралась толпа. Через некоторое время появились и дядья царевича Михаил и Григорий Нагие. Оба брата были навеселе, причем Михаил плохо закусил, ибо потом свидетели показывали, что он «мертв пьян был».

В момент гибели Дмитрия его «убийцы» Битяговские всей семьей обедали у себя дома. Мало того, за столом с ними сидел поп Богдан, который был духовником Григория Накого. На следствии Богдан из всех сил выгораживал царицу и ее братьев. Но он простосердечно подтвердил перед комиссией Шуйского, что когда ударили в набат, был в доме Битяговских и сидел за одним столом с дьяком и его сыном. Так что у Битяговских было стопроцентное алиби. Услышав набат, Михайла Битяговский выскочил

за стола, сел на коня и поскакал в кремль. Там он сидел толпу, избивавшую Василису Волохову и ее сына Осипа. Битяговский прикрикнул на толпу, а затем принялся уговаривать Накого, чтобы «он, Михайла, унял шум и дурна которого не зделал».

Предположим на секунду, что Битяговский, пусть не участник убийства, но осведомлен о заговоре. Зачем тогда ему останавливать самосуд? Забьют о смерти Волоховых, и концы в воду. Я уж не говорю, что Михайла Битяговский мог бы в день убийства оказаться в отъезде — на охоте или на ревизии окрестных сел. Битяговский с Качаловым не дали разъяренной толпе забить Волоховых до смерти, чем окончательно взбесили Марию Нагую и ее братьев. Нагие натравили толпу на Битяговских. Те вынуждены были бежать и укрылись в главном административном здании Углича — Дьячьей избе. Однако чернь взяла штурмом Дьячью избу, убила дьяка, его сына и несколько холопов Битяговских. Но Нагим этого показалось мало, и они направили толпу на разгром подворья Битяговских. Подворье было разграблено, убийцы «питье из погреба в бочках выпив, и бочки кололи». Девять лошадей из конюшни Битяговских перевели на конюшню Нагих. Жену Михайлы Битяговского «ободрав, нагу и простоволосу поволокли» с детьми к кремлю. Туда же привели и Осипа Волохова, которого отыскиали в доме Битяговских.

В самый разгар событий в кремль прибыли архимандрит Феодорит и игумен Савватий. В тот день они оба служили обедню в одном монастыре. Феодорит и Савватий попытались остановить самосуд. Они «ухватили» жену Битяговского с дочерьми «и отняли их от убити не дали». Феодорит и Савватий видели в церкви рядом с телом царевича «за столпом» Осипа Волохова, сильно израненного. Но они не смогли, а скорее всего не захотели спасти Осипа. Зато Василису Волохова отчаянно боролась за жизнь сына. Она

просила Марию Нагую «дати ей сыск праведной». Но царица была неумолима. Едва только Савватий и Феодорит вышли из церкви, она выдала Осипа на расправу толпе, сказав: «То деи убоица царевича». Обратим внимание, что убийство Осипа Волохова произошло через несколько часов после того, как Марья Нагая увидела труп сына. И за это время ни она, ни ее братья не задумались о том, чтобы учинить «сыск праведной». А ведь Осип по версии Нагих и был убийцей царевича. Если бы Осип убил Дмитрия, то его ожидали бы жесточайшие пытки, а затем мучительная казнь. Это было прекрасно известно как Марье Нагой, так и Василисе Волоховой. Если бы Осип был убийцей, то мать обрекала на дикие муки не только его, но и саму себя. В Средние века известны десятки случаев, когда матери подкупали палачей или других людей, чтобы те быстро убили их сына и тем самым избавили его от квалифицированной казни. А тут все наоборот — концы в воду прячет Мария Нагая с братцами.

Позже противники Годунова будут утверждать, что Василису Волохову направил в Углич Борис Годунов. Это подхватят падкие до сенсаций писатели. Вспомним драму А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович». На самом же деле Волохова много лет служила «постельницей» при Иване Грозном — ведала бельем в царской опочивальне. Она пользовалась полным доверием подозрительного царя. После смерти Грозного Василиса осталась при его вдове. Уже в Угличе Василиса выдала свою дочь замуж за Никиту Качалова, племянника ненавистного царице дьяка Михайлы Битяговского. Мария Нагая сочла это предательством, и Василиса из любимицы превратилась в предмет ненависти царицы.

Всего 15 мая по приказу Нагих толпа линчевала пятнадцать человек. Трупы их были брошены в ров у стен угличского кремля. На третий день в Углич

должна была прибыть следственная комиссия из Москвы. Лишь теперь до Нагих дошло, что за убийства придется отвечать. Ночью накануне приезда комиссии Михаил Нагой и его сторонник в администрации приказчик Русин Раков решили сфабриковать улики, свидетельствовавшие о виновности убитых. В этом им помогали слуга Григория Нагого Борис Афанасьев и холоп Михаила Нагого Тимофей. В частности, Тимофей принес живую курицу и зарезал ее. Кровью курицы были измазаны несколько длинных ногайских ножей и железных палиц, которые Русин Раков отнес в ров и положил на трупы Битяговских и их сторонников. На следующий день будет указано, что во рву были обнаружены Михаил Битяговский с ножом, Никита Качалов с ножом, Осип Волохов с палицей, Данила Третьяков с саблей, боевой холоп Михаила Битяговского Павел с самопалом и т. д.

Руководить следствием в Угличе Боярская дума, а не один Борис Годунов, назначила Василия Ивановича Шуйского. К этому времени он был возвращен из ссылки и занял свое место в думе. Позже ряд историков и особенно писателей будет утверждать, что-де Шуйский стал зависимым клиентом, чуть ли не агентом Годунова. На самом деле Василий Иванович Шуйский был самым хитрым и изворотливым из бояр Шуйских. Ни о какой рабской зависимости Василия Шуйского от Годунова не могло быть и речи. Хотя с братьев Василия Шуйского и не была снята опала, они сохранили большинство своих вотчин. Богатейшими вотчинниками и членами думы оставались Скопины-Шуйские, которых опала вообще не коснулась. В такой ситуации расправа Годунова над руководителем следственной комиссии Василием Шуйским могла стоить Борису головы.

От церковных властей в состав комиссии вошел митрополит Крутицкий Геласий. Заметим, что Годунова безоговорочно поддерживал патриарх Иов, но в

церковных верхах по-прежнему была сильна оппозиция Годуновым. Мы увидим, что она сохранится, даже когда Борис станет царем. Никому из противников Годуновых не пришлось в голову обвинять Геласия в прислужничестве Борису.

Важную роль в комиссии играли окольный Андрей Петрович Клепнин и думный дьяк Елизар Вылузгин. Клепнин действительно поддерживал хорошие отношения с Годуновым, но что гораздо более важно, он был зятем Михаила Нагого. Елизар Вылузгин заведовал Поместным приказом и среди приказных чиновников занимал одно из первых мест. В Угличе он имел в своем распоряжении штат подъячих, на которых и лежала вся практическая организация следствия. Члены комиссии принадлежали к различным придворным группировкам. Все они шпионили друг за другом, пристально следили за всеми действиями своих «коллег», чтобы использовать в своих интересах любую малейшую их оплошность. Таким образом, утверждение, что-де все члены комиссии были приверженцами Годунова, является досужим вымыслом.

Ряд историков XIX века, пристрастно относившихся к Годунову, выступал с утверждением, что дошедшее до нас следственное дело о смерти царевича представляет собой подделку. Сразу же бросались в глаза следы поспешной обработки «углицкого дела». Кто-то разрезал и переклеивал листы, придавая им неправильный порядок. Начало вообще исчезло.

Реконструировать следственное дело взялся его издатель В. К. Клейн. Он обратил внимание на ржавые пятна, покрывавшие многие страницы. Пятна были различной величины, но имели одинаковую конфигурацию. Это дало основание Клейну предположить, что документ пострадал от влаги еще в то время, когда хранился в архиве свернутым в свиток. Больше всего пострадали наружные листы, ближе к центру размер

пятен уменьшался, а внутренние листы были и вовсе чистыми, так как влага туда не проникла. Учитывая размеры пятен, Клейн уложил разрезанные листы в нужном порядке, и сразу появился связный и полный текст. Отсутствовали лишь первые листы, которые, очевидно, намокли больше всего и затем просто отвалились. В Средние века на Руси принято было рукописи скатывать в свитки, и последние листы оказывались наружными. В «углицком деле» почему-то, наоборот, наружными были первые листы. Это и неудивительно. Ведь чтобы прочесть свиток, его надо было перемотать, чтобы начало оказалось снаружи. И в архивах рукописи всегда хранились уже подготовленными для чтения, то есть перемотанными. Это и объясняет, почему подмокли именно первые листы, а не последние. Во времена царствования Петра I архивы перешли на новую систему хранения документов. Большие и неудобные для чтения свитки архивариусы перекомпоновывали в тетради. Они-то и разрезали угличское дело на отдельные листы, которые потом оказались перепутанными.

Есть мнение, что сохранившееся угличское дело — это беловик, составленный в Москве канцелярией Бориса Годунова, а черновики допросов, написанные в Угличе, не дошли до наших дней. Палеографическое исследование рукописи опровергает эту версию. «Угличское дело» написано многими писцами, можно выделить шесть основных почерков писцов. Кроме того, в тексте документа имеется не менее двадцати подписей свидетелей из Углича. Все подписи строго индивидуализированы и отражают степень грамотности писавших. Не могли же все эти свидетели приехать из Углича в Москву, чтобы подписать беловик.

По прибытии в Углич комиссия подробно опросила сотни людей. Первым делом члены комиссии тщательно осмотрели трупы царевича Димитрия и жертв самосуда Нагих. Естественно, ни у кого не возникло

и тени сомнения, что погиб именно царевич Дмитрий, а не какой-то другой мальчик. Отпевание царевича вел лично митрополит Геласий в присутствии других членов комиссии.

Окровавленные ножи и палицы на трупах Битяговских с товарищами, естественно, не смогли обмануть комиссию. Мало того, приказчик Русин Раков струсил и рассказал Василию Шуйскому, как в ночь перед приездом комиссии по приказу Нагих он отнес в ров и бросил на трупы измазанное куриной кровью оружие. Михаил Нагой не хотел в этом сознаваться, но был изобличен. На очной ставке с Раковым холоп Нагого Тимофей подтвердил показания приказчика и рассказал, что сам принес курицу и зарезал ее в чулане. Григорий Нагой не стал заператься, а сразу признался, что взял ногайский нож у себя дома, а также принимал участие в изготовлении других «улик». Допрос главных свидетелей окончательно разрушил версию о преднамеренном убийстве царевича Дмитрия.

Трагедия произошла ясным солнечным днем на глазах у многих людей. Комиссии не составило труда установить все имена непосредственных свидетелей происшедшего. Василию Шуйскому давали показания мамка Волохова, кормилица Арина Тучкова, постельница Мария Колобова и четыре мальчика, игравшие с царевичем в «тычку». Самое большое значение следователи придавали показаниям мальчиков, так как те ближе всего находились к царевичу. Следователи дважды сформулировали один и тот же вопрос, чтобы добиться точного ответа. Сперва они спросили: «Хто в те поры за царевичем были?» Мальчики ответили, что «были за царевичем в те поры только они четыре человека, да кормилица, да постельница». После этого члены комиссии спросили прямо в лоб: Осип Волохов и Данило Битяговский «в те поры за царевичем были ли?» Все четыре мальчи-

ка ответили отрицательно. Мальчики точно и живо описали, что произошло на их глазах: «Играл-де царевич в «тычку» ножиком с ними на заднем дворе и пришла на него болезнь — падучей недуг — и набросился на нож». Может быть, мальчики сочинили всю эту историю о припадке царевича в угоду Шуйскому, не испугавшись гнева своей государыни — Марии Нагой? Это опровергается показаниями взрослых свидетелей.

Трое дворцовых служителей Марии Нагой — подключники Ларионов, Иванов и Гнидин — дали следующие показания: когда царица села обедать, они стояли «вверху за поставцом, ажно деи бежит в верх жилец Петрушка Колобов, а говорит: тепился деи царевич с нами на дворе в «тычку» ножом и пришла деи на него немочь падучая, да в ту пору, как ево било, покололся ножом, сам и оттого и умер». Петрушка Колобов был старшим из четверых мальчиков, игравших с царевичем. Он повторил следственной комиссии то, что сказал подключникам через несколько минут после смерти царевича.

Показания Петрушки Колобова и остальных мальчиков подтвердили Мария Колобова, мамка Волохова и кормилица Арина Тучкова. Кормилица особенно убивалась о царевиче. В присутствии царицы Марии и Василия Шуйского она назвала себя виновницей несчастья: «Она того не уберегла, как пришла на царевича болезнь черная... и он ножом покололся...» Кормилица была любимицей царицы Марии. Не ее, а Василису Волохову царица была поленом над трупом сына, хотя обе были виноваты одинаково, обе недосмотрели за ребенком.

Смерть царевича своими глазами видели семь человек. Позже отыскался и восьмой свидетель. На допросе приказного Протопопова следователи установили, что он впервые услышал о смерти царевича от ключника Тулубеева, причем ключник рассказал о

происшествия со всеми подробностями. Вызвали Тубеева. Он сослался на стряпчего Юдина. Им устроили очную ставку, и дело сразу прояснилось. В полдень 15 мая Юдин стоял в верхних покоях «у поставца» и смотрел в окно, как мальчишки играют в «тычку». Трагедия произошла на его глазах. По словам Юдина, царевич играл во дворе в «тычку» и накололся на нож, и Юдин сам это видел. Потом он рассказал все увиденное своим приятелям. Но он знал, что царица Мария настаивала на убийстве, и поэтому счел благоразумным уклониться от дачи показаний.

Показания всех главных свидетелей «угличского дела» совпадают по существу, но индивидуальны по словесному выражению. Это доказывает их достоверность. Совсем другое впечатление вызывают показания второстепенных свидетелей, которых оказалось более сотни. Уж очень их показания стереотипны. Если несколько лиц пользуются одними и теми же оборотами, то сразу же возникает подозрение в ложности их показаний. Но появление штампов в следственном деле также можно объяснить. Допрос основных свидетелей, видевших трагедию собственными глазами, позволил нарисовать достаточно точную картину происшедшего. Остальные же свидетели знали о смерти царевича с чужих слов и не могли добавить ничего нового. Эти второстепенные свидетели в основном были дворовыми людьми — неграмотными, некультурными и косноязычными. Чтобы добиться от них вразумительных ответов, надо было потратить уйму времени. Но времени было мало, и поэтому члены комиссии фиксировали ответы второстепенных свидетелей с помощью стереотипа, заключенного в самом вопросе. В те времена в приказной практике такой прием использовался очень часто.

Ряд историков утверждает, что все свидетельские показания были получены под действием угроз. Факт жестоких преследований жителей Углича засвиде-

тельствован многими источниками. Но репрессии на самом деле имели место не в дни работы следственной комиссии Шуйского, а много месяцев спустя. Комиссия же не преследовала своих свидетелей. Исключение составил лишь один случай, зафиксированный в следственных материалах. «У распросу на дворе перед князем Василием» слуга Битяговского «изымал» царицына конюха и обвинил его в краже вещей дьяка Битяговского. Эти обвинения подтвердились, и конюха с сыном взяли под стражу. На том и закончились все репрессии угличан в дни следствия.

Нарисованная следствием картина гибели царевича Дмитрия была на редкость полна и достоверна. Расследование практически не оставило места для неясных вопросов.

Наши историки традиционно опускают факт осмотра комиссией тела убитого царевича. А между прочим, члены комиссии сразу же по прибытии в Углич 19 мая первым делом отправились в Спасо-Преображенский собор. Их сопровождала мать, родные царевича и «все добрые граждане». Нагие подсутились и подложили к телу Дмитрия окровавленный нож. Василий Шуйский лично, в присутствии десятков людей, собравшихся в соборе, брезгливо отложив нож в сторону, внимательно рассматривал лицо ребенка, а затем его рану на гортани.

В субботу 22 мая в Спасо-Преображенском соборе митрополит Геласий совершил отпевание и со всеми подобающими царевичу почестями предал его тело погребению в этом же храме, который еще в удельное время служил усыпальницей угличских князей.

Обратим внимание: труп ребенка восемь дней лежал на открытом воздухе, а это по новому стилю с 25 мая по 1 июня, причем по данным следственного дела погода была теплая. Риторический вопрос: что будет с трупом за восемь дней? Теперь предположим, что тело царевича пусть не благоухало, но по

крайней мере не воняло. Это, естественно, должно было заинтересовать и Геласия, и местное духовенство и найти какое-то отражение в следствии. Но, увы, тело разлагалось самым естественным образом.

Результаты следствия в Угличе были рассмотрены 2 июня 1591 года на церковном соборе в Москве. Собор единодушно утвердил приговор: «И патриарх Иев со всем Освященным собором, слушев углетцкого дела, и сказу митрополита Галасеи, и челобитные городского приказщика Русина Ракова, говорил на соборе. В том во всем воля государя царя и великого князя Федора Иоанновича всея Руси: а прежде сего такова лихова дела и такие убийства стались и крови пролитые от Михаила от Нагово и от мужиков николи не было. А перед государем царем и великим князем Федором Иоанновичем всея Руси Михаила и Григория Нагих и углетцких посадцких людей измена явная, что царевницу Дмитрею смерть учинилась Божьим судом, а он, Михайло Нагой, государевых приказных людей: дияка Махаила Битяговского с сыном, и Микиту Кочалова, и иных дворян, и жильцов, и посадских людей, которые стояли за Михаила Битяговского и за всех за тех, которые стояли за правду и разговаривали посадцким людем, что они такую измену зделали, — велел побити напрасно, умышленьем, за то, что Михайло Битяговской с ним, с Михаилом с Нагим, бранился почасту за государя, что он, Михайло Нагой, держал у себя ведуна Ондрюшу Мочалова и иных многих ведунов. И за то великое изменное дело Михайло Нагой з братьею и мужики угличане по своим винам дошли до всякого наказанья. А то дело земское, градское, в том ведает Бог да государь царь и великий князь Федор Иоаннович всея Руси, все в его царьской руке, и казнь, и опала, и милость, о том государю как Бог известит. А наша должная молити Господа Бога, и Пречистую Богородицу, и великих русских чудотворцов Петра, и Алексея, и Иону, и

всех святых о государе царе и великом князе Федоре Иоанновиче всея Руси и о государыне царице и великой княгине Ирине о их государьском многолетном здравии и о тишине межусобной брани».

На основании патриаршего приговора царь Федор приказал схватить Нагих и угличан, «которые в деле объявились», и доставить их в Москву.

Еще раз отмечу: репрессии в Угличе начались только после вынесения соборного приговора, а до этого комиссия Шуйского никого и пальцем не тронула. Есть и еще любопытная деталь, которую почему-то игнорируют наши историки. Многие «активисты» Нагих, как, например, тот же холоп Михаила Нагого Тимофей, по завершении следствия бежали из Углича. Угличане, оставшиеся в городе, были наказаны в соответствии со степенью участия в убийствах. Всего было наказано несколько десятков человек, одним отрубили голову, другим отрезали язык, а остальных сослали в Сибирь. Был «наказан» даже колокол в церкви у Спаса, в который бунтовщики ударили в набат. Колокол публично высекли плетьюми, отрубили ухо, вырвали язык и отправили в Сибирь, где он был записан «первоссылным неодушевленным».

Братьям Нагим заодно с убийствами в Угличе навесили поджоги домов в Москве летом 1591 года. По совокупности преступлений их разослали «по городам». Марию Нагую «за недосмотрение за сыном» отправили в Николовыксинскую пустынь (монастырь), где она была пострижена под именем Марфы. Позже ее перевели в Горицкий Воскресенский женский монастырь на реке Шексне.

Собственно, на этом угличская история и закончилась. О смерти царевича Дмитрия все забыли, тем более что в сентябре 1591 года царица Ирина вновь понесла. На сей раз ей удалось доносить ребенка. Если бы ей удалось родить здорового сына, то об инци-

денте в Угличе в многотомной «Истории России» Соловьева остался бы один абзац. Но, увы, 26 мая 1592 года у царя Федора родилась дочь, названная Федосьей. Она часто болела и умерла 25 января 1594 года. Через несколько лет и ее сделают жертвой «коварного» Бориса.

В начале 90-х годов XVI века власть Бориса Годунова значительно возрастает. Если в 1584–1586 годах он был «первым среди равных» бояр, то к 1593 году он становится неограниченным властителем. К 1595 году официальный титул Бориса Годунова приобрел следующий вид: «Царский шурин и правитель, слуга и конюший боярин и дворовый воевода и содержатель великих государств — царства Казанского и Астраханского». Такого титула никто и никогда не имел и не будет иметь в Московском государстве.

Борис Годунов стал крупнейшим землевладельцем в России. В начале 1587 года царь Федор пожаловал Бориса богатейшей вотчиной Вагой, а затем Комарицкой и другими волостями. Борис как конюший и правитель бесконтрольно распоряжался всей казной Московского государства.

Усилению власти Бориса способствовали также его успехи во внешнеполитических делах. В январе 1590 года многочисленное русское войско двинулось к шведской границе. При войске находился сам царь Федор Иоаннович. Воеводами были: в большом полку — князь Федор Мстиславский, занимавший после ссылки отца первое место между боярами; в передовом полку — князь Дмитрий Хворостинин. При царе, в звании дворовых или ближних воевод, находились Борис Годунов и Федор Никитич Романов.

Русские войска взяли крепость Ям. Князь Хворостинин разгромил у Нарвы двадцатитысячное шведское войско под командованием Густава Банера. Остатки войска были осаждены в Нарве. Хотя противнику и удалось отбить приступ русских к крепости,

шведское командование сочло нецелесообразным продолжать войну.

25 февраля 1590 года в лагере русских под Нарвой шведский фельдмаршал Карл Хенрикссон Хорн подписал перемирие сроком на один год. По условиям перемирия шведы возвращали русским крепости Ям, Иван-город и Копорье. Шведы предлагали окончательный мир, но русские основательно мириться без Нарвы не хотели. Перемирие со шведами не продержалось и девяти месяцев. В ноябре 1590 года шведы внезапно напали на крепость Иван-город, но были отбиты. В декабре шведские отряды «пожгли села близ Яма и Копорья».

Летом 1591 года против шведов в Эстляндию была выслана сильная рать, большим полком которой командовал воевода Петр Никитич Шереметев, а передовым полком — князь Владимир Тимофеевич Долгоруков. Шведам удалось разбить передовой полк, а Долгорукова взять в плен. Летом того же года несколько шведских судов начали грабить берега Белого моря, но получили отпор и ретировались. В октябре–ноябре 1592 года русские войска впервые за много лет начали наступление в Финляндии. Они предали огню и мечу территорию от Выборга до Або (Турку). В ноябре этого же года умер шведский король Юхан (Иоанн) III. На престол вззошел Сигизмунд III Ваза, который уже был королем Польши с 1587 года. Русское правительство во избежание долговременной войны со Швецией и Польшей вынуждено было пойти на уступки новому королю. Говоря «правительство», мы подразумеваем Бориса Федоровича Годунова, который постепенно становился фактическим правителем государства. Слабоумный же царь Федор практически не вмешивался в вопросы внешней политики России.

18¹¹ мая 1595 года у мызы Тявзин на реке Нарове, к северу от крепости Нарва, был подписан Тявзинский мирный договор. Согласно условиям договора:

— Россия уступает Швеции княжество Эстляндское со всеми замками: Нарва, Ревель, Вейсенштейн, Везенберг, Падис, Тольсбург, Нейшлот, Боркгольм, Гапсаль, Лоде, Леаль, Фикал.

— Швеция возвращает России замок Кексгольм (Корелу) с уездом и признает принадлежность Русскому государству Иван-города, Яма, Копорья, Нотебурга, Ладоги. Обязуется не нападать на Псков, Холмогоры, Кольский острог, Сумек (Сум-посад), Каргополь и Соловецкий монастырь.

Тявзинский договор давал определенные гарантии для транзита товаров в Россию и из нее, но лишал Россию возможности стоять флот и порты на Балтике. Так, Выборг и Ревель открывались свободными для русского купечества, а Нарва — для шведского купечества, но не для иностранцев. Торг мог вестись только на нарвской стороне, но не на Ивангородской. Для русских купцов взаимно открывались города Швеции, Финляндии и Эстляндии для торговли в соответствии с существующими пошлинами. Для всех иностранных купцов и судов Нарва должна быть закрыта. Русские не имели права создавать порты в городах Ингерманландии, например в Ниене и Луге.

В целом мир оказался невыгодным для России и был следствием грубых просчетов наших дипломатов. Протестантская Швеция и католическая Польша физически не могли управляться одним монархом. Шведы испугались контрреформации и восстали против короля Сигизмунда III. Во главе стал дядя короля герцог Карл Зюдерманландский (впоследствии король Карл IX). В 1598 году войско Карла разбило королевскую армию в битве при Стонгебру. В следующем году личная уния с Польшей была официально расторгнута.

Поняв свою ошибку, Годунов отказался ратифицировать Тявзинский договор. Однако иные внешние, а главное, внутренние проблемы не дали воз-

можности Годунову вернуться к вопросу выхода России к берегам Балтийского моря.

Нельзя не заметить, что фактическое присоединение Сибири произошло не при Иване Грозном, а при царе Федоре в правление Годунова.

В 90-х годах XVI века клан Романовых по-прежнему оставался верным союзником Годунова. Можно допустить, что Романовы не испытывали особо нежных чувств к правителю Борису. Но при жизни царя Федора у них не было никаких шансов занять место Бориса хотя бы потому, что братья Никитичи были слишком молоды, а все старшие Романовы-Захарьины вымерли. Конфликт Никитичей с Годуновым при жизни Федора мог кончиться ссылкой Романовых, а в самом крайнем случае — потерей влияния обоими кланами и приходом к власти тех же Шуйских. Поэтому повторяю, до 1598 года никаких серьезных конфликтов между Годуновыми и Романовыми не было и считать «ненавистными» Никитичей Борис просто не имел оснований.

Наоборот, в 1593–1598 годах Романовы и их родственники сделали быструю карьеру, вызвавшую зависть и злость у титулованной аристократии. Тот же Федор Никитич стал одним из трех руководителей Боярской думы. В 1596 году Федор Никитич был назначен царем Федором (читай Борисом Годуновым) вторым воеводой правой руки. С ним немедленно замещничал боярин Петр Никитич Шереметев, назначенный третьим воеводой в большом полку. Шереметевы, как и Романовы, вели свой род от Федора Кошки и Андрея Кобылы, но Петр Никитич Шереметев посчитал для себя унижением служить с Федором Никитичем Романовым. Он не явился к царю («у царской руки не был») и на службу не поехал. Федор разгневался — вряд ли тут дело обошлось без Годунова, велел сковать Петра Шереметева и в таком виде на простой телеге отправить на службу. Шереметев

еще несколько дней поломался, но в конце концов смирился с назначением.

В том же году на Федора Никитича Романова, его отца Никиту и дядю Данилу «бил челом в отечестве» (то есть заместничал) Рюрикович князь Ф. А. Ноготков. Царь Федор сделал Ноготкову выговор: «...И ты чево дядь моих Данила и Микиту мертвых бесчестишь?» За свое челобитье Ноготков угодил в тюрьму на пять дней. Правда, по разрядам было сказано, что князю Ф. А. Ноготкову «не доведетца меньше быть боярина Федора Никитиче Романова», но в следующей росписи воевод «на берегу» Федор Никитич Романов уже отсутствует, то есть он не служил «ниже» князя Ноготкова.

Серьезным испытанием союза Годуновых и Романовых стала смерть царя Федора. Федор Иоаннович умер 6 января 1598 года. Законных наследников у него не было и не осталось письменного завещания. Другой вопрос, что современники и позднейшие историки приводят не менее дюжины вариантов устного завещания Федора. К примеру, немецкий наемник Конрад Буссов¹² писал, что царица Ирина убеждала мужа вручить скипетр ее брату, Борису Годунову, но царь предложил скипетр старшему из своих двоюродных братьев, Федору Никитичу Романову, имевшему на престол ближайшее право. Федор Никитич уступил скипетр своему брату Александру, Александр — третьему брату, Ивану, а Иван — Михаилу, Михаил — какому-то знаменитому князю, так что никто не брал скипетра, хотя каждому и хотелось взять его. Царь Федор, долго передавая жезл из рук в руки, потерял терпение и сказал: «Так возьми же его кто хочет!» Тут сквозь толпу важных особ протянул руку Борис Годунов и схватил скипетр.

Этот эпизод прекрасно выглядел бы на сцене, но, увы, он не имеет ничего общего с действительностью.

И писал это Буссов уже после воцарения Михаила Романова.

Куда ближе к истине версия русского летописца¹³, где на вопрос патриарха: «Кому царство, нас сирот и свою царицу приказываешь?» Федор тихим голосом отвечал: «Во всем царстве и в вас волен Бог: как ему угодно, так и будет; и в царице моей Бог волен, как ей жить, и об этом у нас улажено». Патриарх Иов в житии Федора говорит, что царь вручил скипетр своей супруге. Но в других источниках, заслуживающих в этом отношении большего доверия, в избирательных грамотах Годунова и Михаила Романова сказано: «После себя великий государь оставил свою благоверную великую государыню Ирину Федоровну на всех своих великих государствах».

Не исключено, что Федор вообще ничего не сказал перед смертью. Боюсь, некоторым читателям уже надоело, что я часто излагаю две или более версий одного события. Но если мы точно не знаем даже, как умер Сталин, и об его смерти каждый пишет свою версию, то что делать с событиями четырехсотлетней давности?

Доподлинно можно утверждать, что Федор умер внезапно и похоронили его быстро и в суматохе. Когда в 50-х годах XX века могила Федора была вскрыта, то там оказались останки, одетые в простой мирской кафтан, перепоясанный ремнем. И даже сосуд для мирры был положен не по-царски простой, то есть «освятованный» царь, прошедший жизнь в постах и молитвах, не сподобился обряда пострижения, в то время как в роду Ивана Калиты предсмертное пострижение стало своего рода традицией со времен Василия III и Ивана Грозного.

Как только Федор испустил дух, всем стало не до него. У всех на устах был один вопрос: «Кто?» Читатель уже знает, что всех своих родственников московские правители, начиная с Василия II, с большим

усердием вырезали под корень, не оставляя и малых детей. Поэтому к 1598 году в живых не было ни одного потомка Дмитрия Донского по мужской линии. Тем не менее был жив государь великий князь всея Руси Симеон Бекбулатович. В октябре 1575 года царь Иван устроил очередной фарс — отрекся от престола, а на трон посадил крещеного татарина Симеона Бекбулатовича, потомка касимовских ханов. Иван IV, юродствуя, затем писал челобитные новому «правителю»: «Государю великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси Иванец Васильев с своими детишками с Иваном да с Федорцом челом бьют: что еси государь милость показал». Оперетта продолжалась 11 месяцев, после чего Иван «учинил» Симеона великим князем тверским. После этого Симеон не играл никакой роли в жизни Московского государства, хотя и имел большое состояние. В 1580 году в тверских дворцовых землях великого князя Симеона проживало 2217 крестьян (разумеется, мужского пола). В правление Федора Симеона лишили титула великого князя тверского и сослали в одно из его тверских имений — село Кушалино. Большая часть его вотчин была отобрана.

Естественно, что Симеон Бекбулатович мало подходил на роль Государя Всея Руси. Тем не менее он нашел поддержку среди ряда бояр и князей. Дело в том, что именно ничтожество Симеона было привлекательно для некоторых князей и выходцев из старомосковского боярства. Не следует забывать, что рядом была Речь Посполитая, где польские магнаты имели огромную власть и были почти независимы от короля.

В первые же дни после смерти царя Федора патриарх Иов проявил неожиданную для себя активность. Иов оперативно пишет «Повесть о честном житии царя и Великого князя Федора Иоанновича всея Руси». Это не обычное житие, а программный политический

документ. В нем говорится: «Было время... когда благочестивая и православная христианская вера в Великой России паче солнца сияя и свои светозарные лучи во всю вселенную испуская... от моря до моря и от рек до концов вселенной славу ее простирала, и благочестивых и крестоносных христианских царей Русские державы скипетродержавство великолепно цвело, и благородный царский корень многими летами непременно влекся от великого Августа кесаря Римского, обладавшего всей вселенной, как история поведает, и до самого святого сего царствия... Федора Иоанновича всея Руси...»

Патриарх восхваляет Федора: «...Хотя и превысочайшего Российского царствия честный скипетр содержал, но Богу всегда ум свой вверял, и душевное око бодро и неусыпно хранил, и сердечную веру всегда благими делами исполнял, тело же свое повсегда удручал церковным пением, и дневными правилами, и всенощными бдениями, и воздержанием, и постом».

При этом Иов открыто заявил, что фактическим правителем при царе Федоре был Борис Годунов: «Был тот Борис Федорович зело преизрядной мудростью украшен, и саном более всех, и благим разумом превосходя. И пречестным его правительством благочестивая царская держава в мире и в тишине цвела. И многое тщание показал по благочестии, и великий подвиг совершил о исправлении богохранимой царской державы, яко и самому благочестивому царю... дивиться превысокой его мудрости, и храбрости, и мужеству».

Таким образом, преемницей Рюриковичей на российском престоле стала царица Ирина.

Когда во время похорон царя Федора все архиереи, сановники и народ безутешно рыдали, «благочестивая же царица от великия печали и сама близ смерти пребывала», тогда «изрядный правитель, прежжереченный Борис Федорович сугубу печаль в сердце

своим имением, и об отшествии к Богу благочестивого царя сетовал, и о безмерной скорби благородной сестры своей благоверной царицы рыдал, и земного правления тишину и мир с опасением устраивал».

Как видим, патриарх довольно грамотно обосновал необходимость передачи престола Борису Годунову. Иова совершенно справедливо называли ставленником Бориса, но тут интересы клана Годуновых абсолютно совпадали с интересами церкви и всего государства Российского.

Под давлением Иова и чтобы не вызвать кризиса власти, Боярская дума присягнула царице Ирине. При жизни царя Федора Ирину Годунову титуловали «великой государыней». Как писал Р. Г. Скрынников: «...Такое звание не равнозначно было реальному царскому титулу. До Лжедмитрия и после него цариц не только не короновали, но и не допускали к участию в торжественной церемонии. Ирина наблюдала за венчанием Федора из окошка светлицы. Не будучи коронованной особой, связанной с подданными присягой, Годунова не могла ни сама обладать царской властью, ни передать ее своему брату»¹⁴. На это легко возразить примерами из русской истории, вспомнив правление Елены Глинской, вдовы Василия III, правление в Новгороде Марфы Борецкой, вдовы посадника Борецкого, уж не говоря о княгине Ольге.

Сразу же после смерти мужа Ирина стала издавать от своего имени указы (в XIV–XVI веках московские правители сами не подписывали указов, а писец ставил их имена и государственную печать). Первым же указом Ирина провела всеобщую полную амнистию, повелев без промедления выпустить из тюрем всех опальных изменников, воров, разбойников и т. д. Патриарх Иов разослал по всем епархиям приказ целовать крест царице. В пространном тексте присяги содержалась клятва верности патриарху Иову, православной вере, царице Ирине, правителю Бо-

рису Годунову и его детям. Естественно, что такая формулировка вызвала недоумение у части населения. Значительная часть московской знати и простой народ в отдельных местах отказывались присягать. Разумеется, и Иов, и Борис прекрасно понимали, что одной такой присяги недостаточно для воцарения новой династии. Поэтому они делают ряд умных политических ходов.

15 января 1598 года, то есть через неделю после смерти мужа, царица Ирина покидает Кремль и отправляется из Москвы в Новодевичий монастырь¹⁵, где принимает постриг под именем Александры. Тем не менее новая монашка продолжала подписывать (скреплять печатью) все царские указы, изменив только подпись: вместо «царица Ирина» — «царица инокиня Александра».

В те времена отъезд из столицы в период нестабильности был классическим ходом монарха. Вспомним отъезд Анны Австрийской с малолетним Людовиком XIV из Парижа во время фронды, отъезд царицы Софьи Алексеевны из Москвы в ходе стрелецких волнений и т. д.

В Новодевичьем монастыре было намного безопасней в случае бунта черни, с одной стороны, а с другой — там царица-инокиня практически не испытывала давления Боярской думы. Через несколько дней в Новодевичий монастырь приехал и Борис Годунов.

Здесь, чтобы более не возвращаться, обратим внимание на весьма важное обстоятельство — на позицию стрелецких полков, о чем обычно забывают наши историки. Ведь недаром мудрый Мао говорил: «Винтовка рождает власть». Так вот, московские бердыши и пищали были целиком на стороне Бориса. Тот еще при царе Федоре назначил главой стрелецких приказов своего троюродного брата Ивана Васильевича Годунова. Начальниками («головами»)

всех пяти московских стрелецких полков (всего около 7 тысяч ратников) были назначены верные Годуновым люди. Естественно, что стрельцы были надежной опорой Годуновых. Другой вопрос, что у него хватило ума и выдержки не только не применять силу, но и даже не грозить ею. Тем не менее стрелецкие полки за спиной Годунова были, как любил говорить Нельсон, «Fleet in being», то есть «само существование флота является решающим фактором в конфликте».

Большинство служилого дворянства и гражданской администрации также было на стороне Годуновых. Последние много лет бесконтрольно управляли приказами и ведали, как сейчас говорят, кадровой политикой. От Годуновых зависело назначение дворянина на службу, присвоение очередного звания, пожалование поместьями и вотчинами и т. д. Только благодаря позиции московских стрельцов и служилого дворянства борьба за власть после смерти Федора обошлась без крови. Однако оппозиция Борису была достаточно сильной. Мы привыкли к марксистским догмам о классовой борьбе, роли народных масс и т. д. Увы, сии догмы абсолютно не применимы к событиям 1598 года. Социальные программы Бориса Годунова и его противников не имели различий, а точнее, ни та, ни другая сторона не предлагали народу никаких изменений в жизни. Соответственно, беднейшие слои населения сами по себе не были заинтересованы в борьбе за престол. А оппозиция Годунову состояла из титулованной и старомосковской знати, небольшого числа представителей администрации во главе с дьяками Щелкаловыми и части московского духовенства, недовольной Иовом. За представителями знатных родов стояли их дворяне, боевые холопы и различная челядь. Оппозиция привлекала в свои ряды простых граждан подкупом, а также распространением различных слухов, компрометирующих Годуновых. Об убийстве царевича Дмитрия по-

ка еще и речи не было, зато вовсю муссировался слух об отравлении Борисом царя Федора.

Союз Годуновых и Романовых фактически распался. Часть Романовых сомкнулась с оппозицией Борису, но старательно держалась в тени. Сторонники Романовых распускали слухи о том, что-де Федор на смертном одре завещал престол Федору Никитичу Романову. Однако эта версия была столь далека от истины, что в 1598 году ни сами Романовы, ни кто-нибудь из оппозиции не рискнули высказать ее где-либо публично. Эта «липа» предназначалась лишь для недалеких и неинформированных людей, говоря языком того времени — для черни. И дело не в том, что оппозиция боялась сказать о завещании царя Федора. На московских площадях в лицо Борису князья и бояре говорили и не такое. Просто тут было легко уличить оппонента во лжи. А вот спустя 15 лет, когда большинство ведущих политиков уже умерли, а у народа в голове все перемешалось, и об этой «липе» заговорили публично.

Забыв старые обиды, Богдан Бельский вместе с Федором Ивановичем Мстиславским, при поддержке Романовых, выступил с предложением посадить на трон «царя» Симеона Бекбулатовича. Кстати, сей «царь» был женат на Настасье Ивановне Мстиславской, родной сестре Федора Ивановича. Но как уже говорилось, эта кандидатура была более чем спорной, и от нее пришлось отказаться. Себя же Федор Никитич Романов предложить не рискнул, а других кандидатов попросту не было.

Кто-то из оппозиции выдвинул идею о передачи всей полноты власти Боярской думе. Сразу же после отъезда царицы Ирины в монастырь дьяк Василий Щелкалов вышел к собравшемуся в Кремле народу и потребовал присяги Боярской думе, но услышал в ответ: «Не знаем ни князей, ни бояр, знаем только царицу». Когда же дьяк объявил, что царица в монас-

тыре, то раздались голоса: «Да здравствует Борис Федорович!» Вот здесь мы в первый раз слышим глас народа. Население Москвы категорически против боярской власти, которая неизбежно приведет к анархии и междоусобице.

Историки могут сколько угодно спорить о деталях избрания Бориса царем, но ясно одно — его избрали по воле всей России. Пусть Годунов не был Рюриковичем, пусть у него не было таланта полководца, пусть он был суеверным и лживым, но ему не было альтернативы. Желать боярского правления или опереточного татарина могли только корыстные люди. А избрание Годунова обеспечивало еще и безударный переход власти. Ведь власть переходила не от одного правителя к другому, а просто менялся титул правителя с сохранением всех его функций.

Сразу после смерти царя Федора по городам Московского государства были разосланы грамоты от имени патриарха с требованием послать выборных людей в Москву на Земский собор. Первое заседание собора состоялось 17 февраля 1598 года¹⁶. Документы собора дошли до нас почти полностью. Однако как раз обилие документов привело историков к разночтениям и, соответственно, к разным их толкованиям. Нет даже единства по поводу участников собора. Н. М. Карамзин насчитал 500 избирателей, С. М. Соловьев — 474, Н. И. Костомаров — 476, В. О. Ключевский — 512, а современная исследовательница С. П. Мордовина — более 600.

По мнению автора, дело в том, что в разные дни заседаний присутствовало разное число членов собора (посмотрите вечером по телевизору заседание Государственной думы — сколько там пустующих мест!). Видимо, были и споры, кого из приехавших представителей городов считать полноправными представителями, а кого — нет. Даже если предположить, что какие-то документы собора были позже

искорректированы, все равно собор 1598 года был правомочным и легитимным.

По данным С. М. Соловьева, на соборе из 474 человек 99 были духовными лицами, 272 человека — бояре, дворяне и дьяки, 33 человека — выборные от горожан, 7 стрелецких голов, 22 купца, 5 старост гостинных сотен и 16 представителей черных сотен.

Согласно официальным документам, собор открылся речью патриарха, который заявил, что после смерти царя Федора предложено было царство царице Ирине, но та не согласилась, и тогда просили ее благословить брата, просили и самого Годунова. Борис также отказался, и тогда отложили дело на 40 дней, до приезда выборных. «Теперь, — говорил Иов, — вы бы о том великом деле нам и всему Освященному собору мысль свою объявили и совет дали: кому на великом преславном государстве государем быть?» И, не дождавшись ответа, продолжал: «А у меня, Иова патриарха, у митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов и у всего Освященного Вселенского собора, у бояр, дворян, приказных и служилых, у всяких людей, у гостей и всех православных христиан, которые были на Москве, мысль и совет всех единодушно, что нам, мимо государя Бориса Федоровича, иного государя никого не искать и не хотеть». На что советные люди громко ответили: «Наш совет и желание одинаково с твоими отца нашего всего Освященного собора, бояр, дворян и всех православных христиан, что неотложно бить челом государю Борису Федоровичу и, кроме его, на государство никого не искать».

После этого на соборе началось перечисление прав Бориса Годунова на престол: «Царь Иван Васильевич женил сына своего, царевича Федора, на Ирине Федоровне Годуновой, и взяли ее, государыню, в свои царские палаты семи лет, и воспитывалась она в царских палатах до брака. Борис Федорович также при

светлых царских очах был безотступно еще с несовершеннолетнего возраста, и от премудрого царского разума царственным чинам и достоянию навыв. По смерти царевича Ивана Ивановича великий государь Борис Федоровичу говорил: Божиими судьбами, а по моему греху, царевича не стало, и я в своей кручине не чаю себе долгого живота; так полагаю сына своего царевича Феодора и Богом данную мне дочь царицу Ирину на Бога, Пречистую Богородицу, великих чудотворцев и на тебя, Бориса. Ты бы об их здоровье радел и ими промышлял. Какова мне дочь царица Ирина, таков мне ты, Борис, в нашей милости ты все равно, как сын. На смертном одре царь Иван Васильевич, представляя в свидетельство духовника своего, архимандрита Феодосия, говорил Борис Федоровичу: тебе приказываю сына своего Феодора и дочь Ирину, соблюди их от всяких зол. Когда царь Федор Иванович принял державу Российского царства, тогда Борис Федорович, помня приказ царя Ивана Васильевича, государское здоровье хранил, как зеницу ока, о царе Феодоре и царице Ирине попечение великое имел, государство их отовсюду оберегал с великим радением и попечением многих, своим премудрым разумом и бодро-опасным содержанием учинил их царскому имени во всем великую честь и похвалу, а великим их государствам многое пространство и расширение, окрестных прегордых царей послушными сотворил, победил прегордого царя крымского и непослушника короля шведского под государеву высокую десницу привел, города, которые были за Шведским королевством, взял. К нему, царскому шурина, цесарь христианский, салтан турецкий, шах персидский и короли из многих государств послов своих присылали со многою честью. Все Российское царство он в тишине устроил, воинский чин в призрении и во многой милости, в строении учинил, все православное христианство в покое

и тишине, бедных вдов и сирот в крепком заступлении, всем повинным пощада и неоскудные реки милосердия изливались, святая наша вера сияет во вселенной выше всех, как под небесем пресветлое солнце, и славно было государево и государынино имя от моря и до моря, от рек и до конец вселенной».

В субботу, 18 февраля 1598 года, и в воскресенье, 19-го, в Успенском соборе в Кремле торжественно служили молебны, чтобы Бог даровал православному христианству по его прошению государя царя Бориса Федоровича. 20 февраля, в понедельник, после молебна патриарх с духовенством, боярами и множеством народа отправились в Новодевичий монастырь, где находились Борис и Ирина (инокиня Александра). Они со слезами молили Бориса принять престол, но получили отказ. Годунов отвечал: «Как прежде я говорил, так и теперь говорю: не думайте, чтоб я помыслил на превысочайшую царскую степень такого великого и праведного царя». Патриарх Иов опять призвал всех православных христиан на следующий день, во вторник, устроить празднество Пречистой Богородице в Успенском соборе, а также по всем церквам и монастырям, после чего с иконами и крестами идти в Новодевичий монастырь. Иов призвал всех идти с женами и грудными младенцами и бить челом государыне Александре Федоровне и ее брату, Борису Федоровичу, чтоб они оказали милость. Тут же Иов тайно договорился с духовенством о том, что если царица благословит брата своего на царство и Борис будет царем, то простить его и забыть, что он клялся в нежелании своем быть государем. Если же опять царица и Борис откажут, то отлучить Бориса от церкви и самим снять с себя святительские саны, сложить панации, одеться в простые монашеские рясы и запретить службу по всем церквам.

21 февраля крестный ход двинулся к Новодевичьему монастырю. Навстречу ему под звон колоколов

вынесли икону Смоленской Богоматери, за иконой вышел Борис Годунов. Он подошел к иконе Владимирской Богоматери и сказал громко со слезами: «О милосердая царица! Зачем такой подвиг сотворила, чудотворный свой образ воздвигла с честными крестами и со множеством иных образов? Пречистая Богородица, помолись о мне и помилуй меня!» Борис долго лежал возле иконы и плакал, потом приложился к другим иконам, подошел к патриарху и сказал ему: «Святейший отец и государь мой Иов патриарх! Зачем ты чудотворные иконы и честные кресты воздвигнул и такой многотрудный подвиг сотворил?» Иов отвечал ему: «Не я этот подвиг сотворил, то Пречистая Богородица с своим предвечным младенцем и великими чудотворцами возлюбила тебя, изволила прийти и святую волю сына своего на тебе исполнить. Устыдись пришествия ее, повинись воле Божией и послушанием не наведи на себя праведного гнева Господня». В ответ Годунов только плакал.

После этого Иов пошел в церковь, Годунов — к сестре в келью, а бояре и весь народ пошли в монастырь, а кому не хватило места в монастыре, стояли возле ограды. После обедни патриарх и все духовенство, в священных одеждах, с крестом и иконами, пошли в келью к царице и долго со слезами били ей челом, стоя на коленях. С духовенством пришли и бояре, а дворяне, приказные люди, гости и весь народ, стоя по всему монастырю и вокруг монастыря, упали на землю и долго с плачем и рыданием вопили: «Благочестива царица! Помилосердуй о нас, пощади, благослови и дай нам на царство брата своего Бориса Федоровича!» Наконец царица заплакала и сказала: «Ради Бога, Пречистой Богородицы и великих чудотворцев, ради воздвижения чудотворных образов, ради вашего подвига, многого вопля, рыдательного гласа и неутешного стенания даю вам своего единокровного брата, да будет вам государем царем».

Годунов с тяжелым вздохом и со слезами сказал: «Это ли угодно твоему человеколюбию, владыко! И тебе, моей великой государыне, что такое великое бремя на меня возложили и предаешь меня на такой превысочайший царский престол, о котором и на разуме у меня не было? Бог свидетель и ты, великая государыня, что в мыслях у меня того никогда не было, я всегда при тебе хочу быть и святое, пресветлое, равноангельское лицо твое видеть». Сестра отвечала ему: «Против воли Божией кто может стоять? И ты бы безо всякого прекословия, повинаясь воле Божией, был всему православному государству государем». Тогда Борис сказал: «Буди святая твоя воля, Господи». Патриарх и все присутствующие пали на землю, благодаря Бога, после чего отправились в церковь, где Иов благословил Бориса на все великие государства Российского царствия.

Естественно, что в этой официальной версии много натяжек, но предложить и серьезно обосновать иную версию событий пока еще никто не смог.

26 февраля 1598 года Борис Годунов покинул Новодевичий монастырь и возвратился в Москву. Толпы народа вышли из города, чтобы встретить Бориса. Те, кто победнее, несли хлеб и соль, бояре и купцы — золотые кубки, соболей и другие дорогие подарки, подобающие «царскому величеству». Борис отказался принять дары, кроме хлеба с солью, и всех милостиво позвал к царскому столу.

В Кремле Иов проводил Бориса в Успенский собор и там еще раз благословил на царство. Отслушав обедню в Успенском соборе, Борис пошел в Архангельский, где, припадая к гробам великих князей московских и царей, говорил со слезами: «Великие государи! Хотя телом от своих великих государств вы и отошли, но духом всегда пребываете неотступно и, предстоя перед Богом, молитву творите. Помолитесь и обо мне и помогите мне».

Из Архангельского собора Борис пошел в Благовещенский, оттуда — в царские палаты, а затем поехал обратно в Новодевичий монастырь к сестре. Потом Борис вернулся обратно в Кремль к патриарху Иову, долго разговаривал с ним наедине, после чего простился с ним и со знатным духовенством на время Великого поста и поехал жить в Новодевичий монастырь.

Великий пост и Пасху Борис провел с сестрой в монастыре, а 30 апреля, в Мироносицкое воскресенье, торжественно переехал в кремлевский дворец. Опять его встретили крестным ходом, в Успенском соборе патриарх надел на него крест митрополита Петра. Опять Борис обошел соборы, ведя за руку своих детей — сына Федора и дочь Ксению. Затем был дан большой обед для всех.

1 сентября 1598 года, на Новый год, Борис венчался на царство. В своей речи, произнесенной по этому случаю патриарху, Борис сказал, что покойный царь Федор приказал патриарху, духовенству, боярам и всему народу избрать кого Бог благословит на царство, и что царица Ирина приказала то же самое, «и по Божиим неизреченным судьбам и по великой Его милости избрал ты, святой патриарх, и прочие, меня, Бориса».

Борис, принимая благословение от патриарха, громко сказал ему: «Отче великий патриарх Иов! Бог свидетель, что не будет в моем царстве бедного человека!» — и, тряся ворот своей рубашки, продолжал: «И эту последнюю рубашку разделю со всеми!»

Очень любопытен текст присяги новому царю. Присягнувший по ней, между прочим, клялся: «Мне над государем своим царем и над царицею и над их детьми, в еде, питье и платье, и ни в чем другом лиха никакого не учинить и не испортить, зелья лихого и коренья не давать и не велеть никому давать, и мне такого человека не слушать, зелья лихого и коренья у него не брать. Людей своих с ведовством, со всяким

лихим зельем и кореньем не посылать, ведунов и ведуней не добывать на государское лихо. Также государя царя, царицу и детей их на следу никаким ведовским мечтанием не испортить, ведовством по ветру никакого лиха не насылать и следу не вынимать никаким образом, никакою хитростию. А как государь царь, царица или дети их куда поедут или пойдут, то мне следу волшебством не вынимать. Кто такое ведовское дело захочет мыслить или делать, и я об этом узнаю, то мне про того человека сказать государю своему царю или его боярам, или ближним людям, не утаить мне про то никак, сказать вправду, без всякой хитрости. У кого узнаю или со стороны услышу, что кто-нибудь о таком злом деле думает, то мне этого человека поймать и привести к государю своему царю или к его боярам и ближним людям вправду, без всякой хитрости, не утаить мне этого никаким образом, никакою хитростию, а не смогу я этого человека поймать, то мне про него сказать государю царю или боярам и ближним людям».

Присягнувший должен был также клясться: «Мне, мимо государя своего царя Бориса Федоровича, его царицы, их детей и тех детей, которых им вперед Бог даст, царя Симеона Бекбулатова и его детей и никого другого на Московское государство не хотеть, не думать, не мыслить, не семьиться, не дружиться, не ссылатся с царем Симеоном, ни грамотами, ни словом не приказывать на всякое лихо. А кто мне станет об этом говорить или кто с кем станет о том думать, чтоб царя Симеона или другого кого на Московское государство посадить, и я об этом узнаю, то мне такого человека схватить и привести к государю».

Над текстом присяги вдоволь поерничали и, надо сказать, не без оснований, наши историки от Соловьева до Скрынникова. Малодушные, мелочность, подозрительность и суеверие Бориса буквально бросаются в глаза при чтении присяги. Даже шутовскому царю

Симеону сколько места отведено. Но вот почему-то ни один наш историк, писавший о присяге, не обратил внимание на отсутствие в ней имени Федора Никитича или других братьев Романовых. В самом деле, Симеон оказывается претендентом на престол, а они — нет? Присяга является убедительным документом в пользу того, что в 1598 году не только не было никаких притязаний на престол со стороны Романовых, но и Борис Годунов не рассматривал всерьез возможности появления их. Иначе это было бы отражено в присяге.

В ходе междоусобицы 1598 года братья Романовы ни разу прямо не выступили ни на стороне Годунова, ни против него. Анализ ситуации позволяет сделать вывод, что Романовы стояли за спинами оппозиции, не давая ни одного повода Борису для обвинения во враждебных намерениях.

В начале царствования Годунова внешнеполитическая ситуация была благоприятна для России. На северо-западе шла война между Швецией и Польшей, а на юге турецкий султан и крымский хан были заняты войной на территории Венгрии.

Некоторые историки, в том числе и С. М. Соловьев, упрекают Бориса, что он не ввязался в шведско-польскую войну. На мой взгляд, это вопрос спорный. Шведская армия была слишком сильна, и дело кончилось бы поражением русских. Союз же со Швецией давал шанс на возвращение по крайней мере части земель Белой и Малой Руси. Но с другой стороны, тогда Польша отдала бы шведам всю Прибалтику, что лишило бы Россию всяких надежд на выход к Балтийскому морю. А главное — Борис не хотел начинать свое царствование с большой войны. Годунов пытается дипломатическими путями создать союзное России территориальное образование в Ливонии. В этом он подражает Ивану Грозному. Как Грозный хотел сделать из Ливонии вассальное королевство и назначил

королем датского принца Магнуса, так и Годунов для той же цели еще при царе Федоре вошел в контакт со шведским принцем Густавом, сыном Эрика IV¹⁷, изгнанным из Швеции и жившим в Италии.

В начале своего царствования Борис пригласил Густава в Москву. Приглашение было подкреплено богатыми подарками. Принц же сидел в Италии без гроша и поспешил согласиться. Густава хорошо приняли в Москве и дали на «кормление» Калугу и три малых городка. В 1601 году царь Борис велел показать польским послам принца Густава, дабы лишний раз напомнить заносчивым панам, что законный претендент на польский и шведский престол находится в Москве.

Борис не только хотел сделать Густава вассальным королем Ливонии, но и женить его на своей дочери Ксении. Но, увы, принц не годился ни для роли короля, ни для роли царского зятя. Ему была чужда политика, а увлекали его медицина и алхимия. Проезжая город Данциг, он увел у владельца трактира Христофора Кетера жену и привез ее в Россию. Само по себе это дело житейское, но вместо того, чтобы жить тихо с любовницей, как это делают все нормальные люди, он начал афишировать свою связь с трактирщицей. Густав катался по Москве в карете с любовницей и прижитым от нее ребенком.

В конце концов терпение Бориса лопнуло, и он сослал ловеласа в Углич, затем в Ярославль, и, наконец, в Кашин, где тот и умер в 1607 году.

Борису пришлось срочно искать нового претендента на ливонский престол и жениха своей дочери. По обеим проблемам Борис нашел понимание у датского короля Кристиана IV. Дания в XVI–XVII веках была постоянным противником Швеции и желала видеть в России союзника. В августе 1602 года в устье реки Наровы был торжественно встречен принц Иоанн, родной брат Кристиана IV. Иоанна торжест-

венно приняли в Москве царь Борис и царевич Федор. Естественно, что согласно московским обычаям Иоанн не видел ни царицы Марии, ни царевны Ксении. В честь принца в Москве и царь, и бояре устраивали обильные пиршества. Двадцатилетний принц оказался любителем поест и крепко выпить. В середине октября 1602 года царь Борис поехал к Троице помолиться, там он узнал, что принц в Москве сильно переел или перепил. В итоге Иоанн заболел и 28 октября умер. Борис был в отчаянии — второй раз рушились его политические и семейные планы. Однако враги Бориса поспешили в Москве и за рубежом распустили слух, что Иоанна приказал отравить Борис, узнав, что «московские люди всею землей зело полюбили Иоанна». Борис-де испугался переворота в пользу принца.

Попробуем проанализировать эту дезинформацию, чтобы найти ее источник. Историки XIX–XX веков создали штамп — «народ не любил Бориса». Вопрос: какой «народ» мог придумать такую «дезу»? Датский принц пробыл в Москве около месяца, русского языка не знал, кроме бояр и дьяков ни с кем не общался. И вот народ возлюбил немца-лютеранина, которого издали видел в карете. Можно ли сомневаться, что источник «дезы» был в боярской или высшей церковной среде?

Неудача не останавливает Бориса, и в 1604 году в Дании начинаются переговоры о браке царевны Ксении с одним из Шлезвиг-Голштейнских герцогов. Однако начало Смуты положило им конец.

Несколько слов стоит сказать о взаимоотношениях России с Польшей. 6 января 1582 года, то есть еще при Иване Грозном, был подписан русско-польский Запольский мирный договор. Назван договор по деревне Запольский Ям, где должен был произойти съезд послов. На самом же деле договор был подписан в деревне Киверова Гора в пятнадцати верстах от

Запольского Яма. Подробный рассказ об этом договоре и предшествующих событиях Ливонской войны выходит за рамки данного повествования. Я лишь отмечу нюансы, касающиеся титула московского царя. Сей спорный вопрос стороны решили весьма оригинально. В русском экземпляре договора за царем сохранялся титул «царя», то есть императора (цесаря), в польском же он не упоминается. В русском экземпляре царь именовался также «властитель Ливонский и Смоленский», а в польском «властителем Ливонским» именовался польский король, а титул «Смоленский» не принадлежал никому.

Срок действия договора первоначально считался 10 лет. 10 января 1591 года в Москве был подписан новый договор о перемирии (мире) между Россией и Польшей на 12 лет, считая с 15 августа 1591 года. 11 марта 1601 года в Москве было подписано новое соглашение о перемирии на 20 лет, считая с 15 августа 1602 года. С польской стороны соглашение в Москве подписал канцлер и великий гетман Литовский Лев Иванович Сапега, с русской — боярин Михаил Глебович Салтыков. 7 января 1602 года в Вильне король Сигизмунд III ратифицировал договор. Царь Борис сделал это еще раньше. Таким образом, с польским королем не было войны с 1582 года (стычки с частными армиями пограничных феодалов не в счет), и аж до 1622 года вроде бы ничего не предвещало войны.

Интерес представляет и отношение Бориса Годунова к запорожским казакам. С ними нужно было держать ухо востро. В 1588 году казаки, проживавшие в Каневе, Черкассах и Переяславле (то есть не запорожские, а малороссийские), внезапно явились в Воронеж и объявили воронежскому воеводе, что они собрались вместе с донцами воевать татар, и потому просят дать им отдохнуть и покормиться в Воронеже. Воевода, не подозревая ничего дурного, поселил казаков в остроге и велел выдать им корм. Но с

наступлением ночи казаки неожиданно подожгли город. Воспользовавшись паникой, казаки начали грабить, убили и захватили в плен несколько десятков горожан и ратных людей и благополучно ушли восвояси. Царь Федор обратился с жалобой на казаков к киевскому воеводе князю Острожскому, и воевода дал такой ответ: «Паны радные писали к князю Александру Вишневецкому, велели ему схватить атамана запорожского, Потребцакого с товарищами, которые сожгли Воронеж. Паны грозили Вишневецкому, что если он не переловит казаков, то поплатится головой, потому что они ведут рамирию с государем московским». Вишневецкий сумел захватить атамана Потребцакого с семьюдесятью товарищами. Атаман был казнен, а что стало с остальными — неясно.

Тем не менее отношения России с запорожскими и малороссийскими казаками были неплохие. Так, в апреле 1589 года Москва послала дьяка Афанасия Зиновьева на переговоры с запорожским атаманом Матвеем. Зиновьев отыскал Матвея на реке Донце. Атаман заявил, что он служит государю (московскому) «прямую службу» и подал царю Федору челобитную о пожаловании казакам продовольствия, так как они за недостатком пропитания вынуждены есть все, что попадалось под руку, даже разные травы. Царь, узнав об этом, послал казакам запасы муки и толокна на сто рублей денег для раздела на 620 человек, и, кроме того, особые подарки атаманам. Запорожские и малороссийские казаки были нужны Москве для войны с Крымом, и казакам регулярно отправлялось продовольствие, деньги, оружие и порох.

Однако казаки, как и польские паны, не представляли собой централизованной силы. Отряды «черкасов» (так называли на Руси и малороссийских и запорожских казаков, причем часто отличить их было практически невозможно) эпизодически навещались пограбить в московские пределы.

Так, в 1591 году царю Федору бил челом (то есть написал грамоту) волжский казацкий атаман Болдырь. Он жаловался, что в 1589 году его отряд (видимо, на стругах) на Волге был побит черкасами. Самого Болдыря держали в плену шесть недель. Но в конце концов ему с товарищами удалось бежать да еще захватить с собой трех «воров» черкас, которых он сдал воеводе в Переволочне (на Волге). Затем Болдырь и его отряд выполнял функции спецназа — царь послал их из Царицына за воровскими атаманами и казаками Андриюшкой Голощапом с товарищами. Болдырь Голощапа поймал. Затем Болдырь был послан на реку Медведицу за воровскими казаками, поймал четырех человек. Посылали Болдыря из нового города Саратова, и он поймал воровского атамана Щеголева. Болдырь просил государя за службу пожаловать «как его (то есть царя) Бог известит». Бог или Годунов известили Федора, что особо много Болдырю давать не следует, и тот был награжден сукном на один рубль денег. Кстати, в 1606 году именно Болдырь устроил авантюру с «царевичем Петром», мнимым сыном царя Федора Иоанновича.

Челобитная Болдыря показывает масштабы разбоев на юго-восточных рубежах страны еще до начала царствования Бориса. Задолго до 1598 года в юго-западной, южной и юго-восточной областях России сложилась взрывоопасная ситуация. По периметру российских границ от Смоленска до Казани страну окружали не централизованные государства, а шайки бандитов — польских панов, малороссийских казаков, крымских татар и десятки различных орд от ногайцев до казанских татар.

Для борьбы с бандформированиями московские власти еще со времен Ивана Грозного строили «засечные черты», то есть линии укреплений вдоль границ. Узлами обороны засечных черт были небольшие крепости, гарнизоны которых сочетали пассивную

оборону с активной. При нападении крупных сил неприятеля гарнизон садился в осаду, а когда «воров» было мало, из крепости вылетал конный отряд на поиски очередной банды. Жизнь в таких гарнизонах была трудна и опасна. Дворяне и ратники из Москвы и других городов ехали на засечные линии только в принудительном порядке. Контроль из Москвы над воеводами и ратниками в засечных линиях и малых крепостях был минимальный.

У отчаянных удальцов, стоявших на рубежах земли Московской, перспектив пойти на повышение в Москву и обзавестись вотчинами, было ничтожно мало. В случае возникновения любой смуты они ничего не теряли, но могли приобрести очень многое. Таким образом, истоки Смуты заключались не в притеснениях крестьян или убиении младенца Борисом Годуновым, как нам уже много лет твердят историки, а в росте «антигосударственного элемента»¹⁸ по дуге Смоленск — Казань в сочетании с интригой бояр Романовых, подставивших самозванца.

Враги Бориса распускали слухи о его невежестве. Эти сплетни подхватили многие позднейшие историки. На самом же деле Борис немедленно приступил к ряду реформ в России. Другой вопрос, что он вел их более мягкими методами и не столь быстро, как Петр I.

Наибольшие аналогии напрашиваются в отношениях с заграницей. Так, Борис начал активно принимать в России иностранцев. Еще при царе Федоре он пригласил в Россию известного английского математика и астролога Джека Ли, предложив ему две тысячи фунтов ежегодного содержания. Тот отказался, но зато в 1598–1603 годах в Россию прибыло несколько тысяч европейцев, в основном немцев. Впервые в истории в Москве Борис разрешил построить лютеранский храм. Опять же впервые в России в 1600–1601 годах было сформировано подразделение из немецких и других наемников для охраны Крем-

ля. Однажды знаменитый келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын упрекал царя за то, что тот убеждает своих приближенных бояр остричь себе бороды.

Царевич Федор Борисович при помощи иностранцев сумел начертить первую карту России. Вплоть до Петра I она оставалась единственной картой, напечатанной в России.

Годунов первым из московских правителей отважился отправить русских детей на обучение за границу. Шесть мальчиков поехали учиться в Сорбонну, пятеро было послано в университет в Любек, четверо — в Лондон. Всего учиться за границу уехало восемнадцать человек. Борис мечтал открыть в Москве университет и уже набрал несколько иностранных преподавателей. Однако Смута покончила с его мечтами. Университет так открыт и не был, а из восемнадцати юношей, отправленных учиться за границу, вернулся в Россию лишь один — Игнатий Алексеев, сын Кучкин. Он провел восемь лет в Любеке. В 1610 году Кучкин попытался морем вернуться на родину, но его корабль был захвачен шведами и отведен в Колывань (Ревель). Лишь через несколько месяцев Кучкину удалось вернуться из шведского плена. Не будем винить остальных «студентов». Кто захочет после Оксфорда или Сорбонны ехать в охваченную войной и мятежом страну, не имеющую законной власти?

В царствование Бориса увеличилось число и тиражи печатных книг. Руководил Печатным двором Андроник Тимофеев Невежа, а потом его сын Иван Андроников Невежин, который в послесловии к «Цветной триоди» восхвалял Бориса: «И о сем богодухновенных писаний трудолюбственном деле тщание велие имел и с прилежным усердием слова истины исправляя, делателей же преславного сего печатного дела преизобилие своими царскими уроки

повсегда удовлетворяя, и дом превелик устроить повеле: в нем же трудолюбному сему книжного писания печатному делу совершатся».

При Годунове по всей стране закипело строительство. Именно при нем построили колокольню Ивана Великого. Были построены новые зубчатые стены Кремля. Мощные стены опоясали Китай-город. Впервые в России в Кремле был создан водопровод. По всей стране от Смоленска до Астрахани Годунов строил каменные цитадели.

В нашей истории давно утвердился штамп, что, взойдя на престол, Борис Годунов начал тотальную борьбу с «феодальной аристократией». На самом же деле Борис проводил по отношению к знати гибкую политику, индивидуально подходя к каждому клану и группировке. Чтобы не быть голословным, приведу перечень назначений за первые полтора года царствования Бориса. По случаю своего венчания на царство в сентябре 1598 года Борис щедро раздает думные чины. Боярами в это время становятся князь Михаил Петрович Катырев-Ростовский, Александр Никитич Романов (из кравчих), князь Андрей Васильевич Трубецкой, князь Василий Казы Карданукович Черкасский, князь Федор Андреевич Ноготков-Оболенский. Чином конюшего был пожалован боярин Д. И. Годунов. Чин окольничего получили Никита Васильевич, Семен Никитич, Степан Степанович и Матвей Михайлович Годуновы, Б. Я. Бельский (из оружничих), Михаил Михайлович Кривой Салтыков, Михаил Никитич Романов, князь Василий Дмитриевич Хилков-Стародубский, Фома Афанасьевич Бутурлин. В казначеи был произведен думный дворянин И. П. Татищев. Чин кравчего (на место А. Н. Романова) получил Иван Иванович Годунов. 25 декабря 1598 года в дворецкие был произведен боярин С. В. Годунов. В конце 1598 года — начале 1599 года чин думного дворянина получил Евстафий Михайлович Пушкин. К январю 1599

года в думные дворяне был пожалован ясельничий Михаил Игнатьевич Татищев.

Внимательный читатель уже заметил, что среди пожалованных много Романовых и их родни, и даже Бельских — явных врагов Бориса. Из этого следует, что Борис сделал вид, что не заметил недружественной позиции Романовых во время кризиса 1598 года. Худородных Бельских он, видимо, вообще не считал опасными и протянул им руку.

Среди пожалованных довольно много Годуновых. Но пожалования они получили не как царские родственники, а за конкретные заслуги и в порядке очередности. Историк А. П. Павлов, специально занимавшийся составом и структурой государева двора XVII века, писал: «Никто из вновь пожалованных в думу Годуновых не получил сразу высший боярский чин, минуя окольничество. В бояре при царе Борисе было пожаловано только двое новых представителей этой фамилии (Семен Никитич и Матвей Михайлович), но одновременно сходят со сцены старые бояре Годуновы. К июню 1605 года умерли конюший Д. И. Годунов и И. В. Годунов, и в боярах числилось только трое Годуновых»¹⁹.

Земельные пожалования Годуновых в царствование Бориса были достаточно скромны. Данная царем Федором во владение конюшему Борису Годунову богатая Важская земля не была передана «по наследству» конюшему Д. И. Годунову, а снова перешла в государственное владение. Не все родственники царя Бориса были крупными землевладельцами. Так, И. А. и И. Н. Годуновы выставили в 1604 году в поход против Лжедмитрия всего по пять всадников (то есть имели по 500 четвертей поместной и вотчинной земли), Ф. А. Годунов — четверых всадников, «оприч Вяземской земли» (то есть 400 четвертей). Годуновы редко назначались воеводами в полки, и по имеющимся данным видно, что и после 1598 года они ус-

тупали в местническом отношении первостепенным «княжатам» — Мстиславскому, Шуйским, Трубецким и Голицыным. Таким образом, Борис не старался выделять своих родственников из среды знати.

В годы своего царствования Борис не ввел в Боярскую думу ни одного из своих сородичей — Сабуровых и Вельяминовых. К 1605 году в думе не осталось ни одного из представителей этих фамилий. Однако в целом Сабуровы и Вельяминовы успешно продвигались по службе. При царе Борисе в московских чинах — стольниках, стряпчих и московских дворянах — служили 13 Сабуровых и 23 Вельяминова. Интересно, что в XVII веке первым боярином из рода Сабуровых стал Михаил Богданович Сабуров, но произведен в бояре он был не Годуновым, а Лжедмитрием I.

Проанализировав деятельность Бориса Годунова в первые годы его царствования, нетрудно сделать однозначный вывод, что его политика полностью соответствовала интересам Российского государства. Знать была избавлена от репрессий прошлого. Ни один знатный род не был насильственно отстранен от власти. Князья Рюриковичи и Гедиминовичи могли быть уверены, что при Годунове их не вытеснят худородные выскочки. Тот же А. П. Павлов писал: «Дума конца царствования Бориса Годунова была не менее (а, пожалуй, и более) аристократичной по составу, чем дума 1598 г. Из 20 бояр 1605 г. 11 человек относились к первостепенной княжеской знати (Мстиславские, Шуйские, Голицыны, Куракин, Трубецкие, Катырев-Ростовский, Воротынский, Черкасский)»²⁰.

Казалось бы, разумная внешняя и внутренняя политика Годунова должна была обеспечить стабильность в обществе, но случилось совсем наоборот. Как титулованная знать, так и беспородные бояре — все рвались к власти. Перед Иваном Грозным все трепетали. Внуки удельных князей Рюриковичей и Гедиминовичей вели себя перед царем как кролик перед

удавом. Это было явление не политическое, а скорее медицинское — паралич воли сопровождался рядом других психических заболеваний. Ведь за долгое царствование Ивана никто даже не пытался убить кровавого тирана. Спасаясь от опричного террора, бежали буквально единицы. Верность присяге, крестному целованию? Нет, это чушь! Посадив на престол шутовского царя Симеона, Иван формально освободил всех подданных от присяги. Но паралич воли продолжался — потомки викингов и не шевельнулись. Жертвы покорно шли на плаху и садились на кол, «распевая каноны Иисусу».

А вот в условиях стабильности и безопасности многие князья и бояре распоясались. Кое-кто начал считать царя Бориса ровней и примерял на себя шапку Мономаха. Борис, как правило, был в курсе происков своих врагов. Он создал разветвленную систему сыска. Позже московский летописец отметил, что дьявол «вложил Борису мысль все знать, что ни делается в Московском государстве; думал он об этом много, как бы и от кого все узнавать, и остановился на том, что, кроме холопей боярских, узнавать не от кого». Надо ли говорить, что доносы посыпались как из рога изобилия. Царь Борис велел дать ход доносу дворян князя Ивана Ивановича Шуйского на своего господина. Яшка Иванов, сын Марков, и его брат Полуехтко обвиняли князя в колдовстве и сборе «кореньев» (видимо, ядов). Марков был награжден царем, но и Шуйские не были наказаны. Царь попросту их немного попугал. Как свидетельствуют разрядные книги, служебная карьера Василия Ивановича Шуйского и его братьев при Годунове шла достаточно хорошо. Некоторые историки утверждают, что Борис запретил Василию Ивановичу Шуйскому жениться, но это вымысел. Как и в остальных случаях, «злодей» Борис был ни при чем. От первой жены княжны Елены Михайловны Репниной у Василия Шуйского были

только две дочери. Еще до вступления Бориса Годунова на престол Шуйскому каким-то образом удалось развестись с женой. Во втором браке с Марьей Петровной Буйносовой-Ростовской у Шуйского родилась еще одна дочь. Да и зачем награждать чинами и одновременно смертельно унижать ближнего боярина? А главное, что толку? У Шуйского были младшие братья, так что у Шуйских и так хватало претендентов на престол (и это еще без Скопиных-Шуйских).

Более круто Борис обошелся с Богданом Бельским. В июне 1599 года Бельский был назначен воеводой в войске, сосредоточенном в районе Северного Донца. Там по царскому указу было начато строительство цепи крепостей для защиты от крымских татар. Самую мощную крепость, Царев-Борисов, названную в честь царя, Бельский сделал своей резиденцией. Гарнизон Царева-Борисова состоял из 46 выборных дворян, 214 детей боярских — рязанцев, тулян, каширян и белевцев, 2600 русских и украинских казаков, стрельцов и «немцев». Бельский не только не пытался поживиться за счет больших средств, отпущенных на строительство крепостей и содержание войск, но даже доставлял для ратников припасы из своих имений. В своем кругу пьяный Богдан хвалился, что-де Годунов — царь в Москве, а он (Бельский) — царь в Цареве-Борисове и т. п. Естественно, доброжелатели донесли обо всем в Москву. В марте 1600 года Бельский был арестован, а главным воеводой в Царев-Борисов назначен окольный Андрей Иванович Хворостин.

Боярская дума признала Бельского виновным, но Борис не желал начинать казни, поэтому Бельского наказали весьма оригинальным способом. «Государственный преступник» был привязан к «позорному» столбу, и царский медик шотландец Габриэль выщипал волос за волосом всю его длинную бороду. Потерять бороду тогда считалось большим бесчестьем.

Бельский был лишен чина окольного и отправлен в ссылку в Нижний Новгород.

Браги Годунова использовали наказание Бельского, чтобы запустить очередную «утку»: Бельский-де был наказан за то, что он покался духовнику в страшных преступлениях. Он-де по наущению Бориса Годунова умертвил в 1584 году царя Ивана, а в 1598 году — царя Федора. Испуганный духовник сообщил «тайну» патриарху, а Иов настучал царю.

Разумеется, вышесказанное — чужь собачья, но выдумали ее не бабки на базаре, а весьма умные люди, действовавшие по принципу Геббельса: «Чем чудовищнее ложь, тем больше ей верят». Ни до, ни после Бориса не было царя, против которого была развернута столь мощная пропагандистская кампания. Ее можно сравнить лишь с кампанией против Николая II и Распутина в 1915–1916 годах.

Кто был рупором этой пропаганды, «доктором Геббельсом» начала XVII века, мы, видимо, никогда не узнаем. Автор принципиально не хочет фантазировать, но по логике вещей источник пропаганды находился среди московских церковников, возможно, монахов Чудова монастыря. Иов допек многих умных и честолюбивых духовных лиц. А избавиться от него без свержения Бориса было нельзя. Эти церковники не могли не вступить в связь с мощным боярским кланом, соперничающим с кланом Годуновых. И таким кланом стали Романовы.

Мог ли честолюбивый щеголь Федор Никитич смотреть на Бориса как на Богом данного монарха и быть ему преданным слугой? Борис был шурином царю Федору, а Федор Никитич — двоюродным братом, то есть более близким родственником как по тогдашним, так и по современным представлениям. Ведь недаром в школьных учебниках до 1917 года, да и в современных генеалогическое дерево рода Ивана Калиты соединено с родом Романовых.

Надо ли говорить, что братья Никитичи не вспоминали о заслугах Годунова перед государством, равно как не думали, что рядом с ними находятся десятки представителей рода Рюриковичей, предки которых были независимыми государями и которые по феодальному праву имели право на престол. С X по XVI век десятки владетельных князей Рюриковичей умирали без потомства, и во всех случаях на престол всходил государь-Рюрикович, пусть даже из весьма удаленной ветви, но Рюрикович! При том, что многие удельные князья Рюриковичи были женаты на простых дворянках. За родство с князем или царем дворянина могли произвести в бояре, но никогда — в князья.

Борис Годунов первым нарушил обычай. Причины для этого, как мы уже видели, были объективные, и иного выхода ни у Бориса, ни у страны не было. Федор Никитич же решил пойти по пути Годунова, не имея ни юридического права, ни исторических обстоятельств, сопутствовавших вступлению на престол Бориса.

Замыслом Никитичей благоприятствовало состояние здоровья царя. В 1599–1600 годах он непрерывно болел. В конце 1599 года царь не смог своевременно выехать на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Его сын Федор отправил монахам собственноручно написанное письмо, где говорилось, что отец его «недомогает». К осени 1600 года здоровье царя Бориса резко ухудшилось. Один из членов польского посольства писал, что властям не удалось скрыть от народа болезнь царя, и в Москве по этому поводу поднялась большая тревога. Тогда Борис распорядился отнести его на носилках из дворца в церковь, что бы народ увидел, что он еще жив.

Слухи о болезни царя и возможной его близкой смерти искусственно обострили династический кризис. Заговорщики, готовя почву для переворота, рас-

пространяли в России и за границей слухи о болезненности и слабоумии наследника престола — царевича Федора. Польские послы в Москве утверждали, что у царя очень много недоброжелателей среди подданных, строгости против них растут, но это не спасает положение. «Не приходится сомневаться, что в любой день там должен быть мятеж», — писали польские послы.

На сей раз Романовы решили открыто выступить против Годунова. Никитичи и их окружение не ограничились распространением слухов, порочащих царя, а тайно начали собирать из своих вотчин дворян и боявых холопов. Несколько сотен ратников было сосредоточено на подворье Федора Никитича на Варварке.

Заговор Никитичей не остался вне поля зрения агентов Годунова. Больной Борис в ночь на 26 октября 1600 года решает нанести превентивный удар по Романовым. Польское посольство также находилось на Варварке, и этой ночью послы стали свидетелями нападения царских войск на подворье Романовых. Один из членов посольства записал: «Этой ночью его сиятельство канцлер сам слышал, а мы из нашего двора видели, как несколько сот стрельцов вышли ночью из замка [Кремля] с горящими факелами, и слышали, как они открыли пальбу, что нас испугало... Дом, в котором жили Романовы, был подожжен, некоторых он [царь Борис] убил, некоторых арестовал и забрал с собой...»

Братья Никитичи были арестованы и предстали перед судом Боярской думы. Заметим, что большинство членов думы было настроено по отношению к Романовым крайне агрессивно. Во время разбирательства в думе бояре, по словам близких к Романовым людей, «аки зверие пыхаху и кричаху». Впоследствии, уже в ссылке, Федор Романов с горечью говорил: «Бояре-де мне великие недруги, искали-де голов наших, а я-де сам видел то не однажды». Гнев боярский был

вызван не столько желанием угодить царю, сколько ненавистью к безродным выскочкам, нахально лезущим к престолу, расталкивая князей Рюриковичей и Гедиминовичей. Вспомним, что те же Шуйские никогда не вступали и не вступят в союз с Романовыми.

Однако на Руси всегда предпочитали судить политических противников не за их проступки, а навешивать на них ярлыки. В начале XVII века был ярлык — «колдун», а в XX веке — «шпион». Вспомним, что Троцкий, Тухачевский, Ежов и Берия были агентами иностранных разведок. И если с первых двух обвинений в шпионстве были позже сняты, то в 2000 году «демократическая» Фемида еще раз подтвердила, что Ежов и Берия были платными агентами иностранных разведок. Соответственно, Романовым и их сторонникам в вину было поставлено колдовство и «коренья». Борису очень хотелось показать, что он борется не с большим боярским кланом, а с отдельными колдунами, посягнувшими на здоровье и жизнь членов царской семьи.

В летописи дело представлено так: дворовый человек и казначей боярина Александра Никитича Романова Бартенев пришел тайно к дворецкому Семену Годунову и объявил, что готов исполнить волю царскую над господином своим. По приказу царя Семен с Бартеневым наложили в мешки разных корешков, и мешок этот Бартенев должен был подкинуть в кладовую Александра Никитича. Бартенев исполнил это и вернулся к Семену Годунову с доносом, что его господин припас отравленное зелье. Борис Годунов приказал окольному салтыкову обыскать дом Александра Никитича. Тот нашел мешки с какими-то корешками и привез их прямо на подворье к патриарху Иову. Собрано было много народу, и при всех из мешков высыпали корешки. Привели братьев Никитичей. Многие бояре кричали на них, обвиняемые же не могли ничего ответить в свое оправдание из-за

криков и шума. Романовых арестовали вместе с их родственниками и сторонниками — князьями Черкасскими, Шастуновыми, Репниными, Сицкими, Карповыми. Братьев Никитичей и их племянника князя Ивана Борисовича Черкасского не раз пытали. Дворовых людей Романовых, мужчин и женщин, пытали и подстрекали оговорить своих господ, но те не сказали ничего.

Обвиненные находились под стражей до июня 1601 года, когда Боярская дума вынесла приговор. Федора Никитича Романова постригли в монахи под именем Филарета и послали в Антониев-Сийский монастырь. Его жену Ксению Ивановну также постригли под именем Марфы и сослали в один из заонежских погостов. Ее мать сослали в монастырь в Чебоксары. Александра Никитича Романова сослали к Белому морю в Усолье-Луду, Михаила Никитича — в Пермь, Ивана Никитича — в Пелым, Василия Никитича — в Яренск, сестру их с мужем Борисом Черкасским и детьми Федора Никитича, пятилетним Михаилом и его сестрой Татьяной, с их теткой Настасьей Никитичной и с женой Александра Никитича сослали на Белоозеро. Князя Ивана Борисовича Черкасского — на Вятку в Малмыж, князя Ивана Сицкого — в Кожеозерский монастырь, других Сицких, Шастуновых, Репниных и Карповых разослали по разным дальним городам.

Итак, из-за «кореньев» десятки представителей знатных родов были отправлены в монастыри и в ссылку. Понятно, что коренья или наговоры доносчиков тут явно ни при чем.

Мне пришлось перелопатить всю дореволюционную литературу о предках Романовых. На девяносто процентов эти источники повторяют друг друга. Но вдруг в «Сборнике материалов по истории предков царя Михаила Федоровича», изданном в Петербурге в 1901 году, я натолкнулся на прелюбопытнейшую деталь. В XVIII веке по приказу Екатерины II в селе

Коломенском был сломан деревянный дворец царя Алексея Михайловича. При этом обнаружили портрет монаха Филарета, в миру Федора Никитича Романова. Краска на картине начала облезать, и под ней открылось совсем другое изображение — тот же Филарет, но уже в другом, царском, одеянии, со скипетром в руке. Внизу была подпись: «Царь Федор Никитич». Комментарии в «Сборнике...» по сему поводу отсутствуют. Надо полагать, что честолюбивый Федор поторопился и заранее заказал себе этот портрет²¹.

Борис Годунов был самым разумным московским правителем со времен Ивана Калиты, но ему катастрофически не везло. В его царствование Россия пережила самый сильный голод за три столетия. Самое большое похолодание в Европе за последнюю тысячу лет произошло в начале XVII века²². В странах с более благоприятными почвенно-климатическими условиями и высоким для своего времени уровнем агрокультуры это похолодание не привело к серьезным экономическим последствиям. Но во многих странах Северной и Восточной Европы это похолодание вызвало настоящую аграрную катастрофу.

Как сказано в летописи, в 1601 году по всей России лили дожди все лето. Хлеб не созрел и стоял, налившись, зеленый, как трава. На праздник Успения Пресвятой Богородицы²³ ударили морозы, и урожай окончательно погиб. В этот год народ еще кое-как кормился прошлогодним хлебом и тем, что удалось собрать. Весной 1602 года поля засеяли невызревшим зерном, собранным в прошлом году, и семена не взошли. Вот тогда-то настал настоящий голод. Купить хлеба было негде, люди умирали от голода так, как не умирали во время эпидемий: щипали траву, подобно скоту, зимой ели сено. У мертвых находили во рту вместе с навозом человеческий кал. Отцы и матери ели детей, дети — родителей, хозяева — гостей. Человеческое мясо продавалось на рынках за говя-

жье в пирогах. Путешественники боялись останавливаться в гостиницах. Лишившись семенных фондов, крестьяне вынуждены были засеять поля «злыми» семенами, что привело к недороду в 1603 году. Сведения о ценах на хлеб можно почерпнуть в воспоминаниях царских наемников Я. Маржерета и К. Буссова, владевших поместьями в центральных уездах и осведомленных насчет хлебной торговли. По словам Маржерета, мера ржи, стоившая 15 солей (около 6 копеек), в годы голода продавалась почти за 20 ливров (почти 3 рубля). Буссов писал, что хлебные цены держались на высоком уровне до 1604 года, когда кадь ржи продавали в 25 раз дороже, чем в обычное время. Таким образом, и Маржерет, и Буссов одинаково считали, что хлеб подорожал примерно в 25 раз.

В первые месяцы своего царствования Борис попытался исполнить обещания, данные народу при коронации. Податное население было на год освобождено от налогов. Финансовые меры Годунова клонились к тому, чтобы облегчить участь беднейших слоев населения, сделать обложение более равномерным и справедливым, чтобы народу «впредь платить без нужи, чтоб впредь (всем) состоятельно и прочно и без нужи было». Эта доктрина всеобщего благоденствия нашла отражение и в дипломатической документации. Характеризуя деятельность царя Бориса, Посольский приказ подчеркивал, что новый царь «все-российской земле облегчение и радость и веселие показал... всю Русскую землю в покое, и в тишине, и во благоденственном житии устроил».

Накануне голода Борис организовал систему общественного призрения, учредив богадельни в Москве. Чтобы обеспечить заработок нуждающимся, царь приказал расширить строительные работы в Москве. Естественно, что Борис принял энергичные меры по спасению подданных от голода. Однако

царь не имел опыта в подобных мероприятиях, да и не представлял масштабов разразившейся катастрофы. Поэтому принятые им меры лишь усугубили ситуацию. По царскому указу в Москве ежедневно на четырех площадях раздавали нищим деньги, в будний день — по полушки, а в воскресенье — по деньге, то есть вдвое больше. Как отмечали очевидцы, казна расходовала на нищих по 300–400 рублей и более в день. Помощь ежедневно получали 60–80 тысяч голодающих. Подобные мероприятия проводились и в других городах — Смоленске, Новгороде, Пскове и т. д. Я. Маржерет писал: «Мне известно, что он (Борис) послал в Смоленск с одним моим знакомым 20 000 рублей».

Однако преобладающее сельское население осталось без помощи. Услышав, что в Москве царь раздает всем желающим деньги, причем сумма эта в слухах была сильно преувеличена, тысячи людей двинулись в Москву. Среди них были как умирающие от голода, так и те, кто мог прокормиться до следующего урожая и у себя в деревне, но кинулся «на халяву». Зло увеличивалось за счет воровства чиновников, ведавших раздачей. Кто просто присваивал деньги, а кто в первую очередь раздавал деньги своим родным и знакомым, представлявшимися нищими. Вспомним Сашу Альхена и сирот Яковлевичей.

Узнав о злоупотреблениях, царь Борис приказал прекратить в Москве выплаты голодающим. Это, разумеется, увеличило число умерших. К голоду присоединилось еще и «моровое поветрие» (холера). По приказу Бориса специально выделили людей, которые ежедневно подбирали трупы на московских улицах и хоронили их в братских могилах. Царь Борис велел обрывать людей в казенные саваны и вести счет холсту, отпущенному из казны. Авраамий Палицын писал: «И за два лета и четыре месяца счисляюще по повелению цареву погребения в трех скудель-

ницах 127 000, толико во единой Москве». Яков Маржерет называет близкую цифру — 120 тысяч.

Одновременно Борис послал детей боярских по отдаленным областям государства. Там они отыскивали запасы хлеба с прежних лет, привезли хлеб в Москву и другие города и продавали за полцены. Бедным, вдовам, сиротам и особенно «немцам» было отпущено большое количество хлеба вообще даром. В некоторых областях, например в Курской, был большой урожай. Туда стеклось много народу, и Курск пополнился жителями. Чтобы дать работу людям, скопившимся в Москве, в Кремле, на месте прежних хором Ивана Грозного, Годунов велел выстроить большие каменные палаты.

Таким образом, царь Борис впервые в русской истории предпринял попытку ввести государственное регулирование цен на продовольствие. Вот, к примеру, осенью 1601 года посадские люди Соль-Вычегодска обратились в Москву с жалобой на то, что местные торговцы подняли цены на хлеб до рубля за четверть и выше. 3 ноября 1601 года царь Борис указал ввести в Соль-Вычегодске единую цену на хлеб, обязательную для всех. Государственная цена была вдвое меньше рыночной. Чтобы покончить со спекуляциями, указом вводилась нормированная продажа хлеба. Запрещалось продавать в одни руки более двух-четырех четвертей хлеба. Посадский «мир» получил право отбирать излишки хлеба у торговцев и пускать их в розничную продажу. Торговцы, отказавшиеся продавать хлеб по государственной цене, арестовывались и штрафовались на пять рублей.

Тем не менее можно сказать, что в борьбе с голодом царь Борис действовал полумерами. С мелкими спекулянтами власти обходились круто: товар конфисковывался и сразу же продавался по госцене, а спекулянт тут же на площади подвергался торговой казни, то есть получал несколько ударов кнутом. Од-

нако большая часть хлеба и других съестных продуктов хранилась в боярских и монастырских закромах, владельцы которых не желали продавать их по госцене и боялись царских указов, чтобы торговать по спекулятивным ценам. В результате сотни тысяч людей мерли от голода, и параллельно гнили тысячи тонн зерна. Увы, Борис не желал ссориться ни со знатью, ни с духовенством. Забегая вперед, скажем, что практически все иностранные авторы, начиная от современников типа Буссова и Маржерета и кончая историками XIX века, такими, как Казимир Валишевский, едины в том, что династию Годуновых погубила мягкость и нерешительность Бориса, чуравшегося кардинальных и жестоких решений.

Голоду положил конец лишь богатый урожай 1604 года, но порожденные голодом разбои остались. Советские историки традиционно представляли любых разбойников как крестьян, восставших против власти феодалов, а конкретно разбои 1601–1603 годов как начало крестьянской войны. На самом же деле шайка разбойников состояла в основном из холопов, которые ранее служили при дворах богатых дворян и князей. Для читателей, мало сведущих в истории, поясним, что княжеский или боярский холоп был не крестьянин и даже не повар или лакей, а слуга, выполняющий защитные и административные обязанности при своем господине. Часть этих холопов отправлялась в ополчение вместе со своими господами, таких называли «боевыми холопами». По социальному происхождению холопы были детьми крестьян, таких же холопов или даже дворян. Надо ли говорить, что боевые холопы были первоклассными воинами, да и остальные холопы умели владеть оружием. В голодные годы господам было обременительно кормить толпу холопов, и их прогоняли — кого-то с отпускными, а в основном так, в надежде, что когда голод прекратится, их опять можно будет взять к се-

бе, а тех, кто даст им кров и пропитание, обвинить в укрывательстве беглых холопов и получить с них деньги. Поэтому никто не хотел принимать выгнанных без отпускных холопов. Только в августе 1603 года царь Борис издал указ, по которому господа обязаны были, отсылая холопов для прокормления, выдавать им отпускные. Холопам, выгнанным без отпускных, выдавать их должен был Холопий приказ.

Тем не менее тысячи холопов оказались выброшенными на все четыре стороны. Значительная часть их бежала на окраины государства, особенно на Северскую Украину, а остальные занялись разбоем в Центральной России. Распространению разбоев способствовала и мягкотелая политика правительства. Исаак Масса писал, что царь Борис в течение первых пяти лет своего правления (то есть до 1603 года) выполнял обет не проливать крови и «делал это явно по отношению к татям, вора, разбойникам и прочим людям». Другой вопрос, что на местах отдельные начальники воздавали разбойникам по заслугам, игнорируя Борисовы указы.

Советские историки раздули действия одной из бандитских шайк, возглавляемой неким Хлопко Косолапым, до размеров большого крестьянского восстания. Как писал Р. Г. Скрынников: «Источники официального происхождения старались дискредитировать выступления низов, называя их «разбойными». На самом деле в России назревала крестьянская война. Царь Борис поручил борьбу с повстанцами окольному Ивану Бутурлину, одному из лучших воевод периода Ливонской войны. Как глава Разбойного приказа Бутурлин посылал дворянские отряды против «разбоев» в Коломну, Волоколамск, Можайск, Вязьму, Медынь, Ржеву, Белую и другие уезды. Охваченные восстанием территории окружали Москву со всех сторон. Наконец «разбои» появились в непосредственной близости от столицы.

С мая 1603 года москвичи стали свидетелями военных приготовлений неслыханных масштабов. Можно было подумать, что городу вновь угрожают татары. Борис разбил столицу на множество секторов и поручил их оборону пяти боярам и семи окольным. Осенью окольный Иван Басманов, охранявший порядок на Арбате, «в деревянном городе», выступил в поход против «разбоев». Воеводы прочих секторов оставались на месте. Власти опасались, очевидно, не столько повстанцев, сколько волнений в столице. В бою с правительственными войсками «разбой» проявили много упорства и смелости. Воевода Басманов погиб. Но мятежники понесли поражение, их вождь Хлопко был взят в плен и повешен²⁴. На самом же деле Хлопко был обыкновенным разбойником, а шайка его была невелика. Проблемой же стало большое число шаек. Боролись с ними не московские рати, а местные дворяне и стрельцы. Для этого создавались специальные мобильные отряды, в которые входили конные дворяне и боевые холопы, а также стрельцы, посаженные на телеги, реквизированные у местных крестьян.

В России во время обычных крестьянских восстаний, как при Стеньке Разине и Емельке Пугачеве, так и в 1902–1907 годах, крестьяне первым делом начинали громить помещичьи усадьбы и делить дворянское добро. Соответственно, каратели приходили в села и начинали там вести суд и расправу. Борьба же с разбоями в 1602–1604 годах велась в основном вдоль больших дорог. Крестьяне же страдали от разбойников не меньше, чем помещики. В приходных книгах Новодевичьего монастыря сохранился перечень жалоб крестьян из оболенских сел летом 1604 года. Крестьяне жаловались, что у них был «хлебный недород по три года», что много людей в их селах умерло, жены и дети их нищенствовали, а многие из крестьян «сошли кормитца в украинные города, а дворы тех

крестьян пусты, а которые крестьяне остались, и те от разбойников разорены, а иные в разбойных вытес по язычным молкам на правеже замучены».

К 1605 году число разбоев явно пошло на убыль. Однако голод, мор и разбой нанесли экономике страны огромный вред. Царю Борису не удалось выполнить обещания и улучшить жизнь людей. Наоборот, жизненный уровень понизился, а в обществе возникла напряженность. Противники Годунова распускали дичайшие слухи и винили во всех бедах России царя.

В начале 1604 года в Кракове появился самозванец, выдающий себя за сына Ивана Грозного Дмитрия. Он утверждал, что вместо царевича был зарезан другой мальчик, а его спрятали неизвестные люди. Слухи о появлении в Польше царевича Дмитрия проникали в Московское государство не только из Польши, но и через Ливонию, от малороссийских и донских казаков. Первое официальное объявление, данное московскими властями, гласило, что царь, узнав о самозванце, приказал выяснить его личность, и оказалось, что это был чернец Чудова монастыря Григорий, в миру Юрий Богданович Отрепьев. Путая монашеское имя и мирскую фамилию (прозвище), историки называют его Григорием Отрепьевым.

По официальной версии дьякон Григорий, служивший у патриарха, впал в ересь. Патриарх Иов велел отослать его обратно в Чудов монастырь и предать церковному суду. Суд постановил сослать Григория на Белое озеро в Кирилло-Белозерский монастырь. Отправить Григория «в места не столь отдаленные» было поручено дьяку Смирному-Васильеву. Но дьяк Семейка Ефимьев, приходившийся свояком Григорию, уговорил Смирного-Васильева отложить дело «в долгий ящик». Хитрый Гришка тем временем утек за рубеж. Царь Борис велел вызвать дьяка Смирного-Васильева и спросил, где монах Григорий, но тот «аки мертв перед ним стояша и ничего не мог отвечать». Царь Бо-

рис хоть и был разгневан, но поступил довольно умно. Суд над дьяком из-за какого-то беглого монаха давал повод к слухам о спасенном царевиче. Поэтому царь решил провести ревизию — на свою беду дьяк ведал казенными деньгами. Ревизия выявила, что Смирной-Васильев здорово проворовался. За такое дело выводят на правез и бьют палками. Так вот дьяка вздули так, что тот отдал богу душу.

Но в остальных мероприятиях против самозванца московские власти действовали крайне бестолково. Царь Борис срочно приказал привезти из монастыря мать царевича Дмитрия инокиню Марфу, в миру Марию Нагую. Марфу поместили в московский Новодевичий монастырь. По одним сведениям, царь Борис и патриарх Иов ездили туда сами на допрос Марфы. Другие источники утверждают, что Марфу привезли ночью в царский дворец, и Борис вместе со своей женой допрашивали ее. Когда Марфа сказала, что не знает, ее это сын или нет, то царица Марья выругалась и бросилась на нее со свечой, чтобы выжечь глаза, но Борис защитил инокиню от своей разъяренной жены. Разговор кончился очень неприятно для Годунова: Марфа, сославшись на уже умерших людей, сказала, что сын ее был спасен и отвезен за границу.

По царскому указу пограничные воеводы роздали сопредельным магнатам и воеводам грамоты о побеге и самозванстве Отрепьева. Но эти грамоты только дали возможность самозванцу уличать показания московских властей в лживости и противоречиях. К примеру, в 1604 году остерскому воеводе было послана грамота от черниговского воеводы князя Кашина-Оболенского. Там говорилось, что царевич Дмитрий сам зарезался в Угличе шестнадцать лет тому назад, ибо это случилось в 1588 году, и погребен в Угличе же в соборной церкви Богородицы. А теперь монах из Чудова монастыря, сбежавший в Польшу в 1593 году, называется царевичем. Москвичи, бывшие при само-

званце, доказывали полякам, что в Угличе в 1591 году убили другого ребенка и похоронили его в соборной церкви Св. Спаса, а не Богородицы, да и церкви такой в Угличе вообще нет, доказывали также, что царевич прибыл в Польшу в 1601 году, а не в 1593-м. В 1605 году пришла грамота, что царевич умер в Угличе 13 лет тому назад, а князь Татев писал из Чернигова, что это случилось 14 лет тому назад.

На Боярской думе царь прямо объявил, что подставка самозванца — это дело рук бояр. Эта фраза стала хрестоматийной и кочует из одной книги в другую, но, увы, пока никто из историков не попытался выяснить, кого конкретно имел в виду Борис. В целях пропаганды царю было выгодно объявить Лжедмитрия ставленником польских панов или иезуитов. Ведь и те и другие ему помогали, и действовал самозванец в их интересах. «Внешнее» происхождение самозванца было на руку московским властям, с учетом неприязни русского народа к полякам и иноземцам вообще.

Однако Борис выбирает самый невыгодный в пропагандистском плане вариант — своим недругам внутри и вне страны он показывает, что измена проникла в высшие эшелоны власти. Значит, Борис знает, о чем говорит, и знает поименно устроителей смуты. Во все времена и во всех странах за такими обвинениями следовали репрессии. Но никаких репрессий на бояр и князей не последовало. Ни жестоких — с виселицами, колесами и колами, ни мягких — ссылка в деревню, отстранения от должности или лишения чинов.

Как же так? Знать тех, кто предал царя, предал государство, навел на страну ляхов, и оставлять их на руководящих постах? Тут могло быть лишь два варианта: или царь Борис сошел с ума, или бояре — организаторы самозванческой интриги — уже не играли никакой роли в управлении государством. Тогда ими могли быть только Романовы с родственника-

ми. Они и так были наказаны. Большинство братьев Никитичей умерло в ссылке, а старший брат уже давно не был Федором Никитичем, а был иноком Филаретом. Правда, Иван Грозный вытаскивал из монастырей и казнил многих вельмож, принявших постриг. Но Борис был умнее и прекрасно понимал, что, скажем, четвертование Филарета ничего уже не исправит, но сильно повредит престижу царя в глазах народа. Поэтому Борис и не стал уточнять, кто именно затеял дело с самозванцем. Бояре же, надо думать, правильно поняли Годунова и не стали задавать глупых вопросов. Расставим точки над «i»: в конце 1604 года большинство бояр не любило Бориса, но с другой стороны, в Москве не было и бояр, любивших Романовых и желавших их возвращения.

Наши историки до сих пор не могут толком ответить на вопрос: почему беглый монах с четырьмя-пятью тысячами разношерстного войска мог успешно воевать с лучшими воеводами и огромными ратями Московского государства? Болтовня о том, что народ не любил царя Бориса, не мог простить ему отмены Юрьева дня, надеялся на доброго царя Дмитрия и т. д., право, несерьезна. Она годна лишь для сентиментальных девиц да интеллигентов-образованцев, охотно распевающих: «Кавалергарда век недолог...», но не представляющих, чем кавалергард отличается, к примеру, от гусара. На самом деле никого из народа, то есть крестьян, посадских и т. п., кого современные историки понимают под народом, ни в войске самозванца, ни у царских воевод не было. И там, и там воевали профессионалы — дворяне, боевые холопы, стрельцы, гусары, казаки и др.

Династию Годуновых погубила недооценка противника и полнейшая безграмотность в стратегии войны как царя, так и его воевод.

Посмотрим на карту. Кратчайший путь из Польши в Москву лежит через Смоленск, Вязьму и Мо-

жайск. Ареной всех предшествующих русско-польских войн традиционно была Смоленская земля. По этому маршруту в 1609 году двинулся на Русь король Сигизмунд, в 1610 году — Жолкевский, в 1611 году — Ходкевич, в 1618 году — королевич Владислав, а в 1812 году — Наполеон. Однако в 1604 году Лжедмитрий и Мнишек пошли кружным путем через Чернигов и Новгород Северский, то есть на 300–350 километров южнее, чем это обычно делали завоеватели, шедшие с запада на Москву. Сделано это было не случайно. На берегах Десны и Сейма еще со времен Ивана III строились многочисленные крепости и остроги, предназначенные для защиты южного «подбрюшья» России как от поляков, так и от крымских татар. Естественно, что сидеть в маленьких гарнизонах было скучно, шансов на чины и награды было мало. Туда отправляли опальных и прощтрафившихся дворян и стрельцов. Дисциплина в крепостях и острогах была низкая, жалованья на жизнь не хватало, и служилые люди часто промышляли разбоем. Появление царевича Дмитрия для большей части служилых было манной небесной. А серьезно: каким другим способом они могли получить богатство, чины, покинуть остроги, вокруг которых постоянно рыщут злые татары и не менее злые ляхи, и переселиться в хоромы в Москве?

Находясь в четырехугольнике Чернигов — Стародуб — Кромы — Рыльск, самозванец мог спокойно проигрывать сражения, нести сколь угодно большие потери и... продолжать войну до бесконечности. Ведь оружие и порох Лжедмитрий свободно получал из Польши, оттуда же шли толпы грабителей-шляхтичей. С Дона и Днепра к Лжедмитрию шли казаки. Наконец, в упомянутом четырехугольнике хватало и охотников до приключений из русских служилых. Русскому командованию вести борьбу с самозванцем в этом четырехугольнике было абсолютно беспер-

спективно. Но не будем корить Бориса Годунова за невежество в военной стратегии, когда подобные глупости совершали и наши маршалы в Афганистане и Чечне. Российские политики и военные, видимо, физически не способны понять, что не всегда ответный удар целесообразно наносить в том же месте и теми же средствами, что и агрессор. Во многих случаях куда эффективней нанесение асимметричного контрудара. Наша армия не смогла победить в Афганистане и никогда не сможет победить в Чечне. Принести нам победу в Афганистане могла только... индийская армия, которая за месяц разобралась бы с Пакистаном. А для этого СССР нужно было только предоставить Индии современное вооружение и гарантировать ядерный «зонтик» на случай вмешательства США. Равно как и сейчас, войну в Чечне можно выиграть только в Москве, Баку и Тбилиси, для чего наше правительство может жестко надавить на чеченскую диаспору в Центральной России, а также на господ Шеварднадзе и Алиева, дабы те по-настоящему перекрыли все краны снабжения боевиков.

Аналогичные возможности были и у Годунова. В феврале 1605 года герцог Карл Зюдерманландский (правитель Швеции, с марта 1607 года — король Карл IX) предложил царю Борису наступательный союз против Польши. Годунову надо было опередить герцога Зюдерманландского и заключить со Шведией союз еще в 1604 году. При этом ни под каким видом не следовало пускать шведские войска в Россию, как это сделал позже Василий Шуйский. Шведы давно зарились на Лифляндию, Курляндию и другие земли, принадлежавшие Речи Посполитой. И для наступления туда у шведов был превосходный плацдарм в Эстляндии. Кроме того, шведы имели сильный флот, который мог произвести десант в любой точке польского побережья. Царь Борис же, выставив небольшой заслон против Лжедмитрия, мог бы с

основными силами идти из Смоленска на Оршу, Минск, Гродно и далее... Разгром Польши был бы неизбежен. Минусом этого предприятия было бы серьезное усиление шведского королевства, что было нежелательно, но вполне терпимо, так как шведы никогда не собирались идти на Москву, да и Швеция, став протестантской страной, из орудия папской экспансии на Восток давно уже превратилась в непримиримого врага католицизма. Плюсом было бы приобретение пограничных земель Речи Посполитой, заселенных русскими православными людьми. А голова Отрепьева стала бы мелкой разменной монетой в переговорах победителей и побежденных.

И это не фантазии автора, а объективная реальность. Вторжение поляков в Россию и глупость Бориса отсрочили польско-шведскую войну до 1621 года, когда шведский король Густав появился с флотом в устье Западной Двины и высадил двадцатитысячный десант.

Увы, Годунов не нанес ответного удара Польше, а пытался усовестить короля и панов, отправляя к ним послов всех рангов. Так, к примеру, русский посол Постник Огарев вручил королю Сигизмунду грамоту: «В нашем государстве объявился вор расстрига, а прежде он был дьяконом в Чудове монастыре и у тамошнего архимандрита в келейниках, из Чудова был взят к патриарху для письма, а когда он был в миру, то отца своего не слушался, впал в ересь, разбивал, крал, играл в кости, пил, несколько раз убежал от отца своего и наконец постригся в монахи, не оставши от своего прежнего воровства, от чернокнижества и вызывания духов нечистых. Когда это воровство в нем было найдено, то патриарх с Освященным собором осудили его на вечное заточение в Кириллов Белозерский монастырь; но он с товарищами своими, попом Варлаамом и клирошанином Мисаилом Повадиным, ушел в Литву. И мы дивимся, каким обычаем такого вора в ваших государствах приняли и пове-

рили ему, не пославши к нам за верными вестями. Хотя бы тот вор и подлинно был князь Димитрий Углицкий, из мертвых воскрешенный, то он не от законной, от седьмой жены».

Годунов требовал, чтобы король велел казнить Отрепьева и его советников. Огареву от имени короля объявили, что Димитрий не получает никакой помощи от польского правительства, и помощники его будут наказаны. Поляки ответили вежливо, но сами смеялись над дуростью московитов.

Годунов ввязался в бесперспективную войну с самозванцем. Победить в этой войне ни одна сторона не могла, по крайней мере теми методами, какими велась эта война. Развязкой в патовой ситуации стала смерть Годунова.

13 апреля 1605 года в три часа пополудни царь Борис закончил трапезу и поднялся из-за стола. Внезапно у него хлынула кровь изо рта, ушей и носа. После двухчасовой агонии царь скончался. По обычаю, его постригли в монахи под именем Боголена.

Судя по всему, царь умер от апоплексического удара. Но среди современников распространились слухи об убийстве или самоубийстве Годунова. Исключить вероятность отравления царя нельзя, хотя тут напрашивается естественный вопрос — кто это сделал? Если бы умер кто-нибудь другой, то тогда, разумеется, отравителем объявили бы царя Бориса. Тут же никто из современников и позднейших историков не приводит имен подозреваемых. Версию самоубийства следует исключить. Борис всю жизнь трогательно заботился о своей семье. Неужели он мог решить оставить ее на произвол судьбы в столь сложный момент? Заметим — момент был сложный, но не критический. Если бы Борис выздоровел, то война с самозванцем затянулась бы на неопределенный срок.

О смерти царя Бориса бояре объявили народу лишь на следующий день и немедленно начали при-

водить жителей к присяге. Текст присяги достаточно любопытен: «Государыне своей царице и Великой княгине Марье Григорьевне всея Руси, и ее детям, государю царю Федору Борисовичу и государыне царевне Ксении Борисовне». Форма присяги была та же самая, что и царю Борису: повторено обязательство не хотеть на Московское государство Симеона Бекбулатовича, но прибавлено: «И к вору, который называется князем Димитрием Углицким, не приставать, с ним и его советниками не ссылаться ни на какое лихо, не изменять, не отъезжать, лиха никакого не делать, государства не подыскивать, не по своей мере ничего не искать, и того вора, что называется царевичем Димитрием Углицким, на Московском государстве видеть не хотеть».

Из самого текста присяги видно, насколько непрочным было положение новой династии. На всякий случай первой помянута царица Марья Григорьевна, хотя царевичу Федору было уже 18 лет. Современники писали о Федоре, что он хотя «был молод, но смыслом и разумом превосходил многих стариков седовласых, потому что был научен премудрости и всякому философскому естественнословию». Однако царю Федору Борисовичу явно не хватало решительности. Корону и жизнь можно было спасти, окажись на его месте восемнадцатилетний Александр Невский или Петр I.

Присяга новому царю в Москве прошла спокойно. Также без затруднений присягнули в Новгороде, Пскове, северных городах, Поволжье и Сибири, то есть везде, кроме района театра военных действий. Однако чувствовалось, что московская знать не намерена поддерживать Федора.

К началу 1605 года все наиболее значительные деятели из рода Годуновых — Дмитрий Иванович, Григорий и Иван Васильевичи и другие — умерли, а молодые Годуновы не имели авторитета ни у знати, ни

у народа. Царица Марья Григорьевна также не пользовалась популярностью, все помнили ее отца палача Малюту (Григория) Скуратова.

Одним из первых шагов нового царя был вызов из армии больших бояр Мстиславского и братьев Шуйских. Приехав в Москву, Василий Шуйский в очередной раз выступил перед толпой народа, призывая его верой и правдой служить династии Годуновых. Шуйский поклялся самыми страшными клятвами, что царевич Дмитрий давно умер, что он сам своими руками положил его в гроб в Угличе, а путивльский «вор» — беглый монах и расстрига Гришка Отрепьев, подученный дьяволом и посланный в наказание за грехи.

Новым главнокомандующим в армию царь назначил князя Михаила Петровича Катырева-Ростовского, а его помощником — боярина Петра Федоровича Басманова. Катырев-Ростовский получил боярство одним из первых сразу после коронации Бориса. Он ничем еще не успел себя проявить на военном поприще, и назначение это было продиктовано чисто местническими интересами. До опричнины Катыревы-Ростовские занимали высокое положение в Боярской думе. Поэтому Катырев, получив боярство, начал местничать с главой думы Мстиславским. По тогдашнему табелю о рангах Катырев стал первым воеводой большого полка, а Басманов — вторым воеводой большого полка.

Главной надеждой царя Федора стал талантливый воевода П. Ф. Басманов. Назначение его в большой полк вызвало негодование родовой знати. Второй воевода полка правой руки князь М. Ф. Кашин-Оболенский отказался подчиняться приказу царя Федора, он «бил челом на Петра Басманова в отечестве и на съезд не ездил и списков не взял».

Поначалу войско дружно присягнуло царю Федору Борисовичу, но вскоре Катырев и Басманов поте-

ряли управление над армией. Воеводы Василий и Иван Васильевичи Голицыны отказались подчиняться им и начали агитацию в пользу самозванца.

В конце концов, 7 мая 1605 года большая часть царского войска под крепостью Кромь перешла на сторону самозванца, а остальные попросту разбежались. Далее события пошли лавинообразно. 31 мая население Москвы взбунтовалось. Царь Федор, его мать и сестра были взяты под стражу и посажены под домашний арест в старый дом Бориса Годунова. 10 июня во двор Годуновых пришли дворяне Молчанов и Шереметевы с отрядом стрельцов. Годуновых развели по разным комнатам, а затем убили царя Федора, а его мать Марию задушили.

Так погибла первая «выборная» династия Годуновых.

Сигизмунд и Владислав

Главным действующим лицом страшной драмы, потрясшей русское государство, стал не Годунов, якобы доведший страну до кризиса, не бояре, затаившие на него злобу, и тем более не чудовский чернец Григорий, а ляхи.

Предположим, что Отрепьев бежал бы не на запад, а на север к шведам или на юг к турецкому султану или персидскому шаху. В любом случае он стал бы лишь мелкой разменной монетой в политической игре правителей означенных стран. В худшем случае Отрепьев был бы выдан Годунову и кончил жизнь в Москве на колу, в лучшем — жил бы припеваючи во дворце или замке под крепким караулом и периодически вытаскивался бы на свет Божий, дабы немного пошантажировать москвитов.

Именно поляки устроили разорение государства Российского, сопоставимое разве что с нашествием Батыя. В советских учебниках истории все объяснялось просто и ясно. В XIV–XV веках польско-литовские феодалы захватили западные и юго-западные

русские земли, а в 1605 году устроили интервенцию в Московскую Русь, взяв с собой за компанию шведов. Увы, эта версия годилась лишь для школьников, думавших не столько о Смутном времени, сколько о времени, оставшемся до перемены. Анализа же причин «польско-шведской интервенции» советская историография дать не сумела. Нам же, чтобы хоть сколько-нибудь разобраться в ситуации, придется совершить экскурсию аж в конец XIII века.

В то время на юго-западе Руси Галицко-Волынским княжеством владел честолюбивый и умный русский князь Даниил Романович. С сильным русским князем даже начал заигрывать Рим. Папа предложил Даниилу корону в обмен на переход в католичество. В 1253 году Даниил короновался и стал первым русским королем, после чего желание сменить веру у него как-то пропало, то есть, попросту говоря, он надул святейшего отца.

Еще раньше, в 1250 году, Даниил Галицкий выдал свою дочь замуж за великого князя владимирского Андрея Ярославовича. Этот династический брак был одним из элементов союза двух сильнейших русских князей против Орды. Но, увы, у Андрея был обиженный братец Александр, который по завещанию отца и по воле хана Гуюка получил Киев вместо столь желанного Владимира. Обиженный князь в разоренный Киев даже не поехал, а три года провел в Новгороде, а затем поехал к хану Сартаку, сыну Батыеву, с жалобой на брата, мол, Андрюша с Даниилом нехорошее на тебя, великого хана, замышляют. Сартак поверил, отдал Великое княжество Владимирское Александру Ярославичу, а на Русь послал знаменитую Неврюеву рать, опустошившую страну не хуже Батыя. Андрей Ярославович вынужден был бежать с женой в Швецию. А его брат через сто лет был причислен к лику святых!

В 1264 году Даниил Романович скончался, галицким королем стал его сын Лев. А за два года до этого

произошло вроде бы незначительное событие, чуть было не перевернувшее историю Литвы, России и Польши: у великого князя литовского Миндовта умерла жена. Миндовт согласно языческим обычаям решил жениться на ее родной сестре, несмотря на то, что она была уже замужем за нальщанским князем Довмонтом. Миндовт послал сказать ей: «Сестра твоя умерла, приезжай сюда плакаться по ней». Когда та приехала, Миндовт сказал ей: «Сестра твоя, умирая, велела мне жениться на тебе, чтоб другая детей ее не мучила», — и женился на свояченице.

Довмонт сильно обиделся, но для виду покорился своему сюзерену. В 1263 году Миндовт отправил войско за Днепр на брянского князя Романа Михайловича. В одну прекрасную ночь Довмонт объявил войску, что волхвы предсказали несчастья, и с преданной ему дружиной покинул рать. Внезапно люди Довмонта ворвались в замок Миндовта и убили князя вместе с двумя его сыновьями. В живых остался лишь один сын Миндовта Воишелк. Воишелк был женат на дочери Шварна, сына короля Даниила, и, естественно, обратился за помощью к тестю. Объединенное русско-литовское войско изгоняет Довмонта и его сторонников из Литвы.

При этом стоит отметить две любопытные детали. В битве с войсками Шварна и Воишелка погибает дравшийся на стороне Довмонта безудельный рязанский князь Евстафий Константинович. А сам Довмонт бежит вместе с остатками своей дружины в Псков. Там Довмонт крестился и получил православное имя Тимофей. Вскоре Довмонт становится грозой ливонских немцев и любимцем псковичей. Последний раз он разгромил рыцарей в 1298 году, а в следующем году умер. После смерти Тимофей-Довмонт был причислен псковичами к лику святых. В его жизни сказано: «Страшен ратоборец быв, на многех бранях мужество свое показав и добрый нрав. И вся-

кими добротами украшен, бяше же уветлив и церкви украшая и попы и нищия любя и на вся праздники попы и черноризцы кормя и милостыню дая».

После изгнания Довмонта власть в Литве переходит к Воишелку, причем Шварн вместе с дружиной по-прежнему остается в Литве. Воишелк прославился жестокими расправами над своими противниками. Приступы жестокости и даже садизма часто сменялись у него религиозным экстазом. Так, еще до убийства отца Воишелк пытался уйти в монахи в Афонский монастырь. Наконец, в 1268 году Воишелк окончательно уходит в монахи, принимает имя Давид и поселяется в угровском Даниловом монастыре, а всю власть в стране отдает тестю. В итоге на короткое время власть в Юго-Западной Руси и Великом княжестве Литовском сосредотачивается в руках сыновей короля Даниила. Можно только гадать, как изменился бы ход истории, если бы Русь и Литва слились в одно государство под властью династии Даниловичей. Но, увы, Шварн Данилович вскоре умирает. Сыновей у него не было, и король Лев решает объединить два государства под своей властью. Однако Воишелк, обожавший Шварна, по каким-то причинам недолюбливал его старшего брата. Лев попытался договориться с Воишелком и приехал в его монастырь. Переговоры перешли в дикую пьянку, а пьянка, как на Руси, так и в Литве, обычно кончается дракой. В драке Лев убил Воишелка. Этот поступок окончательно поссорил короля Льва с литовской знатью. На съезде литовцы выбрали великого князя из своей среды.

Читатель может попрекнуть автора: а какое отношение князь Воишелк и король Лев имели к Смутному времени? Дело в том, что взаимоотношения Руси с литовцами и поляками в начале XVII века невозможно показать без 350-летней предыстории. Теперь мы видим, что хоть русские и литовцы воевали друг

с другом, они не были в XIII–XV веках антагонистами. Литовцы приглашали русских князей (того же Шварна Данииловича и Евстафия Константиновича), а русские — литовских князей. В XIII–XV веках большинство литовских великих князей женилось на русских княжнах Рюриковнах. Русские православные люди терпимо относились к язычникам-литовцам. В свою очередь литовцы испытывали чувство жгучей ненависти к католической церкви. К примеру, они с большим удовольствием жгли на кострах попов и рыцарей-крестоносцев, но вполне лояльно относились к своим литовским князьям, принявшим православие.

Следует заметить, что в истории Литовского княжества в XIII–XIV веках очень много белых пятен из-за скудности письменных источников. Так, историкам почти ничего не известно о перевороте 1315 года, в ходе которого власть в княжестве перешла к знаменитому Гедемину. По одной легенде Гедемин был конюшим великого князя Витенеса, в заговоре с молодой женой которого убил своего государя и овладел его престолом. По другим данным Гедемин был сыном Витенеса и после смерти отца занял его престол. Есть версия, что Гедемин был братом Витенеса.

Но Бог с ним, с происхождением Гедемина. Гораздо хуже, что ни российские, ни украинские, ни польские историки до сих пор толком не знают, как Ольгерд, сын Гедемина, захватил Киев и большую часть современной Украины. Причин этому много. Тут и отсутствие литовских письменных источников, и явное нежелание советских историков внятно объяснить, как Киев попал к Ольгерду. Нас учили коротко и неясно, мол, пришли злодеи польско-литовские феодалы и захватили исконно русские земли.

На самом же деле и Киев, и вся Малороссия²⁵ перешли к Литве мирным путем. Осада Киева, штурм, резня горожан гарантированно нашли бы отражение

в песнях, былинах, сказках и т. д. Но, увы, в фольклоре нет никаких следов насильственного присоединения малороссийских земель. Нет в фольклоре жалоб о притеснении местного населения «литовскими феодалами» в XIV–XV веках.

Так что же произошло на самом деле в середине XIV века? После страшного Батыева разгрома в 1240 году Киев запустел. Князья Рюриковичи из Северо-Западной Руси принципиально не желали ехать в Киев. Киевом эпизодически правили мелкие князья из боковых ветвей Рюриковичей, а большей частью он вообще был без князя. Знатные дружинники (бояре) постепенно покидали город и ехали во Владимир, Тверь и другие города Северо-Западной Руси. Наконец, в 1300 году²⁶ из Киева сбежал и митрополит Максим.

Киев и другие малороссийские земли находились под властью Орды и платили большую дань татарам. Но дань не спасала от набегов ордынских феодалов. Поэтому Ольгерд с дружиной скорей всего был встречен хлебом-солью как в Киеве, так и в других малороссийских городах. Момент для ввода войск в Малороссию (1362 год) Ольгерд выбрал грамотно. После смерти ордынского хана Бирдибека в 1359 году ханы менялись с калейдоскопической быстротой: до вступления на престол Тохтамыша в 1381 году в Орде сменилось более 25 ханов. Сильной центральной власти в Орде в 60-х годах XIV века не существовало: когда-то грозная держава фактически распалась на несколько частей. Мелкие татарские ханы, кочевавшие к югу от Малороссии, лишились поддержки центра. В 1362 году войско Ольгерда в битве на Синих водах разгромило татар. Так Малороссия попала под власть Литвы.

А кто такой был князь Ольгерд? Отец его — князь Гедемин, а мать — Ольга Всеволодовна, княжна смоленская. Сам Ольгерд был православным и

имел православное имя Александр. Другой вопрос, что тогда не только литовские, но и многие русские князья предпочитали называться национальными именами, а не церковными, например тот же Ярослав Мудрый, который был крещен как Юрий. Сам Ольгерд-Александр имел (последовательно) две жены Рюриковны — Ульяну, княжну витебскую, и Марию, княжну тверскую.

В начале 60-х годов XIV века Ольгерд посадил удельным киевским князем своего сына Владимира. Заметим, кстати, что родной брат Владимира, Андрей Ольгердович, отправляется в Псков и становится псковским князем. Конечно, статусы псковского и киевского князей различны, но этот факт хорошо показывает отношение русских к литовским князьям.

Наконец, вспомним нашествие в 1389 году хана Тохтамыша на Москву. Величайший полководец Дмитрий Донской, услышав о приближении хана, бросил столицу и отправился в Вологду «собирать полки». Как тараканы во все стороны рванулись родственники князя, митрополит Киприан и ближние бояре московские. Выражение «как тараканы» не является авторской гиперболой. Тот же Киприан бежал, не разбирая дороги, и оказался в Твери, с князем которой враждовал Дмитрий Донской, за что впоследствии и попал в опалу к великому князю. Так москвичи остались без князя и вынуждены были позвать литовского князя Остея, который храбро оборонял Москву. Тохтамышу удалось взять столицу лишь обманом. Любопытно, как развивались бы события, если бы Остей отстоял Москву?

Киевское княжество на несколько десятилетий становится владением Ольгердовичей — Александра Владимировича (умер в 1455 году) и Семена Александровича (умер в 1471 году). После 1471 года Киевское княжество упраздняется, и в Киеве правит наместник великого князя литовского.

Итак, мы видим, что по крови православные литовские князья были больше чем наполовину Рюриковичи. Да и само войско Ольгерда, вошедшее в Малороссию, больше чем наполовину состояло из жителей Белой Руси — Витебского, Минского, Гродненского и других княжеств. Сами же коренные «литовские феодалы» практически не интересовались пахотными землями Малороссии, их куда больше привлекали охота и бортничество.

Таким образом, переход приднепровской Руси под власть литовского князя практически никак не отразился на быте, вере и всем укладе жизни ее жителей. Приднестровьем правили князья боковых ветвей Рюриковичей и некоторые Гедиминовичи, причем последние очень быстро обрусевали. Между прочим, сыновья Ольгерда-Александра Андрей, князь Трубчевский, и Дмитрий Корибут, князь Северский, со своими дружинами бились с ханом Мамаем на Куликовом поле под началом Дмитрия Донского. Дмитрий Корибут стал зятем князя Олега Рязанского. В XIX веке один русский историк остроумно заметил: «Победила не Литва, а ее название».

В 1321–1324 годах в борьбе с литовцами погибли братья Андрей и Лев Юрьевичи, правнуки короля Даниила. С их смертью пресеклась династия Даниловичей. Власть оказалась в руках галицких и волынских бояр. Воспользовавшись нестабильностью в Галицко-Волынском княжестве, польский король Казимир III присоединил к Польше Галицкую Русь и восточную часть Волыни. Большая часть владений в этих областях была роздана польским панам. Западная же часть Волыни отошла к Литве.

В 1370 году умер, не оставив наследника, польский король Казимир III. Династия польских князей и королей из рода Пястов пресеклась. Другие «природные польские князья» погибли или вымерли еще раньше: «А о польских нелитовского происхождения

(рода Гедиминова) князьях природных мы можем одно сказать, что они все перемерли еще при царствовании рода Пьястов»²⁷.

Польские паны избрали на польский престол венгерского короля Людовика из Анжуйской династии. При этом Людовик сохранил за собой и венгерскую корону. Ему пришлось вести тяжелые войны с Тевтонским орденом и с Литвой. В 1374 году Людовик издал так называемый «Кошицкий привилей», освобождавший панов и шляхту от всех государственных повинностей, за исключением военной повинности в пределах страны и небольшой денежной платы. Он обратил бенефиции польского дворянства в наследственные владения. Кроме того, в этом привилее король обязался назначать на должности в областях только представителей местной знати. «Кошицкий привилей» представлял собой первый привилей, выданный польскому дворянству — панам и шляхте — как сословию. До этого времени существовали лишь привилегии типа иммунитетов, выдававшиеся отдельным лицам. Время правления Людовика Венгерского отличалось крайним своеволием шляхты, грабежами, разбоями и другими проявлениями феодальной анархии. «Кошицкий привилей» свел уплату податей шляхтой и панами к чистой формальности, тем самым значительно уменьшив постоянные доходы короля и поставив финансы государства в зависимость от панов и шляхты. Для разрешения новых податей шляхта стала собираться на местные съезды — сеймики, которые скоро стали органами власти шляхты на местах.

После смерти Людовика Венгерского наступили годы бескоролья (1382–1384). В эти годы шла усиленная борьба между отдельными феодальными группами, стремившимися захватить престол в свои руки. Наконец, в 1384 году на престол была возведена дочь Людовика Венгерского Ядвига.

Угроза Тевтонского ордена и ряд других внутренних и внешних причин вынудили к сближению польских и литовских феодалов. Присутствовал и субъективный фактор — Ядвига влюбилась в герцога австрийского Вильгельма, которого недолюбливали знатные паны. В таких условиях в начале 1385 года возникла идея заключить польско-литовский государственный союз — унию. При этом великий князь литовский Ягайло, сын Ольгерда, должен был жениться на королеве Ядвиге. Акт унии был подписан в Крево 14 августа 1385 года с литовской стороны великим князем литовским Ягайлом и его братьями Скиргайлом, Корибутом, Витовтом и Лугвеном. Они обязались принять католичество и крестить все литовское население, обратить литовскую казну на нужды Польского королевства, помочь Польше вернуть земли, когда-либо и кем-либо у нее захваченные, и главное — «навсегда присоединить к Польскому королевству свои литовские и русские земли».

В феврале 1386 года великий князь литовский Ягайло прибыл в Краков, где отрекся от православия, принял католичество, женился на королеве Ядвиге и короновался под именем Владислава II. Став польским королем, он немедленно приступил к реализации условий Кревской унии. Наиболее существенным ее пунктом была инкорпорация, то есть включение литовских, малороссийских и белорусских земель в состав Польского королевства. В связи с этим Ягайло потребовал от удельных князей присяжных грамот на верность «королю, королеве и короне польской», что по нормам феодального права означало переход этих князей вместе с подвластными им землями в подданство к польскому королю.

В 1386 году вместе с князьями литовских и белорусских земель присяжные грамоты подписали киевский князь Владимир, волынский князь Федор Данилович и новгород-северский князь Дмитрий-Корибут.

Примечательно, что новгород-северские князья и бояре в свою очередь поручились за своего князя, обещая не поддерживать его в случае, если он вознамерится выйти из-под власти Польского королевства. Федор Данилович и другие волынские князья в 1388 году поручились за волынского князя Олехна.

Обратить население Великого княжества Литовского в католичество оказалось нелегко. Католиков там к 1385 году почти не было. Православие в Литве распространялось почти 150 лет, но очень медленно, поскольку, как писал С. М. Соловьев, оно «распространялось само собой без особенного покровительства и пособий со стороны святой власти»²⁸. Так, к примеру, в столице Вильно около половины жителей исповедовали православие. В сельских же местностях Литвы население было почти на сто процентов язычниками. Соответственно, население Малой и Белой Руси было на сто процентов православным.

Католические миссионеры рьяно взялись за обращение в свою веру население Литвы. Чтобы склонить феодалов к переходу в католичество, король 20 февраля 1387 года дал привилей литовским боярам, принявшим католичество, «на права и вольности», которыми пользовалась польская шляхта. Этот привилей даровал литовским боярам-католикам право неотъемлемого владения и распоряжения своими наследственными имениями. Крестьяне этих имений освобождались от большинства государственных повинностей, кроме строительства и ремонта замков. Почти одновременно был издан другой привилей, который разрешал всем литовцам принять католичество, запрещал браки между литовцами-католиками и православными, а православных, состоявших в браке с католиками, под страхом телесного наказания принуждал к принятию католичества. Имения католической церкви освобождались от всех государственных повинностей, а само духовенство — от рис-

дикции светского суда. Тем не менее большинство православных и язычников в Литве сохранило свою веру. Православным остался даже родной брат Ягайло Скиргайло.

В 1410 году в битве под Грюнвольдом объединенное польско-литовско-русское войско наголову разгромило Тевтонский орден. Таким образом, во внешней политике уния себя оправдала. Но объединение Польши и Литвы в одно государство так и не произошло. Выиграли от унии больше всего крупные феодалы, влияние которых резко возросло в обеих странах. Едлинский привилей 1430 года вместе с подтверждением всех прежних прав панства и шляхты устанавливал также, что ни один дворянин в Польше не может быть арестован без суда: «Мы никого не заключим в тюрьму, если он не будет уличен по закону».

После смерти в 1434 году Владислава II (Ягайло) польский престол несколько десятилетий занимали его потомки. Их называли в Польше Ягеллонами или Ягелонгинами.

В XV веке по отдельным областям Польши — воеводствам — стали собираться сеймики, представлявшие собой съезды местной шляхты, на которых она решала все вопросы, касавшиеся ее, и прежде всего вопросы о новых налогах. Первое время король сам объезжал эти сеймики, но затем стал приглашать представителей этих сеймиков в какой-либо определенный пункт. Иногда по требованию короля уполномоченные шляхты собирались на общий съезд — так входил в обычай общий для Польши сейм. Эта система сеймиков стала основной опорой господства шляхты. Нуждаясь в больших средствах для войны с Орденом, король Казимир IV вынужден был постоянно обращаться к сеймикам и таким образом укреплять их политическое значение.

К концу XV века окончательно организовался так называемый «вальный сейм», то есть общий для всей

страны. Этот сейм делился на две палаты: верхнюю — коронную раду; или сенат, где заседали можновладцы — прелаты и сановники Польского государства, и вторую палату — посольскую избу, в которой заседали депутаты от шляхты, избранные на сеймиках. Сеймики получили еще большее значение. Они не только выбирали депутатов на вальный сейм, но также составляли для них обязательные указы. В вальном сейме депутаты выступали не от своего имени, а как представители сеймиков.

Мельницким привилеем 1501 года королевская власть была поставлена в полную зависимость от сената. Значение короля свелось по существу к роли председательствующего в сенате. Сенат сконцентрировал в своих руках всю полноту власти в государстве. Однако успех крупных феодалов не был длительным. В 1505 году шляхта добилась издания Радомской конституции «*Nihil novi*» («Никаких нововведений»). По конституции 1505 года король не мог издавать ни одного нового закона без согласия как сената, так и посольской избы.

В январе 1569 года польский король Сигизмунд II Август созвал в городе Люблине польско-литовский сейм для принятия новой унии. В ходе дебатов противники слияния с Польшей литовский протестант князь Криштов Радзивилл и православный русский князь Константин Острожский со своими сторонниками покинули сейм. Однако поляки, поддерживаемые мелкой литовской шляхтой, пригрозили ушедшим конфискацией их земель. В конце концов, «диссиденты» вернулись. 1 июля 1569 года была подписана Люблинская уния. Согласно акту Люблинской унии Польское королевство и Великое княжество Литовское объединялось в единое государство — Речь Посполитую (республику) с выборным королем во главе, единым сеймом и сенатом. Отныне заключение договоров с иностранными государствами и дип-

ломатические отношения с ними осуществлялись от имени Речи Посполитой, на всей ее территории вводилась единая денежная система, ликвидировались таможенные границы между Польшей и Литвой. Польская шляхта получила право владеть имениями в Великом княжестве Литовском, а литовская — в Польском королевстве. Вместе с тем Литва сохраняла определенную автономию: свое право и суд, администрацию, войско, казну, официальный русский язык.

Согласно Люблинской унии вся Малороссия отошла к Польше. Фактически Люблинскую унию можно считать началом поглощения Малой и Белой Руси.

Огромную роль в истории Польши, Литвы и русских земель, входивших в их состав, сыграла Реформация. В начале XVI века северные и западные соседи Польши — Пруссия, Ливония и Швеция — приняли протестантизм. Несколько слов придется сказать о Швеции, разумеется, в том объеме, который требуется для понимания событий Смутного времени.

К началу XVI века Швеция находилась в династической (Кальмарской) унии с Данией. Правил обоими королевствами датский король Кристиан II. В 1521 году шведский рыцарь Густав Ваза поднял восстание против короля Кристиана II. Датские войска потерпели поражение, и в 1523 году ригсдаг (парламент) избрал Густава Вазу королем Швеции. Новый король расторг унию. Вскоре датская аристократия свергла Кристиана II и с датского престола. Новый датский король Фридрих I признал Густава Вазу королем Швеции. На этом Кальмарская уния окончательно прекратила свое существование.

Густав Ваза испытывал крайнюю нужду в денежных средствах и попытался поправить дело за счет церкви. Это привело его к конфликту с епископами и Римом. В Швеции получили свободу проповеди лютеранские священники. Первыми новое вероисповедание приняли горожане Стокгольма — с 1525 года

богослужение стало вестись здесь на шведском языке, а год спустя Олаус Петри перевел Евангелие с латинского на шведский язык. В 1527 году на ригсдаге в Вестеросе король, поддержанный в первую очередь дворянством, настоял на секуляризации церковного имущества.

Официально Реформацию приняли церковные соборы 1536–1537 годов. В 1539 году было введено новое церковное устройство. Король стал главой церкви. Церковным управлением ведал королевский суперинтендант с правом назначать и смещать духовных лиц и ревизовать церковные учреждения, включая сюда и епископства. Епископы сохранялись, но власть их ограничивалась советами-консисториями. Реформация способствовала укреплению независимости шведского государства в форме централизованной сословной монархии.

Реформация в Швеции объективно была выгодна России. Теперь навсегда исключались крестовые походы на Восток, да и шведам, занимавшимся церковными делами, несколько десятилетий было не до войны с Россией.

Густаву Вазе удалось укрепить не только шведское государство, но и королевскую власть. Однако, сделав многое для централизации королевской власти, Густав, верный средневековой традиции, разделил королевство на четыре части, отдав их во владения своим сыновьям Эрику, Иоанну, Магнусу и Карлу. После смерти Густава в 1560 году его старший сын стал править под именем Эрика XIV, а три младших брата остались полунезависимыми правителями с неопределенными законом правами по отношению к королю.

А теперь вернемся в Речь Посполитую. Польский король Сигизмунд I Август (1506–1548 гг.) вяло боролся с протестантами. Но следующий король Сигизмунд II Август (1548–1572 гг.) мало уделял вни-

мания государственным делам, предпочитая им многочисленных любовниц и колдуний. Сигизмунд II почти безразлично относился к вопросам веры. Тем временем протестантизм²⁹ широко распространился среди польской и особенно литовской шляхты. Так, воевода³⁰ виленский и канцлер литовский Николай Черный Радзивилл стал ревностным протестантом и делал все возможное для распространения нового учения в Литве. Он ввел его в свои обширные вотчины и поместья, вызвал из Польши самых знаменитых протестантских проповедников и принимал под покровительство всех отступивших от католицизма. Радзивилл простых людей привлекал угощениями и подарками, а шляхту — почти королевскими милостями, и таким образом почти все высшее сословие приняло протестантизм. С не меньшим успехом новая вера распространялась и в городах. Только сельское население в большинстве своем оставалось в прежней вере, особенно в русских православных областях.

В конце концов Радзивилл решил перетянуть на свою сторону самого короля. Он уговорил Сигизмунда в Вильне поехать на богослужение в протестантскую церковь, построенную напротив католической церкви Святого Иоанна. Однако, как уже неоднократно бывало, случайность изменила историю Польши. Узнав, что Сигизмунд поедет в протестантскую церковь, доминиканец Киприан, епископ Литопенский, вышел к нему навстречу, схватил за узду лошадь и сказал: «Предки вашего величества ездили на молитву не этою дорогою, а тою». Сигизмунд растерялся и был вынужден последовать за Киприаном в католическую церковь.

В 1565 году Николай Черный Радзивилл скончался. Во главе протестантского движения встал его двоюродный брат Николай Рыжий Радзивилл. Однако у Рыжего не было ни ума, ни воли, ни авторитета брата.

1565 год можно считать переломным в борьбе протестантизма с католичеством в Речи Посполитой. Подробный анализ причин поражения протестантизма не входит в мою задачу, скажу лишь, что тут сыграла свою роль неоднородность протестантского движения. Чего стоили лишь конфликты лютеран с арианами. Главной же причиной успеха католицизма стала идеологическая агрессия Рима, в которой особую роль играли иезуиты. Термин «агрессия» — не преувеличение, пришельцы внушали населению, и особенно шляхте, лютую ненависть к протестантам и православным, зачастую призывая к прямой физической расправе.

Польские историки всех времен, да и наши, советские, а теперь и «демократические», любят трепать языками о разделах Польши. Кто насчитывает три, кто пять разделов, все поминают Фридриха Великого, Екатерину Великую и даже Молотова с Риббентропом. На самом деле вбила клин и вызвала вековую ненависть между славянскими народами агрессия католицизма.

Агрессия Рима сильно повлияла и на события Смутного времени в России. Именно она превратила гражданскую войну в религиозную и навеки сделала поляков и русских непримиримыми врагами. Не русские и германские правители, а именно католицизм стал могильщиком Польского государства. Не было бы Хмельницкого, Екатерины и Фридриха, нашлись бы иные деятели, сделавшие бы то же самое, быть может, только с большими жертвами.

В 1572 году умер Сигизмунд II Август, с ним пресеклась династия Ягеллонов. Немедленно польские и литовские паны развили бурную деятельность в поисках нового короля. Неожиданно среди претендентов на польский престол оказался царевич Федор, сын Ивана Грозного. Напомню, что царевичу тогда было 15 лет, наследником престола

числился его старший брат Иван (убит он будет лишь в 1581 году).

Движение в пользу московского царевича возникло как сверху, так и снизу, независимо друг от друга. Ряд источников говорит о том, что этого желало православное население Малой и Белой Руси. Аргументом панов — сторонников Федора — было сходство польского и русского языков и обычаев. Замечу, что тогда языки различались крайне мало. Любопытно, что летопись XI века повествует, как на узкой реке сошлись польская и русская рати. Драться им было лень, так что они чуть ли не целый день провели в спорах и ругани, причем никаких переводчиков не требовалось — обе стороны прекрасно понимали друг друга.

Другим аргументом было наличие общих врагов Польши и Москвы — немцев, шведов, крымских татар и турок. Сторонники Федора постоянно приводили пример великого князя литовского Ягайла, который, будучи избран в короли, из врага Польши и язычника стал другом и христианином. Пример того же Ягайла заставлял надеяться, что новый король будет больше жить в Польше, чем в Москве, поскольку северные жители всегда стремятся к южным странам. Стремление же расширить и сберечь свои владения на юго-западе, в стороне Турции или Германской империи, также заставит короля жить в Польше. Ягайло в свое время клятвенно обязался не нарушать законов польской шляхты, то же мог сделать и московский царевич.

Паны-католики надеялись, что Федор примет католичество, а паны-протестанты вообще предпочитали православного короля королю-католику.

Главным же аргументом в пользу царевича были, естественно, деньги. Жадность панов и тогда, и в годы Смутного времени была патологическая. О богатстве же московских великих князей в Польше, да и во всей Европе ходили фантастические слухи.

Дав знать царю Ивану через гонца Воропая о смерти Сигизмунда II Августа, польская и литовская Рада тут же объявили ему о своем желании видеть царевича Федора королем польским и великим князем литовским. Иван ответил Воропаю длинной речью, в которой предложил в качестве короля... себя самого.

Сразу возникло много проблем, например, как делить Ливонию. Ляхи не хотели иметь Грозного царя королем, а предпочитали подростка Федора. В Польшу и Литву просочились сведения о слабоумии царевича и т. д. Главной же причиной срыва избирательной кампании Федора Ивановича были, естественно, деньги. Радные паны требовали огромные суммы у Ивана IV, не давая никаких гарантий. Царь и дьяки предлагали на таких условиях сумму в несколько раз меньшую. Короче, не сошлись в цене.

А тем временем французский посол Монлюк предложил радным панам кандидатуру Генриха Анжуйского, брата французского короля Карла IX и сына Екатерины Медичи. Довольно быстро образовалась французская партия, во главе которой стал староста³¹ бельский Ян Замойский. При подсчете голосов на сейме большинство было за Генриха. Монлюк поспешил присягнуть за него в сохранении условий, знаменитых «*Pacta Conventa*». Протестанты были против короля — брата Карла IX. Они боялись повторения Варфоломеевской ночи в Кракове или Варшаве, но Монлюк успокоил их, дав за Генриха присягу в охранении всех прав и вольностей.

В августе 1573 года двадцать польских послов в сопровождении 150 человек шляхты приехали в Париж за Генрихом. Стали обсуждать условия: поляки потребовали, чтобы не только Генрих подтвердил права польских протестантов, но чтоб и французские гугеноты получили свободу вероисповедания, как обещал полякам Монлюк. С большим трудом королю Карлу IX и папскому нунцию Лавро удалось убедить

польскую делегацию отказаться от последнего требования, но польским протестантам были обещаны права в полном объеме. Этот пример хорошо иллюстрирует силу протестантов и атмосферу веротерпимости в Польше в конце 1573 года.

В начале 1574 года двадцатитрехлетний принц прибыл в Польшу и стал королем. Во Франции ему не приходилось заниматься какими-либо государственными делами, он не знал ни польского, ни даже латинского языка. Новый король проводил ночи напролет в пьяных пирушках и за карточной игрой с французами из своей свиты.

В 1573 году король подписал так называемые «Генриховы артикулы», в которых он отрекался от наследственной власти, гарантировал свободу вероисповедания диссидентам (то есть не католикам), обещал не решать никаких вопросов без согласия постоянной комиссии из шестнадцати сенаторов, не объявлять войны и не заключать мира без сената, не разбивать на части «посполитного рушения», созывать сейм каждые два года не больше чем на шесть недель. В случае неисполнения какого-либо из этих обязательств шляхта освобождалась от повиновения королю. Так узаконивалось вооруженное восстание шляхты против короля, так называемый «рокош»³² (конфедерация). Рокош воскресил старый принцип феодального права, в силу которого вассал мог на законном основании восстать против сеньора, нарушившего свои обязательства по отношению к нему.

Внезапно прибыл гонец из Парижа, сообщив королю о смерти его брата Карла IX 31 мая 1574 года и о требовании матери (Марии Медичи) срочно возвращаться во Францию. Поляки своевременно узнали о случившемся и предложили Генриху обратиться к сейму дать согласие на отъезд. Что такое польский сейм, Генрих уже имел кое-какое представление и счел за лучшее ночью тайно бежать из Кракова.

К бардаку в Речи Посполитой все давно привыкли, но чтобы король смылся с престола — такого еще не бывало. Радные паны чесали жирные затылки: объявлять ли бескорольеве или нет? Решили бекорольеве не объявлять, но дать знать Генриху, что если он через девять месяцев не вернется в Польшу, то сейм приступит к избранию нового короля. В Москву были отправлены послы от имени Генриха с известием о восшествии его на престол и об отъезде его во Францию, причем будто бы он поручил радным панам сноситься с иностранными государствами. Генрих, естественно, возвращаться в Польшу не пожелал, а взошел на французский трон под именем Генриха III. С Москвой же опять не договорились о деньгах. Перечислять кандидатов на польский престол долго и скучно, отмечу лишь, что среди них были шведский король Иоанн III и его сын Сигизмунд. В конце концов суд избрал в короли семиградского воеводу Стефана Батория, который ради такого случая женился на Анне, сестре умершего короля Сигизмунда II Августа.

1 мая 1576 года Стефан короновался в Кракове. Новый король оказался неплохим полководцем. Ему удалось выбить русских из Ливонии и в 1582 году навязать России Ям-Запольский мирный договор. Однако во внутренней политике Стефан шел по пути своих предшественников и сдавал панам одну позицию за другой. Именно при нем польский король перестал быть верховным судьей. Был принят закон, по которому король назначал двух гетманов³³, однако отрешать гетманов от командования он уже не имел права. Жалованье войску назначалось только по определению сейма и без участия короля и т. д.

2 (12) декабря 1586 года³⁴ умер Стефан Баторий. 20 декабря об этом стало известно в Москве. Недавний опыт показал, как важно было для Москвы избрание короля в Польше. Поэтому Борис Годунов и другие

бояре решили выставить кандидатуру царя Федора и активно участвовать в избирательной кампании.

20 января 1587 года в Польшу было отправлено посольство во главе с думным дворянином Елизаром Ржевским. В царской грамоте говорилось: «Вы бы, паны рады, светские и духовные, смолвившись между собою и со всею землею, о добре христианском порадели, нашего жалованья к себе и государем нас на Корону Польскую и Великое княжество Литовское похотели, чтоб этим обоим государствам быть под нашею царскою рукою в общедательной любви, соединении и докончании; а мы ваших прав и вольностей нарушать ни в чем не хотим, еще и сверх прежнего во всяких чинах и вотчинах прибавлять и своим жалованьем наддавать хотим». О будущем местопребывании короля польского и русского царя Федора было сказано, что он поочередно будет править то в Польше, то в Литве, то в Москве. В Польше же и Литве будут по-прежнему управлять радные паны и сноситься с иностранными послами по второстепенным делам. С важными же делами послы должны прибывать в Москву к царю Федору, а с ними вместе по два радных пана из Польши и Литвы.

Увы, Борис Годунов повторил ошибку Ивана Грозного. Ляхам и Литве нужны были не обещания, пусть даже вполне реальные, а наличные, и притом немедленно. Ночью к московским послам тайно явились воевода троцкий Ян Глебович и коронный стольник князь Василий Пронский и прямо потребовали денег на подкуп радных панов. Послы отвечали, что об этом им наказа нет, да и казны с ними нет.

Наконец на втором съезде сейма радные паны уже среди бела дня и публично заявили послам: «Даст ли им государь на скорую оборону 200 000 рублей? Без чего об избрании Феодора говорить нельзя». Послы ответили, что государь государства не покупает, но если он будет избран, то послы займут и дадут панам

до 60 тысяч польских золотых. Паны возразили, что этого мало. Послы увеличили сумму до 100 тысяч, но паны не согласились и на это. Они говорили: «Царь обещал давать шляхте землю на Дону и Донцу; но в таких пустых местах какая им прибыль будет? Да далеко им туда и ездить. У нас за Киевом таких и своих земель много. Как вам не стыдно о таких землях и в артикулах писать! Будет ли государь давать нашим людям земли в Московском государстве, в Смоленске и северских городах?» Послы отвечали: «Чья к государю нашему служба дойдет, того государь волен жаловать вотчиною и в Московском государстве».

Еще раз подчеркну: все это паны говорили публично и от лица «Польской республики». Кончилось дело, как и в прошлые разы: московские бояре и паны не сошлись в цене на польскую корону.

Конкурентами царя Федора стали эрцгерцог Максимилиан Австрийский и наследный принц Сигизмунд, сын шведского короля Иоанна III. 9 (19) августа 1587 года группа панов — сторонников Яна Замоиского — провозгласила королем Сигизмунда. Конкурирующий клан Зборовских в свою очередь объявил королем эрцгерцога Максимилиана. Любопытно, что литовские паны не участвовали в избрании обоих «королей», а направили своих представителей к русским послам и напрямую потребовали, чтобы царь Федор заявил о переходе в католичество и чтобы им немедленно было выдано для начала 100 тысяч рублей наличными. Послы сказали, что на это ответ уже дан, и другого ответа не будет.

Оба новоизбранных короля поспешили ввести в Польшу по «ограниченному контингенту» своих войск. Максимилиан с австрийцами осадил Краков, но пштурм был отбит. Между тем с севера со шведским войском уже шел Сигизмунд. Население столицы предпочло открыть ворота шведам. Сигизмунд мирно занял Краков и немедленно там короновался.

Тем временем коронный гетман Ян Замоиский со своими сторонниками дал сражение Максимилиану при Бычике в Силезии. Австрийцы были разбиты, а сам эрцгерцог взят в плен. В начале 1590 года поляки освободили Максимилиана с обязательством не претендовать более на польскую корону. За него поручился брат — император Священной Римской империи.

Новый польский король Сигизмунд III Август был сыном шведского короля Иоанна III и Екатерины Ягеллон, дочери польского короля Сигизмунда II Августа. Иоанн проявлял веротерпимость, зато Екатерина была фанатичной католичкой. Ей удалось заразить религиозным фанатизмом и сына. Взойдя на престол, Сигизмунд III немедленно приступил к гонениям на диссидентов (то есть не католиков). В 1577 году знаменитый иезуит Петр Скарга издал книгу «О единстве церкви Божией и о греческом от сего единства отступлении». Две первые части книги посвящались догматическим и историческим исследованиям о разделении церкви, в третьей части содержались обличения русского духовенства и конкретные рекомендации польским властям по борьбе с православием. Любопытно, что в своей книге Скарга именует всех православных подданных Речи Посполитой просто «русскими». Скарга предложил ввести унию, для которой нужно только три вещи: во-первых, чтобы митрополит киевский принимал благословение не от патриарха, а от папы; во-вторых, чтобы каждый русский во всех артикулах веры был согласен с римской церковью; и, в-третьих, чтобы каждый русский признавал верховную власть Рима. Что же касается церковных обрядов, то они остаются прежними. Эту книгу Скарга перепечатал в 1590 году с посвящением королю Сигизмунду III. Причем и Скарга, и другие иезуиты указывали на унию как на «переходное состояние, необходимое для упорных в своей вере русских». В книге Скарги и в других писаниях иезуитов средством для

введения унии предлагались решительные действия светских властей против русских.

Сигизмунд III твердо поддержал идею унии. Православные церкви в Речи Посполитой были организационно ослаблены. Ряд православных иерархов поддался на посулы короля и католической церкви.

24 июня 1594 года в Бресте был созван православный церковный собор, который должен был решить вопрос об унии с католической церковью. Сторонникам унии правдами и неправдами удалось принять 2 декабря 1594 года акт унии. Уния расколола русское население Речи Посполитой на две неравные части. Большинство русских, включая и шляхтичей, и магнатов, отказалось принять унию.

29 мая 1596 года Сигизмунд III издал манифест для своих православных подданных о совершившемся соединении церквей, причем всю ответственность в этом деле брал на себя: «Господствуя счастливо в государствах наших и размышляя о их благоустройстве, мы, между прочим, возымели желание, чтобы подданные наши греческой веры приведены были в первоначальное и древнее единство со вселенскою римскою церковью под послушание одному духовному пастырю. Епископы [униаты, ездившие к папе. — А. III.] не привезли из Рима ничего нового и спасению вашему противного, никаких перемен в ваших древних церковных обрядах: все догматы и обряды вашей православной церкви сохранены неприкосновенно, согласно с постановлениями святых апостольских соборов и с древним учением святых отцов греческих, которых имена вы славите и праздники празднуете».

Повсеместно начались гонения на русских, сохранивших верность православию. Православных священников изгоняли, а церкви передавали униатам. В начале XVII века в Польше происходило то же самое, что и на Западной Украине в начале 90-х годов XX века, только более жестоким образом. Правда, право-

славное население в конце XVI — начале XVII веков вело себя не столь пассивно, как в конце XX века.

Вот, к примеру, как действовал униат архиепископ полоцкий Иосафат Кунцевич. Он велел закрыть (опечатать) все православные церкви в Полоцке, Витебске, Орше и Могилеве. Православные попы были насильственно выселены из этих городов. В результате горожанам приходилось устраивать службы по воскресеньям и в другие церковные праздники в поле за городом. Наконец, Кунцевич приказал выкопать из могил покойников, захороненных на кладбище по православному обряду, и бросить их на поживу собакам. Я здесь пересказал часть жалобы белорусской шляхты польскому сейму. Но жаловаться католикам на католика было просто смешно.

12 ноября 1623 года по всему Витебску ударили колокола, толпы вооруженных горожан вышли на улицу. Архиепископ Кунцевич был буквально растерзан горожанами. Римский папа Урбан VIII откликнулся на события письмом к королю Сигизмунду III: «Да будет проклят тот, кто удержит меч свой от крови! Пусть ересь почувствует, что ей нет пощады». В Витебск прибыли польские войска во главе с Львом Сапегой и устроили кровавую расправу над горожанами.

Любопытно, что уже через год после смерти Рим признал отца Иосафата блаженным, а в 1867 году папа Пий IX объявил его святым. После Второй мировой войны мощи «мученика» перевезли из Вены, где они хранились, в Рим, и в 1963 году погребли в главном храме католиков всего мира — соборе Святого Петра в алтаре Василия Великого.

Убийцам православных и осквернителям могил не все легко сходило с рук. Вот, к примеру, в 1614 году фанатик ксендз Симен Сиверский был убит язловицким мещанином Л. Кравцовым. В 1614 году монахи Красnobродского монастыря в Закарпатье попытались

пропагандировать унию среди окрестных крестьян, что привело к вооруженному восстанию. Подобные инциденты в начале XVII века не были исключением.

Простое население Малороссии от гнета панов и религиозных гонений десятками тысяч бежало на юг к казакам. Не случайно конец XVI века ознаменовался первыми казацкими восстаниями на юге Малороссии. Вот характерный пример: в конце 1624 года в Киеве униат войт³⁵ Федор Ходына и мещанин Созон начали опечатывать православные церкви. Киевский митрополит Иов Борецкий немедленно послал гонца к гетману Коленику Андрееву и всему Войску Запорожскому. По приказу гетмана в начале 1625 года к Киеву подошли два казацких полковника Яким Чигринец и Антон Лазаренко с казацким войском. Православные церкви были распечатаны, а Ходына и несколько мещан-униатов заключены в оковы.

В феврале 1625 года по указанию Борецкого в Москву отправился луцкий епископ Исакий с просьбой, чтобы «государь взял Малороссию под свою выеокую руку». Московские бояре отвечали уклончиво. Смысл длинных и витиеватых речей сводился к одному — сейчас не время, погодите маленько. На что Исакий отвечал: «У нас та мысль крепка, мы все царской милости рады и под государевою рукою быть хотим, об этом советоваться между собой будем, а теперь боимся, если поляки на нас наступят скоро, то нам кроме государской милости деться некуда. Если митрополит, епископы и Войско Запорожское прибегнут к царской милости и поедут на государево имя, то государь их пожаловал бы, отринуть не велел, а им кроме государя деться негде».

Между тем религиозный фанатизм Сигизмунда III сумели по достоинству оценить не только русские подданные Речи Посполитой, но и его земляки шведы. В ноябре 1592 года умер шведский король Иоанн III. Сигизмунд приехал в Швецию и стал шведским

королем. Но на родине популярностью он не пользовался. Масла в огонь подлила и женитьба Сигизмунда на католичке — австрийской принцессе. С отъездом Сигизмунда в Польшу власть в Швеции постепенно стала переходить к его дяде герцогу Карлу Зюдерманландскому.

Сигизмунд III попытался силой восстановить свою власть в Швеции, но в 1598 году был наголову разбит дядей в битве при Стонгебру. С этого момента Карл Зюдерманландский становится правителем Швеции. Но лишь в 1607 году ригсдаг избирает его королем Швеции, и герцог Зюдерманландский становится Карлом IX. Мало того, ригсдаг принимает закон о пожизненном изгнании Сигизмунда III из Швеции. По новому закону королем может стать только лютеранин, женатый на лютеранке. Шведский король не имел права покидать свою страну, тем самым исключалась возможность любой новой династической унии. Тем не менее Сигизмунд III по-прежнему (до 1629 года) именовал себя королем шведским, что, естественно, вызывало раздражение шведских властей.

О взаимоотношениях Сигизмунда с Борисом Годуновым, Григорием Отрепьевым и Василием Шуйским подробно рассказано в соответствующих главах. Здесь же стоит отметить отношение к Смуте в России короля, радных панов и шляхты. Что касается последних, всяких там Лисовских, Ружинских, Мархоцких и т. п., то их без особого преувеличения можно назвать грабителями с большой дороги. Единственным интересом шляхты была нажива, что, впрочем, не мешало им прикрывать грабежи громкими патриотическими и религиозными лозунгами. Наиболее приемлемый для них правитель в Москве тот, при котором легче будет грабить. Вместе с тем большинство шляхты опасалось усиления власти как короля, так и радных панов.

Радные паны и король стремились к окатоличеванию России и подчинению ее Польшей. Но при этом радные паны стремились сделать это так, чтобы вся выгода от оккупации досталась именно им, а королевская власть не только не усилилась, а желательна и ослабела бы. Соответственно, Сигизмунд мечтал сделать Московию своим наследственным владением и править там без вмешательства польского сейма. Короче говоря, и король, и магнаты вместе были за религиозную унию с Москвой, но в отдельности объединения магнатов были за государственную унию, а король — за личную унию.

В 1606–1607 годах часть шляхты во главе с паном Зебржидовским объявила войну (рокош) против короля, что почти на три года задержало вмешательство Сигизмунда в русские дела.

Договор царя Василия со шведами дал Сигизмунду формальный *Casus belli*³⁶. Король начал войну, стараясь сделать ее своей личной войной. «Польско-литовская интервенция» существовала только в головах советских историков. На самом деле войска польско-литовской шляхты воевали в России уже с 1604 года, а в сентябре 1609 года началась королевская война. Радные паны в целом были за войну с Россией, но Сигизмунд не захотел обращаться к сейму за помощью. Польская конституция позволяла королю самостоятельно вести войну, если для этого не требуется вводить в Речи Посполитой дополнительных налогов.

Сигизмунд решил вести войну за счет королевской казны и субсидий римского папы. Римский папа Павел V благословил Сигизмунда III на поход в Московию и прислал... шпагу, освященную в праздник Рождества Христова. Сигизмунд шлет новых и новых послов к папе, требуя денег. В 1611 году Павел V посылает ему... свои молитвы. И лишь в 1613 году Сигизмунду удается буквально выбить из папы сорок тысяч талеров. Нехватка средств была одним из важ-

ных факторов неудач королевской войны в 1610–1612 годах.

Главной же причиной неудачи стал максимализм Сигизмунда и радных панов. Король и паны безбожно врани русским, что-де королевич Владислав и сам Сигизмунд будут радеть о православии и о нуждах русского государства. На самом же деле и король, и паны твердо решили уничтожить как православие, так и само Русское государство и категорически были против любых промежуточных вариантов.

Избрание Владислава на царство могло стать поворотом в отношениях между Россией и Речью Посполитой. Русским не впервой выбирать в правители иностранцев, вспомним норманна Рюрика, литовца Довмон-та (святого Тимофея), немку Екатерину II, которые не только удачно правили, но и в двух случаях основали династии³⁷. Так, Рюриковичи правили Русью 736 лет, а Екатерина Великая и ее потомство — 155 лет. Почему же подросток Владислав, по отцу Сигизмунду швед, а по матери Марии Баварской немец, не мог царствовать и даже основать династию Ваза в России?

Польша и Россия имели территориальный спор из-за Малой и Белой Руси, но зато имели и общих врагов: на севере — шведов, на юге — крымских татар и Великолепную Порту. Отец и сын на престолах двух больших соседних государств вполне могли договориться и заключить взаимовыгодный равноправный союз против общих врагов.

Но как раз против равноправного союза Польши и России насмерть стояли король Сигизмунд, радные паны и католическое духовенство. Им нужно было все или ничего.

После поражения войск Ходкевича под Москвой и воцарения Михаила Романова военные действия в России вела исключительно бандитствующая шляхта. Особенно отличился Александр Лисовский. Банды поляков грабили деревни, выжигали городские

посады. За ними с переменным успехом гонялись царские воеводы.

В ноябре 1614 года радные паны прислали московским боярам грамоту, в которой упрекали их в измене Владиславу и в жестоком обращении со знатными польскими пленниками. Но несмотря на все, они, паны, хотят завести мирные переговоры на границе. Бояре поначалу заартачились, что-де им и принять панскую грамоту негоже, не только что по ней какие государственные дела делать, потому что в грамоте все написано высокомерно и не по прежнему обычаю, великого государя имени не указано. Но все же, по миролюбию своему, бояре приняли панскую грамоту и ответили на нее: «Богу известно, потом и окрестным всем государям христианским и мусульманским, что мы во всем том, что вы на нас пишете, невинны. Те все неправды учинились от государя вашего и с вашей стороны, а наши души от того чисты; вам, братье нашей, панам-раде, ныне и вперед и поминать непригоже, что быть государя вашего сыну, Владиславу королевичу, на Московском государстве: то дело уже бывшее».

Любопытно взглянуть на боярские подписи на грамоте: сначала идут имена старых бояр, князя Ф. И. Мстиславского, И. В. Голицына, И. Н. Романова, Ф. И. Шереметева, И. С. Куракина и других; на десятом месте подпись князя Д. Т. Трубецкого, на одиннадцатом — князя Д. М. Пожарского, на девятнадцатом — Кузьмы Минина, в дьяках подписался Сыдавный Васильев.

С боярской грамотой послом в Польшу был направлен некий Желябужский (до нас не дошло его имя). Переговоры Желябужского с панамы ничего не дали и вылились в поток взаимных обвинений и оскорблений.

В Москву боярам Желябужский привез грамоту, в которой паны предлагали место съезда уполномо-

ченных на границе между Смоленском и Вязьмой. В грамоте паны писали также: «Пока холопы вами владеть будут, а не от истинной крови великих государей происходящие, до тех пор гнев Божий над собою чувствовать не перестанете, потому что государством как следует управлять и успокоить его они не могут. Из казны московской нашему королю ничего не досталось, своевольные люди ее растащили, потому что несправедливо и с кривдою людскою была собрана».

И все же московские бояре, несмотря на столь грубую грамоту, приняли предложение панов и в сентябре 1615 года отправили на литовскую границу уполномоченных по соборному решению послов бояр князя Ивана Михайловича Воротынского и Алексея Сицкого и окольного Артемия Васильевича Измайлова. От радных панов прибыли киевский бискуп князь Казимирский, гетман литовский Ян Ходкевич, канцлер Лев Сапега и староста велижский Александр Гонсевский. Посредником был императорский посол Еразм Ганделиус.

Переговоры начались 24 ноября 1615 года у Духова монастыря вблизи Смоленска. Они также были безрезультатны и вылились в перебранку. На переговорах Иван Михайлович Воротынский хлестко высказался о королевиче Владиславе, которому поляки предлагали дать отступные за отказ именоваться московским царем: «У нас про то давно отказано, вперед о том говорить и слушать не хотим, и в Московском государстве ему нигде места нет: и так от его имени Московское государство разорилось».

Но, увы, ляхи никак не могли взять в толк, что 1615 год — совсем не 1609-й, и теперь не только нет места польскому королевичу в России, но и сама Польша стала злейшим врагом. Последний съезд послов состоялся 28 февраля 1616 года. Затем польские послы демонстративно покинули место переговоров.

Формально война возобновилась, но в первые месяцы происходили лишь мелкие стычки. 1 июля 1616 года по царскому указу воеводы князь Михаил Тинбаев и Никита Лихарев с отрядом в полторы тысячи всадников совершили лихой рейд в Литву, разгромив окрестности Сурежа, Велижа и Витебска. В свою очередь отряд литовцев и казаков действовал у Карачева и Кром. За ними гонялись воеводы князь Иван Хованский и Дмитрий Скуратов, но уничтожить не сумели, и большинство литовцев ушло за рубеж.

В июле 1616 года паны определили отправить королевича Владислава с войском на Москву. Интересно, что радные паны, с одной стороны, были уверены в успехе, а с другой — не доверяли королевичу. Поэтому вместе с ним сеймом было послано восемь специальных комиссаров: епископ Луцкий Андрей Липский, кастелян³⁸ бельский Станислав Журавинский, кастелян сохачевский Константин Плихта, канцлер литовский Лев Сапега, староста шремский Петр Опалинский, староста мозырский Балтазар Стравинский, сын люблинского воеводы Яков Собеский (отец Яна Собеского) и Андрей Менцинский.

Обязанностью комиссаров было следить, чтобы Владислав не противодействовал заключению «славного мира» с Москвой. После занятия Москвы комиссары должны были проследить, чтобы царь Владислав не отступал от выработанных сеймом условий. Главными условиями были: 1) соединить Московское государство с Польшей неразрывным союзом; 2) установить между ними свободную торговлю; 3) возвратить Польше и Литве страны, от них отторгнутые, преимущественно княжество Смоленское, а из Северского — города Брянск, Стародуб, Чернигов, Почеп, Новгород Северский, Путивль, Рыльск и Курск, а также Невель, Себеж и Велиж; 4) отказаться от прав на Ливонию и Эстляндию.

Вторая половина 1616 года и начало 1617 года прошли в подготовке к походу. С огромным трудом удалось собрать 11 тысяч человек. Паны собирали деньги буквально по копейке. К примеру, Лев Сапега занял огромные суммы, а в Литве ввели специальную подать для оплаты наемников.

Между тем в западной и юго-западной частях России продолжали бесчинствовать отряды воровских казаков, из которых настоящие донские и запорожские казаки не составляли и десятой доли. Многие из них обрадовались, узнав о походе Владислава. К королю прибыл атаман Борис Юмин и есаул Афанасий Гаврилов. 22 ноября 1616 года Владислав принял их. Юмин и Гаврилов заявили, что хотят ему «правдою служить и прямить». Владислав 26 ноября отвечал им, чтоб «совершили, как начали».

В апреле 1617 года Владислав торжественно двинулся в поход из Варшавы. Архиепископ-примас напутствовал его: «Господь дает царства и державы тем, которые повсюду распространяют святую католическую веру, служителям ее оказывают уважение и благодарно принимают их советы и наставления. Силен Господь Бог посредством вашего королевского высочества подать свет истины находящимся во тьме и сени смертной, извести заблужденных на путь мира и спасения, подобно тому как привел наши народы посредством королей наших Мстислава и Ягайло». Владислав отвечал: «Я иду с тем намерением, чтоб прежде всего иметь в виду славу Господа Бога моего и святую католическую веру, в которой воспитан и утвержден. Славной республике, которая питала меня доселе и теперь отправляет для приобретения славы, расширения границ своих и завоевания северного государства, буду воздавать должную благодарность». Но уже в пути Владиславу пришлось отправить часть войска на юг к гетману Жолкевскому для отражения наступления турок. Посему короле-

вич вернулся на несколько месяцев в Варшаву и лишь в августе прибыл в Смоленск.

В конце сентября войско Владислава подошло к Дорогобужу, который уже был оставлен отрядом Ходкевича. Узнав о прибытии королевича, дорогобужский воевода И. Г. Ададуров (бывший постельничий Василия Шуйского) открыл ворота ляхам и целовал крест Владиславу как русскому царю. Владислав приказал не разорять город, а наоборот, он торжественно прикладывался к крестам и образам, которые ему подносило православное духовенство. Русский гарнизон был отпущен по домам. Воевода Ададуров с казаками и частью дворян присоединился к войску королевича.

Известие о взятии Дорогобужа вызвало панику в отстоявшей на 70 верст Вязьме. Местные воеводы князя Петр Пронский, Михаил Белосельский и Никита Гагарин бросили город и бежали в Москву, стрельцы и часть горожан последовали за ними. А казаки из гарнизона Вязьмы отправились разбойничать на Украину.

18 октября 1617 года Владислав торжественно вступил в Вязьму. Надо ли говорить, что от этих успехов двадцатидвухлетний королевич впал в эйфорию и направил в Москву воеводу Ададурова и жителя Смоленска Зубова с грамотой. В ней говорилось, что «...по пресечении Рюрикова дома люди Московского государства, поразумев, что не от царского корня государю быть трудно, целовали крест ему, Владиславу, и отправили послов к отцу его Сигизмунду для переговоров об этом деле, но главный посол, Филарет митрополит, начал делать не по тому наказу, каков дан был им от вас, прочил и замышлял на Московское государство сына своего Михаила. В то время мы не могли сами приехать в Москву, потому что были в несовершеннолетних летах, а теперь мы, великий государь, пришли в совершенный возраст к скипет-

родержанию, хотим за помощью Божиею свое государство Московское, от Бога данное нам и от всех вас крестным целованием утвержденное, отыскать и уже в совершенном таком возрасте можем быть самодержцем всея Руси, и беспокойное государство по милости Божией покойным учинить».

Владислав утверждал, что вместе с ним в Москву идут патриарх Игнатий, архиепископ Смоленский Сергей и бояре князь Юрий Никитич Трубецкой с товарищами. Но грамота эта не произвела никакого действия в Москве, а Ададурова и Зубова схватили и разослали по городам, воевод же Пронского и Белосельского высекли кнутом и сослали в Сибирь, а имени их раздали московским дворянам.

Поляки попытались внезапно овладеть Можайском, но получили отпор. Можайские воеводы Федор Бутурлин и Данила Леонтьев заперлись в городе и решили стоять насмерть. А из Москвы на помощь Можайску двинулись воеводы Б. М. Лыков и Г. Л. Валувев. Помимо трех тысяч дворян и боевых холопов у них было четыреста татар и 1600 казаков. Город Волоколамск был занят русским пятитысячным отрядом во главе с князем Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским и Василием Петровичем Лыковым. Поляки сочли за лучшее отойти обратно к Вязьме.

Ситуация в королевском войске под Вязьмой стала обостряться. Наемники и «рыцарство» начали требовать денег. Но у королевича казна оказалась пуста, а тут наступили морозы и голод. Воеводы Лыков и Валувев чуть ли не ежедневно посылали под Вязьму казаков и татар, которые уничтожали поляков, пытавшихся добыть еду в окрестностях города. Любопытно, что значительная часть русских партизан передвигалась на лыжах.

Первыми от Владислава, как положено, побежали казаки. Уровень казаков хорошо можно проиллюстрировать на примере перехода двух сотен казаков

во главе с атаманом Д. И. Конюховым. Отряд Конюхова занимал Федоровский монастырь недалеко от Вязьмы и прикрывал Владислава с запада. В одну прекрасную ночь двое молодых казаков убежали в Можайск, прихватив у атамана двух лошадей, 30 золотых и дорогие ткани: атлас, камку и сукно. Атаман возмущился и написал письмо Лыкову, что, мол, готов вернуться на царскую службу, если Лыков найдет похищенное имущество и отдаст жене Конюхова. А та в свою очередь должна лично написать письмо мужу.

Положение у московских воевод тоже было не блестящее, и волей-неволей приходилось пользоваться услугами изменников. Жену атамана Анну нашли в Волоколамске, где она жила у матери и братьев. Ей вернули украденное у мужа имущество, а взамен Анна под диктовку написала грамоту: «...Мы-то, жонки, все ведаем его царскую милость, а ты взят неволею, от нужи, и тебе было чево бояться?» Заканчивалась грамота так: «Умилися на наши слезы, не погуби нас во веки, приедь к государю и что государю годно, то учини». Конюхов получил грамоту и, оставив монастырь, вместе с отрядом отправился в Можайск. «За службу и за выезд» атаман 27 февраля 1618 года был награжден в Москве «сороком куниц и сукнами».

Получив известие о «сидении» Владислава в Вязьме, радные паны направили письмо комиссарам с предложением закончить дело миром с русскими. В конце декабря 1617 года в Москву был направлен королевский секретарь Ян Гридич с предложением устроить перемирие с 20 января по 20 апреля 1618 года, немедленно разменять пленных и начать переговоры. Бояре отказали ему.

5 июня 1618 года польское войско вышло из Вязьмы. Накануне гетман Ходкевич предложил двинуться на Калугу в менее опустошенные войной края, но комиссары настояли на походе на Москву. Но на пу-

ти ляхов был Можайск, где засел с войском воевода Лыков. Взять Можайск приступом поляки не могли за неимением осадных орудий, а оставлять его в тылу было опасно. Тогда поляки атаковали небольшую крепость Борисово Городище, построенную в 1599 году в качестве летней резиденции царя Бориса. Ходкевич надеялся таким путем выманить Лыкова из Можайска и разбить его «в поле». В Борисовом Городище было всего несколько сотен защитников, но полякам так и не удалось его взять.

В конце июня начались бои за Можайск. Поляки стояли под городом, но полностью блокировать его не могли. Запасы продовольствия в Можайске быстро таяли. Поэтому по приказу из Москвы воеводы Лыков и Черкасский с основной частью войска покинули его в начале июля, оставив небольшой гарнизон с осадным воеводой Федором Волинским.

Борисово Городище было сожжено русскими, а его гарнизон отступил к Москве.

Владислав с войском вновь начал наступление на Москву. А с юго-запада ему на помощь шел малороссийский гетман Петр Конашевич Сагайдачный. 17 сентября королевич занял город Звенигород, а 20-го стал лагерем в знаменитом Тушине. Сагайдачный подошел тем временем к Донскому монастырю и через два дня соединился с поляками.

В ночь на 1 октября 1618 года поляки начали штурм Москвы. Кавалер Мальтийского ордена Адам Новодворский сделал пролом в стене Земляного города и дошел до Арбатских ворот. Но из ворот выскочили русские. Тридцать поляков было убито на месте и около ста ранено. Ранен был и сам Новодворский. Уцелевшие поляки бежали. Штурм был отбит и в других местах.

20 октября на реке Пресне недалеко от стен Земляного города начались переговоры русских и польских представителей. Обе стороны вели переговоры, не

слезая с лошадей. Теперь поляки и не поминали о воцарении в Москве Владислава, речь шла в основном о городах, уступаемых Польше, и сроках перемирия. И русские, и ляхи не собирались уступать. Последующие съезды 23 и 25 октября также ничего не дали.

Между тем наступили холода. Владислав с войском оставил Тушино и двинулся по Переяславской дороге к Троице-Сергиеву монастырю. Гетман Сагайдачный двинулся на юг. Он сжег посады Серпухова и Калуги, но взять оба города не сумел. Из Калуги Сагайдачный отправился в Киев, где объявил себя гетманом Украины.

Подойдя к Троицкому монастырю, поляки попытались взять его штурмом, но были встречены интенсивным артиллерийским огнем. Владислав приказал отступить на 12 верст от монастыря и разбить лагерь у села Рогачева. Королевич отправил отряды поляков грабить галицкие, костромские, ярославские, пошехонские и белозерские места, но в Белозерском уезде поляки были настигнуты воеводой князем Григорием Тюфякиным и побиты.

В конце ноября в селе Деулине, принадлежавшем Троице-Сергиеву монастырю и находившемся в трех верстах от него, возобновились русско-польские переговоры. Объективно время работало на Москву — вторая зимовка могла стать роковой для польского войска. К тому же пришлось бы зимовать не в городе Вязьме, а почти в чистом поле, и расстояние до польской границы было в два раза большим. Но тут большое влияние на русских послов оказали субъективные факторы. В дела посольские вмешалось руководство Троицкого монастыря, которого мало интересовала судьба юго-западных русских городов, но зато рьяно требовалось снятие польской блокады с монастыря любой ценой. А главное — Михаилу Романову и его матери во что бы то ни стало хотелось видеть Филарета в Москве.

В итоге 1 декабря 1618 года в Деулине было подписано перемирие сроком на 14 лет и 6 месяцев, то есть до 3 января 1632 года. По условиям перемирия полякам отдавались уже захваченными ими города Смоленск, Белый, Рославль, Дорогобуж, Серпейск, Трубчевск, Новгород Северский с округами по обе стороны Десны, а также Чернигов с областью. Мало того, им отдавался и ряд городов, контролируемых русскими войсками, среди которых были Стародуб, Перемышль, Почеп, Невель, Себеж, Красный, Торопец, Велиж с их округами и уездами. Причем крепости отдавались вместе с пушками и «пушечными запасами». Эти территории отдавались врагу вместе с населением. Право уехать в Россию получали дворяне со служилыми людьми, духовенство и купцы. Крестьяне и горожане должны были принудительно оставаться на своих местах.

Царь Михаил отказывался от титула «князя Ливонского, Смоленского и Черниговского» и представлял эти титулы королю Польши. В свою очередь поляки обещали вернуть захваченных русских послов во главе с Филаретом. Польский король Сигизмунд отказывался от титула «царя Руси» («великого князя Русского»). России возвращалась икона святого Николая Можайского, захваченная поляками и вывезенная ими в 1611 году в Польшу.

Заключить такой позорный мир в то время, когда у поляков не было ни одного шанса взять Москву и были все шансы потерять армию от голода и холода (вспомним 1812 год!), мог только сумасшедший или преступник. Но Мишенька Романов так давно не видел папочку!

А между тем имелся еще и внешнеполитический фактор, складывавшийся явно не в пользу поляков. Московский посольский приказ не мог не знать о кризисе отношений Речи Посполитой с Турцией и Швецией. В 1618 году на турецкий престол вступил

Осман II. Молодой султан немедленно начал подготовку к походу на Польшу. В 1621 году большая армия перешла Днестр, но в битве у Хотина польские и запорожские войска под командованием королевича Владислава нанесли им поражение. Риторический вопрос: что произошло бы, если бы Владислав с коронным войском увяз в русских лесах?

В том же 1621 году шведский флот вошел в устье Западной Двины и высадил двадцатитысячный десант, предводительствуемый королем Густавом II Адольфом. Война со шведами длилась восемь лет. 16 сентября 1629 года было подписано перемирие, по которому Сигизмунд III наконец-то отказался от шведской короны. Ему пришлось признать Густава II не только королем Швеции, но и правителем Лифляндии, Эльбинга, Мемеля, Пиллау и Браунсберга.

Сигизмунд III умер в конце апреля 1632 года. Сейм после ряда проволочек избрал на польский престол его сына. Так королевич Владислав стал королем Владиславом IV. Однако новый король решил называться еще и Московским царем. (Вспомним, что от этого титула по Деулинскому перемирию отказался Сигизмунд III.) В Москве царский титул Владислава расценили как *Casus belli*. На Смоленск была двинута 32-тысячная рать при 158 орудиях под командованием боярина Шеина, бывшего смоленского воеводы.

Русско-польская война 1632–1634 годов — предмет особого исследования. Поэтому я упомяну лишь об обстоятельствах, имевших прямое отношение к Смутному времени. В октябре 1633 года русская армия, осаждавшая Смоленск, сама была блокирована польскими войсками. Шеин вел командование крайне бездарно и в феврале 1634 года согласился на почетную капитуляцию. Поляки разрешили уйти всем уцелевшим русским воинам, но всю артиллерию пришлось оставить врагу. По возвращении в Москву Ше-

ин и второй воевода Артемий Измайлов были отданы под суд. Обоим воеводам публично отсекли головы.

От Смоленска король Владислав двинулся к крепости Белой, но потерпел поражение. В конце марта 1634 года были начаты переговоры в селе Поляново в 21 версте юго-западнее Вязьмы. 4 июня 1634 года был подписан так называемый Поляновский мирный договор. Согласно ему Россия и Польша заключали «вечный мир и забвение всего происшедшего» (с 1604 по 1634 год).

Польский король отрекался от прав на российский престол и обещал вернуть присланный ему в 1610 году избирательный акт московских бояр (в том числе подписанный и отцом царя Филаретом). Владислав IV отказывался от титула «царь Московский».

Царь Михаил исключал из своего титула слова «князь Смоленский и Черниговский» и обязался не подписываться «государь всея Руси», чтобы не намекать тем самым на распространение своего суверенитета на русские земли, находящиеся в Польше и Литве.

Царь отказывался от всяких прав и покушений на возвращение Лифляндии, Эстляндии и Курляндии.

Все города, уступленные Россией по Деулинскому перемирию, оставались за Польшей. Исключение было сделано для города Серпейска, который передавался России за 20 тысяч рублей.

Любопытно, что одновременно в Полянове личные представители короля Владислава и царя Михаила подписали секретный протокол, по которому Владислав отказывался от употребления титула «царь Московский» за 20 тысяч рублей (венецианскими дукатами и голландскими гульденами). Это обстоятельство стороны обязывались держать в строгом секрете и скрыть в тексте мирного договора, где сумма в 20 тысяч рублей без уточнения, в какой валюте, была отнесена на другой счет (якобы в уплату за возвращение России города Серпейска). Так Ми-

хаил и Владислав полкубовно уладили спор за спиной бояр и радных панов.

Грамоту русских бояр об избрании Владислава поляки так и не вернули России. В марте 1636 года сейм Речи Посполитой принял акт об утрате Грамоты и об обязательстве возратить ее России, как только она будет обнаружена в архивах Польши. Замечу, что обещание вернуть Грамоту бояр сохраняет свою юридическую силу до настоящего времени, так как эта статья Поляновского мира и Второго протокола к нему никогда не отменялась и не пересматривалась за всю историю русско-польских отношений.

Умер Владислав в 1648 году, пережив на три года царя Михаила.

Вечного же мира между Речью Посполитой и Россией не получилось. В чем-то символично, что в год смерти Владислава IV началось восстание Богдана Хмельницкого. Посеявши ветер в Смутное время, поляки получили бурю, которая смела с географических карт Речь Посполитую. Драчливые паны во все времена при наступлении расплаты обращали взгляды на Запад и душераздирающе вопили о помощи. Но, увы, им не помогли ни король-солнце Людовик XV, ни великий Наполеон, ни тетушка Антанта, ни даже всемирная Лига Наций.

Лжедмитрий I

История самозванцев теряется в веках, где-то во втором тысячелетии до нашей эры. К примеру, несколько самозванцев выдавало себя за персидских царей в VIII–IX веках до нашей эры. Личности и деяния самозванцев всегда вызывали повышенный интерес у современников и потомков. Им уделяли много внимания составители летописей и хроник, и, конечно, самозванцы были лакомым куском для авторов историче-

ских романов, вспомним того же «Лженерона» Лиона Фейхтвангера.

Лжедмитрий I стал наиболее результативным и, соответственно, наиболее известным самозванцем в мире в прошедшем тысячелетии и, добавим, первым самозванцем в России. В марте 1804 года Фридрих Шиллер приступает к работе над драмой «Демитриус» — так по-латыни подписывался Лжедмитрий I. В черновой тетради Шиллер записал: «Гришка, расстрига, русский, искатель приключений». Он без памяти влюблен в Марину. Далее Шиллер пишет: «Гришка в сцене с Мариной, где он экзальтированно

и страстно изливает ей свои чувства». Но смерть в мае 1805 года помешала Шиллеру закончить драму.

Через двадцать лет к теме Лжедмитрия обратился А. С. Пушкин. В сентябре 1826 года по приезде в Москву Пушкин начал читать вслух «Бориса Годунова» в московских литературных салонах и кружках. В письме от 22 ноября шеф жандармов Бенкендорф сделал Пушкину замечание, что он читает вслух пьесу, не представив ее царю. Пушкин 29 ноября отослал Бенкендорфу пьесу с сопроводительным письмом. Царь прочитал драму, теперь ее надо было оценить, но Николай I не был силен в литературе. Поэтому секретную рецензию на «Бориса Годунова» по указанию царя шеф жандармов поручил написать писателю и «сексоту» по совместительству Фаддею Бенедиктовичу Булгарину. Тот оперативно подал рецензию, где предлагал заставить Пушкина переделать драму в исторический роман наподобие модных тогда романов Вальтера Скотта. В письме от 14 декабря 1826 года Бенкендорф, ссылаясь на мнение царя, предлагает Пушкину переделать пьесу в роман. Отвечая ему (письмо от 3 января 1827 года), Пушкин писал: «Согласен, что она [пьеса. — А. III.] более сбивается на исторический роман, нежели на трагедию, как Государь Император изволил заметить. Жалею, что я не в силах уже переделать мною однажды написанное».

Между тем Булгарин срочно начал свой роман «Дмитрий Самозванец». Несмотря на лихо закрученный сюжет, роман получился скучноватый и малочитабельный, но в нем приведена вполне благопристойная, с точки зрения властей, версия появления самозванца. Забавно, что «Дмитрий Самозванец» Булгарина и «Борис Годунов» Пушкина впервые были опубликованы в 1830 году, причем булгаринский роман на несколько недель опередил пушкинскую драму. С тех пор не проходило и десятилетия, чтобы к хлебной теме Лжедмитрия I не обратился бы какой-

либо маститый литератор. Особенно модной стала эта тема после вступления России в очередное «смутное время».

Первые слухи о том, что царевичу Дмитрию удалось спастись от смерти, появились в 1600 году. Правда, некоторые историки говорят о более раннем времени, ссылаясь на сведения иностранцев, почерпнутые из источников, датированных 1610 годом и позже, то есть задним числом. В русских же летописях и в других дошедших до нас документах нет ни намека о таких слухах. Если бы хоть где-то породился слух о живом царевиче, то последовала бы немедленная реакция властей — розыск, допросы с дыбой и наказание виноватых. Естественно, это было бы зафиксировано в официальных документах. Вспомним еще раз текст присяги Борису Годунову. Новый царь боится всего и в присяге перечисляет возможные преступления подданных, поминается даже татарин Симеон Бекбулатович, а вот о Дмитрии нет ни слова. А, собственно, зачем? О нем давно все забыли.

Итак, первые слухи о живом царевиче появляются одновременно с опалой Романовых. Допустим пока, что это простое совпадение, и подумаем, кто мог быть инициатором этой затеи. Простые крестьяне, задавленные гнетом господ и лишённые права ухода от них в Юрьев день, стали мечтать о царе-освободителе и выдумали воскресение царевича Дмитрия? Нет, это слишком хорошая сказка, она вполне подходит для историка-народника XIX века, но не для крестьянина начала XVII века. На Руси с IX по XVI век и слухом не слыхивали о самозванцах. И приписывать самозванческую интригу неграмотным крестьянам просто смешно.

А теперь обратимся на Запад. Молодой португальский король Себастьян Сокровенный отправился в 1578 году завоевывать Северную Африку и без вести пропал в сражении. Король не успел оставить потом-

ства, зато после его исчезновения в Португалии появилась масса самозванцев Лжеसेбастьянов. Кстати, папа Климент VIII на полях донесения от 1 ноября 1603 года, извещавшего его о появлении Дмитрия, написал: «Португальские штучки». Одновременно в Молдавии прекратилась династия Богданников и тоже появилось немало самозванцев. То, что для Руси было в диковинку, в Европе давно стало нормой.

Мы можем только гадать об имени сценариста Великой смуты, но достоверно можно сказать, что это был не крестьянин или посадский человек, а интеллектual XVII века. Он мог быть боярином или дворянином, исполнявшим роль советника при большом боярине, а скорее всего это было лицо духовное. В любом случае, это был москвич, близкий ко двору и хорошо знавший тайные механизмы власти. Можно предположить, что через иностранцев и чиновников Посольского приказа сей «интеллектual» знал о событиях в Португалии и Молдавии.

Заметим, что слух в конце 1600 — начале 1601 года ходил не по низам, а по верхам. О нем уже знали иностранцы, но ничего не знали в провинциальных городках, не говоря уже о селах. Таким образом, пропаганда велась крайне грамотно. Синхронно пошел и «девятый вал» дезинформации о Борисе Годунове, что тот-де всех поизвел, кого мог — поубивал, а царя Симеона колдовством зрения лишил. Столь же синхронно появились различные байки о хороших боярах Романовых, «сродниках» царя Федора. Не буду утомлять читателя их пересказом, а интересующихся отправлю к исследованиям по средневековой русской литературе и эпосу. Замечу лишь одно — сей народный фольклор касался только Романовых. Нет ни песен, ни сказок про Шуйских, Мстиславских, Оболенских и про другие древние княжеские рода. Неужели нужно пояснять, что режиссер у этого спектакля был один и тот же, как, впрочем, и заказчики.

Итак, царь — изверг на троне, хорошие бояре в опале, а где-то скитается восемнадцатилетний сын Ивана Грозного. Естественно, спасенный Дмитрий не мог не явиться, даром, что ли, велась вся кампания.

И вот в 1602 году в Польше объявился долгожданный царевич Дмитрий.

О личности самозванца спор идет уже 400 лет. Версий на сей счет имеется три: самозванец был настоящим царевичем, самозванец был Юрием Отрепьевым и самозванец не был ни тем, ни другим. Любопытно, что сторонники последней версии не могут даже предположительно указать на конкретное историческое лицо, ставшее самозванцем. Их аргументы сводятся к критике первых двух версий, после чего методом исключения делается вывод — «откуда следует, что Лжедмитрием был кто-то другой».

Версия же о чудесном спасении царевича очень нравится сентиментальным дамам и мужчинам-образованцам. Этой версии посвящено уже не менее двух десятков душещипательных романов, и нет сомнения, что появятся и новые шедевры. Версии спасения Дмитрия одна фантастичнее другой. Некоторым же «историкам» мало традиционной сказки о чудесном спасении, и они идут дальше. Так, Лжедмитрий действительно оказывается царевичем Дмитрием, но не сыном Ивана Грозного, а его племянником. Далее следует драматический рассказ, как Соломония Сабурова родила в монастыре сына от Василия III. А вот внук Соломонии и Василия Дмитрий и стал самозванцем.

Были и попытки комбинировать первую и вторую версию. В этом варианте в 1602 году в Польшу, а затем в Италию бежал-де настоящий сын Грозного, но затем он умер на чужбине, а его имя принял Григорий (Юрий Отрепьев).

Я умышленно не привожу названий этих «исторических трудов», не желая делать им рекламу. По-

лемизировать же с ними просто смешно. Любой нормальный человек до самой смерти помнит события, происходившие с ним в возрасте четырех-восьми лет, причем часто запоминает мелкие детали, забытые его взрослыми родственниками. Самозванец же о своей жизни в Угличе рассказывал хуже, чем сын лейтенанта Шмидта Шура Балаганов о восстании на «Очакове». В частности, он утверждал, что убийство в Угличе случилось ночью. О том же, что происходило с ним с 8 до 19 лет, он отделывался общими фразами, что его-де приютили и воспитали какие-то хорошие люди. Ну, допустим, в Польше он мог опасаться за жизнь своих покровителей, оставшихся в России под властью Годунова. Зато, взойдя на московский трон, его первым желанием стало бы найти этих «благодетелей», показать их народу и примерно наградить. Причем дело тут не в благодарности, доказательство чудесного спасения в Москве было вопросом жизни или смерти Лжедмитрия. Наконец, неопровержимый довод дает медицина — эпилепсия никогда не проходит сама по себе и не лечится даже современными средствами. А Лжедмитрий никогда не страдал припадками эпилепсии, и у него не хватило ума их имитировать.

Практически все серьезные историки приняли вторую версию и отождествляют Лжедмитрия с иноком Григорием, в миру Юрием Богдановичем Отрепьевым. Он происходил из дворянского рода Нелидовых. В 70-х годах XIV века на службу к московскому князю Дмитрию Ивановичу из Польши прибыл шляхтич Владислав Нелидов (Неледзевский). В 1380 году он участвовал в Куликовской битве. Потомки этого Владислава стали зваться Нелидовыми. Род был в общем-то захудалым. Автору удалось найти в летописях лишь одно упоминание о Нелидовых. В 1472 году великий князь Иван III послал воеводу князя Федора Пестрого наказать жителей Пермского

края «за их неисправление». Одним из отрядов в этом войске и командовал Нелидов. Часть Нелидовых поселилась в Галиче, а часть — в Угличе. Один из представителей рода Нелидовых Данила Борисович в 1497 году получил прозвище Отрепьев. Его потомки и стали носить эту фамилию.

Согласно «Тысячной книге» 1550 года на царской службе состояли пять Отрепьевых. Из них в Боровске — сыновья боярские «Третьяк, да Игнатий, да Иван Ивановы дети Отрепьева. Третьяков сын Замятня», в Переяславле-Залесском — стрелецкий сотник Смирной-Отрепьев. В 1577 году дети сотника Смирнова-Отрепьева «неслужилый новик» Смирной-Отрепьев и его младший брат Богдан получили поместья в Коломне. Богдану тогда было 15 лет. Интересно, что при поступлении на службу братья Смирной и Богдан Отрепьевы поручились за своего родственника Андрея Игнатьевича Отрепьева, против имени которого в дворянском списке было помечено: «служит с Углича». Таким образом, Богдан и его сын Юрий имели тесные связи с Отрепьевыми, служившими в Угличе. Эти угличские родственники не могли не поделиться с ними рассказами о гибели царевича.

Богдан Отрепьев дослужился до чина стрелецкого сотника. Но его погубил буйный нрав. Он напился в Немецкой слободе в Москве, где иноземцы свободно торговали вином, и в пьяной драке был зарезан каким-то литовцем. Так Юшка остался сиротой, воспитала его мать. Едва оперившийся Юрий поступил на службу к Михаилу Никитичу Романову. Выбор Юшки не был случайным — детство он провел в имении дворян Отрепьевых на берегах реки Монзы, притоке Костромы. Рядом, менее чем в десяти верстах, была знаменитая костромская вотчина боярина Федора Никитича — село Домнино. Вскоре Отрепьев поселился в Москве на подворье Романовых на Варварке. Позже патриарх Иов говорил, что Отрепьев «жил у

Романовых во дворе и заворовался, спасаясь от смертной казни, постригся в чернецы». «Вор» в те времена было более широким понятием, включавшим в себя и государственную измену. Так против кого «заворовался» Юшка? Если против своих благодетелей Романовых — так ему нужно было идти не в монастырь, а во дворец к Борису в дублеры к Бартеңеву. Значит, «заворовался» он все-таки против царя. Или он был посвящен в заговор Романовых, или как минимум активно участвовал в бою с царскими стрельцами. В любом случае ему грозила смертная казнь. Борис по конъюнктурным соображениям был снисходителен к боярам, но беспощадно казнил провинившуюся челядь. Спасая свою жизнь, Юшка принял постриг и стал смиренным чернецом Григорием. Некоторое время Григорий скитался по монастырям. Так, известно о его пребывании в суздальском Спасо-Ефимьевом монастыре и монастыре Иоанна Предтечи в Галичском уезде.

Через некоторое время чернец Григорий оказывается в привилегированном Чудовом монастыре. Монастырь находился на территории московского Кремля, и поступление в него обычно сопровождалось крупными денежными вкладами. О приеме Григория просил архимандрита Пафнутия протопоп кремлевского царского Успенского собора³⁹ Ефимий. Как видим, влиятельные церковные деятели просят за монашка, бегающего из одного монастыря в другой, бывшего государственного преступника.

Первое время Григорий жил в келье своего родственника Григория Елизария Замятни (внука Третьяка Отрепьева). Всего до побега Григорий провел в Чудовом монастыре около года. В келье Замятни он пробыл совсем недолго. Архимандрит Пафнутий вскоре отличил его и перевел в свою келью. По представлению архимандрита Григорий был рукоположен патриархом в дьяконы. Вскоре Иов приближает

к себе Григория. В покоях патриарха Отрепьев «сотворил святым» каноны. Григорий даже сопровождал патриарха на заседаниях Боярской думы. Такой фантастический взлет всего за год! И время было не Ивана Грозного или Петра Великого. При Годунове головокружительные карьеры не делались. И при такой карьере вдруг удариться в бега?! А главное — как двадцатилетний парень без чьей-либо поддержки вдруг объявил себя царевичем? До этого на Руси со времен Рюрика не было ни одного самозванца. Prestиж царя был очень высок. Менталитет того времени не мог и мысли такой допустить у простого чернеца.

Отрепьев бежал в Литву с двумя монахами — Варлаамом и Мисаилом. Варлаам был чернецом Пафнутьева Боровского монастыря, расположенного под Боровском. Варлаам Яцкий происходил из провинциальных детей боярских⁴⁰. Позже, при царе Василии Шуйском, Варлаам напишет подробный рассказ о побеге в Польшу, получивший название «Извет». Второй чернец, Мисаил, бежал, как и Отрепьев, из Чудова монастыря. В миру он был Михаилом Трофимовичем Повадьиним, сыном боярским из города Серпейска. В московской летописи о нем сказано: «...Прост сей и в разуме не утвержден». Полную противоположность Мисаилу представлял собой Варлаам. Его искусно составленный «Извет» говорит об изощренном уме.

Согласно версии Варлаама, дело обстояло так. В 1601 году, в понедельник второй недели Великого поста, в Москве Варварским крестцом шел монах Пафнутьева Боровского монастыря Варлаам. Его нагнал другой монах, молодой, и вступил с ним в разговор. После обыкновенных приветствий и вопросов: «Кто и откуда?» — Варлаам спросил своего нового знакомого, назвавшегося Григорием Отрепьевым, какое ему до него дело? Григорий отвечал, что, живя в Чудовом монастыре, сложил он похвалу москов-

ским чудотворцам, и патриарх, видя такое усердие, взял его к себе, а потом стал брать с собой и в Боярскую думу, оттого и вошел Григорий в великую славу. Но ему не хочется не только видеть, но и слышать про земную славу и богатство, и потому он решил уехать из Москвы в дальний монастырь. Слышал он, что есть монастырь в Чернигове, и туда-то он хочет позвать с собой Варлаама. Варлаам отвечал, что если Григорий жил в Чудовом монастыре у патриарха, то к Черниговскому монастырю ему не привыкнуть: по слухам, этот монастырь — место неважное. На это Григорий отвечал: «Хочу в Киев, в Печерский монастырь, там старцы многие души свои спасли. А потом, поживя в Киеве, пойдем во Святой город Иерусалим ко Гробу Господню». Варлаам возразил, что Печерский монастырь за рубежом, в Литве, а за рубежом теперь идти трудно. «Вовсе не трудно, — отвечал Григорий, — государь наш взял мир с королем на двадцать два года, и теперь везде просто, застав нет». Тогда Варлаам согласился идти вместе с Отрепьевым. Оба монаха поклялись друг другу, что не обманут, и договорились на завтра встретиться в Иконном ряду и отправиться в путь. На другой день в условленном месте Варлаам нашел Отрепьева, а с ним был третий их спутник — чернец Мисаил.

В своем «Извете» Варлаам старательно путает правду с вымыслом, стремясь обелить себя. Трудно поверить, что умный и тертый монах в столь солидном возрасте встретил случайно какого-то мальчишку и решил бежать с ним за рубеж. Вместе с тем интеллектуальный уровень Варлаама явно не соответствует роли организатора заговора. То же можно сказать и о Мисаиле. Версию же о том, что до самозванства Отрепьев дошел сам, я вынужден отбросить как абсурдную. Отсюда единственный вариант — инока Григория наставили на «путь истинный» в Чудовом монастыре. Кремлевский Чудов монастырь давно

был источником различных политических интриг. Там постриглись многие представители знати, и не по доброй воле. Само расположение монастыря под окнами царских теремов и государственных Приказов делало неизбежным вмешательство монахов в большую политику. Царь Иван Грозный желчно бранил чудовских старцев за то, что они только по одежде иноки, а творят все, как миряне. Значительная часть монахов была настроена оппозиционно к царю и патриарху.

К сожалению, наши дореволюционные и советские историки крайне мало интересовались, кто же стоял за спиной Григория. И в этом в значительной мере виноват Пушкин, точнее, не Пушкин, а царская цензура. Как у Александра Сергеевича решается основной вопрос драмы — решение монаха Григория стать самозванцем? Вот сцена «Келья в Чудовом монастыре». Отец Пимен рассказывает чернецу Григорию антигодуновскую версию убийства царевича Дмитрия. И все... Следующая сцена — «Палаты патриарха». Там игумен Чудова монастыря докладывает патриарху о побеге чернеца Григория, назвавшегося царевичем Дмитрием.

Можно ли поверить, что восемнадцатилетний мальчишка, выслушав рассказ Пимена, сам рискнет на такое? И дело совсем не в неизбежности наказания — дыба и раскаленные клещи на допросе, а затем четвертование или кол. Дело в другом — Гришка стал первым в истории России самозванцем. И одному юнцу в одночасье дойти до этого было невозможно. Психология русского феодального общества начала XVII века не могла этого допустить. Тут нужен изощренный зрелый ум. Так кто же подал идею Гришке? До 1824 года эту тему никто не поднимал. А Пушкин? Сейчас вряд ли удастся выяснить, знал ли Пушкин что-то, не вошедшее в историю Карамзина, или его озарила гениальная догадка. Но начнем по

порядку. Пушкин приступил к работе над «Борисом Годуновым» в ноябре 1824 года. К концу декабря — началу января он дошел до сцены в Чудовом монастыре и остановился. Пушкинисты утверждают, что он занялся четвертой главой «Онегина». Возможно, это и так, а скорее — не сходились концы с концами у «Годунова». Но в апреле 1825 года Пушкин возвращается к «Годунову» и одним духом пишет сцены «Келья в Чудовом монастыре» и «Ограда монастырская». «Позвольте, — возмутится внимательный читатель, — какая еще «Ограда монастырская», да нет такой сцены в пьесе». Совершенно верно, нет, но Пушкин ее написал. Сцена короткая, на две страницы, а по времени исполнения — на 3–5 минут. Там Гришка беседует со «злым чернецом». И сей «злой чернец» предлагает Гришке стать самозванцем. До Гришки доходит лишь со второго раза, но он соглашается: «Решено! Я Дмитрий, я царевич». Чернец: «Дай мне руку: будешь царь». Обратим внимание на последнюю фразу — это так-то важно говорит простой чернец?! Ох, он совсем не простой, сей «злой чернец».

Сцена «Ограда монастырская» имела взрывной характер. Она не только прямо обвиняла духовенство в организации смуты, но поднимала опасный вопрос — кто еще стоял за спиной самозванца? Поэтому Жуковский, готовивший в 1830 году первые сцены «Бориса Годунова», не дожидаясь запрета цензуры, сам выкинул сцену «Ограда монастырская». Опубликована эта сцена была лишь в 1833 году в немецком журнале, издававшемся в Дерпте.

Прямых улик против «злого чернеца» у нас нет и, видимо, никогда не будет. Но многочисленные косвенные улики с большой вероятностью показывают, что им был сам архимандрит Пафнутий. Именно в его келье длительное время жил Григорий. Вряд ли архимандрит допустил бы, чтобы его воспитанник попал под влияние другого чудовского «злого черне-

ца». После вторжения войска самозванца царь Борис и патриарх Иов смещают Пафнутия с должности архимандрита и отправляют в ссылку. За что? Все светские и церковные источники молчат. Наконец, войдя в Москву, Лжедмитрий не только возвращает Пафнутия из ссылки, но и возводит его в сан митрополита Крутицкого — второго лица в церковной иерархии после патриарха. Позже Пафнутий постоянно лезет в политику. И лишь смерть в 1611 году в осажденном Кремле кладет конец его интригам.

Впоследствии церковные власти сделали все, чтобы вычеркнуть имя «злого инок» Пафнутия из церковной и светской истории. Так, в огромном труде «История русской церкви», написанном митрополитом Макарием, в VI томе, посвященном Смутному времени, о Пафнутии упоминается вскользь всего два раза в двух строчках. Причем последний раз сказано с явной злобой: «...Как и когда он умер и где погребен — неизвестно».

Возникает естественный вопрос — мог ли Пафнутий действовать один, без сговора со светскими лицами? Ответ очевиден. И это были люди романовского круга. И если братья Никитичи сидели под крепким караулом, то в Москве находилась их многочисленная родня, в том числе по женской линии, их служилые дворяне и прочая клиентура.

Не исключено и участие в заговоре, причем на самой ранней стадии, и поляков. Под большим подозрением оказывается канцлер и великий гетман литовский Лев Сапега. Первый раз он приезжал послом в Москву еще в царствование Федора Иоанновича. Второй раз Лев Сапега прибыл в Москву 16 октября 1600 года и уехал почти через год, в августе 1601 года. Через десять дней после приезда Сапега и другие члены посольства были свидетелями ночного штурма царскими стрельцами романовского подворья. В посольском дневнике, а также в донесении королю

Сигизмунду Сапега и его товарищи весьма положительно отзываются о братьях Никитичах, называя их «кровными родственниками умершего великого князя». (Ляхи не признавали царский титул Федора.)

Сапега уехал из Москвы крайне озлобленным на царя Бориса. Позже в Вильне Сапега перед русскими послами, приехавшими на ратификацию, говорил королю Сигизмунду: «Как приехал я в Москву, и мы государских очей не видали шесть недель, а как были на посольстве, то мы после того не видали государских очей 18 недель, потом от думных бояр слышали мы много слов гордых, все вытягивали они у нас царский титул. Я им говорил так же, как и теперь говорю, что нам от государя нашего наказа о царском титуле на перемирье нет, а на dokonчанье наказ королевский был о царском титуле, если бы государь ваш по тем по всем статьям, которые мы дали боярам, согласился». То есть Сапега начал торговаться: мы, мол, признаем Бориса царем, а вы, мол, признайте Сигизмунда шведским королем. На что московские послы резонно отвечали: «Вы говорите, что государь ваш короновался шведскою короною, но великому государю нашему про шведское коронованье государя вашего никакого ведома не бывало... Нам лишь ведомо, что государь ваш Жигимонт король ходил в Швецию и над ним в Шведской земле невзгода приключилась. Если бы государь ваш короновался шведскою короною, то он прислал бы объявить об этом царскому величеству и сам был бы на Шведском королевстве, а не Арцы-Карло (герцог Карл). Теперь на Шведском королевстве Арцы-Карлус, и Жигимонту королю до Шведского королевства дела нет, и вам о шведском титуле праздных слов говорить и писать нечего».

Это был страшный удар по самолюбию короля и королевского посла. После прибытия Гришки Отрепьева в Польшу Лев Сапега стал одним из наиболее активных его покровителей. Таким образом, есть большая

вероятность того, что Сапега и стал соучастником заговора Пафнутия и романовской клиентуры. Об этом предположительно писал Д. Лавров: «В это время польским послом в Москве был Лев Сапега, и Отрепьев, состоя при патриархе, мог войти в сношение с ним и убедиться, что в Польше можно найти себе поддержку»⁴¹. То же утверждает в 1996 году и Д. Евдокимов⁴². Наличие треугольника Пафнутий — Романовы — Сапега сразу же снимает все загадки и противоречия в истории самозванческой интриги.

Но вернемся к нашим беглецам. Им удалось благополучно добраться до Новгорода Северского, где они прожили несколько дней в Преображенском монастыре. Затем они нашли провожатого — какого-то бродячего монаха, который тайно провел их через границу в Литву. В начале 1602 года троица прибыла в Киев в Печерский монастырь. Там инок Григорий «разболелся до умертвия» и решил причаститься у Печерского игумена. Далее все было как в мексиканских сериалах. Умиравший Григорий признался игумену, что царевич Дмитрий «а ходит будто в ыкусе, не пострижен, избегаючи, укрываясь от царя Бориса...» Но игумен «мыльных опер» не любил и велел немедленно выкинуть умирающего и обоих его спутников за пределы монастыря. За воротами монастыря инок Григорий чудесным способом излечился от болезней, и вся троица отправилась в город Острог во владения князя Константина Острожского. Потомок Гедемина Константин был практически независимым правителем. При его дворе служило более двух тысяч шляхтичей и челяди. Несмотря на Брестскую унию, князь оставался ревностным поборником православия.

Князь Острожский радушно принял беглецов. Рассказ Варлаама о пребывании в Остроге летом 1602 года подтверждается неоспоримыми доказательствами. В свое время А. Добротворский обнаружил в книгохранилище Заборовского монастыря на

Волыни книгу, отпечатанную в Остроге в 1594 году, с надписью: «Лета от сотворения миру 7110-го (1602 год), месяца августа в 14-й день, сию книгу Великого Василия дал нам Григорию з братею, с Варлаамом да Мисаилом, Константин Константинович, нареченный со светом крещении Василей, Божиею милостию пресветлое княже Острожское, воевода Киевский». Любопытно, что кто-то из современников сделал на книге дополнение к дарственной надписи. Над словом «Григорию» кто-то вывел слова «царевичу Московскому». То есть Отрепьев сделал признание Острожскому о своем «царском происхождении». Но, увы, тот немедленно велел гайдукам вытолкать самозванца взапой из замка. Тут пути нашей троицы разошлись. Варлаам и Мисаил были отправлены Острожским в село Дерманы в православный Троицкий-Дубенский монастырь, а Отрепьев скинул монашеское одеяние, облачился в светское платье и отправился в город Гошу.

Гоша в то время был центром еретиков-ариан. Отрепьев поселился там у пана Габриэля Хойского и, по некоторым сведениям, стал отправлять обряды ариан. В Гоше Отрепьев получил возможность брать уроки в арианской школе. По словам Варлаама, Отрепьева учили «по латынски и по польски». Одним из учителей Отрепьева был русский монах Матвей Твердохлеб — известный проповедник арианства. Отрепьеву не понадобилось много времени, чтобы понять, что от ариан особой помощи ему ждать не приходится, а сама его связь с еретиками поставит крест на самозванческой карьере. В начале апреля 1603 года Григорий бежал из Гоши.

Возможно, что Отрепьев какое-то время провел у запорожских казаков. По некоторым данным, Григорий будто бы бежал к запорожцам в кош старшины Герасима Евангелика и был там с честью принят. Из Сичи Гришка отправляется в город Брачин к право-

славному владетельному князю Адаму Вишневецкому. Надо ли говорить, что Отрепьев вскоре открылся князю. По одним сведениям, он повторил трюк со смертельной болезнью и исповедью на смертном одре. По другой версии Отрепьев помогал князю мыться в бане и получил плюху за небрежность. Тогда оскорбленный «царевич» воскликнул: «Князь, вы не знаете, кого бьете!» и показал дорогой крест, якобы возложенный на него при крещении крестным отцом князем Мстиславским.

Адам Вишневецкий признал Отрепьева царевичем. Причем главную роль сыграла не доверчивость князя, а его территориальные споры с Московским государством. В конце XVI века семейство Вишневецких захватило довольно большие территории вдоль обоих берегов реки Сули в Заднепровье. В 1590 году польский сейм признал законными приобретения Вишневецких, но московское правительство часть земель считало своими. Между Польшей и Россией был «вечный» мир, но Вишневецкий плевал равно как на Краков, так и на Москву, продолжая захват спорных земель. Самые крупные инциденты случились на Северщине, из-за городков Прилуки и Сиетино. Московское правительство утверждало, что эти городки издавна «тянули» к Чернигову и что «Вишневецкие воровством своим в нашем господстве в Северской земли Прилуцкое и Сиетино городище осваивают». В конце концов в 1603 году Борис Годунов велел сжечь спорные городки. Люди Вишневецкого оказали сопротивление. С обеих сторон были убитые и раненые.

Вооруженные стычки из-за спорных земель могли привести и к более крупному военному столкновению. Именно эта перспектива и привела Отрепьева в Брачин. По планам Гришки, Вишневецкий должен помочь ему втянуть в военные действия против Московского государства татар и запорожцев. Царь Борис обещал князю Вишневецкому щедрую награду за

выдачу «вора», но получил отказ. Тогда Вишневецкий, опасаясь того, что Борис применит силу, отвез Отрепьева подальше от границы в городок Вишневец.

7 октября 1603 года Адам Вишневецкий пишет коронному гетману и великому канцлеру Польши Яну Замойскому о появлении царевича Дмитрия, и бродяга становится для панов законным претендентом на престол. Для Отрепьева самой трудной частью авантюры было признание его польскими магнатами. Вторая же фаза — сбор войска для вторжения в Россию — особой сложности не представляла. К началу XVII века Речь Посполитая (буквально «Польская республика») формально оставалась унитарным государством, а фактически представляла собой нечто типа федерации с очень слабой центральной властью.

Как уже говорилось, польские магнаты являлись неограниченными правителями на своих территориях. Магнаты содержали большие частные армии. Причем армии наиболее богатых феодалов были соизмеримы с королевским войском, а иногда и превосходили его. Частные армии магнатов периодически воевали между собой, с королевским войском и с соседями Речи Посполитой. К примеру, те же Вишневецкие в XVI — начале XVII века постоянно вели «частные» войны с Московским государством, с Крымским ханством и с Турцией. Так, Дмитрий Вишневецкий, родной дядя уже известного нам Адама Вишневецкого, двинулся с войском в Молдавию, чтобы стать там правителем («господарем»), но потерпел поражение и был казнен в Стамбуле.

Соответственно, мир любого соседнего государства с Речью Посполитой мог означать лишь то, что королевское войско не будет нападать на данного соседа в период действия данного договора. А магнаты смотрели на мирные договоры исключительно с точки зрения своей выгоды.

Отметим еще один важнейший для феодального общества аспект — кичливая и переполненная словесными предрассудками польская знать была... беспородна, если не считать небольшого числа дворян, в жилах которых текла кровь Рюриковичей и Гедиминовичей. Как писал крупный специалист в области генеалогии П. Н. Петров⁴³: «А о польских не литовского происхождения (рода Гедиминова) князьях природных мы можем одно сказать, что они все перемерли еще при царствовании династии Пястов» (то есть в XIII–XV веках). Большинство магнатов были безродными выскочками, захватившими силой владения соседей.

В XVI–XIX веках в Польше был самый высокий в мире процент дворян по отношению ко всему населению страны. Попасть в дворяне было сравнительно просто. В Польше существовали еврейские конторы, специализировавшиеся на подделке различных документов, свидетельствовавших о дворянском происхождении и иных заслугах заказчиков. Позднейшие исследователи отмечали высокий уровень качества таких подделок.

Естественно, что подавляющее большинство таких дворян не имело крепостных, работать они не хотели, а умели лишь пить, плясать, драться на саблях и горлопанить о «вольностях шляхетских». Кормились они в основном за счет разбоя и подачек магнатов. Надо ли говорить, что для большинства буйных панов появление в Польше царевича Дмитрия было просто подарком.

Узнав от Адама Вишневецкого о появлении самозванца, канцлер Замойский посоветовал Вишневецкому известить обо всем короля, а затем отправить и самого москвитянина либо к королю, либо к нему гетмана.

1 ноября 1603 года польский король Сигизмунд III пригласил папского нунция Рангони и уведомил его

о появлении в имении Адама Вишневецкого москвитянина, который называет себя царевичем Дмитрием и намеревается вернуть себе престол с помощью казаков и татар. Король приказал Вишневецкому привезти Отрепьева в Краков и представить подробное донесение о его личности.

Адам Вишневецкий исполнил приказ царя относительно доклада и переслал в Краков подробную записку рассказов Отрепьева. Но переписка с Замойским убедила его в том, что король не склонен поддерживать самозванческую интригу, и поэтому Вишневецкий не спешил передавать самозванца королю.

Дело в том, что и король Сигизмунд III и канцлер Замойский оказались в крайне сложном положении. С одной стороны, им не хотелось нарушать мир и затевать большую войну с Москвой. (Не надо забывать о шведской угрозе с севера и личных счетах Сигизмунда со шведским королем.) С другой стороны, король и канцлер были не прочь устроить смуту в России и серьезно ослабить ее. С третьей стороны, король боялся, что в случае успеха похода самозванца за счет ограбления России и присоединения русских земель укрепится позиция магнатов и, соответственно, ослабнет королевская власть. Наконец, была вероятность и провала вторжения на Русь, после чего буйные паны, запорожские казаки и всякий сброд могут начать рокош в самой Польше или в Малороссии.

Адам Вишневецкий предпочел бы действовать с согласия короля и канцлера, но был готов затеять войну и без них. Адам публично в присутствии послов крымского хана заявил, что он в отличие от короля не связан присягой о мире с царем Борисом и может действовать, не считаясь с мирным договором с Россией. В январе 1604 года Вишневецкий начал собирать войска в своей вотчине в Лубнах на реке Суле.

Но вскоре между Лжедмитрием и Вишневецким возникли серьезные разногласия. Вишневецкий не

собирался идти на Москву, да и сил для этого у него было мало. Он собирался вести «частную» войну с московскими воеводами на малороссийских землях. Целью «частной» войны Вишневецкого был захват нескольких городков, контролируемых Москвой, а затем — заключение выгодного мира с царем Борисом. Не исключено, что на мирных переговорах голова Отрепьева стала бы разменной монетой. Самозванца, естественно, такие планы князя Адама не устраивали, к тому же у него к началу 1604 года появились и другие покровители.

Дело в том, что Константин Вишневецкий (двоюродный брат Адама Вишневецкого) познакомил Лжедмитрия со своим тестем сандомирским воеводой Юрием Мнишком. Проходимец и авантюрист Мнишек буквально ухватился за самозванца. В дело пошла и дочь Мнишка Марина. О пылкой взаимной страсти Лжедмитрия и Марины писали все, кому не лень — от Шиллера до Пушкина. Я же нахожусь в затруднении и не могу отделить страсть от расчета в отношениях этой «сладкой парочки». Безусловно, кокетливая шляхтянка не могла не произвести сильного впечатления на беглого монаха, который раньше видел боярышень только в возках на улицах. Не будем забывать, что не только боярыни, но и даже московские царицы никогда не бывали на торжественных церемониях и на пирах вместе с мужчинами. Вспомним, как через сто лет молодой Петр увлекся первой встреченной в немецкой слободе иностранкой Анной Монс.

Но есть и другой пример — Наполеон и Мария Валуевская, где расчет и любовь переплелись неразрывно. Ни сама Мария, ни ее многочисленные родственники и друзья не согласились бы на роман с каким-нибудь богатым и родовитым, но не имеющим политического влияния германским принцем. В свою очередь Наполеон постоянно имел мелкие интриги в завоеванных

странах, но всегда знал меру. Он нигде не позволил бы себе завести, скажем, «голландскую» или «баварскую супругу». Зато роман с Марией не без молчаливого согласия князя был предан огласке. О нем судачили во всех гостиных Варшавы, вся армия обсуждала «польскую супругу» императора. Надо ли говорить, что Вавельской и К^о нужен был император для воссоздания Речи Посполитой на немецкой, а в первую очередь — на русской территории. А Наполеону нужны были польские штыки и сабли, деньги и провиант. Замечу, что Наполеон все свои войны вел за счет населения иностранных государств, и французский бюджет в его правление не имел дефицита. Ну а достижение больших политических целей через постель было приятно обоим сторонам.

Аналогичная ситуация сложилась и в 1603 году, и невозможно точно сказать, кому больше был выгоден союз — Лжедмитрию или Мнишкам. Лакмусовой бумажкой в романе самозванца с Мариной могут быть все брачные договоры, заключенные Мнишками с самозванцем. Одуревшие от жадности Юрий и Марина требовали много, а Григорий покорно на все соглашался. При этом он прекрасно знал, что выполнение хоть половины условий Мнишков стоило бы головы не только ему, но и самому законному московскому царю, тому же Федору Иоанновичу или даже Ивану Грозному.

В ноябре 1603 года король Сигизмунд изъявил желание видеть Дмитрия в Кракове. В это время в польских верхах шла борьба двух партий. Против поддержки самозванца решительно выступали наиболее умные политики и военачальники. Среди них были Ян Замойский, Константин Острожский, Карл Ходкевич, браславский воевода Збаражский и другие. Хотя, согласно конституции, король должен был принять мнение Замойского и Ходкевича, у него были и другие, менее официальные, но более желан-

ные для него советчики. Они принадлежали к второстепенным личностям в стране. Это были царедворцы, шедшие по следам братьев Мнишков, такие прижившиеся в Польше выходцы, как Андрей Бобола, Бернард Мациевский и Сигизмунд Мышковский, или наемные иностранцы, как немец ВрADER и итальянец де ля Кола, и, наконец, главная придворная дама королевства Урсула Гингер. Этот маленький мирок, легко доступный всяким интригам, находился вместе с самим королем под сильным влиянием иезуитов и, в частности, под влиянием духовника короля отца Барча. А между тем отцов-иезуитов уже настояжили известия, приходившие из Самбора.

Настоящий или самозванный, но обращенный в католичество царевич мог сесть на московский престол, а следом за ним в Россию смогли бы проникнуть и члены Ордена иезуитов. Чисто личные соображения побуждали к тому же и короля Сигизмунда. Будучи ревностным католиком, он готов был, кажется, пожертвовать Польшей, чтобы только ввести в католицизм Московское государство. Недавно он потерял свое наследство в Швеции, и эта страна в равной мере волновала его как своими политическими, так и близкими его сердцу религиозными интересами.

В феврале 1604 года король официально обратился к сейму, прося его высказаться по поводу претендента на русский престол. По двум наиболее существенным вопросам — о подлинности Дмитрия и о предполагаемом участии Польши в его предприятии — король почти единогласно получил отрицательный ответ. «За» были только краковский воевода Николай Зебржидовский и гнезенский архиепископ прелат Ян Тарковский.

Тем не менее в первых числах марта 1604 года Мнишек и Лжедмитрий объявились в Кракове. С самого начала Мнишек показал себя отличным политиком. Он начал с того, что устроил большой пир, ку-

да пригласил и членов сейма. Естественно, что центральное место на пиру занимал Лжедмитрий. Претендент появился со свитой из нескольких «знатных москвитов». На деле это были бродяги, бежавшие из России, или казаки. Но пьяные паны не особенно разбирались в этом, главное, что свита оказывала почти царские почести претенденту.

Вскоре самозванцу представили пятерых братьев Хрипуновых, бежавших из России. Хрипуновы были дворянами из города Зубцова. Все пятеро дружно признали в претенденте царевича Дмитрия. Вопрос, откуда они могли знать царевича раньше, поляков, естественно, не интересовал. Интересно, что показания Хрипуновых Отрепьев и Мнишек широко разрекламировали среди поляков. Но с собой в Москву Лжедмитрий Хрипуновых не взял, и впоследствии, когда Лжедмитрий уже царствовал, они вынуждены были просить покровительство короля, чтобы получить разрешение вернуться в Россию, и при его поддержке получили там земельные наделы.

Вскоре Сигизмунд III сделал решительный шаг — 15 марта претенденту была назначена аудиенция. Представ перед королем, Лжедмитрий произнес напыщенную речь, пестрящую многочисленными латинскими изречениями, риторическими фигурами и сравнениями, в которых более или менее удачно приводились подобные случаи из истории и преданий. В своем ответе Сигизмунд, связанный мнением сейма, дал понять, что он не признает Дмитрия, не даст ему ни одного солдата и не нарушит перемирия, заключенного с царем Борисом, но он все это позволит Мнишку и даже будет тайно поддерживать это предприятие.

Для начала, сразу же после аудиенции, Лжедмитрия осыпали подарками, назначили ему ежегодное содержание в четыре тысячи флоринов, правда, из доходов Самборской экономии, что вряд ли понравилось Мнишку. Кроме того, король взял на себя неко-

торую долю расходов для дальнейшего пребывания претендента в Кракове. Ходили также слухи, что Сигизмунд заказал для будущего царя великолепный столовый сервиз с русскими гербами и что он сам ежедневно видится с претендентом.

Разумеется, король делал все это не ради красивых глаз беглого монаха. Прежде чем попасть в королевскую резиденцию Вавель, Лжедмитрий был вынужден дать польской короне клятвенное обещание — отдать Польше половину Смоленской земли и часть Северной; заключить вечный союз между обоими государствами; разрешить свободный въезд иезуитов в Московию; позволить строить католические церкви и, наконец, обещал помочь королю вернуть шведский престол.

По сему поводу польский историк Казимир Валишевский писал: «Приходится сознаться, что, отдавая больше, чем он получал, Димитрий заключал невыгодную сделку. Ведь в этой стране Речи Посполитой попустительство, на которое дал свое согласие Сигизмунд, столь же мало значило, как и королевская власть. Он избавлял Мнишка от личных тревог, он мог подстрекнуть и еще нескольких искателей приключений, но вопреки желанию и первоначальному чаянию воеводы, дело не пошло дальше авантюры... Да, Димитрий давал слишком много. Но обещания ничего не стоят тому, кто не намерен их сдерживать, и, здраво рассуждая, невозможно приписать такой невероятной наивности Сигизмунду и его советчикам, уверенности, что он сдержит свое обещание, когда у него явится желание и он получит власть исполнить то, что теперь обещал. Для московского царя это равнялось бы самоуничтожению! Весьма вероятно, что этот необычайный договор, тотчас же спрятанный королем в шкатулку, ключ от которой хранился у него, был в глазах Сигизмунда только залогом, бумажкой, которую можно будет ис-

пользовать впоследствии, при более серьезных сношениях, как средство прижать»⁴⁴.

После аудиенции с королем самозванец заказал себе парадный портрет. Подпись к портрету гласила: «Дмитрий Иванович, великий князь Московии, 1604 г. В возрасте своем 23». Летом 1604 года настоящему царевичу Дмитрию, сыну Ивана Грозного, был бы 21 год. Вероятно, самозванец сам придумал подпись к портрету и указал свой настоящий возраст. На портрете был изображен темноволосый молодой человек с волевым лицом. Облик самозванца был явно сильно приукрашен. Художник Лука Килиан по своей инициативе выгравировал другой портрет Лжедмитрия, и, видимо, он был более реалистичным. На гравюре изображен малопривлекательный мужчина — приземистый, намного ниже среднего роста, непропорционально широкий в плечах, почти без талии, с короткой шеей. Руки сильные, но разной длины. В чертах лица видны сила и грубость. Лицо круглое, без усов и бороды (видимо, они не росли вообще, так как на Руси борода считалась признаком мужества). Волосы светлые, рыжеватые. Около носа две большие бородавки. Глаза маленькие, тяжелый взгляд дополнял гнетущее впечатление.

Еще до встречи с королем Лжедмитрию пришлось познакомиться и с папским нунцием Клавдием Рангони. В длительной беседе нунций дал понять, что если претендент желает получить помощь от Сигизмунда, то должен отказаться от греческой веры и вступить в лоно римской церкви. Лжедмитрий немедленно согласился и за невозможностью поцеловать папскую туфлю облабызал башмак Рангони. Последний причастил претендента и миропомазал. Затем Лжедмитрию пришлось побывать на исповеди у монаха-иезуита.

24 апреля 1604 года Лжедмитрий написал письмо папе Клименту VIII. В нем Отрепьев именовал себя «самой жалкой овечкой», «покорным слугою» его

святейшества. Он отрекался от «заблуждения греков», признавал непорочность догматов веры «истинной Церкви» и, наконец, целовал ноги его святейшества как «ноги самого Христа» и исповедовал полную покорность и подчинение «верховному пастырю и отцу всего христианства». В то же время, хотя он и был рад, что нашел вечное царство, более прекрасное, чем то, которое у него так несправедливо похитили, и выражал готовность, если на то будет воля провидения, отказаться от престола своих предков, он допускал также, что Всевышний мог избрать его проповедником истинной веры, дабы обратить заблудшие души и возвратить в лоно католической церкви великую и набожную нацию.

Получив сие послание, Климент VIII сделал то же, что сделал Сигизмунд. Обещания претендента были приняты в Риме с радостью, и папа написал на полях письма: «Возблагодарим премного Бога за это...» Иезуиты получили полномочия использовать таким образом достигнутый в религиозном отношении успех. Что же касается политической стороны дела, то тут папа, наоборот, оказался крайне осторожным. Он соглашался не видеть в Дмитрии более нового португальского короля-самозванца, но в ответе на его послание называл его «дорогим сыном» и «благородным господином» — и все!

Известив папу о своем обращении в католичество, Лжедмитрий в тот же день покинул Краков и вместе с Юрием Мнишком направился в Самбор. В самборском замке Лжедмитрия ожидал серьезный разговор с будущим тестем. Ведь самозванец обещал отдать королю значительную часть земель, обещанных Мнишку еще в феврале 1604 года. Поэтому Лжедмитрию пришлось заключить новый договор с Мнишком. В этом договоре, подписанном 24 мая 1604 года, самозванец торжественно клялся под страхом анафемы и обещал: 1. Тотчас по вступлении на престол вы-

дать Мнишку один миллион польских золотых для подъема в Москву и уплаты долгов, а Марине прислать бриллианты и столовое серебро из царской казны. 2. Отдать Марине Великий Новгород и Псков со всеми жителями, местами, доходами в полное владение, как владели прежние цари. Города эти оставались за Мариной, хоть бы она не имела потомства от Дмитрия, и вольна она в них судить и рядить, постановлять законы, раздавать волости, продавать их, также строить католические церкви и монастыри, в которых основывать латинские школы. При дворе своим Марина также вольна держать латинских духовных и беспрепятственно отправлять свое богослужение, потому что он, Дмитрий, соединился уже с римской церковью и будет всеми силами стараться привести и народ свой к этому соединению. В случае если дело пойдет плохо, и он, Дмитрий, не достигнет престола в течение одного года, то Марина имеет право взять назад свое обещание или, если захочет, то ждать еще год.

Не прошло и месяца, как Лжедмитрий вынужден был заключить другой договор. В этом договоре, подписанном 12 июня 1604 года, Лжедмитрий обязывался уступить Юрию Мнишку княжества Смоленское и Северское в потомственное владение, и так как половина Смоленского княжества и шесть городов из Северского княжества отойдут королю, то Мнишек получал еще из близлежащих областей столько городов и земель, чтобы доходы с них равнялись доходам с городов и земель, уступленных Сигизмунду.

Как писал С. М. Соловьев, «Мнишек собрал для будущего зятя 1600 человек всякого сброда в польских владениях, но подобных людей было много в степях и украинах...»⁴⁵ Цитата приведена умышленно, дабы автора не заподозрили в предвзятости. Первоначально местом сбора частной армии Мнишка был Самбор, но затем ее передислоцировали в окрестности

Львова. Естественно, что это «рыцарство» начало грабить львовских обывателей, несколько горожан было убито. В Краков из Львова посыпались жалобы на бесчинства «рыцарства». Но король Сигизмунд вел двойную игру, и пока войнство Мнишка оставалось во Львове, король оставлял без ответа жалобы местного населения на грабежи и насилия. Папский нунций Рангони получил при дворе достоверную информацию о том, что королевский гонец имел инструкцию не спешить с доставкой указа во Львов.

Любопытно, что польские историки оправдывают поход этого сброда на Москву. Тот же Казимир Валишевский писал: «В оправдание Польши надлежит принимать в соображение то обстоятельство, что Московия семнадцатого века считалась здесь страной дикой и, следовательно, открытой для таких предприятий насильственного поселения против воли туземцев; этот исконный обычай сохранился еще в европейских нравах, и частный почин если и не получал более или менее официальной поддержки заинтересованных правительств, всегда пользовался широкой снисходительностью»⁴⁶. Таким образом, с польской точки зрения сей поход был лишь экспедицией в страну диких туземцев.

Между тем король не только смотрел сквозь пальцы на сборы частной армии, но и осуществлял дипломатическую поддержку самозванца. В начале лета 1604 года король дал аудиенцию крымскому послу Джану Черкашенуку и пообещал «уплатить Крыму казну за два года»⁴⁷, если хан согласится помочь самозванцу. По возвращении в Крым Джан доложил о предложении короля хану Бора-Газы Гирею. Тем не менее помощи от крымцев Лжедмитрий не получил. Зато к нему присоединилось около двух тысяч запорожских и малороссийских казаков.

Армия Мнишка медленно приближалась к русским границам. Войско делало в день по две-три ми-

ли, иногда останавливалось в одном месте на несколько дней. К концу первых двух недель похода Лжедмитрий все еще оставался в пределах Львовщины. Во время остановки в Глинянах в начале сентября был проведен смотр. «Рыцарство» собралось в коло⁴⁸ и произвело выборы командиров. Мнишек по его же желанию был выбран главнокомандующим, а Адам Жулицкий и Адам Дворжецкий — полковниками. Сын Мнишка Станислав стал командиром гусарской роты. Таким образом, Мнишек, его друзья и родственники сосредоточили в своих руках все командование армией самозванца.

К моменту перехода русской границы в армии Мнишка было 1000–1100 польских гусар, сведенных в роты по двести сабель в каждой, 400–500 человек польской пехоты, от двух до трех тысяч казаков и до двухсот «москалей», то есть беглых русских.

Надо сказать, что не все русские эмигранты в Польше поддерживали самозванца. Так, в Краков к королю явился беглый сын боярский Яков Пыхачев и заявил, что царевич Дмитрий на самом деле самозванец. Вслед за Пыхачевым явился более страшный обличитель — монах Варлаам, который рассказал королю и панам о своем путешествии из Москвы в Польшу с царевичем Дмитрием и что Дмитрий на самом деле является беглым монахом Григорием. Обличители появились совсем некстати. Король и не думал о правде слов самозванца, ему нужен был «предлог раздора и войны». А посему Пыхачев и Варлаам под конвоем были направлены в Самбор к Мнишку. Там самозванец приказал немедленно казнить Пыхачева, а Варлаам был заточен в темницу. Некоторые историки удивляются, почему безвестный Пыхачев был казнен, а куда более опасный для расстриги Варлаам всего лишь заточен в темницу. Дело в том, что со времен Брестской унии (1596 год) в Польше царил атмосфера религиозной нетерпимо-

сти, и любое насилие католиков над православными или наоборот приводила к серьезному конфликту конфессий. Казнь православного монаха католиками могла привести к непредвиденным последствиям.

Как уже говорилось, армия Мнишка, двигаясь по польской территории, безнаказанно грабила местное население. В связи с этим князь Константин Острожский и черкасский староста Ян Острожский отобили свои частные армии и разместили на границах собственных владений, чтобы не допустить туда «рыцарство». Ян Острожский приказал угнать все лодки и паромы с днепровских переправ в районе Киева. И в течение нескольких дней армия Мнишка стояла на берегу Днепра, не имея средств для переправы. Самозванца выручили киевские мещане, предоставившие средства для переправы. Дело тут, разумеется, не в любви киевлян к «спасенному царевичу», как писали наши историки, а в страстном желании мещан оградить свое имущество от храброго «рыцарства».

13 октября 1604 года войско самозванца переправилось за Днепр и стало медленно продвигаться к ближайшей русской крепости — Моравску (Монастырскому острогу).

Отряд казачьего атамана Белешко скрытно через дремучий лес подошел к пограничной малой крепости Моравск и выслал парламентаря. Казак подъехал к стене крепости и на конце сабли передал жителям письмо «царевича». На словах он передал, что идет сам Дмитрий с огромными силами. Застигнутый врасплох воевода Б. Лодыгин попытался организовать сопротивление. Однако служилые взбунтовались, связали воеводу Лодыгина и стрелецкого голову Толочанова. Трофеями казаков стали семь пушек и двадцать затинных пищалей. Сам же «Дмитрий» с основными силами прибыл к Моравску лишь 21 октября.

Под стенами Чернигова самозванца поначалу встретили пушечной пальбой. Но вскоре и там про-

изошел бунт, воевода князь И. А. Татев был схвачен и передан самозванцу. В Чернигове было захвачено 27 крепостных орудий. Бытует мнение, что и в Чернигове, и в Моравске бунтовали простые жители, так писали все, начиная с Пушкина и кончая Скрынниковым. Их, видимо, смутила фраза из «Сказания о Гришке Отрепьеве» (XVII век): «...Смутишася черные люди и перевязаша воевод...» Так там «черные люди», это непахотные крестьяне или посадские, а «черные люди», то есть негодяи. Население этих пограничных городков было невелико по сравнению с их гарнизонами, состоявшими из профессионалов. Еще раз повторю: эти ратники чуть ли не каждый год отбивали набеги татар и частных польских армий. Так что маловероятно, что простым жителям удалось обезоружить гарнизоны Моравска и Чернигова.

Поляки и казаки, войдя в Чернигов, разграбили его. Лжедмитрий публично стыдил грабителей и грозил им смертью, но дальше ругани дело не пошло. Знатный дворянин Н. С. Воронцов-Вельяминов наотрез отказался признать самозванца своим государем. Отрепьев приказал убить его. Эта казнь запугала взятых в плен дворян. Воеводы Б. П. Татев, Г. П. Шаховский и другие поспешно присягнули Лжедмитрию.

На помощь Чернигову поспешил отряд русских войск под командованием воеводы Петра Федоровича Басманова. В пятнадцати верстах от Чернигова Басманов узнал о его сдаче и отступил в Новгород Северский. В течение недели Басманов готовил крепость к обороне. Местных служилых людей в городе было немного: 104 сына боярских, 103 казака, 95 стрельцов и пушкарей. У Басманова тоже был небольшой отряд, и он запросил подкрепления из близлежащих крепостей. Прибыли еще 59 дворян из Брянска, 363 стрельца из Москвы и 237 казаков из Кром, Белева и Трубчевска. Всего в Новгороде Северском было собрано около полутора тысяч человек,

умевших пользоваться оружием. Эта цифра хорошо иллюстрирует беспечность царя и его воевод, спровоцировавших вторжение самозванца.

11 ноября 1604 года войско Лжедмитрия подошло к Новгороду Северскому. Самозванец послал поляков-парламентеров с предложением сдаться. На это со стен закричали: «А, блядские дети! Приехали на наши деньги с воров!» Как видим, русские ратники имели хорошее представление о качественном составе и о целях польского «рыцарства».

13 ноября поляки попытались захватить крепость, но были отбиты, потеряв пятьдесят человек. В ночь с 17 на 18 ноября последовал новый штурм. Поляки безуспешно пытались поджечь деревянные стены крепости, но это им не удалось. Штурм был отбит с большими потерями. Любопытно, что Казимир Валишевский пишет по сему поводу: «Польские гусары не могли справиться с защищенными артиллерией фортами». Видимо, деревянный тын оказался до блесным гусарам мощным каменным фортом.

После неудачного приступа «рыцарство» взбунтовалось, собрало коло и потребовало для объяснений царевича. Разгневанный Лжедмитрий начал укорять поляков: «Я думал больше о поляках, а теперь вижу, что они такие же люди, как и другие». «Рыцарство» отвечало ему: «Мы не имеем обязанности брать городов приступом, однако не отказываемся и от этого, пробей только отверстие в стене».

Польские отряды уже собрались покинуть Лжедмитрия, как пришла весть о сдаче самозванцу Путивля. Путивль был ключевым пунктом обороны Черниговской земли и единственным из северских городов, имевшим каменную крепость. Однако гарнизон Путивля не захотел воевать. Воевода князь Василий Рубец-Мосальский был связан и приведен к царевичу. По дороге князь оценил ситуацию, при встрече «узнал» царевича и присягнул ему. Впослед-

ствии Рубец-Мосальский стал одним из приближенных самозванца. В Путивле сторонники самозванца захватили большие денежные суммы (казну), отпущенные Москвой на строительство крепостей и жалование служилых людей всей Черниговской земли.

За Путивлем последовал Рыльск. 23 ноября служилые люди взбунтовались и арестовали воеводу А. Загряжского. Одновременно взбунтовался Курск, где были арестованы воевода князь Г. Б. Роща-Долгоруков и стрелецкий голова Я. Змеев. Оба были доставлены к самозванцу, признали его и вскоре были назначены воеводами в Рыльск.

Советские историки старательно подгоняли действия служилых людей в этих городах, то есть чисто военные бунты, под классовую борьбу. Так, историк И. М. Скляр писал, что «уже осенью 1604 г. лозунг борьбы «за царя Дмитрия» оказался тесно связанным с призывами к истреблению бояр и дворян». Но факты не подтверждают этот вывод. Бунтовщики нападали на воевод, московских стрельцов и всех тех, кто выступал против «доброего» царя, но как только конкретные бояре и дворяне переходили на сторону Лжедмитрия, бунтовщики не только прекращали враждебное к ним отношение, но и безропотно поступали под их начало.

1 декабря на сторону самозванца перешла маленькая, но имевшая большое стратегическое значение крепостца Кромы, расположенная на московской дороге в сорока верстах от Орла. В Орле находился небольшой гарнизон под началом осадного головы Петра Крюкова. По его просьбе в Орел были присланы дворяне и дети боярские из Козельска, Белева и Мецёвска, несшие годовую службу в Белгороде. Командование над отрядом, собравшимся в Орле, принял стрелецкий голова Григорий Иванович Микулин. (Кстати, личность довольно известная, в 1600 году он ездил послом в Лондон.) Отряд сторонников само-

званца приблизился к Орлу, но высланная оттуда дворянская сотня наголову разгромила «воров».

28 ноября в Новгороде Северском часть служилых людей, прельщенных посулами самозванца, пыталась поднять мятеж. Но воевода Басманов сумел подавить его, после чего восемьдесят человек перебежало из крепости к осаждающим.

Между тем поляки привезли к Новгороду Северскому несколько крепостных пушек, захваченных в Путивле, и начали бомбардировку крепости, не прекращавшуюся ни днем ни ночью, и после недельного обстрела «разбиша град до обвалу земного».

Чтобы выиграть время, Басманов начал переговоры с Лжедмитрием и попросил заключить двухнедельное перемирие, будто бы необходимое для принятия решения о сдаче крепости. Мнишек и Отрепьев согласились на это. Басманов использовал перемирие, чтобы исправить повреждения крепости. 14 декабря в крепость прорвалось небольшое подкрепление — сотня стрельцов.

Лишь когда пришли первые известия о вторжении войска самозванца, царь Борис приказал собрать в течение двух недель, к 28 октября, дворянское ополчение. Приказ был повторен трижды, но выполнить его не удалось. Основными причинами этого стали осенняя распутица и нежелание дворян ехать на службу. Борису пришлось применить строгие меры к дворянам, уклонявшимся от службы. Некоторых доставили под стражей, у других описали поместья, третьих наказали батогами. Наконец, к 12 ноября дворянское ополчение собралось в Москве. Заметим, что из этого факта нельзя сделать однозначный вывод об оппозиционности русского дворянства к царю Борису. Спору нет, Борис был не самый популярный правитель в России. Но при сборах дворянского ополчения и до, и после 1604 года дворян «отказчиков» всегда хватало. В качестве примера скажем, что последний представи-

тель рода Годуновых, сведения о котором найдены мной, Дмитрий Иванович Годунов уже в начале царствования Петра I за неявку в полк был лишен чина и переписан в звенигородские помещики.

Массовая же неявка в призыв 1604 года была обусловлена и спецификой похода. Нет, конечно, не тем, что дворяне не хотели биться против «истинного царевича», да большинству было не до него. А вот сражаться с голозадым воинством, что с «рыцарством», что с нищей шляхтой, что с казаками и со служилыми из пограничных городков, явно не подарок! Заведомо не будет ни славы, ни добычи. Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что в случае похода на Польшу, да еще в союзе со Швецией, явка дворян была бы по крайней мере выше средней, поскольку и в Гродно, и в Минске, да и в любой панской усадьбе «контрибуции» нашлось бы более чем достаточно.

Командование армией было доверено Дмитрию Ивановичу Шуйскому, одному из самых бездарных московских воевод. Войско двинулось к Брянску, где простояло около трех недель. Брянское стояние надоело Борису, и Шуйский был заменен на князя Федора Ивановича Мстиславского, столь же знатного и бестолкового воеводу.

18 декабря армия Мстиславского подошла к Новгороду Северскому и простояла в полном бездействии три дня. Воспользовавшись этим, солдаты Мнишка напали на татарский отряд из состава сторожевого полка и разгромили его.

20 декабря противники выстроились на поле друг против друга, но до сражения дело не дошло, обошлось все мелкими стычками. Лжедмитрий старался оттянуть начало решительной битвы переговорами, и это ему удавалось, так как Мстиславский тоже не торопился, он ждал подкреплений, хотя у Мстиславского было от 40 до 50 тысяч человек, а у самозванца — не более 15 тысяч.

21 декабря Лжедмитрий атаковал царское войско. Сражение началось стремительной атакой польских гусар на правом фланге войск Мстиславского. Полк правой руки, не получив помощи от других полков, в беспорядке отступил. Одна из польских гусарских рот, следуя за отступающими, неожиданно оказалась в расположении большого полка около ставки Мстиславского. Там стоял большой золотой стяг, укрепленный на нескольких повозках. Гусары подрубили древко, захватили стяг, сбросили с коня Мстиславского, ранив его при этом в голову. На выручку воеводе кинулись русские дворяне и стрельцы. Часть гусар была убита, остальные во главе с капитаном Домарацким взяты в плен. После ранения Мстиславского командование русским войском взяли на себя воеводы Д. И. Шуйский, В. В. Голицын и А. А. Телятевский. Но они не сумели использовать свое численное преимущество и отдали приказ войску отойти.

Лжедмитрий мог праздновать победу. По польским источникам поляки потеряли убитыми около 120 человек, а русские — до 4 тысяч человек. Хвастливые поляки приписали успех исключительно себе. Они, видимо, в число убитых не включили казаков и русских сторонников самозванца.

После сражения «рыцарство» потребовало у Лжедмитрия денег. Царское войско отступило в полном порядке, и трофеев практически не было. В Северной земле все, что можно было разграбить, ляхи давно уже разграбили. Пуще всего бесчинствовала рота капитана Фредрова. Выборные из этой роты пришли к самозванцу и заявили: «Дай только нам, а другим не давай: другие смотрят на нас и останутся, если мы останемся». Лжедмитрий поверил и дал денег одной роте. Но утаить это от остального войска не удалось, и ситуация еще больше накалилась.

1 января 1605 года в лагере самозванца вспыхнул открытый мятеж. «Рыцарство» бросилось грабить обозы. Они хватали все, что попадало под руку, — продовольствие, снаряжение, различный скарб. Мнишек попытался остановить грабеж, но следующей ночью мятеж вспыхнул с новой силой. Поляки решили покинуть самозванца. Лжедмитрий ездил по всем ротам, уговаривал «рыцарство» остаться, но в ответ слышал только оскорбления. Один поляк сказал ему: «Дай Бог, чтоб посадили тебя на кол». Лжедмитрий дал ему за это в зубы, но этим только распалил поляков, которые стащили с него шубу. Шубу эту потом русские приверженцы самозванца вынуждены были выкупить у поляков.

4 января главнокомандующий Юрий Мнишек покинул лагерь самозванца с большей частью поляков. Формально Мнишек заявил, что едет на сейм в Краков. С Лжедмитрием осталось только полторы тысячи поляков, которые вместо Мнишка выбрали гетманом Дворжицкого. Но вскоре в войско самозванца прибыло большое пополнение — двенадцать тысяч малороссийских казаков. Лжедмитрий был вынужден снять осаду с Новгорода Северского и двинулся к Севску, который он занял без боя. Несмотря на бездарные действия русских воевод под Новгородом Северским, царь Борис не только не наложил на них опалу, а наоборот, щедро награждал. Защитник Новгорода Северского Басманов был вызван в Москву, где его торжественно встретил сам царь. Басманов получил боярство, большое поместье, две тысячи рублей и много ценных подарков.

На помощь страдавшему от ран Мстиславскому царь послал князя Василия Ивановича Шуйского. Кстати, по получению вестей о появлении самозванца в русских пределах он вышел на Лобное место в Москве и торжественно свидетельствовал, что истин-

ный царевич закололся и был погребен им, Шуйским, в Угличе.

20 января 1605 года русское войско стало лагерем в большом комарицком селе Добрыничи недалеко от Чемлыжского острожка, где находилась ставка Лжедмитрия.

Узнав о подходе русских, самозванец решил немедленно атаковать их. На рассвете 21 января польская кавалерия начала сражение. Дворжицкому удалось потеснить полк правой руки, которым командовал князь Шуйский. Затем польская конница повернула к центру русского войска, где нарвалась на пушки, московских стрельцов и немцев-наемников, которыми командовали капитаны Маржерет и Розен. Позже поляки утверждали, что по ним был дан залп из двенадцати тысяч пицалей. Так или иначе, но польская конница и казаки обратились в паническое бегство. Лишь пассивность русских воевод, не сумевших организовать преследование врага, предотвратила полное уничтожение всего войска самозванца.

Тем не менее, согласно разрядной записи, на поле боя было найдено и захоронено 11,5 тысячи трупов. Большинство из них (около семи тысяч) были «черкасы», то есть малороссийские казаки. Победителям досталось двенадцать знамен и штандартов и вся артиллерия — тридцать пушек. Русским воеводам удалось захватить несколько тысяч пленных. Всех пленных поляков увезли в Москву, зато казаки всех мастей и русские изменники были повешены.

После сражения Лжедмитрий ускорил с небольшой свитой в Рыльск. Оттуда Отрепьев намеревался бежать в Польшу. Но теперь он оказался во власти своих русских сторонников, которых никто не ждал «за бугром» и которым уже нечего было терять. Тем не менее Отрепьеву удалось покинуть Рыльск. Для защиты города он оставил местному воеводе князю Г. В. Долгорукову несколько казачьих и стрелецких сотен.

У правительственных войск был многократный перевес над защитниками Рыльска, но взять город они не смогли. Две недели царские воеводы бомбардировали город, пытаясь поджечь деревянные стены крепости. Но пушкари на городских стенах не давали осаждающим подойти близко к крепости. Штурм также не удался, и на следующий день Мстиславский велел отступить к Севску.

Как только русское войско отошло от Рыльска, жители города сделали вылазку и разгромили арьергард, отступавший в последнюю очередь. Им досталось большое количество имущества, которое Мстиславский не успел вывезти из лагеря.

Эта война зимой, среди заснеженных лесов и полей, была непривычна для дворянского ополчения. Русская армия действовала в местности, охваченной восстанием, среди враждебно настроенного населения, которое отбивало обозы с продовольствием, создавало трудности с заготовкой провианта и фуража. Все это усугубляло и без того трудное положение армии, которая после трехмесячной кампании стала быстро «таять». Дворяне дезертировали, разъезжая по своим поместьям.

В окрестностях Рыльска русская армия, лишенная надежных коммуникаций, оказалась в полукольце крепостей, занятых неприятелем. На севере сторожники самозванца удерживали Кромы, на юге — Путивль, на западе — Чернигов. В таких условиях воеводы Мстиславский, Шуйские и Голицыны решили вывести армию из охваченной восстанием местности и распустить ратных людей на отдых до новой летней кампании.

Царь Борис, разгневанный отступлением армии от Рыльска, послал к войскам окольного П. Н. Шереметева и думного дьяка Афанасия Власьева с наказом: «...Пенять и расспрашивать, для чего от Рыльска отошли». Царь строжайше запретил воеводам

распускать армию на отдых, что вызвало недовольство в полках.

В такой ситуации особое значение приобрела маленькая крепостца Кромы, оказавшаяся в тылу правительственной армии. Городок Кромы был построен московскими воеводами в 1595 году. Крепостца господствовала над левым берегом реки Кромы. Город окружали болота, через которые проходила всего одна дорога. Сам город с посадом был укреплен по образцу московских крепостей: снаружи высокий и широкий земляной вал, а внутри такая же бревенчатая стена с башнями и бойницами. Гарнизон состоял из двухсот стрельцов и небольшого отряда казаков. Командовал крепостцой Григорий Ананфиев. Однако перед началом осады в Кромы прибыл атаман Корела с четырьмя сотнями донских казаков.

Правительственные войска Шереметева в течение нескольких месяцев безуспешно осаждали Кромы. Не помогли и несколько осадных орудий, доставленных под Кромы в конце февраля. С некоторой долей упрощения можно сказать, что с февраля 1605 года война с самозванцем из маневренной перешла в позиционную. Царские войска оказались в положении мужика, поймавшего медведя, но не имевшего сил его вытащить из берлоги. Развязка наступила в результате случайности или козней московских бояр. 13 апреля 1605 года царь Борис внезапно умер или был отравлен.

19 апреля под Кромы, где большое царское войско осаждал атаман Корелу, прибыл новый второй воевода большого полка Петр Басманов. Он привел войско к присяге новому царю Федору Борисовичу.

Но через несколько дней после присяги царь Федор прислал в действующую армию разрядную роспись. Роспись была формально составлена верно, но фактически она оскорбляла обласканного ранее царем Борисом Басманова. Царь Федор мог просто при-

казать «быть без мест», то есть объявить чрезвычайное положение, при котором царь имел право назначить на воеводские должности кого угодно. Но после окончания похода бывшие воеводы и их потомки лишились права ссылаться на соотношение должностей в этом походе. Но Федор то ли по неопытности, то ли по наущению бояр решил действовать по традиции. Когда дьяк огласил роспись в присутствии бояр и воевод, Басманов, «патчи на стол, плакал с час, лежа на столе, а встав с стола, евяля и бил челом бояром и воеводам всем: «Отец, государи мои, Федор Алексеевич точно был дважды больше деда князя Ондеева... а ныне Семен Годунов выдает меня зятю своему в холопи, князю Ондрею Телятевскому, и я не хочу жив быти, смерть прииму лутче тово позору».

О смерти царя Бориса Лжедмитрий узнал в конце апреля. Теперь самозванец предпочел активным боевым действиям психологическую войну. В лагерь осаждающих под Кромами десятками забрасывались «прелестные» письма с призывами переходить на сторону самозванца.

Для царских же воевод была подготовлена дезинформация. Правительственные войска перехватили гонца Лжедмитрия, посланного в осажденные Кромь. В письме говорилось, что польский король послал в помощь Дмитрию воеводу Жолкевского с сорокатысячным войском. Естественно, это была спецоперация самозванца. На самом деле польский сейм, открывшийся 10 января 1605 года, решительно высказался за сохранение мира с Россией. Канцлер Замоиский осудил авантюру Отрепьева. Он говорил, что этот враждебный набег на Московию губителен для Речи Посполитой. Самого самозванца канцлер осыпал язвительными насмешками: «...Тот, кто выдает себя за сына царя Ивана, говорит, что вместо него погубили кого-то другого. Помилуй Бог, это комедия Плавта или Теренция, что ли? Вероятное ли де-

ло, велеть кого-то убить, а потом не посмотреть, тот ли убит... Если так, то можно было подготовить для этого козла или барана».

Все эти факторы привели к росту нестабильности в царском войске. Ряд военачальников составил заговор против царя Федора. Немалую роль в организации заговора сыграл талантливый авантюрист Прокопий Федорович Ляпунов. У него были свои счеты с Годуновыми. В 1603 году царь Борис велел бить кнутом его брата Захара за торговлю запрещенными товарами с донскими казаками. Прокопий Ляпунов, его родные братья Григорий, Захар, Александр и Степан, а также двоюродные братья Семен и Василий принадлежали к очень влиятельному в Рязани дворянскому роду.

Много споров среди историков вызывает и поведение Петра Басманова. С одной стороны, он был облакан Борисом и Федором Годуновыми и получил назначение, намного превышающее положенное ему по знатности рода. С другой стороны, заговорщики князя Голицыны по матери приходились ему двоюродными братьями. А отец царицы Малюта Скуратов был инициатором расправы над несколькими Басмановыми. В конце концов, и Петр Басманов перешел на сторону заговорщиков. По одной версии, Басманов лично возглавил мятеж, а по другой — не принял должных мер для его подавления и позволил для вида связать себя.

7 мая в лагере правительственных войск под Кромами вспыхнул мятеж. На помощь мятежникам подошли войска самозванца. Некоторое число дворян и простых ратников бежало в Москву, остальные присягнули самозванцу.

Первым делом Лжедмитрий распустил царское войско. Значительная часть дворян и простых ратников колебалась в своем выборе, а может, они попросту испугались. Иметь такое войско было слишком

опасно. Да и сами дворяне и ратники давно мечтали разойтись по домам. Из самых ревностных сторонников самозванца, бывших в царском войске, сформировали особый отряд. Командовать отрядом Лжедмитрий поручил Борису Михайловичу Лыкову.

В середине мая 1605 года Лжедмитрий прибыл в Орел. Там он учинил суд над теми воеводами, которые, попав в плен, отказались ему присягать: «...приидоша ж под Орел и, кои стояху за правду, не хотяху на дьявольскую прелесть прельститься, оне же ему оклеветанны быша, тех же повеле переимати и разослати по темницам». В тюрьму был отправлен и боярин И. И. Годунов.

Затем самозванец двинулся к Москве. Его сопровождало около тысячи поляков и около двух тысяч запорожских казаков и конных русских ратников. По дороге из Орла в Москву население радостно встречало Отрепьева. Лишь гарнизоны Калуги и Серпухова оказали некоторое сопротивление. Тем не менее самозванец двигался к Москве крайне медленно.

По приказу царя Федора Москва стала готовиться к обороне. На стенах Белого и Земляного города устанавливались пушки.

31 мая отряд казачьего атамана Корелы обошел заслоны правительственных войск на Оке в районе Серпухова и разбил лагерь в десяти верстах к северу от столицы, на Ярославской дороге. На следующий день посланцы самозванца дворяне Гаврила Пушкин и Наум Плещеев в сопровождении казаков проникли в Москву и собрали на Красной площади большую толпу. С Лобного места Пушкин зачитал грамоту самозванца, написанную на имя бояр Мстиславского, Василия и Дмитрия Шуйских и других, окольных и граждан московских. Лжедмитрий напоминал в ней о присяге, данной его отцу, Ивану IV, о притеснениях, причиненных ему в молодости Борисом Годуновым, о своем чудесном спасении (в общих, неопре-

деленных выражениях), прощал бояр, войско и народ за то, что они присягнули Годунову, «не ведая злокозненного права его и боясь того, что он при брате нашем царе Феодоре владел всем Московским государством, жаловал и казнил, кого хотел, а про нас, прирожденного государя своего, не знали, думали, что мы от изменников наших убиты». Самозванец напомнил о притеснениях, какие были при царе Борисе «боярам нашим и воеводам, и родству нашему укор и поношение, и бесчестие, и всем вам, чего и от прирожденного государя терпеть было невозможно». В заключение Лжедмитрий обещал награды всем, кто его признает, и гнев Божий и свой царский в случае сопротивления.

Народ взволновался. Бояре сообщили патриарху Иову о мятеже, тот умолял бояр выйти к народу и объяснить его. Бояре вышли на Лобное место, но ничего не могли поделать. Толпа потребовала от князя Василия Шуйского сказать правду, точно ли он похоронил царевича Дмитрия в Угличе? Шуйский ответил, что царевич спасся, а вместо него убит и похоронен попов сын. Ворота в Кремль не были заперты, толпа ворвалась туда и захватила царя Федора с матерью и сестрой. Их отправили в старый дом Бориса Годунова, где он жил, будучи боярином. К дому был приставлен крепкий караул.

Другие толпы москвичей кинулись грабить дома Годуновых и их родственников, заодно были разбиты винные подвалы и кабаки. Началось повальное пьянство.

Получив известие о перевороте в Москве, Лжедмитрий 5 июня 1605 года прибыл в Тулу. Там его встретили как царя. Лжедмитрий отправил обращение к Боярской думе с приказом выслать в Тулу князя Мстиславского и прочих главных бояр. По постановлению думы 3 июня в Тулу отправились князья Н. Р. Трубецкой, А. А. Телятевский и Н. П. Шереме-

тев, а также думный дьяк Афанасий Власьев. Туда же отправились все Сабуровы и Вельяминовы, чтобы вымолить себе прощение Лжедмитрия. Петр Басманов, расположившийся в Серпухове, именем государя не пропустил родню Годунова в Тулу.

Басманов повсюду искал изменников своего нового государя и беспощадно карал их. По его навету все Сабуровы и Вельяминовы (37 человек) были ограблены донага и брошены в тюрьму.

Лжедмитрия привело в бешенство неподчинение главных бояр его приказу явиться в Тулу лично.

В начале июня к Лжедмитрию на поклон приехал с Дона казачий атаман Смага Чертенский с товарищами. Чтобы унижить посланцев Боярской думы, самозванец допустил к руке казаков раньше, чем бояр. Проходя мимо бояр, казаки ругали и позорили их. Самозванец милостиво разговаривал со Смагой. Затем к руке были допущены бояре, и Лжедмитрий «наказываше и лаяше, яко же прямой царский сын».

Боярина Телятевского практически выдали казакам на расправу. Казаки избили его до полусмерти и бросили в темницу.

Из Тулы Отрепьев отправился в Серпухов. Дворовыми воеводами при нем состояли князь И. В. Голицын и М. Г. Салтыков, близкими людьми — боярин князь В. М. Мосальский и окольничий князь Г. Б. Долгоруков, главными боярами в полках — князь В. В. Голицын, его родственники князь И. Г. Куракин, Ф. И. Шереметев, князь Б. П. Татев, князь Б. М. Лыков. Из Серпухова на встречу Лжедмитрия выехали князья Ф. И. Мстиславский и Д. И. Шуйский, стольники, стряпчие, дворяне, дьяки и столичные купцы — гости.

В Серпухове самозванец организовал несколько пышных пиров для своих приближенных и московских бояр. В промежутках между пирами Лжедмитрий вел напряженные переговоры с боярами.

Еще в Туле самозванец издал манифест о своем восшествии на престол. Рассчитывая на неосведомленность большинства жителей Московского государства, Отрепьев врал, что он-де был узан патриархом Иовом, всем священным собором, Боярской думой и прочими чинами как «прирожденный государь». 11 июня Лжедмитрий, будучи еще в Туле, на своей грамоте пометил: «Писана в Москве». Вместе с этим манифестом самозванец разослал по городам текст присяги. Это был сокращенный вариант присяги, составленной при воцарении Бориса Годунова и его сына Федора. Лжедмитрий использовал тот же прием, к которому прибегли Борис и его сын. Борис сразу же после смерти царя Федора Ивановича велел принести присягу на имя вдовы его царицы Ирины и на свое имя. Федор Борисович в своей присяге тоже поставил на первое место вдовую царицу — свою мать.

Во время пребывания в Польше и северских городах России Лжедмитрий ни разу не упомянул о своей матери Марии Нагой, заточенной в Горицком Воскресенском женском монастыре под именем инокини Марфы. Теперь ситуация изменилась. Отрепьев знал о ненависти инокини Марфы к Годуновым и поэтому рассчитывал на ее признание.

Самозванец велел разыскать Нагих или их родственников. Нашли лишь отдаленного родственника Марии Нагой дворянина Семена Ивановича Шапкина. В Туле Отрепьев торжественно произвел Шапкина в постельничии, заявив, что «он Нагим племя». Затем Шапкин с эскортом был экстренно направлен в Горицкий монастырь.

После беседы с Шапкиным с глазу на глаз инокиня Марфа признала сына. Трудно сейчас установить, что больше повлияло на ее выбор — ненависть к Годуновым или нежелание быть отравленной или утопленной по дороге. В Горицком монастыре хорошо помнили судьбу княгини Ефросиньи Старицкой и великой

княгини Юлиании, жены Юрия, родного брата Ивана Грозного.

Присяга на имя вдовы Грозного была рассчитана на эмоции малограмотных людей. Как могла царствовать монахиня, даже если она и была 20 лет назад седьмой женой царя Ивана? Из текста присяги самозванцу, по сравнению с присягой Годунову, были исключены запреты добывать ведунов и колдунов, портить его «на следу всяким ведовским мечтанием», насылать лихо «ведовством по ветру» и т. д. Подданные только кратко обещали не «испортить» царя и не давать ему «зелье и коренье лихое». Вместо пункта о Симеоне Бекбулатовиче и «воре», называющем себя Дмитрием Углицким, в текст присяги вводился новый пункт о «Федьке Годунове». Подданные обещали не подыскивать царство под государями «и с изменники их, с Федкой Борисовым сыном Годуновым и с его матерью и с их родством, и с советники не ссылаться письмом никакими мерами».

Самозванцу было неудобно являться в Москву, пока там находились члены семьи Годуновых. Будь жив царь Борис, Лжедмитрий мог рассчитывать на какие-то политические дивиденды, устроив над ним судилище и приписав ему чудовищные преступления. Однако ни царица, ни царевич не успели совершить ничего ни хорошего, ни плохого, так за что же их казнить? Однако время поджимало, и самозванцу пришлось пойти на мерзкое с точки зрения морали и глупое в политическом отношении убийство. В Москву была послана специальная карательная комиссия в составе князя В. В. Голицына, члена путивльской «воровской» думы В. М. Мосальского и дьяка Б. Сутупова. Вместе с комиссией в Москву был направлен П. Ф. Басманов.

Прибыв в столицу, комиссия немедленно начала чинить расправу над противниками самозванца. Начали с патриарха Иова. Патриарх в Успенском собо-

ре Кремля готовился к совершению литургии, когда в храм ворвались вооруженные люди. Иова выволокли из алтаря и потащили на Лобное место. Там сторонники самозванца пытались линчевать патриарха за то, то он-де «наияснейшего царевича расстригой называет». Однако из Кремля сбежали попы и церковные служки, которые подняли крик в защиту патриарха. На помощь Иову кинулась и часть горожан. Стало ясно, что убийство патриарха приведет к побоищу с непредсказуемыми последствиями. Тогда кто-то из агентов Отрепьева крикнул: «Богат, богат, богат Иов патриарх, идем и разграбим имущества его!» Довод был неотразим, и толпа кинулась грабить патриаршие палаты.

Тем временем агенты Отрепьева отвели Иова обратно в Успенский собор. Туда прибыл вскоре и боярин П. Ф. Басманов. Вооруженные люди в спешке и без особых формальностей произвели низложение патриарха. С Иова сняли панагию и святительское платье и надели простую черную ризу. Басманов спросил, куда хотел бы Иов отправиться на монастырское житие. Тот выбрал Старицкий Успенский монастырь, где он принимал постриг и стал игуменом. Затем Иова вывели из собора, посадили на простую телегу и под конвоем отправили в Старицу.

Разобравшись с патриархом, комиссия занялась царем Федором и его семьей. На старое подворье Бориса Годунова, полученное им в приданое от Малюты Скуратова, явились члены комиссии во главе с В. В. Голицыным и отряд стрельцов. Голицын, Мосальский, дворяне Молчанов и Шереметевы и несколько стрельцов вошли внутрь дома. Там раздались отчаянные крики. Через несколько минут на крыльцо вышел Голицын и объявил, что «царица и царевич ео страстей испиша зелья и пороша, царевна же едва оживе». Естественно, что Голицыну никто из москвичей не поверил. Но утверждать, что

народ оцепенел от ужаса, узнав о преступлении, и впал в безмолвствие, нет никаких оснований. История — не драматический театр. Большинство населения восприняло убийство царской семьи как должное или отнеслось к нему безразлично.

Что касается дочери Годунова Ксении, то ее, видимо, не додушили. Князь Мосальский взял ее к себе в дом и некоторое время держал взаперти, а затем отдал самозванцу «для потехи».

Желая угодить самозванцу, московские бояре надругались и над прахом семьи Годуновых. Царь Борис был по обычаю похоронен в Архангельском соборе Кремля рядом с другими московскими правителями. По боярскому приговору тело царя было выкопано, положено в простой гроб и перезахоронено в ограде бедного Варсонофьева монастыря на Сретенке. Следуя версии о самоубийстве, бояре запретили совершить традиционный погребальный обряд над телами царицы Марьи и царя Федора. Их отвезли в Варсонофьев монастырь и без всяких почестей и церемоний зарыли недалеко от Бориса Годунова.

Уцелевшие Годуновы, а также их отдаленные родственники Сабуровы и Вельяминовы были по указу самозванца разосланы под стражей по отдаленным городам. Исключение было сделано лишь для недавнего правителя боярина С. М. Годунова. Его отправили в Переяславль-Залесский с приставом князем Ю. Приимковым-Ростовским. Везти боярина в отдаленный город не имело смысла. Пристав получил приказ умертвить его в тюрьме. Вотчины, дома и прочее имущество Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых было отобрано в казну.

20 июня 1605 года по Коломенской дороге в Москву двигалась торжественная процессия. Впереди нее скакали взад и вперед польские гусары в раззолоченных шлемах и кирасах. В Москву возвращался сын Ивана Грозного. Вокруг него ехали московские боя-

ре. Сзади шла польская пехота и русские стрельцы. Торжественно звонил колокол. Московские улицы были забиты людьми, люди облепили крыши домов и колокольни — всем хотелось посмотреть на чудесно спасшегося царевича. При приближении процессии народ падал на колени перед новым царем и кричал: «Дай, Господи, тебе, государь, здоровья! Ты наше солнышко праведное!» Дмитрий отвечал на эти крики: «Дай Бог и вам здоровья! Встаньте и молитесь за меня Богу!»

День был солнечный и тихий, но когда новый царь, переехавший наплывной мост через Московские ворота, вступил на площадь, поднялась сильная буря. Народ заволновался, начал креститься и приговаривать: «Помилуй нас Бог! Помилуй нас Бог!» Духовенство встретило царя на Лобном месте с крестами. Отъехав несколько шагов от Лобного места, Дмитрий остановил свою лошадь около церкви Василия Блаженного, снял шапку, взглянул на Кремль, на бесчисленные толпы народа и со слезами стал благодарить Бога, что сподобил его увидеть родную Москву. Народ, видя слезы царя, тоже стал рыдать.

В Кремле по старинному обычаю Лжедмитрий пошел по соборам, слушал молебны. Во время молебнов поляки сидели на лошадях, трубили в трубы и били в бубны, и это не понравилось москвичам. Вопреки легендам, никаких речей при встрече Лжедмитрия сказано не было. Лишь в Архангельском соборе Отрепьев собрался с духом и сказал несколько слов, которых от него все ждали. Обливаясь слезами, Лжедмитрий припал к гробу Ивана Грозного и громко объявил, что «отец его — царь Иоанн, а брат его — царь Федор».

Обойдя соборы, Лжедмитрий направился в тронный зал и торжественно уселся на царский престол. Польские роты стояли строем с развернутыми знаменами под окнами дворца. Опасаясь за свою безопасность, самозванец велел заменить всю кремлевскую

стражу. Как записал Исаак Масса, «казаки и ратники были расставлены в Кремле с заряженными пищалями, и они даже вельможам отвечали грубо, так как были дерзки и ничего не боялись».

Новому царю потребовался и новый патриарх. Царь Дмитрий постановил собрать Освященный собор. Собравшись в Успенском соборе Кремля, иерархи православной церкви провозгласили: «Пусть будет снова патриархом святейший патриарх господин Иов». Восстановление Иова в сане патриарха потребовалось собору, чтобы придать процедуре вид законности. Следуя воле царя, иерархи постановили затем отставить от патриаршества Иова, потому что он «великий старец и слепец и не в силах пасти многочисленную паству». Патриархом же был единогласно избран рязанский архиепископ Игнатий, грек, бывший раньше архиепископом на Кипре и пришедший в Россию в царствование Федора Иоанновича. Игнатий был первым русским иерархом, признавшим самозванца. Игнатий был также единственным архиепископом, прибывшим в Тулу встречать «истинного царя».

24 июня Игнатия возвели в патриархи. Обратим внимание на даты. Царь повелел собрать собор 21 июня, а через три дня патриарх был избран. Надо ли говорить, что этот «собор» представлял не Русскую православную церковь, а иерархов Москвы и ее окрестностей.

Новый патриарх разослал по всем областям грамоты с известием о восшествии Дмитрия на престол и возведении его, Игнатия, в патриаршеское достоинство по царскому изволению, причем предписывал молиться за царя и за царицу-мать и, чтобы «возвысил Господь Бог их царскую десницу над латинством и бусурманством».

Грамоты Игнатия могли успокоить народ, но среди церковной верхушки сразу же пошли слухи, что Игнатий является сторонником унии с Римско-католи-

ческой церковью. Кстати, после гибели Лжедмитрия I Игнатий бежал в Польшу, получил солидную пенсию от короля Сигизмунда и официально принял унию.

Говоря о церковной политике царя Дмитрия, стоит заметить, что он вернул в Москву сосланного Борисом архимандрита Чудова монастыря Пафнутия и сделал его митрополитом Крутицким. Так Гришка отблагодарил своего чудовского покровителя. Зато поставленный Борисом архимандрит Чудова монастыря был отправлен в ссылку. Бесследно исчезли также несколько иноков Чудова монастыря.

На мой взгляд, в первые дни пребывания в Москве царь Дмитрий делает лишь удачные ходы, разумеется, с учетом ситуации, в которой он оказался. Резкий контраст с остальной деятельностью самозванца представляет собой дело Шуйских. 23 июня Василия Шуйского и его братьев Дмитрия и Ивана арестовывают по приказу царя. Шуйских обвиняют в распускании слухов о самозванстве царя, а по другой версии — даже в заговоре. На следующий день Боярская дума приговорила Василия к смертной казни, а Дмитрия и Ивана — к заключению. Еще через день, 25 июня, состоялась инсценировка смертной казни, в ходе которой царский гонец эффектно заявил о помиловании осужденных. Все три брата были сосланы в пригород Галича, а их имения отобраны в казну. Однако через месяц, 30 июля, царь Дмитрий полностью простил Шуйских, вернул их в Боярскую думу и возвратил все конфискованное имущество, включая вотчины.

Единственное разумное объяснение случившемуся — это то, что Гришка решил пугнуть Василия Шуйского, чтобы тот себя не забывал. Говорить о каком-то ультиматуме Боярской думы царю, как это делает Р. Г. Скрынников, просто нелепо. Якобы «...бояре не посмели открыто перечить царю на соборе. Но после собора они сделали все, чтобы не допустить казни князя Василия. Отмена казни Шуйского

явилась первым успехом думы»⁴⁹. Почему тогда дума не добилась успехов по более принципиальным для нее вопросам? И зачем, к примеру, Романовым и Василию Васильевичу Голицыну требовать возвращения из ссылки своего основного конкурента Василия Шуйского?

А тем временем к Москве приближалась карета с «матерью» самозванца. В присяге и других официальных документах ее именовали царицей, хотя инокиня Марфа, как, впрочем, любая другая монахиня (или монах), не могла быть светским правителем. Хотя два сапога — пара. Беглый монах нетерпеливо ждал из монастыря беглую монахиню.

Для пущего фарса сопровождал монашку князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, которому специально для сего спектакля был присвоен титул «Великого Мечника». На Руси такого титула отродясь не бывало, но Гришке понравилось одеяние великого мечника при дворе короля Сигизмунда, и он решил собезьянничать.

«Царица» Марфа остановилась в селе Тайнинском в десяти верстах от Москвы в путевом дворце, построенном для царей, отправлявшихся на богомолье в Троицу.

17 июля к ней приехал «царь» Дмитрий. Встреча двух расстриг была очень хорошо отрежиссирована. Она состоялась на поле, где собралось несколько тысяч людей. Обливаясь слезами на большой дороге (Ярославском шоссе), «мать» и «сын» бросились в объятия друг друга. Затем «сладкая парочка» отправилась в шатер, где некоторое время они беседовали наедине. Выйдя из шатра, «царица» села в карету и медленно поехала к Москве. Ее «сын» шел пешком рядом с каретой. Ночь они провели в путевом дворце у самых стен столицы.

На следующий день состоялся торжественный въезд в Москву. Теперь царь ехал верхом рядом с ка-

ретой матери. Над Москвой непрерывно гудели колокола. Прибыв в Кремль, мать и сын отправились на службу в Успенский собор.

Местожительством царицы был определен Воскресенский монастырь, куда нежный «сын» каждый день наносил визит. В день приезда «матери» Лжедмитрий назначил срок коронации — 30 июля.

И действительно, коронация состоялась в срок. По обычаю русских царей царский дворец был разукрашен, а путь через площадь в Успенский собор устлан золототканым бархатом. В соборе возле алтаря Отрепьев повторил заученную речь о своем чудесном спасении. Патриарх Игнатий надел на голову самозванца венец Ивана Грозного, бояре поднесли скипетр и державу. Чтобы еще раз подчеркнуть свое родство, Отрепьев приказал короновать себя еще один раз у гроба «предков» в Архангельском соборе. Облобызав надгробия всех великих князей, самозванец вышел в придел, где находились могилы Ивана Грозного и Федора. Там его ждал архиепископ Архангельского собора Арсений. Он возложил на голову самозванца шапку Мономаха. При выходе из собора бояре осыпали нового царя золотыми монетами.

По обычаю, после коронации приближенных царя ожидали награды. Естественно, прежде всего были награждены поляки и верные самозванцу русские худародные дворяне типа Басманова. Кое-что получили и бояре. Федор Мстиславский получил вотчину в Веневе, прощенный Василий Шуйский — волость Чаронду, Богдану Бельскому вернули все его старые вотчины, конфискованные Борисом Годуновым.

Особое внимание самозванец уделил своим «родственникам». Так, Михаил Нагой получил боярство, чин конюшего и большие подмосковные вотчины Годуновых. Но больше всех получили Романовы. Скромный инок Филарет возведен в сан ростовского митрополита.

После коронации самозванцу настал черед платить самым большим кредиторам — польскому королю и Юрию Мнишку. Но самоуверенный авантюрист не терял присутствия духа. Мало того, он первым из русских правителей принял императорский титул. Теперь в официальных обращениях Отрепьев именовал себя так: «Мы, наияснейший и непобедимый самодержец, великий государь Цесарь», или «Мы, непобедимейший монарх Божьей милостью император и великий князь всея России и многих земель государь и царь самодержец и прочая, и прочая, и прочая». Увы, самозванный император не мог по-латыни написать свой титул без грамматических ошибок.

Узнав о воцарении Дмитрия, польский король Сигизмунд поспешил отправить в Москву велижского старосту Александра Гонсевского. Официально акция Гонсевского представлялась визитом вежливости. Сигизмунд приветствовал Дмитрия по случаю его воцарения и приглашал его на свою свадьбу с эрцгерцогиней Констанцией. Но, очевидно, для такого заурядного поручения король не избрал бы одного из своих лучших воевод. Гонсевский должен был поднять вопрос о передаче обещанных королю русских земель и о совместной войне со Швецией. В королевской канцелярии даже подготовили текст письма «шведскому узурпатору Карлу» от великого князя московского Дмитрия. (Сигизмунд явно не был лишен чувства юмора!)

Принять требования короля для самозванца означало подписать самому себе смертный договор. Передача Польше русских земель неизбежно привела бы к перевороту в Москве. К войне со Швецией Россия была не готова. Шведские войска отличались хорошим вооружением и прекрасной выучкой, поэтому шансы на победу были невелики. И, наконец, целью войны для Сигизмунда было свержение с престола короля Карла IX и объединение двух государств под

властью короля Сигизмунда. Понятно, что появление польско-шведского государства, «от можа до можа» (от Черного моря до Северного Ледовитого океана), эдакой сверхдержавы XVII века, стало бы величайшей опасностью для России.

Но поляки явно не на того напали. Гришка решил обыграть всех — и Сигизмунда, и польских панов, и даже римского папу.

Для начала Дмитрий придрался к титулу в королевской грамоте. Гришке принципиально не хотелось числиться великим князем московским, а хотелось писаться не менее чем «императором» и «непобедимым Цесарем». Гонсевский от такого поворота буквально обалдел и демонстративно раскланялся.

Я воздержусь от подробного описания дипломатических нюансов польско-русских отношений. Скажу лишь, что Сигизмунд и Дмитрий пытались надуть друг друга на уровне мошенников-рецидивистов. Так, Сигизмунд начал шантажировать Дмитрия, что-де Борис Годунов жив и скрывается в Англии, и обещал помощь в борьбе с «Годуновым». Хитрый Гришка отвечал королю: «Хотя мы нимало не сомневаемся в смерти Бориса Годунова и потому не боимся с этой стороны никакой опасности, однако с благодарностию принимаем предостережение королевское, потому что всякий знак его расположения для нас приятен».

В свою очередь Дмитрий вступил в связь с панами, учинившими очередной рокош в Речи Посполитой. Возглавил движение пан Зебржидовский, который покровительствовал Гришке во время пребывания его в Польше. Бунтовщики распространяли слухи, что царь Дмитрий шлет им на помощь большое войско под командованием Василия Шуйского. До посылки войска дело не дошло, но Гришка получил сильный козырь в переговорах с Сигизмундом III.

16 мая 1605 года папой стал Павел V, Камилл Боргезе. Его предшественник, Климент VIII, предус-

моторительно оставил без ответа второе письмо Дмитрия от 30 июля 1604 года, где претендент по-прежнему настаивал на своей преданности папскому престолу, точнее, указывал на вознаграждение, которое ожидал получить. Читая депешу Рангони от 2 июля 1605 года о событиях в Москве, Павел V вдруг воспрянул духом. С 4 августа папские грамоты летели в Польшу к польскому королю, к кардиналу Мациевскому, к самому Мнишку, заклиная их воспользоваться ниспосылаемым свыше случаем. Римскому папе казалось, что уния уже торжественно провозглашена в Москве, и он готовился к отправлению своего легата. А пока, в ожидании, он с таким нетерпением торопил отъезд графа Рангони, что нунций, не имея возможности так скоро снарядить племянника в дальний путь, решил послать вперед одного из его секретарей, Луиджи Пратиссоли, который при случае должен был просить посредничества Дмитрия для доставки польскому нунцию кардинальской шапки, давно ожидаемой им. Рим не мог бы отказать новообращенному, который вел за собой в лоно церкви миллионы людей!

Но Пратиссоли не удалось в Москве даже начать разговор об унии. 15 ноября 1605 года ему пришлось отправиться обратно в Краков с письмом Дмитрия к нунцию. В письме царь просил представителя папы исходатайствовать для него в Кракове и Риме разрешение Марине в день ее коронования причаститься по православному обряду и соблюдать воздержание по средам, и признание королем польским императорского титула, принятого царем. Об унии не говорилось ни слова. Кроме того, Дмитрий отправил состоявшего при нем патера Андрея Лавицкого с личным посланием к папе. Это послание было целиком посвящено политике, и об унии опять не было сказано ни слова. Дмитрий предлагал план грандиозного крестового похода против Турции с участием России, Польши,

Австрийской империи и других государств. В конце послания стояла подпись: «Император Дмитрий».

Папе ничего не оставалось делать, как поверить в искренность Гришки. Теперь ставкой в борьбе за унию стала Марина Мнишек. Кардинал Боргезе написал нунцию, что его святейшество ожидает и духовных плодов от этого брака для блага всего христианства. Сам папа писал Дмитрию, что брак его с Мариной есть дело, в высокой степени достойное его великодушия и благочестия, что этим поступком Дмитрий удовлетворил всеобщему ожиданию. «Мы не сомневаемся, — писал папа, — что так как ты хочешь иметь сыновей от этой превосходной женщины, рожденной и свято воспитанной в благочестивом католическом доме, то хочешь также привести в лоно римской церкви и народ московский, потому что народы необходимо должны подражать своим государям и вождам. Верь, что ты предназначен от Бога к совершению этого спасительного дела, причем большим вспоможением будет для тебя твой благороднейший брак». То же самое папа написал Марине и ее отцу. Павел V счел нужным напомнить Дмитрию о письме, которое тот писал к Клименту VIII 30 июля 1604 года. Напомнив о письме, папа повторил свои увещевания просветить светом католического учения народ, до сих пор сидевший во мраке и сени смертной, причем снова обещался прислать благочестивых людей и даже епископов на помощь великому делу, если царь признает это нужным.

Папа так спешил с браком самозванца и Марины, что уполномочил патера Савицкого обвенчать их тайно в Великий пост. Зная, что Лжедмитрий добивается императорского титула, папа через кардинала Боргезе наказал нунцию удовлетворить это желание царя, и поэтому Рангони дал Дмитрию требуемый титул.

Между тем король и паны в Кракове получили первый сигнал из Москвы о том, что положение Дмитрия

более чем шатко. Отрепьева до побега в Москве знали слишком многие. Царь Дмитрий не любил сидеть во дворце, он часто появлялся на различных праздниках и потехах. Установить тождественность царя и расстриги было не трудно. Дмитрий велел доставить в Москву старца Леонида, которого он, будучи в Путивле, с успехом выдал за «истинного» Отрепьева. Однако в Путивле никто ранее не видел в глаза Отрепьева, в Москве же появление Леонида, выдававшего себя за Гришку, наоборот, разоблачало самозванца. Старца Леонида поспешно убрали с глаз долой. Некоторое время его держали в Ярославле, затем он исчез без следа.

Лжедмитрий удалил из столицы свою подлинную родню, чтобы рассеять всякие подозрения насчет родства с Отрепьевыми. Так что воцарение Отрепьева обернулось большой бедой для всех его родных и близких. Родного дядю Юшка упек в Сибирь. Царь осыпал милостями свою якобы мать Марию Нагую, в то время как его родная мать жила в бедности в Галиче.

Храбрый поначалу Дмитрий начал всего бояться. Так, летом 1605 года для большей помпы Отрепьев вызвал из ссылки бывшего «царя» и «великого князя тверского» Симеона Бекбулатовича. «Царя» хорошо наградили, но 25 марта 1606 года внезапно схватили и отправили в Кирилло-Белозерский монастырь, где и постригли в монахи.

Признание и благословение царицей Марией (инокиней Марфой) самозванца произвело огромный пропагандистский эффект. После коронации Отрепьев захотел устроить еще одно такое шоу — торжественно разорить могилу царевича Дмитрия в Угличе. Действительно, возникла комичная ситуация — в Москве царствует царь Дмитрий Иванович, сын Ивана Грозного, а в трехстах верстах от Москвы в Угличе в Спасо-Преображенском соборе толпы горожан молятся над могилой того же самого Дмитрия Ивановича. Это

наводило людей на опасные размышления: где же находится настоящий Дмитрий? Посему вполне логично было перезахоронить труп мальчика, лежавшего в Спасо-Преображенском соборе, на какое-нибудь захудалое кладбище, соответствующее статусу поповского сына, который якобы был зарезан в Угличе, и тем самым избавить людей от соблазна.

Однако государственная целесообразность и женская логика оказались несовместимыми. Царица Мария устроила бешеную истерику. Она не захотела допустить надругательства над прахом единственного сына. Не знаю, как у кого, но у меня эта дамочка жалости не вызывает. Порядочная женщина, для которой свята память о своем единственном сыне, никогда не допустит спекуляций его именем.

Еще в 1604 году царь Борис приказал привезти из монастыря в Москву инокиню Марфу и попросил ее еще раз рассказать о событиях в Угличе. Марфа-Мария могла выйти на Лобное место и публично заявить, что ее сын мертв, и тем самым защитить отечество от разорения, а имя сына от поругания. Но вздорная бабенка припомнила Годунову старые обиды и нахально заявила, что не знает, жив ли ее сын или нет. Смиренная инокиня Марфа заварила кашу, и ей придется расхлебывать эту кашу до конца, сколько бы она ни брыкалась.

Марфа-Мария кинулась за помощью к боярам. Естественно, что бояре для начала сделали вид, что им непонятны причитания царицы по поводу костей какого-то поповича. Пришлось бабоньке популярно все объяснить. Шуйские и Голицыны обещали ей помочь и уговорить самозванца не разорять могилу в Угличе. Но да это царице пришлось повторить свои объяснения шведскому наемнику Петру Петрею, состоявшему на русской службе еще со времен Годунова. В декабре 1605 года Петрей отправился в Польшу, где был тайно принят королем Сигизмундом. Петрей прямо

заявил королю, что Дмитрий «не тот, за кого себя выдает», и рассказал о признании царицы Марии и о мнении на этот счет московских бояр.

Несколько позже оппозиционные бояре попытались связаться с королем Сигизмундом через царского посла Ивана Безобразова, который прямо заявил, что Дмитрий будет свергнут в самое ближайшее время.

К концу 1605 года царь Дмитрий буквально сидит на пороховой бочке. И в такой ситуации он идет на необъяснимый шаг — форсирует сватовство к Марине Мнишек. Царь отправил дьяка Афанасия Власьева в Краков уговорить Сигизмунда к войне с турками и испросить его согласия на отъезд Марины в Москву. Своего же личного секретаря поляка Яна Бучинского Дмитрий отправил к самому Юрию Мнишку.

Мотивировать как-либо это сватовство Отрепьева невозможно. Польский король не только не настаивал на браке Дмитрия и Марии, а наоборот, Сигизмунд сказал Власьеву, что государь его может вступить в брак, более сообразный с его величием, и что он, король, не преминет помочь ему в этом деле. Но Власьев ответил, что царь никогда не изменит своему обещанию. Сигизмунд же хотел женить Лжедмитрия на своей сестре или на княжне Трансильванской. В самом деле, если Юрий Мнишек станет зятем московского царя и правителем огромных земель, власть короля в Польше неизбежно еще более ослабнет.

Любовь — не последняя карта в политических играх. Но реальный самозванец, в отличие от пушкинского, совсем не подходит на роль влюбленного Ромео. Как писал Скрынников: «В компании с Басмановым и М. Молчановым он предавался безудержному разврату. Царь не щадил ни замужних женщин, ни пригожих девиц и монахинь, приглянувшихся ему. Его клеветы не жалели денег. Когда же деньги не помогали, они пускали в ход угрозы и насилие. Женщин приводили под покровом ночи, и они исче-

зали в неведомых лабиринтах дворца. Описывая тайную жизнь дворца, голландец Исаак Масса утверждал, будто Лжедмитрий оставил после себя несколько десятков внебрачных детей, якобы появившихся на свет после его смерти»⁵⁰. Добавим, что Дмитрий еще держал у себя постоянной наложницей царевну Ксению Годунову. Так что о безумной страсти Отрепьева говорить не приходится.

В частной армии Мнишка необходимости у самозванца также не было. Мало того, недисциплинированное и нахальное рыцарство могло само по себе спровоцировать бунт москвичей. Тут вполне уместно вспомнить изречение Наполеона: «На штыках можно прийти к власти, но сидеть на штыках нельзя».

Тем не менее 2 марта 1606 года из Сандомира отправился в Москву свадебный кортеж в составе двух тысяч человек. 18 апреля у города Орши кортеж вступил на русскую землю. Через два дня в Лубно Михаил Нагой и князь В. М. Мосальский приветствовали Марину от имени царя, уверяя ее, что их повелитель ничего не пожалеет для удобства и приятности ее путешествия. И в самом деле, на пути к Москве построили 540 мостов. В Смоленске Марине устроили великолепный въезд в обитых драгоценными соболями санях, запряженных двенадцатью лошадьми. Для переправы через Днепр понадобились паромы. Один из них, слишком перегруженный, потонул, и погибло 15 человек. Перепуганные спутницы Марины приписали свое спасение присутствию патера Анзеринуса.

Еще в декабре 1605 года Юрий Мнишек писал Дмитрию: «Поелику известная царевна Борисова дочь близко вас находится, благоволите, вняв совету благоразумных людей, от себя ее отдалить». Самозванец тянул с этим деликатным вопросом до последнего, но когда Марина оказалась уже в Вязьме, был вынужден отправить Ксению Годунову в Горицкий

монастырь на Белоозеро. Там ее постригли в монахини под именем Ольги.

В Вязьме Мнишек оставил дочь, а сам поспешил в Москву, куда прибыл 24 апреля. Марина торжественно въехала в Москву 2 мая и остановилась в Воскресенском монастыре в Кремле, где проживала и «мать» Дмитрия инокиня Марфа. «Любящий сын» часто посещал «мать», так что вопреки обычаю, по которому жених не должен видеть невесту до свадьбы, Дмитрий и Марина, видимо, все же встречались в стенах монастыря. 6 мая Марина переехала в царский дворец.

Митрополит Казанский Гермоген и епископ Коломенский Иосааф требовали вторичного крещения невесты-католички. Но Дмитрий избавил от этого Марину, отправив дотошного Гермогена в ссылку. Остальное духовенство вполне устроило миропомазание, составлявшее необходимую принадлежность коронационного обряда.

Свадьба состоялась 8 мая 1606 года. После обручения молодых проводили в Успенский собор. Там патриарх Игнатий совершил обряд миропомазания и торжественно короновал Марину, но царица не взяла причастия, что вызвало сильное возмущение у присутствовавших на церемонии русских. Все происшедшее было невиданным нарушением всех норм и приличий! Православным царицам даже многолетие стали петь лишь со времен Бориса Годунова. Но поляки были довольны. После коронации дьяки выставили всех иноземцев из церкви, и патриарх обвенчал Дмитрия с Мариной по православному обряду.

По приказу царя для размещения родных невесты и других свадебных гостей из кремлевского двorca выселили не только купцов и духовных, но даже бояр. Арбатские и чертольские священники также были выгнаны из домов, в которых поместили иностранных наемников.

Чуть ли не ежедневно в городе происходили стычки между поляками и москвичами. (Вспомним 1604 год и жалобы львовских горожан на бесчинства Мнишка и его компании.) Вот пьяные польские гайдуки остановили на московской улице колымагу и вытащили оттуда боярыню. Народ немедленно бросился отбивать женщину. В городе ударили в набат. 16 мая бояре вручили царю жалобу на поляков, напавших на боярыню. Дмитрий положил эту жалобу «под сукно». Мало того, царь запретил принимать у москвичей жалобы на рыцарство.

Вот теперь и настал день «Икс» для бояр Шуйских! Сразу после приезда Марины Василий Шуйский организовывает настоящий заговор. Во главе заговора становятся он сам, Василий Васильевич Голицын и Иван Семенович Куракин. К ним присоединяется и крутицкий митрополит Пафнутий. Для сохранения единства, необходимого в таком деле, бояре решили первым делом убить расстригу, «а кто после него будет из них царем, тот не должен никому мстить за прежние досады, но по общему совету управлять Российским царством». К заговорщикам примкнуло несколько десятков московских дворян и купцов.

Готовясь к войне с Турцией⁵¹, самозванец выслал на южную границу войско под началом Шереметева. Одновременно в Москву были вызваны новгородские дворяне, расположившиеся лагерем в миле от города. Их численность по Соловьеву составляла семнадцать тысяч, по Скрынникову — одна-две тысячи человек. Особого значения это не имеет, поскольку и тысячи ратников хватило бы для государственного переворота. Заговорщикам удалось привлечь новгородцев на свою сторону. На совещании заговорщиков Василий Шуйский объявил о страшной опасности, которая грозит Москве от царя, преданного полякам, признался, что самозванца признали истинным Дмитрием только для того, чтобы освободиться от Годуно-

ва. Думали, что такой умный и храбрый молодой человек будет защитником православной веры и старых обычаев. Но оказалось, что царь жалует только иностранцев, презирует святую веру, оскверняет храмы Божьи, выгоняет священников из домов, которые отдает неверным, наконец, женится на польке поганой. «Если мы заранее о себе не помыслим, то еще хуже будет. Я для спасения православной веры опять готов на все, лишь бы вы помогли мне усердно: каждый сотник должен объявить своей сотне, что царь самозванец и умышляет зло с поляками. Пусть ратные люди советуются с гражданами, как промыслить делом в такой беде. Если будут все заодно, то бояться нечего: за нас будет несколько сот тысяч, за него — пять тысяч поляков, которые живут не в сборе, а в разных местах», — говорил Шуйский.

Но заговорщики все же не верили, что большинство будет за них, и поэтому условились по первому набату броситься во дворец с криком: «Поляки бьют государя!», окружить Лжедмитрия как будто для защиты и убить его. Решено было одновременно ворваться в дома к полякам, отмеченные накануне русскими буквами, и перебить ненавистных гостей. Немцев решили не трогать, потому что знали равнодушные этих наемников, которые храбро сражались за Годунова, верны Дмитрию до его смерти, а потом будут также верны новому царю из бояр.

Дмитрий получил несколько доносов о готовящемся заговоре. Так, 16 мая немецкий наемник предупредил Дмитрия о заговоре. Другой донос поступил от Юрия Мнишка. Дмитрий постарался убедить тестя в отсутствии повода для беспокойства и даже намекнул на трусость. Однако затем царь приказал Басманову усилить стрелецкие караулы в Кремле и Белом городе. В ночь на 16 мая стрельцы перехватили шестерых неизвестных, проникших в Кремль. Трое были убиты на месте, а других допросили с

пристрастием, но те ничего не сказали и умерли под пытками.

Поляки заподозрили неладное. На ночь они собирались в нескольких домах (в доме послов Олесницкого и Гонсевского, в доме Юрия Мнишка и др.), где устроили как бы небольшие гарнизоны.

На 18 мая Дмитрий наметил большую военную игру. Для этого за Сретенскими воротами Москвы был построен деревянный городок, который царь собирался брать приступом. Заговорщики воспользовались этим и распустили слух, что царь во время потехи хочет истребить всех бояр, а потом уже без проблем поделиться с Польшей московскими землями и ввести «латынство».

В светлую ночь с 16 на 17 мая 1606 года бояре-заговорщики впустили в город около тысячи новгородских дворян и боевых холопов. На подворье Шуйских собралось около двухсот вооруженных москвичей, в основном дворян. С подворья они направились на Красную площадь. Около четырех часов утра ударили в колокол на Ильинке, у Ильи Пророка, на Новгородском дворе, и разом заговорили все московские колокола. Толпы народа, вооруженные чем попало, хлынули на Красную площадь. Там уже сидели на конях около двухсот бояр и дворян в полном вооружении.

Дворяне-заговорщики объявили народу, что «литва бьет бояр, хочет убить и царя». Толпа бросилась громить дворы, где жили поляки. Между тем Шуйский во главе двух сотен всадников въехал в Кремль через Спасские ворота, держа в одной руке крест, в другой — меч. Подъехав к Успенскому собору, он сошел с лошади, приложился к образу Владимирской Богоматери и сказал людям, его окружившим: «Во имя Божие идите на злого еретика». Толпы двинулись ко дворцу.

Шум разбудил Дмитрия, спавшего во дворце с Мариной. В соседней комнате царские покои охра-

нял Петр Басманов. Дмитрий крикнул ему: «Что там случилось?» Кто-то из дворцовых служителей заорал: «Пожар!» Дмитрий на время успокоился. Но крики все усиливались. Басманов вышел на крыльцо и увидел разъяренную толпу. Царского любимца встретили нецензурными ругательствами и криком: «Выдай самозванца!» Басманов бросился во дворец, приказал страже не впускать ни одного человека, а сам в отчаянии прибежал к царю, крича: «Ахти мне! Ты сам виноват, государь! Все не верил, вся Москва собралась на тебя».

Немецкие наемники, охранявшие дворец, растерялись, что позволило одному из нападавших, дьяку Тимофею Осипову, ворваться в царскую спальню. Согласно позднейшим летописям, Осипов, известный своей праведной жизнью, пришел обличать самозванца. На самом деле он явно хотел покончить с расстригой. Но Басманов опередил дьяка и разрубил ему саблей голову. Труп в спальне, естественно, не понравился Марине, и она приказала выкинуть его из окна. Осипова хорошо знали и любили в городе. Вид его окровавленного тела разгневал толпу, и она пошла на штурм дворца.

Басманов и Дмитрий с саблями наголо встали в дверях. Царь истерично кричал: «Я вам не Годунов!» Тут думный дворянин Михаил Татищев изловчился и длинным ножом пырнул Басманова. Отрепьев, стоявший за спиной Басманова, обратился в бегство. Дело происходило в новом деревянном дворце, и Отрепьев решил укрыться в большом каменном дворце. Между обоими дворцами находились подмости,строенные для театральных представлений по случаю царской свадьбы. Перепрыгивая через подмости, Отрепьев оступился, упал с высоты нескольких метров и вывихнул ногу. Стрельцы, стоявшие недалеко на карауле, услышали стоны раненого, узнали царя, облили его водой и перенесли на каменный фунда-

мент сломанного годуновского дома. Придя в себя, Отрепьев стал уговаривать стрельцов встать на его сторону, обещая им в награду жен и имущества изменников-бояр. Стрельцам понравилось это обещание, они внесли Отрепьева обратно во дворец, уже опустошенный и разграбленный. В передней Дмитрий увидел своих верных алебардчиков, стоявших без оружия и с поникшими головами, и заплакал. Когда заговорщики захотели приблизиться к Отрепьеву, то стрельцы открыли огонь из пищалей.

Наступил критический момент восстания. Однако Василий Шуйский нашел выход. Он предложил напугать стрельцов расправой над их семьями. Ведь московские стрельцы в отличие от веселых мушкетеров Людовика XIII не были сорви-головами и искателями приключений, а превратились в благополучных мещан, обросших семьями, огородами, многие занимались ремеслами и торговлей. Заговорщики закричали: «Пойдем в Стрелецкую слободу, истребим их жен и детей, если они не хотят нам выдать изменника, плута, обманщика». Понятно, что для стрельцов это была страшная угроза, и они вступили в переговоры с нападавшими. Сошлись на компромиссе: «Спросим царицу: если она скажет, что это прямой ее сын, то мы все за него помрем. Если же скажет, что он ей не сын, то Бог в нем волен».

В ожидании ответа от Марфы заговорщики с ругательствами и рукоприкладством спрашивали Лжедмитрия: «Кто ты? Кто твой отец? Откуда ты родом?» Он отвечал: «Вы все знаете, что я царь ваш, сын Ивана Васильевича. Спросите обо мне мать мою или выведете меня на Лобное место и дайте объясниться».

Тут явился князь Иван Васильевич Голицын и сказал, что он был у царицы Марфы, и она ответила, что сын ее убит в Угличе, а это самозванец. Народу эти слова передали, добавив, что сам Дмитрий признался в своем самозванстве и что Нагие подтвержда-

ют показания Марфы. Тогда отовсюду слышались крики: «Бей его! Руби его!» Из толпы выскочил боярский сын Григорий Валуев и выстрелил в Дмитрия, приговаривая: «Что толковать с еретиком. Вот я благословлю польского свистуна!» Остальные порубили труп и бросили его на тело Басманова со словами: «Ты любил его живого, не расставайся и с мертвым». Затем трупы раздели и поволокли через Спасские ворота на Красную площадь. Поравнявшись с Воскресенским монастырем, толпа остановилась, чтобы спросить у Марфы: «Твой ли это сын?» Та ответила: «Вы бы спрашивали меня об этом, когда он был еще жив, теперь он уже, разумеется, не мой».

Василий Шуйский

Род Шуйских занимает особое место в истории Руси XV — начала XVII веков. На Руси род Шуйских всегда считался вторым по знатности после правившего рода потомков Ивана Калиты, внука Александра Невского. А за рубежом (в Польше, в Австрии) Шуйских именовали «принцами крови».

Шуйские вели свой род от князя Андрея Ярославича, брата Александра Невского. Хотя Андрей был младшим братом Невского, но его потомки формально обладали большими правами на владение Русью, так как именно Андрей, а не Александр, был в 1249 году возведен великим монгольским ханом на престол великого князя владимирского.

Андрей Ярославич был женат на Устине, дочери галицкого короля Даниила, и имел от нее трех сыновей. Вторым сыном Василий Андреевич стал удельным князем суздальским, а затем был великим князем владимирским, то есть формально сюзереном московского князя Даниила.

Несмотря на казни и конфискации земель при Иване Грозном, клан Шуйских не только выстоял, но и к концу правления Ивана IV кое в чем усилил свои позиции. Так, например, Шуйским удалось получить суздальские вотчины казенных князей Горбатовых. Горбатовые были потомками суздальских князей и отдаленными родственниками Шуйских. К 1584 году Шуйским принадлежали огромные владения по всей России от Пскова до Суздаля, от Шелони до Козельска. К моменту смерти Ивана Грозного Иван Петрович и Василий Иванович Шуйские и Василий Федорович Скопин-Шуйский имели боярские чины.

Обратим внимание на интересную деталь. В 70-х — начале 80-х годов XVI века Шуйские всем родом были зачислены в состав «особого двора», возможно, некоторые из Шуйских служили в опричнине в конце ее существования. (Особый двор был создан Иваном Грозным в 1573 году взамен опричнины.) Так что неясно, получили ли Шуйские земли А. Б. Горбатого-Шуйского за родство с казенными или за службу при дворе. Интересно, что к марту 1584 года в составе земской Боярской думы не было ни одного Шуйского, а в «дворцовой» думе были бояре Василий Федорович Скопин-Шуйский и Иван Петрович Шуйский.

Однако участие в борьбе за власть для Шуйских было несколько затруднено, так как в 1584–1585 годах несколько Шуйских было на воеводствах в больших порубежных городах. Так, Василий Федорович Скопин-Шуйский был воеводой в Новгороде, Иван Петрович Шуйский — в Пскове, а Василий Иванович — в Смоленске. На ход дел при дворе они могли влиять очень мало, по крайней мере до возвращения в Москву.

В начале XVII века и Шуйские, и вся московская знать прекрасно были осведомлены обо всех нюансах своих родословных. Василий Шуйский не мог забыть, что четыре поколения его предков, начиная с Андрея Ярославича, были властителями Руси — ве-

ликими князьями владимирскими — и сто с лишним лет боролись за владимирский престол с Александром Невским и его потомками. Не забывали Шуйские, что по женской линии в род вливалась королевская и императорская кровь.

Будущий царь Василий Иванович Шуйский родился в 1553 году. В октябре 1580 года Василий был дружкой царя Ивана Грозного на его свадьбе с Марией Нагой. Женился Василий рано. Его первая жена Елена была единственным ребенком боярина князя Михаила Петровича Репнина-Оболенского. В браке родилось двое дочерей, однако по неведомым причинам Василий Иванович развелся и уже в 90-х годах XVI века был холостым.

Замечу, что брат Василия Ивановича Дмитрий женился на Екатерине Григорьевне Скуратовой. Таким образом, родственниками Василия Ивановича стал «палач» Малюта (Григорий) Скуратов и «татарин» Борис Годунов.

Между прочим, Екатерина Григорьевна принесла Дмитрию Шуйскому и неплохое приданое, в числе которого было и село Семеновское (600 четвертей). Но, увы, брак был бездетен. У всех братьев Шуйских были проблемы с наследниками.

К моменту смерти Грозного Василий и его братья Дмитрий и Александр служили стольниками, а их младший брат Иван Пуговка — рындой. О борьбе за власть, развернувшейся в царствование слабоумного Федора, уже рассказано в главе «Борис Годунов». Здесь же приведу лишь краткую цитату историка А. П. Павлова: «Уже в первый год царствования Федора Ивановича отчетливо выявились два полюса политической борьбы. На одном из них стояла первостепенная княжеская знать во главе с Шуйскими, на другом — худородные «дворовые» деятели, являвшиеся социальным и политическим антиподом группировке родовитых «княжат». Но ни той, ни другой

силе не удалось одержать победы. В ходе политической борьбы оформился тесный союз между Годуновым и Романовыми, которые и держали верх»⁵².

Но что любопытно — на первом этапе борьбы за власть, при царствовании Федора, Шуйским удалось существенно упрочить свои позиции. К 20 мая 1584 года, то есть еще до венчания Федора на царство, Василий Иванович получил боярство. В следующем году боярином стал его брат Александр, а в начале 1586 года — и Дмитрий.

С началом царствования Федора Шуйские получают богатые кормления и земли. И. П. Шуйский был пожалован в кормление Псковом, «обеима половинами и со псковскими пригородами, и с тамгою, и с кабаки, чего некоторому боярину не даывал государь», и Кинешмой — «городом великим на Волге». Боярин В. Ф. Скопин-Шуйский удостоился «великого государева жалования» — кормления городом Каргополом. Кравчий Д. И. Шуйский получил «в путь» город Гороховец «со всеми крайнего пути доходы».

Весной 1584 года Василий Иванович Шуйский назначается главой московского Судного приказа. Кроме уголовных и административных дел московский Судный приказ разбирал и местнические споры мелкого и среднего дворянства, споры бояр и князей решал сам царь. К примеру, в 1586 году Василий Иванович судил местнический спор между думным дворянином и печатником Р. В. Алферьевым и Ф. Д. Лошаковым-Колычевым и «оправдал» последнего.

Эта функция московского Судного приказа давала Василию Ивановичу большое влияние среди служилого московского дворянства. Поэтому Годуновы и Романовы постарались побыстрее убрать Василия Ивановича со столь важного поста, и весной 1585 года его отправляют на воеводство в Смоленск.

В то время, несмотря на перемирие, отношения с Польшей были крайне напряженными, и посылку

боярина в Смоленск воеводой можно считать повышением.

Но вместо того чтобы укреплять город-крепость Смоленск, новый воевода вступает в тайные переговоры с поляками. Но царская разведка не дремала, и уже в сентябре 1586 года Василий Иванович отстранен от должности и вызван в Москву на разбирательство, а воеводой в Смоленске назначен Б. Ю. Сабуров.

Противостояние блока Годуновых — Романовых против Шуйских закончилось разгромом последних. По окончании следствия по делу Шуйских самого знаменитого из них — Ивана Петровича — сослали в его вотчину село Лопатицы, но позже его под караулом перевели в Кирилло-Белозерский монастырь. Иван Петрович был насильственно пострижен и якобы убит лично приставом князем И. С. Турениным.

Князь Андрей Иванович Шуйский был отправлен в Каргополь, где через полгода скончался при невыясненных обстоятельствах. Опять же антигодуновские источники утверждают, что он был убит приставом С. Мамонтовым.

В родовые вотчины у Галича и Шуи были сосланы братья Василий, Дмитрий, Александр и Иван Шуйские. На Скопину-Шуйских опала вообще не накладывалась.

Видимо, Шуйские действительно вступили в связь с польско-литовскими феодалами, поскольку московское правительство было вынуждено дать послаам, отправляющимся в Польшу, подробные инструкции относительно судьбы Шуйских. Так, если любопытные паны спросят, за что государь на Шуйских наложил опалу и за что казнили земских посадских людей, надо отвечать: государь князя Ивана Петровича за его службу пожаловал своим великим жалованием, дал в кормление Псков с пригородами, чего ни одному боярину не давал. Братья же его, князь Андрей и другие, стали государю изменять, замыслили

недоброе с торговыми мужиками, а князь Иван Петрович им потакал и был с ними заодно. Естественно, за добрые дела жаловать, а за лихие — казнить. Государь же наш милостив, ко всем людям милосердие свое показал, а мужики, надеясь на государеву милость, заворовали. Государь велел это дело расследовать и тех мужиков, человек пять-шесть, которые такое лихо учинили, велел казнить, а князя Андрея Шуйского сослал в деревню за то, что к ворам пристал, а опалы же на него никакой не наложил. Братья же князя Андрея Василий, Дмитрий, Александр и Иван оставлены в Москве. Князю Василию Федоровичу Скопину-Шуйскому государь пожаловал Каргополь, но он тоже теперь в Москве. Боярин князь Иван Петрович поехал к себе в новую вотчину, пожалованную государем, — в Кинешму. Этот большой город на Волге государь ему пожаловал за псковскую осаду.

Истинные масштабы репрессий против Шуйских наиболее достоверно показывают не пропагандистские инструкции послам и антигодуновские источники, приписывающие Борису смерть всех лиц, начиная с царя Ивана Грозного, а писцовые книги конца XVI века. Там говорится, что большая часть владений Шуйских так и осталась за ними. В казну же были отобраны все вотчины Ивана Петровича Шуйского, все вотчины, ранее принадлежавшие Горбатым-Шуйским, часть земель Шуйских была переведена из вотчин в поместья, то есть земли оставались за Шуйскими, но их статус был изменен, в частности, осложнялась проблема наследования.

В ссылке в своих вотчинах братьям-Ивановичам Шуйским пришлось пробыть около двух лет. Не позднее конца 1590 года они были возвращены в Москву. А в начале 1591 года бояре Василий и Дмитрий Ивановичи Шуйские уже заседают в думе. Заметим, что на всякий случай Годунов оставил в ссылке сторонников Шуйских — Головиных, Колычевых и других.

Причин для возвращения молодых Шуйских в Москву было несколько. Главная — противостояние Годуновых и Романовых. Борису были нужны союзники, так почему же не привлечь на свою сторону уже неопасных врагов? Братья же Шуйские, отдохнув пару лет в вотчинах, не имели особых обид на Бориса.

В мае 1591 года молодой глава рода Василий Иванович Шуйский назначается главой комиссии по расследованию смерти царевича Дмитрия в Угличе. В главе «Борис Годунов» подробно рассказано, что Василий Иванович грамотно, для того времени, разумеется, провел расследование, и не он, а церковный собор во главе с патриархом Иовом вынес окончательный вердикт, что смерть Дмитрия «учинилась Божиим судом». Но, увы, участие в работе комиссии будет по-жизненно крестной ношей Василия Ивановича.

В 1597 году на берег реки Оки было выведено большое войско для защиты Москвы от предполагаемого нападения крымских татар. Командовал войском сам Борис Годунов, воеводами была назначена вся московская знать — Мстиславский, Голицын и другие. Василий Иванович Шуйский занимал довольно почетную должность воеводы правой руки. Крымские татары в тот раз так и не появились, зато наши доблестные воеводы насмерть сцепились друг с другом в местнических спорах.

Иван Голицын, воевода левой руки, «бил челом» (то есть местничал) на князя Трубецкого, князь Черкасский местничал с князем Ноготковым, Буйносов — с Голицыным, Шереметев — с Ноготковым и Буйносовым, Капин — с Буйносовым и Шереметевым. Не минула сия чаша и нашего героя. Князь Тимофей Романович Трубецкой, воевода сторожевого полка, «бил челом» на Василия Ивановича Шуйского. Надо ли говорить, что Шуйский выиграл местнический спор.

В конце царствования Федора Иоанновича наблюдается все большее сближение Шуйских с Годуно-

вым. В 1595 году царь Федор с подачи Бориса жалует боярством братьев Александра и Ивана (Пуговку) Шуйских. В 1597 году в Боярской думе заседают уже все четыре брата Шуйские.

При избрании Бориса Годунова на царство братья Шуйские вели достаточно осторожную политику, они не поддерживали Бориса, но и не выступали активно против. С воцарением Бориса Шуйские ничего не выгадали и ничего не проиграли. Все четыре брата имели высокий чин — боярство, детей или малолетних родичей у них не было, за исключением одиннадцатилетнего Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, которого царь Борис в 1602 году произвел в стольники.

Шансов захватить престол в 1598 году у Шуйских практически не было. Они были слишком слабы, а глава рода 46-летний Василий Иванович еще ничем не проявил себя, за исключением спорного углического дела. Умри Годунов в 1598 году, к власти определенно пришли бы Романовы, и Шуйские в самом лучшем случае остались бы в прежнем положении. По этой причине и в 1600 году Шуйские не только не поддерживали попытку переворота, затеянную Романовыми, но и на суде в Боярской думе «пышаха аки звери и кричаха» вместе с другими боярами на Федора Никитича Романова с братией.

В 1600–1604 годах братья Шуйские жили припеваючи в Москве и прекрасно ладили с царем Борисом. Позже необъективные, настроенные против Годунова летописцы напишут, что царь-де окружил Шуйских доносчиками и запрещал Василию Ивановичу жениться, дабы тот, придя к власти, не мог иметь наследника. Ну, так все наши цари окружали наиболее известных людей доносчиками. Например, тот же Николай II вел агентурное наблюдение за Витте, Столыпиным и даже за родным братом Михаилом. Насчет же запрещения жениться, чтобы Васи-

лий Иванович не мог иметь наследника, — так это явная чушь. У Василия Ивановича были братья, младший из которых, Иван, умер аж в 1638 году. Так что Василию Ивановичу при необходимости могли наследовать родные братья Шуйские и их потомство, не говоря уже о Скопных-Шуйских. И, наконец, разве злодей Годунов помешал зачать наследника первой жене Василия Ивановича и женам всех его братьев?

В 1601 году заболел и умер Александр Шуйский. Но его смерть почему-то не приписали Годунову. Думаю, дело в том, что активная антигодуновская кампания началась после 1603 года, когда об Александровских романовских клеветы просто забыли.

После появления Лжедмитрия в Польше Василий Иванович Шуйский неоднократно один или вместе с патриархом Иовом выходил на Лобное место и рассказывал московским людям, как он сам видел мертвого царевича Димитрия и хоронил его.

Осенью 1604 года против самозванца царь Борис отправил большое войско, во главе которого поставил воеводу князя Федора Ивановича Мстиславского, а вторым воеводой шел Дмитрий Иванович Шуйский.

21 декабря 1604 года войско Мстиславского подошло к стану Лжедмитрия. Пока воеводы медлили, самозванец решил контратаковать. Его пятнадцатитысячное войско двинулось на стотысячную московскую рать. Поляки ранили в голову главного воеводу Ф. И. Мстиславского. Остальные же воеводы Д. И. Шуйский, В. В. Голицын и А. А. Телятевский потеряли управление войском, в результате было убито до четырех тысяч московских ратников. Полностью разгромить огромное московское войско у самозванца не хватило сил. У Новгорода Северского впервые проявилась абсолютная бездарность Дмитрия Ивановича Шуйского как полководца и его патологическая трусость.

После сражения Дмитрий Иванович Шуйский с воеводами даже не позаботились известить царя о битве под Новгородом Северским. Борис узнал о ней из других источников и тут же прислал в войско чашника Вельяминова-Зернова, велел сказать Мстиславскому: «Государь и сын его жалуют тебя, велели тебе челом ударить, да жалуют тебя, велели о здоровье спросить». Князю Д. И. Шуйскому с товарищами царь велел поклониться и добавить: «Слух до нас дошел, что у вас, бояр наших и воевод, с крестопреступниками литовскими людьми и с расстригою было дело, а вы к нам не писали, каким обычаем дело делалось, и вы то делаете не гораздо, вам бы о том к нам отписать вскоре».

Царь Борис решил укрепить командование действующей армией и послал в помощь Мстиславскому... Василия Шуйского.

21 декабря 1604 года войско самозванца потерпело тяжелое поражение у села Добрыничи, но к этой победе братья Шуйские имели весьма малое касательство.

После смерти царя Бориса три брата Шуйские присягнули царевичу Федору. Апрель, май и начало июня 1605 года братья провели в Москве. Чем они занимались — историкам неизвестно, видимо, просто ожидали развязки драмы.

Ни один из Шуйских не поехал вместе с другими боярами в Тулу присягать Лжедмитрию. Лишь в Серпухове Дмитрий Шуйский и Федор Мстиславский встречали самозванца.

20 июня 1605 года самозванец торжественно въехал в столицу. Вот тут бы Василию Ивановичу выйти ему навстречу и торжественно объявить, что злодей Борис заставлял его молчать четырнадцать лет, что он сам хоронил в Угличе подставного ребенка и т. д. Однако Василий этого не сделал, его вообще не было среди встречающих.

23 июня по приказу Лжедмитрия был арестован Василий Шуйский и его два брата. К Петру Басманову, которого самозванец поставил ведать политическим сыском, пришло несколько доносов на Василия Ивановича Шуйского. Шуйский якобы говорил: «Черт это, а не настоящий царевич! Не царевич это, а расстрига и изменник!» По другой версии Шуйский даже пытался устроить государственный переворот. Во всяком случае, никаких конкретных обвинений, предъявленных В. И. Шуйскому, до нас не дошло.

Подойдем к «заговору» Шуйских с точки зрения здравого смысла. Какая-то вероятность успеха у Шуйских могла быть, когда самозванец находился еще в Туле. Но сейчас, когда он торжественно встречен в Москве народом, в самый разгар эйфории, охватившей столицу, поднимать мятеж? Это было бы равносильно самоубийству, а Шуйских за дураков никто и не считал. Вполне логично было бы им подождать, пока пройдут торжества, пройдет ликование, народ не только не почувствует облегчения, а наоборот, ощутит новые тяготы. Самозванцу же придется платить по счетам польским наемникам, Мнишку, купцам, польскому королю и т. д. Уплата же даже части этих долгов неизбежно должна была вызвать народное возмущение и, соответственно, падение самозванца. Так был ли резон Шуйскому спешить с организацией переворота, а тем более заниматься пустой болтовней о расстриге?

Отсюда явствует, что Дмитрий устроил провокацию против клана Шуйских. Тогда возникает вопрос — а зачем? Пока народ считает Отрепьева царем, никакие Шуйские не конкуренты сыну Ивана Грозного, а если выяснится, что на престоле беглый монах, то на престол может претендовать любой князь Рюрикович, а их в Московском государстве были десятки. Скорее всего Дмитрия на расправу с Шуйскими подтолкнули бояре, видевшие в них конкурентов.

Риторический вопрос — кому мог встать на дороге клан Шуйских? Годуновы были мертвы или находились под стражей в отдаленных городах. Остаются Романовы. Был резон пугнуть Шуйского и у Гришки Отрепьева. Он не боялся встречи с теми, кто знал царевича Дмитрия и инок Григория. Большинству он показывал большой пряник, а другим доставался кнут. Самозванец щедро одарил «свою мать» инокиню Марфу за то, что она «узнала» его, опального монаха Пафнутия произвел в митрополиты крутицкие, то есть сделал вторым лицом русской церкви, за то, что тот не узнал своего сожителя по келье. А тут главный свидетель молчит, словно воды в рот набрал. В народе о красноречивом молчании Василия Ивановича уже пошла дурная толка.

Дмитрий предал Василия Шуйского суду специально созванного собора, на котором присутствовали бояре, думные дворяне и духовенство. Собор был собран 24 июня, то есть на следующий день после ареста Шуйских. На соборе сам царь выступил с обвинением Шуйских. Он напомнил, что в роду князей Шуйских всегда были крамольники и что «отец» его Иван Грозный семь раз приказывал казнить изменников Шуйских, а «брат» Федор наказал брата Василия Шуйского также за измену. Фактически Лжедмитрий отказался от версии большого заговора. Трое братьев Шуйских лично хотели совершить террористический акт, «...подстерегали, как бы нас заставши врасплох, в покое убить, на что имеются неоспоримые доводы». Лжедмитрий уверял, что имеет неоспоримые доказательства вины Шуйских, и поэтому никакого разбирательства, допроса свидетелей и других формальностей на соборном суде не было.

Однако Дмитрию пришлось встретиться с сильной оппозицией в Боярской думе. Формально бояре «кричаху» на братьев Шуйских, но все же они были против смертной казни. Что же касается Дмитрия,

он и не собирался казнить Шуйских, и процесс о покушении на царя превратился в фарс. На соборе Василий Шуйский покался во всех приписанных ему преступлениях. «Виноват я тебе... царь-государь: все это я говорил, но смилуйся надо мной, прости глупость мою!» — говорил Шуйский. Он просил патриарха и бояр сжалиться над ним и просить за него царя. Собор осудил Василия Шуйского на смерть, а его братьев приговорил к пожизненному заключению. Казнь боярина была назначена на следующий день.

Утром 25 июня Василия Шуйского вывели на Красную площадь, где собралась многотысячная толпа горожан. Боярин был взведен на эшафот, где ему зачитали приговор и перечислили его преступления. По одним сведениям, Василий, стоя у плахи, плакал и молил о пощаде: «От глупости выступил против пресветлейшего великого князя, истинного наследника и прирощенного государя своего», взывал к народу: «...Помилуйте меня от казни, которую заслужил». По другой версии, он просто простился с народом, объявив, что умирает за правду, за веру и народ христианский.

Шуйский уже положил голову на плаху, как из Кремля выехал гонец, объявивший, что царь Дмитрий помиловал осужденного.

Современники и позднейшие историки предлагали различные версии мотивов помилования Шуйского. Так, историк Р. Г. Скрынников ссылается на поляка С. Борша, прибывшего в Москву вместе с самозванцем. Борш писал: «Царь даровал ему жизнь по ходатайству некоторых сенаторов». Другие авторы утверждают, что Лжедмитрия убедил простить Шуйского его секретарь Бучинский, некоторые считают, что это сделал дьяк Афанасий Власьев. Называют даже царицу Марфу, которая была еще в дороге и знать не знала о процессе Шуйского.

На самом же деле руководил всем фарсом сам Отрепьев, хотя, возможно, идея была подана ляхами.

Цель самозванца была достигнута — Шуйских основательно пугнули. А начинать царствование с казни «принца крови» милосердному царю явно не к лицу, да и в будущем Шуйские могли пригодиться в качестве противовеса другим боярским кланам.

Василий Шуйский вместе с братьями Дмитрием и Иваном были отправлены в ссылку в пригород Галича, а их имения отобраны в казну. Забегая вперед, скажем, что 30 июля Лжедмитрий объявил полное прощение Шуйским, которые к тому времени еще даже не доехали до места ссылки. Всех троих братьев отправили в Москву, где им вернули боярство и все вотчины.

В завершение спектакля «Дело Шуйских» самозванец пожаловал их дальнего родственника восемнадцатилетнего Михаила Васильевича Скопина-Шуйского титулом «Великий Мечник». В Западной Европе этот титул существовал с раннего Средневековья, им называли рыцаря, носившего за королем тяжелый меч. На Руси такого титула никогда не было, видимо, тут Гришка поддался польскому влиянию. Между тем Михаил Скопин-Шуйский ухитрился в шестнадцать лет стать боярином. За что его так возвысил царь Борис — можно только гадать. Зато мотивы Отрепьева очевидны: сын Грозного царя приближает к себе юного, красивого и талантливого князя Рюриковича. Чем не украшение двора, да и в будущем он сможет пригодиться.

Сразу по возвращении из ссылки братья Шуйские начали плести заговор против царя Дмитрия. Вообще-то слово «заговор», на мой взгляд, неуместно. В любой исторической эпохе, включая современную, при возникновении кризиса власти любой психически здоровый человек начинает думать: а что ему делать, если данная власть рухнет? На уровне простых обывателей эта реакция выражается в обращении на личности и недвижимости в золото или иностранную

валюту, в бегстве из страны, в закупке одного или нескольких АКМ и РПГ и т. д. Люди же, близкие к власти, при нестабильном правлении просто вынуждены думать: а кто и что будет потом? Причем они это делают не из-за своей зловредности, а из чувства собственного самосохранения. Таким образом, термины «заговор» и «мятеж» применимы к попытке свержения дееспособного правительства. А когда, как метко сказал вождь, «верхи не могут, а низы не хотят», то надо подобрать иные термины для тех, кто хочет убрать неспособных правителей. Как сказано в средневековой лютландской балладе, «мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе». К примеру, никому из отечественных историков до сих пор не пришло в голову назвать мятежниками гвардейских офицеров, приведших к власти Елизавету Петровну, Екатерину Великую и Александра I, хотя в ходе оных действий было убито три вполне легитимных императора (Петр III, Иоанн Антонович и Павел I).

Царь Дмитрий не имел никаких шансов процарствовать хотя бы несколько лет. Писатели-верхогляды любят сравнивать Лжедмитрия I с Петром I. Возможно, внешне есть что-то общее: и потешные игры, и насмешки над боярами, и введение заморских обычаев, и любовь к веселым забавам. Но это лишь внешнее сходство. Деяния Петра на 80 процентов шли на пользу Отечеству, а на 20 процентов были фарсом, у Лжедмитрия же фарсом было все. Петр лишь под конец жизни и в зените славы рискнул объявить себя императором и жениться на чухонке, кстати, много лет ревностно исполнявшей все православные обряды. Гришка же Отрепьев начал свое царствование с того, что объявил себя императором и женился на польке-католичке.

Царь Дмитрий не имел никакой опоры в стране, он не мог положиться ни на бояр, ни на дворян и служилых людей, ни на казаков, ни на церковь. Царя

поддерживали лишь временные попутчики, как те же ляхи, пока он осыпал их золотом.

Именно при Лжедмитрии I объявились многочисленные казацкие самозванцы и началось то, что историки Покровский, Станиславский и К^о называют гражданской войной. На самом же деле это был разгул дикого бандитизма. По сравнению с «воровскими казаками» XVII века махновцы и моджахеда могут сойти за вполне порядочных людей.

Лжедмитрий пришел к власти в результате прощета боярских группировок Романовых и Шуйских, боровшихся за власть. Причем активную роль играл клан Романовых.

Ряд историков утверждает, что народ любил царя Дмитрия. Начнем с того, что реакция толпы на явление царя или вождя крайне обманчива. Например, огромные толпы восторженных людей собирались по ходу путешествия Николая II с семьей по романовским местам в честь трехсотлетия династии, а через четыре года вся страна ликовала, узнав об отречении царя. Предположим, что в 1913 году в Кострому приехал не православный царь с семейством, а, скажем, персидский шах с гаремом из трехсот красавиц, одетых в абсолютно прозрачную ткань. Так что, народу на пристани собралось бы меньше? В 1799 году по пути в Париж Бонапарта встречали восторженные толпы, но когда адъютант Жюно обратил внимание на них генерала, тот ответил: «Еще больше народа собралось бы смотреть, как меня повезут на казнь».

Московский люд собирался глазеть на забавы нового царя как на шоу и соответственно так и относился к Дмитрию. Не следует забывать, что за несколько месяцев своего правления Лжедмитрий растратил большую часть казны Московского государства, которая собиралась много веков. Надо ли говорить, что большая часть денег, розданных царем своим польским и русским сторонникам, оседала у московского

населения — торговцев, шинкарей, девиц из Лоскутного ряда и др. Ясно, что поддержка этой части населения вряд ли могла удержать самозванца на престоле.

Шуйского часто упрекают, что он поторопился с переворотом и поторопился напялить на себя корону. Попробуем представить, что Шуйский не поспешил бы с переворотом и коронацией, что бы произошло тогда? В начале главы уже говорилось, что по феодальному русскому праву род Шуйских имел не меньше, если не больше, прав на владение Русью, чем род Ивана Калиты. А поэтому после падения Лжедмитрия, а он неизбежно пал бы и без участия Шуйского, единственным легитимным правителем мог стать только старший в роду Шуйских, то есть Василий Иванович. Что же, выходит, Василий Иванович в самом деле поторопился? Нет, все его действия в мае 1606 года были вполне оправданы, поскольку к власти рвались и другие. Можем ли мы хоть на секунду поверить, что Филарет Романов и К^о тихо собирались жить под властью самозванца?

Итак, Шуйский в ночь на 17 мая 1606 года возглавил переворот. Надо сказать, что операция была проведена вполне грамотно. Заметим, что Василию Ивановичу потребовалось куда больше ума и хладнокровия после убийства самозванца, нежели на начальной стадии переворота. Шуйский всеми силами хотел избежать конфликта с Польшей, поэтому его первоочередной задачей было спасение Марины Мнишек и ее фрейлин, а главное — польских послов.

По приказу Шуйского Марину отбили у восставших москвичей, хотя она перед этим получила хороший урок. В первые же минуты переворота Василий Иванович отправил гонцов к королевским послам Николаю Олесницкому и Александру Гонсевскому передать, что послам опасаться нечего. Но послы и их люди не должны смешиваться с другими поляками, которые приехали с сендомирским воеводой в на-

дежде занять Москву и сделали русским много зла. Гонсевский отвечал: «Вы сами признали Димитрия царевичем, сами посадили его на престол, теперь же, узнав, как говорите, о самозванстве его, убили. Нам нет до этого никакого дела, и мы совершенно покойны насчет нашей безопасности, потому что не только в христианских государствах, но и в бусурманских послы неприкосновенны. Что же касается до остальных поляков, то они приехали не на войну, не для того, чтобы овладеть Москвою, но на свадьбу, по приглашению вашего государя, и если кто-нибудь из их людей обидел кого-нибудь из ваших, то на это есть суд. Просим бояр не допускать до пролития крови подданных королевских, потому что если станут бить их перед нашими глазами, то не только люди наши, но и мы сами не будем равнодушно смотреть на это и согласимся лучше все вместе погибнуть, о следствиях же предоставим судить самим боярам». Гонористый пан мог позволить себе вести столь воинственные речи, поскольку к посольству по приказу Шуйского подошел отряд из пятисот стрельцов и занял оборону по внешнему периметру ограды дворов.

Шуйскому удалось защитить от избиения москвичами иностранных наемников, находившихся в Кремле. Те быстро оценили намерения заговорщиков и прекратили сопротивление. Шуйский еще ночью связался с их командиром Жаком Маржеретом и предложил перейти к нему на службу. Маржерет, естественно, согласился, ему было абсолютно все равно, кому служить.

До окончания избиения поляков ни один человек из охраны посольства так и не попытался пройти сквозь стрелецкое оцепление, чтобы защитить своих соотечественников.

Василий Шуйский не призывал к убийству поляков, но и не особенно препятствовал делать оное москвичам. Ляхов спасали выборочно. Так, был спа-

сен Юрий Мнишек и князь Адам Вишневецкий. Защищать же все панство у Шуйского не было ни возможности, ни желания. Кроме того, Василий Иванович прекрасно знал, что король Сигизмунд не станет плакать из-за нескольких десятков шляхтичей и нескольких сотен солдат их частных армий. В Польше был рокош, и королевские войска воевали с теми же частными армиями.

По всей Москве горожане громили дома, где жили поляки. Позже поляки распустили слухи, что их было убито свыше двух тысяч человек. На самом деле было убито двадцать знатных шляхтичей, около четырехсот их слуг и оруженосцев, а также аббат Помаский. В ходе схваток с поляками было убито свыше трехсот русских. Избиения поляков продолжались около семи часов и закончились за час до полудня.

После убийства самозванца в Москве наступило безвластие. Теперь на престол могли претендовать десятки князей Рюриковичей и Гедеминовичей. Формально главными претендентами были бояре Василий Шуйский, Федор Мстиславский и Василий Голицын. Последние двое были потомками литовского князя Гедемина. Дед Федора Ивановича Мстиславского князь Федор Михайлович Мстиславский переселился в Москву из Литвы в 1526 году и стал боярином Василия III.

Предки Василия Васильевича Голицына служили еще Дмитрию Донскому. Фамилию роду дал Михаил Иванович Булгаков-Голица, боярин Василия III. Любопытный момент: все три претендента на престол не имели мужского потомства или их дети умерли в младенчестве.

Романовы, естественно, тоже рвались к власти, но их положение было сложным. Во-первых, героями восстания против самозванца были Василий Шуйский и Василий Голицын, а не Романовы. Иван Никитич Романов подъехал к Кремлю лишь через

два часа после убийства Отрепьева и присоединился к победителям, а Филарет весь день 17 мая из дома носа не показывал и никого не принимал.

Во-вторых, Федор Никитич Романов был монахом Филаретом и по церковным и светским законам не мог занять престол. Конечно, можно было объявить акт пострижения насильственным и фиктивным, но народ бы этого не понял и вряд ли захотел менять расстригу Гришку на расстригу Филарета. Михаилу же Федоровичу, хоть он и числился стольником, было только 10 лет от роду.

Наиболее подходящим кандидатом на московский престол из всего клана Романовых был Иван Никитич, произведенный в 1605 году в бояре Отрепьевым. Однако Иван Никитич не пользовался особой популярностью ни в среде знати, ни среди простых людей. Мало того, сам Филарет был против передачи престола брату Ивану. Так что в мае 1606 года у клана Романовых шансов на престол было очень мало.

В России при возникновении проблем с наследованием престола после смерти Ивана Грозного или Федора Иоанновича созывался Земский собор, который и избирал царя. Но теперь Шуйские решили обойтись без собора. Предыдущие соборы собирались в присутствии патриарха и в спокойное время. Сейчас же в стране царил смут. На юго-западе России ходили слухи, что Дмитрий спасся, что где-то на Дону гулял казак Илейка, принявший имя царевича Петра, сына царя Федора Иоанновича. Патриарха русская церковь не имела, а точнее, имела сразу двух незаконно свергнутых патриархов — Иова и Игнатия. Последний через несколько часов после убийства Отрепьева был лишен сана и заточен в Чудов монастырь.

Был и субъективный момент — еще до созыва соборов Федор Иоаннович и Борис Годунов имели большинство делегатов. А в мае 1606 года Василий Шуйский был заметно сильнее других претендентов, но

остальные претенденты все вместе взятые могли составить подавляющее большинство на соборе и еще неизвестно кого выбрать. Посему сторонники Шуйского уговорили Василия Ивановича занять престол, так сказать, явочным порядком. Просто пойти и сесть на пустующий трон.

18 мая Голицын, Куракин, Мстиславский и другие конкуренты Шуйского решили собрать на следующий день рано утром народ на Красной площади и выбрать патриарха, а затем провести под его руководством Земский собор. Нетрудно предположить, что патриархом должен был стать Филарет.

В ночь с 18 на 19 мая на подворье у Шуйских собрались их сторонники. Из бояр были только трое Шуйских, а также М. В. Скопин-Шуйский. Присутствовали несколько окольничих, думных дворян и купцов, а также хорошо нам знакомый профессиональный заговорщик крутицкий митрополит Пафнутий. Современники утверждают, что подлинным руководителем заговора был Михаил Татищев. Важную роль играл Пафнутий. Видимо, мы никогда не узнаем, что заставило Пафнутия порвать с Отрепьевым и Романовыми и перейти на сторону Шуйского.

Ночью были составлены два документа: крестоцеловальная запись князя Василия Шуйского и другая, «по которой записи целовали бояре и вся земля». Интересно, что в отличие от всех других претендентов на царский престол — Годунова, Отрепьева и Романова — составители записи посчитали излишним доказывать родство Василия Шуйского с родом Ивана Калиты. После ста лет холопства у московского трона Шуйские впервые вспомнили о своем происхождении. В крестоцеловальной грамоте гордо говорилось: «Божиею милостию мы, великий государь, царь и великий князь Василий Иванович всея Руси, щедротами и человеколюбием славимого Бога и за молением всего Освященного собора, по челобитью и

прошению всего православного христианства учинились на отчине прародителей наших, на Российском государстве царем и великим князем. Государство это даровал Бог прародителю нашему Рюрику, бывшему от римского кесаря, и потом, в продолжение многих лет, до самого прародителя нашего великого князя Александра Ярославича Невского, на сем Российском государстве были прародители мои, а потом удалились на суздальский удел, не отнятием или неволею, но по родству, как обыкли большие братья на больших местах садиться. И ныне мы, великий государь, будучи на престоле Российского царства, хотим того, чтобы православное христианство было нашим доброопасным правительством в тишине, и в покое, и в благоденстве, и поволит я, царь и великий князь всея Руси, целовать крест на том: что мне, великому государю, всякого человека, не осудя истинным судом с боярами своими, смерти не предать, вотчин, дворов и животов у братья его, у жен и детей не отнимать, если они с ним в мысли не были; также у гостей и торговых людей, хотя который по суду и по сыску дойдет и до смертной вины, и после их у жен и детей дворов, лавок и животов не отнимать, если они с ними в этой вине невинны. Да и доводов ложных мне, великому государю, не слушать, а сыскивать всякими способами накрепко и ставить с очей на очи, чтобы в том православное христианство невинно не гибло; а кто на кого солжет, то, сыскав, казнить его, смотря по вине, которую взвел напрасно. На том на всем, что в сей записи писано, я, царь и великий князь Василий Иванович всея Руси, целую крест всем православным христианам, что мне, их жалую, судить истинным, праведным судом и без вины ни на кого опалы своей не класть, и недругам никого в неправде не подавать, и от всякого насильства оберегать».

Позже некоторые историки будут утверждать, что в этой грамоте будущий царь ограничил самодер-

жавие и усилил власть бояр. Казимир Валишевский даже пишет: «...Весьма возможно, что на пороге XVII века в истории старой Московии был составлен конституционный договор». На самом же деле в записи нет ни слова об ограничении самодержавия, да еще в пользу бояр. Наоборот, царь указывает, что он целовал крест на том, чтобы править, как правили его полновластные прародители, цари XVI века, и целовал он крест не боярам, а «всем людям».

В 6 часов утра 19 мая на Красной площади собралась огромная толпа. Бояре — конкуренты Шуйского — вышли на площадь и предложили избрать патриарха, который должен был стоять во главе временного правления и разослать грамоты для созыва советных людей из городов. Однако Шуйские успели подготовить свою команду. Сотни людей одновременно закричали, что царь нужнее патриарха, а царем должен быть князь Василий Иванович Шуйский, «не хотим никаких советов, где Москва, там и все государство. Шуйский — страдалец за православную веру» и т. д.

Толпа, ведомая сторонниками Шуйских, вошла в Кремль. Откуда-то появился и сам князь Василий. Шуйского ввели в Успенский собор, где митрополит Пафнутий нарек его на царство. После этого Шуйский выдал боярам индульгенцию, заявив: «Целую крест на том, что мне ни над кем не делать ничего дурного без собору, и если отец виновен, то над сыном ничего не делать, а если сын виновен, то отцу ничего дурного не делать, а которая была мне грубость при царе Борисе, то никому за нее мстить не буду». Пафнутий отслужил молебен, и князь Василий Иванович стал считаться царем. Злые боярские языки говорили, что Василий Шуйский был не избран, а выкликнут царем.

Целую крест в соборе, Василий Шуйский говорил правду. После его воцарения репрессий не последова-

ло, если не считать ссылок нескольких наиболее рьяных сторонников самозванца. Так, князь Василий Михайлович Рубец-Мосальский был сослан воеводой в Корелу, Афанасий Власьев — в Уфу, Михаил Глебович Салтыков — в Иван-город, Богдан Бельский — в Казань. Других стольников и дворян также разослали по отдаленным городам, у некоторых отобрали поместья и вотчины. Надо ли говорить, что репрессии и назначения на воеводские должности — это «две большие разницы».

Став царем, Василий Шуйский в присутствии всей знати, включая Романовых и Черкасских, заявил, что царь Дмитрий был чернецом Григорием, а в миру Юшкой Отрепьевым, служившим Романовым и Черкасским. Обратим внимание — ни тогда, ни потом Романовы даже не пытались опровергнуть это довольно неприятное для них утверждение.

Для разоблачения самозванца из Галича Шуйский велел привезти мать и младшего брата Юрия Отрепьева. Их вывели на Лобное место, где они рассказали, что именно их Юшка назвал себя царем Дмитрием. Однако с момента появления самозванца они его ни разу не видели, и все их свидетельства были малоубедительны для народа.

Новому царю срочно потребовался и новый патриарх. Вполне логично было вернуть в патриархи Иова, находившегося в Старице. Но против кандидатуры Иова решительно выступили Шуйские, которые имели с ним давние счеты. Первоначально Шуйские хотели пропихнуть в патриархи Пафнутия, но это была столь одиозная личность, что против него ополчилось большинство бояр и высшее духовенство. Недовольные Шуйским бояре и иерархи церкви решили возвести в сан патриарха митрополита Филарета. Почему-то никого не смущало, что всего лишь год назад он был простым монахом и в делах религии себя вообще никак не проявил. В вопросе с патриархом

царю Василию пришлось уступить. Филарет был объявлен патриархом, об этом даже сообщили польским послам. Но тут хитроумный Василий Иванович разыграл блестящую комбинацию. Он предложил канонизировать царевича Дмитрия. «За что можно канонизировать больного и озлобленного ребенка?» — спросит читатель. А за что канонизировали первых русских святых — князей Бориса и Глеба? Те тоже ничего ни плохого, ни хорошего в своей жизни не успели сделать. Но, видимо, кому-то помешали, и их тоже зарезали при таинственных обстоятельствах. По одной версии это сделал их брат Святополк, а по другой — опять же их братец Ярослав. А потом внуку Ярослава потребовались святые, чтобы сделать одного деда Мудрым, а другого — Окаянным.

Предложив канонизировать Дмитрия и перенести его останки из Углича в Москву, царь Василий одним выстрелом убивал трех зайцев. Во-первых, согласно христианским верованиям самоубийцу, даже невольного, нельзя сделать святым, поэтому всем придется признать, что Дмитрий был зарезан, и этим скомпрометировать Годунова. Во-вторых, торжественное перезахоронение останков царевича, по мнению Шуйского, должно было покончить со слухами, что Дмитрий жив. В-третьих, такое важное мероприятие было поручено патриарху Филарету. Филарет должен был привезти прах царевича в Москву. Затем у гроба произойдут великие чудеса, и церковь объявит Дмитрия святым. И вот тогда произойдет официальное возведение Филарета в патриархи и венчание на царство Шуйского.

Царь Василий решил на время убрать Филарета из Москвы. Как ни странно, это совпадало и с желанием самого Филарета, поскольку тот хотел иметь алиби. Шуйский и Романов стояли друг друга. Шуйский хотел возвести на патриарший престол архиепископа Гермогена, за которым в Казань был по-

слан гонец еще 19 мая. Филарет же со своей стороны вкупе с Ф. И. Мстиславским готовил государственный переворот в Москве, имевший целью свержение царя Василия. В заговоре против Шуйского участвовали многие представители знати. Естественно, что никаких протоколов заседаний они не вели, и конечная цель переворота — возведение на престол своего царя — вызывает у современных историков споры. По одной версии, на престол должен был взойти кто-то из клана Романовых, по другой — Ф. И. Мстиславский, а третья версия была компромиссной — на престол должен был вернуться шутовской царь Симеон Бекбулатович, жена которого была родной сестрой Ф. И. Мстиславского.

Итак, Филарет отправился в Углич. Его сопровождали астраханский архиепископ Феодосий, бояре Иван Воротынский и Петр Шереметев, брат инокини Марфы Григорий и племянник Андрей Нагие. А в воскресенье, 25 мая, в Москве начался бунт. По официальной версии, царь шел к обедне и внезапно увидел большую толпу, идущую ко дворцу. Толпа была настроена агрессивно, слышались оскорбительные выкрики по адресу Шуйского. Как писал очевидец Жак Маржерет, если бы Шуйский продолжал идти к храму, то его ждала бы та же участь, что и Дмитрия. Но царь Василий быстро ретировался во дворец. Там он с плачем обратился к окружившим его боярам, что нет нужды затевать бунт, что если хотят от него избавиться, то, избрав его царем, могут и низложить его, если он им негоден, и что он оставит престол без сопротивления. Потом, отдав боярам царский посох и шапку Мономаха, Шуйский продолжал: «Если так, выбирайте, кого хотите». Бояре растерялись, и никто не решился дотронуться до царских регалий. Растерянность можно объяснить и тем, что среди присутствующих бояр не было кандидата на престол, который в тот момент занимался гробокопательством в Угличе.

Так или иначе, но бояре безмолвствовали. Тогда царь Василий поднял посох, надел шапку и приказал наказать виновных. Возражать ему никто не посмел. Стрельцы разогнали толпу, схватив пятерых крикунов. Их объявили зачинщиками и подвергли на площади торговой казни — нещадно выдрали кнутом. Учинить расправу над самими заговорщиками царю помешала Боярская дума, и Шуйскому пришлось ограничиться полумерами. Было официально объявлено, что князь Ф. И. Мстиславский ни в чем не виноват, а виноваты его родные, которые хотели воспользоваться его именем. Одним из главных виновников был назван боярин Петр Никитич Шереметев, хотя он в день бунта находился в Угличе вместе с Филаретом. Шереметеву было запрещено возвращаться в Москву, его послали в Псков воеводой. М. Ф. Нагой был лишен звания конюшего, но оставлен в Москве. Племянник Филарета (по сестре Марфе) князь Иван Черкасский был лишен звания кравчего. Досталось даже бедняге Симеону Бекбулатовичу. В Кириллов монастырь, где содержался Симеон (монах Стефан), приехал царский пристав Федор Супонев с грамотой царя Василия от 29 мая, в которой приказывалось игумену выдать «старца Стефана» приставу, который должен был отвезти старца «где ему велено». Супонев увез бедолагу татарина в Соловецкий монастырь.

Попытка переворота заставила Шуйского поспешить с венчанием на царство. 1 июня 1606 года Василий Шуйский венчался на царство в Архангельском соборе. С. М. Соловьев так характеризует Шуйского: «Новый царь был маленький старик лет за 50 с лишком, очень некрасивый, с подслеповатыми глазами, начитанный, очень умный и очень скупой, любил только тех, которые шептали ему в уши доносы, и сильно верил чародейству»⁵³.

За неимением патриарха (Филарет был в Угличе, а Гермоген еще не приехал из Казани), в соборе свя-

щеннодействовал новгородский митрополит Исидор, а помогал ему Пафнутий. Исидор надел на царя крест святого Петра, возложил на него бармы и царский венец, вручил скипетр и державу. При выходе из собора царя Василия по традиции осыпали золотыми монетами.

А между тем патриарх Филарет обрел мощи царевича Дмитрия. При вскрытии могилы Дмитрия по собору распространилось «необычайное благовоение». Мощи царевича оказались нетленными — в гробу лежал свежий труп ребенка.

Как отписал царю в Москву Филарет, «глава и власы его [Дмитрия. — А. Ш.] целы и черное ожерелье, низанное жемчугом, в левой руке платочек тафтяной, шитый золотом и серебром, в котором завязаны были орешки, данные матерью для игrania; но когда заклали его, платочек сей обогрен был кровью; и самые орешки потому были скрыты под землю с телом его. Срачица на нем белого шелка обогрена кровию его; сверху швейная серебром и златом одежда царская, порфира златотканая, опоясан поясом златым, сапоги красного цвета, чулки шелковые прехитро тканые; все сие цело и невредимо обретоша».

Итак, все «следственное дело» комиссии Шуйского рушится как карточный домик. Одновременно царевич не только не зарезался, но даже и не играл в «тычку», и ножа у него вообще не было. Гулял, ел орешки, в правой руке был узелок с орешками, в левой — горсть орехов, а ножа, мол, вообще не было. Так, мол, и похоронили с орехами в левой руке и с платочком в правой.

Заметим, что эта чушь повторялась до самого 1917 года. Так, в 1912 году некий Д. Лавров (возможно, это псевдоним) писал: «Сохранилось одно литературное произведение, при чтении которого становится неопровержимо ясным, что автор его есть лицо духовное и что оно было участником перенесения мо-

щей. Этот очевидец, в показании которого мы не имеем права заподозрить какую-либо подделку, рассказывает, что когда был вынут гроб и открыт, то оказалось, что в правой руке у царевича — шитый золотом платочек, а в другой руке — зажатые орешки. Вложил их кто-нибудь ему в руку в момент смерти? Но кому могли прийти в голову в момент смятения какие-либо соображения в подделке факта? Царевич был погребен просто, без всяких церемоний, в том, в чем он был и как он был в момент смерти»⁵⁴. И Филарет, и Лавров рассчитывали на легковверного и малокомпетентного читателя. Ведь Дмитрия не просто бросили в гроб, не глядя. Неужто комиссия Шуйского не провела осмотра тела и не заметила орехов? Нию в Преображенском соборе убедило далеко не всех. Пошли слухи, что Филарет купил у стрельца сына, которого зарезали, а затем положили в гроб вместо останков царевича. При чем стрельцова сына звали Романом.

Торжественная процессия с нетленными мощами Дмитрия медленно двинулась к Москве. Как писал Д. Лавров: «Несли раку люди знатные, воины, граждане и земледельцы. В городах в Ростове и Переяславле мощи царевича встречали и провожали торжественными крестными ходами, так что в действительности это шествие было одним продолжительнейшим и торжественнейшим крестным ходом, какой когда-либо бывал на Руси»⁵⁵.

3 июля вблизи села Тайнинского состоялась встреча процессии с царем Василием и боярами, которые шли пешком, чтобы встретить за городом мощи настоящего сына Ивана Грозного. За царем и боярами следовало духовенство и толпы горожан. Затем произошла сцена, достойная кисти самого великого художника. Гроб был открыт, и инокиня Марфа увидела... свежий труп. Бывшая царица должна была опознать своего сына, как она год назад «опознала» живого Дмитрия

на том же самом месте. Марфа, выдавшая виды, тут от ужаса не сумела произнести ни слова. Теперь ей придется плакать над гробом чужого ребенка, а прах ее единственного сына выброшен и уничтожен.

Спасая положение, царь сам подошел к гробу, со-звлек царскую червленую багряницу, опознал царевича, поцеловал мощи и повелел гроб закрыть. Процессия торжественно проследовала к Москве. Гроб с телом «царевича» несколько часов стоял на Лобном месте на Красной площади, а затем был перенесен в Архангельский собор. Причем царь Василий лично поддерживал носилки с гробом.

За это время инокия Марфа пришла в себя, а кроме того, ей намекнули на серьезные неприятности, если она будет упрямиться. Поэтому в Архангельском соборе она нашла силы громогласно объявить, что в гробу находится ее сын. Марфа красочно покаялась, что признала сыном вместо страстотерпца Гришку-расстригу, она-де боялась, что б Гришка «не нанес ссыльного гонения и нестерпимой нужды злыми обидами».

Гроб был помещен в склеп рядом с могилой Грозного. Через несколько часов монахи подвели к гробу Дмитрия слепого. Слепой помолился у гроба и вдруг прозрел. Всего в день захоронения в Архангельском соборе у гроба излечилось 13 человек. Смертельно больные люди вскакивали с носилок, хромы бросали костыли, горбатые выпрямлялись и т. д. На следующий день исцелилось 12 человек и т. д. При каждом новом «чуде» звонили все московские колокола. Толпы народа осаждали двери Архангельского собора. По приказу царя составили грамоту с описанием чудес Дмитрия Угличского и разослали ее по городам. Однако противники Шуйского постарались испортить красивый спектакль. В собор был доставлен настоящий больной при последнем издыхании, он дотронулся до гроба и умер. После инцидента доступ

к мощам был прекращен. Московские колокола смолкли.

Тем не менее царь Василий разослал по всем города грамоту, в которой пространно изложил обстоятельства перенесения мощей царевича Дмитрия, а также засвидетельствовал его мученическую смерть по вине Бориса Годунова: «В прошлом 99 (1591) году за грехи всего православного христианства великаго государя царевича Димитрия Ивановича не стало после убийства Годунова, которой что невинный агнец убит и святая праведная его душа, а погребен есть на Угличе и многих исцелил больных разными болезнями». Описав затем, в каком виде сохранились мощи, Шуйский говорит по поводу орехов, найденных в гробе царевича: «...Сказывают, что коли он играл, тешился орехами и ел, и в ту пору его убили и орехи кровью полились и того для тые орехи ему в горсти положили и тые орехи целы».

Мощи святого Дмитрия были потревожены еще раз в 1812 году. Во время пребывания французов в Кремле поп московского Вознесенского девичьего монастыря Иоанн Вениаминов забрел однажды в Архангельский собор. Там он увидел «святые иконы ободранными, облачения разбросанными по полу и множество соломы, хлеба и бочки с вином. Обозревая далее собор, он заметил мощи царевича Дмитрия выброшенными из раки и лежащими на соломе. Поп решил сохранить святыню от поругания, и, когда французы заснули после обеда, вынес мощи под одеждою из собора. Далее он отправился в Вознесенский монастырь и спрятал мощи внутри алтаря соборной церкви на хорах 2-го яруса... По рассказу И. М. Снегирева, слышанному им от диакона Вознесенского монастыря, мощи царевича Дмитрия находились за иконостасом соборной церкви помянутого монастыря довольно долгое время, ибо священник, скрывавший их, сообщил о них своему брату (который довел до сведения начальства) только перед

своею смертью»⁵⁶. В конце концов мощи после изгнания французов нашли и установили на прежнем месте в новой раке. А может, и не нашли, и произошла очередная подмена, но это ни тогда, ни сейчас никого не интересует.

Но мы забыли о Филарете, и это неудивительно — о нем забыли все. «Мавр сделал свое дело» — привез мощи, «мавр должен уйти». При встрече в Тайнинском Филарет поразился не менее Марфы. Та увидела чужой труп, а он... патриарха. Да, да! Вместе с царем шел и патриарх Гермоген. Правда, он еще не был возведен в сан собором и формально являлся кандидатом в патриархи. Но это были пустые формальности, и в ряде документов при захоронении мощей Дмитрия Гермоген фигурирует как патриарх.

Происхождение Гермогена неизвестно. В 1611 году поляки, затевавшие суд над Гермогеном, получили письменное свидетельство одного московского священника о «житии» Гермогена. Священник показал, что в начале жизни Гермоген пребывал «в казаках донских, а после — попом в Казани». По другим данным, Гермоген происходил из рода Шуйских. Так или иначе, поп Гермоген в 1579 году служил в казанской церкви Святого Николая в Гостином дворе. Он заслужил упоминание в летописи в связи с обретением иконы Казанской Божьей Матери. В 1588 году Гермоген стал игуменом казанского Спасо-Преображенского монастыря. 13 мая 1589 года Гермоген был возведен в сан епископа и поставлен митрополитом Казанским и Астраханским — первым в новоучрежденной митрополии.

Гермоген отличился при обращении в православие инородцев — татар, мордвы, мари, чувашей и других народов. По настоянию Гермогена в Синодик, читаемый в неделю православия, были внесены «православные благочестивые воеводы и воины, пострадавшие за Христа под Казанью и в пределах ка-

занских в разные времена», а также мученики, убитые татарами за веру, — Иван Новый, Стефан и Петр. На такого патриарха, твердого в вере и большого патриота земли Русской, царь Василий вполне мог полагаться, а Филарету предложил малой скоростью ехать в свою ростовскую митрополию — он ведь по-прежнему митрополит Ростовский.

Итак, ценой больших усилий царю Василию удалось укрепить свою власть в столице. Совсем иначе дела складывались в провинции. Жители юго-западных городов — Путивля, Чернигова, Кром и других — наотрез отказались присягать новому царю. Там правили воеводы — сторонники Лжедмитрия.

По всей стране распространялись слухи, что Дмитрий не был убит в Москве, а скрылся и вот-вот объявится. В какой-то мере распространению таких слухов способствовали действия царя Василия. Так глупости и противоречия царской грамоты, разосланной по всей стране с объяснением причин переворота 17 мая 1605 года и мотивировками воцарения Шуйского, вызвали серьезные подозрения как у воевод, так и у простых горожан.

В день переворота трупы Отрепьева и Басманова сторонники Шуйского отволокли на Лобное место, раздели донага, да еще на Отрепьева надели страшную маску, в которой тот собирался быть на маскараде. Никто не подумал, что народ, привыкший видеть царя в роскошных одеяниях, не будет ассоциировать его с изуродованным трупом, да еще с закрытым маской лицом. Сразу же начались разговоры, что убитый совсем не похож на царя Дмитрия. Через три дня Басманова похоронили в церкви Николы Мокрого, а Отрепьева — в убогом доме за Серпуховскими воротами. Но по Москве поползли разные слухи: говорили, что сильные холода стоят благодаря волшебству расстриги, что над его могилой творятся чудеса. Тогда труп самозванца вырыли, сожгли в деревне Котлы

и, смешав пепел с порохом, выстрелили им из пушки в ту сторону, откуда он пришел.

В начале 1606 года, еще в царствование Дмитрия, на Тереке появился новый самозванец — царевич Петр. На самом деле это был бродяга Илья, сын муромской проститутки Ульяны, которая ушла от мужа и прижила Илью от посадского человека Ивана Коровина. Подросший Илья поначалу торговал яблоками у нижегородского купца Грозильникова. Позже это занятие Илье надоело, и он подался в Казань на Волгу, а затем на Терек. На Тереке Илейке-Петру удалось собрать большой отряд гулящих казаков. Самозванец рассказал им фантастическую историю, будто Ирина Годунова, жена царя Федора Иоанновича, была беременна, но очень боялась своего брата, Бориса Годунова, который уже метил на царство. И вот, родив в 1592 году сына, она подменила его девочкой, чтобы коварный Борис не извел младенца. Сына же она отдала на воспитание дядю Андрею Щелкалову и князю Мстиславскому. Царевич рос у жены Щелкалова полтора года, затем его отдали Григорию Васильевичу Годунову, тоже посвященному в тайну. У него царевич прожил два года, а потом его перевезли в монастырь под Владимиром, где игумен научил его грамоте. Когда царевич освоил грамоту, игумен написал об его успехах Григорию Васильевичу Годунову, считая его отцом мальчика. Но Григорий Годунов к тому времени уже умер, а его родные отписали, что «у родича нашего не было сына, не знаем, откуда взялся этот мальчик». Заинтригованные родные обратились за разъяснениями к Борису Годунову, и Борис написал игумену, чтобы тот прислал мальчика к нему. Царевича повезли в Москву, но по дороге он, почувствовав недоброе, сбежал, какое-то время жил у князя Барятинского, а затем ушел к казакам, где и объявил о себе.

О появлении самозванца донесли царю Дмитрию. Реакция его была совершенно необъяснима. В конце

апреля 1606 года царь послал к казакам дворянина Третьяка Юрлова с грамотой, где говорилось, что если называющий себя Петром и в самом деле царевич, то царь ждет его у себя в Москве, а если «он чувствует за собой, что он не царевич», то пусть лучше быстрее убирается из Московского государства. К грамоте прилагалась подорожная, где предписывалось выдавать «царевичу Петру» корм на всем пути до Москвы.

«Царевич Петр» встретил Юрлова с грамотой в Самаре и двинулся дальше, говоря всем, что он едет в Москву к своему дяде царю. В Свияжске «царевич Петр» узнал о смерти Дмитрия и воцарении Василия Шуйского. Теперь Петра в Москве однозначно ждала паника, а то и кол. Поэтому «царевич» со своей ватагой повернул обратно. Обманом казаки проскочили Казань и отправились вниз по Волге-матушке, грабя встреченные суда и прибрежные городки.

17 мая 1606 года, когда заговорщики были заняты истреблением самозванца и поляков, один из убийц Федора Годунова Михаил Молчанов успел выбраться из дворца и покинуть Москву. В сопровождении двоих поляков Молчанов двинулся к литовской границе, распуская по дороге слухи, что он царь Дмитрий, что он спасся, а вместо него заговорщики по ошибке убили другого человека.

Василий Шуйский сделал огромную глупость, расписав сподвижников Гришки Отрепьева воеводами по дальним городам. Того же князя Григория Петровича Шаховского он поставил воеводой в Путивле — щуку бросили в реку. Новый воевода немедленно объявил жителям Путивля, что царь Дмитрий жив и находится в Польше. Шаховский во время переворота выкрал в Кремле государственную печать и, используя ее, рассылал грамоты по городам, поднимая народ за «царя Дмитрия». И на эту роль Шаховскому сгодился бы любой другой самозванец. Он начал переписку с поль-

скими панями, которые также искали кандидата на роль царя Дмитрия.

Тут всплывает довольно любопытный персонаж — Иван Исаевич Болотников, служивший когда-то боевым холопом у князя А. А. Телятевского. В Польше в городе Самборе Болотников встречается с Михаилом Молчановым. Последний убедил Болотникова, что Лжедмитрий I жив, и отправил с письмом от «царя Димитрия» в Путивль к Шаховскому.

Шаховский в Путивле с нетерпением ждал «царя Дмитрия», готовый принять любого самозванца. Но вместо него приехал «царский гетман» Иван Болотников. Шаховский объявил его главным воеводой еще не существующего самозванца. У Болотникова в Путивле собралось до десяти тысяч войска из служилых и посадских людей, крестьян и казаков, и даже небольшой отряд поляков под командой ротмистра Павла Хмелевского.

Вскоре в Путивль прибывает и «царевич Петр» с войском. «Царевич» становится союзником Болотникова, но каждый командует своим войском самостоятельно.

С осени 1606 года по 10 октября 1607 года царь Василий, то есть Русское государство, ведет кровопролитную войну с «гетманом Болотниковым». Подробнее о ней я расскажу в главе «Иван Болотников», а здесь лишь стоит заметить, что в течение почти восьмидесяти лет советские историки изымали все, что связано с Болотниковым, из раздела, где говорится о Смутном времени и Лжедмитрии II, и переносили в раздел «Крестьянская война под руководством И. И. Болотникова». На самом деле Болотников был таким же «воровским» воеводой, как и «царевич Петр», атаман Иван Заруцкий и другие им подобные. Его методы ведения войны и поведение во взятых городах мало отличались от действий других воевод Лжедмитрия II.

Важно отметить, что параллельно с войной с Болотниковым царю Василию в 1606–1607 годах в других регионах России пришлось бороться с мятежниками, никак не связанными с Болотниковым. Восстания против царя Шуйского поздней осенью 1606 года охватили район Нижнего Новгорода по обеим сторонам Волги и Оки. Причем восстания эти не были скоординированы, а их вожди преследовали различные цели. Так, на Волге действовали шайки мордвинков Москова и Вокорлина. В городке Царевококшайске поднял мятеж местный стрелецкий голова Иван Борисович Доможиров. Его отряд осадил Нижний Новгород. К Доможирову присоединился и князь Иван Дмитриевич Болховский. Однако сам Нижний Новгород остался верным царю, а его жителям удалось отсидеться от «воров» в осаде.

В Вятской и Пермской областях был сорван сбор ополчения, а царским чиновникам, приехавшим за этим, пришлось убраться несолоно хлебавши.

В Астрахани восстание против Шуйского поднял сам главный воевода астраханский князь Иван Дмитриевич Хворостин. Здесь на защиту царя выступили простые люди во главе с дьяком Афанасием Карповым. Но люди воеводы побили их, а дьяка со товарищи сбросили с раската (с крепостной башни). Позже, правда, Хворостин принес повинную царю, и тот простил его. В 1608 году мы видим князя в Москве, плетущего интриги в пользу Тушинского вора.

Однако ряд областей Русского государства все же остался верен царю. Так, в Твери архиепископ Феофил собрал духовенство, приказных людей, детей боярских, торговых и посадских людей и укрепил их в верности к Шуйскому. И когда в Тверском уезде появился отряд сторонников Лжедмитрия I, тверчане наголову разбили его. Кроме того, отряд тверских ратников был отправлен в Москву в помощь царю Василию.

Жители Смоленска и окрестностей за десятки лет на своей шкуре испытали «гуманизм» польских и литовских панов. Там и мыслить не хотели ни о каких самозванцах. В Смоленске из местных дворян и ратных людей было собрано большое войско. Воеводой выбрали дворянина Григория Полтева. Заметим, Полтева не назначал царь или местный воевода, его выбрали, поскольку сбор войска прошел добровольно и в инициативном порядке. Смоляне двинулись к Москве, по пути очистив от «воров» (шаек крестьян и казаков) районы Дорогобужа и Вязьмы. Дорогобужские, вяземские и серпейские служилые люди соединились со смолянами и к 15 ноября 1606 года подошли к Можайску. Туда же пришел воевода Колычев, успевший очистить от «воров» Волоколамск.

В конце 1606 года Василий Шуйский предпринял новую серию пропагандистских акций. Он решил частично реабилитировать династию Годуновых. Шуйский приказал вынуть гробы Годуновых из ямы у стены Варсонофьевского монастыря и перезахоронить их в Троице-Сергиевом монастыре. Дочь Бориса Годунова Ксения (инокиня Ольга) шла за гробами своих родных и громко рыдала. А в начале 1607 года царь Василий надумал привезти из Старицы бывшего патриарха Иова, чтобы он простил всех православных христиан в их клятвопреступлениях. 14 февраля Иова доставили в Москву. Два патриарха, Гермоген и Иов, разразились грамотой, по которой выходило, что во всех бедах государства Российского виноват сатана, и неважно, кто кому и сколько раз крест целовал, и дали всем желающим отпущение грехов. Подробнее об этом рассказано в главе «Патриарх Гермоген».

Пока Шуйский воевал с Болотниковым, «ворам» удалось-таки найти самозванца. В конце мая 1607 года в городе Стародубе объявился «царь Дмитрий», которого историки позже назовут Лжедмитрием II или

Тупинским вором. В Стародуб к самозванцу стали стекаться русские ратные люди, крестьяне и посадские. Но в отличие от войска Болотникова ударную силу войска Лжедмитрия II составляли поляки. В Стародубе впервые всплывает казачий атаман Иван Заруцкий, бывший до этого в войске Болотникова, но не игравший там никакой роли.

В сентябре 1607 года Лжедмитрий II двинулся в поход. В Брянске его встретили колокольным звоном, а все население вышло навстречу. Зато Козельск пришлось брать штурмом. А царь Василий тем временем... готовился к свадьбе. 17 января 1608 года царь торжественно отпраздновал свою свадьбу с семнадцатилетней Марией, дочерью князя Петра Ивановича Буйносова-Ростовского.

А теперь нам придется вернуться на несколько месяцев назад. Мы оставили Марину Мнишек 17 мая 1606 года, после того как бояре изъяли ее из рук горожан и стрельцов, насильовавших ее фрейлин. Марину и Юрия Мнишков отправили под конвоем в дом дьяка Афанасия Власьева, предварительно отобрав все деньги и драгоценности, подаренные им самозванцем. Юрий Мнишек не только не пал духом, но и пустился на новые авантюры, пытаясь извлечь выгоду из всего происшедшего. А что? Чем Василий Шуйский не жених для Марины? Тоже царь. И Мнишек предложил боярам выдать свою дочь за него замуж! Шуйский был помолвлен с княжной Марьей Петровной Буйносовой, но это не было преградой для авантюриста Мнишка. Он расписал боярам выгодную перспективу — в случае победы «рокошан» в Польше король Сигизмунд будет свергнут, и у супруга Марины появится шанс стать еще и польским королем. О marriage предложении Мнишка доложили Василию Ивановичу. Но царь послал семейку Мнишковых далеко и надолго, и Юрий с Мариной были отправлены в Ярославль.

Простых поляков и слуг, захваченных в Москве 17 мая, Шуйский приказал отправить на родину. По пути у них отобрали лошадей, оружие и все деньги. Знатных же поляков, приехавших на свадьбу Лжедмитрия I, и польских послов решено было оставить в качестве заложников.

13 июня 1606 года к польскому королю из Москвы отправилось посольство — князь Григорий Волконский с дьяком Андреем Ивановым. Им был дан наказ объяснить Сигизмунду недавние московские события.

В Кракове Сигизмунд не позвал московских посланников обедать и «корму» им не прислал, что являлось оскорблением по посольскому этикету начала XVII века.

Послы подали королю письменное объявление, в котором раскрывалось происхождение самозванца, его похождения, как он с польскими и литовскими людьми пришел в Московское государство, как он потом призвал в Москву самборского воеводу Мнишка с его приятелями и как они Божии церкви и святые иконы обругали, москвичам поляки и литовцы много насилия учинили, жен знатных горожан бесчестили, из возков вытаскивали и такое насилие чинили, какого вовек на Москве не видели. Далее говорилось о появлении в Польше нового самозванца, который есть не кто иной, как Михаил Молчанов, ничуть не похожий на первого Лжедмитрия. Послы требовали удовлетворения за кровопролитие и расхищение царской казны, ставшие следствием посылки из Польши Лжедмитрия, но вместе с тем говорили, что царь Василий не намерен нарушать мира с Польшей.

Радные паны отвечали на это: «Государь наш ни в чем не виноват. Вы говорите, что Димитрий, который был у вас государем, убит, а из Северной страны приехали многие люди, ищут этого Димитрия по нашему государству, сказывают, что он жив, ушел.

Так нашему государю ваших людей унять ли? А в Северной стране теперь государем какой-то Петр, но этого ведь не наш государь подставил? Сами люди Московского государства между собою разруху делают, а на нас пеняют. Если государь ваш отпустит самодмирского (самборского. — А. Ш.) воеводу с товарищами и всех польских и литовских людей, которые теперь на Москве, то ни Дмитришки, ни Петрушки не будет. А если государь ваш их не отпустит, то и Димитрий, и Петр настоящие будут и наши за своих с ними заодно станут».

Московские послы грозили панам, что если они будут по-прежнему поддерживать «воров» в России, то царь Василий вступит в союз со шведами против Польши. Заметим, что в тот момент король Сигизмунд был крайне озадачен рокошем буйных панов и охотно пошел на соглашение с царем Василием. Король пообещал Волконскому в ближайшее время отправить своих послов в Москву. И действительно, в октябре 1607 года от Сигизмунда в Москву приехали пан Витовский и князь Друцкой-Соколинский поздравить царя Василия с восшествием на престол и требованием отпустить прежних польских послов и всех поляков домой.

Переговоры длились до 25 мая 1608 года. Результатом переговоров стало перемирие на три года и одиннадцать месяцев на следующих условиях: оба государства остаются в прежних границах; Россия и Польша не должны помогать врагам друг друга; царь обязывается отпустить в Польшу самборского воеводу Мнишка с дочерью и сыном и всех задержанных поляков; король обязывается сделать то же самое в отношении задержанных в Польше русских; король и Речь Посполитая должны отозвать всех поляков, поддерживающих самозванца, и впредь никаким самозванцам не верить и за них не вступаться, Юрию Мнишку не признавать зятем второго Лжедмитрия,

дочь свою за него не выдавать, и Марине не называться московской государыней.

Польские послы обязались послать грамоты в войско Лжедмитрия II к полякам с требованием оставить самозванца, вернуться в Польшу и на всем пути отсылать домой всех польских ратных людей, которые им встретятся на территории Московского государства. Также послы обещали послать во все приграничные города грамоты, чтобы никто не смел идти воевать в Московское государство. Сами послы обязались ехать из Москвы прямо в Польшу, избегая любых контактов с поляками Лжедмитрия, но не хотели обещать, что король выведет войско Лисовского из России, потому что Лисовский в Польше был объявлен вне закона.

Вступив в переговоры с поляками, Шуйский совершил ту же непростительную ошибку, что и Годунов, и тем самым, как и Годунов, подписал себе смертный приговор. С поляками можно было договариваться, только держа пистолет у их затылка, и выполнять договор они будут до тех пор, пока взведен курок у этого пистолета. И дело тут не в плохом короле Сигизмунде, а в устройстве Речи Посполитой, где паны могли служить, а могли и не служить своему королю, и международные соглашения, заключенные королем, были писаны не для них. Не меньшую роль играла и католическая церковь, заставлявшая панов смотреть на москвитов как на американских индейцев.

Шуйский мог согласиться на неоднократные предложения шведского короля вступить с ним в союз и начать совместную войну с Речью Посполитой на ее территории, то есть шведы должны были наступать в Прибалтике, а русские — в Белой Руси, в случае же успеха — идти на Варшаву. Кстати, Шуйский мог координировать свои действия с турецким султаном и с крымским ханом, воевавшими тогда с Польшей. Да и не нужно сбрасывать со счетов рокош.

Предвижу вопли возмущенных критиков. Как можно? Власть Шуйского висела на волоске, он не мог справиться с врагами внутренними, не то чтобы начинать борьбу со столь мощным соседом.

Начнем с того, что Польша в начале XVII века и позже была «колоссом на глиняных ногах». Вспомним, как долго вся королевская рать осаждала Смоленск, при том, что большая часть смоленских дворян и ратников ушла на помощь Шуйскому еще в 1607 году. Так что разгром Польши в союзе со шведами и турками был вполне реален.

А главное — гражданская война нигде и никогда не имела ничего общего с шахматной или компьютерной игрой. В игре усиление противника заведомо приводит к поражению. В гражданской войне появление нового противника, если он носит униформу ненавистного иностранного государства, приводит к победе. В 1793 году республика во Франции была на грани гибели. Восстали Бретань, Вандея, отделился весь юг Франции — Марсель, Лион, Тулон. Вожди республиканцев переругались между собой. И тут появились прусские, австрийские и британские интервенты. И что же произошло? В ответ по всей Франции прокатилась волна убийств роялистов, их убивали даже в тюрьмах. В республиканскую армию записывались десятки тысяч добровольцев. Голодные, оборванные французские солдаты, которыми командовали бездарные «революционные» генералы, громили интервентов. В боях армия перевооружается, сами собой выдвигаются талантливые генералы, и то, что было непосильно Генриху IV и Людовику XIV, становится пустяком для «больших батальонов» с маленьким капралом во главе.

Вот более свежий пример. Вторжение поляков весной 1920 года в Советскую республику всколыхнуло даже врагов советской власти. Несколько генералов во главе с А. А. Брусиловым 20 мая 1920 года

напечатали в «Правде» воззвание «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились». Там говорилось: «В этот критический исторический момент... взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их вам не нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию». Великий князь Александр Михайлович, двоюродный брат Николая II, с 1918 года жил во Франции и люто ненавидел большевиков. Он писал: «...Я не знал иного способа излечиться от ненависти, кроме как потопить ее в другой, еще более жгучей. Предмет последней мне предложили поляки. Когда ранней весной 1920-го я увидел заголовки французских газет, возвещающие о триумфальном шествии Пилсудского по пшеничным полям Малороссии, что-то внутри меня не выдержало, и я забыл про то, что и года не прошло со дня расстрела моих братьев. Я только и думал: «Поляки вот-вот возьмут Киев! Извечные враги России вот-вот отрежут империю от ее западных рубежей!» Я не осмелился выражаться открыто, но, слушая вздорную болтовню беженцев и глядя в их лица, я всей душою желал Красной Армии победы»⁵⁷.

Комментарии тут, как говорится, излишни.

Надо ли говорить, что ни король, ни папа и не пытались исполнять условия договора с Россией. Ни один поляк из-за этого соглашения не покинул войско Лжедмитрия II. Юрий Мнишек признал Лжедмитрия II своим зятем, Марина легла с ним в постель и по-прежнему именовала себя московской царицей. А король Сигизмунд воспользовался договором для подавления рокоша, а затем собрал силы и пошел к Смоленску.

В апреле 1608 года войско Лжедмитрия II подошло к городу Болхову. Навстречу «вору» царь послал своего бездарного брата Дмитрия и столь же тщеславного и бездарного воеводу Василия Васильевича

Голицына. 29–30 апреля 1608 года в двухдневном сражении под Болховом царское войско было разбито. В начале июля 1608 года рать самозванца, в которой насчитывалось около десяти тысяч поляков, семь тысяч казаков и шесть тысяч русских, стала лагерем в селе Тушино под Москвой. По месту расположения войска самозванца московские власти окрестили его Тушинским вором.

Под Москвой между Шуйским и Лжедмитрием II началась многомесячная позиционная война. У самозванца не было сил выбить царя из столицы, а у Василия Ивановича — выбить «вора» из Тушино.

Воспользовавшись двоевластием, многие бояре, дворяне, приказные люди и купцы, целовавшие крест в Москве Шуйскому, уходили в Тушино, целовали там крест самозванцу и, получив у него жалованье, возвращались назад в Москву. Шуйский принимал таких милостиво, так как раскаявшийся изменник был для него дорог, и своим возвращением он показывал другим невыгодность службы у тушинского царя. Возвратившийся получал награду и от Шуйского, но вскоре отправлялся опять в Тушино требовать жалованье у Лжедмитрия. К примеру, собирались родные и знакомые за одним столом, вместе обедали, а после обеда одни отправлялись ко двору к царю Василию, а другие ехали в Тушино. Оставшиеся в Москве были спокойны: если одолеет тушинский царек, думали они, то у них есть родные и друзья, служившие Лжедмитрию II, которые их защитят; если же одолеет царь Василий, то они за свою родню заступятся. На улицах и площадях громко обсуждали события, не боясь превозносили тушинского царя, радовались его успехам. Многие знали людей, которые, оставаясь в Москве, поддерживают самозванца, но не доносили о них Шуйскому, а тех, которые доносили, называли клеветниками и шепотниками. На сильного боялись доносить, ибо у него найдется мно-

го заступников, без воли которых Шуйский не мог казнить изменника. Но на слабого, не имеющего покровительства, доносы к царю шли постоянно. И виноватые наказывались, вместе с виноватыми наказывались иногда и невинные.

Хотя Шуйского и не любили в Москве, земские люди не хотели менять его на какого-нибудь другого боярина, тем более на Тушинского вора, и догадывались, чем грозит его победа. Вот почему попытки свергнуть Шуйского не удавались.

Первая попытка переворота была предпринята 17 февраля 1609 года воеводой Григорием Сумбуловым, князем Романом Гагариным и Тимофеем Грязным, заговорщиков собралось около трехсот человек. Они предложили боярам свергнуть Шуйского, но бояре отступились и разбежались по своим домам ждать, чем дело кончится. Один только боярин Василий Васильевич Голицын примкнул к заговорщикам. Тогда заговорщики пошли за патриархом в Успенский собор и потребовали, чтобы он шел на Лобное место. Гермоген не хотел идти, его потащили силой, подталкивали сзади, обсыпали песком и мусором, хватили за грудки и трясли. Заговорщики поставили Гермогена на Лобное место и стали кричать, что Шуйский избран незаконно, одними своими приспешниками, без согласия Земского собора, что кровь христианская льется за человека недостойного, глупого, нечестивого, пьяницу и блудника. Но вместо одобрения заговорщики услышали из толпы слова: «Сел он, государь, на царство не сам собою, выбрали его большие бояре и вы, дворяне и служивые люди, пьянства и никакого неистовства мы в нем не знаем. Да если бы он, царь, вам и неугоден был, то нельзя его без больших бояр и всенародного собрания с царства свести». Кончилась сия попытка мятежа анекдотично. Заговорщики спокойно уехали в Тушино, князь Голицын спокойно отправился

на свое московское подворье, а Шуйский продолжал править державой.

Между тем отряды тушинцев гуляли по всей стране, где-то они натыкались на вооруженный отпор, а где-то их встречали колокольным звоном. В 1607–1608 годах тушинцы появились и на северо-западе страны. 1 сентября 1608 года псковичи отворили ворота города тушинскому воеводе Федору Кирилловичу Плещееву. А воевода крепости Орешек Михаил Глебович Салтыков сам перешел на сторону самозванца.

И только теперь, оказавшись в безвыходном положении, царь Василий решил обратиться за помощью к Швеции. Как уже говорилось, наиболее выгодным для России было бы вторжение Швеции в Лифляндию и дальнейшее продвижение внутрь Польши. Кстати, после окончания русской смуты, в 1621 году, шведы так и поступили. Но Шуйский думал не о государственных интересах, а о своей собственной шкуре. Ему нужны были шведские наемники в Москве, и немедленно.

Начало века ознаменовалось династическим кризисом в Швеции. Карлу IX (герцогу Зюдерманландскому) удалось короноваться лишь в марте 1607 года. Естественно, что шведам поначалу было совершенно не до российских смут. Но как только обстановка стабилизировалась, шведское правительство обратило свои взоры на Россию. Проанализировав ситуацию, шведы пришли к выводу, что русская смута может иметь два основных сценария. В первом в России будет восстановлена твердая власть, но к Польше отойдут обширные территории — Смоленск, Псков, Новгород и др. Не будем забывать, что в то время Польше принадлежала и вся Прибалтика, исключая побережье Финского залива. Во втором случае вся Русь подлежала ополчению.

Таким образом, в любом случае Швеции стала бы угрожать серьезная опасность со стороны усилившегося Польского королевства. А ведь весь XVII век Польша для всех шведов, начиная от короля и кончая простолюдными, была куда более грозным и ненавистным противником, нежели Россия.

Карл IX решает помочь царю Василию. Еще в феврале 1607 года Выборгский наместник писал к карельскому воеводе князю Мосальскому, что король его готов помогать царю, и шведские послы давно уже стоят на границе, дожидаясь московских послов для переговоров. Но в это время Шуйский, успев отогнать Болотникова от Москвы, думал, что быстро закончит со своими противниками внутри страны и заключит мир с Польшей.

Недальновидный Василий приказал князю Мосальскому написать в Выборг: «А что пишете о помощи, и я даю вам знать, что великому государю нашему помощи никакой ни от кого не надобно, против всех своих недругов стоять может без вас, и просить помощи ни у кого не станет, кроме Бога». Шведам было даже запрещено посылать гонцов с письмами в Москву и Новгород, поскольку «во всем Новгородском уезде моровое поветрие». Но шведы не унялись, и в течение 1607 года Карл IX послал четыре грамоты царю Василию с предложением о помощи. На все грамоты царь отвечал вежливым отказом.

Однако к концу 1608 года ситуация изменилась. Царь Василий был заперт в Москве, как в клетке, и надеяться ему было не на кого. 1 сентября 1608 года население Пскова открыло ворота тушинскому воеводе Плещееву. Иван-город и Орешек также присягнули Лжедмитрию II. В Новгороде начались волнения черни, стоявшей за Тушинского вора. Пришлось хвататься за шведскую соломинку. В Новгород для переговоров был послан царский племянник Ско-

пин-Шуйский, где он встретился с королевским секретарем Моисом Мартензоном.

Договор со Швецией был заключен в Выборге 23 февраля 1609 года стольником Семеном Головиным и членом ригсдага Ераном Бойе. Обе стороны обещали воевать с Польшей до окончательной победы и не заключать сепаратного мира. Шведы должны были послать в Россию наемное войско в составе двух тысяч конницы и трех тысяч пехоты. Россия оплачивала услуги шведского войска по следующей росписи: коннице — по 50 тысяч рублей в месяц; пехоте — по 25 тысяч рублей в месяц; главнокомандующему — 5 тысяч рублей; начальнику кавалерии — 4 тысячи рублей; начальнику пехоты — 4 тысячи рублей; офицерам на всех вместе — 5 тысяч рублей ежемесячно. По договору наемники подчинялись только своему командованию, а оно, в свою очередь, Михаилу Скопину-Шуйскому. За шведскую помощь царь Василий отказался за себя и детей своих и наследников от прав на Ливонию.

В тот же день (23 февраля 1609 года) в Выборге был подписан и секретный протокол к договору «Записи об отдаче Швеции в вечное владение российской города Корелы с уездом». Передача должна быть осуществлена только спустя три недели после того, как шведский вспомогательный корпус наемников под командованием Делагарди вступит в Россию и будет на пути к Москве или по крайней мере достигнет Новгорода. Согласие на передачу Корелы шведам будет лично подписано царем и главнокомандующим русскими войсками, то есть Василием Шуйским и М. В. Скопиным-Шуйским.

Шведы разослали грамоты по пограничным русским городам с требованием быть верными царю Василию. Не могу удержаться и процитирую полностью грамоту каянбургского (улеаборгского) шведского воеводы Исаака Баема к игумену Соловецкого монасты-

ря: «Вы так часто меняете великих князей, что литовские люди вам всем головы разобьют. Они хотят искоренить греческую веру, перебить всех русаков и покорить себе всю Русскую землю. Как вам не стыдно, что вы слушаете всякий бред и берете себе в государи всякого негодая, какого вам приведут литовцы!»

Весной 1609 года шведское войско подошло к Новгороду. Отряд шведов под командованием Горна и отряд русских под командованием Кирилла Чоглокова 25 апреля наголову разбил большой отряд тушинского воеводы Кернозицкого, состоявший из запорожцев. В течение нескольких дней от тушинцев были очищены Торопец, Торжок, Порхов и Орешек. Скопин-Шуйский направил большой отряд под начальством Мещерского под Псков, но тот не смог взять город и отступил. 10 мая 1609 года Скопин-Шуйский с русско-шведским войском двинулся из Новгорода к Москве. В Торжке Скопин соединился со смоленским ополчением.

Под Тверью произошла битва между войском Скопина и польско-тушинским войском пана Зборовского. В ходе сражения поляки на обоих флангах смяли русских, но центр польского войска обратился в бегство, и лишь «пробежавши несколько миль, [войско] возвратилось обратно». В центре боя шведская пехота не отступила ни на шаг до наступления темноты, а затем в полном порядке отошла к обозу. На рассвете следующего дня русские и шведы атаковали противника и нанесли ему сокрушительное поражение.

Скопин двинулся вперед, но вдруг в 130 верстах от Москвы шведские наемники отказались идти далее под предлогом, что вместо платы за четыре месяца им дали только за два, что русские не очищают Корелы, хотя уже прошло одиннадцать условных недель после вступления шведов в Россию. Скопин, поставив уговаривать Далагарди вернуться, сам перешел Волгу под Городнею, чтобы соединиться с ополчени-

ями северных городов, и по левому берегу достиг Калязина, где и остановился.

Соловецкий монастырь прислал царю 17 тысяч серебряных рублей, еще большую сумму прислали с Урала Строгановы, небольшие взносы поступили из Перми и других городов. Таким образом удалось собрать деньги для выплаты жалованья шведам.

Царь Василий вынужден был поспешить выполнить статьи Выборгского договора и послал в Корелу приказ очистить этот город для шведов. Русские отряды из войска Скопина заняли Переяславль-Залесский. Другие войска, верные Шуйскому, без боя вошли в Муром и штурмом взяли Касимов.

Вступление шведских войск в русские пределы дало повод Сигизмунду III начать войну против России. В письме испанскому королю Сигизмунд заявил, что предпринял он московскую войну, во-первых, для отмщения за недавние обиды, за нарушение народного права, потом, чтобы дать силу своим наследственным правам на московский престол, ибо предок его Ягайло был сыном русской княжны и женат также на русской княжне, наконец, чтоб возвратить области, отнятые у его предков московскими князьями. Таким образом, с самого начала Сигизмунд и не думал делать московским царем королевича Владислава, а сам хотел занять московский престол.

19 сентября 1609 года коронное войско Льва Сапеги подошло к Смоленску. Через несколько дней туда прибыл и сам король. Всего под Смоленском собралось регулярных польских войск: 5 тысяч пехоты и 12 тысяч конницы. Кроме того, было около 10 тысяч малороссийских казаков и неопределенное число литовских татар. Читатель помнит, что с 1605 года русские воевали только с частными армиями польских феодалов.

Перейдя границу, Сигизмунд отправил в Москву складную грамоту, а в Смоленск — универсал, в ко-

тором говорилось, что польский король идет навести порядок в русском государстве по просьбе «многих из больших, маленьких и средних людей Московского государства», и что он, Сигизмунд, больше всех радеет о сохранении «православной русской веры». Разумеется, королю не поверили ни в Смоленске, ни в Москве.

Смоленская крепость была построена в 1597–1602 годах городовым мастером Федором Коном. Она являлась одной из сильнейших крепостей в России. Стены крепости достигали высоты 14 метров и ширины до 2,3 метра, а длина стены превышала 5 километров. Крепость имела 38 башен. Крепостная артиллерия, насчитывавшая около трехсот орудий, была в три яруса размещена в крепостных башнях. Гарнизон Смоленска не превышал пяти тысяч человек. Смоленский воевода Иван Михайлович Шеин был смелым и решительным человеком и отлично знал дело.

Осада с самого начала пошла неудачно. Шесть смоленских смельчаков на лодке среди бела дня переплыли Днепр и пробрались к королевскому лагерю, схватили королевское знамя и благополучно уплыли с ним к крепости.

12 октября 1609 года король приказал войскам идти на приступ. Полякам удалось взорвать мину у крепостных ворот и разрушить их. В пролом ворвались польские воины. Но уйти обратно удалось лишь немногим. Штурм был отбит с большими потерями. Польское командование поняло, что крепость можно взять только правильной осадой. Но Сигизмунд рассчитывал на легкую наживу и даже не взял в поход тяжелую артиллерию. Теперь пришлось посылать за осадной артиллерией в Ригу. С учетом состояния дорог, времени года и большого веса орудий осадная артиллерия была доставлена под Смоленск лишь летом 1610 года.

12 ноября 1609 года Сигизмунд отправил грамоту в Москву к Василию Шуйскому, где упрекал царя за насилие над поляками 17 мая 1606 года и за сношения со шведским королем Карлом IX.

В Москве никто не принял всерьез оправдания Сигизмунда, нарушившего договор от 20 июля 1608 года и начавшего войну против государства Российского.

Король был далеко, а к Москве с севера шел с войском Скопин-Шуйский.

21 мая 1610 года к Волоколамску подошло русско-шведское войско под началом Валуева и Горна. Поляки были выбиты из монастыря. Из полутора тысяч поляков и казаков спаслось только триста человек. В числе трофеев русских войск оказался и самозванный патриарх Филарет. В июне 1610 года Филарет был доставлен в Москву. Но вместо застенка он попал в родовые хоромы в Китай-городе. Царю Василию не до Романовых — его власть висит на волоске.

12 марта 1609 года Михаил Скопин-Шуйский с Делгарди торжественно въехал в Москву. По приказу царя вельможи встретили Скопина-Шуйского у городских ворот с хлебом-солью, но простые горожане опередили вельмож, со слезами падали ниц и били челом, просили очистить Московское государство. Современники сравнивали прием Скопина-Шуйского с торжеством Давида, которого израильтяне чтили больше, чем Саула. Царь Василий, однако, не показал своего недовольства, а, напротив, встретил племянника со слезами радости на глазах. Брат царя, князь Дмитрий Иванович Шуйский, повел себя иначе. Царь Василий имел двух дочерей, которые умерли в младенчестве, и, следовательно, брат его считал себя наследником престола. В Скопине-Шуйском Дмитрий Иванович увидел своего конкурента, которого любил народ, и при не устоявшемся еще порядке престолонаследия Скопин-Шуйский вполне

мог стать царем. Тогда Дмитрий Иванович, затевавший одну за другой интриги, наябедничал на племянника царю. Василию однажды пришлось даже пустить в ход палку, чтобы образумить брата.

По случаю победы Скопина-Шуйского почти каждый день устраивались пиры. 23 апреля на крестинах у князя Ивана Михайловича Воротынского у Скопина-Шуйского пошла кровь носом, и после двухнедельной болезни он умер. Пошел общий слух об отравлении. Некоторые современники утверждают, что чашу с отравой поднесла князю сама Екатерина, жена Дмитрия Шуйского.

Смерть Скопина-Шуйского стала катастрофой для царя Василия. Ему пришлось вместо племянника назначить главным воеводой своего бездарного брата Дмитрия. 32 тысячи русских и 8 тысяч шведов двинулись к Смоленску. К этому времени московский воевода Валуев с шеститысячным отрядом уже занял Можайск, Волоколамск и прошел по Большой Смоленской дороге до Царева займища.

Сигизмунд отправил навстречу русским часть войска под командованием гетмана Жолкевского, а остальные силы поляков продолжали осаждать Смоленск. Станислав Жолкевский слыл самым талантливым польским военачальником. Ему исполнилось уже 63 года, но на его счету были победы над шведами в Лифляндии, разгром казацкого восстания Наливайко, в битве под Гузовом в 1607 году он разгромил «рокошан» и т. д.

14 июня Жолкевский осадил Царево займище. Воевода Валуев послал за помощью к Дмитрию Шуйскому, который с войском находился в Можайске. Русское войско медленно двинулось вперед и стало лагерем у деревни Клушино, поскольку стояла сильная жара. Жолкевский разделил свое войско. Небольшой отряд (700 человек) блокировал Валуева в Царева займище, а основные силы (6483 человека)

пошли к Клушину, находившемуся в тридцати верстах от Царева займища.

Ночь с 22 на 23 июня Дмитрий Шуйский и Делагарди пропьянствовали и только собрались почивать, как услышали дикие крики. На союзников обрушились польские крылатые гусары. Русская конница бежала. Пехота же засела в Клушине и встретила ляхов сильным ружейным и артиллерийским огнем. В войске Жолкевского было всего лишь два фальконета, да и те застряли в лесу и в бой вступили только в конце сражения.

Дмитрия Шуйского погубила беспримерная глупость и столь же беспримерная жадность. Накануне сражения шотландцы, французы и немцы, служившие наемниками в шведском войске, потребовали своевременной выплаты жалованья. У Шуйского в войсковой казне были огромные деньги, но жадный князь решил повременить с платежом в надежде, что после битвы ему придется платить меньше. Два немецких наемника перебежали к Жолкевскому еще до битвы и объяснили ситуацию. В разгаре битвы Жолкевский предложил крупную сумму наемникам. Отряд из шотландцев, французов и немцев перешел на сторону поляков.

Узнав об этом, Дмитрий Шуйский вскочил на лошадь и бросился бежать. За ним последовали и другие воеводы, а за теми, естественно, и простые ратники. Шведские командиры Делагарди и Горн собрали меньшую часть наемников (этнических шведов) и ушли на север к своей границе.

Победа поляков была полная, им досталась вся русская артиллерия, сабля и бурка Дмитрия Шуйского и та самая казна, которую хотел присвоить жадный «шубник». Увы, у нас до сих пор забывают аксиому Наполеона: «Кто не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую».

Из-под Клушина Жолкевский возвратился под Ца-

рево займище и сообщил Валуеву о своей победе. Воевода долго не верил, пока гетман не показал ему знатных пленников, взятых под Клушиным. В конце концов Валуев сдался и целовал крест царевичу Владиславу, но для очистки совести заставил Жолкевского дать обещание от имени будущего царя чтить православную веру, действовать заодно с русскими против «вора» и очистить Смоленскую область. По примеру Царева займища Владиславу присягнули Можайск, Борисов, Боровск, Иосифов монастырь, Погорелое Городище и Ржев. К войску гетмана присоединилось около десяти тысяч русских. Тем не менее сил для захвата Москвы у Жолкевского не хватало, и он был вынужден остановиться в ста верстах от столицы.

Наибольшую же выгоду от сражения при Клушине получил... Тушинский вор. Ему удалось прельстить деньгами большую часть воинства Петра Сапеги. С помощью последних «вор» овладел Боровским Пафнутиевым монастырем. Разорив монастырь, самозванец пошел на Серпухов, который сдался без боя. Сдались Лжедмитрию также Коломна и Кашира. Но под Зарайском «вор» потерпел поражение. Воеводой там сидел Дмитрий Михайлович Пожарский. Он не только отстоял Зарайск, но и выбил тушинцев из Коломны.

Царь Василий, цепляясь за власть, обратился за помощью к крымскому хану. По его просьбе к Туле подошли десять тысяч татар во главе с мурзой Кантемиром по прозвищу Кровавый Меч. Кантемир взял деньги у царских воевод, а затем вместо того, чтобы сражаться с поляками Петра Сапеги, занялся грабежом и угнал в Крым несколько тысяч мирных жителей.

Главные силы Лжедмитрия II двинулись на Москву. Их было всего три-четыре тысячи, а у Шуйского под Москвой имелось тридцать тысяч ратников. Однако моральный дух царского войска был невысок, за Шуйского драться никто не хотел. Самозванец стал у села Коломенского.

В Москве против царя был составлен заговор, во главе которого стояли князья Федор Иванович Мстиславский и Василий Васильевич Голицын. Разумеется, дело не обошлось без Романовых Филарета и Ивана Никитича и их множественной родни. Тушинские самозванные бояре во главе с Дмитрием Трубецким вошли в контакт с заговорщиками. Они прекрасно понимали, что московская знать не собирается менять Василия Шуйского на Тушинского вора, и предложили «нулевой» вариант, по которому тушинцы устраняют Лжедмитрия II, а московские бояре — царя Василия. А далее совместно будут выбирать нового царя. Москвичи согласились. Начать мятеж бояре поручили довольно скандальной личности — Захару Ляпунову.

17 июля 1610 года Захар Ляпунов с большой толпой москвичей подошел к царскому дворцу и начал обличать Шуйского: «Долго ль за тебя будет литься кровь христианская? Земля опустела, ничего доброго не делается в твое правление, сжался над гибелью нашей, положи посох царский, а мы уже о себе как-нибудь промыслим». Шуйский уже привык к подобным сценам и, не видя в толпе знатных людей, закричал на Ляпунова: «Смел ты мне вымолвить это, когда бояре мне ничего такого не говорят», и вынул было нож, чтоб еще больше пострадать мятежников. Но Захара Ляпунова трудно было испугать, крики и угрозы только раззадоривали его. Ляпунов был высоким и сильным мужчиной и, увидев угрожающее движение Шуйского, закричал ему: «Не тронь меня: вот как возьму тебя в руки, так и сомну всего!»

Но за Ляпуновым никто не пошел, наоборот, толпа стала пятиться назад. Надо полагать, за спиной Шуйского появились вооруженные люди. Чтобы толпа не разбежалась, зачинщики беспорядков Федор Хомутов и Иван Никитич Салтыков стали звать народ идти к Лобному месту. Толпа отхлынула и на-

правились на Красную площадь, где уже толпилось множество народа. Люди уже не помещались на Красной площади, и Ляпунов предложил двинуться за Москву-реку к Серпуховским воротам и устроить на большом пустыре нечто вроде веча. Там, естественно, оказались и бояре-заговорщики.

Несмотря на протесты патриарха Гермогена, бояре приговорили бить челом царю Василию Ивановичу, чтоб он царство оставил, так как кровь большая льется, а в народе говорят, что он, государь, несчастлив, и украинские города, которые присягнули «вору», его, Василия Ивановича, на царство не хотят. Подавляющее большинство народа поддержало бояр. К Шуйскому поехал его свояк князь Иван Михайлович Воротынский с поручением просить царя оставить московский престол и взять себе в удел Нижний Новгород. Шуйский вынужден был согласиться и переехал с женой из дворца на свое боярское подворье.

Но Василий Иванович не успокоился, он надеялся вернуть себе утраченную власть, собирал своих приверженцев, подкупал стрельцов. Да и обстоятельства благоприятствовали Шуйскому: тушинцы обманули москвичей. Москвичи свергли Шуйского, тушинцы же только посмеялись над москвичами: «Вы не помните государева крестного целования, потому что царя своего с царства ссадили, а мы за своего помереть рады». Тогда Гермоген стал требовать возвести Шуйского опять на престол. Настроение горожан постепенно менялось в пользу Шуйского. Это заставило заговорщиков пойти на крайние меры. 19 июля Ляпунов с князьями Засекиным, Тюфякиным и Мерином-Волконским и с Михаилом Аксеновым и другими, позвав с собой монахов Чудова монастыря, пошли к Василию Шуйскому и велели ему принять монашеский сан. Но для бывшего царя одна мысль отказаться навсегда от престола была невыносима,

особенно теперь, когда обстоятельства складывались в его пользу. Шуйский отчаянно сопротивлялся, поэтому Ляпунов и еще несколько человек держали его во время пострига, а князь Тюфякин произносил за Шуйского монашеские обеты, бывший царь же все твердил, что не хочет пострижения. Это насильственное пострижение патриарх не признал, а называл монахом князя Тюфякина. Тут же насильно была пострижена и жена Шуйского Мария под именем Елена. Бывшего царя, а ныне «инока Варлаама», в крытой повозке отвезли в Чудов монастырь. Братья Шуйские были заключены под стражу.

Вскоре после ввода польских войск в Москву гетман Жолкевский потребовал от Семибоярщины удалить Василия Шуйского с братьями из Москвы. Патриарх Гермоген по-прежнему не признавал его монахом, а многие москвичи — считали Василия законным православным царем. Бояре отправили бывшего царя в волоколамский Иосифо-Волоцкий монастырь, а его братьев — в крепость Белую, откуда удобнее было переправить их в Польшу. Гермоген, кажется, догадывался о намерениях Жолкевского и добивался переправки Шуйского в Соловецкий монастырь, но гетман не согласился. Царицу Марию отправили в Суздаль в Покровский монастырь.

В конце октября, покидая Москву, гетман Жолкевский взял с собой царя Василия, его брата Дмитрия с женой и брата Ивана Пуговку.

20 октября король Сигизмунд писал московским боярам: «По договору вашему с гетманом Жолкевским велели мы князей Василия, Дмитрия и Ивана Ивановичей Шуйских отослать в Литву, чтоб тут в господстве Московском смут они не делали, поэтому приказываем вам, чтоб вы отчины и поместья их отобрали на нас, государя». Как видим, для удаления Шуйского у поляков были причины не только политические, но и вполне меркантильные.

30 октября 1610 года гетман Жолкевский торжественно въехал в королевский стан под Смоленском. Жолкевский представил Сигизмунду сверженного царя Василия и его братьев Дмитрия и Ивана. По свидетельству поляков, когда от Василия потребовали, чтобы он поклонился королю, тот ответил: «Нельзя московскому и всея Руси государю кланяться королю: праведными судьбами Божиими приведен я в плен не вашими руками, но выдан московскими изменниками, своими рабами».

29 октября 1611 года король устроил себе в Варшаве триумф по образцу римских императоров. Через весь город в королевский замок проследовала пышная процессия, во главе которой ехал гетман Жолкевский. За ним следовало рыцарство. В открытой карете, запряженной шестеркой лошадей, сидел бывший московский царь Василий Шуйский, одетый в белую парчовую ферязь и меховую шапку. Этот седой старик смотрел сурово исподлобья. Напротив Василия сидели два его брата, а посередине — пристав. Братьев Шуйских вывели из кареты и подвели к королю. Они низко поклонились, держа шапки в руках. Жолкевский произнес длинную речь об изменчивости счастья, о мужестве короля, восхвалял его подвиги — взятие Смоленска и Москвы, поговорил о могуществе московских царей, последний из которых теперь стоял перед королем и бил челом. Тут Василий Шуйский, низко склонив голову, дотронулся правой рукой до земли и потом поцеловал эту руку, Дмитрий Шуйский поклонился до самой земли, а младший брат Иван трижды поклонился и заплакал. Жолкевский продолжал свою речь. Он говорил, что вручает братьев Шуйских королю не как пленников, но для примера счастья человеческого, и просил отнестись к ним благосклонно. И братья Шуйские в ответ опять низко кланялись. Когда гетман закончил речь, Шуйских допустили к королев-

ской руке. По словам современников, это было великое зрелище, вызывающее удивление и жалость. Тут в толпе панов послышались голоса, требовавшие отомстить Шуйскому как виновнику смерти многих поляков. Юрий Мнишек требовал мести за свою дочь. Понятно, что Сигизмунду не выгодно было омрачать свой триумф, и он не допустил расправы, а приказал достойно содержать пленников и отпустить им на содержание на всех по двести золотых ежемесячно. Очевидец итальянский художник Долабелла красочно изобразил на картине унижение Шуйских и торжество Сигизмунда. Эта картина долго оставалась в Варшаве, а затем была подарена Петру Великому польским королем Августом II. Любопытно, где она сейчас?

Братьев Шуйских заключили в Гостыньском замке в двух верстах от Варшавы. Василия Шуйского поляки держали в тесной камере над воротами замка. К нему не допускали ни братьев, ни русских слуг. Дмитрий Шуйский жил в каменном нижнем помещении. Кормили братьев Шуйских плохо — то ли король врал про двести золотых, то ли приставы все разворовывали.

12 сентября 1612 года Василий умер, пять дней спустя умер его брат Дмитрий. Поляки объявили, что князья Шуйские умерли естественной смертью. Однако факты говорят об умышленном убийстве братьев. Василию Шуйскому не исполнилось еще шестидесяти лет, а Дмитрий был на несколько лет его моложе. Тела покойных похоронили тайно, и никто не знал, где находятся их могилы. Младшего брата Ивана поляки пощадили, он говорил позже: «Мне вместо смерти наияснейший король жизнь дал». Ивана Шуйского ждала судьба таинственного узника. Он должен был забыть свое имя и происхождение. Отныне он звался Иваном Левиным. Расходы на его содержание составляли три рубля в месяц, имев-

шиеся при нем дорогие вещи были отобраны в королевскую казну.

Слухи об убийстве братьев Шуйских достигли России. Московские летописцы нисколько не сомневались, что братья Шуйские погибли в Литве «нужной» (насильственной) смертью.

В 1619 году князь Иван Иванович Шуйский при обмене пленных возвратился в Россию. Там он вступил в брак с княжной Марфой Владимировной Долгорукой, родной сестрой первой жены царя Михаила Федоровича. Увы, его брак был бездетным. Иван занимал довольно видное место при дворе и заведовал московским Судным приказом. Умер И. И. Шуйский в 1638 году. На нем пресекся знатный род Шуйских.

Останки царя Василия, а также его брата Дмитрия с женой в 1620 году были перевезены в Варшаву и торжественно погребены в католической часовне. На месте этой часовни игрою случая в 1893 году была построена православная церковь, на византийском куполе которой возвышался крест, отлитый из бронзовых пушек, отнятых в 1612 году у поляков, сидевших в московском Кремле.

Вопрос о прахе братьев Шуйских был поднят русскими в июне 1634 года в селе Полянове в ходе переговоров. В Москве считали обидным, чтобы тело русского царя покоилось в Польше. Царь Михаил поручил послам боярам Федору Ивановичу Шереметеву и князю Алексею Михайловичу Львову выпросить у короля тела Шуйских — царя Василия и его брата Дмитрия с женой. В наказе говорилось: «Если за тело царя Василия поляки запросят денег, то давать по 10 000 и прибавить, сколько пригоже, смотря по мере, сказавши однако: «Этого нигде не слыхано, чтоб мертвых тела продавать», а за тело Дмитрия Шуйского и жены его денег не давать: то царскому не образец».

Послы передали наказ царя Михаила панам, те пообещали донести королю и добавили: «Отдать тело

не годится. Мы славу себе учинили вековую тем, что московский царь и брат его лежат у нас в Польше и погребены они честно, и устроена над ними каплица каменная». Русские послы ответили: «Царя Василья тело уже мертво, прибыли в нем нет никакой, а мы вам за то поминки дадим, что у нас случилось», и предложили коронному канцлеру Якобу Жадиду десять сороков соболей и другие дорогие подарки. Услышав про поминки, паны заговорили по-другому: «Мы донесем об этом королевскому величеству и советовать ему будем, чтоб тело отдать».

Вскоре русским послам дали знать, что король согласен. Якоб Жадик и Александр Гонсевский сообщили: «Королевское величество [Владислав III. — А. III.] велел вам сказать, что он тело царя Василья Ивановича и брата его велел отдать, любя брата своего, великого государя вашего, а если б был Сигизмунд король, то он бы ни за что не отдал, хотя б ему палаты золота насыпали, то он и тогда бы ни одной кости не отдал».

После этого посольские дьяки в сопровождении королевских придворных отправились в часовню, где были захоронены Шуйские. Гробы лежали под полом. Когда дьяки взломали пол, то увидели под ним каменную палатку, а в палатке три гроба — один справа и два слева, поставленные друг на друга. Гроб с правой стороны был царя Василия, левый сверху — князя Дмитрия, а снизу — его жены. Из земли гробы «вынули честно». Русские послы, стольники и дворяне со своими людьми встретили их на дороге между селом Езовым и Варшавским посадом с большими почестями. Послы велели сделать новые гробы, просмолить и поставить в них старые гробы. Король Владислав прислал золототканый турецкий атлас, золоченые кованые кружева и серебряные гвозди на новый гроб царя Василия, а на гроб князя Дмитрия прислал зеленый бархат, на гроб княгини — зеленую камку. Король Владислав денег за трупы не взял, но

«сенаторам и ближним королевским людям» послы дали взятку на сумму 3674 рубля.

Траурный кортеж с гробами Шуйских 10 июня 1634 года был торжественно встречен в Москве. Дети боярские на руках несли гроб с телом царя Василия через весь город. Патриарх Иосаф со всем священным собором встретил тело Василия Ивановича у церкви Николы Зарайского «в ризах смиренных», и, учиня начало по священному чину, пошел за телом. Гроб внесли в Кремль через Ризположенские ворота. Когда процессия поравнялась с двором Бориса Годунова, то зазвонили во все колокола. Гроб внесли в Архангельский собор в передние двери от Казенного двора. Царь Михаил встретил процессию у Успенского собора, за царем стояли бояре, думные и ближние люди — все в траурных одеждах. В Архангельском соборе была отслужена большая панихида, а погребение состоялось на другой день, 11 июня 1634 года.

Иван Болотников

Иичность Ивана Исаевича Болотникова представляет особый интерес. В советское время его объявили «предводителем крестьянской войны» и «защитником угнетенных». Именно им открывали пантеон народных вождей, за ним следовали Кондрат Булавин, Степан Разин и Емельян Пугачев. В школьных учебниках восстание Болотникова выделяли в отдельную главу, которая шла в ином разделе, чем остальные события Смутного времени.

Болотников происходил из бедной дворянской семьи из Подмосковья. Род свой Болотниковы вели от дворянина Савлука Болотникова, приехавшего на службу к Василию III из Литвы. В 80-х годах XVI века Иван Болотников разорился и поступил на службу к князю Андрею Андреевичу Телятевскому боевым холопом. Позже он бежал к казакам. В ходе одного из казацких походов на Крым Болотников попал в плен к татарам, которые продали его туркам. Так Болотников стал гребцом на турецкой галере.

Условия жизни гребцов были невыносимыми. Недаром слово «каторга» пошло от названия одного из типов турецких галер — каторги. В Средиземном море турецкую галеру захватили австрийские корабли, и Болотников оказался в Венеции. Из Венеции Болотников перебрался в Польшу. В Самборе родственники Мнишка свели его с Михаилом Молчановым⁵⁸, которого паны готовили на роль царевича Дмитрия. Молчанов жил на содержании жены Юрия Мнишка. Один из друзей Мнишка, Вилевский, участник похода на Москву, заявил, что у Дмитрия было два двойника — некто Барковский и племянник князя Мосальского. Они были похожи на царя как две капли воды, исключая разве что знаменитую бородавку. В день переворота убит был не Дмитрий, а Барковский, а царю удалось убежать из Москвы. С письмом от «царя Дмитрия» Болотников направился в Путивль к князю Г. П. Шаховскому.

Шаховский, которого царь Василий по глупости поставил воеводой в Путивле, сумел распропагандировать горожан в пользу «воскресшего Дмитрия». Прибытие Болотникова из Польши было на руку Шаховскому. Будучи сам не особенно сведущ в военном деле, Шаховский назначил Болотникова главным воеводой войска «царя Дмитрия».

Вслед за Путивлем на сторону Дмитрия встали и другие северские города. Интересно, что в Чернигове воеводой был князь Андрей Телятевский, бывший господин Болотникова. Телятевский в свое время не хотел переходить на сторону Лжедмитрия I, а теперь стал под знамена Лжедмитрия II, о котором еще никто ничего не знал. По мнению С. М. Соловьева, тут сыграли определенную роль личные взаимоотношения Телятевского и Василия Шуйского. Я же думаю, что тут дело в знакомстве Телятевского и Болотникова.

К Болотникову в Путивль собрались толпы народа. Среди них были ратные люди, ранее служившие в

северских городах, посадские люди, крестьяне и казаки. Шаховский отправил гонца в шайку «царевича Петра», гулявшего к тому времени на Северном Донце. На Волге шайка разграбила караван царских стругов с посольством к персидскому шаху Аббасу. Главный посол князь Ромодановский был убит. Опасаясь ответных мер царских воевод, шайка перекочевала на Северный Донец.

Гонец Шаховского торжественно заявил «царевичу»: «Иди, царевич Петр, воевать за царя Дмитрия и за себя против похитителя престола Шуйского!» «Царевича» и его компанию долго уговаривать не пришлось, они быстро снялись с места, по дороге разграбили городок Царев-Борисов, а затем городок Оскол и явились в Путивль.

«Царевич» был несколько смущен тем, что вместо «дяди Димы» там всем заправлял Болотников. Но в конце концов они поладили, хотя вопрос «кто главней» так и остался открытым. Шаховский назначил Болотникова командиром двенадцатитысячного отряда «воров» и отправил «именем царя Дмитрия» разорять Комарицкую волость. К Болотникову присоединились два брата князя Мосальские, князь Телятевский, князь Михаил Долгоруков, отряд польско-литовских интервентов под началом пана Хмелевского и дворянское ополчение из южных городов во главе с елецким сыном боярским Истомой Пашковым. К Болотникову присоединился и отряд «царевича Петра».

Русские и иностранные современники характеризовали Болотникова как «начальника и воеводу восставших», «полководца». Называли «большим заводчиком» и «главным атаманом», но в то же время подчеркивали его подчиненное положение по отношению к «царю Дмитрию» и «царевичу Петру»: он — «гетман царя Дмитрия» или «боярин царевича Петра».

В русских источниках, вышедших из правительственных кругов, из дворянской среды, его называли не

иначе как «вор». Иностранцы же современники, например Конрад Буссов, отдают ему должное. Болотников, по словам Исаака Массы, «удалец», «отважный витязь», «отважный воин». Буссов считает его мужественным и энергичным вождем, человеком своего слова, которое он сдержит даже под угрозой смерти. «Достойнейший муж и сведущий в военном деле», — говорил о нем елассонский архиепископ Арсений.

В течение лета 1606 года к восстанию присоединились десятки городов. Исаак Масса пишет, что это были города Северской земли и Комарицкой волости, а именно: Путивль, Елец, Тула, Кромь, Рыльск и многие другие. Все города, «вплоть до самой Москвы, вновь присягнули Димитрию».

Для начала царь Василий начал действовать против повстанцев пропагандистскими методами. Для этого он послал в Северскую землю митрополита крутицкого Пафнутия с духовенством с увещеваниями. Но восставшие города не пожелали открыть ворота Пафнутию с братией. В Елец был послан боярин Михаил Нагой с грамотой своей сестры царицы Марфы и с образом святого царевича Дмитрия. Но эти действия успеха не имели, так как большинству бунтовщиков было наплевать, жив ли Дмитрий, их интересовал лишь грабеж. Сколько ни тужились советские историки, им не удалось найти хоть намека на то, что Болотников и «царевич Петр» хотели освободить крестьян.

Подлинные грамоты, рассылаемые по городам Болотниковым, до нас не дошли, но сохранился интересный отзыв о них патриарха Гермогена. Передавая содержание «воровских листов», рассылаемых из стана Болотникова в Москву и по другим городам, патриарх говорил, что эти листы внушают дворне бояр и детей боярских, а с нею и всякой черни «всякие злые дела на убийство и грабеж». Мятежники «велят боярским холопам побивать своих бояр, и жены их и вотчины и поместья им сулят; и шпыням и безымян-

ником-вором велят гостей и всех торговых людей побивать и животы их грабить; и призывают их воров к себе и хотят им давать боярство и воеводство и околичничество и дьячество». Попросту говоря, Болотников призывал не к уничтожению крепостного права и освобождению крестьян, а лишь обещал наиболее активным своим сторонникам сделать их помещиками вне зависимости от происхождения. Таким образом, в случае победы «народного вождя» Болотникова крестьяне, не принимавшие участия в боевых действиях, получили бы не свободу, а новых помещиков.

По приказу царя Василия князь Иван Михайлович Воротынский осадил Елец, стольник князь Юрий Трубецкой — Кромь. Но на выручку Кромь явился Болотников. Он во главе отряда в 1300 человек напал на пятитысячное царское войско и наголову разбил его. Казаки-победители насмехались над побежденными, называли их царя Шуйского «шубником». Моральный дух царского войска после поражения сильно упал, многие дворяне и их ратные люди начали самовольно покидать полки. В итоге воеводы Воротынский и Трубецкой вынуждены были двинуться назад к Москве. Уход войск сделал восстание на юге повсеместным.

Боярский сын сотник Истома Пашков поднял мятеж в Туле, жители которой приняли сторону самозванца. К Туле присоединились города Венев и Кашира. Одновременно рязанский воевода Григорий Сунбулов вместе с известным смутьяном Прокопием Ляпуновым уговорили горожан отложиться от Москвы.

В августе 1606 года под Ельцом Болотникову удалось разбить царское войско под началом князя И. М. Воротынского. К концу октября 1606 года войска «гетмана» Болотникова и «царевича Петра» подошли к Москве. К ним присоединился отряд рязанских дворян во главе с Прокопием Ляпуновым. Пала

Коломна. 25 октября у села Троицкого в сорока верстах от Москвы войска Шуйского вновь были разбиты. Вскоре передовые отряды бунтовщиков закрепились в деревне Заборье недалеко от Серпуховских ворот, а главные силы стали лагерем в районе деревни Котлы и южнее — в селе Коломенском.

15 ноября 1606 года бунтовщики попытались штурмовать Замоскворечье. Им удалось прорваться внутрь укреплений, выстроенных Скопиным напротив Серпуховских ворот. Но в этот момент Ляпунов с пятью сотнями рязанцев переметнулся на сторону неприятеля, и бунтовщики отступили. Шуйский попытался вступить в переговоры с Болотниковым. Но тот не прельстился деньгами и боярским чином и отвечал Шуйскому: «Я дал душу свою Дмитрию и сдержу клятву, буду в Москве не изменником, а победителем».

1 декабря 1606 года молодой воевода — ему было чуть более двадцати лет — Михаил Васильевич Скопин-Шуйский собрал полки у Данилова монастыря и двинулся к селу Коломенскому. Болотников выступил ему навстречу, и у деревни Котлы начался встречный бой. Перед сражением около пятисот дворян во главе с елецким сотником Истомой Пашковым перешли на сторону царских войск⁵⁹.

Измена Пашкова вызвала замешательство в рядах повстанцев. Болотников потерял управление над войском и начал отступление. Московские воеводы хвалились, что были убиты тысяча повстанцев и взято в плен двадцать тысяч. Цифры эти, разумеется, дутые, но разгром войска Болотникова был полный. Князь Скопин-Шуйский допустил серьезную ошибку — вместо того, чтобы преследовать Болотникова, он занялся осадой казачьего острожка вблизи Коломенского. Три дня московские воеводы безрезультатно вели обстрел острога из пушек. На четвертый день была устроена ядрокалильная печь, и калеными яд-

рами удалось зажечь деревянный острог. Часть казаков сдалась, а часть с боем прорвалась и ушла.

Тем временем Болотников отступил к Серпухову. Там он собрал горожан и спросил, есть ли у них столько съестных припасов, чтобы хватило на целый год и себе, и войску. Если есть, то он останется в Серпухове и будет дожидаться царя Дмитрия, если нет, то уйдет. Горожане ответили, что им и для себя на целый год припасов нет, не то чтобы для войска. Тогда Болотников пошел дальше и засел в Калуге, жители которой согласились содержать войско в течение года.

Вскоре к Калуге подошло московское войско во главе с братом царя князем Иваном Ивановичем Шуйским. Калуга была осаждена, но болотниковцы отбили все приступы. Шуйский послал на помощь брату новое войско под начальством воевод князей Ф. И. Мстиславского, М. В. Скопина-Шуйского и Б. П. Татеева. Однако новый штурм Калуги тоже кончился неудачей.

На помощь Болотникову двинулся князь Василий Рубец-Мосальский и был перехвачен царскими воеводами Иваном Никитичем Романовым и князем Данилой Ивановичем Мезецким. Сторонники самозванца были разбиты, а сам князь Рубец-Мосальский убит.

Царь Василий решил обезглавить восставших и убить Болотникова. Для этого был избран немец Каспар Фидлер. Немца заставили поцеловать крест и дать клятву: «Во имя пресвятой и преславной Троицы я даю сию клятву в том, что хочу загубить ядом Ивана Болотникова; если же обману моего государя, то да лишит меня Господь навсегда участия в небесном блаженстве; да отрешит меня навеки Иисус Христос, да не будет подкреплять душу мою благодать Святого Духа, да покинут меня все ангелы, да овладеет телом и душою моею дьявол. Я сдержу свое слово и этим ядом погублю Ивана Болотникова, уповаю на Божию помощь и святое Евангелие». Царь дал

Фидлеру лошадь и 300 рублей ежегодного жалования. Но Фидлер, приехав в Калугу, рассказал все Болотникову и отдал ему свой яд.

Тем временем положение осажденного в Калуге Болотникова стало затруднительным как в военном, так и в психологическом отношении. Ведь война шла ради спасения царевича Дмитрия, а о нем не было ни слуху ни духу. «Гетман» Болотников писал в Польшу, предлагал за помощь значительную часть русских земель: «От границы до Москвы все ваше: придите и возьмите, только избавьте нас от Шуйского».

Тщетно Шаховский умолял Молчанова явиться в Путивль под именем Дмитрия — тот не соглашался. Тогда Шаховский велел задействовать казачьего самозванца «царевича Петра», который по-прежнему отсиживался в Путивле. Отряды «царевича Петра» и Шаховского объединились и двинулись из Путивля к Калуге. К ним присоединилось три тысячи запорожских казаков. Кроме того, из Тулы к Калуге двинулся отряд «воров» под командованием князя Андрея Андреевича Телятевского.

Под селом Пчельна Телятевский разбил отряд воеводы Б. П. Татеева, высланный против него Шуйским. Весть об этом поражении посеяла панику в войске Мстиславского, и Мстиславский поспешно отступил от Калуги. При этом пятнадцать тысяч человек из армии Мстиславского перешли на сторону Болотникова, который, воспользовавшись этим, покинул Калугу и соединился в Туле с «царевичем Петром», чтобы дальше действовать совместно.

Тогда Шуйский принял решительные меры: разослал строгие приказы собирать служилых людей. Монастыри и церкви также должны были выставить ратников. Собралось около ста тысяч человек, и этим войском царь Василий решил предводительствовать сам.

21 мая 1607 года Шуйский повел свою рать в поход. Однако царь дошел лишь до Серпухова и там заст-

рел на две недели. Передовые силы царской армии под командованием боярина Андрея Васильевича Голицына стояли у Каширы. Болотников и Телятевский решили внезапным ударом разгромить полки Голицына, а затем идти на Серпухов. Рано утром 5 июня 1607 года казачьи отряды переправились через реку Восму и атаковали царские войска. Сражение с переменным успехом длилось целый день. Наконец Голицын форсировал Восму и контратаковал противника. Лихая фланговая атака рязанской конницы под началом Прокопия Ляпунова решила дело. Болотников и Телятевский с частью своего воинства бежали в Тулу. Остальные казаки, пока воеводы преследовали бежавших, наспех соорудили в овраге укрепление и засели там. Два дня воеводы держали казаков в осаде, дожидаясь, когда у них кончатся припасы, а потом полки пошли на приступ. Казаки бились насмерть, пока у них были порох и пули. В Восемской битве Голицыну удалось взять 1700 пленных, а 4000 «воров» перешли на сторону правительственных войск.

12 июня войска А. В. Голицына и М. В. Скопина-Шуйского осадили Тулу. С давних пор Тула была ключевым пунктом обороны южных границ России от кочевников. Ее мощный каменный кремль был сооружен на реке Упе в начале XVI века. Город также имел внешний пояс укреплений в виде дубового острога, стены которого упирались в реку Упу. Как крепость Тула имела много преимуществ по сравнению с Калугой, но в одном отношении ее положение было уязвимым: город находился в низине и при определенных условиях мог быть затоплен.

В Туле заперлось до двадцати тысяч повстанцев, кстати, среди них было до сотни немецких наемников. Болотников организовал активную оборону города. Как гласит летопись: «Из Тулы вылазки были на все стороны на всякий день по трижды и по четырежды, а все выходили люди с вогненным боем и многих мос-

ковских людей ранили и побивали». Василий Шуйский со своими людьми, «недомысля, что сотворити граду», оказался в затруднительном положении. Выручил царя муромский сын боярский Иван Кровков, предложивший запрудить реку Упу, «и вода-де будет в остроге и в городе, и дворы потопит, и людям будет нужда великая и сидеть им в осаде не меть. И царь Василий Иванович велел ему Тулу топить».

В августе 1607 года началось строительство плотины на Упе, немного ниже Тулы, между устьем реки Вороньей и селом Клин. Воздвигнутая по проекту Кровкова плотина стала незаурядным для своего времени инженерным сооружением. Главными помощниками у Кровкова были мельники, умевшие строить плотины. На строительство были выделены большие средства. Работы велись одновременно на обоих берегах Упы. На правом, болотистом пологом берегу надо было соорудить «заплот» (дамбу) длиной в полверсты, чтобы вода не ушла мимо города по заболоченной стороне. На строительстве плотины работали пососшные люди, присланные из разных уездов. Летом 1607 года деньги на оплату работы пососшных людей собирались в Сольвычегодском и Ярославском уездах, на Белоозере и в других местах. Пососшная повинность распространялась на все категории землевладения: черные, дворцовые и церковные земли, владения дворянских вдов, недорослей, неслужилых детей боярских и др. Норма повинности была очень высокая и составляла «с сохи... по три человека конных, да по три человека пеших, а запас тем ратным людям велено имати на два месяца». Разрядный приказ надеялся, что царские войска управятся с Тулой за два месяца, но осада затянулась, и царь приказал привлечь к земляным работам не только пососшных людей, но и ратников из состава полков. Им было велено «со всякого человека привести по мешку з землею». «Карамзинский хронограф» сообщает по этому

поводу: «Секли лес и клали солому и землю в мешках рогозинных и вели плотину по обе стороны реки Упы, и делали плотину всем и ратными с окладов».

К осени 1607 года обе стороны оказались в очень сложном положении. В царском войске многие дворяне и дети боярские стали покидать полки и разъезжаться по своим усадьбам. В. Н. Татищев писал в свой «Истории»: «Царь Василий, стоя при Туле и видя великую нужду, что уже время осеннее было, не знал, что делать; оставить его (город) был великий страх, стоять долго боялся, чтобы войско не привести в досаду и смятение; силою брать — большей был страх: людей терять». Серьезную опасность для царя представляло и большое скопление пососшных крестьян в лагере осаждающих, многие из которых симпатизировали Болотникову.

И вот к концу сентября плотина была достроена. (Кстати, ее остатки до сих пор сохранились в Заречье.) Начался подъем воды, и к утру она затопила город. Наводнение уничтожило последние запасы продовольствия, «и людям от воды учала быть нужда большая, а хлеб и соль у них в осаде был дорог, да и не стала». Наступил страшный голод. Летописцы говорят, что «люди съели кошек, мышей и прочую скверну». Конрад Буссов описал трагедию города со слов переживших осаду мятежников, примкнувших позднее в Тушине к Лжедмитрию II: «В городе была невероятная дороговизна и голод. Жители поедали собак, кошек, падаль на улицах, лошадиные, бычьи и коровьи шкуры. Кадь ржи стоила 100 польских флоринов, а ложка соли — полтораэта, и многие умирали от голода и изнеможения». Из города началось повальное бегство, в день к Шуйскому перебегало от 100 до 300 человек.

10 октября 1607 года гарнизон Тулы капитулировал. По версии историков С. М. Соловьева и Н. М. Костомарова Болотников вступил в переговоры с Шуй-

ским и сдал город в обмен на обещание помилования. С. Ф. Платонов же считает, что «тульские сидельцы» выдали Шуйскому как Болотникова с «царевичем Петром», так и Григория Шаховского с Андреем Телятевским, сами же были приведены ко кресту «за царя Василия».

Царь Василий действительно помиловал «тульских сидельцев» и отпустил их «восвояси», надеясь их «смирением управити и в разум истинный привести». Но это касалось лишь рядовых «воров».

В феврале 1608 года Болотников был отправлен в ссылку в Каргополь. Его везли через Ярославль, где находились пленные поляки. Слуга Мнишка Роднятовский дал интересные сведения о поведении Болотникова, а другой пленный, С. Немоевский, повторил этот рассказ слово в слово. Ярославские дети боярские были поражены тем, что главного «воровского» воеводу везли несвязанным и без оков. По этой причине они стали допытываться у приставов, почему мятежник содержится так свободно, почему не закован в колодки. Отвечая им, Болотников разразился угрозами: «Я скоро вас самих буду ковать (в кандалы) и в медвежьих шкуры зашивать». В Каргополе Иван Болотников и умер. По некоторым данным, он был утоплен.

Шаховского, по выражению летописцев, «всей крови заводчика», сослали на Кубенское озеро в пустынь, где постригли в монахи.

А вот «вора Петрушку» закованным в цепи доставили в Москву. На допросе, вися на дыбе, «царевич» подробно рассказал свою биографию, после чего его публично повесили у Серпуховской заставы, близ Данилова монастыря.

Лжедмитрий II

Истинность царя Дмитрия верила только самая темная и неумная прослойка населения России. Ни польские паны, ни казачьи атаманы, ни дворяне, примкнувшие к самозванцу, в большинстве своем не задумывались всерьез о происхождении самозванца. Он им был просто нужен, вот и все. Я уж не говорю о близких к царю Дмитрию ляхах, которые прекрасно знали о его самозванстве. В такой ситуа-

ции не могла не сработать старинная формула: «Король умер, да здравствует король!»

Слухи о том, что царь Дмитрий остался жив, возникли среди москвичей еще 17 мая 1606 года. Тем более слухам поверили в отдаленных городах, особенно на юго-западе страны. Произошло уникальное в истории явление. Города выходили из подчинения центральной власти и переходили на сторону царя Дмитрия, создавались целые армии, встававшие под знамена спасшегося царя, возьмем того же «царского гетмана» Ивана Болотникова. Но все это делалось без... самого самозванца. Во всех странах мятежи на-

чинались с явления самозванца, а в России целый год, с мая 1606 года по май 1607 года, шла кровопролитная гражданская война под руководством «подпоручика Киже», простите, царя Дмитрия, «секретного и фигуры не имеющего».

Разумеется, этот год прошел в напряженных поисках самозванца. В Самборе родня Мнишков и князь Шаховский упорно уговаривали Михаила Молчанова — одного из убийц семейства Годуновых — сыграть роль вновь воскресшего Дмитрия. Молчанов долго колебался, но позже был вынужден отказаться. Его рожу слишком хорошо знали в Москве. А если честно говорить, дело было не в роже, а, пардон, в ж... Молчанова: в царствование Годунова его за какие-то провинности выдрали кнутом, и на спине и ниже на всю жизнь остались многочисленные характерные рубцы.

Между прочим, в конце июня 1606 года в Польшу прибыли русские посланники окольный князь Григорий Константинович Волконский и дьяк Андрей Иванов. Когда поляки стали говорить посланникам о том, что-де Дмитрий жив и находится в Самборе, то Волконский, уже слышавший о Молчанове, ответил, что-де «царские приметы у него на ж...» (В пересказе летописи историк С. М. Соловьев смягчил выражение.) От кандидатуры Молчанова пришлось отказаться, но поиски самозванца продолжались.

И вот в мае 1607 года в городе Пропойске⁶⁰ местные власти задержали бродягу, приняв его за лазутчика. Бродяга назвался боярином Андреем Андреевичем Нагим, родственником убитого в Москве царя Дмитрия. А теперь-де он бежал в Польшу, скрываясь от преследований Василия Шуйского.

Урядник Рагоза запросил местного магната пана Зеновича, что делать с «боярином». Тот велел выпроводить «Нагого» обратно к москвитам. Приказ был выполнен, польская стража довела его до погранич-

ного села Попова Гора и отпустила. Оттуда бродяга перебрался в город Стародуб. Там он назвал себя дядей царя Дмитрия и объявил, что сам царь недалеко и идет с войском пана Меховецкого.

«Боярину Нагому» удалось завербовать нескольких сторонников. Один из них, подьячий Александр Рукин, поехал по северским городам разносить благую весть о скором пришествии царя Дмитрия. В Путивле Рукин был схвачен местными жителями, которым надоели рассказы о самозванце. Рукину пригрозили пыткой, если он не скажет, где конкретно находится чудесно спасенный царь. Рукин заявил, что Дмитрий скрывается в Стародубе. Туда под конвоем и доставили подьячего. Делать Рукину было нечего, и он показал на «боярина Нагого». Тот сначала отпирался, говорил, что не знает ничего о Дмитрии, но когда стародубцы пригрозили ему пыткой, «Нагой» схватил палку и закричал: «Ах вы, блядские дети, еще вы меня не знаете: я государь!» Тогда стародубцы упали ему в ноги и закричали: «Виноваты, государь, перед тобою!»

Ни современники, ни позднейшие историки не имели никаких достоверных сведений о личности самозванца. По одним сведениям, самозванец был поповский сын Матвей Веревкин родом из Северской стороны, по другим — сын стародубского стрельца. Некоторые даже утверждали, что он сын князя Курбского. Наиболее распространенная версия, что самозванец был сыном еврея из города Шклова.

Стародубцы собрали деньги «государю» и начали рассылать по городам грамоты, чтобы выслали к ним ратных людей. В грамотах риторики о происхождении государя перемешивались с откровенными призывами к грабежу: «Чтобы вы прислужились государям нашим прирожденным Димитрию и Петру, прислали бы служилых всяких людей на государевых изменников, а там будет добра много. Если государь царь и государь

царевич будут на прародительском престоле на Москве, то вас всех служилых людей пожалуют своим великим жалованьем, чего у вас на разуме нет». Итак, вперед, на Москву, «а там будет добра много».

Во главе своих войск Лжедмитрий II поставил гетмана Меховецкого. В августе 1607 года к самозванцу перешел из Литвы отряд мозырского хорунжего Будзило. Из-под Тулы прибыл в Стародуб с письмом от Болотникова казачий атаман Заруцкий, сподвижник Болотникова. Заруцкий, увидев «царя», сразу понял, что перед ним самозванец, но стародубцев уверил, что это «настоящий царь». Лжедмитрий II поспешил ввести Заруцкого в «боярскую думу», заседавшую в Стародубе.

В сентябре 1607 года Лжедмитрий II двинулся в поход. В Брянске его встретили колокольным звоном, а все население вышло навстречу. Трехтысячное войско самозванца штурмом овладело Козельском. В Козельске поляки взяли большую добычу и решили отправиться домой. Лжедмитрий II испугался мятежа и бежал в Орел. Однако большая часть войска сумела убедить поляков, что уходить рано, и впереди «будет добра много». Послали за Лжедмитрием, которого насилу уговорили вернуться к собственному воинству.

Узнав о первых успехах самозванца, к нему за поживой потянулись сотни польских панов от самых именитых до голозадых «рыцарей». 2 октября подошла тысяча человек пана Валавского, который был послан Романом Рожинским. Затем подошли отряды пана Тышкевича, пана Лисовского, князя Адама Вишневецкого и другие. Заметим, что, к примеру, пан Лисовский был отпетый бандит, приговоренный королевским судом к смертной казни.

По совету Лисовского Лжедмитрий II пошел осаждать Брянск. На помощь к городу поспешили царские воеводы князя Куракин и Литвин-Мосальский. Вой-

ско Мосальского подошло к Десне 15 декабря. Но река еще не стала, лед шел по ней большими глыбами. Жители Брянска, увидев, что войско встало за рекой, кричали им: «Помогите! Погибаем!» Ратники, видя это, говорили: «Лучше нам всем помереть, нежели видеть свою братию в конечной гибели. Если померем за православную веру, то получим у Христа венцы мученические», и, попрощавшись друг с другом, бросились в ледяную воду и поплыли на другой берег. Ни лед, ни стрельба с другого берега не остановили ратников, и они благополучно добрались до другого берега. Ни один человек, ни одна лошадь не погибли. Вслед за Мосальским подошел и отряд Куракина. Куракин ввел в Брянск обоз с продовольствием, а сам отошел к городу Карачеву. Самозванцу пришлось отойти от Брянска и уйти зимовать в Орел.

Тем временем в Польше князь Рожинский закончил сбор искателей поживы. Их набралось до четырех тысяч. Поляки перешли русскую границу и заняли город Кромы, откуда Рожинский направил послов в Орел к Лжедмитрию II, чтобы сообщить ему о своем приходе, предложить условия службы и потребовать денег. Однако у командующего войсками самозванца пана Меховецкого были какие-то свои счеты с Рожинским, и он потребовал от Лжедмитрия отказаться от его услуг. Посему самозванец ответил послам: «Я рад был, когда услышал, что Рожинский идет ко мне. Но дали мне знать, что он хочет изменить мне. Так пусть лучше воротится. Посадил меня прежде Бог на столице моей без Рожинского, и теперь посадит. Вы уже требуете денег, но у меня здесь много поляков не хуже вас, а я еще ничего им не дал. Сбежал я из Москвы от милой жены моей, от милых приятелей моих, ничего не захвативши. Когда у вас было коло под Новгородом, то вы допытывались, настоящий ли я царь Димитрий или нет?» Послы отвечали на это: «Видим теперь, что ты не настоящий царь Димитрий, потому

что тот умел людей рыцарских уважать и принимать, а ты не умеешь. Расскажем братьи нашей, которые нас послали, о твоей неблагодарности, будут знать, что делать». С этими словами послы вышли, а Лжедмитрий II послал потом звать их обедать и просить, чтобы не сердились на него.

Послы вернулись в Кромы и рассказали о приеме, оказанном им. Тем не менее в апреле 1608 года Рожинский с войском прибыл в Орел. Новоприбывшие паны устроили переворот. Они созвали коло, на котором постановили лишить Меховецкого гетманства и изгнать его из войска. Гетманом же выкрикнули Рожинского и послали посольство к царю с требованием выдать тех, что донес ему об измене Рожинского. Лжедмитрий II отказался передать это через послов, но обещал сам приехать в коло, и действительно приехал на богато убранном коне, в золотом платье, в окружении бояр и пехоты.

Въехав в коло и услышав шум, Лжедмитрий прикрикнул с неприличной бранью, чтобы все успокоились. Когда стало тихо, один из войска от имени кола повторил царю просьбу назвать возводивших поклеп на Рожинского. Самозванец велел отвечать за себя одному из окружавших его русских, но тот отвечал не так, и тогда Лжедмитрий сказал: «Молчи, ты не умеешь по их говорить, я сам буду», — и начал: «Вы посылали ко мне, чтобы я выдал вам верных слуг моих, которые меня предостерегают от беды. Никогда этого не повелось, чтобы государи московские верных слуг своих выдавали, и я этого не сделаю, не только для вас, но если бы даже и сам Бог сошел с неба и велел мне это сделать». Ему отвечали: «Чего ты хочешь? Оставаться только с теми, которые тебе по углам языком прислуживают, или с войском, которое пришло здоровьем и саблех служить?» «Как себе хотите, хоть ступайте прочь», — отвечал самозванец. Тут поднялся страшный шум и гвалт. Одни кричали: «Убить не-

годая, рассечь!», другие: «Схватить его, негодая: привел нас, а теперь вот чем кормишь?»

Самозванец нисколько не смутился, а развернулся и спокойно поехал в город к своему двору, но поляки Рожинского приставили к нему стражу, чтобы не убежал. Тогда Лжедмитрий испугался и, будучи малопьющим, выпил с горя столько горилки, чтобы наверняка умереть, но проспался и остался жив. А в это время, весь день и всю ночь, придворные самозванца — «канцлер» Балавский, «маршалок» Харлинский и «конюший» князь Адам Вишневецкий — бегали между самозванцем и войском Рожинского, хлопоча о примирении. Наконец примирение состоялось, но Лжедмитрию пришлось опять приехать в коло и извиниться перед поляками.

Отряд донских казаков привел к Лжедмитрию II вместо казненного в Москве «царевича Петра» другого племянника, тоже «сына» царя Федора. «Дядя» велел убить его. Однако казакам понравились самозванцы: в Астрахани объявился царевич Август, потом князь Иван, называвший себя сыном Ивана Грозного от Колтовской, там же явился и третий царевич Лаврентий, объявивший себя внуком Ивана Грозного от царевича Ивана. В степях объявились: царевич Федор, царевич Клементий, царевич Савелий, царевич Семен, царевич Василий, царевич Ерошка, царевич Гаврилка, царевич Мартынка — и все сыновья царя Федора!

В апреле 1608 года армия самозванца под командованием гетмана Рожинского двинулась к городу Болхову. Царь Василий послал навстречу «вору» своего брата Дмитрия Шуйского и Василия Голицына с тридцатитысячной ратью. Двухдневное сражение под Болховом закончилось поражением правительственного войска. Князя Дмитрия погубила его собственная трусость. В самый разгар боя он приказал отвезти пушки в тыл. Этот приказ привел к обще-

му отступлению, перешедшему в паническое бегство. «Воровские» отряды захватили много пушек и большой обоз с продовольствием.

После сражения Болхов без боя сдался победителям. Но вскоре буйные паны опять собрали коло и потребовали от самозванца пообещать им, что как только он будет в Москве, то сразу выплатит им все жалование и сразу же отпустит домой. Лжедмитрий обещался деньги выплатить, но умолял со слезами не уезжать из Москвы, не бросать его: «Я без вас не могу быть паном на Москве. Я бы хотел, чтобы всегда поляки при мне были, чтоб один город держал поляк, а другой — москвитянин. Хочу, чтобы все золото и серебро было ваше, а я буду доволен одною славою. Если же вы уже непременно захотите отъехать домой, то меня так не оставляйте, подождите, пока я других людей на ваше место призову из Польши».

После Болхова поход Лжедмитрия II на Москву напоминал триумфальное шествие — Козельск, Калуга, Можайск и Звенигород встречали его хлебом-солью и колокольным звоном.

Царь Василий выслал из Москвы новое войско под началом Михаила Васильевича Скопина-Шуйского и Ивана Никитича Романова. В царствование Шуйского Иван Никитич получил должность воеводы в Козельске. Там он разбил князя Василия Рубец-Мосальского, шедшего на выручку Болотникова. Так он попал в доверие к царю. Возможно, свою роль сыграло и его некоторое соперничество с братом Федором-Филаретом.

Царские полки заняли позицию на речке Незнаки между городами Подольском и Звенигородом. На поиск переправы были направлены разъезды, которые донесли, что «вор поиде под Москву не тою дорогою». Рожинский обходил их справа, идя из Звенигорода на Вязьму в направлении Москвы. Одновременно в войске была обнаружена измена. Как гово-

рится в летописи, в полках «нача быти шатость: хотяху царю Василью изменити князь Иван Катырев, да князь Юрьи Трубецкой, да князь Иван Троекуров и иные с ними».

Обратим внимание — во главе заговора стояли в основном родственники Романовых. Иван Федорович Троекуров был женат на Анне Никитичне Романовой, а Иван Михайлович Катырев-Ростовский — на Татьяне Федоровне Романовой. Надо ли говорить, что в случае успеха заговора Иван Никитич Романов не остался бы в стороне.

Из-за «шатости» царь Василий приказал войску срочно возвращаться в Москву. Войско же самозванца беспрепятственно подошло к столице 1 июля. Однако для захвата Москвы у «вора» сил явно не хватало. Польские «стратеги» предложили обойти столицу с севера и оседлать Ярославскую дорогу, чтобы воспрепятствовать подходу войск и обозов с продовольствием из северных земель России. Армия самозванца расположилась в селе Тайнинском. Но вскоре выяснилось, что отряды Шуйского отрезали «воров» от Польши и юго-западных русских городов. Поэтому было решено перебазировать войско на запад от Москвы. Гетману Рожинскому удалось отбросить отряды Шуйского, стоявшие на Тверской дороге. Затем «воры» перешли на Волоколамскую дорогу, где нашли удобное место для стоянки — в селе Тушино, между двумя реками — Москвой и Сходней. Там и был построен лагерь, который через несколько месяцев превратится в большой деревянный город. По местонахождению этого города войско самозванца московские власти и население окрестило тушинцами, а самого Лжедмитрия II — Тушинским вором.

25 мая 1608 года московское правительство и король Сигизмунд заключили перемирие на три года и одиннадцать месяцев, о котором более подробно рассказано в главе «Василий Шуйский». Одним из усло-

вий перемирия было обязательство Речи Посполитой отдавать всех поляков, поддерживающих самозванца, и впредь никаким самозванцам не верить и за них не вступаться.

Еще до заключения договора польские паны отправили в стан к Лжедмитрию в Звенигород пана Борзковского, который потребовал от поляков, служивших самозванцу, покинуть Россию. Однако гетман Рожинский ответил послу категорическим отказом.

По наущению поляков Лжедмитрий II вступил в переписку с Юрием Мнишком, находившимся в Ярославле. Мнишку было все равно, в чью постель ляжет его дочь. Он уже отдал ее беглому монаху, предлагал старику Шуйскому, так почему она должна была отказать шкловскому еврею?

Согласно условиям договора Мнишек и другие поляки под сильным конвоем (Соловьев пишет о трех тысячах человек) были отправлены в Польшу. Мнишки предупредили Тушинского вора, и тот направил на перехват польский отряд пана Зборовского. Разведывательные дозоры конвоя обнаружили преследователей и предложили изменить маршрут и уйти от погони. Большинство поляков во главе с бывшими послами Гонсевским и Олесницким согласились, но Мнишки категорически отказались ехать. В конце концов охрана не решилась применить к Мнишкам силу, и они с несколькими поляками остались. Гонсевский с большинством поляков и царским конвоем изменили маршрут и благополучно добрались до Польши. Мнишки же со спутниками были перехвачены Зборовским и доставлены в Тушино.

Марина еще в Ярославле узнала, что ее ждет новый самозванец. Она хорошо знала почерк Отрепьева, а Тушинский вор даже и не попытался подделать свой почерк. Тем не менее она сразу не захотела ехать в Тушино. Вместо этого Марина отправилась на богомолье в православный Саввино-Сторожевский монастырь в

Звенигороде в пятидесяти верстах от Тушина. А пока дочка замаливала грехи, папа три дня торговался с самозванцем. В конце концов «вор» дал Юрию запись, что сразу же по овладении Москвой выдаст ему триста тысяч рублей и отдаст во владение Северское княжество с четырнадцатью городами.

Через неделю Марина торжественно въехала в Тушино. При виде Лжедмитрия II она изобразила радость и изумление. Верная жена склонилась перед спасенным супругом, а тот поднял ее и нежно обнял. По польской версии 5 сентября, за день до торжественной встречи, в лагере Петра Сапеги состоялось тайное венчание Марины и Тушинского вора по католическому обряду, совершенное монахом-иезуитом. (Ян (Петр Петрович) Сапега — двоюродный племянник польского канцлера, в августе 1607 года прибыл к самозванцу с отрядом поляков.)

Состоялось ли это венчание или нет — вопрос спорный, но теперь в тушинском стане был не только царь, но и царица. Тушино стало как бы второй столицей России. Была тут и «воровская» Боярская дума, которую возглавили Михаил Салтыков и Дмитрий Трубецкой, то есть светская власть была в полном составе. Не хватало только патриарха.

В сентябре 1608 года Петр Сапега с большим отрядом тушинцев двинулся к Переяславлю. Город сдался без боя, а жители присягнули Лжедмитрию II. Далее Сапега пошел к Ростову. Местный воевода Третьяк Сеитов вышел навстречу противнику, но был разбит. А в самом Ростове навстречу «ворам» с хлебом-солью вышел митрополит Филарет. Позже русские историки будут утверждать, что поляки насильно посадили бедного Филарета в простые сани и отвезли в Тушино. И ехал он в простой меховой татарской шапке и в казацких сапогах. Ну, это вполне можно допустить. У Сапеги не было шикарных колымаг, да и время поджимало. Но что обычно делают с пленны-

ми? Казнят, заключают под стражу, меняют, отдают за выкуп. А кто и когда делал пленника главой церкви?! Нет, не был никогда Филарет пленником. С пленными Лжедмитрий II обращался круто. Так, к примеру, архиепископ тверской Феоктист, не пожелавший сотрудничать с «вором», был зверски убит.

В Тушине Лжедмитрий произвел Филарета в патриархи, и тот рьяно приступил к своим новым обязанностям — совершал богослужения и рассылал по всей стране грамоты, призывая покориться царю Дмитрию, а под грамотами подписывался: «Великий Господин, преосвященный Филарет, митрополит Ростовский и Ярославский, нареченный патриарх Московский и всея Руси». В Тушино перебежали и родственники Филарета по женской линии — Сицкие и Черкасские. Туда же прибыл муж сестры Филарета Ирины Никитичны Иван Иванович Годунов, поставленный царем Василием воеводой во Владимир, жители которого также присягнули Тушинскому вору. Наиболее влиятельной силой при самозванце были поляки — Сапега, Рожинский и К^о, ведь за ними стояло 15–20 тысяч польских солдат. Но самым сильным русским кланом в Тушино, без сомнения, стали Романовы.

Взятие Ростова повлекло за собой сдачу соседних городов: Ярославля, Вологды и Тотьмы. На юге на сторону Лжедмитрия II перешла Астрахань, а на северо-западе — Псков. Однако никакой системы управления на присягнувших ему землях Тушинскому вору создать не удалось. Там фактически царила анархия. С одного и того же села могли взять контрибуцию и тушинские казаки, и поляки Сапеги, а затем прийти поляки Лисовского, который не хотел подчиняться Сапеге. Во Владимирской области какой-то Наливайко, тезка знаменитого казацкого атамана, пойманного и казненного поляками несколько лет назад, отметил свой путь ужасными оргиями, са-

жая на кол мужчин, насилуя женщин. По свидетельству Сапеги, который ему покровительствовал, он зарезал собственноручно девяносто три жертвы обоего пола. Кончилось дело тем, что Рожинский, конкурент Сапеги, велел схватить и повесить Наливайко. По приказу Рожинского был убит и пан Меховецкий, вновь заявившийся в армию самозванца.

В подлинность царя Дмитрия никто не верил. Как писал С. М. Соловьев: «Крестьяне, например, собирались вовсе не побуждаемые сословным интересом, не для того, чтоб, оставаясь крестьянами, получить большие права: крестьянин шел к самозванцу для того, чтобы не быть больше крестьянином, чтобы получить выгоднейшее положение, стать помещиком вместо прежнего своего помещика; но подобное движение произошло во всех сословиях: торговый человек шел в Тушино, чтобы сделаться приказным человеком, дьяком, подьячий — чтобы сделаться думным дворянином, наконец, люди родовитые, князья, но молодые, не надеявшиеся по разным отношениям когда-либо или скоро подвинуться к боярству в Москве, шли в Тушино, где образовался особый двор в противоположность двору московскому».

Соловьев не хотел или не мог сказать о церкви. За него договорил Казимир Валишевский: «Вслед за Филаретом, этой пародией на патриарха, вся церковь ринулась очертя голову в тину: священники, архимандриты и епископы оспаривали друг у друга милости Тушинского вора, перебивая друг у друга должности, почести и доходы ценою подкупа и клеветнических изветов. Вследствие этих публичных торгов епископы и священники сменялись чуть ли не каждый месяц. Во всем царила анархия: в политике, в обществе, в религии и в семейной жизни. Смута была в полном разгаре».

Как показывает история, русский народ обладает достаточно большой инерцией, но, как гласит посло-

вица, «очень долго запрягает, зато потом очень быстро едет». С начала 1608 года в ряде мест «тушинские воры» начинают получать хороший отпор. Причем народ уже держится не за царя Василия, а за свое имущество, дома и семьи. Так, к примеру, 5 января 1609 года конный отряд поляков напал на окрестности маленького городка Устюжны-Железнопольской. Обычно в Устюжны-Железнопольской гарнизона не было, но из Москвы для защиты города прислали воеводу Андрея Петровича Ртищева, а с Белоозера подошло четыреста ополченцев. У деревни Батневки Ртищев сразился с поляками. Устюжане и белоозерцы мало смыслили в ратном деле, и, как гласит летопись, поляки «покосили их как траву». Однако жители Устюжны-Железнопольской не пали духом. Стар и млад строили укрепления. В шестидесяти верстах от Устюжны находились залежи железной руды, а в городе было свыше тридцати кузнечных мастерских. За четыре недели было изготовлено вновь и доделано свыше ста пушек и крепостных пищалей. 3 февраля 1609 года к Устюжне подошел польский отряд пана Козаковского. Ляхи полезли на деревянные стены городка, но были встречены шквалом огня. Понеся большие потери, поляки отступили. Трофеем горожан стала польская пушка. 8 февраля, получив подкрепление, поляки снова приступили к Устюжне с двух сторон, и снова вынуждены были отступить с большими потерями, и после этого уже не возвращались. До 1918 года устюжане 10 февраля праздновали спасение своего города от поляков крестным ходом, в котором носили чудотворную икону Богородицы.

23 сентября 1608 года около тридцати тысяч поляков и русских «воров» под началом Петра Сапеги подступили к стенам Троице-Сергиева монастыря. В монастыре находилось около полутора тысяч ратных людей и несколько сот крестьян из окольных сел, на-

шедших там защиту. Многие монахи приняли активное участие в обороне монастыря. Кстати, в осажденном монастыре была и дочь Бориса Годунова монахиня Ольга, в миру Ксения.

Троице-Сергиев монастырь окружали мощные каменные стены высотой от 4,3 до 5,3 метра и толщиной 3,2–4,3 метра, и взять его с ходу приступом полякам не удалось. Тогда Сапега приказал подтянуть к монастырю осадную артиллерию. В течение тридцати дней и ночей 63 пушки и несколько мортир вели огонь по монастырю, но разрушить стены монастыря так и не смогли. Поляки сделали несколько подкопов под стены, но осажденным удалось уничтожить эти подкопы и не дать полякам взорвать мины.

17 ноября 1608 года в монастыре началась эпидемия («мор») из-за большого скопления народа, всего с мирными жителями там находилось несколько тысяч человек. Тем не менее монастырь не сдавался.

На северо-западе страны, говоря современным языком, шла позиционная война. У Лжедмитрия II не было сил штурмовать столицу, а у Шуйского — сжечь «воровскую» столицу Тушино.

Власть в обеих столицах буквально висела на волоске. В Москве группы дворян-заговорщиков периодически приходили в Кремль свергать Шуйского, но дело кончалось словесной перебранкой с царем.

У Лжедмитрия II в Тушине тоже хватало проблем. Польские паны вели себя более чем нагло. Так, гетман Рожинский мог публично закричать на «царя»: «Молчи, а не то я тебе башку сорву!» Впрочем, удивляться этому особенно не приходится, поскольку и в Польше магнаты позволяли себе подобное с королем.

Допекали самозванца и конкуренты-царевичи. По сему поводу Лжедмитрий II издал даже специальный указ, где говорилось: «За наши грехи в Московском государстве объявилось еретичество великое: вражьи советом, злокозненным умыслом, многие называ-

ются царевичами московскими, природными царскими семенами!» И самозванец приказывал этих «царевичей» хватать, бить кнутом и сажать в тюрьму.

«Царевич» Петр Федорович, «сын» царя Федора Иоанновича, сдуру решил заехать в Тушино к «дяде». Видимо, мелкий жулик помнил, что Отрепьев в свое время пригласил царевича Петра в Москву. Но Дмитрий оказался не тот и велел казнить незадачливого племянника. По мнению Р. Г. Скрынникова, Лжедмитрий II сделал это по настоянию патриарха Филарета. Кроме того, Лжедмитрий приказал саратовскому воеводе Замятне Сабурову повесить захваченных «царевичей» Ивана-Августа и Лаврушку.

Не имея сил разгромить Лжедмитрия II под Москвой, Василий Шуйский принимает роковое решение пригласить шведов для участия в гражданской войне в России. Это дает формальный повод королю Сигизмунду нарушить перемирие с Василием Шуйским и вторгнуться в Россию. Другой вопрос, что это действительно был повод, а не причина. Вмешаться ранее в русские дела Сигизмунду мешало не перемирие, а рокош в Речи Посполитой.

19 сентября коронное войско под командованием Льва Сапегу подошло к городу Смоленску. Русско-шведская армия Скопина-Шуйского к этому времени застряла в Калязине. Тем не менее вторжение королевских войск в Россию вызвало панику не в Москве, а в Тушине. Когда до «воровской» столицы дошла весть о походе короля, поляки создали коло и начали кричать, что Сигизмунд пришел за тем, чтобы отнять у них заслуженные награды и воспользоваться выгодами, которые они приобрели своей кровью и трудами. Гетман Рожинский был первым против короля, потому что в Тушине он был полновластным хозяином, а в королевском войске он стал бы в лучшем случае младшим офицером. В конце концов тушинские поляки поклялись друг другу не вступать в перегово-

ры с королем и не оставлять Дмитрия. Если же ему удастся сесть на престол, то требовать всем вместе от нового царя награды. Если же Дмитрий станет медлить с выплатой, то захватить Северскую и Рязанскую области и кормиться доходами с них до тех пор, пока все не получат полного вознаграждения. Все поляки охотно подписали конфедерационный акт и отправили к Сигизмунду под Смоленск посла пана Мархоцкого с товарищами с просьбой покинуть Московское государство и не мешать их предприятию. Рожинский хотел уговорить Петра Сапегу присоединиться к конфедерации и даже сам поехал к нему в стан под Троице-Сергиев монастырь, но Петр Сапега не захотел ссориться ни со своим родичем Львом Сапегой, ни с королем Сигизмундом и занял нейтральную позицию.

В то время как тушинские поляки отправили послов к королю под Смоленск, Сигизмунд отправил своих послов пана Станислава Стадницкого с товарищами в Тушино. Они должны были внушить тушинским полякам, что им гораздо почетнее служить своему законному государю и что они прежде всего должны заботиться о выгодах Польши и Литвы. Король обещал им выплатить вознаграждение из московской казны в том случае, если Москва совместными усилиями будет взята, причем обещал, что тушинские поляки начнут получать жалованье с того момента, как соединятся с королевскими войсками. Военачальникам король сулил награды не только в России, но и в Польше. Что же касается русских тушинцев, то Сигизмунд уполномочил послов обещать им сохранение веры, обычаев, законов, имущества и богатые награды, если они перейдут к нему.

Послы, отправленные из Тушина к королю, и королевские, отправленные в Тушино, встретились в Дорогобуже. Королевские послы стали допытываться у тушинских, зачем они едут к Смоленску, но те не

сказали им ничего. Приехав под Смоленск, тушинские послы сперва пошли к королю, а затем — к рыцарству. Речь, произнесенная перед королем, при почтительных формах была самого непочтительного содержания: тушинцы объявили, что король не имеет никакого права вступать в Московское государство и лишать их награды, которую они заслужили у царя Дмитрия своими трудами и кровью.

Получив от Сигизмунда суровый ответ, тушинские послы немедленно отправились в Тушино и явились туда раньше послов королевских. Выслушав их, Рожинский созвал совет «полевых командиров» польских отрядов, чтобы решить вопрос о приеме королевских послов. Рожинский, Зборовский и большинство командиров были против приема послов. Но рядовые поляки придерживались иного мнения. По тушинскому табору пронесся слух, что у короля много денег и он хорошо заплатит всем тушинцам, пожелавшим присоединиться к его войску.

В это время явился посланец от Петра Сапеги и от всего войска, стоявшего под Троицким монастырем, и потребовал, чтобы тушинцы немедленно вступили в переговоры с королевскими послами, а в противном случае Сапега перейдет на службу к Сигизмунду. В такой ситуации Рожинскому пришлось вступить в переговоры с королевскими послами.

А что же делал все это время Лжедмитрий II? Его время прошло, и никто не обращал на него внимания. Мало того, вожди тушинских поляков срывали на нем зло с тех пор, как королевские войска вступили в пределы Московского государства, что поставило тушинцев в затруднительное положение. Так, пан Тышкевич ругал самозванца прямо в глаза, называл обманщиком и мошенником.

Фактически Тушинский вор стал пленником поляков. Царские конюшни круглосуточно охраняли польские жолнеры. Лошади могли быть выданы са-

мозванцу лишь с санкции Рожинского. На карту была поставлена жизнь «царя». Ведь в случае присоединения Рожинского к королю Тушинский вор стал бы всем помехой.

Лжедмитрий делает попытку побега. Ночью он усккал из Тушина с четырьмя сотнями донских казаков, но поляки догнали его и вернули. С тех пор он жил в Тушине под строгим надзором.

27 декабря Лжедмитрий спросил Рожинского, о чем идут переговоры с королевскими послами. Гетман, будучи нетрезв, отвечал ему: «А тебе что за дело, зачем комиссары приехали ко мне? Черт знает, кто ты таков? Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видим». Пьяный Рожинский пригрозил даже побить «царя». Тогда Лжедмитрий решил во что бы то ни стало бежать из Тушина и в тот же день вечером, переодевшись в крестьянскую одежду, сел в навозные сани и уехал в Калугу вдвоем со своим шутом Кошелевым.

Добравшись до Калуги, Тушинский вор остановился в Лаврентьевом монастыре недалеко от города и послал монахов в город с извещением, что он приехал из Тушина, спасаясь от польского короля, который грозил ему смертью за отказ уступить Польше Смоленск и Северскую землю. Самозванец обещал «положить голову» за православие и отечество. Воззвание оканчивалось словами: «Не дадим торжествовать ереси, не уступим королю ни кола, ни двора». Калужане поспешили в монастырь с хлебом-солью, торжественно проводили Лжедмитрия до города, где окружили его царской роскошью.

Вскоре в Калугу прибыл князь Г. П. Шаховский с отрядом казаков, с которым он ранее стоял в Цареве Займище. В Калугу разными путями приехало несколько сотен поляков и русских из Тушина. Среди них были Ян Тышкевич и Иван Иванович Годунов. В конце января 1610 года «вору» донесли, что несколь-

ко поляков и русских хотят его убить. Лжедмитрий без суда и следствия велел утопить в Оке поляка Стоинского и Ивана Ивановича Годунова.

В ночь на 11 февраля 1610 года из Тушина бежала Марина Мнишек. Она была беременна от Тушинского вора, но это не помешало ей скакать на коне, переодетой казаком. Но Марина отправилась сперва в Дмитров, где со своим войском стоял Петр Сапега, вынужденный снять осаду с Троице-Сергиева монастыря. С Сапегой Марине не удалось договориться, тот упорно не хотел соединяться с Лжедмитрием II. Кроме того, в феврале к Дмитрову подошло русско-шведское войско. Самозванной царице пришлось бежать в Калугу, где ее с помпой встретил «любимый муж».

Бегство «царицы» Марины стало катализатором развала «воровской столицы». Казаки⁶¹ разбежались кто куда, часть ушла в Калугу, а остальные рассеялись по стране шайками грабителей. Последними в начале марта 1610 года ушли поляки Рожинского. Покидая Тушино, Рожинский велел сжечь «воровскую столицу».

Разгром царского войска 23 июня при Клушине вызвал взрыв энтузиазма в Калуге. Лжедмитрию II удалось перекупить большую часть поляков из войска Петра Сапегы. Пополнив свои ряды, самозванец двинулся к Москве. По пути тушинцы осадили Боровской Пафнутиев монастырь, где с царскими ратниками засел воевода князь Михаил Константинович Волконский. Несколько изменников открыли тушинцам монастырские ворота. Воевода Волконский, увидев врагов, укрылся в церкви. Изменники уговаривали его выйти с челобитной к победителям. «Умру у гроба Пафнутия-чудотворца», — отвечал воевода и, встав в дверях церкви, бился с врагами до тех пор, пока от полученных ран не упал у левого клироса, где и был добит.

Разорив монастырь, самозванец пошел на Серпухов, который сдался без боя. Сдались Лжедмитрию также Коломна и Кашира. Однако под Зарайском «вор» потерпел поражение. Там сидел воеводой Дмитрий Михайлович Пожарский. Он отстоял Зарайск, а затем выбил «воров» из Коломны.

Главные силы Лжедмитрия двинулись на Москву. Их было всего три-четыре тысячи, а у Шуйского под Москвой имелось тридцать тысяч ратников. Однако моральный дух царского войска был невысок, за Шуйского драться никто не хотел. Самозванец встал у села Коломенского.

17 июля 1610 года в Москве произошел государственный переворот. Царь Василий был свергнут, и власть перешла к московским боярам. Бояре отправили послов в Коломенское с предложением осуществить «нулевой вариант», о котором уже тайно шли переговоры ранее. Москвичи должны были свергнуть Шуйского, а тушинцы — Лжедмитрия II. Московские послы предложили тушинцам избавиться от «вора», а затем совместно с московским правительством созвать собор, чтобы «всей землей выбрать нового царя». В ответ тушинцы только смеялись: «Вы не помните государева крестного целования, потому что царя своего с царства ссадили, а мы за своего помереть ради».

Теперь московским боярам, смертельно боявшимся Тушинского вора, волей-неволей пришлось вступить в переговоры с гетманом Жолкевским. Переговоры в основном касались двух вопросов: стратегического — на каких условиях королевич Владислав готов венчаться на московское царство — и тактического — как поляки могут помочь семибоярщине избавиться от Тушинского вора.

24 июля Жолкевский стал лагерем в семи верстах от Москвы у села Хорошево. Лжедмитрий II решил договориться с поляками и дать им отступное. «Вор» обещал сразу же по вступлении на престол заплатить

королю 300 тысяч золотых, в королевскую казну в течение последующих десяти лет выплачивать ежегодно по 300 тысяч золотых, а королевичу Владиславу также в течение десяти лет ежегодно платить по 100 тысяч золотых. Самозванец пообещал отвоевать у шведов всю Ливонию и передать ее Польше, а для войны со шведами выставить 15-тысячное войско. Что же до Северской земли, то Лжедмитрий пообещал вести в дальнейшем об этом переговоры.

Послы самозванца первоначально приехали к Жолкевскому в Хорошево и объявили гетману о цели своего посольства к королю. Гетман уклонился от переговоров с ними, но разрешил ехать к Сигизмунду под Смоленск.

2 августа 1610 года тушинское войско попыталось подойти к стенам Москвы, но было отбито московским войском, которым командовал Иван Михайлович Салтыков. Через несколько дней Семибоярщина заключила договор с поляками. Согласно договору Жолкевский должен был совместно с московским войском добить Тушинского вора, причем предварительно гетман должен был попытаться уговорить Петра Сапегу отстать от самозванца. Марину следовало отослать в Польшу и запретить предъявлять права на русский престол.

Жолкевский действительно послал гонца к Сапеге с предложением не препятствовать делу короля и Речи Посполитой и уговорить самозванца подчиниться Сигизмунду. В этом случае Жолкевский обещал выпросить у польского правительства самозванцу в кормление Самбор или Гродно. В случае же несогласия самозванца Сапега должен был выдать его гетману или по крайней мере отступить от него.

Сам Сапега готов был выполнить требования Жолкевского, но его офицеры не согласились, посчитав себя обойденными. Тогда Жолкевский ночью объединил свое войско с пятнадцатитысячным отря-

дом князя Мстиславского. На рассвете объединенное русско-польское войско стояло в боевом порядке перед станом Сапег. Кроме того, еще один отряд московского войска блокировал действия русских тушинцев.

В войске Сапег испугались, увидев перед собой объединенные московские и польские полки. Мстиславский, заметив это, хотел сразу же наступать, но гетман не желал проливать польской крови и велел повременить и дожидаться покорности. Вскоре Сапега явился к Жолкевскому и пообещал уговорить Тушинского вора подчиниться гетману, в противном случае Сапега обещал отступить от самозванца.

Лжедмитрию II от имени короля были предложены большие имения в Польше. Но Тушинский вор ответил, что он «предпочел бы рабство у крестьянина позору есть хлеб короля». Вмешавшаяся в переговоры Марина прибавила к этому высокомерному ответу насмешку: «Пусть король уступит царю Краков, тогда царь подарит ему взамен Варшаву».

Ставка самозванца находилась в Угрешском монастыре (ныне в черте Москвы в районе Перервы). Тогда Жолкевский обратился к Семибоярщине с просьбой провести польскую конницу через Москву, чтобы подойти к монастырю и захватить там самозванца врасплох. Бояре позволили польскому войску ночью пройти через город. Гетман не обманул. Поляки быстро, не сходя с коней, прошли через Москву, так что москвичи ничего не заметили. У Коломенской заставы польское и русское войска соединились и пошли к Угрешскому монастырю. Но у самозванца было много приспешников в Москве, которые успели предупредить «вора» о готовящемся нападении, и Лжедмитрия уже не оказалось в монастыре, он спешно с женой и Заруцким бежал в Калугу. Не надеясь догнать «вора», польское войско вернулось в свой стан, а москвичи — в Москву.

Тем не менее дело Тушинского вора не было проиграно. Суздаль, Владимир, Юрьев, Галич и Ростов стали тайно ссылаться с Лжедмитрием II, желая перейти на его сторону. Раньше эти города были против самозванца, видели в нем и его сподвижниках врагов государства. Но когда речь пошла о вере, многие предпочли покориться тому, кто называл себя царевичем Дмитрием, сыном Ивана Грозного, чем католику Владиславу.

Казань и Вятка присягнули «царю Дмитрию Ивановичу». Казанский воевода знаменитый Богдан Бельский хотел воспротивиться переходу города на сторону Лжедмитрия II, но был убит народом. «Лучше служить царю, чем злой Литве!» — писали казанцы в грамотах, рассылаемых по другим городам. В грамотах этих говорилось, что Москва теперь стала Литвой, а Калуга — истинной столицей отечества и имя Дмитрия должно воссоединить всех русских людей для восстановления государства. Однако казанцы тут же в присяге оговаривают: «От литовских людей нам никаких указов не слушать и с ними не ссылаться, против них стоять и биться до смерти. Казаков нам волжских и донских, терских и яицких в город помногу не пускать и указов их не слушать же, а пускать казаков в город для торговли понемногу, десятка по два или по три, и долго им в городе не жить».

Пермь объявила нейтралитет, отказавшись подчиняться как Москве, так и Калуге. Однако узнать это Лжедмитрию II не довелось.

Старый касимовский хан Ураз Махмет присоединился к Лжедмитрию II еще в Тушине. После бегства самозванца в Калугу хан подался на службу к гетману Жолкевскому, но его любимый сын остался служить «вору». Ураз Махмет попросил разрешения Лжедмитрия II посетить Калугу для свидания с сыном. Но как только хан появился в Калуге, самозва-

нец велел утопить его в Оке. Тогда крещеный татарин Петр (Арслан) Урусов, начальник татарской стражи самозванца, поклялся с товарищами отомстить за смерть хана. 11 декабря 1610 года Тушинский вор отправился на охоту на зайцев. Его сопровождал шут Кошелев и татарская стража. Внезапно Петр Урусов ударил «царя» саблей и рассек ему лицо. Другой татарин отрубил «царю» голову. Шута татары пощадили, а сами отправились в степь в направлении Крыма, грабя все по дороге.

Кошелев прискакал в Калугу к «царице». Марина находилась на последних днях беременности. Тем не менее она бегала по улицам и кричала о мщении. Но мстить было некому, убийцы были уже слишком далеко, зато казаки перебили две сотни касимовских татар, служивших самозванцу.

Вечером 11 декабря в Калугу привезли обезглавленное тело самозванца. Труп пролежал в холодной церкви более месяца, и народ ходил смотреть на него и на голову, лежащую рядом. Затем тело похоронили в Троицком соборе. В вещах Лжедмитрия II нашли талмуд, письма и различные бумаги, написанные на еврейском языке. Это подтвердило давние толки о его происхождении.

Теперь воровское войско лишилось знамени. Тушинские бояре князь Григорий Шаховский и атаман Иван Заруцкий решили бежать из Калуги, но казаки удержали их силой. Через несколько дней Марина родила сына. По «деду» его называли Иваном. Казаки немедленно провозгласили его царем. Петр Сапега предложил Марине с ребенком перейти под его покровительство, но она высокомерно отказалась. Марина хотела быть только московской царицей или никем.

Патриарх Гермоген

роисхождение патриарха Гермогена достоверно неизвестно. Известно лишь, что в миру его звали Ермолаем, а свое церковное имя он писал «Ермогей».

Польские источники утверждают, что в молодости Гермоген был донским казаком. Ермолай участвовал в боях, грабил и т. д., а позже стал попом.

Некоторые русские историки XIX века утверждают, что Гермоген принадлежал к княжескому роду Шуйских или Голицыных, но не приводят никаких фактов в подтверждение своей версии.

На мой взгляд, польская версия более достоверна. Известны десятки случаев, когда донские казаки и даже атаманы, вволю нагулявшись и нагрешив, ухаживали замаливать грехи в монастырь. Княжеское же происхождение Гермогена исключено. Родословные княжеских родов того времени достаточно хорошо изучены, да и просто невероятно, чтобы в Смутное время никто не знал о родственных связях такой крупной фигуры, как Гермоген.

Первое достоверное упоминание о Гермогене отно-

сится к 1579 году, когда он был приходским попом казанской церкви Святого Николая в Гостином дворе. К этому времени Гермогену было около пятидесяти лет.

Гермогену приписывают участие в «чудесном обретении» одной из главных православных святынь — иконы Казанской Божией Матери. Также ему приписывают и сочинение «Сказания о явлении иконы и чудесах ее», отправленного духовенством Ивану Грозному.

В середине 80-х годов XVI века Гермоген потерял жену. В 1587 году он отправился в Москву и постригся в Чудовом монастыре. Затем Гермоген возвращается в Казань и быстро делает головокружительную карьеру. В 1588 году он уже игумен, а затем — архимандрит казанского Спасо-Преображенского монастыря. А 13 мая 1589 года в новоучрежденной Казанской и Астраханской митрополии Гермоген, возведенный в сан епископа, становится первым митрополитом.

Современники утверждают, что у Гермогена не было столь громкого голоса, как, к примеру, у патриарха Иова, звучавшего, «аки дивная труба». Но Гермоген был «словесен и хитроречив, но не сладкогласен», «нравом груб», «прикрут в словесах и воззрениях». Гермоген был вспыльчивым, властным и жестоким человеком. А как раз эти качества больше всего и учитывались в казанских священнослужителях. Во второй половине XVI века власти проводили массовое обращение в христианство населения Казани и окрестных земель. Местные жители — мусульмане или язычники — активно и пассивно сопротивлялись насильственному обращению в православие. То же самое можно сказать о немцах и чухонцах, взятых в плен в ходе Ливонской войны и сосланных на жительство в Казанский край.

В 1593 году казанский митрополит Гермоген писал царю Федору, что «в Казани и в уездах Казанском и Свияжском живут новокрещенные вместе с та-

тарами, чувашами, черемисами и вотяками, едят и пьют с ними, к церквам Божиим не приходят, крестов на себе не носят, в домах образов и крестов не держат, попов не призывают и отцов духовных не имеют. Обвенчавшись в церкви, перевенчиваются у попов татарских, едят скоромное в посты. Живут мимо своих жен с немецкими пленницами». Гермоген «призывал их и поучал, но они ученья не принимают и от татарских обычаев не отстают, и совершенно от христианской веры отстали, о том сильно скорбят, что от своей веры отстали, и в православной вере не утвердились, потому что живут с неверными вместе, от церкви далеко. И видя такое неверье в новокрещенных, иные татары не только не крестятся в православную веру, но и ругают ее. Да прежде, в сорок лет от казанского взятия, не бывали в татарской слободе мечети, а теперь стали мечети ставить близ посада на лучший выстрел». Гермоген писал далее, что многие русские люди живут у татар, черемис, чувашей, вступают с ними в браки. Много русских живет в слободах и деревнях у немцев, причем добровольно и «при деньгах». И все эти люди от православной веры отошли, живущие у татар приняли мусульманство, а у немцев — католичество и лютеранство.

Царь Федор, разумеется, с подачи Годунова, приказал казанским воеводам переписать всех новокрещенных, велел выделить им слободу в Казани с православной церковью и полным причтом. А если кто из них не захочет добровольно переселяться и строиться на слободе, тех отдавать на поруки богатым и благонадежным православным, а кого и в тюрьму сажать. Царь велел воеводам выбрать надежного сына боярского и поставить его за этой слободой следить, чтобы новокрещенные православные были крепки в вере, женились бы только на русских и дочерей своих выдавали за русских. А которые будут замечены в неверности, тех усмирять всеми способами — сажать в тюрьму,

ковать в железа и в цепи, бить батогами, на особо же неблагонадежных Гермогену велено было налагать епитимью. А все мечети царь Федор велел воеводам разрушить, чтоб и следа от них не осталось.

Далее царь приказывал воеводам запретить русским людям жить у татар и у немцев. Русских, отрабатывающих долги, по возможности выкупать, а задолжавших крупные суммы отправлять к новокрещеным в обмен на чухонцев, которых отдавать иноверцам. Последним запретить впредь русских людей нанимать на работу и денег им займы не давать.

Указания царя Федора казанским воеводам значительно укрепили авторитет Гермогена. Митрополиту удалось навести порядок в Казанском крае. До нас дошло «Послание наказательное всем людям», где митрополит возмущается нарушением чинности церковной службы, когда попы и дьяконы для скорости читали и пели разные тексты хором (до пяти-шести голосов), а миряне в это время скучали, дремали или разговаривали. Гермоген страдал паству, утверждая, что «все ведает и зрит».

Бдительный Гермоген не мог не заметить и куда больший беспорядок: в такой огромной Казанско-Астраханской митрополии — и не было своих святых! Митрополит ретиво взялся за дело. Для начала Гермоген составил поименный список русских ратников, погибших при взятии Казани. Параллельно было найдено три случая убийств мусульманами православных в ходе конфликтов на религиозной почве. Один из погибших, Иван Новый, оказался русским из Нижнего Новгорода, а двое других, Стефан и Петр, крещеными татарами.

9 января 1592 года Гермоген отправил патриарху Иову в Москву длинное послание, в котором просил установить «особую память» героям казанского взятия: «Умилосердись, государь Иов, повели и учини указ свой государев мне, богомольцу своему — в ко-

торый день повелит мне святительство твое по тех православных благочестивых воеводах и воинах, пострадавших за Христа под Казанью и в пределах Казанских в разные времена... по всем Божиим церквям во градах и селах Казанской митрополии пети по них панихиды и обедни служить, чтобы, государь, по твоему государеву благословению память сих летняя (ежегодная) по вся годы была безпереводно».

Далее Гермоген просил Иова канонизировать трех казанских мучеников — Ивана, Стефана и Петра.

Патриарх не мог отказать Гермогену, поскольку личные интересы казанского митрополита полностью совпадали с интересами государства. Павшие под Казанью и мученики за православную веру были внесены в Большой синодник, читаемый в неделю православия. Поминать воинов Иов повелел в субботу после Покрова Пресвятой Богородицы (в честь взятия Казани 2 октября), а день поминовения мучеников Ивана, Стефана и Петра должен был назначить Гермоген. Торжественно объявляя о решении патриарха по епархии, митрополит велел повсеместно служить по ним литургии и панихиды и поминать на литиях и обеднях ежегодно 24 января.

Затем Гермоген взялся за канонизацию Германа Полева. Герман был архимандритом монастыря в Свияжске и первым из архиереев прибыл во взятую в 1547 году Казань. В 1564 году он был назначен архиепископом Казанским. В 1566 году по приказу Ивана Грозного Герман прибыл в Москву. В 1568 году после сведения с престола митрополита Филиппа Колычева на его место был поставлен Герман Полев, но через два года новый митрополит был найден мертвым у себя во дворе. Иван Грозный утверждал, что Герман умер от «моровой язвы», но москвичи были уверены, что митрополит погиб от рук опричников. Тело Германа было похоронено в простой могиле в Москве у церкви Святого Николая Мокрого.

Существует версия, что сам Гермоген был учеником Германа Полева.

В том же 1592 году Гермоген обратился к царю и патриарху с просьбой перевезти мощи Германа в Казань. И это просьба казанского митрополита была уважена. 25 сентября 1592 года Гермоген лично близ Свияжска встретил поезд с мощами Германа. Мощи были торжественно захоронены в Успенском монастыре в Свияжске. Герман Полев стал общероссийским святым, его поминают 23 июня.

Гермоген построил в Казани и окрестностях десятки церквей и монастырей. В 1594 году был достроен Казанский девичий монастырь, и по сему поводу митрополит написал новую редакцию «Сказания о явлении и чудесах иконы Казанской Богоматери». В ней Гермоген подробно рассказал, как, еще будучи простым попом, удостоился с благословения тогдашнего архиепископа Иеремии первым принять из земли и торжественно перенести в ближайшую церковь святого Николая Тульского. Далее рассказывалось о многочисленных чудесах, творимых иконой до 1594 года, свидетелем которых был сам автор «Сказания...».

Приблизительно в то же время Гермоген составил и новую редакцию знаменитого сказания «Повести о Петре и Февронии — мурманских чудотворцах». Житие местночтимых муромских святых было основано на народном предании. В конце «Повести...» Гермоген не забывает и себя: «Помяните же и меня, грешного, написавшего все то, что я слышал о вас, не ведая — писали о вас другие, сведущие более моего, или нет. Хотя и грешен я, и невежда, но на Божию благодать и на щедроты его уповаю и на ваши молитвы к Христу надеюсь, работал я над трудом своим».

В 1595 году при личном участии казанского митрополита Гермогена были открыты исцеляющие мощи святого князя Романа Углицкого. Удельный князь Роман Углицкий был сыном угличского князя Вла-

димира Константиновича. Во время своего правления в 1261–1283 годах⁶² Роман построил пятнадцать церквей в Угличе, ничем иным, ни хорошим, ни плохим, он не отличился. Строительство церквей и нетленные мощи стали поводом для его канонизации. По другой версии мощи Романа были обнаружены в 1485 году угличским князем Андреем Васильевичем.

При строительстве храма в Спасо-Преображенском монастыре в Казани были случайно найдены могилы первого казанского архиепископа Гурия и епископа Тверского Варсонофия, который жил в сей обители на покое. Гермоген не растерялся, собрал клир, лично вскрыл гробы и явил свету нетленные мощи обоих старцев. Далее в Москву ушло послание к патриарху с описанием чудес и мощей. В результате оба были причислены к лику святых. Память Гурия Православная церковь отмечает 5 декабря, а Варсонофия — 11 апреля. В 1596–1597 годах Гермоген написал «Житие...» новым казанским святым.

Историк Р. Г. Скрынников утверждает, что патриарх Иов умышленно задержал прибытие Гермогена в Москву на избрание на царство Бориса Годунова. Судя по всему, казанский митрополит был враждебно настроен к Борису. Возможно, с этим было связано и разделение Казанской епархии на две — Казанскую и Астраханскую. По официальной церковной версии, сам Гермоген ходатайствовал перед патриархом о разделении епархии и предложил Феодосия в качестве кандидата в астраханские архиепископы. От себя замечу, что Феодосий был абсолютно предан Иову и Борису Годунову.

Взойдя на престол, Лжедмитрий I решил приблизить к себе казанского митрополита, подобно другим светским и духовным лицам бывшего в опале у царя Бориса. Гермоген приехал в Москву, но тут же проявил свой крутой и агрессивный нрав. Гермоген и коломенский архиепископ Иосааф заявили царю Дмит-

рию, что его венчанье с католичкой Мариной не будет законным, если невеста не примет православия.

Гермоген еще в Казанском крае изрядно поднатужился на обращении иноверцев в православие. Он еще в 1598 году составил Сборник чинов крещения мусульман, католиков и других иноверцев. Согласно этому Сборнику, христиан иных конфессий и католиков в особенности необходимо было крестить заново, так как их «обливательное, а не православное погружательное крещение истинным таинством не является». Однако остальные православные иерархи отказались поддержать Гермогена и Иосаафа. По приказу Лжедмитрия Гермогена отправили в Казань и там заточили в монастырь. А может, и не заточили, и церковники написали об этом для красного словца, благо сана митрополита его никто не лишал. По неведомым причинам Иосаафа оставили в покое.

После убийства самозванца Гермоген из опальных митрополитов превращается в патриарха. Но когда Гермоген приехал из Казани в Москву и при каких обстоятельствах стал главой Русской православной церкви, доподлинно неизвестно. Светские историки Соловьев, Костомаров, Скрынников и другие дают каждый свою версию. Церковные же историки вообще стараются обойти сей деликатный вопрос.

Вот, к примеру, Д. Лавров в книге «Святой страстотерпец, благоверный князь Угличский царевич Димитрий, Московский и всея России чудотворец», изданной в типографии Троице-Сергиевой Лавры в 1912 году и утвержденной ректором Московской Духовной академии епископом Федором, пишет о перезахоронении мощей Дмитрия Угличского 6 июня 1606 года: «Три дня стоял гроб [с Димитрием. — А. III.] открыт для удостоверения народа и в ожидании окончания приготовления к торжественным похоронам. Для предания тела царевича земле раскопана была засыпанная могила Годунова в пределе,

где лежал царь Иоанн Грозный и его два сына. Похороны, однако, не состоялись, потому что «как поставили его (царевича) в церкви Архангела Михаила, и от его святых мощей пролились реки милосердия, много расслабленных великим чудом уздоровились»⁶³; вследствие чего царь с собором иерархов решили открыто поставить их в Архангельском соборе для торжественного чествования».

Обратим внимание, Лавров пишет: «...царь с собором иерархов». А где же патриарх? Ранее Лавров писал, что в Углич за мощами царевича «послана была комиссия из людей именитых: посланы были Филарет, митрополит Ростовский (бывший Феодор Никитич Романов), Феодосий, архиепископ Астраханский и бояре». Важная деталь: Филарет назван митрополитом, и любопытно: как астраханский архиепископ оказался во второй половине мая в Москве?

Во время встречи мощей царевича ни в селе Тайнинском, ни в Москве патриарх не упомянут. По Лаврову получается, что с середины июня 1606 года патриарха в Москве не было. А вот в «Сказании о чудесах царевича Димитрия» (из рукописного сборника конца XVII века) говорится совсем иное: «Когда 3 июня 1606 года мощи новоявленного чудотворца царевича Димитрия, для поддержки сильно шатающегося трона нового московского царя Василия Ивановича Шуйского, были при торжественной обстановке перенесены в Москву и временно поставлены посреди Архангельского собора-усыпальницы собирателей московского самодержавия, царь и патриарх, по долгом обсуждении, мощи царевича после показа народу, решили предать погребению в пределе «Иоанна списателя лествицы» и заказали каменотесам вытесать гроб, который по изготовлении оказался слишком малым. Заказали второй, но второй, несмотря на точно снятую мерку, оказался слишком большим. Наконец царь и бояре заказали третий и, не дожидаясь его

изготовления, приступили к рытью могилы в пределе Иоанна Лествицы. Когда могила была вырыта и гроб был готов, его принесли в собор, а когда он оказался соответствующим размеру мощей, только хотели приступить к положению их в каменный гроб, как случилось новое чудо: земля из только что вырытой могилы ушла обратно и совершенно закрыла могилу.

Видя это чудо, благочестивый царь и патриарх узрели нежелание святого покоиться в земле и решили новоявленные мощи оставить в соборном храме у правого столба открытыми, где они и донныне зрятся».

Как видим, в небольшом отрывке «Сказания...» дважды упоминаются царь и патриарх. Кто это — Филарет или Гермоген?

Теперь обратимся к польским источникам. 28 мая Василий Шуйский получил извещение из Углича, что мощи царевича найдены. А накануне, 27 мая⁶⁴, польские послы от бояр узнали, что мощи Дмитрия скоро будут перевезены в Москву патриархом Филаретом. Слово «патриарх» не было опиской в посольском дневнике 1606 года, что доказывает один из документов. В 1608 году польские послы писали боярам, что в Москве нет должного уважения даже к патриаршему сану: «За Бориса Иов был, и того скинуто, а посажено на патриарховство Игнатия Грека; потом за нынешнего господаря Грека того скинуто, а посажено на патриарховство Федора Микитича, яко о том бояре думные по оной смуте в Ответной палате нам, послом, сами сказывали, менючи, что по мощи Дмитровы из Углича послано патриарха Федора Микитича; а говорил тые слова Михайло Татищев при всих боярах. Потом в колько недель и того скинули, учинили есте Гермогена патриархом. Итак теперь живых патриархов на Москве чотырех маєте». Понятно, что писать заведомое вранье в посольской грамоте радные паны не решились бы.

В какой-то мере данное свидетельство поляков совпадает с датой официального постановления Гер-

могена патриархом — 3 июля. Но как тогда быть с полуофициальным документом «Историческая хрестоматия церковнославянского и русского языка» А. Галахова, изданным в Москве в 1848 году, где цитируется речь Гермогена на царском венчании 1 июня 1606 года?

При такой неразберихе в истории единственный путь — попробовать самостоятельно реконструировать события. Начнем с того, что Гермоген мог прибыть в Москву из Казани не ранее чем через 16–18 дней после убийства Лжедмитрия I, то есть между 3 и 5 июня. Но возникает вопрос: почему он не мог быть в Москве 16 мая или выехать заранее из Казани, узнав о заговоре против самозванца? Почему к 16 мая в Москве были митрополит Новгородский Исидор, архиепископ Астраханский Феодосий и другие иерархи? Их мог собрать Лжедмитрий на свою свадьбу. Гермоген мог быть сослан и не в Казань, а ближе, а может, и в Казань, да ехал медленно и во время переворота оказался где-нибудь между Москвой и Владимиром.

Выбор нового патриарха был очень сложным вопросом для Шуйского. 1 июня 1606 года он венчался без патриарха, роль которого исполняли митрополиты Пафнутий и Исидор. Оба были отъявленными интриганами и мошенниками. О Пафнутии мы уже знаем как о покровителе монаха Григория (Отрепьева), с которым он когда-то жил в одной келье, а затем вместе с Шуйским подготовил его убийство.

Исидор же в 1614 году устроил фарс с мощами князя Федора Ярославича, родного брата Александра Невского. А дело обстояло так. Шведские солдаты грабили Юрьев монастырь в двадцати верстах от Новгорода. Кому-то пришла мысль вскрыть гробницы в древнем Георгиевском соборе. В большинстве могил лежали лишь рассыпавшиеся кости, но подняв очередную надгробную плиту, шведы остолбенели — там лежал... живой человек. Через несколько

секунд испуг солдат прошел — это был мертвец. Он был одет в роскошные княжеские одежды, которые здорово истлели от времени, но сам труп не подвергся тлению. Шведы забрали все драгоценности, а тело поставили у церковной стены «яко живо». Шведский командир распенил это как курьез и звал сослуживцев в церковь, как в кунсткамеру.

Слух об этом дошел до новгородского митрополита Исидора, и тот обратился к шведскому главнокомандующему Якобу Делагарди с просьбой отдать нетленное тело. Дела к тому времени у шведов пошли неважно, и ссориться из-за пустяков с митрополитом Делагарди не захотел. Тело перенесли в Софийский собор в новгородском кремле. Не мудрствуя лукаво, Исидор признал тело за нетленные мощи князя Федора Ярославича, который княжил в Новгороде с 1228 по 1233 год. Мощи были торжественно захоронены в Софийском соборе.

Исидора немало не смутило, что хорошо сохранившийся труп принадлежит мужчине лет сорока. Между тем князь Федор умер в возрасте 14–15 лет. Уже в советское время историки и криминалисты занялись изучением «святых мощей» и выяснили, что они принадлежат великому князю Дмитрию Юрьевичу Шемяке, умершему в 1453 году. Судебно-медицинская экспертиза выдала заключение, что князь был отравлен мышьяком, это привело к сильному обезвоживанию организма и мумификации трупа. Самое забавное, что в 1446 году Дмитрий Шемяка собором Русской церкви был предан анафеме.

Надо ли говорить, что ни Исидор, ни Пафнутий не удовлетворяли царя Василия. Слабому царю нужен был сильный патриарх. К этой роли среди всех иерархов Русской церкви подходил только Гермоген. Но тут хитрый царь решил сблефовать и предложил патриарший престол своему недругу — ростовскому митрополиту Филарету. Официально Филарет не был постав-

лен в патриархи, но о его избрании сообщили боярам, народу и даже польским послам. Как уже говорилось, царь предложил Филарету разыскать и привезти в Москву мощи царевича Дмитрия. Филарет и сам был заинтересован в экскурсии в Углич, поскольку его сторонники готовили свержение Шуйского.

Попытка переворота 25 мая сильно скомпрометировала Романовых, и ко времени приезда в Москву (3 июня) Филарет уже не считался патриархом (формально — кандидатом в патриархи), а таковым стал Гермоген. Митрополит Гермоген мог присутствовать при венчании Василия Шуйского 1 июня и произнести речь, а мог и вообще не быть в Москве. Речь же Пафнутия или Исидора могли впоследствии приписать Гермогену.

Гермоген не захотел участвовать или, по крайней мере, проявлять активность в глупейшем фарсе с чудесами вокруг гроба царевича Дмитрия в Архангельском соборе. И лишь когда весь спектакль закончился, 3 июля Гермоген официально принял сан патриарха.

Новый патриарх мог по мелочам конфликтовать с Шуйским, но во всех важных внутривластных вопросах он безоговорочно поддерживал царя Василия. Естественно, делалось это не из-за любви к Шуйскому, а потому что Гермоген считал царскую власть единственной опорой русской государственности и православной церкви.

Одной из первых совместных акций патриарха Гермогена и царя Василия стала реабилитация царя Бориса Годунова и патриарха Иова. Раз царевич Дмитрий оказался расстригой Гришкой Отрепьевым, то все его акции по свержению династии Годуновых и патриарха Иова были незаконны.

Поздней осенью 1606 года царь и патриарх устроили народу новое шоу. По их приказу при огромном стечении народа вынули тела Годуновых из ямы в ог-

раде Варсонофьевского монастыря. Останки Годуновых были уложены в гробы. Бояре и монахи принесли гробы через всю Москву. Ксения Борисовна (инокиня Ольга) провожала гробы своих родных и по обычаю громко рыдала о своих несчастьях: «Ах, горе мне, одинокой сироте. Злодей, назвавшийся Дмитрием, обманщик, погубил моих родных, любимых отца, мать и брата, сам он в могиле, но и мертвый он терзает русское царство, суди его, Боже!»

Похоронили Годуновых в Троице-Сергиевом монастыре. Шуйский решил не хоронить Бориса в усыпальнице русских царей в Архангельском соборе, где уже покоились мощи царевича Дмитрия. Тогда случилось бы, что тела убитого и убийцы лежали бы рядом.

В начале 1607 года Шуйский придумал еще одну душещипательную церемонию. 3 февраля царь вызвал к себе патриарха Гермогена и других высших духовных лиц, чтобы обсудить с ними государственные дела, а также велел привезти Москву из Старицы бывшего патриарха Иова. Иов должен был простить всех православных христиан в их клятвопреступлениях. В Старицу за Иовом отправился крутицкий митрополит Пафнутий с грамотой от Гермогена.

14 февраля Иова привезли в Москву в роскошной царской карете, подбитой соболями, и отвели ему покой на подворье Троицкого монастыря. 16 февраля Иов с Гермогеном и архиереями написали следующую грамоту: «Царь Иван Васильевич повелел царствовать на Российском государстве сыну своему Феодору Ивановичу; а второму сыну своему, царевичу Димитрию Ивановичу, дал в удел город Углич, и царевича Димитрия в Угличе не стало, принял заклятие неповинное от рук изменников своих. По отшествии к Богу царя Феодора Ивановича мы и всякие люди всего Московского государства целовали крест царю Борису Федоровичу. Во времена царства его огнедыхательный дьявол, лукавый змей, поядатель душ человеческих воз-

двиг на нас чернеца Гришку Отрепьева. Когда царя Бориса Федоровича не стало, все православные христиане целовали крест сыну его Федору Борисовичу; но грех ради наших расстрига прельстил всех людей Божиим именем царевича Димитрия Ивановича; православные христиане, не зная о нем подлинно, приняли этого вора на Российское государство, царицу Марью и царевича Федора злою смертью уморили, множество народа вошло в соборную церковь с оружием и дрекольями во время Божественного пения и не дав совершиться литургии, вошли в алтарь, меня, Иова патриарха, взяли и, таская по церкви и по площади, позорили многими позорами, а в царских палатах подобие христового тела, Богородицы и архангелов, что приготовлено было для плащеницы, раздробили, воткнули на копья и на рогатины и носили по городу, забыв страх Божий. Потом этот враг расстрига, приехавши в Москву с люторами, жидами, ляхами и римлянами и с прочими оскверненными языками и назвавши себя царем, владел мало не год и каких злых дьявольских бед не сделал и какого насилия не учинил — и писать неудобно. Люторами и жидами христианские церкви осквернил и, не будучи сыт таким бесовским ядом, привез себе из Литовской земли невесту, люторской веры девку, ввел ее в соборную церковь, венчал царским венцом, в царских дверях святым миром помазал. Видя достояние свое в такой гибели, воздвиг на него Бог обличителя, великого государя нашего, воистину святого и православного царя, Василия Ивановича: его промыслом тот враг до конца сокрушен был, а на Российское государство избран был великий государь Василий Иванович, потому что он от корени прежде бывших государей, от благоверного великого князя Александра Ярославича Невского. Святая наша вера в прежний добрый покой возвратилась и начала сиять, как солнце на тверди небесной, святыне церкви от осквер-

нения очистились, и все мы, православные христиане, как от сна воспрянув, от буйства уцеломудрились. Но прегордый сатана восставил плевелы зол, хочет поглотить пшениценосные класы. Собрались той же преждепогибшей Северной Украины севрюки и других рязанских и украинских городов стрельцы и казаки, разбойники, воры, беглые холопы, прельстили преждеомерзевшую безумием Северскую Украину, и от той Украины многие и другие города прельстились и кровь православных христиан, как вода, проливается, называют мертвого злодея расстригу живым, а нам и вам всем православным христианам смерть его подлинно известна...»

Таким образом, выяснилось, что во всех бедах государства Московского виноват сам «прегордый сатана». Соответственно, нечего друг на друга пальцем тыкать, кто и кому сколько раз крест целовал и сколько раз клятву нарушал. Сразу два патриарха дали всем желающим отпущение грехов.

19 февраля 1607 года патриарх Гермоген по указу царя Василия разослал записи во всей Москве по всем сотням к старостам и сотским, чтобы из сотен и из слобод посадские, мастеровые и все люди мужского пола явились в Успенский собор на следующий день, 20 февраля.

На следующий день огромная толпа заполнила собор и прилегающую к нему площадь. Гермоген начал служить молебен, после которого гости и торговые люди начали у экс-патриарха Иова с плачами и воплями просить прощение: «О, пастырь предобрый! Прости нас, словесных овец бывшего твоего стада; ты всегда хотел, чтобы мы паслись на законосных полях словесного твоего любомудрия и напоялись от сладкого источника книгородных Божественных догматов, ты крепко берег нас от похищения лукавым змеем и пагубным волком. Но мы окаянные отбежали от тебя, предивного пастуха, и заблудились в

дебре греховной и сами себя дали в снедь злолютому зверю, всегда готовому губить наши души. Восхити нас, Богоданный решитель! От нерешимых уз по данной тебе благодати!»

После этой речи купцы и гости подали Иову челобитную, написанную таким же витиеватым слогом: «Народ христианский от твоего здравого учения отторгнулся и на лстивую злохитрость лукавого вепря уклонился, но Бог твоею молитвою преславно освободил нас от руки зломышленного волка, подал нам вместо нечестия благочестие, вместо лукавой злохитрости благую истину и вместо хищника щедрого подалителя, государя царя Василья Ивановича, а род, благоцветущий его отрасли корень сам ты, государь и отец, знаешь, как написано в Степенной книге. Но и то тебе знать надобно, что от того дня до сего все мы во тьме суетной пребываем и ничего нам к пользе не спееется. Поняли мы, что во всем перед Богом согрешили, тебя, отца нашего, не послушали и крестное целование преступили. И теперь я, государь царь и великий князь Василий Иванович, молю тебя о прегрешении всего мира, преступлении крестного целования, прошу прощения и разрешения».

Гермоген велел успенскому архимандриту взойти на амвон и громко прочитать эту челобитную, а затем прочитать разрешительную грамоту. Народ обрадовался, попадал к ногам Иова со словами: «Во всем виноваты, честный отец! Прости, прости нас и дай благословение, да примем в душах своих радость великую».

Таким образом, Гермоген с помощью Иова совершил большое идеологическое действо — объяснил народу сложившуюся ситуацию и провел реабилитацию духовенства и народа. Обратим внимание: во всем этом деле торжественного разрешения действуют одни и те же люди — гости и купцы. Они просят устно о прощении, они же подают челобитную. В собор не пригласили ни бояр, ни дворян, ни даже

стрельцов. Но и среди простого народа возникли сомнения в искренности речей царя и патриархов. Ведь царь Василий неоднократно прилюдно свидетельствовал, что царевич Дмитрий сам закололся в припадке падучей болезни, а тот же патриарх Иов подтверждал это. А теперь вдруг оба говорят, что царевича Дмитрия убили изменники! Тем не менее на большинство населения акция Гермогена произвела успокаивающее действие.

Осенью 1606 года Гермоген проводит новую пропагандистскую кампанию. К патриарху явился благовещенский протопоп Терентий и сообщил, что какой-то «муж духовный» видел во сне, что сам Христос явился в Успенском соборе и грозил страшной казнью москвичам, «этому новому Израилю, который ругается ему лукавыми своими делами, праздными обычаями и сквернословием: приняли мерзкие обычаи, стригут бороды, содомские дела творят и суд несправедливый, правых насилуют, грабят чужие имущества, нет истины ни в царе, ни в патриархе, ни в церковном чине, ни в целом народе». Далее сей «муж духовный» побежал к Терентию, тот подробно записал рассказ о видении и отправился к патриарху. При чем «муж духовный» заклал Терентия именем Божиим не сообщать никому своего имени.

Протопоп Терентий был личностью довольно сомнительной. Ранее он прославился тем, что встречал в Кремле Лжедмитрия I восторженной речью: «Уподобляясь Богу, подвижнись принимать, благочестивый царь, наши мольбы и не слушай людей, влагающих в уши твои слухи неподобные, подвигающих тебе на гнев, ибо если кто и явится тебе врагом, то Бог будет тебе другом. Бог, который освятил тебя в утробе матерней, сохранил невидимую силою от всех врагов и устроил на престоле царском, Бог укрепил тебя и утвердил, и поставил ноги твои на камне своего основания: кто может тебя поколебать?» Как видим,

это бесстыдное вранье, граничащие со святотатством. Тем не менее Гермоген сделал вид, что поверил мошеннику, впрочем, не исключено, что затеял видение и сам патриарх.

По приказу Гермогена описание видения было торжественно зачитано в Успенском соборе «всему народу». По сему случаю Гермоген устраивает для москвичей дополнительный пост с 14 по 19 октября 1607 года. Во время поста было велено во всех храмах «молебны петь и Бога молить за царя и за все православное христианство, чтобы Господь Бог отвратил от нас праведный свой гнев и укротил бы межусобную брань».

30 ноября 1606 года Гермоген рассылает патриархии грамоты митрополитам и епископам, получившие должны были размножить их и разослать по своим епархиям. В грамотах вновь обличался Гришка Отрепьев: «Божиим попущением, за бесчисленные наши всенародного множества грехи, над Московским государством и на всей великой Российской земле учинилась неудобьсказаема напасть: в прошлых годах, вражиим советом, отступник православные наши христианския веры и злый льстец, сын дьявол, еретик, чернец-расстрига Гришка Отрепьев, бесосоставным своим умышлением назвав себя сыном великого государя нашего царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, царевичем Дмитрием Ивановичем всея Руси, и злым своим чернокнижьем прельстя многих литовских людей и казаков, пришел в северскую Украину и прельстил северские многие города и Рязанскую Украину. И дерзнул без страха к Московскому государству, и назвав себя царем, а после и цесарем, и коснулся царского венцу. И владея таким превысоким государством мало не год, и которых злых дьявольских дел не делал, и коего насилия не учинил? Святителей от престола сверг. Преподобных архимандритов, и игуменов, и иноков не токмо от

паств, но и от монастырей отлучил. Священнический чин от церквей, аки волк, разогнал. Бояр, и дворян, и приказных людей, и детей боярских многих городов, и гостей, и всяких служивых и торговых людей многих крови пролил и смерти предал, а у иных имение аки разбойник разбил. И многим всяким женам и детям злое блудное насилие учинил. [Избрав оружием своим Василия Шуйского. — А. III.] После чего Бог, не хотя нас, создания своего, видети конечной и расхищенной гибели, воздвиг от прежеизбывшего царского корени благоцветущую ветвь, и избра по своей ему воли, и посла нам, его же возлюбил: царя благочестиваго, и поборателя по православной нашей христианской вере, и велегласно одного врага злокозному его пронырству обличителя. И за сию проповедь не токмо множество бед претерпе от того злодея, но и мученные смертные главные сосуды пред очима своими виде, и преславно от смерти Богом избавлен, во истину свята и праведна истинного христианского царя государя и велика князя Василия Ивановича всея Руси самодержца».

Далее Гермоген пишет, что хотя царю Василию покорились люди всех вер в Московском государстве, но нашлись и злодеи, верящие в спасение Дмитрия. «А ныне, по своим грехом, забыв страх Божий, воста плевел, хочет поглотити пшениценосные класы. Окопаясь разбойники, и тати, и бояр и детей боярских беглые холопы в той же прежепогибшей и оскверненной северской Украине, и сговорясь с воры с казаки, которые отступили от Бога и от православные веры и повинулись сатане и дьявольским четам».

Любопытна и интерпретация патриархом восстания Болотникова, войска которого подошли в то время к Москве. «Да к Москве же ноября в 15 день от них, злых еретиков, и грабителей, и осквернителей, из Коломенского приехали к государю царю и великому князю Василию Ивановичу всея Руси с винами

рязанцы Григорий Сумбулов да Прокопей Ляпунов, а с ними многие рязанцы дворяне и дети боярские, да стрельцы московские, которые были на Коломне. И милосердный государь царь, по своему царскому милосердному обычаю, приемлет их любезно, аки отец чадолюбив, и вины их вскоре им отдает. И после того многие всякие люди от них, воров и еретиков, из Коломенского и из иных мест прибегают. И государь царь, милостивым оком на них взирая, жалует их не по их винам своим царским жалованьем. А тех воров, которые стоят в Коломенском и в иных местах (царские советники и народ) государя молят беспрестани и бьют челом, чтобы государь их пожаловал, велел им идти в Коломенское. Тем временем умыслили, бесом вооружаемы, те проклятые богоотступники и христианские грабители бесом собранный свой скоп разделить надвое. И послали половину злого своего скопу из Коломенского через Москву-реку к гонной к Рогожской слободе. И ноября в 26 день, на праздник великого страстотерпца Христова Георгия, вниде слух во уши государю царю и великому князю Василью Ивановичу всея Руси, что те злодеи перешли Москву-реку. Он же, милосердный государь, не на них, злодеев, на оборону загородных слобод послал за город бояр своих и ратных людей. А велел с великим терпением оберегати слобод, а ждати их, чтобы ся обратили ко спасению. Те же злые и суровые, бесом подстрекаемы на свои души, забыв Бога, пришли от слободы гонныя яко за поприще. Московская же Богом собранная рать, видя бесстыдный их приход, положи упование на Бога и призывая в помощь великомученика Христова Георгия, и вооружаясь каждый ратным оружием, опернатеви яко напоборнии орли в шлем спасения, ополчався по достоянию и устремилися на них, проклятых злых грабителей. Пойма елико надобет живых всяких многих воров прислали к государю царю, а тех всех без остатка

побиша. И корысти их всякия поимали, по писаному: «Ров изры и ископа и впадеша в яму, юже содела», и «обратися болезнь их на главы их». И государь царь и о тех побитых всего мира супостат душею скорбит и молит Бога о достальных, чтобы их Бог обратил ко спасению».

В конце 1606 года митрополит Казанский Ефрем публично отлучил от церкви дворян и посадских людей, выступивших на стороне Лжедмитрия II и нарушивших крестное целование царю Василию. В результате жители города Свияжска, поцеловавшие было крест Лжедмитрию II, принесли повинную Василию Шуйскому. Конечно, сейчас трудно сказать, что более повлияло на свияжцев — анафема Ефрема или поражение Болотникова под Москвой?

22 декабря 1606 года Гермоген отправил разрешительную грамоту митрополиту Ефрему. Гермоген представил дело так, что он уговорил царя не карать строптивых свияжцев за измену. На самом деле Шуйскому было политически не выгодно карать перебежчиков, да и сил у него не доставало. А теперь их прощает и сам патриарх, снимая проклятие Ефрема: «И великий государь... по своему царскому милосердному обычаю и по нашему прошению их пожаловал, вины их им отдал. Да и мы, полагаяся на судьбы, паче же и на щедроты Божия, их такоже соборне простили и разрешили... А свияжен бы еси, сыну, дворян, и детей боярских, и всяких людей прости и разреши и приношение у них к церквам Божиим приимати велел по-прежнему».

А Ефрему патриарх дает конкретное указание следить за своими подопечными, причем называет конкретных попов, правда, не по именам, а по названиям церквей: «Да и в Казани б если оберегал от тое смуты накрепко, чтобы люди Божии не погибали душою и телом. Да смотрел бы еси и над попы накрепко, чтобы в них воровства не было. А больши всех

смотри над Софейским, да над Покровским, да над Ирининским — только они не переменят своих обычаев, и им в полах не быти!»

Гермоген оказывает Шуйскому не только моральную, но и материальную поддержку. Он передал царю Василию большую часть патриаршей казны, обложил самые богатые монастыри огромным принудительным безвозвратным займом в пользу царя. Особенно пострадали волоколамский Иосифо-Волоцкий и Троице-Сергиев монастыри. Келарь последнего Авраамий Палицын писал «о последнем грабеже в монастыре от царя Василия».

«Благочестивый царь» немедленно пустил на переплавку драгоценную церковную утварь, чем добыл довольно приличные запасы золота. В результате церковных экспроприаций Василий Шуйский первым из московских властителей стал в начале 1607 года чеканить золотые монеты. Естественно, что большинство этих золотых монет ушло на оплату русских и иностранных наемников.

7 июня 1607 года войска князя Андрея Голицына разбили войско Болотникова на реке Восме. Получив известие о победе, Гермоген немедленно разразился «Богомольной» грамотой. В грамоте традиционно обличались противники Шуйского, «восстаючи на церкви Божии и на Христианскую нашу истинную веру». Замечу в скобках, что в войске Болотникова почти не было поляков. Было, правда, несколько немцев-лютеран, которые исправно служили еще царю Борису. Победу на Восме, по мнению патриарха, обеспечило вмешательство свыше: «И такая, сыну, великая победа благочестивому государю нашему... совершилась милостью небесных сил».

После взятия Тулы и пленения Болотникова и «царевича Петра» царь Василий распустил войско, а сам отправился в Москву, считая войну законченной.

Гермоген был возмущен, всеми силами он пытал-

ся заставить царя идти на Стародуб Северский, занятый Лжедмитрием II. Причем обвинить лично Василия Шуйского в глупости и трусости патриарх не решился, зато вволю обличал «советников лукавых», которые «царя уласкали в царствующий град в упокоение возвратиться, когда грады все украинные в неумиримой брани шли на него» и «еще крови не унялось пролитие».

Но все было напрасно — 55-летнему царю бес попал в ребро. 17 января 1608 года состоялась царская свадьба. Василий Иванович женился на Марье Петровне Буйносовой-Ростовской, которая была почти втрое моложе его. В летописи сказано, что патриарх молил царя от сочетания браком, но юная Машенька была куда милей царю, чем суровый старец.

Вскоре дела Шуйского пошли совсем плохо. Лжедмитрий II стал с войском в Тушине, его признали десятки русских городов. Царь Василий надоед и многим москвичам.

Первая попытка переворота произошла 17 января 1609 года в субботу на Масленице. Большая толпа заговорщиков во главе с Григорием Сунбуловым, князем Романом Гагариным и Тимофеем Грязным ворвалась в Кремль. Заговорщики обратились к боярам с требованием свергнуть Шуйского, но бояре разбежались по домам ждать исхода переворота. Один только боярин князь Василий Васильевич Голицын явился на площадь. Заговорщики ворвались в Успенский собор и потребовали от Гермогена идти на площадь, но тот отказался. Тогда патриарха потащили силой, по дороге обсыпая его песком и мусором, хватали за грудки и трясли. Заговорщики поставили Гермогена на Лобное место и объявили собравшемуся народу, что Шуйский избран царем незаконно.

Гермоген горой встал за Шуйского: «Сел он, государь, на царство не сам собою, выбрали его большие бояре и вы, дворяне и служилые люди, пьянства и

никакого неистовства мы в нем не знаем. Да если бы он, царь, вам и неугоден был, то нельзя без больших бояр и всенародного собрания с царства свести». Тогда заговорщики закричали: «Шуйский тайно побивает и в воду сажает братью нашу, дворян и детей боярских, жен и детей, и таких побитых с две тысячи». Патриарх спросил их: «Как же это могло случиться, что мы ничего не знали? В какое время и кто именно погиб?» Заговорщики продолжали свое: «И теперь повели многих нашу братью сажать в воду, за это мы и стали». Гермоген опять спросил: «Да кого же именно повели в воду сажать?» В ответ заговорщики закричали: «Мы послали уже ворочать их, сами увидите!»

Потом заговорщики зачитали грамоту, написанную ко всему миру из московских полков: «Князя-де Василья Шуйского одною Москвою выбрали на царство, а иные города того не ведают, и князь Василий Шуйский нам на царстве не люб и для него кровь льется и земля не умирится: чтоб нам выбрать на его место другого царя?» На что Гермоген сказал: «До сих пор Москве ни Новгород, ни Казань, ни Астрахань, ни Псков и ни которые города не указывали, а указывала Москва всем городам. Государь царь и великий князь Василий Иванович возлюблен и избран и поставлен Богом и всеми русскими властями и московским боярами и вами дворянами, всякими людьми всех чинов и всеми православными христианами».

Сказав это, Гермоген демонстративно отправился на свое подворье. Он сделал свое дело. Пререкания мятежников с патриархом дали возможность Шуйскому срочно подтянуть стрельцов и немцев к своему дворцу. И когда мятежники потребовали царя, тот вышел на крыльцо и закричал: «Зачем вы, клятвопреступники, ворвались ко мне с такою наглостью? Если хотите убить меня, то я готов, но свести меня с престола без бояр и всей земли вы не можете». Но заговорщиков смутила не сия грозная речь, как писал

С. М. Соловьев, а сотни пищалей и мушкетов, направленных на толпу. Хватило бы ума у Сунбулова и Гагарина подтащить хоть пару пушек, то картечь бы быстро решила исход переговоров. Но ни Кромвелей, ни Бонапартов среди заговорщиков не оказалось. Они просто спокойно разошлись по домам, поругивая «шубника», стрельцов и нехристей немецких.

На следующий день Сунбулов, Гагарин, Грязной и около трехсот их сообщников спокойно отправились в Тушино, а Василий Васильевич Голицын как ни в чем не бывало появился в Боярскую думу.

Гермоген был взбешен и в гневе отправил две грамоты в Тушино. Первая грамота была адресована тем, кто ушел к Лжедмитрию II после 17 февраля, а вторая — к тем, кто оказался в Тушине еще раньше.

Обе грамоты написаны на первый взгляд весьма эффектно, но при внимательном рассмотрении это не более чем набор слов, в котором нет ни реальных угроз, ни реальных предостережений. В игре с самозванцами ни у Шуйского, ни у Годунова не было козырей.

Отметим еще один любопытный момент — в обеих грамотах нет персоналий, то есть никто не упомянут поименно, кроме Филарета, да и то вскользь. Не только в этих грамотах, но и в других документах Гермоген обличает тушинского царя, но старательно обходит тушинского патриарха. Это дало повод дальнейшим официальным историкам говорить, будто Гермоген понимал, что Филарет содержится в Тушине силой, что его заставляют подписывать патриаршьи грамоты, составленные другими людьми, и т. д. На самом деле и царь, и патриарх от лазутчиков и перебежчиков досконально знали обо всем, что делается в тушинском лагере. Гермоген не обольщался насчет роли патриарха Филарета, но, будучи умным политиком, понимал, что нападки на Филарета и других Романовых могут лишь повредить делу Шуйского.

В Тушине на грамоты Гермогена никто просто не обратил внимания. На переходах дворян и служилых людей из Тушина в Москву и обратно они никак не отразились. Интенсивность переходов зависела от жалований царя Василия и самозванца, цен на продовольствие в Москве и Тушине и многих других факторов, среди которых мнение патриарха Гермогена если не отсутствовало вовсе, то было на последнем месте.

Смерть Скопина-Шуйского и поражение у Клушина лишило Василия Шуйского последних сторонников. Царь в ходе бескровного переворота 17 июля 1610 года был попросту сведен с престола. Гермоген делал все, что мог, чтобы оставить царя Василия на престоле, но теперь его никто и слушать не хотел.

Через два дня свергнутый царь был насильственно пострижен в монахи. Гермоген немедленно заявил, что насильственный постриг не имеет силы, и назвал монахом князя Василия Тюфякина, который произносил за Шуйского монашеские обеты.

После переворота власть в Москве оказалась в руках Семибоярщины или, как писалось в грамотах, «князя Мстиславского со товарищами». Заметим, что ранее в аналогичных ситуациях, как, например, после кончины царя Федора Иоанновича, правителями Москвы впервые называли бояр, а не патриарха со Священным собором.

Власть Семибоярщины юридически не была легитимной, а фактически висела на волоске. В Можайске с польским войском и отрядами русских ратников, присягнувших королевичу Владиславу, стоял гетман Жолкевский, а в селе Коломенском с «воровским» войском — Лжедмитрий II.

Гермоген предложил Семибоярщине выбрать царя среди московской знати. Сразу же всплыли две кандидатуры — Василий Васильевич Голицын и четырнадцатилетний Михаил Романов. В принципе патриарх был согласен на обоих претендентов. Но

глава Семибоярщины Федор Иванович Мстиславский заявил, что сам не хочет быть царем, но и не хочет видеть на престоле никого равного себе по знатности. Под знатностью он подразумевал совокупность происхождения (он был Гедиминович) и должностей и званий, которые имели его предки у московских правителей.

Отказ Мстиславского от престола не был ни ломаньем, ни данью московским традициям. Федор Иванович явно не хотел повторять судьбу «принца крови» Василия Шуйского, который в 1606 году имел куда большую популярность в стране и большую легитимность, чем Гедиминович Мстиславский, а главное — ситуация в стране была на порядок стабильнее. Да и Мстиславский во многих аспектах проигрывал Гедиминовичу В. В. Голицыну. К тому же Мстиславский, хоть и был женат дважды (на Ульяне, умершей в 1586 году и на Домне Михайловне Темкиной-Ростовской, пережившей мужа на шесть лет и умершей в 1630 году), но потомства не имел. Не имели потомства и его ближайшие родственники. Со смертью Федора Ивановича род Мстиславских пресекся. Так что в случае избрания Мстиславского на престол надо было сразу готовиться к новому династическому кризису. Зато в случае избрания королевича Владислава Мстиславский мог стать регентом, то есть фактическим правителем государства при малолетнем царе, который даже не знал русского языка.

Ф. И. Мстиславский тайно вступил в сношения с гетманом Жолкевским. 20 июля 1610 года польское войско выступило из Можайска к Москве.

Гермоген всеми силами противился избранию Владислава, не без оснований видя в этом угрозу самому существованию Православной церкви. С ведома патриарха, но без его подписи пошла по городам грамота, направленная против избрания Владислава: «Видя меж православных христиан междоусобие, польские

и литовские люди пошли в землю государства Московского и многую христианскую кровь пролили, и церкви Божии и монастыри разорили, и образам Божиим поругаются, и хотят Православную христианскую веру в латинскую превратить. И ныне польский и литовский король стоит под Смоленском, а гетман Жолкевский... в Можайске, а иные литовские люди и русские воры пришли с вором под Москву и стали в Коломенском. А хотят литовские люди, по ссылке с гетманом Жолкевским, государством Московским завладеть и Православную христианскую веру разорить, а свою латинскую веру учинить».

Наконец, и сам патриарх потрянул стариной, вышел на Лобное место и начал уговаривать народ избрать на престол православного человека. Гермоген страдал народ примерами из древней и новой истории: «Помните, православные христиане, что Карл в Великом Риме сделал!» Но народу было не до Карла и не до Великого Рима, а современник по этому поводу отметил: «Все люди посмеялись, заткнули уши чувственные и разумные и разошлись».

Тушинский патриарх Филарет, попытавшийся бежать в Польшу, но силой возвращенный в Москву, тоже полез на Лобное место и обратился к людям: «Не прельщайтесь, мне самому подлинно известно королевское злое умышление над Московским государством: хочет он им с сыном завладеть и нашу истинную христианскую веру разорить, а свою латинскую утвердить».

Естественно, что народ и это увещевание оставил без внимания. Замечу, что Филарет в отличие от Гермогена действовал корыстно и лицемерно. Он параллельно вел агитацию и за своего сына Михаила, и за королевича Владислава, в зависимости от ситуации и компании, в которой он находился.

В августе 1610 года большинству жителей Москвы, от бояр до посадских, представлялась единствен-

ная альтернатива — Тушинский вор или королевич. А всякие разговоры об избрании на престол третьего лица казались бредом. Да и кого мог предложить патриарх в цари? Честолюбивого и беспринципного, а вдобавок и глупого князя В. В. Голицына? Или четырнадцатилетнего подростка Михаила с его тушинской родней? Надо сказать честно: не только Семибоярщина, но и большинство жителей Москвы желало Владислава. И в чем-то их можно было понять — утопающий хватается за соломинку. В такой ситуации Гермогену ничего не оставалось делать, как уступить.

27 августа 1610 года на полдороге между Тушином и Москвой состоялась торжественная присяга москвичей королевичу Владиславу. В первый день присягнуло десять тысяч человек, а гетман Жолкевский со своей стороны от имени Владислава присягнул в соблюдении договора. На следующий день присягали уже в Москве в Успенском соборе в Кремле в присутствии Гермогена. Туда пришли русские тушинцы, прибывшие под Москву с Жолкевским, — Михаил Салтыков, князь Мосальский и другие. Когда они подошли для благословения к патриарху, тот сказал им грозно: «Если вы пришли правдою, а не лестью, и в вашем умысле не будет нарушения Православной вере, то будь на вас благословение от всего вселенского собора и от меня грешного, если же вы пришли с лестью, с злым умыслом против веры, то будьте прокляты». Салтыков со слезами на глазах стал уверять Гермогена, что будет у них истинный государь, и патриарх благословил его. Но на Михаила Молчанова Гермоген закричал: «Окаянный еретик! Тебе не след быть в церкви», — и велел немедленно выгнать его.

С гетманом Жолкевским бояре подписали вполне приемлемые условия (кондиции), при которых мог быть коронован Владислав. В частности, он должен был вначале принять православную веру, а затем по-

лучить корону. Отец же его король Сигизмунд полностью отстранялся от русских дел и даже не мог приехать в Москву. Если бы поляки четко выполнили все условия договора, то со Смутой в Русском государстве было бы покончено в считанные недели, а на московском престоле утвердилась бы династия Ваза. Забавная ситуация сложилась бы в Европе — в трех сильных государствах на престолах сидели бы родственники из семейства Ваза: на Руси — православный царь Владислав Ваза, в Польше — его отец-католик, а в Швеции — его двоюродный братец-протестант. Но вероятность такого исхода с самого начала была равна нулю. Подписывая договор с боярами, Жолкевский знал, что король Сигизмунд никогда не согласится с его условиями. Причем тут имело место не превышение Жолкевским своих полномочий. Вспомним, как Сигизмунд еще год назад рассылал грамоты, где представлял себя радетелем православия. И Сигизмунд, и Жолкевский прекрасно понимали, что без обмана им никогда не удастся завладеть Московским государством. Всех войск короля и всех частных польских армий не хватило бы, чтобы взять Москву. Да и одна попытка сделать это сплотила бы страну в борьбе против ляхов.

Король Сигизмунд хотел сделать с Московским государством то, что было ранее сделано с Литвой, с Малой и Белой Русью. Он желал иметь одно государство, одну веру и одного короля. И для этого Сигизмунд и Жолкевский действовали по принципу: «Чем чудовищнее ложь, тем больше ей верят».

Подойдя к Москве, Жолкевский постарался удалить оттуда наиболее опасных политиков — Василия Васильевича Голицына и митрополита⁶⁵ Филарета. Для этого их включили в посольство, отправленное в Польшу. Крайне интересно, как реагировал Гермоген на прибытие в Москву тушинского патриарха Филарета. Было ли какое-то церковное решение ти-

па: «С такого-то числа патриарха Филарета вернуть в чин митрополита Ростовского»? Вполне возможно, что оно и было, и пришлось Филарету каяться, но, видимо, документ об этом был уничтожен самим Филаретом в 20-х годах XVII века. И сейчас у историков создается впечатление, что Гермоген напрочь забыл о похождениях тушинского патриарха.

Гермоген пытался вести активную политическую деятельность. Он вместе с послами отправил от себя письмо к Сигизмунду, где умолял короля отпустить сына в православную веру: «Любви ради Божией смилуйся, великий государь, не презри нашего прошения, да и вы сами Богу не погрубите, и нас богомольцев своих и таких неисчетных народов не оскорбите».

Для защиты себя от войска Тушинского вора, как, впрочем, и от русских ратников, стоявших в Москве, Семибоярщина попросила гетмана Жолкевского ввести в столицу польские войска. Жолкевский понимал политическую и военную невыгодность этой ситуации и долго противился настоянию бояр и польских офицеров, мечтавших пограбить Москву. В конце концов Жолкевский предложил компромисс и послал Гонсевского в Москву к боярам с предложением отвести польскому войску Новодевичий монастырь и слободы. Бояре согласились на это, но Гермоген был категорически против селить рыцарство вместе с монахинями, а выселять их из монастыря считал неприличным. Это мнение патриарха сыграло свою роль, и вокруг него стали собираться дворяне, торговые и посадские люди и стрельцы.

Гермоген дважды посылал за боярами, но они не являлись, прикрываясь неотложными государственными делами. Тогда патриарх послал сказать боярам, что если они не хотят сами идти к нему, то он пойдет к ним, и не один, а со всем народом. Бояре испугались и пошли к патриарху. Разговор бояр с патриархом длился часа два, бояре пытались убедить

Гермогена в благонамеренных замыслах Жолкевского. Но Гермоген доказывал, что гетман нарушает условия, не отправляет войско против Калужского вора, хочет ввести свои войска в Москву, а русские полки высылают против шведов. Бояре утверждали, что введение польских войск в Москву необходимо, а то чернь сдаст город Тушинскому вору. Иван Никитич Романов сказал Гермогену, что если Жолкевский отойдет от Москвы, то всем боярам придется идти вместе с ним, спасая свои головы от расправы, и тогда Москва достанется вору, и патриарх будет за это в ответе. Бояре прочли Гермогену устав Жолкевского, по которому должны предотвращаться и наказываться буйства поляков. Гонсевский, узнав, о чем идет речь у патриарха с боярами, послал сказать последним, что Жолкевский завтра же высылает войско против самозванца, если только московские полки будут готовы. Это известие дало боярам перевес в споре, и Мстиславский воспользовался случаем, чтобы похвалить гетмана. Бояре решились даже сказать патриарху, что его дело — смотреть за церковью, а в мирские дела не вмешиваться, ибо никогда духовенство не управляло государственными делами. Как будто бы предание государства иноверцам не касалось церкви!

Заняв Москву, поляки под различными предлогами расформировали большое войско, находившееся в городе на момент прихода Жолкевского. В результате Семибоярщина и патриарх потеряли всякую власть в столице.

Все большую власть приобретали ставленники поляков М. Г. Салтыков и простой посадский кожевник Федор Андронов, в октябре 1610 года ставший государственным казначеем. Андронов начал свою карьеру в Тушине, где получил от Лжедмитрия II звание думного дворянина. Естественно, что Салтыков и Андронов стали непримиримыми противника-

ми Гермогена. Они настрочили донос Сигизмунду на патриарха, что-де «...на Москве патриарх призывает к себе всяких людей и говорит о том: буде королевич не крестится в христианскую веру и не выйдут из Московской земли все литовские люди, и королевич-де нам не государь. Такие-де свои словеса патриарх и в грамотах своих от себя писал во многие города. А москвичи-де посадские люди лучшие и мелкие все поднялися и хотят стоять».

Тут возникает вопрос о знаменитых грамотах Гермогена, рассылаемых им по всей стране и призывавших русский народ на борьбу с поляками. Проблема в том, что первые патриаршьи грамоты не только не сохранились, а известны по другим источникам, но и там не говорится, что они были подписаны Гермогеном.

Так, историки пишут о грамоте Гермогена, датированной началом января 1611 года. О ней известно лишь из грамоты Прокопия Ляпунова, пришедшей в Нижний Новгород 31 января 1611 года. Ляпунов пишет: «...Писали вы к нам с сыном боярским с Иваном Оникиевым, что января ж в 12 день приехали с Москвы к вам в Нижний сын боярский Роман Пахомов да посадкой человек Родион Мосеев, которые посланы были от вас к Москве, ко святейшему Ермогену патриарху Московскому и всея Руси и ко всей земле с отписками и для подлинных вестей. А в расспросе, господа, вам сказывали [приехавшие 12 января гонцы. — А. III.], что приказывал с ними в Нижний к вам святейший Ермоген патриарх Московский и всея Руси речью. А письма, господа, к вам не привезли, что-де у него [Гермогена. — А. III.] писати некому, дьяки и подьячие, и всякие дворовые люди пойманы, а двор его весь разграблен... И мы, господа, про то ведаем подлинно, что на Москве святейшему Ермогену патриарху Московскому и всея Руси, и всему Освященному собору, и христоименитому народу от богоотступников от бояр, и от польских, и от литовских людей гоненье и теснота

великая. И мы боярам московским давно отказали [подчиняться. — А. III.] и к ним о том писали, что они, прельстися на славу века сего, Бога отступили и приложилися к западным и к жестосердным, на своя овца обратились. А по своему договорному слову и по крестному целованью, на чем им договорися корунный гетман Жолкевский королевскою душею крест целовал, ничего не совершили. И на том, господа, мы сослався с колуженскими, и с тульскими, и с михайловскими, и всех Северских и украинных городов со всякими людьми, давно крест целовали, что нам за Московское государство с ними и со всею землею стояти вместе заодно и с литовскими людьми битись до смерти. А как, господа, мы к боярам о патриархе и о мирском гонении и о тесноте писали — с тех мест патриарху учало быти вольнее и дворовых людей ему немного отдали».

Можно привести еще ряд грамот из Нижнего Новгорода и других городов, где говорится о призывах Гермогена идти на Москву, но, увы, там тоже нет ссылок на конкретные патриаршьи грамоты, а есть только ссылки на третьих лиц, передававших мнение Гермогена.

С другой стороны, по свидетельству князя И. А. Хворостина, бояре «возъяришася на архиереа» и не велели пускать к нему народ для благословения. «Он же, пастырь наш, аки затворен бысть от входящих к нему, и страха ради мнози отрекошася к его благословию ходити, но сей никакже обычного своего учения оставив».

Скорее всего патриарх вел закулисную агитацию против поляков, но никаких грамот лично не подписывал. Ляпунову и вождям первого ополчения крайне нужна была какая-то видимость легитимности, и они ссылались на волю патриарха. Вспомним, что через 60 лет Стенька Разин, идя вверх по Волге, утверждал, что получил благословение на поход на Москву у свергнутого патриарха Никона.

Ляпунов с товарищами писал по городам в феврале 1611 года: «И ныне, с Божиею милостию, возложя упование на всесильного Бога и на Пречистую Богородицу, по благословию нового исповедника и поборателя по православной вере, отцем отца святейшего Ермогена патриарха Московского и всея Руси, втораго великого Златоуста, исправляющего несумненно безо всякого страха слово Христовы истины, обличителя на предателей и разорителей нашия христианской веры, мы... и вся земля служивые люди Московского государства, целовали животворящий крест Господень на том, что всем стати за образ Пречистыя Богородицы и великих чудотворцев и за истинную Православную веру против злых разорителей веры христианской, польских и литовских людей».

В свою очередь бояре попытались заставить Гермогена написать Ляпунову грамоту, «чтоб он к Москве не собирался». Патриарх отказался и пригрозил, что если Владислав не примет православия, а поляки не уйдут из Москвы, то он напишет вождям первого ополчения, что «я их благословляю и разрешаю, кто крест целовал королевичу, идти под Московское государство и помереть всем за Православную христианскую веру». В ответ Михаила Салтыков кинулся с ножом на патриарха, но Гермоген «против ножа его не устранился и рече ему великим гласом, осеняя крестным знамением: «Сие крестное знамение против твоего окаянного ножа. Да будь ты проклят в сем веке и в будущем!» Стоявшему же рядом боярину Мстиславскому патриарх посулил: «Твое есть начало, тебе за то добро пострадати за Православную христианскую веру, если прельстишся на такую дьявольскую прелесть — и Бог пресилит корень твой от земли живых». Мол, будишь противиться ляхам — будет у тебя сын, а нет — умрешь без потомства. На этом разговор закончился.

Через некоторое время бояре вновь пришли к патриарху с прежними требованиями. И вновь Гермоген отказался писать Ляпунову, чтобы тот не шел к Москве. Мало того, Гермоген снова начал обличать Салтыкова: «Я-де к ним не писывал, а ныне к ним стану писать. Если ты, изменник Михайло Салтыков, с литовскими людьми из Москвы выйдешь вон, и я им не велю ходить к Москве. А буде вам видеть в Москве, и я их всех благословляю помереть за православную веру, что уж вижу поругание православной вере, и разорение святым Божиим церквам, и слышать латинского пения не могу!» Далее в «Летописце» сказано, что «латинское пение» Гермоген слышал из походного костела, который ляхи устроили в палатах на старом дворе Бориса Годунова.

Бояре начали «позорить и лаять» Гермогена. В итоге патриарх был заключен под стражу. Гермоген был освобожден лишь на один день — 17 марта 1611 года в Вербное воскресенье. Ему разрешили по обычаю проехать по улицам Москвы на осле (обряд в честь въезда Христа в Иерусалим). Обычно патриарха в Вербное воскресенье сопровождали толпы москвичей. Но на сей раз за Гермогеном никто не пошел — горожане были уверены, что поляки устроят в праздник резню.

Итак, Семибоярщина и поляки лишились духовной власти и тогда вспомнили о сидевшем под надзором в Чудовом монастыре бывшем патриархе Игнатии. Его решили вернуть в сан патриарха. 24 марта 1611 года в Пасхальное воскресенье Игнатий в патриаршьем облачении провел крестный ход и отслужил все службы в Успенском соборе. Но сей патриарх был, так сказать, местного значения. Он был надобен лишь в пределах Кремля и Белого города. Отправляя 5 октября 1611 года грамоту королю Сигизмунду, бояре даже не рискнули поставить под ней подпись Игнатия. (Естественно, что Гермоген никогда бы не подписал эту грамоту.)

Боярская грамота Сигизмунду начиналась так: «Наияснейшему великому государю Жгимонту III и проч. великого Московского государства ваши государские богомольцы: Арсений архиепископ Архангельский и весь Освященный собор, и ваши государские верные подданные, бояре, окольные и т. д.

Грек Арсений Елассонский по указанию Семибоярщины вел службы в Архангельском соборе Кремля и посему лихими дьяками был возведен в чин архиепископа Архангельского.

Равно Семибоярщина боялась упоминать патриарха Игнатия в грамотах к русским городам. И это понятно — поляки давно смеялись над русскими, что у них слишком много патриархов. А у русских людей в провинциях возник бы резонный вопрос, откуда и как появился новый патриарх, пошли бы слухи о смерти Гермогена и т. д. Вожди второго ополчения получили бы хороший козырь в борьбе с поляками и Семибоярщиной.

Патриарх Игнатий не строил иллюзий относительно своего положения в Кремле и с первой же оказией решил бежать. 27 декабря 1611 года вместе с обозом гетмана Ходкевича он отправился к королю Сигизмунду под Смоленск. В ноябре 1612 года Сигизмунд взял «патриарха» Игнатия с собой в поход на Москву. После провала похода Игнатия поселили в униатском Троицком монастыре в Вильно. Архимандриту монастыря Вельямину Рутскому удалось уговорить Игнатия принять унию. В январе 1615 года король Сигизмунд пожаловал Игнатия большим имением. В королевских грамотах он именовался «патриархом Московским, на сей час в Вильне будущим», где «успокоенья нашего с Москвою дожидается».

В 1618 году поляки утверждали, что патриарх Игнатий идет с войском Владислава на Москву. Это был довольно сильный пропагандистский ход, по-

сколько царь Михаил с матушкой оставили Русь без патриарха в самые критические для нее годы.

Во время переговоров представителей Владислава с русскими под Москвой в конце 1618 года — начале 1619 года поляки о патриархе Игнатии уже не упоминали. Некоторые историки полагают, что к этому времени Игнатий умер, другие относят его смерть к 1640 году. В любом случае он уже никому не был нужен.

Между тем Гермоген продолжал находиться под стражей в Чудовом монастыре. Я пишу «под стражей», отдавая дань привычному историческому штампу. Благо, нет никаких достоверных свидетельств о конкретных ограничениях свободы патриарха. Например, его не выпускали из кельи и у дверей стояла вооруженная охрана, или его просто заставляли выполнять строгий устав, обязательный для всех монахов, или его не выпускали из монастыря? Я лично склоняюсь к последнему варианту.

Единственной патриаршей грамотой, признанной всеми историками, является письмо Гермогена в Нижний Новгород, датированное 25 августа 1611 года. В грамоте сказано: «В Нижний Новгород благословение архимандритам, и игуменам, и протопопам, и всему Святому собору, и воеводам, и дьякам, и дворянам, и детям боярским, и всему миру: от патриарха Ермогена Московского и всея Руси мир вам, и прощение, и разрешение. Да писати бы вам из Нижнего в Казань к митрополиту Ефрему, чтоб митрополит писал в полки к боярам учительную грамоту да и казацкому войску, чтоб они стояли крепко в вере. И боярам бы говорили и атаманы бесстрашно, чтоб они отнюдь на царство проклятого Маринкина паньина сына... не благословляю. И на Вологду ко властем пишете ж так же, как бы писали в полки. Да и к Рязанскому [архиепископу. — А. III.] пишете тож, чтоб в полки так же писали к боярам учитель-

ную грамоту, чтоб уняли грабеж, корчму, блядню, и имели б чистоту душевную и братство, и промыслили б, как реклись, души свои положить за Пречистыя Богородицы дом, и за чудотворцев, и за веру, так бы и совершили. Да и во все города пишете, чтоб из городов писали в полки к боярам и атаманы, что отнюдь Маринкин сын на царство не надобен: проклят от Святого собору и от нас. Да те бы вам грамоты с городов собрати к себе в Нижний Новгород да прислати в полки к боярам и атаманы. А прислати (с грамотами) прежних же, коих естя присылали ко мне с советными челобитными бесстрашных людей: свияженина Родиона Мосеева да Ратмана Пахомова. А им бы в полках говорити бесстрашно, что проклятый отнюдь не надобе. А хоти буде и постражате, и вас в том Бог простит и разрешит в сем веке и в будущем. А в города для грамот посылати их же, а велети им говорить моим словом. А вам всем от нас благословение и разрешение в сем веке и в будущем, что стоите за веру неподвижно, а аз должен за вас Бога молити».

Обратим внимание, что в своей грамоте Гермоген ни разу прямо не выступил против Семибоярщины и поляков.

Родион Мосеев привез эту грамоту Гермогена в Нижний Новгород 25 августа 1611 года, а 30-го копию ее отправили в Казань. Получив грамоту, митрополит Ефрем среагировал немедленно: «Со всею землею Казанского государства, что нам отнюдь на царство проклятого паньина Маринкина сына не хотети. А буде казаки того Маринкина сына или иного кого учнут на Московское государство выбирать своим произволом, не сослався со всею землею, и нам того государя на Московское государство не хотети и против его стояти все Казанским государством единодушно. А vybrati б нам на Московское государство государя, сослався со всею землею, кого нам государя Бог даст».

О смерти Гермогена нам известно из грамоты монахов Троице-Сергиева монастыря, полученной князем Д. М. Пожарским в начале апреля 1612 года. Там говорится, что поляки прислали к Гермогену русских людей, которые пытались уговорить его написать нижегородскому ополчению, чтобы не ходило к Москве. Гермоген отвечал: «Да будут благословенны те, которые идут для очищения Московского государства, а вы, изменники, будьте прокляты». Поляки за это велели уморить патриарха голодом. Умер Гермоген 17 февраля 1612 года и был погребен в Чудовом монастыре.

Заметим, что к февралю 1612 года положение с продовольствием в Кремле стало хуже некуда. Польские солдаты доходили до людоедства. Естественно, что рацион заключенных был крайне скуден, а Гермогену уже было за восемьдесят.

После смерти Гермоген был причислен к лику святых. Царские и церковные историки сделали из него мученика за веру и духовного вождя русского народа в борьбе с поляками. В советское время патриотическая деятельность Гермогена оценивалась положительно, но куда более скромно. Гермоген явно не тянет на роль вождя или даже организатора двух ополчений, его скорее можно назвать символом борьбы русских людей против польской интервенции.

Марина Мнишек

роковую роль в истории Смуты сыграла польская семейка Мнишков. Собственно, поляками я называю Мнишков, лишь следуя укоренившемуся историческому и литературному штампу. На самом деле Мнишки были чехами. Но назвал Пушкин Марину в сцене у фонтана «польской девой», так теперь и рука не поднимается написать «чешская дева», да и большинству читателей ухо резать будет. Так что буду называть Мнишков поляками.

Раз уж заговорили о Пушкине, то надо сказать, что к Марине Мнишек он испытывал эмоции почти как к современнице, с которой лично знаком. 30 января 1829 года он писал Н. Н. Раевскому: «Я заставил Дмитрия влюбиться в Марину, чтобы лучше оттенить ее необычный характер. У Карамзина он только слегка отмечен. Но это, конечно, была престранная красавица. У нее только одна страсть — честолюбие, но такое сильное, бешеное, что трудно себе представить. Хлебнув царской власти, она опьяняет себя химерой, протитутуируется, переходит от проходимца к проходим-

цу — то делит ложе отвратительного еврея, то живет у казака в палатке, всегда готовая отдаться каждому, кто даст ей хоть слабую надежду на трон, уже несуществующий. Смотрите, как она мужественно переносит войну, нищету, позор; но с польским королем она сносится как венценосец с венценосцем. И какой конец у этой буйной, необыкновенной жизни. У меня для нее только одна сцена, но если Бог продлит мои дни, я к ней вернусь. Она волнует меня как страсть».

К моменту появления Лжедмитрия I в Польше Мнишки обладали определенным влиянием при дворе, но с этим привилегированным положением соединяли равную ему и вполне заслуженную неприязнь в народе. Мнишки, чехи по происхождению, недавно поселились в Польше. Отец Юрия Николай Мнишек переехал в Польшу из Моравии где-то в 1540 году. Родовое имя Мнишков нашло сомнительную славу в хрониках Священной Римской империи, но носитель его принес с собой большое состояние, нажитое им на службе у короля Фердинанда⁶⁸. Николай Мнишек выгодно женился на дочери санокского кастеляна Каменецкого и тем самым породнился с одной из аристократических фамилий Польши. Это открыло ему доступ к самым высшим должностям в государстве. Вскоре он получил звание великого коронного подкормия.

Подобно своим предкам, потомки Николая Мнишка никогда не блистали военными доблестями. Оба его сына, Николай и Юрий, служили при дворе Сигизмунда II и ничем не проявили себя до тех пор, пока смерть супруги короля Варвары Радзивилл не изменила кардинально его характер. Король предался разврату и мистицизму, и Мнишки проявили тогда свои таланты. Проворные маклеры и искусные сводники, они доставляли своему безутешному государю колдунов, вызывателей духов, любовниц и разные зелья и средства для возбуждения потехи. В одном мо-

настыре бернардинок воспитывалась юная красавица по имени Варвара. Она была удивительно похожа на покойную королеву. Юрий Мнишек пробрался туда, переодевшись в женское платье, и Варвара согласилась еще более реальным образом напомнить королю о прелестях столь горячо оплакиваемой супруги. Варвара была дочерью простого мещанина Гжи. Ее поселили во дворце, и два раза в день Юрий Мнишек отводил ее к королю.

Это «ремесло» возвело его в должность коронного кравчего и управляющего королевским дворцом. В его обязанности входило также наблюдение и за другими любовницами короля, жившими во дворце. В то же время, действуя заодно с братом, Юрий Мнишек приобрел большое влияние на большинство государственных дел и распоряжаться королевской казной. Но оба брата Мнишка больше всего обогатились в день смерти Сигизмунда II. Король, изнуренный всякими излишествами и уж смертельно больной, отправился с несколькими приближенными в Книшинский замок в Литву. Разумеется, братья Мнишки и красавица Варвара сопровождали короля в этом путешествии. В ночь после кончины Сигизмунда они отправили из замка несколько плотно набитых сундуков. В результате этого в замке не нашлось даже одежды, чтобы достойно облачить державного покойника.

Этот скандал наделал такого шума, что на ближайшем сейме были возбуждены публичные прения по этому вопросу. По-видимому, обвиняемым не удалось оправдаться, однако при помощи могущественных покровителей им удалось избежать судебного преследования, которого требовали на сейме, и обязательства вернуть украденное. Краковский воевода Ян Фирлей, великий коронный маршал и зять братьев Мнишков, успешно замял это дело. Мнишки остались по-прежнему богаты, важны и также презираемы.

Король Стефан Баторий терпеть не мог Юрия Мнишка, и тот должен был удовлетвориться незначительной должностью радомского кастеляна. Сигизмунд III снял опалу с Мнишка.

В 1603 году Юрию было около пятидесяти лет. На тучном туловище и короткой толстой шее склонного к апоплексии человека сидела продолговатая голова с выпячивающимся подбородком и с лукавым взглядом голубых глаз. Юрий обладал превосходными качествами царедворца. Его почтительные манеры и красноречие снова сослужили ему хорошую службу. Еще больше Мнишек набил себе цену, выставляя на показ глубокую набожность. Получив Самборскую королевскую экономию, Сандомирское воеводство и Львовское староство, он построил два монастыря — доминиканский в Самборе и бернардинский во Львове и в то же время пожертвовал десять тысяч флоринов для строительства во Львове иезуитского колледжиума. Он умело делил свои дары между этими тремя влиятельными орденами и не упускал из-за этого возможности укрепить свое положение брачными союзами преимущественно с протестантскими семьями. Католический мир избегал их как зачумленных, поэтому они были доступнее и представляли весьма выгодные партии. Муж одной из сестер воеводы — Фирлей — был кальвинист. Другая сестра Мнишка вышла замуж за арианина Стадницкого. Сам Юрий Мнишек женился на Ядвиге Тарло, отец и братья которой были также ариане.

Юрий Мнишек буквально выжимал все соки из Самборского воеводства, но постоянно нуждался в деньгах и не вылезал из долгов. Чтобы выйти из затруднительного положения, Мнишек нашел лишь одно средство — выгодно выдать замуж своих дочерей. Он не давал за ними приданого, но тем не менее находил им богатых и покладистых мужей. Его старшая дочь Урсула вышла замуж за Константина Констан-

тиновича Вишневецкого, вполне способного поддерживать своего бедствующего тестя. Младшая дочь Мария, или Марина, поджидала еще жениха. В то время ей исполнилось восемнадцать или девятнадцать лет.

На дошедших до нас портретах мы видим, что Марина не обладала ни особой красотой, ни женским обаянием, несмотря на то что живописцы, щедро оплачиваемые Мнишком, постарались приукрасить ее внешность. Даже на парадном портрете будущая московская царица выглядела не сильно привлекательно: лицо вытянутое, слишком длинный нос, губы тонкие, жидкие черные волосы. Ко всему прочему Марина была низкорослая и тщедушная. Все это мало соответствовало тогдашнему идеалу красоты. Но не надо сбрасывать со счетов и субъективный фактор. То, что оставило бы безразличным современника Гришки мушкетера Арамиса, могло вызвать восторг у беглого монашка, впервые увидевшего совсем рядом знатную шляхтянку, да с непокрытыми волосами, ведь на Руси он мог видеть боярышень только издалека.

Свел самозванца с Мнишками Константин Вишневецкий — двоюродный брат Адама Александровича Вишневецкого. Появление самозванца в Самборском замке вызвало у Мнишка очередной приступ алчности. Оставим сентиментальным романистам описание первой встречи Отрепьева и Марины Мнишек. То ли самозванец действительно влюбился в Марину, то ли он заключил деловой союз с ее отцом. Я не исключаю, что имело место и то и другое. Куда более любопытно другое: и наши, и польские историки постоянно подчеркивают религиозный фанатизм Марины. И делают это вполне обоснованно, вспомним хотя бы конфликты с православным духовенством на свадьбе в Москве в 1606 году. Но почему-то никто до сих пор не обратил внимания на небольшую неувязку. Как уже говорилось, вся родня Мнишковых состояла, как нарочно, из протестантов и ариан, да тут еще Урсула вы-

шла замуж за православного. Князья Вишневецкие уже несколько столетий были православными, а католическими лишь в 20–40-х годах XVII столетия. И заметим, никаких скандалов на религиозной почве ни у Юрия, ни у Марины с родственниками-иноверцами не возникало. При этом ни отец, ни дочь не были образцами религиозного благочестия, скорее их можно назвать образцами безнравственности и разврата. Так когда и как столь нечистоплотная в жизни и индифферентная к религии Марина превратилась в фанатичку? Намек на разгадку этой тайны нам дает весьма компетентный современник Марины гетман Станислав Жолкевский, который уже после 1612 года писал о Мнишке: «...Из честолюбия и корыстных видов решил он покровительствовать и ввести на царство Московское московитянина Гришку, сына Отрепьева, который обманом назвался царевичем Московским Дмитрием Иоанновичем... С помощью лести и лжи, которые были орудиями его действий, и родственника своего ксендза Бернарда Мациевского, епископа Краковского, имевшего в то время большой вес при дворе, он достиг того, что король явно стал благоприятствовать этому делу и смотрел на оное сквозь пальцы, против совета многих знатнейших сенаторов, которым оно весьма не нравилось».

Итак, в дело ввязался краковский епископ, имевший тесные связи с иезуитами. Замечу, что Бернард Мациевский был один из инициаторов введения в 1596 году Брестской унии. А в конце 1603 года папа Климент VIII сделал его кардиналом. Добавим, что римский папа Климент VIII в 1588 году был направлен легатом в Польшу, правда, звался он тогда Ипполит Альдобрандини. Царь-католик на московском троне для Климента VIII был не только триумфом контрреформации, но и личным его успехом.

Мнишки и иезуиты взяли Отрепьева под жесткий контроль. И в Самборе, а затем и в Кракове самозва-

нец был вынужден жить в домах Юрия Мнишка, и его свобода передвижения была ограничена. Уже в Самборе Отрепьева усиленно накачивал ксендз Помаский и богослов Анзеришу. Видимо, уже в Самборе католическое духовенство и иезуиты заключили сделку с Юрием Мнишкой. В обмен на поддержку церкви и ордена Мнишки должны были сделать все для истребления православия в России. Соответственно Марина теперь должна была ревностно выполнять все обряды Римско-католической церкви.

В первых числах марта 1604 года Юрий Мнишек привозит самозванца в свой дом в Кракове. Там он знакомит Отрепьева с польскими магнатами, включая радных панов. 15 марта король Сигизмунд III официально принимает самозванца. Отрепьев охотно обещает Мнишку, королю и римскому папе все, что бы они от него потребовали. Он раздает русские земли и обязуется обратить Россию в католичество.

Мнишки и ряд других магнатов собирают для самозванца частные армии, при этом король Сигизмунд III делает вид, что он ничего не знает. 16 октября 1604 года войско самозванца форсировало Днепр и вторглось в пределы Московского царства. Главным воеводой в войске Лжедмитрия I первоначально был его будущий тесть.

Войско самозванца 21 декабря 1604 года нанесло серьезный урон царскому войску воеводы Мстиславского под Новгородом Северским. На сторону Дмитрия перешло несколько городов. Тем не менее война затягивалась, и конца ей не было видно. 4 января 1605 года главнокомандующий Юрий Мнишек самовольно покинул стан самозванца и отправился в Польшу. Уже потом Мнишек заявил, что он вернулся в Польшу по приказу короля и чтобы на сейме выступить в защиту своего будущего зятя.

Но вот 30 июля 1605 года царь Дмитрий торжественно коронуется в Москве. Формально он неограни-

ченный властелин огромного государства, а все его враги повержены. Однако на самом деле положение Лжедмитрия I было более чем неустойчиво. И тут самозванец совершает роковой шаг — отправляет в Польшу посла дьяка Афанасия Власьева уговорить Сигизмунда к войне с турками и испросить его согласия на отъезд Марины в Москву. Своего же личного секретаря поляка Яна Бучинского Дмитрий отправил к самому Юрию Мнишку. Логично объяснить мотивы этого поступка, не имея новой, не доступной современной истории информации, невозможно.

Польский король был явно незаинтересован в усилении Мнишковых, наоборот, Сигизмунд сказал Власьеву, что государь его может вступить в брак, более сообразный с его величием, и что он, король, не преминет помочь ему в этом деле. Но Власьев ответил, что царь никогда не изменит своему обещанию. Сигизмунд же хотел женить Лжедмитрия на своей сестре или на княжне трансильванской.

Большинству польских панов, пришедших с самозванцем в Москву, Мнишки были противны или, по крайней мере, безразличны. Женитьба на польке-католичке могла привести к ссоре с могущественным северным соседом. Особенно с учетом того, что пограничные со Швецией Новгородские земли передавались Марине в наследственное пользование, то есть если бы у нее с Дмитрием не было потомства, то земли перешли бы после смерти Марины к ее польской родне. А главное — национальность и вероисповедание Марины неизбежно вызвали бы озлобление как русского духовенства, так и простого народа.

Дмитрий мог найти невесту в семействе Габсбургов или взять шведскую принцессу в противовес полякам. Наконец, он мог жениться на русской боярышне. Может, дело решила безумная страсть к Марине? Увы, в Москве Лжедмитрий в течение пяти месяцев держал у себя в наложницах Ксению Годунову.

Да и кроме нее к самозванцу регулярно приводили и пригожих девок, и замужних женщин. Я уж не говорю о юном смазливом стольнике Иване Хворостине, с которым развлекался самозванец. Впрочем, чем-то особенным это не являлось, поскольку его «батюшка» Иван Грозный занимался тем же с Федькой Басмановым⁶⁷. Позже царь Василий за оные деяния упек бедного Ванечку Хворостина в монастырь.

За Марину горой стоял только римский престол. В июле 1605 года новый папа Павел V сердечно поздравил «своего возлюбленного сына Дмитрия, правителя России» с восстановлением на московском престоле. Одновременно Рим заставил самозванца форсировать подготовку к браку с Мариной.

10 ноября 1605 года в Кракове Лжедмитрий заочно обручился с Мариной. Церемония прошла с большой пышностью в присутствии короля. Дьяк Афанасий Власьев представлял жениха, но, не понимая своей миссии, только смешил окружающих. На вопрос кардинала, не давал ли жених обещания другой невесте, дьяк отвечал: «А мне как знать? О том мне ничего не наказано», и только на требование кардинала дать решительный ответ сказал: «Если бы обещал другой, то не послал бы меня сюда». Из уважения к будущей царице Власьев никак не решался взять Марину просто за руку, а непременно хотел обернуть свою руку в чистый платок и старался, чтобы его платье не прикасалось к платью сидевшей возле него Марины. За столом король удивился, почему Власьев ничего не ест, тот ответил, что ему неприлично есть при таких высоких особах, вполне достаточно с него смотреть, как они кушают. Каково же было удивление и негодование Власьева, когда Марина встала перед Сигизмундом на колени, чтобы поблагодарить его за все милости, — такого унижения посол никак не ожидал от московской царицы.

По приказу царя Дмитрия Власьев потребовал, чтобы Мнишек с дочерью немедленно отправились в Москву, но воевода медлил, отговариваясь нехваткой денег для уплаты долгов, хотя Лжедмитрий прислал ему крупную сумму и просил поспешить с приездом, несмотря ни на какие расходы.

Жадность Мнишков не имела границ, ведь еще до обручения Афанасий Власьев передал Мнишку богатые подарки будущего зятя: драгоценное оружие, предметы искусства, дорогие ткани и полмиллиона рублей деньгами, как и было обещано в Самборе. Марина тоже не была забыта, ее доля превосходила самые пылкие ожидания. Жених преподнес ей в дар алмазы, жемчуг, великолепные безделушки, среди которых особенно выделялись музыкальный инструмент в виде слона с золотой башней на спине и туалетная шкатулка в золотом быке. Марина получила роскошные ткани огромной цены и редкие меха. Подарки жениха оценивались в 130 тысяч рублей.

Тем не менее Юрий Мнишек слал будущему зятю письма с просьбами выслать денег и погасить его долги. В декабре 1605 года Мнишек узнал о связи Лжедмитрия с Ксенией Годуновой и немедленно обратился к нему с выговором: «Поелику известная царевна, Борисова дочь, близко вас находится, благоволите, вняв совету благоразумных людей, от себя ее отдалить». Тут Отрепьев был вынужден уступить. Ксению Годунову немедленно отправили на Белоозеро в село Горицы в Воскресенский девичий монастырь. Там ее постригли в монахини под именем Ольга.

Приготовления Мнишков к поездке в Москву заняли три месяца, в течение которых Юрий Мнишек удвоил сумму долгов. Но он добился королевского приказа, избавлявшего его от судебного преследования на все время отсутствия, и мог свободно разорять своих кредиторов.

Юрий Мнишек взял с собой в Москву сына Станислава, брата Яна, племянника Павла, зятя Константина Вишневецкого, двух панов Тарло, трех панов Стадницких, пана Любомирского и пана Казановского. В качестве охраны было взято двести гусар и триста гайдуков из частной армии Мнишков.

Торжественный въезд Марины в Москву состоялся 2 мая 1606 года. Она остановилась в Воскресенском монастыре в Кремле. Жених по обычаю не должен был видеть невесту, но поскольку в Воскресенском монастыре жила «мать» Дмитрия инокиня Марфа, которую регулярно посещал «сын», то встречи, видимо, состоялись. Лишь 6 мая, за два дня до коронации и свадьбы, Марина переехала в приготовленное для нее помещение в царском дворце.

За несколько месяцев до свадьбы Дмитрий и Юрий Мнишек обратились к папе римскому с просьбой разрешить Марине после венчания принять причастие по православному обряду, то есть не только хлебом, как это было принято у католиков, но и вином. Павел V оказался в затруднительном положении и был вынужден передать вопрос на решение кардинальской конгрегации. Большинство кардиналов проголосовало против. Письмо папы, запрещавшее Дмитрию и Марине принять причастие хлебом и вином по православному обряду, они получили из Рима незадолго до венчания. Но с другой стороны, человек, отказавшийся от православного венчания, считается московской церковью еретиком. А стать царем-еретиком было бы самоуничтожением для Лжедмитрия.

Обратим внимание — Дмитрий обманул короля Сигизмунда и не спешил выполнять свои обещания, мало того, он вступил в сношения с Зебржидовским и другими «панами рокошанами». Но у римской церкви самозванец давно сидел на крючке и не смел ослушаться. Позже историки будут распинаться, что он

боялся «навсегда потерять желанную невесту, которая была фанатичной католичкой и уже не раз ставила условием брака самое строгое соблюдение всех предписаний своей веры». Один перечень вероисповеданий родных Марины хорошо показывает вздорность подобных утверждений. Марина, как и ее жених, управлялись ватиканскими кукловодами.

Естественно, что перед свадьбой у царя возник конфликт с частью высшего духовенства. Митрополит Казанский Гермоген и епископ Коломенский Иосааф потребовали вторичного крещения невесты-католички. Однако Дмитрий нашел возможность избавить свою невесту от троекратного погружения по православному обряду, отправив Гермогена в ссылку. Остальные же довольствовались миропомазанием, составлявшим необходимую принадлежность коронационного обряда. Сохранившийся обрывок церемониала свидетельствует о причащении Марины, и это двукратное подчинение греческому обряду признали равносильным отречению.

8 мая состоялась свадьба. Рано утром молодых привели в столовую избу, где придворный протопоп торжественно их обручил. В Грановитой палате князь Шуйский кратко приветствовал невесту, и обрученных проводили в Успенский собор. Патриарх совершил обряд миропомазания и торжественно короновал Марину. К большому смущению русских царица не приняла причастия, как того требовала утвержденная думой процедура. Многие присутствующие не скрывали своего негодования по этому поводу. Среди гостей прошел ропот. Коронация Марины в Успенском соборе была неслыханным нарушением всех норм и приличий. Православным царицам даже многолетие стали петь лишь со времен Годунова. И это, казалось бы, безобидное новшество современники восприняли как бесстыдство. Отказ Марины принять причастие возмутил православных. Зато послы

и польские гости были удовлетворены. Как только закончилась коронация, дьяки под разными предложениями выставили послов и иноземцев из церкви и заперли двери. Как только нежелательные свидетели удалились, патриарх обвенчал царя с Мариной по православному обряду. Польские дамы, оставшиеся подле невесты, со смехом описывали своим мужьям, как молодые приняли от патриарха вместе с благословением по кусочку хлеба и глотку вина. Они потешались над чашей, из которой брачующиеся пили по очереди. А потом чашу бросили на пол, и самый проворный должен был раздавить ее — знак его будущего главенства. Чтобы избежать предзнаменования, способного встревожить зрителей, патриарх поспешил сам наступить на хрупкий хрусталь.

Заметим, что в коронации и свадьбе принимали участие, соответственно своему чину, ростовский митрополит Филарет, боярин Иван Никитич Романов и юный стольник Миша Романов. Впоследствии сей факт старательно замалчивался царскими историками. Мало того, на соборе 1620 года патриарх Филарет публично клеймил патриарха Игнатия за отступление от православных обрядов при причащении и коронации католички, но ни словом не обмолвился об участии в этих процедурах митрополита Филарета.

Последующие дни царь и царица провели в пирах и увеселениях, причем на ряд пиров были приглашены только поляки, а из русских присутствовали лишь Дмитрий, дьяк Власьев и князь Мосальский. На одном из пиров, проведя три часа за едой и питьем, всю ночь протанцевали. К утру, переменяя множество кавалеров, «восхитительно танцевавшая Марина завоевала все сердца». Но Гонсевский и Оленицкий, танцуя с ней в одной кадрили, не сняли шляп, и Дмитрий велел им сказать, чтобы берегли головы, иначе их снимут вместе со шляпами.

По странному совпадению в русском народном эпосе героиня с именем Марина, Маринушка, Маринка представляет собой явно отрицательный персонаж. Она — чародейка и вещунья, еретичка и безбожница, даже распутная девка. Она соблазнила девятерых князей или богатырей, своих женихов, которых обратила в животных. Змея, обвивающая ее руку, — первый ее друг. Теперь народ мог лицедреть сей эпический персонаж. Нахальная девица во французском платье с непокрытыми волосами, к тому же еретичка, разве она не могла заколдовать сына Ивана Грозного?

Ночь с 16 на 17 мая Дмитрий и Марина провели вместе, как и подобает новобрачным. Среди ночи раздался шум, Дмитрий вскочил, выбежал из спальни, но вскоре вернулся, успокоив жену, что где-то в Кремле возник пожар. Через несколько минут ворвался Петр Басманов и закричал царю: «Ахти мне! Ты сам виноват, государь! Все не верил, вся Москва собралась на тебя». Вслед за ним ворвался один из мятежников, дьяк Тимофей Осипов. Басманов не растерялся и разрубил его череп палашиом. Брезгливая Марина приказала выкинуть его труп в окно, но это еще более разъярило нападавших. Дмитрий и Басманов с палашиами кинулись на крыльцо отражать нападение.

А брошенная своим супругом Марина металась по дворцу и в конце концов укрылась в комнате своих фрейлин. Говорят, что маленькая и худая Марина спряталась под юбку своей толстой гофмейстерины. Когда в помещение фрейлин ворвались заговорщики, их встретил с палашиом слуга Марины Ян Осмудский. Несколько секунд ему удавалось сдерживать нападавших, а затем он упал, изрубленный саблями. Первым делом заговорщики стали спрашивать фрейлин, где Марина. Те ответили, что не знают. Заговорщики начали с угроз и оскорблений, а закончили из-

насилованием. Если верить немцу Буссову, то были изнасилованы все женщины. А Марина якобы все время сидела под юбкой гофмейстерины. В последнее трудно поверить. Скорее всего ее вытащили, и сделали с ней то же, что и с фрейлинами. Тут появился кто-то из бояр и прекратил безобразие. Марину вывели и заперли в другой комнате, поставив у дверей караул.

Вечером того же дня Марина была отправлена под арест вместе со своим отцом в дом дьяка Власьева. Бояре заставили Марину и Юрия Мнишка вернуть все деньги и драгоценности, подаренные им Отрепьевым. Марина без особого сожаления отдала драгоценности, но очень просила вернуть ей маленького арапа, ранее бывшего у нее в услужении. Просьба эта была исполнена. Старого же мошенника Юрия Мнишка неудача лишь подхлестнула на новые авантюры, и он предложил боярам выдать дочь замуж за... Василия Шуйского! Заметим, что Шуйский был в этот момент не женат, хотя и помолвлен с княжной Марьей Петровной Буйносовой. Мнишек даже намекнул, что в случае победы «рокошан» и свержения польского короля Сигизмунда у супруга Марины появится шанс стать еще и королем Польши. Когда о марьяжном предложении Мнишка доложили Василию Ивановичу, царь, не мудрствуя лукаво, велел послать его к ... матери, и Юрий с Мариной были посланы в Ярославль.

В Ярославле Марина, как и другие поляки, жила за крепким караулом, но ни отец, ни дочь не считали свое дело проигранным и продолжали плести интриги. Мнишки сочинили письмо своей родне, где Марина клялась, что ее супруг не был убит в Москве, а бежал, и для убедительности приводила ряд подробностей его бегства. А Юрий Мнишек уверял, что получил несколько писем от Дмитрия, написанных после его бегства из Москвы. Сам Юрий сличал почерк и якобы удостоверился, что письма подлинные. Доставил

письмо Мнишков в Самбор шляхтич Ян Вильчинский, бежавший в ноябре 1606 года из Ярославля. Так что рассказы наших писак о слезах Марины, узнавшей, что Лжедмитрий II не самозванец, являются вымыслом. Марина, как и Болотников, работала на Лжедмитрия II еще задолго до его появления в Стародубе в июне 1607 года.

В мае 1608 года царь Василий и король Сигизмунд подписали договор о перемирии. По его условиям русские отпустили всех польских пленных, захваченных в Москве в мае 1606 года. Но при этом поляки должны были ехать прямо в Польшу и не представлять к войску Лжедмитрия II. Мало того, в договоре было специально оговорено: Юрию Мнишку не признавать зятем второго Лжедмитрия, дочь свою за него не выдавать и Марине не называться московской государыней. Но еще до подписания договора Лжедмитрий II по наущению поляков вступил в переписку с Юрием Мнишком, находившимся в Ярославле. Мнишку было все равно, в чью постель ляжет его дочь. Он уже отдал ее беглому монаху, предлагал старику Шуйскому, так почему она должна была отказать шкловскому еврею?

Согласно условиям договора Мнишек и другие поляки под сильным конвоем (Соловьев пишет о трех тысячах человек) были отправлены в Польшу. Мнишки предупредили Тушинского вора, и тот направил на перехват польский отряд пана Зборовского. Разведывательные дозоры конвоя обнаружили преследователей и предложили изменить маршрут и уйти от погони. Большинство поляков во главе с бывшими послами Гонсевским и Олесницким согласились, но Мнишки категорически отказались ехать. В конце концов охрана не решилась применить к Мнишкам силу, и они с несколькими поляками остались. Гонсевский с большинством поляков и царским конвоем изменили маршрут и благополучно до-

брались до Польши. Мнишки же со спутниками были перехвачены паном Зборовским и отправлены в Тушино.

По дороге в Тушино «пленники» встретили отряд поляков под командованием усвятского старосты Яна (Петра) Сапеги, двоюродного племянника канцлера Льва Сапеги. Ян начал корчить перед Мариной эдакого средневекового рыцаря-паладина и предоставил ей свободный выбор. Вполне возможно, что именно тогда Марина стала любовницей Сапеги. Марина по-прежнему могла ехать домой, но, увы, безумное честолюбие заставило ее выбрать иной путь. Правда, надо отдать ей должное, Марина сразу решила показать, что она «на рупь дороже», и поехала не в Тушино, а на богомолье в звенигородский Саввино-Сторожевский монастырь. Замечу, что «ревностная католичка» отправилась в православный монастырь.

А в это время Юрий Мнишек три дня торговался с самозванцем и выторговал триста тысяч рублей и Северское княжество с четырнадцатью городами, которые «вор» обещал передать тестю после воцарения в Москве и дал о том «ропись».

Марина прибыла в Тушино 6 сентября 1608 года. Самозванец и Марина при большом стечении народа красиво изобразили долгожданную встречу любящих супругов. Хотя польские источники утверждают, что еще накануне, 5 сентября, Марина и Тушинский вор тайно обвенчались по католическому обряду в лагере Петра Сапеги. Правда это или нет — сейчас это установить трудно. Зато в тушинском лагере теперь был не только царь, но и царица.

Юрий же Мнишек пожил некоторое время в Тушине, но в январе 1609 года благополучно отправился в Самбор. Замечу, что уже после гибели Лжедмитрия II в 1611 году на сейме Юрий Мнишек клялся, что подвергся вместе с дочерью в Тушине «отвратительному насилию» и умалчивал о расписке само-

званца на триста тысяч рублей. Зато ее обнародовали наследники Юрия и стали требовать деньги у... Московского государства. В ходе Северной войны Петр Великий был заинтересован в поддержке польской шляхты и признал правомочным сей документ. Царь предложил Мнишкам шесть тысяч дукатов с тем, чтобы больше они никогда с этой распиской не лезли. Жадные Мнишки царские дукаты взяли, но по-прежнему требовали погашение всего долга. В 1736 году расписка самозванца была официально зарегистрирована в Варшавском архиве. Не дай бог, если она сохранилась до сих пор и поляки ее предъявят. Так ведь господин Путин заплатит, платит же он долги Николая II и Александра III французам.

Между тем жизнь царицы Марины в Тушине резко отличалась от того, что она имела в Москве с Лжедмитрием I. В письмах к отцу она постоянно жаловалась, что ее никто не слушается, что у нее нет денег, что в Тушине нет даже старого венгерского вина и т. д. Письма заканчивались просьбами прислать денег, двадцать аршин черного бархата с цветами на платье и др.

Действительно, власть в Тушине все больше и больше переходила к польским панам, а царь и царица исполняли роль марионеток. Несколько скрашивали жизнь царицы визиты Петра Сапеги. С ним Марина проводила прекрасные вечера, но однажды, возвращаясь от нее, усвятский староста свалился с лошади, гайдуки кинулись поднимать его. Но встать на ноги Сапега не мог, так как был мертвецки пьян.

Любовь любовью, а бабки бабками, и Петр Сапега с большим отрядом поляков в сентябре 1609 года отправился «добывать зипуны» в богатый Троице-Сергиев монастырь. Однако монастырь был хорошо укреплен, а ратники и монахи отчаянно сопротивлялись. Сапега на три с лишним месяца застрял под Троицей.

Между тем дела Тушинского вора шли все хуже и хуже. Шансов овладеть Москвой почти не было. 10 мая 1609 года из Новгорода двинулся к Москве князь Скопин-Шуйский с большим русско-шведским войском. Шел он медленно, но его прибытие к Тушину было неизбежно. Однако самый страшный удар самозванцу был нанесен на западе... королем Сигизмундом. Король нарушил перемирие, осадил Смоленск и теперь требовал, чтобы все поляки покинули Тушинского вора и присоединились к коронному войску. С тушинскими царем и царицей Сигизмунд явно не хотел иметь дело.

Марина прекрасно понимала, к чему все это идет. Для начала она решила установить контакт с королем через своего родственника Станислава Стадницкого. Марина писала Стадницкому: «Кого Бог осветит раз, тот будет всегда светел. Солнце не теряет своего блеска потому только, что иногда черные облака его заслоняют... Разумеется, ни с кем счастье так не играло, как со мною: из шляхтенского рода возвысилось оно меня на престол московский и с престола ввергнуло в жестокое заключение. После этого, как будто желая потешить меня некоторою свободою, привело меня в такое состояние, которое хуже самого рабства, и теперь нахожусь в таком положении, в каком, по моему достоинству, не могу жить спокойно. Если счастье лишило меня всего, то осталось при мне, однако, право мое на престол московский, утвержденное моею коронациею, признанием меня истинною и законною наследницею, признанием, скрепленным двойною присягою всех сословий и провинций Московского государства».

Письмо показывает, в каком жалком положении находилась Марина в Тушине. А самое главное — Марина подчеркивает, что ее права на престол основаны не на правах обоих самозванцев, а в силу ее коронации и присяге жителей Московского государст-

ва признавать ее своей царицей в случае смерти Лжедмитрия I, не оставившего потомства. Следовательно, Марина отделяет свое дело от дела Тушинского вора — он мог быть и обманщиком, каким считает его польское правительство, но Марина от этого ничуть не лишается своих прав на московский престол. Наконец Марина пишет и самому Сигизмунду: «Превратная судьба отняла у меня все, оставив лишь справедливое право и претендентство на престол московской монархии. Обращаю высокое внимание вашего королевского величества на мое посвящение на царство и признание за мною наследственного права на престол, подтвержденные двойной присягой московских сословий. Я убеждена, что ваше королевское величество своим высоким разумом и по доброй совести согласитесь со мной, а мне и моей семье, жертвующей своей кровью и несущей больше издержки на это дело, придете на помощь своей королевской милостью». И подписалась: «Императрица Марина».

Король в ответ через третьих лиц предложил Марине в управление Саноцкую землю при условии ее возвращения и отказа от всяких претензий на московский престол.

В ночь с 27 на 28 декабря 1609 года Лжедмитрий II, не предупредив Марину, бежал из Тушина, переодевшись крестьянином. Теперь Марина осталась никому не нужной. В довершение всех бед она еще была беременна. Тем не менее Марина подговаривает два десятка донских казаков и в ночь с 10 на 11 февраля 1610 года бежит из Тушина. Беременность не мешала ей облачиться в казачий наряд и долго скакать верхом. С ней бежали только горничная Варвара Казановская и паж Иван Плещеев-Глазун. Утром нашли письмо Марины, обращенное к полякам Рожинского, где она писала: «Я принуждена удалиться, избегая последней беды и поругания. Не пощажена

была и добрая моя слава и достоинство, от Бога мне данное! В беседах равняли меня с бесчестными женщинами, глумились над мною... Оставаясь без родных, без приятелей, без подданных и без защиты, в скорби моей поручивши себя Богу, должна я ехать по неволе к моему мужу. Свидетельствую Богом, что не отступлю от прав моих как для защиты собственной славы и достоинства, потому что, будучи государыней народов, царицею московскою, не могу сделаться снова польскою шляхтянкою, снова быть подданною, так и для блага того рыцарства, которое, любя доблесть и славу, помнит присягу».

Говоря об этом письме, польский историк Казимир Валишевский иронизировал по поводу женской логики: «Я знаю, что я могу рассчитывать на вас, итак, я покидаю вас!»

Интересно, что Марина поначалу побежала не в Калугу, а в противоположную сторону — в Дмитров, где с польским войском стоял Петр Сапега. Последний 12 января 1610 года вынужден был снять осаду Троицкого монастыря и занял Дмитров. Однако приехала Марина к милому рыцарю не в добрый час. Скопин-Шуйский атаковал лагерь Сапег у Дмитрова, и полякам пришлось бежать под защиту башен и валов дмитровского кремля. Русские и шведы пошли на штурм кремля, поляки пришли в замешательство. Тогда на вал выскочила брюхатая Марина и закричала: «Что вы делаете, злодеи, я — женщина, и то не испугалась!» Очевидец Николай Мархоцкий писал: «...Благодаря ее мужеству они успешно защитили и крепость, и самих себя».

Побыв несколько дней в Дмитрове с Сапегой, Марина могла воочию убедиться, что он был храбрый рыцарь, но никудышный стратег и политик. К тому же он, как и все паны, обожал красивых женщин, но больше всего любил деньги. Страстная любовь к ним не давала покоя усвятскому старосте, только он никак

не мог решить, где он больше получит — в королевском войске под Смоленском или в Калуге у Тушинского вора? А может быть, лучше сохранить независимость и в частном порядке пограбить матушку-Россию? За хорошую цену он отдался бы и Шуйскому, но, увы, подобных предложений не поступало.

Наконец до «императрицы» дошло, что милый Ян любит ее не столько как женщину, сколько как козырную карту в большой игре. Марина решила ехать к «мужу» в Калугу, но Сапега отказался отпускать ее. В ответ «царица» пригрозила взбунтовать 350 донских казаков, находившихся в войске Сапег. Поскольку поляков в тот момент в Дмитрове было не более тысячи, воевода решил не испытывать судьбу и отпустил даму сердца подобра-поздорову. Марина опять переоделась в мужское платье и в сопровождении четырех поляков отправилась в путь. Зима была снежная, и, как писал Мархоцкий, «она ехала когда на сани, когда верхом». У самой Калуги Марину нагнал ее брат кастелян саноцкий Станислав Мнишек. Он привез ей часть вещей и женскую прислугу, оставленные при бегстве из Тушина. Валишевский утверждает, что Станислав хотел уговорить сестру не ехать в Калугу, но тогда возникает резонный вопрос — а зачем он вез туда прислугу и вещи?

Тушинский вор с помпой встретил любимую жену. Теперь Марина превратилась из тушинской царицы в калужскую. Калужская царица на людях активно поддерживала мужа, но сама считала его ничтожеством. С королем Сигизмундом Марина окончательно поругалась. Когда Ян Сапега предложил от имени короля самозванцу отказаться от титула царя и поехать в Польшу, где ему будут пожалованы крупные земельные владения, Марина гордо ответила: «Пусть король уступит царю Краков, тогда царь подарит ему взамен Варшаву». На польских панов типа Сапег или Лисовского надежды было мало, и Марина посте-

пенно начинает ориентироваться на казаков. Вспомним, как она еще в Дмитрове пугала Сапегу донцами. В Калуге еще при жизни Лжедмитрия II Марина становится любовницей казацкого атамана Заруцкого.

Иван Мартынович Заруцкий представляет собой довольно колоритную фигуру Смутного времени. Родился он в Тернополе в семье малороссийского мещанина. Подростком Иван попал в плен к татарам. Несколько лет он был рабом в Крыму, потом бежал из Крыма к донским казакам. Так пишут о Заруцком все историки, но, увы, не приводят никаких подробностей побега. На самом же деле бежать из Крыма одному молодому невольнику технически крайне сложно, а вероятность успеха близка к нулю. Скорей всего Заруцкий бежал от хозяина и примкнул к отряду донских казаков, гулявших по Крыму. Такие набег донских и запорожских казаков в XVI–XVII веках исчислялись многими десятками. Крымская орда регулярно (почти ежегодно) уходила грабить Московское государство, Польшу или Венгрию, а казаки в свою очередь производили налет на Крым — как морем, так и посуху⁶⁸.

В конце 1606 года Заруцкий примкнул к Болотникову. Летом 1607 года Болотников послал Заруцкого из осажденной Тулы в Стародуб разыскать «царевича Дмитрия». К началу 1608 года Заруцкий в войске Лжедмитрия II командовал отрядом донских казаков. В Тушине самозванец пожаловал Заруцкому боярство.

Ставка Марины на Заруцкого оказалась верной. Тушинский вор сдуру велел утопить в Оке старого касимовского хана Ураза Махмета, но не подумал исключить касимовских татар из своей личной охраны. 11 декабря 1610 года на охоте татарская охрана убила самозванца.

Увидев обезглавленное тело Лжедмитрия II, тушинцы пришли в отчаяние. Главный воевода «вора»

Григорий Шаховский и Иван Заруцкий пытались бежать из Калуги, но были остановлены казаками. Донцам не хотелось уходить домой без хорошей добычи, а «воровским», то есть тушинским, казакам вообще некуда было идти. И тем, и другим нужно было знамя.

Через несколько дней после убийства «вора» Марина разрешилась от бремени и родила «воренка». По «деду» его называли Иваном. Казаки немедленно провозгласили его царем. Петр Сапега предложил Марине с ребенком перейти под его покровительство, но она высокомерно отказалась. Марина хотела быть только московской царицей или никем.

Вождем калужских тушинцев стал Иван Заруцкий. Но для самостоятельных действий у него не хватало сил, и в январе 1611 года он вступает в переговоры с Прокопием Ляпуновым, собиравшим первое ополчение. Ляпунов звал в ополчение всех без разбора, и ряд историков утверждает, что он пообещал Заруцкому, что по изгнанию поляков из Москвы провозгласит царем сына Марины.

По приказу Ляпунова казаки Заруцкого выбили из-под Тулы отряд запорожских казаков, служивших польскому королю. В марте 1611 года казаки Заруцкого в составе ополчения Ляпунова подошли к Москве.

22 июня 1611 года казаки убили главного воеводу ополчения Прокопия Ляпунова. Непосредственное участие в убийстве Заруцкого не доказано, но, во всяком случае, имело место преступное бездействие. С этого момента ополчение управлялось дуумвиратом: тушинским боярином Дмитрием Трубецким и Иваном Заруцким. Постепенно меняется и социальный состав первого ополчения. После убийства Ляпунова начался массовый уход дворян и московских ратных людей, первое ополчение постепенно становится чисто казацким.

Тем не менее Заруцкий не решился прямо предложить ополчению присягнуть «царевичу Ивану». Даже если бы большинство ополченцев поддержало Заруцкого, то большая часть из 25 русских городов, признававших власть ополчения и поддерживавших его материально, отказались бы целовать крест «воренку». Мало того, во всех своих грамотах Гермоген обличал «проклятого Маринкина паньина сына». Поэтому Заруцкий был вынужден вести агитацию за Ивана через подставных лиц.

Пока первое ополчение находилось под Москвой, Заруцкий содержал Марину с сыном неподалеку, в Коломне, под защитой верных ему казаков. Надо ли говорить, что атаман периодически наведывался в Коломну, до которой было всего день-два пути. Свою же законную супругу Заруцкий предусмотрительно заставил постричься в монахини.

При подходе к Москве ополчения Минина и Пожарского Заруцкий понял, что его карьере приходит конец. В самом лучшем случае он мог так и остаться казачьим атаманом, но о Марине пришлось бы забыть навсегда. Заруцкий лихорадочно ищет выход. Он вступает в переговоры с гетманом Ходкевичем, войско которого находилось у села Рогачево. Стороны почти договорились о переходе Заруцкого к полякам, но в последний момент об этом стало известно в стане первого ополчения. Поляк пан Хмелевский убежал от Ходкевича и сообщил Трубецкому, что Заруцкий ведет переговоры с эмиссаром Ходкевича поляком Бориславским. Последний был схвачен и умер под пытками, а Заруцкий вместе с 2500 казаками в ночь на 28 июля 1612 года бежал по Коломенской дороге в Коломну к Марине с сыном. Заруцкий забрал их с собой, разграбил Коломну и ушел на Рязанщину.

Заруцкий намеревался захватить Переяславль-Рязанский, но у Шапка наперерез ему двинулся Владимир Ляпунов, сын покойного Прокопия. В конце

сентября 1612 года у села Киструс в шестнадцати верстах от Рязани Ляпунов разбил казаков, которые отступили на юго-восток Рязанской земли и остановились в Сапожке.

Чтобы помешать Заруцкому укрепиться в Мещерском крае, в Шацк из Рязани было направлено триста стрельцов. Кроме того, в Шацке находился мордовский отряд под командованием кадомского князя Кудаша Кильдеярова и часть мещерских дворян. Заруцкий был вынужден вновь отступить. 11 декабря 1612 года его казаки заняли городок Михайлов, который на несколько недель стал резиденцией «царицы» Марины и «царя» Ивана.

Тем не менее кольцо царских войск (после избрания Михаила на царство силы, подчинявшиеся Москве, буду именоваться для простоты царским войском) сжималось вокруг Михайлова. В середине марта 1613 года Заруцкий с основной частью своего воинства покинул Михайлов и пошел на Епифань. 2 апреля 1613 года в Михайлове произошел переворот. Местные жители, натерпевшиеся от казаков, подняли восстание и частично перебили, а частично взяли под стражу казаков из гарнизона Заруцкого.

Замечу, что Москва пыталась решить вопрос с Заруцким не только силовыми, но и дипломатическими методами. В марте 1613 года Земский собор направил к Заруцкому в Епифань трех казаков «полка Трубецкого» — Василия Медведя, Тимофея Иванова и Богдана Твердикова — «з боярскими и з земскими грамоты». Этих казаков хорошо знал и сам Заруцкий, и его казаки по первому ополчению.

Посланцев Земского собора поначалу встретили в Епифани неласково — их дочиста ограбили и заперли под замок. Но позже Заруцкий сменил тактику и позволил посланцам вернуться в Москву, отправив с ними свои грамоты. Правда, награбленное так и не вернули, и в Москве бояре выдали посланцам компенсацию по

десять рублей на брата. В грамотах Заруцкий просил, чтобы его царское величество, то есть Михаил, «на милость положил, вину его отдал, а он царскому величеству вину свою принесет и Марину приведет».

На казачьем круге в Епифани многие склонялись перейти на службу к царю Михаилу. Более двухсот дворян и казаков бежали от Заруцкого из Епифани, среди них были сапожковский воевода И. Толстой и атаман М. Мартинов. Оба они впоследствии были прощены царем. Видимо, в тот момент сам Заруцкий не знал, что делать, и всерьез рассматривал вариант выдачи Марины московским властям. Толстой и Мартинов показали в Москве, что «Заруцкий-де будто хочет итти в Кизылбаши, а Маринка-де с ним итти не хочет, а зовет его с собою в Литву». Понятно, что уход в Литву означал конец авантюры Заруцкого. В конце концов атаман принимает решение воевать с Москвой до конца. К тому времени в Епифани у Заруцкого имелось две тысячи русских и четыреста черкас, то есть запорожских или малороссийских казаков. Черкасы пришли к Заруцкому в марте 1613 года из Поморья. Историк А. Л. Станиславский задает вопрос: «...Не с действиями ли этого отряда связан «подвиг» Ивана Сусанина?»⁶⁹ Замечу, что слово «подвиг» взято в кавычки не мной, а Станиславским.

10 апреля 1613 года войско Заруцкого покинуло Епифань и двинулось к городку Дедилову. Там Заруцкому удалось отбить атаку отряда тульского воеводы князя Г. В. Тюфякина. Казаки, ограбив Дедилов, двинулись к малой крепости Крапивна. 13 апреля казакам удалось поджечь деревянный острог Крапивны с четырех концов. Небольшой гарнизон был перебит, казаки убили даже попа городской Пречистенской церкви. Крапивненский воевода Максим Денисович Ивашкин был ранен и взят в плен.

13 апреля 1613 года из Москвы против Заруцкого была направлена хорошо вооруженная рать под на-

чалом князя Ивана Никитича Одоевского. 20 или 21 апреля воинство Заруцкого вышло из Крапивны и двинулось на юг, где не было правительственных войск. Неделью Заруцкий провел в местечке Черни. Там по приказу атамана был четвертован крапивненский воевода Ивашкин.

В мае 1613 года Заруцкий дважды пытался штурмовать город Ливны, но оба раза был отбит. В двадцати верстах от Ливн в Чернавске Заруцкий зарыл клад. В 1649 году там при рытье рва был найден винный котел. Говорили, что это «положенья вора Ивашки Заруцкого, потому как он шел из-под Москвы, и в тех местах и где ныне город и слободы Ивашка Заруцкий с Маринкою стоял... а чают, вынесли то положенье чернавские пушкари».

От Ливн Заруцкий повернул на северо-восток и в начале июня занял местечко Лебедянь. Оттуда атаман отступил к Воронежу. По пути к нему пристало несколько сотен донских казаков. 29–30 июня 1613 года в четырех верстах от Воронежа произошло сражение казаков Заруцкого и войска князя Одоевского. Заруцкий понес большие потери, но не был разбит. 1 июля ему даже удалось сжечь Воронеж. Заруцкому пришлось опять бежать на юг.

Замечу, что в Польше внимательно следили за борьбой московских воевод с Заруцким. Весной 1613 года под Боровском был схвачен запорожский сотник Корнило с грамотами к Заруцкому от литовского гетмана Я. К. Ходкевича. Вскоре в Москву бежал ротмистр Синявский, который также вез к Заруцкому грамоты из Польши. Польские источники утверждают, что грамоты были от Ходкевича, а по русским данным — от самого короля. Текст грамот до нас не дошел, а содержание их известно лишь в переложении царской грамоты, адресованной донским казакам: будто бы король приказывал Заруцкому «делать смуту» в Московском государстве и за это обещал ему в

вотчину на выбор Новгород Великий (в то время занятый шведами), Псков с пригородами или Смоленск и «учинить его великим у себя боярином и владетелем».

Между тем Заруцкий продолжал терять сторонников — за Доном у него было уже не более пятисот казаков. От реки Медведицы Заруцкий двинулся к Волге. Там он вступил в союз с ногайским князем Иштериком. Казакам вместе с ногайцами удалось захватить Астрахань. Астраханский воевода князь Иван Хворостин и несколько десятков чиновников и обывателей были казнены по приказу Заруцкого и Марины.

Москва, занятая борьбой с поляками на западе, со шведами на севере и с бандами воровских казаков по всей стране, не могла сразу выделить достаточных сил для борьбы с Заруцким. Поэтому в начале 1614 года правительство предприняло ряд дипломатических мер. Так, 15 июня 1614 года на Дон в поселок Смагин юрт приехал царский посол Иван Опухтин. С ним было послано царское знамя, деньги, сукна, порох и различные припасы. Собрав круг, посол подал атаману царскую грамоту, где говорилось: «И вам бы с тем знаменем против наших недругов стоять, на них ходить и, прося у Бога милости, над ними промыслять, сколько милосердный Бог помощи подаст. К нам, великому государю, по началу и по своему обещанию службу свою и раденье совершали бы, а наше царское слово инако к вам не будет».

Донское войско почти единогласно обещало «служить и прямить» Михаилу так же, как и царям, его предшественникам. Одного из сторонников Заруцкого донцы сами повесили, а второго нещадно избили батогами и бросили в середину круга под царское знамя к ногам посла. Опухтин попросил помиловать виноватого, чем вызвал бурное одобрение казаков.

Волжским казакам царь также направлял грамоты, деньги, сукна, вино и «разные запасы». Москва

начала переманивать на свою сторону и ногайцев, по-слав грамоту Иштерику, где говорилось, что Заруцкий выпустил в Астрахани из тюрьмы врага его, мурзу Джан-Арслана.

Заруцкий проигнорировал царскую грамоту. Волжские же казаки в большинстве своем заявили о своей верности Москве. Лишь ближайшие к Астрахани станицы атамана Верзиги встали на сторону Заруцкого. 560 «охотников за зипунами» отправились к нему в Астрахань. Присоединился к Заруцкому и Терский городок.

В самой Астрахани Заруцкому и Марине было спокойно. Марина хорошо помнила страшный звон московских колоколов 17 мая 1606 года и боялась того же в Астрахани. Она даже запретила ранний благовест к заутреням под предлогом, что звон колоколов пугает ее маленького сына.

Пользуясь тем, что Астраханский край фактически был отрезан от остальной России, «сладкая парочка» распускала по городу нелепейшие слухи. Так, Заруцкий объявил, что Московское государство захвачено Литвой. Предполагают, что Заруцкий объявил себя в Астрахани царем Дмитрием. Во всяком случае, до нас дошел документ — челобитная какого-то казака на имя царя Дмитрия Ивановича, царицы Марины Юрьевны и царевича Ивана Дмитриевича.

Заруцкий от имени царя Дмитрия, царицы Марины и царевича Ивана вступил в переговоры с персидским шахом Аббасом и пытался склонить его к наступательному союзу против Москвы. Шах поначалу пообещал Заруцкому дать войско и помочь деньгами и продовольствием. Но до прихода персидского войска в Астрахань дело не дошло. В 1617 году шах Аббас извинился перед московскими послами Тихоновым и Бухаровым за обещание помочь Заруцкому. Шах уверял, что казаки ввели его в заблуждение, утверждая, что при них находился царь московский

Иван Дмитриевич, а Москва занята литовцами, от которых они хотят ее очищать. А как только шах узнал о воровстве Марины и Заруцкого, то не дал им никакой помощи.

Весной 1614 года после окончания ледохода Заруцкий с казаками собрался идти на стругах на Самару и Казань, а берегом Волги должна была идти ногайская орда. Однако Заруцкому так и не пришлось стать Стенькой Разиным. В марте 1614 года воевода Петр Головин уговорил гарнизон Терского городка отложиться от «воров» и поцеловать крест царю Михаилу. Затем воевода Головин составил отряд из семисот ратных людей под началом стрелецкого головы Василия Хохлова и приказал им идти на Астрахань.

По прибытии в Астрахань Хохлов привел к присяге ногайских татар. Кроме того, ногайский князь Иштерек написал князю Одоевскому грамоту, в которой очень наивно представил положение зависимого татарина в смутах Московского государства: «Его милость царь дал нам грамоту, изволил обязаться защищать нас против всех врагов, а мы его милости царю обязались служить во всю жизнь нашу верою и правдою. Между тем астраханские люди и вся татарская орда начали теснить нас: служи, говорят, сыну законного царя. Весь христианский народ, собравшись, провозгласил государем сына Дмитрия царя. Если хочешь быть с нами, так дай подписку, да еще и сына своего дай аманатом. Не хитри, пестрых речей не води с нами, а то мы Джана-Арслана с семиродцами подвинем и сами пойдем воевать тебя. По той причине мы и дали уланов своих аманатами».

Еще до подхода отряда Хохлова в Астрахани началось восстание против Заруцкого. Город оказался во власти восставших, а казаки с Заруцким и Мариной заперлись в кремле. Узнав о подходе Хохлова, в ночь на 12 мая «царское семейство» с верными казаками бежало на стругах вверх по Волге.

Хохлов со стрельцами на стругах и лодках немедленно бросился в погоню. Он нагнал казаков Заруцкого и наголову их разбил. Среди пленных оказалась и фрейлина Марины полячка Варвара Казановская. Однако самому Заруцкому с Мариной и «воренком» удалось уйти на трех стругах, затерявшись в волжских протоках и островах. Волга ниже Царицына (Сталинграда) помимо основного русла имеет ряд параллельно текущих левых рукавов, самый крупный из которых — Ахтуба. Рукава соединяются с основным руслом многочисленными протоками. В мае при высокой воде Волга в нижнем течении представляет собой архипелаг островов. В этом-то архипелаге и затерялись три струга Заруцкого.

А тем временем воевода князь Одоевский вместо ловли беглецов вступил в переписку с Хохловым. Ведь к приходу московской рати весть Астраханский край был очищен от воров к большому негодованию Одоевского. Он писал Хохлову, чтобы тот не извещал царя об астраханских событиях до его прихода, а если уже послал гонца, то вернул бы его с дороги, «потому что им, воеводам, надобно писать к государю о многих государевых делах». Не приняв никакого участия в освобождении Астрахани, Одоевский требовал от Хохлова, чтобы тот заставил астраханцев устроить ему торжественную встречу: «А нас велеть встретить терским и астраханским людям, по половинам, от Астрахани верст за тридцать или за двадцать».

Заруцкий же рукавами и протоками Волги прошел мимо Астрахани, вышел в море, а затем по реке Яик (Урал) дошел до Медвежьего городка. Валишевский считает, что Заруцкий собирался бежать в Персию, но тогда непонятно, почему он не сделал это сразу, выйдя на стругах в Каспий? В мае море довольно спокойное, а в случае волнения он мог переждать в одной из безлюдных бухт.

В Медвежьем городке Заруцкий с Мариной оказались фактически в плену у местного казачьего атамана Уса. Князь Одоевский в Астрахани узнал о появлении Заруцкого на Яике и 6 июня 1614 года отправил туда на стругах двух стрелецких голов Пальчикова и Онучина с отрядом стрельцов. Стрелецкий отряд 24 июня осадил Медвежий городок. Атаман Ус с товарищами осознали безнадежность сопротивления, и на следующий день городок сдался. Казаки били челом, целовали крест государю Михаилу Федоровичу и выдали Заруцкого с Мариной, Иваном и чернецом Николаем. В тот же день всю компанию под конвоем отправили в Астрахань.

Любопытно, что уже к началу 1612 года вокруг Марины собралась теплая компания католических попов и монахов. Причем все ребята были весьма «компетентными» как на подбор. К примеру, итальянский монах Джованни Фаддеи ранее долго жил в Персии. Это он надоумил Заруцкого предложить персидскому хану начать войну против Московии. Фаддеи вошел в состав посольства «царя Ивана Дмитриевича» и отправился к шаху Аббасу. Там он и остался, а затем вернулся в Европу. Фаддеи позже писал, что московиты жестоко пытали отца де Мелло и Варвару Казановскую, заставляя принять православие, но они остались верны католицизму. Подлинные же отчеты Фаддеи римскому папе до сих пор хранятся в секретных архивах Ватикана.

Не менее интересной фигурой является и чернец Николай. Николай де Мелло родился в Португалии, в Испании он вступил в орден Святого Августина. С 1578 года жил в Мексике, бывшей тогда испанской колонией, через пять лет Николай перебрался в другую испанскую колонию — на Филиппины. Там он обратил в католичество молодого японца, который стал его помощником и сопровождал в дальнейших скитаниях. Николай и его помощник долго бродили

по Индии. В Персии они присоединились к английскому посольству, возглавляемому Антонио Ширли. Обратное посольство Ширли возвращалось через Россию, но Николай с напарником почему-то решили остаться в Москве. Вскоре два нелегала-иностранца, один из которых был первым японцем, оказавшимся в России, были схвачены стрельцами. На допрос их отправили не в Разбойный приказ (аналог МВД), а в Посольский приказ (аналог ФСБ). У Николая, назвавшегося «ишпанской земли чернецом», были найдены грамоты персидского шаха к папе римскому и испанскому королю.

На всякий случай «ишпанца» и японца царь Борис велел отправить в места не столь отдаленные. Шесть лет монахи провели в камерах-кельях Соловецкого монастыря. Лжедмитрий I приказал даровать свободу бедным августинцам. Но пока те добирались до Москвы, на престоле оказался Василий Шуйский, придерживавшийся несколько иных взглядов на католических агентов. По царскому указу августинцев заточили в Борисоглебский монастырь близ Ростова. Первое время их строго держали в кельях, а потом стали выпускать на прогулки. Как мы уже знаем, Шуйскому стало не до них, а митрополитом Ростовским был Филарет (Федор Никитич Романов), с разрешения которого дружки получили возможность даже покидать пределы монастыря. В то время для русских монахов считалось незазорным ходить по окрестностям и собирать милостыню. Вспомним замечательную пушкинскую сцену в корчме у литовской границы. Вот и стали августинцы собирать милостыню. Кстати, в заточении де Мелло не терял зря времени и научился говорить по-русски почти без акцента. Но бродить по окрестностям ему, видимо, надоело, а может, и мало подавали, и побрел страдалец в Ярославль, прямо во двор, где жил Юрий Мнишек с дочерью. Охрана даже не обратила внима-

ния на бродягу-монаха — десятки таких попрошаек таскались по улицам Ярославля. Но у пана Юрия глаза на лоб полезли, когда монах властной рукой отклонил медяки и попросил пана передать римскому папе сведения величайшей важности.

Между ярославскими сидельцами и узниками Борисоглебского монастыря завязалась оживленная переписка. Де Мелло оказался поразительно хорошо осведомлен о дворцовых интригах в Москве, о боевых действиях царских войск против Ивана Болотникова и о прочих государственных делах. Но лучше всего августинец знал ситуацию в верхах православной церкви, что служит косвенным указанием на источник всей его информации. Однако где-то де Мелло допустил прокол, и московские власти переводят августинцев в Нижний Новгород под строгий надзор. Где-то в конце 1611 года де Мелло удается бежать из Нижнего. Что стало с японцем, я не знаю, но чернец Николай объявился в Коломне, где был радостно встречен царницей Мариной. С тех пор де Мелло был неразлучен с Мариной и последовал за ней в Медвежий городок.

Что же касается остальных «тихих ребят» в рясах, они незаметно исчезли еще в Астрахани накануне 12 мая 1614 года. Как скромно заметил Валишевский, «прочие монахи, по-видимому, разбежались раньше».

6 июля 1614 года караван стругов с пленными прибыл в Астрахань. Там Марину и Заруцкого разлучили и срочно отправили вверх по Волге в Казань. При перевозке пленников, говоря газетным штампом, были предприняты беспрецедентные меры безопасности. Их везли на двух отдельных караванах судов. Марину с сыном сопровождало 600 стрельцов, а Заруцкого — 350. При нападении больших сил противника охране было приказано немедленно убить пленных, включая ребенка. Из Казани пленников сухим путем отправили в Москву.

В конце 1614 года положение царя Михаила было относительно стабильно. Казалось бы, самое время учинить публичный процесс над заводчиками Смуты в России. А главное — рассказать всю правду русскому народу. Ведь начиная с 1603 года московские правители — Борис Годунов, Лжедмитрий I, Василий Шуйский и Семибоярщина безбожно ввали. Царская власть, царское слово были полностью дискредитированы. А ведь Смута еще не кончилась. На западе идет война с ляхами, на севере — со шведами, по всей стране гуляют воровские шайки, не исключено появление новых самозванцев. Разоблачение заводчиков Смуты дало бы огромный политический козырь молодому царю в борьбе с внешним и внутренним врагом.

А тут у московского правительства такие возможности! Под руками были и Марина Мнишек, и десятки знатных ляхов, которые знали первого самозванца еще с 1603 года, монах Варлаам, с которым Гришка бежал в Литву, родственники Отрепьева, монахи Чудова монастыря и т. д. и т. п. Но как раз розыск заводчиков и мог погубить новую династию. Ведь именно Романовы стояли у истоков Смуты.

Испуганный Михаил срочно прячет концы в воду. Возможно, даже буквально: по польским официальным данным Марина Мнишек была утоплена, по русским официальным данным Марина умерла с горя в монастырской тюрьме, а по неофициальной версии — ее удавили двумя подушками.

Заруцкий был посажен на кол, а четырехлетнего «царевича» Ивана отняли у матери в одной рубашонке. Поскольку было холодно, палач нес его на казнь, завернув в собственную шубу. Ивана публично повесили на той самой виселице, где кончил свою жизнь Федька Андронов. По свидетельствам очевидцев, ребенок был столь легок, что петля не затянулась, и он погиб лишь через несколько часов от холода.

Тут можно было бы и эффектно закончить, сказав, что династия Романовых началась с казни четырехлетнего царевича и через 305 лет закончилась казнью четырнадцатилетнего царевича в подвале дома Ипатьевых. Говоря же серьезно, нашим историкам пора бы научиться различать человеческую и религиозную мораль и «государственную необходимость». Замечу, что последний термин придумал не я, а Лев Толстой. Помните, как его любимый герой Пьер Безухов называет расстрел герцога Энгиенского государственной необходимостью? С точки зрения морали убийства царевичей Ивана и Алексея безнравственны и ужасны. С точки зрения государственной необходимости они спорны, но заказные убийства могут быть оправданы, поскольку на момент совершения казни «заказчики» не знали последующих событий и были уверены, что действуют на благо государства. А вот отечественных историков, которые любимых исторических личностей судят с точки зрения интересов государства, а нелюбимых — с точки зрения морали, можно назвать жуликами.

Царь Михаил надеялся, что публичная казнь царевича Ивана избавит его от появления самозванцев Иванов Дмитриевичей. На самом деле живой Иван, сидящий в Москве за крепким караулом, был бы куда полезнее мертвого.

В конце 30-х годов XVII века «царевич Иван Дмитриевич» объявился в Польше. В 1643 году отправленные из Москвы послы боярин князь Алексей Михайлович Львов, думный дворянин Григорий Пушкин и дьяк Волошеников имели от царя тайный наказ добиться от короля Владислава IV выдачи самозванца, находящегося на территории Польши. По имевшейся у московских послов информации, «король больше пятнадцати лет держит в Брест-Литовске, в иезуитском монастыре, вора, которому лет тридцать, и сказывается он расстригин сын». «Вор»

этот имел на спине «царские знаки», по которым якобы и был опознан.

Ультиматум послов поставил польского канцлера Осолинского в трудное положение. В конце концов поляки представили русским послам самозванца. Тот на допросе в присутствии послов заявил, что он не царевич и не называет себя царевичем, а звать его Ян Фаустин, Дмитриев сын, а по-русски — Иван Дмитриевич, а фамилия его Луба. Его отец Дмитрий Луба был подляским шляхтичем, который отправился искать счастья к Тушинскому вору и взял с собой маленького сына. Вскоре Луба был убит, а сироту усыновил боевой товарищ отца шляхтич Белинский и привез его на родину. В Польше Белинский объявил, что усыновленный им мальчик — сын русского царя Дмитрия Ивановича и Марины Мнишек и будто бы Марина сама отдала ребенка Белинскому «на сбережение». Мальчика показали королю Сигизмунду III и сейму. Король на всякий случай велел держать под рукой «царевича Ивана» и отдал его на воспитание канцлеру Льву Сапеге, назначив на содержание ребенка шесть тысяч золотых в год. Семь лет мальчика содержали в Брестском Симеоновском монастыре под надзором игумена Афанасия, который обучил ребенка русской, польской и латинской грамоте. Позже игумен, «желая подслужиться московскому царю», передал русским послам собственноручное письмо Ивана Лубы, где тот именовал себя «царевичем».

Московские бояре потребовали выдачи или казни Лубы. В конце концов русские и ляхи сошлись на том, что Луба прибудет в Москву с польским посольством. Действительно, в ноябре 1644 года великий посол королевский брацлавский кастелян Гаврила Стемпковский привез Лубу. Послы вместе с Лубой были поселены на дворе князей Пожарских — Петра и Ивана, сыновей Дмитрия Михайловича. Однако

поляки не спешили выдавать Лубу. Зато игумена Афанасия, который «настучал» москвитам про Лубу, отправили в Варшаву в оковах.

12 июля 1645 года скончался царь Михаил. Новый царь Алексей 23 июля принял Стемпковского и разрешил Лубе уехать, но послу пришлось дать запись (письменную гарантию), что в дальнейшем «Луба к Московскому государству причитанья никогда иметь не будет и царским именем называться не станет, жить будет в большой крепости: из Польши и Литвы его ни в какие государства не отпустят, а кто вздумает поднять его именем смуту, того казнить смертию».

Карьера незадачливого претендента на престол закончилась в ночь с 22 на 23 сентября 1648 года при нападении казаков Богдана Хмельницкого и их союзников татар на польский обоз, в котором находился писарь Ян Фаустин Луба, шедший в поход вместе с полком своего покровителя полковника Яна Осинского. Луба был зарублен татаринном, даже не подозревавшим, на кого он поднял саблю.

В начале 40-х годов XVII века в Крыму объявился еще один «царевич Дмитрий Иванович». Ходили слухи, что его настоящее имя Иван Вергунёнок, а родился он в Ливнах. Позже Иван подался к донским казакам и на охоте был взят в плен татарами. В Кафе татары продали Ивана местному еврей. Скорее всего этот еврей и надоумил Вергунёнка объявить себя царевичем. Узнав о «царевиче», крымский хан велел привезти его в столицу Старый Крым и держать под надзором. Позже хан отправил «царевича» в Стамбул. Московские послы требовали выдачи самозванца, но турки отказали. В 1646 году за какие-то провинности против турецких властей самозванца посадили в Семибашенный замок — главную тюрьму Стамбула. Больше о нем никто ничего не слышал.

Сандомирский воевода Юрий Мнишек тихо скончался в 1613 году у себя дома. Затем более ста лет

Мнишки не появлялись на политической арене Польши. И лишь в середине XVIII века при короле Августе III Иосиф Мнишек стал великим маршалом двора и краковским кастеляном, то есть первым лицом Речи Посполитой после короля.

В 80-х годах XIX века семейство Мнишков продало московским музеям картины, примитивно и грубо нарисованные, но очень интересные по содержанию. Там изображены торжественные выходы Марины в Москве, ее въезд в столицу, свадьба и коронация. Несколько писем и эти картины — все, что осталось от самой эффектной авантюристки XVII века.

Минин и Пожарский

Трудно найти человека в России, который бы не знал о подвиге Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина. Однако дореволюционные и советские историки существенно искажали образ Дмитрия Михайловича Пожарского. Делалось это с разными целями, а результат получился один. Из Пожарского сделали незнатного дворянина, храброго и талантливого воеводу, но слабого политика, начисто лишенного честолюбия, этакое исправного служаку-бессребреника — совершил подвиг, откланялся и отошел в сторону. Реальный же князь Пожарский ничего не имел общего с таким персонажем.

К началу XVI века князья Пожарские по богатству существенно уступали Романовым, но по знатности рода ни Романовы, ни Годуновы не годились им в подметки. Пожарскому не было нужды вписывать в родословную бродячих немцев («пришел из прусс») или татарских мурз, приезжающих на Русь основать православный монастырь («Сказание о Чете»). Не было нужды князьям Пожарским прилепляться к знат-

ным родам по женской линии. Родословная Пожарских идет по мужской линии от великого князя Всеволода Большое Гнездо (1154–1212 гг.). И ни у одного историка не было и тени сомнения в ее истинности.

В 1238 году великий князь Ярослав Всеволодович дал в удел своему брату Ивану Всеволодовичу город Стародуб на Клязьме с областью. С конца XVI века Стародуб стал терять свое значение, и к началу XIX века это уже было село Клязьменский Городок Ковровского уезда Владимирской губернии.

Стародубское удельное княжество было сравнительно невелико, но занимало стратегическое положение между Владимирским и Нижегородским княжествами. Кстати, и село Мугреево входило в состав Стародубского княжества.

Иван Всеволодович стал родоначальником династии независимых стародубских князей. Один из них, Андрей Федорович Стародубский, отличился в Куликовской битве. Второй сын Андрея Федоровича Василий получил в удел волость с городом Пожар (Пога-ра)⁷⁰ в составе Стародубского княжества. По названию этого города князь Василий Андреевич и его потомки получили прозвище князей Пожарских. В начале XV века стародубские князья становятся вассалами Москвы, но сохраняют свой удел.

Князья Пожарские верой и правдой служили московским правителям. Согласно записи в «Тысячной книге» за 1550 год на царской службе состояли тринадцать стародубских князей: «Князь Ондрей да князь Федор княж Ивановы дети Татева. Князь Иван да Петр княж Борисовы дети Ромодановского. Князь Василей княж Иванов сын Ковров. Князь Иван Чорной да князь Петр княж Васильевы дети Пожарского. Князь Тимофей княж Федоров сын Пожарского. Князь Федор да Иван княж Ондреевы дети Большога Гундорова. Княж Федоров сын Данила. Князь Федор да Иван княж Ивановы дети Третьякова Пожарского».

Иван Федорович Пожарский был убит под Казанью в 1552 году. Отец нашего героя стольник Михаил Федорович Пожарский отличился при взятии Казани и в Ливонской войне. Но в марте 1566 года Иван Грозный согнал со своих уделов всех потомков стародубских князей. Причем беда эта приключилась не по их вине, а из-за «хитрых» интриг психически нездорового царя. Решив расправиться со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем Старицким, царь поменял ему удел, чтобы оторвать его от родных корней, лишить верного дворянства и т. д. Взамен Владимиру было дано Стародубское княжество. Стародубских же князей скопом отправили в Казань и Свияжск. Среди них оказались Андрей Иванович Ряполовский, Никита Михайлович Сорока Стародубский, Федор Иванович Пожарский (дед героя) и другие.

Высылка стародубских князей была не только частью интриги Грозного против брата, но и элементом колонизации Казанского края. Наши историки привыкли говорить о покорении Казани в 1552 году. На самом деле еще многие годы в Казанском крае шла жестокая борьба татарского населения против русских. Стародубские князья приехали не одни, а со своими дружинами и дворней. Они получили довольно приличные вотчины и второстепенные должности в администрации Казанского края. К примеру, Михаил Борисович Пожарский был назначен воеводой в Свияжск. Стародубские князья беспощадно подавляли восстания татар и внесли большой вклад в колонизацию края.

С 80-х годов XVI века часть вотчин в бывшем Стародубском княжестве постепенно была возвращена законным владельцам. Но «казанское сидение» нанесло серьезный урон князьям Пожарским в служебно-местническом отношении. Их оттеснили старые княжеские роды и новое «боярство», выдвинувшееся в царствование Грозного. Таким образом, Пожарские, бывшие в XIV — начале XVI века одним из

знатных родов Рюриковичей, были оттеснены на периферию, что дало повод советским именитым историкам называть их «захудалым родом».

Дмитрий Михайлович Пожарский родился 1 ноября 1578 года в Казанском крае. Но юность его прошла недалеко от Суздаля в родовом гнезде — селе Мугрееве у реки Лух. Дмитрий стал вторым ребенком в семье, у него были старшая сестра Дарья и младший брат Василий. В 1587 году скончался отец, Михаил Федорович, и все заботы о семье пришлось взять на себя матери Марии Федоровне, урожденной Беклемышевой.

Старинный дворянский род Беклемышевых вел свою родословную от некоего Гавриила, «мужа честна», выехавшего из Новгорода Великого из Прусского конца на службу в Москву к Василию I. Внук Гавриила Федор за что-то получил прозвище Беклемыш, и его потомков стали именовать Беклемышевыми. Правнук Федора Беклемыша Иван Никитич Беклемышев-Берсень⁷¹ был очень близок к Ивану III. Так, в 1495 году в Новгородском походе он имел должность постельничего великого князя. Беклемышев-Берсень был знаменитым дипломатом своего времени, ездил послом в Литву и Крым. Сравнительно небольшой чин — он был думным дворянином — не мешал ему играть важную роль как в международной, так и во внутренней политике Ивана III. Иван Никитич пытался стать советником и у Василия III, но тот вообще стал пренебрегать Боярской думой. Берсень позволил себе вступить в спор в Боярской думе с Василием III по поводу Литовской войны. Великий князь рассвирепел и заорал: «Поди, смерд, прочь, не надобен ми яси!»

Заметим, что таких речей в думе никогда не позволял себе ни Иван III, ни тем более его предшественники. Берсень же попал в опалу, а в 1525 году был по приказу Василия III обезглавлен на льду Москвы-реки. Однако на его потомство опала не была наложена.

Младший сын Берсеня Федор Никитич выдал в 1571 году свою дочь Ефросинью за Михаила Федоровича Пожарского. Уже в браке Ефросинья по каким-то причинам сменила свое имя на Марию.

Уже в девять лет Дмитрию Пожарскому довелось подписать деловую бумагу. После смерти мужа Мария Федоровна на помин его души отдала Суздальскому Спасо-Евфимиеву монастырю деревню. Жалованная грамота была составлена от имени наследника, и Дмитрий поставил под ней свою подпись.

В конце 80-х годов XVI века Мария Пожарская переезжает в Москву. Она поселилась в своем деревянном доме на Сретенке напротив церкви Введения, близ Кузнецкого моста и недалеко от Пущечного двора. Причина переезда была проста — Дарья была на шесть лет старше Дмитрия, и ее, подобно пушкинской Татьяне Лариной, повезли на «ярмарку невест» в Москву. Там ее быстро выдали за князя Никиту Андреевича Хованского.

Многочисленный род Хованских относился к знати второго разряда. Родословную свою Хованские вели от второго сына великого князя литовского Гедмина Нарибута-Глеба, приехавшего в 1333 году княжить в Новгород, а в 1408 году сын Нарибута Патрикей приехал в Москву на службу к Василию I. Внук Патрикея Василий Федорович получил прозвище Хованский, которое и закрепилось за его потомством. Внучка Василия Хованского Ефросинья была выдана замуж за сына Ивана III князя Андрея и стала матерью Владимира Суздальского. Ефросинья и Владимир были убиты по приказу Ивана Грозного.

Дарья Пожарская в браке с Никитой Андреевичем Хованским родила одного сына Ивана⁷². Вскоре Дарья умерла, а Никита Андреевич женился вновь, однако через небольшой срок постригся в монахи под именем Нифонта. Иван Никитич Хованский стал боярином и умер в 1675 году. Он оставил после

себя двух сыновей, но внуки мужского потомства не имели.

В историю вошел лишь племянник (по мужу) Дарьи Пожарской Иван Андреевич Хованский, по прозвищу Таратуй. Будучи начальником Стрелецкого приказа, он в ходе стрелецких бунтов в 1682 году попытался захватить власть, но был обманом схвачен царевной Софьей Алексеевной и казнен без суда и следствия. Впоследствии Иван Андреевич стал героем знаменитой оперы М. П. Мусоргского «Хованщина».

Чтобы больше не возвращаться к семье Дмитрия Михайловича Пожарского, скажу, что сведений о судьбе его младшего брата Василия найти не удалось. Известно лишь, что он постригся в монастыре под именем Вассиана.

В 1593 году пятнадцатилетний Дмитрий Михайлович Пожарский впервые прибыл на дворянский смотр. Борису Годунову не за что было гневаться на князей Пожарских, да и на другие рода Стародубских князей. С другой стороны, они не оказали особых услуг Борису, да и сам правитель, как мы уже знаем, предпочитал последовательное присвоение чинов служилым людям. В результате Дмитрий Михайлович был оставлен при царском дворе, ему присвоили звание рынды, а через пару лет — стряпчего. Стряпчих у царя Федора было около восьмисот. Стряпчие везде сопровождали царя — в церковь, в думу, в поход, на охоту и т. д. В церкви стряпчие держали шапку или платок, а в походе возили царский панцирь, саблю и др. Стряпчие выполняли различные поручения царя, например посылались помощниками воевод в различные города или были на вторых ролях в посольствах. Заметим, что до Петра Великого в России военные и гражданские чины не различались, и соответственно чин стряпчего одновременно был военным, придворным и административным званием. Интересно, что стряпчие и стольники при дворе царя Федора Ивано-

вича, а затем и царя Бориса Федоровича служили по полгода, а затем на полгода отпускались в отпуск, при этом большинство разъезжалось по своим имениям. Стольников к январю 1599 года было 47, а к 1604 году Годунов увеличил их число до 70.

Дмитрий Пожарский стал «стряпчим с платьем». В его обязанности входило под присмотром постельничего подавать туалетные принадлежности при облачении царя или принимать одежду и прочие вещи, когда царь раздевался. По ночам Дмитрий вместе с другими стряпчими нес караул на постельном крыльце государева дворца.

В Москве мать подобрала Дмитрию Михайловичу и невесту — Прасковью Варфоломеевну. Невеста была из небогатого и незнатного дворянского рода. Такой выбор Марии Федоровны Пожарской мне кажется непонятным, но, увы, мотивы его мы никогда не узнаем. Есть сведения, что Дмитрий Михайлович был счастлив в браке с Прасковьей Варфоломеевной, но не надо объяснять, что более знатное родство могло существенно помочь Пожарскому в 1612 году. Естественно, речь идет не о походе на поляков, а о предвыборной борьбе на соборе.

В 1602 году царь Борис пожаловал в стольники Дмитрия Михайловича и Ивана Петровича Пожарских. Для двадцатичетырехлетнего князя Дмитрия это считалось неплохим началом карьеры. После всех конфискаций 60–70-х годов XVI века Дмитрий Пожарский был не богат, но и не беден. Как уже говорилось, в 1587 году Дмитрий Михайлович Пожарский передал монастырю «по приказу отца своего» одну из стародубских вотчин — село Три Дворища. Тем не менее за ним осталась Мугреевская вотчина близ Стародуба. Ему же принадлежали отцовские вотчины — село Медведково на реке Яузе, села Лучинское и Бодалово в Юрьевском уезде. От отца и деда Дмитрию Михайловичу досталось и приданое его

матери Ефросиньи Беклемышевой село Берсенево Клинского уезда и село Лукерьино-Фомино Коломенского уезда, а также приданое его бабки Берсеновой село Марчукино Коломенского уезда. Стольник Д. М. Пожарский по царскому указу был отправлен на литовскую границу.

В 1602 году Мария Федоровна Пожарская по приказу царя Бориса была взята в царские палаты верховной боярыней при его дочери Ксении Борисовне. Боярыней же при царице Марии Григорьевне была назначена мать князя Бориса Михайловича Лыкова. Вскоре между Марией Пожарской и Евфимией Лыковой возник конфликт. Судя по всему, все началось с глупой бабьей ссоры. Обе дамы были вдовами — муж Евфимии Михаил Юрьевич Лыков был убит в Ливонии еще в 1579 году, поэтому в защиту матерей вступились их старшие сыновья Дмитрий Пожарский и Борис Лыков. Лыковы были Рюриковичи и вели свой род от князя Михаила Черниговского. Родоначальник рода Пожарских Всеволод Большое Гнездо, сын Юрия Долгорукого, несомненно, был выше Михаила Черниговского, но в местнических тяжбах XVI–XVII веков учитывали и чины, полученные от московских князей членами данного рода. Между прочим, Борис Лыков был женат на родной сестре Федора Никитича Романова Настасье Никитичне, а Романовы к этому времени уже были в опале.

Тем не менее Дмитрий Пожарский решил поместничать с Борисом Лыковым и бил челом Годунову, чтобы царь «его, князя Дмитрия, пожаловал, велел ему с княж Борисовым отцом Лыкова, со князем Михайлом Лыковым, в отечестве дати и суд и счет».

Царь велел разобраться в споре Боярской думе, но обе стороны представили столько аргументов, причем подтвержденных документально, что решить тяжбу стало практически невозможно. И тут Пожарский пишет политический донос на Лыкова. Донос, да и род-

ство Бориса с Романовыми сделали свое дело — Пожарский выиграл местнический спор. Борис Лыков был послан на воеводство в пограничную крепость Белгород. Мать Бориса Евфимию заставили покинуть царский двор и постричься в монастырь под именем Евфросиньи, где она и скончалась 9 июня 1604 года.

Через шесть лет Борис Лыков напишет донос царю Василию Шуйскому на Дмитрия Пожарского, где утверждает, что «...прежде, при царе Борисе, он, князь Дмитрий Пожарский, доводил на меня ему, царю Борису, многие затейные доводы, будто бы я, сходясь с Голицыными да с князем Татевым, про него, царя Бориса, рассуждаю и умышляю всякое зло; а мать князя Дмитрия, княгиня Марья, в то же время доводила царице Марье на мою мать, будто моя мать, съезжаясь с женою князя Василия Федоровича Скопина-Шуйского, рассуждает про нее, царицу Марью, и про царевну Аксинью злыми словами. И за эти затейные доводы царь Борис и царица Марья на мою мать и на меня положили опалу и стали гнев держать без сыску».

Подлинник доноса Пожарского на Лыкова до нас не дошел, но и без него ясно, что Лыков врет. С какой стати Дмитрию Михайловичу порочить сразу нескольких именитых людей — князей Василия Васильевича Голицына и Василия Федоровича Скопина-Шуйского, которые были в чести у царя Бориса как до доноса на Лыкова, так и после? Для царя такая информация была очень важна, и тут не обошлось бы без крутых мер. Если бы обвинения подтвердились, то большая опала ждала бы Голицына и Скопина-Шуйского, по сравнению с которыми Лыков был просто мелкой сошкой. А если бы донос не подтвердился, то сам Пожарский отправился бы в окопах в места не столь отдаленные. Так что если Пожарский и писал донос на Лыкова, то там явно не фигурировали Голицын и Скопин-Шуйский. Гораздо проще было притянуть Лыкова к его родственникам Романо-

вым. Лыков же свой донос Василию Шуйскому писал наобум — вдруг не будут искать грамоту Пожарского шестилетней давности, и солгал о клевете Пожарского на самых влиятельных лиц царствования Василия Шуйского.

А вообще, куда делась грамота Пожарского? Ведь подавляющее большинство документов царствования Бориса Годунова дошло до нас в целости и сохранности. Наиболее вероятна версия, что грамота была уничтожена при царе Михаиле Романове. Донос «спасителя Отечества» на родственников царя Михаила был совсем некстати, и с ним поступили, как обычно поступали наши цари и вожди с особо скандальными документами.

Об участии Пожарского в войне с Лжедмитрием I документальных данных нет. Скорее всего он оставался в Москве при особе государя. Вместе со всеми москвичами Дмитрий Михайлович целовал крест царю Дмитрию и остался стольником при его дворе. Любопытно, что Борис Лыков сделал головокружительную карьеру при дворе Гришки Отрепьева. Самозванец произвел его в кравчие, а через несколько недель — в бояре.

В ночь на 17 мая 1606 года Пожарский оказался в отъезде. Он был в родовом имении Мугреево и соответственно не участвовал в перевороте Василия Шуйского. Дмитрию Михайловичу как-то фантастически везло, а может, наоборот, не везло, и он всегда оставался в стороне от всех переворотов. И новый царь его не наградил и не наказал. Василий Шуйский произвел «перебор» стольников, в ходе которого свыше ста человек были лишены этого звания. Пожарский же по-прежнему остался «вечным» стольником.

В конце 1607 года под Москвой Пожарский многократно участвовал в боях с войском Ивана Болотникова. В июне 1608 года Пожарский отличился при защите Москвы от войск Тушинского вора. Именно

его конный отряд в ночь на 4 июня остановил поляков Рожинского на Ваганьковском поле.

В июле 1608 года Пожарский впервые был назначен воеводой и стал командовать отдельным отрядом. В то время шла, как уже говорилось, непрерывная борьба царских войск и Тушинского вора за контроль над коммуникациями. Воровские воеводы попытались оседлать Коломенскую дорогу и перенаправить поток хлеба из южных областей из Москвы в Тушино. Результатом действий тушинцев стало новое резкое вздорожание хлеба в Москве, стоимость четверти⁷³ ржи достигала семи рублей.

Воевода Пожарский приказал атаковать «литовских людей» у села Высоцкого (сейчас это город Егорьевск). Тушинцы были наголову разбиты и бежали, оставив Пожарскому обоз — «многую казну и запасы». При этом Пожарский поссорился с коломенским воеводой Иваном Пушкиным, который предпочел отсидеться в остроге и отказался дать ратников в помощь Пожарскому. В итоге через несколько недель после сражения Пожарскому пришлось судиться у царя Василия с нахально заместничавшим Иваном Пушкиным. Род Пушкиных имел столь же «липовую» родословную, что и Романовы, а потянули на князя Рюриковича. Естественно, что царь отклонил их претензии, но драть их батогами, как в те времена было положено за оное преступление, не стал из-за шаткости своего положения.

Пожарского же царь пожаловал поместьем в Суздальском уезде, центром которого было большое село Нижний Ландех. В жалованной грамоте говорилось: «Князь Дмитрий Михайлович, будучи в Москве в осаде, против врагов стоял крепко и мужественно, и к царю Василию и к Московскому государству многую службу и дородство показал, голод и во всем оскудение и всякую осадную нужду терпел многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую

не покусился, стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо безо всякие шатости».

Осенью 1608 года тушинцы вновь взяли под контроль Коломенскую дорогу. Во главе их был атаман Сальков. Сальков и компания именовали себя казаками, но и он сам, и его отряд состоял из крестьян, бросивших свои семьи и занявшихся разбоем. Против Салькова царь Василий отправил отряд во главе с князем Мосальским. Но Сальков разгромил его. Неудачей закончился и поход на «воров» отряда думного дворянина Сукина. Тогда царь Василий отправил на Салькова Пожарского. Воевода стремительно атаковал «воров» у Владимирской дороги на реке Пехорке. Тушинцы были вдребезги разбиты, подавляющее большинство их было убито на месте. После битвы у Салькова осталось только тридцать человек. На четвертый день потрясенный атаман явился в Москву к царю Василию с повинной.

В 1609 году царь назначил Пожарского воеводой в Зарайск. Город имел большое стратегическое значение. Первая зарайская деревянная крепость была построена в XV веке на мысу, образованном высоким берегом реки Осетр (правый приток реки Оки) и островом Бубнова. Старая крепость имела укрепления в виде земляного вала протяженностью 1600 метров, усиленного тыном с пятью проезжими и восемью глухими башнями и глубоким рвом впереди. Каменная крепость Зарайск была построена в 1531 году итальянским инженером Алевизом по приказанию великого князя Василия III для защиты Москвы от набегов крымских татар. Новый «каменный город» был расположен внутри старого деревянного и представлял собой четырехугольник с высокими (до 16 метров) башнями по углам и тремя проезжими башнями по сторонам. Протяженность каменной ограды составляла 750 метров, стены имели высоту 8 метров и толщину в 2,6 метра. Стены были сложены в нижней по-

ловине из тесаного камня, а в верхней — из кирпича. В 1608 году крепость была взята тушинцами под началом Александра Лисовского, но позже отбита.

В Зарайске Пожарский узнает о поражении русских под Клушино. Вскоре в Зарайск Прокопий Ляпунов прислал своего племянника Федора Ляпунова уговаривать Пожарского подняться против Василия Шуйского. Дмитрий Михайлович категорически отверг это предложение. Через несколько недель на сторону Тушинского вора переметнулись жители Коломны и Каширы. Заволновалось и население Зарайска. Всем городом они пришли к воеводе просить его целовать крест «настоящему царю Дмитрию Ивановичу». Пожарский отказался и с несколькими ратниками заперся в зарайском кремле. Никольский протопоп Дмитрий ходил по стенам кремля и увещевал ратников умереть за православную веру.

Грозные речи воеводы, молитвы протопопа и крепостные пушки, направленные на город, произвели должное впечатление на обывателей. Дело кончилось уговором воеводы с горожанами: «Будет на Московском государстве по-старому царь Василий, то ему и служить, а будет кто другой, и тому также служить». Уговор был скреплен крестным целованием. Восстановив в Зарайске спокойствие, Пожарский отправил отряд ратников в Коломну и выбил оттуда сторонников Тушинского вора.

Во время свержения Василия Шуйского и начала правления Семибоярщины Пожарский безвыездно находился в Зарайске и его окрестностях. Пожарский отказался целовать крест королевичу Владиславу и выжидал дальнейшее развитие событий. Прокопий Ляпунов из Рязани начал рассылать грамоты с призывами собрать ополчение и идти на Москву. Теперь царь Василий отрекся от престола, и свободный от присяги Дмитрий Михайлович со спокойной совестью поддержал Ляпунова.

Сигизмунд решил уничтожить Ляпунова и специально для этого направил на Рязанщину большой отряд поляков и запорожских казаков во главе с воеводой Исаком Сунбуловым. Известие о приближении Сунбулова застало Прокопия Ляпунова в его поместье, и он успел укрыться в деревянной крепости городка Пронска. Ратников в Пронске было мало, и Ляпунов разослал по окрестным городам отчаянные письма о помощи. Первым к Пронску двинулся Пожарский со своими зарайскими ратниками. По пути к ним присоединились отряды из Коломны. Узнав о прибытии войск Пожарского, поляки и казаки бежали из-под Пронска.

Через некоторое время Сунбулову удалось собрать свое войнство, и он решил отомстить Пожарскому, вернувшемуся из Пронска в Зарайск. Ночью запорожцы попытались внезапно захватить зарайский кремль (острог), но были отбиты. А на рассвете Пожарский устроил вылазку. Казаки в панике бежали и больше не показывались у Зарайска.

Обеспечив безопасность своего города, Пожарский смог отправиться в Рязань к Ляпунову. Там они договорились, что Ляпунов с ополчением двинется к Москве, а Пожарский поднимет восстание в самом городе. Для этого Пожарский и отправился в столицу.

Между тем поляки, занявшие Москву, просто физически не могли не буйствовать. Дошло до того, что пьяный шляхтич начал стрелять из мушкета по образу Богородицы, висевшему над Сретенскими воротами, и добился трех попаданий. Тут даже гетману Гонсевскому пришлось проявить строгость. Шляхтич был схвачен, приведен к Сретенским воротам, где ему отрубили на плахе сначала обе руки и прибили их к стене под образом Богородицы, потом провели его через эти же ворота и сожгли заживо на площади.

Тем не менее эта единичная карательная мера гетмана не ослабила напряженности в столице. Один вид

поляков вызывал злобу москвичей. Конрад Буссов писал: «Московиты смеялись полякам прямо в лицо, когда проходили через охрану или расхаживали по улицам в торговых рядах и покупали, что им было нужно. «Эй, вы косматые, — говорили москвиты, — теперь уже недолго, все собаки будут скоро таскать ваши космы и телячьи головы, не быть по-иному, если вы добром не очистите снова наш город». Что бы поляк ни покупал, он должен был платить вдвое больше, чем москвиты, или уходить не купивши. Отсюда можно заключить, как поляков ненавидели. Некоторые разумные поляки убеждали их добром, говоря: «Смейтесь, смейтесь, мы готовы многое претерпеть от вас и без большой нужды не станем затевать кровопролития между вами и нами, но если вы что-нибудь учините, то глядите, как бы вам потом не раскаяться», и уходили, осыпаясь насмешками и издевательствами.

13 февраля несколько польских дворян поручили своим пахоликам купить овса на хлебном рынке, который расположен на том берегу московской речки, называемой Москва. Один из этих слуг проследил, сколько дают русские за кадку, велел ему также отмерить полную кадку и отсчитал за нее польский флорин, ровно столько же, сколько платили русские. Когда же московский барышник не захотел удовольствоваться одним гульденом и пожелал получить два гульдена за бочку, слуга сказал: «Эй ты, курвин сын, москаль, так тебя растак, почему ты так дерешь с нас, поляков? Разве мы не одного и того же государя люди?» Московит ответил: «Если ты не хочешь платить по два флорина за кадку, забирай свои деньги и оставь мне мой овес для лучшего покупателя. Ни один поляк у меня его не получит, пошел ты к черту...» [Далее последовали выражения о матери ляха, непонятные Буссову. — А. III.]

Когда же рассерженный этим польский слуга схватил саблю и хотел нанести удар барышнику, при-

бежали около 40 или 50 московитов с оглоблями от саней, убили трех польских слуг и собрали такую большую толпу, что польской конной страже, стоявшей у Водяных ворот на наплавном мосту, приказано было поехать узнать, что там происходит. Когда остальные слуги увидели это, они побежали навстречу польской страже, преследуемые множеством московитов с оглоблями и дубинами, призвали эту стражу на помощь и сказали, что троих из них уже убили без всякого повода, только за то, что они спросили, почему поляки должны давать за кадку овса 2 флорина, если русские платят за нее только один флорин. Тогда 12 польских наемников врезались на рынке в многосотенную толпу московитов, убили 15 человек и прогнали весь народ с рынка».

Король Владислав не приезжал, и напряжение в столице неуклонно росло. Свыше трех тысяч горожан явились в Кремль и стали требовать у поляков выдачи на расправу Михаила Салтыкова, Федора Андропова, Ивана Грамотина и других «изменников». В ответ начальник немецкой пехоты Борковский вывел своих людей и приказал навести заряженные мушкеты на толпу. Через 15 минут в Кремле не осталось ни одного русского.

Этот случай воодушевил Гонсевского, и он продолжал «закручивать гайки». У всех ворот стояла польская стража, уличные решетки были сломаны, русским запрещалось ходить с саблями, у купцов отбирались топоры, которыми они торговали, топоры также отбирались и у плотников, шедших с ними на работу. Запрещено было носить ножи. Поляки боялись, что за неимением оружия народ может вооружиться кольями, и запретили крестьянам возить мелкие дрова на продажу. При гетмане Жолкевском поляки в Москве соблюдали хоть какую-то дисциплину, при Гонсевском же они совсем распоясались. Жены и дочери москвичей средь бела дня подверга-

лись насилию. По ночам поляки нападали на прохожих, грабили и избивали их. К заутрене не пускали не только мирян, но и священников.

Михаил Салтыков и несколько бояр вновь пришли к патриарху и заявили: «Ты писал, чтобы ратные люди шли к Москве; теперь напиши им, чтобы возвратились назад». «Напишу, — отвечал Гермоген, — если ты, изменник, вместе с литовскими людьми выйдешь вон из Москвы. Если же вы останетесь, то всех благословляю помереть за Православную веру, вижу ей поругание, вижу разорение святых церквей, слышу в Кремле пение латинское и не могу терпеть». Тогда патриарха взяли под стражу, запретив ему общаться с кем бы то ни было.

Тем временем ополчение Ляпунова медленно двигалось к Москве. 17 марта 1611 года в Вербное воскресенье Гермогена на время освободили из-под стражи для торжественного шествия на осле. Но народ не пошел за вербой, так как по Москве распространился слух, что Салтыков с поляками хотят напасть на патриарха и безоружных москвичей. По всем улицам и площадям стояли польские конные и пешие роты. Поляки-очевидцы вспоминали, что Салтыков говорил им: «Нынче был случай, и вы Москву не били, ну так они вас во вторник будут бить, и я этого ждать не буду, возьму жену и поеду к королю».

Салтыков ожидал подхода ополчения Ляпунова ко вторнику и поэтому хотел превентивно расправиться с москвичами. Поляки стали готовиться к обороне — втаскивать пушки на башни в Кремле и Китай-городе, а тем временем в московские слободы тайно проникали ратники из ляпуновского ополчения, чтобы поддержать горожан в случае нападения поляков. Пробрались и воеводы: князь Дмитрий Пожарский, Иван Бутурлин и Иван Колтовской. Но утро вторника началось как обычно — в городе было тихо, купцы отперли лавки в Китай-городе и начали

торговлю. В это время на рынке пан Николай Козановский велел извозчикам идти помогать втаскивать пушки на башни. Извозчики отказались, поднялся шум, раздались крики. В Кремле находилось несколько сот немецких наемников, перешедших к полякам при Клушине. Услышав шум, они решили, что началось восстание, выскочили на площадь и стали избивать москвичей. Их примеру последовали поляки, и началась резня безоружных людей. В тот день в Китай-городе было убито около семи тысяч человек. Князя Андрея Васильевича Голицына, сидевшего «под домашним арестом», убили охранявшие его поляки.

В это время в Белом городе русские ударили в набат, забаррикадировали улицы всем, что попадало под руку, — столами, скамьями, бревнами и, укрывшись, стали стрелять в немцев и поляков. Из окон домов также стреляли, бросали камни и бревна.

Ратники из ополчения Ляпунова, проникшие в Москву, оказали существенную помощь горожанам. На Сретенке большой отряд москвичей собрал князь Д. М. Пожарский. К нему присоединились пушкари из находившегося рядом Пушечного двора. Говорят, что пушки со двора доставил сам Андрей Чохов — знаменитый пушечных дел мастер. Пожарскому удалось загнать поляков в Китай-город и выстроить острожек (укрепление) у церкви Введения на Лубянке, который закрывал ляхам выход из ворот Китай-города. Отряд Ивана Бутурлина дрался у Яузских ворот, а Иван Колтовской занял Замоскворечье.

Поляки были загнаны в Кремль и Китай-город. Вокруг их каменных стен тесно стояли деревянные дома Белого и Земляного городов. Идея поджечь Москву, видимо, пришла в голову многим полякам, независимо друг от друга. Как позже писал участник боя польский поручик Маскевич: «По тесноте улиц мы разделились на четыре или шесть отрядов; каждому из нас было жарко; мы не могли и не умели при-

думать, чем пособить себе в такой беде, как вдруг кто-то закричал: «Огня! Огня! Жги дома!» Мы принялись жечь город, которого третья часть осталась еще неприкосновенною — огонь не успел так скоро всего истребить. Мы действовали в сем случае по совету доброжелательных нам бояр, которые признавали необходимым сжечь Москву до основания, чтобы отнять у неприятеля все средства укрепиться...»

В середине дня 20 марта в Москве бои шли только на Сретенке. Там до вечера дрался князь Пожарский. Вечером он был тяжело ранен в голову и вынесен ратниками из боя. Его удалось увезти в Троицкий монастырь. Последнее сопротивление прекратилось. На улицах лежало около семи тысяч трупов.

Большинство москвичей, несмотря на мороз, бежали из столицы. Лишь некоторые 21 марта пришли к Гонсевскому просить о помиловании. Тот велел им снова присягнуть Владиславу и отдал приказ полякам прекратить убийства, а покоровшимся москвичам иметь особый знак — подпоясываться полотенцем.

Конрад Буссов писал, что в течение нескольких дней «не видно было, чтобы московиты возвращались, воинские люди только и делали, что искали добычу. Одежду, полотно, олово, латунь, медь, утварь, которые были выкопаны из погребов и ям и могли быть проданы за большие деньги, они ни во что не ставили. Это они оставляли, а брали только бархат, шелк, парчу, золото, серебро, драгоценные камни и жемчуг. В церквях они снимали со святых позолоченные серебряные ризы, ожерелья и вороты, пышно украшенные драгоценными камнями и жемчугом. Многим польским солдатам досталось по 10, 15, 25 фунтов серебра, содранного с идолов, и тот, кто ушел в окровавленном, грязном платье, возвращался в Кремль в дорогих одеждах...»

Тяжело раненный Дмитрий Пожарский несколько недель лежал у монахов в Троице-Сергиевом мо-

настыре, а затем отправился долечиваться в свою вотчину Мугреево. А тем временем сосед Дмитрия Михайловича по суздальским имениям стольник Гришка Орлов попытался захватить вотчины Пожарского. Сам Гришка во время московского восстания был на стороне поляков. Узнав об участии Пожарского в восстании и его тяжелом ранении, Орлов тут же накатал грамоту на имя польского короля: «Наияснейшему великому государю Жигимонту, королю польскому и великому князю литовскому, и государю царю и великому князю Владиславу Жигимонтовичу всея Руси бьет челом верноподданный ваши государские милости Гришка Орлов. Милосердные великие государи! Пожалуйте меня, верноподданного холопа своего, в Суздальском уезде изменничьим князь Дмитриевым поместенцом Пожарского, селцом Ландехом Нижним з деревнями; а князь Дмитрий вам государем изменил, отъехал с Москвы в воровские полки, и с вашими государевыми людьми бился втепоры, как на Москве мужики изменили, и на бою втепоры ранен. Милосердные великие государи! Смилуйтесь, пожалуйте».

Прошение это Гришка подал Гонсевскому, а тот приказал Мстиславскому выдать стольнику жалованную грамоту. Боярская дума немедленно известила крестьян Нижнего Ландеха об их новом владельце: «И вы б все крестьяне, которые в том селе и в деревнях и в починках живут и на пустошах учнут жити, Григория Орлова слушали, пашню на него пахали и доход ему помещиков платили».

В Мугрееве воевода узнал об осаде Москвы первым ополчением, о кознях казаков против Ляпунова и о его гибели, о массовом уходе дворян и служилых из ополчения.

Наступил самый критический момент Смутного времени. Первое ополчение разлагалось. Чтобы спасти Россию, нужна была новая сила и новый вождь.

Летом 1611 года, когда Ляпунов был еще жив, архимандрит Троицкого монастыря Дионисий разослал грамоты в Казань и другие низовые города, в Новгород Великий, на Поморье, в Вологду и Пермь, где говорилось: «Православные христиане, вспомните истинную православную христианскую веру... покажите подвиг свой, молитесь служилых людей, чтоб быть всем православным христианам в соединении и стать сообща против предателей христианских, Михайлы Салтыкова и Федьки Андропова и против вечных врагов христианства, польских и литовских людей. Сами видите конечную от них погибель всем христианам, видите, какое разоренье учинили они в Московском государстве. Где святые Божии церкви и Божии образы? Где иноки, седины цветущие? Инокони, добродетелями украшенные? Не все ли до конца разорено и обругано злым поруганием; не пощажены ни старики, ни младенцы грудные... Пусть служилые люди без всякого мешканья спешат к Москве, в сход к боярам, воеводам и ко всем православным христианам».

6 октября 1611 года монахи Троицкого монастыря опять разослали грамоты по городам с известием, что «пришел к Москве, к литовским людям на помощь Ходкевич, а с ним пришло всяких людей с 2000 человек и стали по дорогам в Красном селе и по Коломенской дороге, чтоб им к боярам, воеводам и ратным людям, которые стоят за православную христианскую веру, никаких запасов не пропускать и голодом от Москвы отогнать, и нас, православных христиан, привести в конечную погибель...»

Троицкие грамоты публично зачитывались на площадях и в церквях русских городов. Так было и в Нижнем Новгороде. Там их зачитал в Спасо-Преображенском соборе протопоп Савва Ефимьев. Чтение грамот закончилось горестными восклицаниями людей и вопросами: «Что же нам делать?». И тут раз-

дался громкий голос: «Ополчаться!» Это сказал земский староста Кузьма Минин Сухорук.

К Кузьме Минину хорошо подходят слова кардинала Мазарини об Оливере Кромвеле: «Такие люди, как удар молнии: о ней узнают, когда она поражает...»

До нас дошли лишь скудные сведения о жизни Кузьмы Минина до 1612 года. Ко времени выступления в Спасо-Преображенском соборе ему было около 50 лет.

Кузьма родился в многодетной семье балахнинского соледобытчика Мины Анкудинова. Предположительно, отец Мины перебрался в Балахну из-за Волги, где жили его предки-крестьяне. Сам же Мина владел несколькими деревнями на луговой стороне Волги близ устья впадающей в нее реки Узолы. В записи Писцовой книги 1591 года дворцовой Заузолской волости говорится: «Деревня Протасьева Щекина на Микольском истоке, деревня Сорвачева на речке на Чуди, деревня Лютикова Казариновская за балахонцем за посадским человеком за Минею за Анкудиновым». При этих деревнях было около четырнадцати десятин пахотной земли и семь десятин хоромного леса. Надо ли говорить, что Мина Анкудинов слыл одним из богатейших жителей Балахны. Солевой промысел приносил Мине большой доход. Он был совладельцем большой «рассольной трубы» (промысла) Каменка.

Предание гласит, что Кузьма Минин был крещен в Никольской церкви — первой каменной церкви в Балахне, которая сохранилась до наших дней. А недалеко от церкви есть озерцо, вокруг которого Кузьма посадил ветлы.

По архивным данным историки установили, что у Кузьмы было два старших брата — Федор и Иван, и два младших — Сергей и Бессон. Переезжая в Нижний Новгород, Мина Анкудинов, вероятно, оставил старшим сыновьям Федору и Ивану все хозяйство, принад-

лежавшее ему в Балахне. Историк Игорь Александрович Кирьянов нашел в синоднике Спасо-Преображенского собора несколько упоминаний о Федоре Минине, где он именуется то Федькою Мининым, то Федором, то Федькою Мининым сыном Анкудиновым.

Судя по ссылкам Писцовой книги 1674–1676 годов на Писцовую книгу Балахны 1628 года, Федор Минин был совладельцем четырех рассольных труб, включая варницы Прибыток и Каменку, совместно с братом Иваном владел варницами Новик и Налет, двумя лавками в Большом ряду, двумя лавочными местами в Рыбном и Щепетильном ряду на балахнинском торге. А в трубах Каменка, Лунитская, Большая золотуха и Поспеловская за ними было 875 бадей рассола.

Все это позволяет сделать однозначный вывод об огромном богатстве Мининых. Но самое интересное, что совладельцем принадлежавшей Федору Минину рассольной трубы Лунитская был... Дмитрий Михайлович Пожарский! Так что прежде чем стать товарищами по второму ополчению, Минин и Пожарский были товарищами в добыче и продаже соли.

Кузьме было около двенадцати лет, когда он с отцом переехал из Балахны в Нижний Новгород. Они поселились на посаде Благовещенской слободы у старинного мужского монастыря. Дом Кузьмы Минина стоял «на горе на всполье», сейчас это место называется Гребешком.

Летом 1597 года в Нижнем Новгороде произошла страшная катастрофа — мощный оползень снес богатую Печерскую обитель. Как писал местный летописец: «...В третьем часу ночи... в нижнем Нове-Граде в Печерском монастыре оползла гора от матерой степи и прошла вниз под холмы, где монастырь стоит... Вышла та земля на Волгу сажень на 50, а инде и больше... И явились на Волге бугры великие: суды, которые стояли под монастырем на воде, и те суды стали на берегу на сухе, сажень двадцать от воды и больше. И

после того как поникла гора, пошли из горы ключи великие...» Монастырь был восстановлен нижегородцами на новом месте. Вот тогда мог внести первые вклады в его строительство Мина Анкудинов, ставший через некоторое время иноком этого монастыря под именем Мисаил.

После ухода отца в монастырь Кузьма Минин вместе с братьями продолжает его дело. Кроме доли в рассолных трубах брата Федора у Кузьмы была своя мясная лавка на нижегородском торгу и скотобойня. Имел Кузьма и большой дом в городе, хотя семья его была невелика — жена Татьяна Семеновна да сын Нефедий.

Сочетание богатства и честности у Кузьмы Минина вызвало уважение горожан, которые избрали его земским старостой. Земский староста фактически был посредником между властями в лице городского воеводы и московской администрации и горожанами. Основной функцией земского старосты был сбор налогов с населения, что, естественно, давало рычаг управления как в отношении горожан, так и в известной степени в отношении воеводы.

В годы Смутного времени, когда после каждого переворота прежнего царя объявляли незаконным, а то и сразу было несколько «царей», законность большинства воевод становилась сомнительной, а власть их уменьшалась. Соответственно, существенно возрастала роль земского старосты.

Большинство наших историков считает Минина неграмотным. Подобное мнение основано на том, что в грамотах за Минина «прикладывал руку» князь Пожарский. Но это могло быть данью этикету и связано с низким социальным статусом Минина, а может, он просто не мог подписываться правой рукой: вспомним его прозвище — Сухорук. Солепромышленники были одной из самых богатых категорий купцов, и вряд ли Мина Анкудинов не захотел учить своего сына грамоте.

Предложение Минина «ополчаться» решительно поддержал протопоп Спасо-Преображенского собора Савва Ефимьев. В 1606 году царь Василий специальной грамотой потребовал от всех попов Нижнего Новгорода «спасского протопопа Саввы слушати, на собор по воскресеньям к молебнам и по праздникам к церквам приходить». Савва мог наказывать любого из попов и даже «сажати в тюрьму на неделю».

Савва, встав в соборе перед святыми воротами, обратился к пастве со словами: «Увы нам, чада мои и братья, пришли дни конечной гибели — погибает Московское государство и вера православная гибнет. Горе нам!.. Польские и литовские люди в нечестивом совете своим умыслили Московское государство разорить и непорочную веру в латинскую многопрелестную ересь обратить!.. Из-за грехов наших попускает Господь врагам нашим возноситься. Прекрасный град Москву оные еретики до основания разрушили и москвичей всеядному мечу предали. Что сделаем, братья, и что скажем? Не утвердиться ли нам в единении и не стать ли насмерть за веру христианскую, чистую и непорочную, и за святую соборную и апостольскую церковь во имя Богородицы, ее честного Успения и за многоцелебные мощи московских чудотворцев. О том и грамота просительная из Троице-Сергиева монастыря...»

Речь Саввы убедила большинство горожан поддержать Минина. Однако объявились и оппоненты. Когда Минин заявил: «Сами мы не искусны в ратном деле, так станем кличь кликать по вольных служилых людей», — то послышались вопросы: «А казны нам откуда взять служилым людям?» Минин отвечал: «Я убогий с товарищами своими, всех нас 2500 человек, а денег у нас в сборе 1700 рублей; брали третью деньгу: у меня было 300 рублей, и я 100 рублей в сборные деньги принес; то же и вы все сделайте». «Будь так, будь так!» — закричали в ответ. Начали сбор денег. Пришла вдова и сказала: «Осталась я по-

сле мужа бездетна, и есть у меня 12 тысяч рублей, 10 тысяч отдаю в сбор, а 2 тысячи оставляю себе». Кто не хотел давать деньги добровольно, у того брали силой.

Кузьма Минин оказался прекрасным организатором и, как сейчас говорят, «крепким хозяйственником». Но стать главой ополчения ему не позволяло происхождение и незнание ратного дела. Ополчению нужен был вождь. Старый нижегородский воевода Александр Репнин пошел было в первое ополчение, но там себя ничем не проявил, а после убийства Ляпунова купил себе у Заруцкого воеводство в Свияжске.

Минин предложил пригласить воеводой Дмитрия Михайловича Пожарского. Как воевода Пожарский не проиграл ни одной битвы. Как стольник Пожарский ни разу не нарушил верность царю. Он был предан последовательно Борису Годунову, Лжедмитрию I и Василию Шуйскому, пока их смерть или отречение не освобождали его от присяги. Пожарский не присягал ни Тушинскому, ни Псковскому вора, равно как и королю Сигизмунду, и королевичу Владиславу. Очень важно было и то, что Пожарский находился рядом с Нижним в селе Мугрееве. Наконец, не последнюю роль сыграло и личное знакомство Кузьмы Минина с князем.

По призыву Минина и Ефимьева горожане единодушно решили позвать на воеводство князя Пожарского. Несколько раз посылали нижегородцы гонцов к князю Пожарскому с просьбой возглавить ополчение, но он отвечал отказом. Это было связано, с одной стороны, с этикетом — на Руси не было принято соглашаться с первого раза (вспомним, как отказывался от престола Годунов, и далее мы узнаем, как ломал комедию Михаил Романов), а с другой стороны, Дмитрий Михайлович хотел таким способом вытребовать себе большую власть.

Наконец в Мугреево было отправлено большое посольство во главе с архимандритом Печерского мона-

стыря Феодосием. Там же был соратник воеводы сын боярский Ждан Петрович Болтин и богатые нижегородские купцы. Тут Пожарский вынужден был согласиться и сказал: «Рад я вашему совету, готов хотя сейчас ехать, но выберите прежде из посадских людей, кому со мною у такого великого дела быть и казну собирать». Послы сказали, что в Нижнем Новгороде такого человека нет, на что Пожарский ответил: «Есть у вас Кузьма Минин, бывал он человек служилый, ему это дело за обычай».

Послы возвратились в город и передали нижегородцам слова князя. Тогда те стали просить Кузьму Минина взяться за дело. Минин также поначалу отказывался, чтобы нижегородцы согласились на все его условия. «Соглашусь, — говорил он, — если напишите приговор, что будете во всем послушны и покорны и будете ратным людям давать деньги». Нижегородцы согласились, и Минин написал в приговоре, чтобы не только отдавать свои имения, но и жен и детей продавать. Кузьма взял подписанный приговор и отправился с ним к князю Пожарскому, пока нижегородцы не передумали.

Денег на ополчение нижегородцы собрали довольно много. Но профессиональных военных почти не было. До Смуты в Нижнем Новгороде находилось свыше трехсот служилых людей (дворян, детей боярских и боевых холопов), а сейчас их осталось менее пятидесяти. Зато недалеко, в Арзамасском уезде, пребывало свыше двух тысяч дворян из Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы. Смоленские дворяне были с детства привычны к оружию. И это не традиционное преувеличение. Русский царь и польский король могли десятилетиями быть в мире, но ни одного года не обходилось без нападения грабителей-шляхтичей на пограничные Смоленские земли.

Еще до вторжения в Россию армии Сигизмунда царь Василий велел смоленским служилым людям

отправиться на помощь Михаилу Скопину-Шуйскому. После разгрома русских войск у Клушина смоляне остались без командования и без средств, поскольку в их имениях уже бесчинствовало польское коронное войско.

Как уже говорилось, Семибоярщина боялась своего народа, а особенно русских ратников. Еще до московского восстания бояре под предлогом защиты окраины по частям распахали по дальним городам почти всех московских стрельцов. А смоленские дворяне вызывали у Семибоярщины особое опасение. Кнута у бояр не было, и они вспомнили о прянике. Из обширных дворцовых (царских) земель в Арзамасском, Ярославском и Алатырском уездах смоленским дворянам были выделены довольно приличные поместья. Однако Иван Заруцкий и его казаки сами зарисались на эти богатые земли и отправили администраторам уездов и крестьянам грамоты, в которых постановление Семибоярщины было объявлено незаконным, а имения смолянам велено не отдавать. Дело дошло до столкновений смолян с местными гарнизонами и крестьянами. И тут в самый критический момент подоспела грамота Минина с предложением дворянам идти в ополчение, и большинство их откликнулось на этот призыв.

В Мугреево к Пожарскому начали съезжаться смоляне. Князь двинулся в Нижний Новгород уже в сопровождении нескольких сотен дворян, по пути к нему присоединилось еще несколько отрядов. В Нижний Новгород торжественно вошло уже целое войско, причем войско профессиональное, состоящее из дворян и их боевых холопов. Все горожане высыпали на улицы встречать славного воеводу. Они приветствовали его радостными криками. У Спасского собора в кремле Пожарского ждали «лучшие» люди — протопоп собора Савва, архимандрит Феодосий, воеводы князь Василий Андронов Звенигородский и Андрей

Семенович Алябьев, дьяк Василий Семенов, стряпчие Иван Биркин и Василий Юдин и, конечно же, руководители ополчения — Кузьма Минин и Ждан Болтин.

В тот же день ополченцам было роздано жалованье. Сотники и десятники получили по 50 рублей, конные дворяне — по 40 рублей, стрельцы — по 30 рублей, остальные — по 20 рублей. Заметим, что и Борис Годунов, и Василий Шуйский платили «государево жалованье» куда меньше. Например, стольник получал на поход 20 рублей. Деньги были немалые, а для ведения войны требовалось во много раз больше. Поэтому нижегородцы разослали по всем городам грамоты: «...Междоусобная брань в Российском государстве длится немалое время. Усмотря между нами такую рознь, хищники нашего спасения, польские и литовские люди, умыслили Московское государство разорить, и Бог их злокозненному замыслу попустил совершиться. Видя такую их неправду, все города Московского государства, сославшись друг с другом, утвердились крестным целованием — быть нам всем православным христианам в любви и соединении, прежнего междоусобия не начинать, Московское государство от врагов очищать, и своим произволом, без совета всей земли, государя не выбирать, а просить у Бога, чтобы дал нам государя благочестивого, подобного прежним природным христианским государям. Изю всех городов Московского государства дворяне и дети боярские под Москвою были, польских и литовских людей осадили крепкою осадой, но потом дворяне и дети боярские из-под Москвы разъехались для временной сладости, для грабежей и похищения. Многие покушаются, чтобы быть на Московском государстве панье Маринке с законопреступным сыном ее. Но теперь мы, Нижнего Новгорода всякие люди, сославшись с Казанью и со всеми городами понизовыми и поволжскими, собравшись со многими ратными людьми, ...

идем все головами своими на помощь Московскому государству, да к нам же приехали в Нижний из Арзамаса смольяне, дорогобужцы и вятчане и других многих городов дворяне и дети боярские. И мы всякие люди Нижнего Новгорода, посовествовавшись между собою, приговорили животы свои и дома с ними разделить, жалование им и подмогу дать и послать их на помощь Московскому государству. И вам бы, господа, помнить свое крестное целование, что нам против врагов наших до смерти стоять: идти бы теперь на литовских людей всем вскоре. Если вы, господа, дворяне и дети боярские, опасаетесь от казаков какого-нибудь налога или каких-нибудь воровских заводов, то вам бы никак этого не опасаться. Как будем все верховые и понизовые города в сходу, то мы всею землею о том совет учиним и дурна никакого вора делать не дадим... Мы, всякие люди Нижнего Новгорода, утвердились на том и в Москву к боярам и ко всей земле писали, что Маринки и сына ее, и того вора, который стоит под Псковом, до смерти своей в государи на Московское государство не хотим, точно так же и литовского короля».

Содержание грамот было фактически манифестом второго ополчения. Минин и Пожарский открыто заявили всей стране, что они не только хотят избавить Русь от поляков и литовцев, но и наведут в стране порядок — «никакого дурна никому делать не дадим». Хотя Заруцкий и Трубецкой не были поименно названы, ни у кого не было сомнения, как к ним относятся вожди второго ополчения. Как писал историк С. М. Соловьев, это было «движение чисто земское, направленное столько же, если еще не больше, против казаков, сколько против польских и литовских людей».

Нижегородские грамоты произвели большой эффект по всей стране. В Нижний чуть ли не ежедневно приходили отряды из Коломны, Рязани, с юго-запада

Руси и из сибирских городов. К ополчению присоединилась и часть московских стрельцов, разосланных по городам Семибоярщиной. В ополчение со своими дружинами пришли и родственники Дмитрия Михайловича — Дмитрий Лопата, Иван и Роман Пожарские, дети Петра Тимофеевича Щепы-Пожарского.

В Нижнем Новгороде у Благовещенской слободы был устроен пушечный двор, где к весне 1612 года отлили первые пушки. Богатые купцы Никитовы, Лыткины, Дощанниковы и другие передали Минину несколько тысяч рублей. Одни только промышленники Строгановы дали на ополчение 4660 рублей.

К удивлению нижегородцев, в помощи отказала Казань. Там власть сосредоточилась в руках дьяка Никанора Шульгина, который сам претендовал на роль спасителя Отечества.

Шульгина активно поддерживал его сват — богатый горожанин Амфилахий Рыбушкин. Монахи Троице-Сергиева монастыря отправили специальную грамоту Шульгину и Рыбушкину, где потребовали от них поддержать ополчение Минина и Пожарского. Те игнорировали просьбу монахов. Тогда троицкие власти вызвали к себе Пимена — отца Амфилахия Рыбушкина, который был архимандритом старицкого Богородицкого монастыря, и «за измену сына томили его тяжкими трудами — заставляли печь хлебы» и т. д.

Поляки и Семибоярщина узнали о созыве второго ополчения, когда князь Пожарский еще был в Мугрееве. Я здесь впервые упомянул термин «второе ополчение», введенный историками в употребление еще во второй половине XIX века, которые первым ополчением именовали войско Ляпунова, а позже Трубецкого, а вторым — ополчение Минина и Пожарского. Как-либо помешать сбору второго ополчения ни Семибоярщина, ни поляки не могли за неимением свободных войск. Боярской думе оставалось

лишь вести психологическую войну — рассылать грамоты, обличающие вождей второго ополчения. Бояре начали уговаривать Гермогена, чтобы он написал туда грамоту и запретил поход на Москву. Но сломить патриарха не удалось ни лестью, ни угрозами. От твердо заявил: «Да будут благословенны те, кои идут на очищение Московского государства, а вы, окаянные изменники, будете прокляты».

До января 1612 года воевода Пожарский прославился знанием тактики и личной храбростью. Возглавив ополчение, он с первых дней показал себя незаурядным стратегом и искусным политиком. Кузьма Минин во всем безоговорочно поддерживал воеводу. Оба вождя понимали, что идти прямо к Москве на соединение с Заруцким и Трубецким — это повторить судьбу Ляпунова и погубить второе ополчение.

В январе 1612 года Пожарский объявил, что нижегородская рать пойдет на выручку Суздалью, осажденному польскими отрядами. В дальнейшем князь предполагал сделать Суздаль местом сбора ополчения со всей страны. Мало того, в Суздале предполагался созыв Земского собора, на котором были бы представлены все русские земли. Земский собор должен был решить вопрос об избрании царя: «Как будем все понизовые и верховые города в сходе вместе, мы всею землей выберем на Московское государство государя, кого нам Бог даст».

Пожарский правильно оценил ситуацию. Война Нижегородского ополчения с поляками — это элемент бесперспективной гражданской войны, так как за ополчением стоит лишь земская власть Нижнего Новгорода. А когда за ополчением будет стоять государственный аппарат во главе с царем и патриархом, произойдет коренной перелом в мышлении всего народа. Царь же должен быть избран Земским собором представителями всех городов Руси, а не пьяными казаками, выдвинувшими уже десятка два самозван-

цев. Понятно, что на Земском соборе, проходящем под охраной ополчения Пожарского, и речи не будет о псковском Лжедмитрии или воренке Марины Мнишек. Теоретически могли быть разобраны лишь два варианта: избрание заморского королевича и выборы князя Рюриковича. Первый вариант был маловероятен — уж очень всем памятен случай с королевичем Владиславом. А если выбирать своего, русского, то кого? Шуйские — в польской темнице, Голицыны, Мстиславские, Романовы — также в руках поляков, и те их даже на собор не выпустят. Тушинский боярин Трубецкой силен лишь в окружении казаков, о нем и речи не будет. Таким образом, решение собора нетрудно предугадать.

Это прекрасно понимали и в подмосковном казацком лагере. Реакция последовала незамедлительно. На Суздаль были срочно брошены казачьи отряды атаманов Андрея и Ивана Просовецких. Польские войска отошли без боя, и Суздаль был занят казаками. Таким образом, прямой путь Пожарскому к Москве был закрыт. Конечно, дворянское ополчение без труда могло выбить казаков из Суздаля, но начинать войну с первым ополчением было нецелесообразно в военном, а главное — в политическом отношении. Поэтому Пожарский решил двинуть рать в обход Москвы по Волге.

Между тем осложнилась обстановка на севере Руси. 8 июля 1611 года самозванец явился у стен Пскова. На выручку Пскова шведы направили отряд Горна. Лжедмитрий III испугался и отступил к Гдову. Горн отправил укрепившемуся в Гдове Лжедмитрию послание, где писал, что не считает его настоящим царем, но так как его «признают уже многие», то шведский король дает ему удел во владение, а за это пусть он откажется от своих притязаний в пользу шведского королевича, которого русские люди хотят видеть своим царем. Самозванец отказался, его вой-

ска сделали вылазку из Гдова и прорвались в Ивангород. 4 декабря 1611 года Лжедмитрий III торжественно въехал в Псков, где немедленно был «оглашен» царем.

Вождам первого ополчения давно требовался кандидат на престол. Многие казаки, не говоря уж о дворянах, не любили Заруцкого и не желали «воренка» Ивана Дмитриевича. Поэтому в Псков срочно была послана делегация казаков во главе со сподвижником Тушинского вора Казарином Бегичевым. В Пскове Казарин только взглянул на самозванца, как закричал во всю мочь: «Вот истинный государь наш калужский!» 2 марта 1612 года по предложению Ивана Плещеева первое ополчение присягнуло Псковскому вору или, как его иногда называют историки, Лжедмитрию III.

Узнав о намерении Пожарского двинуть войско на Москву в обход, Трубецкой и Заруцкий решили опередить его и захватить Ярославль, тем самым преградить путь Пожарскому по Волге и отрезать ополчение от русского Севера. К Ярославлю с атаманом Андреем Просовецким двинулся большой отряд воровских казаков.

Пожарский среагировал немедленно и выслал к Ярославлю мобильный отряд под началом Дмитрия Петровича Лопаты-Пожарского. Основные же силы ополчения торжественно двинулись в поход из Нижнего Новгорода в день Великого поста 23 февраля 1612 года. В Балахне, первом городе на пути ополчения, жители хлебом-солью встретили Пожарского, а местный воевода Матвей Плещеев присоединился к ополченцам. Плещеев был «липовым боярином», получившим сей чин у Тушинского вора. Позже он пошел в первое ополчение, но после убийства Ляпунова покинул его. Под Москвой Плещеев вдоволь насмотрелся на казацкие бесчинства и безоговорочно встал на сторону Минина и Пожарского.

Так же встречали ополчение жители Городца, Кинешмы и других городов. Лишь в Костроме воевода Иван Шереметев, сторонник Владислава, не пожелал впустить в город ополчение. Но жители ударили в набат и связали воеводу. Вошедшему в Кострому Пожарскому пришлось спасти Шереметева, которого горожане хотели казнить. По просьбе костромичей Пожарский назначил им нового воеводу князя Романа Ивановича Гагарина, который несколько недель до этого уже воеводствовал в Костроме. Гагарин отличился в войне с Болотниковым, однако потом переметнулся к Лжедмитрию II в Тушино. «Воровские» нравы его не устроили, и Гагарин вернулся к Шуйскому, который был вынужден прощать всех перебежчиков. Зато Гагарин одним из первых отозвался на призыв Минина и вступил в ополчение.

В Ярославле власть была в руках престарелого боярина Андрея Куракина и дьяка Михаила Данилова. К ним присоединился приехавший из первого ополчения стольник Василий Бутурлин. Весть о присяге первого ополчения Псковскому вору и прибытие отряда Лопаты произвели должное впечатление на Куракина, и он счел за лучшее присоединиться к Пожарскому. Таким образом, Ярославль без боя перешел в руки второго ополчения. В первых числах апреля 1612 года основные силы ополчения под колокольный звон вступили в Ярославль. Занятие Ярославля произвело большое впечатление на города Поволжья. Даже казанская администрация была вынуждена признать власть Минина и Пожарского и отправить к ним большой отряд ратников.

4 апреля 1612 года в Ярославль пришла грамота из Троице-Сергиева монастыря. Дионисий, Авраамий Палицын, Сукин и Андрей Палицын уведомляли, что «2 марта злодей и богоотступник Иван Плещеев с товарищами по злему воровскому казачьему заводу затеяли под Москвою в полках крестное цело-

ванье, целовали крест вору, который в Пскове называется царем Дмитрием; боярина князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, дворян, детей боярских, стрельцов и московских жилецких людей привели к кресту неволею: те целовали крест, боясь от казаков смертного убийства; теперь князь Дмитрий у этих воровских заводцев живет в великом утеснении и радеет соединиться с вами. 28 марта приехали в Сергиев монастырь два брата Пушкины, прислал их к нам для совета боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, чтоб мы послали к вам, и все бы православные христиане, соединясь, промышляли над польскими и литовскими людьми, и над теми врагами, которые завели теперь смуту. И вам бы положить на своем разуме о том: может ли и небольшая хижина без настоятеля утвердиться, и может ли один город без властодержателя стоять: не только что такому великому государству без государя быть? Соберитесь, государи, в одно место, где Бог благоволит, и положите совет благ, станем просить у Вседержителя, да отвратит Свой праведный гнев и даст стаду своему пастыря, пока злые заводцы и ругатели остальным нам православным христианам поруки не сделали. Нам известно, что замосковские города — Калуга, Серпухов, Тула, Рязань по воровскому заводу креста не целовали, а радеют и ждут вашего совета. Да марта же 28 приехал к нам из Твери жилец и сказывал, что в Твери, Торжке, Старице, Ржеве, Погорелом Городище также креста не целовали, ждут от вас промысла и совета; Ивана Плещеева в Тверь не пустили, товарищам и его казакам хлеба купить не дали. Молим вас усердно, поспешите придти к нам в Троицкий монастырь, чтоб те люди, которые теперь под Москвою, рознью своею не потеряли Большого Каменного города, острогов, наряду». В этой грамоте также говорилось о страдальческой кончине Гермона: «В изгнании нужне умориша».

Я специально подробно привожу грамоту монахов, которую никак не комментировали ни Соловьев, ни другие историки. А ведь суть грамоты — «соберитесь в одно место, где Бог благословит» и выберите царя. А где может Бог благословить, указано ниже: «...Поспешите придти к нам в Троицкий монастырь». Понятно, что монастырское начальство крайне обеспокоено, как бы Земский собор не собрался в Ярославле и не выбрал бы царя без них. А Дионисий и Палицын очень хотели провести собор в Троице-Сергиевом монастыре. Там вполне могло случиться и чудо — явился бы Сергей Радонежский и указал бы достойного кандидата на престол. Кроме того, у монахов были вполне земные аргументы: крепкие стены и большие пушки Троицы. Наконец, недалеко было и первое ополчение и троицкие монахи наделись контролировать ситуацию, играя на противоречиях руководителей ополчения. Надо ли говорить, что Минин и Пожарский не попались в ловушку для дураков. Они и не подумали идти в Троицу, а призыв монахов выбрать «пастыря» использовали в своих грамотах, рассылаемых по стране.

7 апреля из Ярославля по городам пошли грамоты, где говорилось: «Бояре и окольные, и Дмитрий Пожарский, и стольники и дворяне большие и стряпчие, и жильцы, и головы, и дворяне, и дети боярские всех городов, и Казанского государства князья, мурзы и татары, и разных городов стрельцы, пушкарники и всякие служилые и жилецкие люди челом бьют. По умножению грехов всего Православного христианства, Бог навел неутолимый гнев на землю нашу: в первых прекратил благородный корень царского поколения (далее следовало перечисление бедствий Смутного времени до убийства Ляпунова и последовавшего за этим буйства казаков). Из-под Москвы князь Дмитрий Трубецкой да Иван Заруцкий, и атаманы и казаки к нам и по всем городам писали, что они целовали крест без со-

вета всей земли государя не выбирать, псковскому вору, Марине и сыну ее не служить, а теперь целовали крест вору Сидорке, желая бояр, дворян и всех лучших людей обить, именье их разграбить и владеть по своему воровскому казацкому обычаю. Как сатана омрачил очи их! При них калужский их царь убит и безглавлен лежал всем напоказ шесть недель, об этом они из Калуги в Москву и по всем городам писали! Теперь мы все православные христиане общим советом, согласились со всею землею, обет Богу и души свои дали на том, что нам их воровскому царю Сидорке и Марине с сыном не служить и против польских и литовских людей стоять в крепости неподвижно. И вам, господа, пожаловать, советовать со всякими людьми общим советом, как бы нам в нынешнее конечное разоренье быть небезгосударным, выбрать бы нам общим советом государя, чтоб от таких находящих бед без государя Московское государство до конца не разорилось. Сами, господа, знаете, как нам теперь без государя против общих врагов, польских, литовских и немецких людей и русских воров, которые новую кровь начинают, стоять? И как нам без государя о великих государственных и земских делах с окрестными государями ссылаться? И как государству нашему вперед стоять крепко и неподвижно? Так по всемирному своему совету пожаловать бы вам, прислать к нам в Ярославль из всяких чинов людей человека по два, и с ними совет свой отписать, за своими руками. Да отписать бы вам от себя под Москву в полки, чтоб они от вора Сидорки отстали, и с нами и со всею землею розни не чинили. В Нижнем Новгороде гости и все земские посадские люди, не пощады своего именья, дворян и детей боярских снабдили денежным жалованьем, а теперь изо всех городов приезжают к нам служилые люди, бьют челом всей земле о жалованье, а дать им нечего. Так вам бы, господа, прислать к нам в Ярославль денежную казну ратным людям на жалованье».

Под грамотой стояло 49 подписей, причем Дмитрий Михайлович Пожарский оказался на десятом месте, а Кузьма Минин — на пятнадцатом. Подписи под официальными документами в те времена и сейчас ставятся не по алфавиту, а по должностям подписантов. И вот это десятое место, на котором стоит подпись Пожарского, обязательно обыгрывается всеми без исключения авторами, писавшими о Пожарском. Одни пытаются умалить роль воеводы, другие считают это доказательством особой скромности и отсутствием честолюбия. Например, Дмитрий Евдокимов⁷⁴ объясняет десятое место князя тем, что «будучи человеком скромным, Пожарский не желал выпячиваться сверх меры».

Так почему же Дмитрий Михайлович оказался на десятом месте? Воевода вполне мог поставить себя и на первое место, но решил поскромничать. Однако эта «скромность» была сродни его многочисленным отказам принять командование над ополчением. Да и к тому же он был просто стольником, а в психологическом плане в письме к горожанам лучше начинать с подписей бояр, благо мало кто знал, как это боярство было получено. Наконец, как можно написать — «выбрать бы нам общим советом государя», и сразу же подпись — Пожарский. Это прямая заявка на престол. А по обычаям того времени надо спрятаться и долго ждать, пока тебя упросят взять престол.

Таким образом, порядок в подписях под грамотой не отражал ни реальной власти, ни чинов, ни «породности» подписантов. Дело в том, что во втором, как, впрочем, и в первом ополчении не было ни одного боярина, возведенного в этот чин Грозным или Годуновым. Подавляющее большинство чинов было присвоено Тушинским вором, а в отдельных случаях и Василием Шуйским. Но по конъюнктурным причинам Минин и Пожарский, принимая людей в опол-

чение, формально сохраняли их чины, включая боярские, невзирая на то, кто их дал.

Первая подпись под грамотой принадлежала боярину Василию Петровичу Морозову. Он был потомком беспородных московских бояр. Родоначальник Морозовых Иван Мороз жил в середине XIV века, происхождение же его неизвестно. Василий Петрович Мороз был в 1601 году произведен царем Борисом в окольничие. В 1608 году, будучи казанским воеводой, он присягнул Лжедмитрию II, за что и получил «тушинское боярство».

Вторая подпись принадлежала боярину князю Владимиру Тимофеевичу Долгорукову. Рюриковичи Долгоруковы вели свой род от князя Ивана Андреевича Оболенского, получившего прозвище Долгоруки. В роду Долгоруковых до начала Смуты не было ни одного боярина. Тимофей Иванович Долгоруков был окольничим, а его сын Владимир в начале Смутного времени служил воеводой в Пронске. Боярство он получил в 1608 году от Лжедмитрия II, позже служил Семибоярщине, а от них переметнулся к Минину. Забегая вперед, скажу, что дочь Т. И. Долгорукова в 1624 году стала женой царя Михаила, но через несколько месяцев умерла.

Третья подпись была Федора Васильевича Головина. Головины вели свой род от знатного византийца Комнина, по какой-то надобности захавшего в Москву. Никаких документальных подтверждений эта «липа» не имеет. Настоящим родоначальником Головиных является дворянин Иван Ховрин, служивший при Иване III. Ф. В. Головин был одним из тех, кто впустил в 1610 году поляков в Кремль.

Четвертым подписался князь Иван Большой Никитович Одоевский⁷⁵, пятым — князь Василий Пронский, шестым — князь Федор Федорович Волконский-Мерин, седьмым — Матвей Плещеев, восьмым — стольник князь Алексей Михайлович

Львов, девятым — Мирон Андреевич Вельяминов-Зернов.

Как видим, среди первых девяти подписантов нет ни знати, ни настоящих бояр. Естественно, что все они имели свои интересы, обладали в большей или меньшей степени честолюбием, но ни один из них не годился даже в руководители ополчения, не то что в кандидаты на престол. Это и подтвердила их судьба — после 1613 года никто из них не сделал значительной карьеры, если не считать именитого тестя Тимошу Долгорукова, после которого возникла легенда, что девицы Долгоруковы приносят несчастья царям⁷⁶.

Надо ли говорить, что если бы Минину и Пожарскому удалось собрать собор в Ярославле, то все девять добрых молодцев-подписантов стали лишь хорошей декорацией для единственной кандидатуры на престол — Дмитрия Михайловича Пожарского.

Созыв собора в обстановке смуты и хаоса — дело не недель, а долгих месяцев. Поэтому в Ярославле, не дожидаясь собора, было создано земское правительство, управляющее уже большей частью России. В Ярославле возникли учреждения типа министерств — Поместный приказ, Монастырский приказ, Разрядный приказ, Казанский дворец, Новгородская четверть и другие, то есть все учреждения, существовавшие при Иване Грозном и Борисе Годунове. В Ярославле был устроен Денежный двор, и началась чеканка монеты. Земское правительство вступает в переговоры с зарубежными странами.

Значительную роль в правительстве играл Кузьма Минин. Нижегородский мещанин получил необычный и внушительный титул — «Выборный всею землей человек». Минин даже обзавелся собственной печатью, на которой была изображена фигура античного героя, сидящего в кресле и держащего в правой руке чашу. Рядом с креслом стояла амфора. Все это

символизировало смысл деятельности Минина — собрание и хранение государственной казны.

Разумеется, кроме светской власти должна быть власть и духовная. Для созыва Большого собора нужно было время, а пока был создан Духовный совет, во главе которого был поставлен бывший ростовский митрополит Кирилл. Тот самый Кирилл, которого без особых оснований сместил с митрополии Гришка Отрепьев, дабы поставить туда своего благодетеля Филарета Романова. С 1606 года Кирилл проживал в Троице-Сергиевом монастыре. Выбор Кирилла не был случаен. В начале 1612 года в Москве от рук поляков принял мученическую кончину патриарх Гермоген. Филарета Романова, гостившего у польского короля, ни патриархом, ни митрополитом в Ярославле не считали. По церковному обычаю следующим по старшинству после патриарха считался новгородский митрополит, но новгородский митрополит Исидор был в шведском плену. За ним следовал казанский митрополит Ефрем, но он был крайне необходим в Казани, а далее следовал по старшинству ростовский митрополит. Таким образом, в Ярославле была организована и своя церковная власть и под рукой был почти неоспоримый кандидат в патриархи.

Для поднятия боевого духа ополчения Минин и Пожарский успешно использовали провоз через Ярославль иконы Казанской Божией Матери. В 1611 году казанские ратники привезли ее под Москву в войско Ляпунова, а теперь везли по Волге в Казань. В Ярославле было организовано несколько молебнов у иконы, и с нее местные богомазы сделали список (копию). Этот список и отправили по Волге в Казань, а подлинник стал главной святыней ополчения. По свидетельству летописца, «ратные ж люди велию веру начаша держати к образу Пречистыя Богородицы...»

Ярославское правительство учредило и новый государственный герб, на котором был изображен лев.

На большой дворцовой печати были изображены два льва, стоящие на задних лапах. При желании введение нового герба можно объяснить тем, что все самозванцы выступали под знаменами с двуглавым орлом, гербом русского государства еще со времен Ивана III. Но с другой стороны, новый государственный герб был уж очень похож на герб князя Пожарского, где были изображены два рыкающих льва. Да и сам Пожарский теперь именовался «Воевода и князь Дмитрий Михайлович Пожарково-Стародубский».

Деятельность ярославского правительства начала приносить плоды. Даже отдаленные области Поморья и Сибири слали деньги и своих представителей в Ярославль.

В мае 1612 года в Ярославле возникла «морская язва». Умерло несколько десятков ополченцев. Часть дворян, не спросив у воеводы, покинула город и отправилась в свои поместья. По приказу Пожарского были выставлены заставы с казаками, никого не выпускавшие из Ярославля.

Ополченцы и ярославцы дали обет для избавления от мора в один день построить церковь Спаса Обыденного. Приступили к постройке в ночь на 24 мая, и уже вечером началось освящение. В тот же день воевода Пожарский с крестным ходом прошел от главного собора до городских ворот, а затем обошел все крепостные валы.

И диво — мор действительно прекратился столь же внезапно, как и начался. Чудесное избавление Ярославля от мора не могло не усилить веру ополченцев в правоту своего дела и поднять авторитет их вождя.

В отношении первого ополчения Минин и Пожарский вели гибкую политику, благодаря которой удалось избежать не только войны, но даже и официального разрыва между ополчениями. С другой стороны, по всей стране рассылались грамоты с обличениями руководителей первого ополчения. С некоторой долей упро-

щения ситуации это можно представить так: Минин и Пожарский признавали власть первого ополчения только под Москвой и больше нигде. В места, находившиеся под контролем Трубецкого и Заруцкого, посылались отряды дворян, которые выдавливали оттуда казаков, а кое-где и выбивали силой.

В апреле 1612 года к Суздалю подошел отряд князя Романа Петровича Пожарского, и атаману Просовецкому пришлось уносить ноги. В мае воевода Иван Наумов подошел к Переяславлю-Залесскому, и казаки снова бежали без выстрела. В том же мае князь Дмитрий Черкасский выбил казаков из Углича. Четыре атамана сразу перешли на его сторону, но к остальным пришлось применить силу.

Чтобы очистить путь на север, Дмитрий Пожарский отправил в Пошехонье отряд Лопаты-Пожарского. Воровские казаки были выбиты из Пошехонья. Их атаман Василий Толстой бежал в Кашин, где засел воевода первого ополчения Дмитрий Черкасский. Недолго поразмыслив, Черкасский перешел на сторону Пожарского. Торжок и Владимир также подчинились «Совету всей земли», созданному в Ярославле.

Считая себя правителем государства, Пожарский взял в свои руки все внешнеполитические дела. Воевода прекрасно понимал, что у второго ополчения нет сил для одновременной войны с поляками и шведами, и решил выиграть время, вступив в переговоры со Швецией. Для этого 13 мая 1612 года в Новгород был послан Степан Татищев с грамотами от Минина и Пожарского к митрополиту Исидору, новгородскому воеводе князю Ивану Большому Никитичу Одоевскому и шведскому воеводе Якобу Делагарди⁷⁷.

В грамотах к митрополиту и воеводе Одоевскому содержались запросы о состоянии дел в Новгороде и о взаимоотношениях со шведскими оккупантами. В грамоте к Делагарди Минин и Пожарский писали,

что если король шведский «даст брата своего на государство и окрестит его в православную христову веру», то второе ополчение поддержит его кандидатуру на русский престол.

19 мая Татищев отправился обратно в Москву с грамотами от Исидора, Одоевского и Делагарди, которые обещали прислать своих послов в Ярославль. Вернувшись, Татищев сообщил, что в Новгороде от шведов «христианской вере никакой порухи и православным крестьянам разорения никакого нет, а живут по-прежнему безо всякое скорби» и что шведский принц Карл-Филипп ожидается вскоре в Новгороде по воле Новгородского государства.

Начало переговоров со шведами дало повод руководству второго ополчения разослать грамоты по украинским городам⁷⁸, которые поддерживали псковского вора, Марину и ее сына.

Послал Пожарский грамоты и в далекую Сибирь с уведомлением о новгородских делах и с требованием прислать выборных для совета насчет избрания шведского королевича. Переговоры со шведами и разосланные по русским городам грамоты с призывом ехать в Ярославль выбирать королевича, могут навести на мысль: а не хотел ли действительно Пожарский посадить на московский трон принца Карла-Филиппа, брата нового шведского короля Густава II Адольфа? Начнем с того, что шведский принц был для Руси куда предпочтительнее королевича Владислава. Шведы почти сто лет как отказались от крестовых походов на Русь. Карл-Филипп и его брат были протестантами, а не фанатиками-католиками, как Владислав и Сигизмунд. А у русских с протестантами всегда были куда менее напряженные отношения, чем с католиками.

В отличие от поляков король Карл IX и шведские феодалы не были агрессорами. Поначалу они добросовестно хотели помочь России. И за то, что Польша

не была повержена, вина целиком и полностью лежит на Василии Шуйском и его окружении, а не на Карле IX и Якобе Делагарди. После свержения царя Василия, когда злейший враг Карла IX Сигизмунд попытался овладеть всей Россией, шведы предприняли наиболее разумную меру для обеспечения своей безопасности: попытались посадить на московский престол своего королевича, а в случае неудачи — захватить северные земли России. Захват Новгорода, Корелы, Ингерманландии и Кольского полуострова можно считать при желании агрессией, что и делали советские историки, но вполне резонно можно считать и созданием защитного барьера у шведских границ против агрессии Сигизмунда.

За приезд шведского принца в Россию Густав Адольф требовал часть северных русских земель. Кстати, эти земли уже контролировались его администрацией, и без большой войны шведов оттуда выбить было нельзя. Если бы молодой шведский принц принял православие, то он мог быстро обрести и стать хорошим правителем, во всяком случае, не хуже Миши Романова.

Таким образом, как шведский король, так и жители украинских и сибирских городов считали избрание Карла-Филиппа делом реальным и полезным для русского государства. Но совсем иного мнения придерживался Дмитрий Пожарский, водивший за нос и шведов, и своих соотечественников.

В середине июня 1612 года в Ярославль прибыл проездом возвращавшийся с персидским посольством от шаха Абасса посол австрийского императора Рудольфа II Юсуф Григорович. Он был принят Пожарским. В ходе светской беседы всплыл как-то сам собой вопрос о кандидатуре на московский престол императорского брата эрцгерцога Максимилиана. Документально неизвестно, кто первым «сказал мяу» про Максимилиана, но вряд ли это мог сделать

посол, не имевший на то санкции императора и отсутствовавший в Вене несколько лет.

Пожарский заявил Григоровичу, что русские Максимилиана «примут с великой радостью». Посоветовав послу возвращаться на родину морским путем через Архангельск, так как сухой путь через Литву был небезопасен, Дмитрий Михайлович передал с ним императору следующую грамоту: «Как вы, великий государь, эту нашу грамоту милостиво выслушаете, то можете рассудить, пригожее ли то дело Жигимонт король делает, что, преступив крестное целованье, такое великое христианское государство разорил и до конца разоряет, и годится ль так делать христианскому государю! И между вами, великими государями, какому вперед быть укреплению кроме крестного целованья? Бьем челом вашему цесарскому величеству всею землею, чтоб вы, памятуя к себе дружбу и любовь великих государей наших, в нынешней нашей скорби на нас призрели, своею казною нам помогли, а к польскому королю отписали, чтоб он от неправды своей отстал и воинских людей из Московского государства велел вывести». В тексте грамоты не было упомянуто о Максимилиане, но устно Григорович должен был передать официальное предложение Пожарского.

Историк С. М. Соловьев писал об этой грамоте: «Озабоченные великим и трудным делом, обращая беспокойные взоры во все стороны, нельзя ли где найти помощь, начальники ополчения вспомнили о державе, с которою прежние цари московские были постоянно в дружественных сношениях, которой помогли деньгами во время опасной войны с Турцией; эта держава была Австрия. Вожди ополчения по неопытности своей думали, что Австрия теперь захочет быть благодарною, поможет Московскому государству в его нужде»⁷⁹.

Теперь эти высказывания повторяет каждый, кто пишет о Пожарском, да еще и не ставит кавычек. На

самом деле воевода не был столь неопытен. Заметим, что австрийские императоры издавна добивались союза с Россией против Польши. В 1514 году император Священной Римской (Австрийской) империи Максимилиан I предложил Василию III частичный раздел Польши между Австрией и Московией так, чтобы к Австрии отошла Силезия, а к Московии — Киев с областью. Это было первое по времени предложение такого рода. Позднее они повторялись периодически. Так, к примеру, в 1572 году император Максимилиан II обратился к Ивану Грозному с предложением устроить полный раздел Польши. При этом Великую Польшу, Мазовию, Куявию и Силезию присоединить к Австрийской империи, а Литву и ее земли (Белую и Малую Русь и Подляшье) — к Московскому царству.

Итак, Пожарский пытался устроить Польше войну на два фронта (как в 1939 году!) при довольно большой вероятности успеха. Однако по ряду причин, в том числе из-за турецкой угрозы, Рудольф II не выступил против Польши. Однако сам факт ведения переговоров ярославского правительства с австрийским императором был замечен в Польше и стал серьезным аргументом у родных панов против королевской войны с Россией.

А внутри страны толки о брате шведского короля и брате императора Священной Римской империи создавали Пожарскому большой пропагандистский эффект. Ну предположим, собрали вожди ополчения в Ярославле собор представителей всех русских городов, а кандидатура одна — стольник Пожарский. А других нет, я уже говорил, сколь несерьезны были знатные лица, собравшиеся под знаменем второго ополчения. И получилось бы, что Пожарский избрал сам себя. А тут лучшие в Европе кандидаты — эрцгерцог и принц. Другой вопрос, если собор обнаружит у каждого из них принципиальные недостатки.

Ну тогда простите, по всей Европе искали, ничего лучшего не нашли, больше некому царем быть, как Дмитрию Михайловичу.

В июне 1612 года из Новгорода Великого в Ярославль приехали послы игумен Вяжицкого монастыря Геннадий, князь Федор Одоевский и несколько представителей дворян и посадских людей. 26 июня они предстали перед Пожарским и по обычаю начали речь с изложения причин Смуты: «После пресечения царского корня все единомысленно избрали на государство Бориса Федоровича Годунова по его в Российском государстве правительству, и все ему в послушании были; потому от государя на бояр ближних и на дальних людей, по нанесу злых людей, гнев воздвигнулся, как вам самим ведомо. И некоторый вор чернец, сбежал из Московского государства в Литву, назвался...» Тут видно, что послы хотели связать гнев Годунова на ближних и дальних людей с появлением самозванца как причину со следствием. Упомянув о последующих событиях, о переговорах вождей первого ополчения с Делагарди, у которого с Бутурлиным «за некоторыми мерами договор не стался, а Яков Пунтусов новгородский деревянный город взятъем взял, и новгородцы утвердились с ним просить к себе в государи шведского королевича», послы уведомили, что этот королевич Карл-Филипп братом и матерью отпущен насовсем и теперь уже в дороге, и, надо думать, скоро будет в Новгороде. Послы кончили речь словами: «Ведомо вам самим, что Великий Новгород от Московского государства никогда отлучен не был, и теперь бы вам также, учиня между собою общий совет, быть с нами в любви и соединении под рукою одного государя».

Вот тут-то Пожарский и сменил тактику и тон: «При прежних великих государях послы и посланники прихаживали из иных государств, а теперь из Великого Новгорода вы послы! Искони, как начали

быть государи на Российском государстве, Великий Новгород от Российского государства отлучен не был; так и теперь бы Новгород с Российским государством был по-прежнему», и сразу же перешел к тому, как обманчиво и непрочное избрание иностранных принцев: «Уже мы в этом искусились, чтоб и шведский король не сделал с нами также как польский. Польский Жигимонт король хотел дать на Российское государство сына своего королевича, да через крестное целованье гетмана Жолкевского и через свой лист манил с год и не дал. А над Московским государством что польские и литовские люди сделали, то вам самим ведомо. И шведский Карлус король также на Новгородское государство хотел сына своего отпустить вскоре, да до сих пор уже близко году, королевич в Новгород не бывал».

Князь Оболенский объяснил задержку королевича смертью отца, весть о которой застала его уже в дороге, а потом война с Данией задержала его на родине, и закончил так: «Такой статьи, как учинил над Московским государством литовский король, от Шведского королевства мы не чаем».

На что Пожарский решительно ответил, что, наученные горьким опытом, они признают королевича Карла-Филиппа царем только после прибытия его в Новгород и принятия православия. «А в Швецию нам послов послать никак нельзя, ведомо вам самим, какие люди посланы к польскому Жигимонту королю, боярин князь Василий Голицын с товарищами! А теперь держат их в заключении как полоняников, и они от нужды и бесчестья, будучи в чужой земле, погибают», — закончил князь Пожарский.

Новгородские послы попытались уверить воеводу, что шведский король никогда не поступит, как Сигизмунд, так как видит всю бесполезность этого: «Учинил Жигимонт король неправду, да тем себе какую прибыль сделал, что послов задержал? Теперь и без них вы

бояре и воеводы не в собраньи ли и против врагов наших, польских и литовских людей, не стоите ли?»

Интересен хитрый ответ Пожарского, где речь стольника искусно перемежается со словами правителя государства: «Надобны были такие люди в нынешнее время: если б теперь такой столп, князь Василий Васильевич [Голицын. — А. III.], был здесь, то за него бы все держались, и я за такое великое дело мимо его не принял бы, а то теперь меня к такому делу бояре и вся земля силою приневолили». Это говорит стольник. «И видя то, что сделалось с литовской стороны, в Швецию нам послов не посыловать и государя не нашей православной веры греческого закона не хотеть». А это воля правителя!

Речь Пожарского произвела нужное впечатление на Оболенского, и он сказал: «Мы ль истинной православной веры не отпали, королевичу Филиппу Карлу будем бить челом, чтоб он был в нашей православной вере греческого закона, и за то хотим все помереть: только Карл королевич не захочет быть в православной вере греческого закона, то не только с вами боярами и воеводами и со всем Московским государством вместе, хотя бы вы нас и покинули, мы одни за истинную нашу православную веру хотим помереть, а не нашей, не греческой веры государя не хотим».

Закончились переговоры тем, что Пожарский не захотел дать никаких обещаний шведам, но предложил послать в Новгород послом Перфиля Секерина, чтобы явный разрыв не настроил шведов против ополчения, да и потянуть время. По словам летописца, для того Секерина послали, чтобы не помешали «немецкие люди идти на очищение Московского государства, а того у них и в думе не было, чтобы взять на Московское государство иноземца».

Вожди ополчения писали новгородцам: «Если королевич по вашему прощенью вас не пожалует и в Великий Новгород нынешнего года по летнему пути не

будет, то во всех городах всякие люди о том будут в сомнении. А нам без государя быть невозможно: сами знаете, что такому великому государству без государя долгое время стоять нельзя. А до тех пор, пока королевич не придет в Новгород, людям Новгородского государства быть с нами в любви и совете, войны не начинать, городов и уездов Московского государства к Новгородскому государству не подводить, людей к кресту не приводить и заборов никаких не делать».

Казалось, еще немного, и Земский собор изберет славного воеводу царем, а митрополита Кирилла — патриархом. Со Смутой было бы покончено в течение нескольких месяцев. Вся история государства Российского могла пойти по другому пути.

Однако судьба распорядилась совсем иначе. В июле 1612 года войско гетмана Ходкевича двинулось на Москву. Перед Пожарским и Мининым возникла роковая проблема — идти к Москве означало своими руками погубить план спасения государства, который был уже на грани успеха. Под Москвой волею неволей придется сотрудничать с первым ополчением, признать его легитимность и делить плоды победы. А то, что из себя представляла публика из первого ополчения, Пожарский и Минин знали не понаслышке. Не было никакого сомнения, что воровские казаки и впредь будут источником смут и потрясений. Но с другой стороны, стоять в Ярославле и ждать, когда Ходкевич разгонит казаков и деблокирует войско Гонсевского, тоже было нельзя. Это скомпрометирует второе ополчение и особенно его вождей. Узнав о походе Ходкевича, многие казачьи атаманы из подмосковного лагеря писали слезные грамоты к Пожарскому с просьбой о помощи. С аналогичной просьбой к Пожарскому обратились монахи Троице-Сергиева монастыря. В Ярославль срочно выехал келарь Авраамий Палицын, который долго уговаривал Пожарского и Минина. Из двух зол при-

шлось выбирать меньшее, и Пожарский приказал готовиться к походу на Москву.

Однако Пожарского в первом ополчении ждали не все. «Боярин» Заруцкий люто ненавидел прославленного воеводу. По его указанию в Ярославль отправились двое казаков — Обреска и Степан. Там им удалось вовлечь в заговор смолян Ивана Доводчинова и Шанду, а также рязанца Семена Хвалова. Последний был боевым холопом князя Пожарского. Заговорщики решили убить Пожарского, когда он будет осматривать новые пушки на центральной площади Ярославля. В тесноте казак Степан попытался ударить князя ножом в живот, но промахнулся и попал в бедро стоявшего рядом ополченца Романа. Степана схватили, и на пытке он назвал своих товарищей, которые также во всем признались. Преступники были заключены в тюрьму. Позже часть из них отправили в Москву на «обличенье». Там они во всем покаялись и были прощены по просьбе Пожарского.

Понятно, с каким чувством после всего происшедшего Пожарский и ополченцы выступали в поход на Москву, где вместо союзников их ждали убийцы. Но откладывать поход было нельзя — приходили тревожные вести о приближении к Москве войска Ходкевича. Пожарский отправил передовые полки. Первым полком командовали воеводы Михаил Самсонович Дмитриев и Федор Васильевич Левашов. Этот полк должен был подойти к Москве и, не входя в стан Трубецкого и Заруцкого, поставить себе особый острожек у Петровских ворот. Вторым полком командовали Дмитрий Петрович Лопата-Пожарский и дьяк Семен Самсонов. Этот полк должен был стать у Тверских ворот. Была еще одна причина спешить к Москве — надо было спасти дворян и детей боярских, все еще оставшихся в первом ополчении, от казацкой расправы.

В свое время украинские города направили в первое ополчение своих ратных людей. Теперь они стоя-

ли в Никитском остроге под Москвой и постоянно подвергались оскорблениям и угрозам со стороны казаков Заруцкого. Украинцы послали к Пожарскому в Ярославль дворян Кондырева и Бегичева с соратниками просить, чтобы ополчение отправлялось на Москву как можно скорее, чтобы спасти их от казаков. Когда посланцы увидели, в каком довольстве живут ратники второго ополчения, то не могли вымолвить и слова от душивших их слез. Многие во втором ополчении лично знали Кондырева и Бегичева и теперь едва узнавали их — так жалко они выглядели. Им дали денег и одежду и отправили назад с радостным известием, что ополчение выступает к Москве. Заруцкий и казаки узнали, с какими новостями возвращаются Кондырев и Бегичев, и решили избить их. Дворянам удалось укрыться в полку Дмитриева, а остальные украинцы разбежались по своим городам.

Разогнав украинцев, Заруцкий решил преградить путь второму ополчению. Он отправил несколько тысяч казаков на перехват полка Лопаты-Пожарского. Однако после короткого боя дворянская конница разогнала воровских казаков.

Одновременно Заруцкий вступил в переговоры с Ходкевичем, войско которого остановилось у села Рогачево. Об этом стало известно в первом ополчении, и Заруцкий вместе с 2500 казаками в ночь на 28 июля бежал по Коломенской дороге. В Коломне жила Марина Мнишек с сыном. Заруцкий забрал их с собой, разграбил Коломну и ушел на Рязанщину, где обосновался в городе Михайлове.

Ходкевич подошел к Москве, но напасть на позиции первого ополчения не решился. В свою очередь Трубецкой с казаками тихо сидели в своих острожках, наблюдая ввод войск Ходкевича. Гетман не сумел по пути собрать достаточно провианта и теперь лишь произвел ротацию польского гарнизона в Кремле. Александр Корвин Гонсевский со своим от-

рядом покинул Москву, а его место начальника гарнизона занял полковник Николай Струсь. Его отряд и оставшийся полк Осипа Будилы стали главной силой, отбивавшей вылазки казаков.

Обратим внимание, что речь идет о королевских войсках, а не о частных армиях польских магнатов. Но к 1612 году и королевские войска, действовавшие в России, превратились в банды озверелых грабителей. Дабы избежать обвинений в предвзятости, приведу цитату польского историка Казимира Валишевского, пытавшегося в своем труде по возможности оправдать своих соотечественников: «Взбунтовавшись из-за задержки в выдаче обещанного рядовым жалованья или приняв участие в ссорах начальников, войска Гонсевского и даже Ходкевича с января 1612 года перешли от конфедерации к дезертирству. Покружившись по московской территории, лучшие эскадроны вернулись в Польшу и там принялись с лихвой вознаграждать себя захватами из королевских, даже частных имений»⁸⁰.

Разумеется, Гонсевский сбежал из Москвы не с пустыми руками. Под видом боярского залога в счет жалованья полякам за службу он забрал много драгоценностей из сокровищницы русских царей — иконы в богатых золотых окладах, украшенные самоцветами, древние щиты и доспехи, оправленные черненым серебром стулья, сундучки с отборным жемчугом, меха, ковры и многое другое, а также прихватил литую серебряную печать Василия Шуйского. Не погнушался Гонсевский взять и царские регалии — царский посох, венцы Бориса Годунова и Лжедмитрия I. Венец царя Бориса был украшен лазурным и синим сапфирами, доставленными с Цейлона, а также алмазами, рубинами и жемчугом. Венец Лжедмитрия I украшал необыкновенной величины и чистоты алмаз. Взял Гонсевский и чудесного единорога, обладание которым, по преданию, приносило удачу.

Московские бояре оказались бессильны помешать ляхам, да и сами они были не без греха. Казенный приказ часто устраивал распродажи «царской рухляди», и многим удалось скупить дорогие вещи за бесценок. Не без помощи бывшего кожевенника Федора Андропова Гонсевский нахватал себе дорогих тканей, золота и мехов из казны. Андронов и себя не обделил, присвоив дорогие ожерелья и цепи. Все в Кремле старались урвать сколько можно. Польское рыцарство забрало из казны для костела золотую статую Христа, но на самом деле «рыцари» раскололи ее на части и поделили между собой. Гонсевский выплачивал солдатам огромное жалованье — до трехсот рублей в месяц. В прежние времена столько выплачивалось думным боярам за год!

Взятые в счет жалованья драгоценности Гонсевский по договору с боярами не имел права вывозить из Москвы, но он вероломно пренебрег этим договором и по сути дела просто среди бела дня своровал сокровища. Какова же дальнейшая судьба этих сокровищ? Как распорядились ими ясновельможные паны?

Польский поручик Маскевич, бежавший из Москвы вместе с Гонсевским, писал в своем дневнике: «Вещи, данные нам в Москве залогом за стенную службу, мы хранили в целости; наскучив с ними возиться и желая лучше иметь наличные деньги, мы продавали их королю: он не хотел купить. Продавали императору христианскому, герцогам Бранденбургским, империи Немецкой, Гданьску, везде, где думали найти покупателей, и все напрасно. Наконец стали торговаться на них паны комиссары: давали 100 000, а 80 000 просили уступить. Мы согласились бы и на эту цену, если бы могли получить наличные деньги; но так как нам хотели заплатить фантами, за которыми надобно было еще послать в Люблин, то мы и не решились, опасаясь обмана... Мы решились разделить их между собою: разломали две короны Федорову и Димитрие-

ву, седло гусарское, оправленное золотом, с драгоценными камнями, и три единорога. Посох остался цел, его отдали вместе с яхонтом из короны, величиною в два пальца, Гонсевскому и Дунковскому за стенную службу. В дележе мы участвовали все и почти все что-нибудь получили; иным пришлось взять едва ли не десятую часть того, что следовало. Мне досталось: три алмаза острых, четыре рубина, золота на 100 золотых, единорога два лота...»

В конце июля главные силы второго ополчения выступили из Ярославля, отслужив молебен в Спаском монастыре у гроба ярославских чудотворцев — князя Федора Ростиславича Черного и его сыновей Давида и Константина, взяв благословение у митрополита Кирилла и у всех властей духовных. Впереди войска, выступившего из Ярославля, попы несли икону Казанской Божией Матери.

Отойдя семь верст от Ярославля, ополчение оставилось на ночлег. Здесь князь Пожарский передал командование второму воеводе ополчения своему свояку князю Ивану Андреевичу Хованскому и Кузьме Минину, велел им идти в Ростов и ждать его там, а сам с небольшим конвоем поехал в суздальский Спасо-Евфимьевский монастырь помолиться у гробов своих предков — стародубских князей. Для современного историка это мелкий эпизод, не заслуживающий внимания. А для того времени поездка к прародительским гробам имела большое политическое значение. Кто припомнит, чтобы какой-либо иной воевода Смутного времени перед решающим сражением шел молиться к прародительским гробам? А вот московские великие князья и цари обязательно совершали оное деяние перед походом. А что сделал Лжедмитрий I, войдя в Москву? Тоже полез молиться в Архангельский собор к гробам московских правителей. И вот, следуя традиции, князь Дмитрий Пожарково-Стародубский отпра-

вился к гробам своих предков — правителей Руси Рюриковичей.

Князь недолго пробыл в Суздале и быстро нагнал войско в Ростове.

Двигаясь к Москве, Пожарский не забывал и о морально-политической работе в войсках. Воеводе срочно понадобился... «замполит». Митрополит Кирилл, который не без успеха ранее выполнял эту функцию, по невыясненным причинам остался в Ярославле. Самый простой способ — это обратиться к властям Троице-Сергиева монастыря, тем более что монастырь лежал на пути войска. Те немедленно прислали бы «замполита» во второе ополчение.

Но Пожарскому нужен был не просто «свой замполит», но и духовный противовес троицкой братии. И вот 29 июля Пожарский от имени всего ополчения написал к казанскому митрополиту Ефрему: «За преумножение грехов всех нас православных христиан, Вседержитель Бог совершил ярость гнева своего в народе нашем, угасил два великие светила в мире; отнял у нас главу Московского государства и вождя людям, государя царя и великого князя всея Руси, отнял и пастыря и учителя словесных овец стада его, святейшего патриарха Московского и всея Руси; да и по городам многие пастыри и учителя, митрополиты, архиепископы и епископы, как пресветлые звезды, погасли, и теперь оставил нас сиротствующих, и были мы в поношение и посмех, на поругание языков. Но еще не до конца оставил нас сирыми, даровал нам единое утешение, тебя великого господина, как некое великое светило положил на свещнице в Российском государстве сияющее. И теперь, великий господин, немалая у нас скоробь, что под Москвою вся земля в собрание, а пастыря и учителя у нас нет; одна соборная церковь Пречистой Богородицы осталась на Крутицах, и та вдовствует⁶¹. И мы по совету всей земли приговорили: в дому Пречистой Бо-

городицы на Крутицах быть митрополитом игумену Сторожевского монастыря Исаии:

этот Исаия от многих свидетельствован, что имеет житие по Боге. И мы игумена Исаию послали к тебе, великому господину, в Казань, и молим твое преподобие всею землею, чтоб тебе, великому господину, не оставить нас в последней скорби и беспастырных, совершить игумена Исаию на Крутицы митрополитом и отпустить его под Москву к нам в полки поскорее, да и ризницу бы дать ему полную, потому что церковь Крутицкая в крайнем оскудении и разорении».

Надо ли говорить, что митрополит Ефрем немедленно возвел в сан митрополита игумена Исаию и отправил его назад.

В Ростове к Пожарскому привели гонца из подмосковного лагеря атамана Внукова. Тот рассказал о бегстве Заруцкого и просил князя идти как можно быстрее под Москву. Но главной целью миссии Внукова было выяснить отношения Пожарского к казакам, оставшимся под Москвой. Пожарский и Минин отнеслись к Внукову и приехавшим с ним казакам очень доброжелательно, дали денег и подарков и велели передать, что идут к Москве немедленно. И действительно, вслед за казацкими посланцами ополчение двинулось через Переяславль-Залесский к Троице-Сергиеву монастырю. 14 августа ополчение подошло к Троице и стало лагерем между монастырем и Клементьевской слободой. В тот же день Пожарскому донесли, что большой отряд поляков и запорожцев объявился на севере вблизи Белого озера. Этот отряд не подчинялся ни Ходкевичу, ни королю Сигизмунду, а представлял собой частную армию или, проще говоря, большую банду грабителей.

Белозерск, Каргополь и Устюжна уже несколько месяцев как признали власть ярославского правительства. На защиту северных земель Пожарскому пришлось дать отряд из семисот конных и пеших

ратников во главе с воеводой Григорием Образцовым. Но помощь опоздала — враги захватили и разграбили город Белозерск. Оттуда ляхи и запорожцы двинулись к Кирилло-Белозерскому монастырю, но были отбиты. Зато 22 сентября им удалось внезапным налетом захватить Вологду.

По пути в Троице-Сергиев монастырь в Переяславле-Залесском второе ополчение нагнал английский наемник капитан Яков Шав (Шау). Он предложил Пожарскому услуги двадцати офицеров и ста солдат-наемников, которые должны через месяц прибыть на английском корабле в Архангельск. Грамота, привезенная Шавом, была подписана в Гамбурге капитаном наемников Андрианом Фейгером, Артуром Эстоном, Яковом Гилем и Яковом Маржеретом. В свое время Дмитрий Михайлович лично наблюдал, как Яков (Жак) Маржерет жег Москву и убивал горожан.

По приказу воеводы дьяки написали ответ наемникам: «Великих государств Российского царствия бояре и воеводы, и по избранию Московского государства всяких чинов людей, в нынешнее настоящее время того многочисленного войска у ратных и у земских дел стольник и воевода князь Дмитрий Пожарский с товарищи. Объявляем Ондреяну Фрейгеру вольному господину города Фладора, Артуру Ястону из Турпала, Якову Гилю, начальным над войском, и иным капитанам, которые с вами... Мы государям вашим королям, за их жалованье, что они о Московском государстве радуют и людям велят собираться нам на помощь, челом бьем и их жалованье рады выславлять. Вас, начальных людей за ваше доброхотство похваляем, и нашею любовью, где будет возможно, воздавать вам хотим. Потому удивляемся, что вы в совете с францу женином Яковом Маржеретом, о котором мы все знаем подлинно: выехал он при царе Борисе Федоровиче из Цесарской области, и государь

его пожаловал поместьем, вотчинами и денежным жалованьем; а после при царе Василии Ивановиче Маржерет пристал к вору и Московскому государству многое зло чинил, а когда польский король прислал гетмана Жолкевского, то Маржерет пришел опять с гетманом, и когда польские и литовские люди, оплоша московских бояр, Москву разорили, выжгли и людей секли, то Маржерет кровь христианскую проливал пуще польских людей, и награвившись государевой казны, пошел из Москвы в Польшу с изменником Михайлою Салтыковым. Нам подлинно известно, что польский король тому Маржерету велел у себя быть в раде: и мы удивляемся, каким это образом теперь Маржерет хочет нам помогать против польских людей? Писано на стану у Троицы в Сергиеве монастыре лета 7120 [1612 г. — А. Ш.] августа месяца».

Вечером 18 августа ополчение Пожарского, не доходя пяти верст до Москвы, остановилось на реке Яузе. К Арбатским воротам были посланы разведчики, которым поручалось найти удобные места для устройства стана.

В течение ночи Трубецкой отправил несколько гонцов к Пожарскому с предложением приехать в стан первого ополчения для переговоров. Но соратники Пожарского хорошо помнили убийство Ляпунова и отвечали: «Отнюдь не бывать тому, чтоб нам стать вместе с казаками». На следующее утро, когда ополчение подошло ближе к Москве, Трубецкой сам прискакал к авангарду войска Пожарского и в личной беседе просил Дмитрия Михайловича встать вместе в одном остроге у Яузских ворот, но ответ был прежний: «Отнюдь нам вместе с казаками не стоять». В итоге второе ополчение заняло позиции в Белом городе от северных Петровских до Чертольских (Кропоткинских) ворот. Первое же ополчение по-прежнему занимало южную и юго-восточную части Москвы.

Вечером 21 августа войско гетмана Ходкевича стало на Поклонной горе. Силы второго ополчения составляли немногим более десяти тысяч, а у Трубецкого осталось не более трех-четырёх тысяч казаков, которые были сосредоточены в районе Крымского двора, где сейчас находится Октябрьская площадь, а также за рекой Яузой. Пожарский опасался, что если Ходкевич решит ударить по войску Трубецкого, то казаки долго не продержатся. Поэтому он приказал пятистам конным дворянам переправиться на правый берег Москвы-реки и занять позицию недалеко от табора первого ополчения.

На рассвете 22 августа гетман форсировал Москву-реку у Новодевичьего монастыря. Конница Пожарского контратаковала поляков. Некоторое время встречный бой кавалерийских лав шел с переменным успехом. Но вскоре подошла немецкая пехота, служившая у Ходкевича, и русская конница отступила. После полудня гетман ввел в бой все свои силы. Но ополчение Пожарского заняло оборону вдоль остатков укреплений Белого города между Тверскими и Арбатскими воротами и упорно сопротивлялось. Осажденные в Кремле поляки пошли на вылазку из Алексеевских и Чертольских ворот Кремля. По приказу Пожарского против них был брошен свежий полк стрельцов. Поляки понесли большие потери и бежали под защиту стен Кремля.

Битва продолжалась уже семь часов. Между тем войско Трубецкого на другом берегу Москвы-реки оставалось в бездействии. Казаки спокойно наблюдали за боем и кричали: «Богаты дворяне пришли из Ярославля, отстоятся и одни от гетмана». Отряд же, посланный Пожарским к Трубецкому, пошел на выручку своих. Трубецкой не хотел их отпускать, но отряд быстро переправился через реку. Этому примеру последовали и некоторые из казаков — атаманы Филат Межаков, Афанасий Коломна, Дружина Романов

и Марко Козлов, крича Трубецкому: «От вашей ссоры Московскому государству и ратным людям пагуба становится!»

Поляки обожают лихие конные атаки, но удар с тыла быстро обращает их в бегство. Так было и в сентябре 1639 года, и при Суворове, так же дело кончилось и 22 августа 1612 года. Поляки ретировались к Поклонной горе. Однако хитрый гетман задумал провести ночью четыреста возов с продовольствием в Кремль. Шестьсот конных поляков сопровождали возы, а вел их русский стольник Григорий Орлов, сумевший пробиться к гетману из Кремля. Полякам удалось пройти мимо воинства Трубецкого и благополучно войти в Кремль. Правда, С. М. Соловьев утверждал, что в Кремль благополучно вошел лишь конвой, а обозы достались русским.

23 августа Ходкевич стоял на Поклонной горе без движения. Поляки из Кремля сделали небольшую вылазку. На рассвете 24 августа Ходкевич двинулся на Трубецкого. Пожарский не решился переправить все свои войска через Москву-реку на помощь Трубецкому, в этом случае поляки легко захватили бы западную и юго-западную части Белого города. Поэтому он приказал переправиться через реку полкам воевод Лопаты-Пожарского и Туренина, которые ранее занимали позиции на северном фланге от Никитских до Петровских ворот Белого города. Воеводы стали на правом фланге (у Крымского брода) и успешно отразили нападение поляков. Однако казаки Трубецкого не выдержали удара в районе Серпуховских ворот и обратились в бегство. После упорного пятичасового боя поляки прорвались к берегу Москвы-реки напротив собора Василия Блаженного. Большая толпа казаков вообще отказалась драться, заявив: «Они [то есть дворяне Пожарского. — А. III.] богаты и ничего не хотят делать, мы наги и голодны, и одни бьемся; так не выйдем же теперь на бой никогда».

Минин послал за келарем Троице-Сергиева монастыря Авраамием Палицыным, имевшим большое влияние на казаков. Палицыну с большим трудом удалось уговорить казаков продолжить бой. Следует отметить, что Ходкевич не сумел воспользоваться моментом, поскольку он попытался провести свой обоз с продовольствием в Кремль, но сотни повозок создали пробки в тесных и кривых улицах Замоскворечья.

Затем Палицын переправился через Москву-реку и направился к казакам в табор, расположенный у Юзских ворот. Там казаки преспокойно пьянствовали и играли в зернь. Палицын их уговорил, видимо, рассказав о каком-то чуде Сергия Радонежского. Во всяком случае, казаки с криком: «Сергиев! Сергиев!» в конном строю переправились через Москву-реку в Замоскворечье и ударили в правый фланг поляков.

Дело шло к вечеру, но битва по-прежнему шла с переменным успехом. Чтобы переломить ситуацию, Пожарский дал Кузьме Минину три сотни отборных дворян и приказал атаковать конную и пешую польские роты, стоявшие у Красных ворот. Поляки, увидев русскую конницу, бросились бежать, не приняв боя. Увидев бегущих, начали отступать и соседние роты. В свою очередь казаки и стрельцы Пожарского перешли в наступление в Замоскворечье. Бросив обоз, Ходкевич отступил, всеми силами стараясь сохранить боеспособность хотя бы части своих войск. Первоначально поляки отошли к Донскому монастырю, а глубокой ночью перешли на Воробьевы горы. Там гетман простоял два дня. В Кремль Ходкевич послал лазутчика с грамотой, в которой просил осажденных подождать три недели, после чего обещал вернуться с большим войском. Свой уход гетман оправдывал большими потерями, у него-де осталось всего четыреста человек конницы (о пехоте там не говорилось). После чего остатки войска Ходкевича

двинулись на запад по Смоленской дороге. Русские их не преследовали.

Поражение Ходкевича не сплотило ополчения, а наоборот, начались новые ссоры. Боярин Трубецкой требовал подчинения от Пожарского и Минина. Они-де должны были являться к нему в стан за приказаниями. Ведь князь Пожарский не бегал за боярством в Тушино и так и остался стольником. Те же помнили Ляпунова, да и не собирались подчиняться проходимцу.

В начале сентября среди казаков пошла разговоры, что надо уезжать из-под Москвы и отправляться гулять по северным русским городам. Заводчики кричали, что казаки голодны, раздеты и разуты и не могут стоять в осаде, а под Москвой пусть богатые дворяне остаются. Если бы воровские казаки провалялись в тартарары, Минин и Пожарский, наверное, перекрестились бы, но допустить разорения северных городов они не могли.

Воспользовавшись конфликтом между Пожарским и Трубецким, отдельные воеводы решили вообще никому не подчиняться. Так, 12 сентября князь Василий Тюфякин привел из Одоева триста всадников и расположился отдельным лагерем, эдаким независимым полевым командиром.

Дело решил уладить троцкий архимандрит Дионисий. Он созвал монахов для совета: что делать? Денег в монастыре нет, нечего послать казакам, как их упросить остаться под Москвой? Решили послать казакам в заклад в тысячу рублей на короткое время церковные сокровища, ризы, стихари, епитрахили саженные и написали казакам грамоту. Расчет Дионисия оказался правильным: суеверные казаки не решились брать в заклад церковные вещи. Два атамана отвезли утварь обратно в монастырь и дали монахам грамоту, в которой клятвенно обещали все претерпеть, но не уйти от Москвы. В свою очередь во-

еводы договорились встречаться на нейтральной территории на реке Неглинной.

В районе Пушечного двора, в Егорьевском монастыре и у церкви Всех Святых на Кулишках были построены осадные батареи, которые открыли круглосуточный огонь калеными ядрами и мортирными бомбами по Кремлю и Китай-городу. 20 сентября от каленых ядер начался сильный пожар, сгорело три дома во дворе князя Мстиславского, полякам с большим трудом удалось погасить огонь.

Пожарский и Трубецкой договорились перегордить Замоскворецкий полуостров глубоким рвом и палисадом от одного берега Москвы-реки до другого, чтобы исключить возможность провоза продовольствия полякам. Оба воеводы попеременно, день и ночь, следили за работами.

Некоторые историки обвиняют Сигизмунда в том, что он бросил московский гарнизон на произвол судьбы. Король действительно совершил много тактических и стратегических ошибок, главной из которых было столь долгое «сиденье» под Смоленском. Осенью же 1612 года он делал все, что мог. Но у короля опять не было денег. Он не заплатил польскому рыцарству за три летних месяца, и оно разъехалось по домам, забыв о своих коллегах в Москве. В итоге Сигизмунду пришлось отправиться в поход лишь с отрядом иностранных наемников и несколькими эскадронами гусар из своей гвардии. Король двинулся из Смоленска на Москву через так называемые «царские ворота». Однако перед королем «царские ворота» сорвались с петель и загородили дорогу войскам. Королю пришлось выбирать из Смоленска окольным путем. Дорогой к королю присоединился Адам Жолкевский, племянник гетмана, со своей частной армией в 1200 всадников. Король с войском прибыл в Вязьму в самом конце октября. Но к этому времени уже произошла развязка затянувшейся драмы.

По приказу князя Пожарского у Пушечного двора (близ современной гостиницы «Москва») была построена большая осадная батарея, которая открыла с 24 сентября интенсивный огонь по Кремлю. 3 октября открыла огонь осадная батарея, построенная первым ополчением у Никольских ворот.

21 октября поляки предложили русским начать переговоры и прислали к Пожарскому полковника Будилу. Однако переговоры затянулись, рыцарство требовало почетной капитуляции, то есть выпуска поляков из Кремля с оружием и т. п. Пожарский же был согласен лишь на безоговорочную капитуляцию. Казаки узнали о переговорах и решили, что их лишают части добычи. 22 октября без команды главных воевод они бросились к стенам Китай-города. Поляки не ожидали нападения и растерялись. Казаки ворвались в Китай-город и выбили из него ляхов. Среди убитых были знатные паны Серадский, Быковский, Тваржинский и другие.

Потеря Китай-города несколько сбила спесь с поляков. Они вновь запросили переговоров. На сей раз переговоры велись у самой кремлевской стены. Поляков представлял полковник Струсь, а бояр, сидевших в Кремле, — князь Мстиславский, со стороны осаждающих были Пожарский и Трубецкой. В начале переговоров бывший глава Боярской думы Мстиславский покаялся и бил челом «всей земле», а конкретно Пожарскому и Трубецкому. Для начала поляки попросили разрешения покинуть Кремль всем русским женщинам, русские воеводы согласились. Вышедшие из Кремля боярыни и княжны пытались унести с собой драгоценности. Казаки хотели ограбить их, но Пожарский с дворянами отконвоировал женщин в свой лагерь.

Наиболее серьезный исследователь Смутного времени советский историк Р. Г. Скрынников писал по поводу переговоров Пожарского с поляками: «После

трехдневных переговоров земские вожди и боярское правительство заключили договор и скрепили его присягой. Бояре получили гарантию того, что им будут сохранены их родовые наследственные земли. Сделав уступку знати, вожди ополчения добились огромного политического выигрыша. Боярская дума, имевшая значение высшего органа монархии, согласилась аннулировать присягу Владиславу и порвать всякие отношения с Сигизмундом III. Земские воеводы молчаливо поддержали ложь, будто «литва» держала бояр в неволе во все время осады Москвы»⁸².

Такой вывод маститого ученого, многие десятилетия занимавшегося историей Руси в XVI — начала XVII века, представляется мне, мягко выражаясь, странным. О каком «огромном политическом выигрыше» могла идти речь? Какой такой «высший орган монархии» мог быть? Де-юре Боярская дума была совещательным органом при московских князьях, которые начиная с Ивана IV именовали себя царями. В Боярскую думу наряду с князьями Рюриковичами московские князья включали и безродных лиц, оказавших им различные услуги, в том числе и весьма сомнительные. Теперь род Ивана Калиты пресекался и правителем России с точки зрения феодального права должен был стать князь Рюрикович, а не потомок беспородных бояр — холопов московских князей. Так несколько десятилетий назад во Франции сделали королем Генриха IV. Пусть он был гугенот, пусть владения его родителей были ничтожны, но он был королевской крови! Феодальное право было основано на прямом родстве по отцовской линии, и никакое иное родство или богатство не принималось в расчет.

Иван Грозный несколько десятилетий правил, игнорируя Боярскую думу, а подчас и издеваясь над ней. За годы Смуты Боярская дума полностью себя скомпрометировала. Да и что такое боярство? Это чин, присваиваемый законным правителем страны.

К 1612 году в России практически не осталось бояр, которым этот чин присвоил Иван Грозный. Кому-то дал боярство Борис Годунов, кому-то — Лжедмитрий I, кому-то — Василий Шуйский, а кому-то — Тушинский вор. Все они Боярской думой были признаны незаконными правителями. Тогда, соответственно, и все боярские чины получены незаконно. Разве генерал царской армии сохранял свои чины при переходе в Красную Армию? Я уж не говорю о генералах из владимирской армии.

Рассмотрим ситуацию де-факто. Боярин — это соратник князя, приводящий в случае опасности князю свою дружину «конно людно и оружно». Но в октябре 1612 года у сидевшей в Москве знати не было никаких дружин и они никого не представляли. Наоборот, большие батальоны были у Пожарского, а у Трубецкого были куда меньше.

На мой взгляд, Пожарский допустил роковую ошибку, признав бояр «пленниками ляхов». Пожарский сам, своими руками, вытащил их из болота, вернул им вотчины, сохранил их драгоценности. И вот через несколько месяцев, вернув себе власть в вотчинах, воссоздав дружины, эти ничтожества вновь стали настоящими боярами. Так появилась третья сила (кроме первого и второго ополчений).

Пожарский мог отдать бояр под суд, лишив их боярства и вотчин. А их земли и другое имущество следовало раздать освободителям Москвы — дворянам Пожарского и казакам. Надо ли говорить, что в этот момент князь Дмитрий стал бы кумиром подавляющего большинства казаков. А каждому, кто пожалел бы бояр и стал бы противиться секвестру, казаки просто перерезали бы глотку. Первое ополчение сразу прекратило бы свое существование. И совсем нетрудно угадать, кто был бы избран царем на соборе 1613 года.

Был и другой путь. Пожарский мог намекнуть своим людям, чтобы те не очень мешали казакам на-

падать на бояр, выходящих из Кремля, а при необходимости даже помогли устроить самосуд. В этом случае «этикет» был бы соблюден, а последствия были бы те же, что и в первом варианте. Известны многочисленные случаи, когда на великих полководцев и государственных деятелей находило некое «затмение» и они совершали непростительные ошибки. Видимо, так произошло и с Пожарским.

26 октября распахнулись Троицкие ворота Кремля, и на Каменный мост вышли бояре и другие москвичи, сидевшие в осаде вместе с поляками. Впереди процессии шел Федор Иванович Мстиславский, за ним — Иван Михайлович Воротынский, Иван Никитич Романов с племянником Михаилом и его матерью Марфой. Казаки попытались напасть и как минимум ограбить бояр, но Пожарский с дворянами силой оружия удержали казаков и заставили обратиться в их табор.

На следующий день произошла капитуляция польского гарнизона. Принимал капитуляцию Кузьма Минин. Часть пленных во главе с полковником Струсем отдал Трубецкому, а остальных с полковником Будилой — второму ополчению. Казаки перебили большую часть доставшихся им поляков. Уцелевших поляков Пожарский и Трубецкой разослали по городам: в Нижний Новгород, Балахну, Галич, Ярославль и другие.

Поляки совершили столько зверств на русской земле, что властям малых городов не всегда удавалось защитить пленных от самосуда населения. Так, в Галиче толпа перебила всех пленных из роты Будилы. Тоже случилось с ротой Стравинского в Унже. Более удачно сложилась судьба роты Талафуса в Соли Галицкой — ее освободил отряд запорожских казаков, случайно забредший туда в поисках добычи.

Польских офицеров во главе с Будилой доставили в Нижний Новгород, где взяли под строгий караул. Позже Будила напишет, что местные власти решили

их всех утопить в Волге, но вмешательство матери князя Пожарского спасло им жизнь. В тот же день (26 октября) дворяне и казаки заняли Кремль, но торжественный въезд в Кремль воеводы назначили на 27 октября. С утра казаки Трубецкого собрались у церкви иконы Казанской Божией Матери за Покровскими воротами, а ополчение Пожарского — у церкви Иоанна Милостивого на Арбате. Взяв кресты и образа, оба ополчения двинулись с разных сторон в Китай-город. Соплились ополчения у Лобного места. Там троцкий архимандрит Дионисий начал служить молебен. В это время из Спасских ворот Кремля вышел другой крестный ход во главе с галасунским (архангельским) архиепископом Арсением и кремлевским духовенством. Они несли икону Владимирской Богоматери. После молебна войско и горожане отправились в Кремль. Увиденное за воротами Кремля их ужаснуло. Все церкви были разграблены и загажены, почти все деревянные постройки разобраны на дрова и сожжены. В больших чанах нашли разделанные и засоленные человеческие трупы. Тем не менее воеводы приказали отслужить обедню и молебен в Успенском соборе.

Сразу же после изгнания поляков начались очистка и восстановление Кремля и всей столицы. Трубецкой поселился в Кремле во дворце Годунова, а Пожарский — на Арбате в Воздвиженском монастыре. Кремлевские сидельцы-бояре разъехались по своим вотчинам. Михаил Романов с матерью уехали в свою вотчину село Домнино Костромского уезда.

Король Сигизмунд в Вязьме узнал о капитуляции польских войск в Москве. Там королевские войска соединились с отрядами гетмана Хоткевича и вместе двинулись осаждать укрепленный городок Погорелое Городище. Местный воевода князь Юрий Шаховский на требование сдачи ответил королю: «Ступай к Москве. Будет Москва за тобою, и мы твои». Король послушался и пошел дальше.

Основные силы поляков осадили Волоколамск, а конный отряд пана Адама Жолкевского двинулся к Москве. Жолкевский дошел до села Ваганьково, где был атакован русскими. Поляки были разбиты и бежали. В бою поляки захватили смоленского дворянина Ивана Философова. Жолкевский велел допросить его и узнать, хотят ли по-прежнему москвичи королевича Владислава на царство, полнолюдна ли Москва и много ли там припасов? Философов ответил, что Москва «людна и хлебна» и все готовы помереть за православную веру, а королевича на царство брать не будут. То же самое дворянин сказал и самому Сигизмунду.

Потеряв надежду овладеть Москвой, король решил по крайней мере взять Волоколамск, который обороняли воеводы Иван Карамышев и Чемесов. Поляки трижды штурмовали город, но были отбиты. Третий штурм кончился вылазкой казаков под началом атаманов Нелюба Маркова и Ивана Епанчина. Казакам удалось отогнать ляхов и уволочь у них несколько пушек. 27 октября Сигизмунд приказал войску уходить в Польшу. По дороге от холода и голода поляки потеряли несколько сотен человек.

Зиму 1612/13 года князь Пожарский провел в Москве. После освобождения столицы от поляков его влияние постепенно падало. Историки давно ломают копья в спорах — домогался ли Дмитрий Михайлович царского престола? Сторонники этой версии любят приводить показания дворянина Л. Сукина, который в 1635 году утверждал, что «Дмитрий Пожарский воцарялся, и стало ему в двадцать тысяч». Противники утверждают, что-де Сукин врал со злости на князя. Главным же аргументом против «воцарения Пожарского» служит миф о храбром, но наивном и глуповатом воеводе, который и помыслить не мог о царском венце. Хорошей иллюстрацией этого мифа стала народная песня, записанная в 40-х годах XIX века П. В. Киреевским:

Собралися все князья, бояре московские,
Собиралися думу думати,
Как и взговорют старшие бояре — воеводы московские:
«Вы скажите, вы бояре, кому царем у нас быть?»
Как и взговорют бояре — воеводы московские:
«Выбираем мы себе в цари
Из бояр боярина славного —
Князя Дмитрия Пожарского сына!»
Как и взговорит к боярам Пожарский-князь:
«Ох вы гой еси, бояре — воеводы московские!
Не достоин я такой почести от вас,
Не могу принять я от вас царства Московского.
Уж скажу же вам, бояре — воеводы московские:
Уж мы выберем себе в православные цари
Из славного, из богатого дому Романова —
Михаила сына Федоровича.

Давайте зададим себе простой вопрос: почему никто из историков не отрицает полководческого таланта Пожарского, его блестящих способностей как политика, так и дипломата? И вдруг зимой 1612 года Пожарский предлагает выбрать в цари малограмотного подростка, всю жизнь проведенного за бабскими юбками, из семейства изменников, активно участвовавшего во всех заговорах против государства Российского с 1600 года. Я уж не говорю о том, что Михаил, в отличие от Пожарского и большинства его ратников, целовал крест Владиславу, а его отец находился в польском плену.

Что же произошло, почему поглупел славный воевода? Может, его польским ядром контузило или шестопером по шлему съездили? Нет, Дмитрий Михайлович Пожарский активно участвовал в борьбе за престол. Почему же не осталось письменных свидетельств очевидцев о предвыборной борьбе Пожарского? Ну, во-первых, резонно предположить, что все такие документы были уничтожены по указу Михаила, а во-вторых, Москва — не Варшава и не Париж, громко обещать панам злотые за избрание на престол

и произносить исторические фразы, что-де Париж стоит мессы, не принято. Ни Годунов, ни Михаил ни разу не предлагали себя на престол, а наоборот, категорически отказывались от него. Соответственно и Пожарский не мог нарушить традицию. Но, увы, он совершил две роковые ошибки. Во-первых, о чем уже говорилось, вошел в соглашение с боярами при капитуляции поляков, а во-вторых, не сумел удержать в Москве дворянские части из второго ополчения. В результате тушинским казакам угрозой применить силу, а в отдельных случаях и грубой силой удалось затащить на престол Михаила Романова. Подробно об этом я расскажу в главе «Михаил Романов», а тут лишь задам два вопроса.

Предположим, что Пожарский действительно был глупым служакой и на самом деле поддержал кандидатуру Михаила. Надо ли говорить, что об этом факте 300 лет тараторили бы романовские пропагандисты. Рисовались бы сусальные картинки и иконы, где седой воевода подает корону юноше с ангельским ликом. Увы, официальная пропаганда как-то невнятно говорит о позиции Пожарского на соборе. А теперь предположим, что Пожарский пытался «воцариться», но потерпел неудачу. Как должна была это отразить официальная историография? Вот, мол, лез князь Дмитрий на престол, а его поперли казаки-тушинцы и посадили Михаила? Тогда у многих возник бы резонный вопрос: а на каком основании Романовы оттерли от престола спасителя России, да еще и князя Рюриковича? Да и у меня самого, когда я в 5-м классе прочитал какую-то книжку о Пожарском, где рассказывалось, как царь Михаил унижал князя, возникла мысль: а как Пожарский допустил, чтобы престол заняла столь ничтожная личность? Естественно, что самым популярным объяснением позиции Пожарского на соборе было то, что-де по простоте души сам и отказался от престола.

В апреле 1613 года Михаил Романов с матерью в окружении большой свиты неторопливо движутся к Москве. В дороге Михаилу подали челобитную от Трубецкого и Пожарского с просьбой о дозволении со своими ратными людьми, что освобождали Москву, встретить государя на подходе к столице. «Были мы, холопи твои, на твоей государеве службе под Москвою и голод и нужу великую терпели, и в приходы гетманские в крепких осадах сидели, и с разорители воры крестьянской, с польскими и литовскими людьми, бились, не щадя голов своих, и всяких людей на то приводили, что, не увидя милости Божией, от Москвы не отхаживать. И милостью всемогущего в Троице славимого Бога и Пречистые Богоматери, а твоим государевым царевым и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси счастием, а дворян и приказных людей, и детей боярских, и атаманов, и казаков, и стрельцов, и всяких служилых людей прямою службою и кровью Московское государство от польских и литовских людей очистили... И ныне, государь, приходят к нам стольники и стряпчие, и дворяне московские, и приказные люди, и жильцы, и из городов дворяне и дети боярские, которые с нами, холопи твои, были под Москвою, и бьют челом тебе, государю, чтоб им видеть твои царские очи на встрече; и мы, холопи твои...» Подписана сия челобитная Митькой Трубецким и Митькой Пожарским. Можно ли, находясь в здравом уме, предположить, что князь Д. М. Пожарково-Стародубский добровольно захочет ни за что ни про что сделаться «холопом Митькой Пожарским»?

Само собой разумеется, что новому царю пришлось наградить Минина и Пожарского. За день до коронации Д. М. Пожарскому было пожаловано боярство. Во время коронации Михаила Пожарскому доверили нести державу. На следующий день царь пожаловал в думские дворяне Кузьму Минина.

В царской грамоте от 30 июля 1613 года были перечислены заслуги князя Пожарского. «Божью милостию мы, великий государь царь и великий князь Михаил Федорович и проч. пожаловали есмя боярина нашего князя Дмитрия Михайловича Пожарского... за его службу, что он при царе Василии, памятуя Бога и Пречистую Богородицу и московских чудотворцев, будучи в Московском государстве в нужное и прискорбное время, за веру христианскую и за святые Божия церкви и за всех православных христиан, против врагов наших, польских и литовских людей и русских воров, которые Московское государство до конца хотели разорить и веру христианскую попрасть, и он, боярин наш, князь Дмитрий Михайлович, будучи на Москве в осаде, против тех врагов наших стоял крепко и мужественно, и к царю Василию и к Московскому государству многую службу и родство показал, голод и во всем скуденье и всякую осадную нужду терпел многое время, и на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоял в твердости... За ту царю Васильеву московскую осаду, указали ту вотчину, что ему дана из его ж поместья при царе Василье и при нас, великом государе, пополните и подкрепите новою нашею царскою жалованною грамотою... И в той вотчине он, боярин наш, князь Дмитрий Михайлович Пожарский, и его дети, и внучата, и правнучата вольны, и вольно ему и его детям, и внучатам, и правнучатам та вотчина продать, и заложить, и в приданое, и монастырь по душе до выкупу дать».

Кузьме Минину был дан годовой оклад в 200 рублей и село Богородское с землей на тысячу шестьсот тринадцать четвертей.

Попробуем разобраться, достойно ли наградил царь Михаил спасителей Отечества? По сути дела это были оскорбительные подачки. А как с точки зрения феодального права? Тут играла существенную роль

разница в происхождении наших героев. Купец Минин был награжден больше, чем кто-либо из лиц недворянского сословия. Чтобы встать выше, Минин мог только постричься в монахи и пойти по стопам Никона, но, увы, там все места в 1613 году были заранее распределены. А вот Рюрикович Пожарский был крайне обделен. За куда меньшие заслуги московские правители производили людей даже не из царственных родов в конюшенные⁸³. Да и земель можно было дать на порядок больше.

Таким образом, без особой натяжки можно сказать, что наш воевода оказался в почетной опале. Прославленного воеводу и умного политика окружение царя постаралось удалить из Москвы. Пожарского послали... ловить пана Лисовского. Александр Лисовский был отпетым бандитом, приговоренным к смертной казни еще за разбой в Польше в 1608 году. Его отряд буквально исколесил всю европейскую часть России. Лисовский был смел и хитер. Его отряд состоял из отборных конников, которые сами себя именовали «лисовчиками». Лисовский действовал по типовому принципу всех грабителей: «Набег — отход, набег — отход».

С Лисовским русским, безусловно, надо было кончать, но был ли смысл давать такое поручение Пожарскому? Князь был многократно ранен, что не давало ему возможности, подобно Лисовскому, сутки и более непрерывно скакать, меняя лошадей. А как без этого словить «лисовчиков»? Тут нужен был не стратег, а лихой гусар типа Дениса Давыдова. Царь Михаил и его окружение были заинтересованы в том, что бы воевода осрамился и не поймал Лисовского, а в случае удачи тоже не велика заслуга — поймать грабителя.

29 июня 1615 года Пожарский с отрядом дворян, стрельцов и несколькими иностранными наемниками, всего не более тысячи человек, двинулись из

Москвы на ловлю «лисовчиков». Среди наемников был и известный нам шотландский капитан Яков Шав, которого Пожарский отказался принять на службу в 1612 году. Однако теперь Шав служил примерно, чем завоевал доверие воеводы.

Царь Михаил дал наказ (инструкцию) Пожарскому о методах борьбы с «лисовчиками»: «Расспрося про дорогу накрепко, послать наперед себя дворян, велеть им на станах, где им ставиться, места разъездить и рассмотреть, чтоб были крепки, да поставить надолбы; а как надолбы около станов поставят и укрепят совсем накрепко, то воеводам идти на стан с великим береженьем, посылать подьезды и проводы вать про литовских людей, что они безвестно не пришли и дурна какова не учинили».

Лисовский на какое-то время засел в городе Карачеве. Узнав о быстром продвижении отряда Пожарского через Белев и Болхов, Лисовский испугался, сжег Карачев и отправился «верхней дорогой» к Орлу. Разведчики донесли об этом воеводе, и тот двинулся наперерез Лисовскому. По пути к Пожарскому присоединился отряд казаков, а в Болхове — две тысячи конных татар.

Рано утром на Орловской дороге «лисовчики» внезапно встретились с головным отрядом Пожарского, которым командовал Иван Пушкин. Отряд Пушкина не выдержал скоротечного встречного боя и отступил. Отошел и другой русский отряд под началом воеводы Степана Исленьева. На поле битвы остался лишь сам Пожарский с шестьюстами ратниками. Пожарский долго отбивал атаки более чем трех тысяч поляков, а потом приказал установить укрепление из сцепленных обозных телег и засел там.

Лисовский не мог и предположить, что у Пожарского так мало людей, поэтому не посмел атаковать его, а раскинул стан неподалеку — в двух верстах. Пожарский не хотел отступить и говорил своим рат-

никам, уговаривавшим его отойти к Болхову: «Всем нам помереть на этом месте».

К вечеру вернулся воевода Исленьев, а ночью подошли и остальные беглецы. Утром Пожарский, видя вокруг себя большую рать, начал преследование Лисовского. Тот быстро снялся с места и стал под Кромами, но, видя, что погоня не прекращается, он за сутки проделал 150 верст и подошел к Болхову, где был отбит воеводой Федором Волынским. Затем Лисовский подошел к Белеву, сжег его и направился было к Лихвину, но потерпел здесь неудачу и занял Перемышль, воевода которого оставил город без боя и бежал со своими ратниками на Калугу.

Пожарский остановился в Лихвине. Здесь к нему подошло несколько сотен ратников из Казани. После непродолжительного отдыха князь возобновил преследование Лисовского. Тот по-прежнему отступал. Поляки сожгли Перемышль и прошли на север между Вязьмой и Можайском. Пожарский после нескольких дней невероятно быстрой (для русского войска того времени) погони тяжело заболел. Он передал командование вторым воеводам, а сам на телеге был отвезен в Калугу.

Без Пожарского войско потеряло боеспособность. Отряд казанцев самовольно ушел в Казань, а воеводы с оставшимися ратниками побоялись продолжать преследование «лисовчиков». И Лисовский свободно прошел под Ржев Володимиров, который с трудом удержал воевода боярин Федор Иванович Шереметев, шедший на помощь Пскову. Отступив от Ржева, Лисовский пытался занять Кашин и Углич, но и там воеводам удалось удержать свой города. После этого Лисовский не нападал уже на города, а пробирался как тень между ними, опустошая все на своем пути: прошел между Ярославлем и Костромой к Суздальскому уезду, потом между Владимиром и Муромом, между Коломной и Переяславлем-Рязанским, между Тулой и

Серпуховом до Алексина. Несколько воевод отправились в погоню за Лисовским, но они лишь бесплодно кружили между городами, не находя «лисовчиков». Только в Алексинском уезде князь Куракин один раз сошелся с Лисовским, но тот без существенных потерь ушел. Так Лисовскому удалось уйти в Литву после своего поразительного в военной истории и надолго запомнившегося в Московском государстве круга.

Замечу, что молниеносные рейды, требовавшие от Лисовского и его сподвижников чрезвычайных физических усилий, не прошли даром. В октябре 1616 года в походе Лисовский внезапно упал с коня мертвым. Был ли это обширный инфаркт или инсульт, установить тогда не могли.

Во время похода королевича Владислава на Москву в 1618 году Пожарский отправился на выручку Калуги, осажденной поляками. 18 октября 1618 года воевода с 5400 ратниками двинулся на Калугу. Поляки под началом пана Чаплинского выдвинулись на один дневной переход от Калуги и засели в Товарковском городке, откуда их с ходу выбил Пожарский. С остатком войска Чаплинский бежал, Калуга была спасена.

Активное участие в отражении нашествия Владислава принимал и родственник Дмитрия Михайловича Пожарского Дмитрий Петрович Пожарский-Лопата, посланный царем защищать Тверь. Польские войска под началом пана Соколовского попробовали перехватить его отряд, но Пожарский-Лопата занял острог в Клину и отбил все атаки поляков. Затем Лопата прорвался в Тверь, где был вновь осажден ляхами. Воевода вел активную оборону Твери, часто ходил на вылазки.

Поляки сменили начальство, и вместо Соколовского командовать войском под Тверью стал полковник Копычевский. Но от этого ситуация не изменилась, и через две недели пан Копычевский был вынужден отступить от Твери.

В начале 1618 года основные силы поляков вместе с Владиславом стояли у Вязьмы. Прошла весна. Из Варшавы пришло известие, что сейм постановил начать сбор денег для продолжения войны, но немного и с условием, чтобы война обязательно была закончена за один год. В начале июня 1618 года польское войско вышло из Вязьмы и стало в Юркаеве, расположенном на дороге между Можайском и Калугой. Здесь на военном совете гетман Ходкевич предложил двинуться к Калуге, где находился воевода Д. М. Пожарский. Любопытно, что Ходкевич заявил, что попытается уговорить Дмитрия Михайловича перейти на сторону Владислава, к чему «он [то есть Пожарский. — А. Ш.] уже готов». К сожалению, установить, было ли это высказывание заблуждением гетмана или имело какую-либо подоплеку, сейчас невозможно. Однако сам воевода не давал никаких поводов сомневаться в его верности царю Михаилу.

Радные комиссары отклонили предложение гетмана и потребовали идти прямо к Москве, чтобы заставить ее жителей перейти на сторону королевича Владислава, как было во время царствования Василия Шуйского. Комиссары считали, что отход к Калуге даст московским воеводам возможность занять Вязьму и отрезать поляков от Смоленска.

Мнение это победило, но прежде чем идти на Москву, надо было взять Можайск, чтобы не оставить у себя в тылу можайского воеводу князя Бориса Михайловича Лыкова. Так как осадных орудий у поляков не было, то о взятии Можайска приступом нечего было и думать. Поэтому решено было идти к Борисову Городищу и взять его или заставить Лыкова выйти из Можайска и сразиться в чистом поле, где поляки надеялись на легкую победу.

Два раза польское войско пыталось взять приступом Борисово Городище, и оба раза было отбито. В конце июня Б. М. Лыков написал царю Михаилу, что

Владислав с войском стоит у Борисова Городища. Царь велел князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому перейти из Волоколамска в Рузу, а оттуда, связавшись с Лыковым, при необходимости идти к нему в Можайск. Д. М. Пожарскому царь велел идти из Калуги в Боровск и оттуда помогать Можайску. Из Москвы к Борисову Городищу было велено идти Курмаш-мурзе-Урусову с юртовскими татарами и астраханскими стрельцами.

30 июня Лыков опять написал в Москву, что накануне, 29-го, Владислав приходил из-под Борисова Городища к Можайску, но защитники города пошли на вылазку, отбили ляхов, взяли «языков», а королевич отошел опять к Борисову.

Прошло двадцать дней. Черкасский прибыл в Можайск и 21 июля написал царю, что накануне из-под Борисова Городища к Можайску подошли польские отряды, ездят близ Лужецкого монастыря на Московской дороге по направлению к Рузе и, судя по всему, хотят перерезать дорогу от Можайска на Москву. Воевода Лыков писал царю, что, по словам перебежчиков, королевич Владислав пришел со всем войском из-под Борисова Городища и собирается осадить Можайск. Михаил собрал бояр и после больших прений отправил Лыкову длинную и нудную инструкцию, смысл которой прост — делай все как хочешь. Хочешь — защищай Можайск сам до конца, хочешь — оставь малый гарнизон, а сам уходи, а хочешь — вообще бросай Можайск и беги без оглядки.

Д. М. Пожарскому, стоявшему с войском в Боровске, даны были более лаконичные инструкции — прикрывать в случае необходимости отход воинства князя Лыкова.

В начале августа ночью при проливном дожде Лыков со всем гарнизоном вышел из Можайска и с помощью отряда Пожарского 6 августа благополучно достиг Боровска.

Но не только Владислав с небольшим войском шел к Москве, с другой стороны приближался малороссийский гетман Конашевич Сагайдачный с двадцатью тысячами казаками, разорив по пути Путивль, Ливны, Елец и Лебедянь. Елецкий воевода Полев не особо преуспел в ратном деле, и Сагайдачному удалось его обмануть. Он часть казаков поставил в засаду, а сам с остальным войском пошел на приступ. Полев же вывел против гетмана все свое войско, в то время как казаки из засадного отряда спокойно вошли в город и заняли его. А Лебедянь была взята потому, что уездные люди не откликнулись на призыв воеводы и не явились в город, чтобы занять оборону. Но Михайлов Сагайдачному взять не удалось.

Узнав о приближении гетманского войска, царь велел идти против него из Боровска Д. М. Пожарскому. Князь выступил на Серпухов, но по дороге сильно заболел. Ратные люди не захотели идти на неприятеля с больным воеводой, казаки же, воспользовавшись случаем, стали воровать по окрестностям. Тогда Михаил велел ехать Пожарскому в Москву, а соратнику его, князю Григорию Волконскому, велел стать у Коломны и не пропускать Сагайдачного через Оку. Но Волконский не смог воспрепятствовать переправе гетмана и вынужден был засесть в Коломне. В полках его началась рознь между дворянами и казаками, в результате чего казаки ушли из Коломны во Владимирский уезд, в вотчину князя Мстиславского, где занялись грабежом окрестностей.

К 17 сентября 1618 года королевич Владислав стоял в Звенигороде, а гетман Сагайдачный — в селе Бронницы Коломенского уезда. 20 сентября Владислав с войском подошел к Тушину и стал там.

В дальнейших боевых действиях и переговорах, описанных в других главах, Дмитрий Михайлович Пожарский не участвовал. В документах имя Пожарского встречается теперь лишь 30 мая 1619 года,

когда на съезде русских и польских представителей пан Гонсевский заявил, что многих польских и литовских людей бояре взяли в холопы и силой крестили, женили и держат в неволе, а именно боярин князь Дмитрий Пожарский многих людей польских и литовских разослал по своим поместьям и держит там на цепях. А кого и выпустили из тюрем, так больных и нагих, и они в морозы все погибли. Бояре отвечали, что «все это баламутство и смута» и клялись на кресте, что «ничего этого не бывало».

В это время Пожарский по состоянию здоровья был занят на статской службе — ведал Ямским приказом, то есть, говоря современным языком, был министром Почтового ведомства. В 1621 году царь назначил его руководить Разбойным приказом — аналогом Министерства внутренних дел.

За участие в войне с Владиславом в 1618 году Дмитрий Михайлович Пожарский получил довольно скромную награду. 27 сентября 1618 года воевода был зван к столу царя Михаила, где ему зачитали царский указ: «Ты был на нашей службе против недруга нашего литовского королевича, нам служил, против польских и литовских людей стоял, в посылках над ними многие поиски делал, острог ставить велел, многих польских и литовских людей побивал и с этим боем языки к нам часто присылывал, нашим и земским делом радел и промышлял, боярину нашему, князю Борису Михайловичу Лыкову, когда он из Можайска шел к Москве, помогал». И за все это Дмитрий Михайлович получил позолоченный серебряный кубок весом три гривенки и тридцать шесть золотников (около 1,4 килограмма) и атласную шубу на соболях с серебряными позолоченными пуговицами.

В сентябре 1619 года, сразу после посвящения Филарета в патриархи, за стойкость и мужество во время последней войны Пожарскому были пожалованы село, проселок, сельцо и четыре деревни. В

1621 году данная Пожарскому царем Василием вотчина была пополнена и закреплена за ним жалованной грамотой.

На обеих свадьбах царя Михаила в 1624 году и в 1626 году Д. М. Пожарский был вторым дружкой с жениховой стороны, а его жена княгиня Прасковья Варфоломеевна — второй свахой с жениховой стороны. Но несмотря на такие почести, в местнических челобитных продолжали писать, что князья Пожарские — люди не разрядные, при прежних государях выше городничих и губных старост должностей не занимали.

В конце 1613 года царь Михаил, а точнее, его мать, скромная монахиня, которая лезла во все государственные дела, пожаловала боярство Борису Михайловичу Салтыкову. Салтыковы запятнали себя изменой в 1610–1612 годах, но зато они приходились родственниками инокине Марфе. Вдобавок то ли бойкая монашка, то ли бояре надоумили Мишу заставить именно Пожарского публично объявить Салтыкову о производстве его в чин («у списка велел стоять»). Дмитрий Михайлович стал доказывать, что он Салтыкову «боярство сказывать и меньше его быть не может». Дьяки принесли разрядные книги, и в присутствии царя началось разбирательство. Было установлено, что родич Пожарского князь Ромодановский был товарищем с Михаилом Глебовичем Салтыковым, а Михаил Глебович по родству меньше Бориса Михайловича Салтыкова. Нашли также, что Пушкины равны Пожарскому и в то же время гораздо меньше Михаила Гавриловича Салтыкова. Пока зачитывались все эти статьи, Дмитрий Михайлович молчал, говорить ему было нечего. И государь потребовал, чтобы он «сказал боярство» Салтыкову, меньше которого ему быть можно. Но Пожарский не послушался, уехал домой и сказался больным. В итоге Салтыкову о производстве его в бояре объявил думный дьяк, а в разряде записали, что Пожарский.

Салтыкова же это не устроило, он бил челом государю о бесчестии, и Михаил удовлетворил его просьбу. Пожарский был вынужден поехать в дом к Салтыковым и просить прощения у Бориса.

Тем не менее ряд местнических споров Пожарскому удалось выиграть. С. М. Соловьев писал: «10 июня 1618 года писал из Калуги к государю боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский, что он лежит болен и ожидает смерти час от часу. Государь указал послать к нему с милостивым словом спросить о здоровье стольника Юрия Игнатьева Татищева, но Татищев стал бить челом, что ему к князю Пожарскому ехать невместно. Ему отвечали, что ехать можно; но он государева указа не послушал, сбежал из дворца и у себя дома не оказался. Его высекли кнутом и послали к Пожарскому головою.

В 1627 году государь указал быть у себя в рындах стольникам, князю Петру да князю Федору, детям князя Дмитрия Михайловича Пожарского, и с ними князю Федору и князю Петру Федоровичам Волконским. Волконские били челом, что они с Пожарскими быть готовы, но чтоб от того вперед их Отечеству порухи не было, потому что на князя Дмитрия Михайловича Пожарского били челом Гаврила Пушкин и другие, которые им в версту. Государь велел им сказать, что они бьют челом не делом, быть им с Пожарскими можно всегда бессловно, Гавриле Пушкину в челобитье на Пожарских отказано, а другим было наказанье. Волконские были в рындах, но князь Дмитрий Михайлович этим не удовлетвовался, бил челом, что Волконские своим челобитьем сыновей его позорят, тогда как и прадедам Волконским с его детьми не сошлось. Государь [Михаил и Филарет. — А. III.] приказали послать Волконских в тюрьму. В 1634 году Бориса Пушкина посадили в тюрьму за челобитье на Пожарского»⁸⁴.

Эти местнические споры, зачастую смешные для современного читателя, важны для нас тем, что они

показывают отношение власти к Дмитрию Михайловичу. Михаил и его окружение пытались вести кадровую политику так, как будто не было Смуты, польской оккупации и освобождения Москвы. Для них воеводы второго ополчения, тушинские бояре и сторонники королевича Владислава были равны. Зато принципиально важное значение имело, кем был их прапрадед, причем не по происхождению, как это было в Западной Европе, а по тому, каким он был воеводой где-нибудь при Василии III или Иване III — первым воеводой, вторым воеводой, большого полка, полка левой или правой руки и т. д.

С 1628 по 1631 год Д. М. Пожарский служил воеводой в Новгороде Великом. В 1632 году царь Михаил, воспользовавшись смертью короля Сигизмунда III, начал боевые действия против Польши. Осенью 1632 года 32-тысячная русская армия при 158 орудиях двинулась под Смоленск. Во главе ее были поставлены воеводы Михаил Шеин и Артемий Измайлов. На содержание войска и другие расходы потребовались значительные средства, поэтому «государь», то есть Михаил и Филарет, постановили ввести единовременный чрезвычайный налог. Решено с купцов взять пятую часть их дохода, а с бояр, окольничих, стольников, стряпчих, дворян, дьяков и приказных людей взять кто сколько даст. Крутицкий митрополит и некоторые архиереи и игумены тут же на соборе объявили, сколько они дают своих домовых и келейных денег. Остальные духовные и светские люди объявили, что деньги дадут, а кто сколько даст — принесут росписи.

В Москве сбор денег был поручен князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, симоновскому архимандриту Левкию, Моисею Глебову и двоим дьякам. По другим городам деньги собирали архимандриты, игумены и дворяне. Купцы должны были выбрать среди себя честных представителей, которые, дав

присягу, должны были объявить, сколько у кого из них именья и промыслов. Все собранные таким образом деньги должны были присылать в Москву князю Пожарскому, который записывал суммы по статьям в приходные книги.

В сентябре 1633 года войско М. Б. Шеина попало в сложное положение под Смоленском. Шеин попросил помощи. На это царь Михаил ответил: «Вы сделали хорошо, что теперь со всеми нашими людьми стали вместе. Мы указали идти на недруга нашего из Москвы боярам и воеводам, князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому и князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому со многими людьми. К вам же под Смоленск из Северной страны пойдет стольник Федор Бутурлин, и уже послан к вам стольник князь Василий Ахамашуков Черкасский с князем Ефимом Мышецким. Придут к вам ратные люди из Новгорода, Пскова, Торопца и Лук Великих. И вы бы всем ратным людям сказали, чтоб они были надежны, ожидали себе помощи вскоре, против врагов стояли крепко и мужественно».

Войско князей Черкасского и Пожарского вышло из Москвы и... застряло в Можайске. Там воеводы и узнали в начале марта 1634 года о почетной капитуляции войска Шеина под Смоленском. Почему Черкасский и Пожарский за пять месяцев не сумели дойти от Москвы до Смоленска, я объяснить не могу. Это еще одна загадка нашей истории. Ясно, что здесь могло быть или традиционное российское разгильдяйство — «хотели как лучше, а вышло как всегда», или предательство. Существует довольно обоснованная версия, что бояре и царь Михаил ненавидели Михаила Борисовича Шеина и решили его погубить, умышленно затягивая движение войска. Чтобы избежать упреков ретивых патриотов — «Вот, мол, самого Пожарского в предатели записал», я расставляю точки на «і». Пожарский был вторым воеводой, то

есть командовал войском в Можайске не он, а князь Черкасский, а главное — каждый шаг воевод контролировался из Москвы, благо, до нее было всего сто верст. Выступление же князя Пожарского против верховной власти в военное время могли расценить как мятеж. Пожарский молчал, когда войско остановилось в Можайске, молчал и в Москве, когда судили и казнили героя обороны Смоленска.

Участие Пожарского в войне 1633 года большинство наших историков замалчивают. Некоторые же пытаются объяснить недостатком сил. Так, Валерий Шамшурич пишет: «Но Пожарский оказался без войска. Сбор дворянского ополчения задержался надолго, вместо тысяч собралось лишь три с половиной сотни ратников. С такими силами нечего было и думать пускаться в путь»⁸⁵. На самом деле у Черкасского и Пожарского сил было вполне достаточно, одних только иностранных наемников под командованием полковника Александра Гордона насчитывалось 1729 человек. Вообще, еще в 1631 году в войске царя Михаила служило 66 690 человек, а сколько еще было мобилизовано в 1632–1633 годах? Риторический вопрос — а где они были?

Польских войск под Смоленском стояло немного. Резервов в Польше у короля Владислава практически не было. Даже небольшой отряд в три–пять тысяч хорошо обученных ратников мог перерезать коммуникации противника между Смоленском и Польшей. И тогда капитулировать пришлось бы не Шеину, а войску Владислава и гарнизону Смоленска.

О дальнейшей жизни Дмитрия Михайловича Пожарского до нас дошли лишь отрывочные сведения. Так, Д. М. Пожарский упоминается в одной очень пикантной истории. Речь идет о любопытной челобитной, которую он подал царю в 1634 году вместе со своим двоюродным братом князем Дмитрием Петровичем Пожарским. Из этой челобитной видна вся

крепость родовых отношений в то время: дядя имел право бить, сажать на цепь, ковать в железа племянника за дурное поведение, а когда эти средства не помогали, то жаловался царю из боязни, чтобы за дурное поведение племянника не пришлось отвечать дяде, так как при единстве рода старший родич отвечал за младшего. «Племянник наш, — говорилось в челобитной, — Федька Пожарский на твоей государственной службе в Можайске заворовался, пьет беспрестанно, ворует, по кабакам ходит, пропился донага и стал без ума, а нас не слушает. Мы, холопи твои, всякими мерами его унимали: били, на цепь и в железа сажали; поместье твое, царское жалованье, давно запустошил, пропил все, и теперь в Можайске из кабаков нейдет, спился с ума, а унять не умеем. Вели, государь, его из Можайска взять и послать под начал в монастырь, чтоб нам от его воровства вперед от тебя в опале не быть». Как среагировал царь и удалось ли ему унять «плейбоя» Федьку Пожарского, к сожалению, неизвестно, поскольку документы утеряны.

В начале 1635 года у Пожарского умерла жена Прасковья Варфоломеевна, а в августе того же года он женился на Феодоре, дочери боярина Андрея Ивановича Голицына. Род Голицыных был достаточно знатен; как уже говорилось, они происходили от великого князя литовского Гедемина. Но эта ветвь Голицыных не имела никакого политического веса. Боярин А. И. Голицын умер еще в 1607 году. Старший брат Феодоры Иван Андреевич Голицын получил боярство в 1634 году, но занимал весьма скромную должность главного судьи владимирского Судного приказа. Видимо, он и познакомил Пожарского с семьей. Благо, с 1635 года Д. М. Пожарский управлял московским Судным приказом.

В последний раз Д. М. Пожарский упоминается в документах 24 сентября 1641 года, когда он присутствовал на царском обеде. Принято считать, что Дмит-

рий Михайлович умер в 1642 году, но ни даты его смерти, ни обстоятельства ее неизвестны. Валерий Шамшури в своей исторической монографии «Минин и Пожарский — спасители Отечества» утверждает, что Пожарский умер 20 апреля 1642 года, причем перед смертью он постригся в монахи под именем Косма. К большому сожалению, Шамшури не указывает источник этих интересных данных и не объясняет, почему они неизвестны остальным историкам. Другой вопрос — на 20 апреля 1642 года Д. М. Пожарский не числился в разрядных списках, и можно предположить, что к этому времени его не было в живых.

Детей Дмитрий Михайлович Пожарский имел только в первом браке. У него родились три сына — Петр, Федор и Иван, а также три дочери — Ксения, Анастасия и Елена. Старший сын Петр в 1624 году стал рындой, а в 1628 году — стольником. Никаких особых заслуг перед государством у него не было, и в звании стольника он умер в 1648 году. От жены Анастасии Григорьевны Петр Дмитриевич имел сына Петра и дочь Евдокию. Петр Петрович умер молодым и бездетным. А вот дочь Евдокия в первый раз вышла замуж за боярина Ивана Петровича Шереметева, однако тот вскоре, в 1647 году, умер. Но вдовой Евдокии Петровне пришлось быть недолго, она выходит замуж за князя Юрия Алексеевича Долгорукова, убитого в 1682 году в ходе первого стрелецкого бунта. Но Евдокия Петровна этого уже не увидела, она умерла в 1671 году.

Второй сын Пожарского Федор стал рындой в 1624 году одновременно со старшим братом. Через четыре года царь производит его в стольники. В 1632 году он умирает молодым и бездетным.

Младший сын Иван Дмитриевич в 1658 году получает от царя Алексея Михайловича чин окольничего. Через год он становится во главе Челобитного приказа. Умер Иван Дмитриевич в 1668 году, оставив одно-

го сына Юрия (дочь Марфа умерла в младенчестве). Юрий Иванович в 1676 году стал стольником. Данных о его дальнейшей судьбе найти не удалось. Во всяком случае, историки русских дворянских родов в XIX веке считали Пожарских родом угасшим.

Старшая дочь Д. М. Пожарского Ксения умерла молодой и в брак не вступала. Ее средняя сестра Анастасия вышла замуж за князя Ивана Петровича Пронского, а младшая, Елена, — за князя Ивана Федоровича Лыкова.

Заканчивая речь о личной жизни Дмитрия Михайловича Пожарского, стоит сказать, что в ряде романов XIX и XX веков упоминалось о связи Пожарского с Ксенией Годуновой. Косвенные подтверждения этого очевидны — мать героя была боярыней при царевне Ксении, старшую дочь Д. М. Пожарский назвал Ксенией и т. д. Но никаких прямых документов, подтверждающих этот роман, нет.

Д. М. Пожарский был похоронен в родовой усыпальнице Спасо-Евфимьевского монастыря близ Суздаля. Во второй половине XVIII века архимандрит Ефрем разрушил склеп князей Пожарских, а камень пошел «на выстилку у церкви рундуков и в другие монастырские здания». Представим себе вой демпрессы, если бы Ефрем жил на 150 лет позже и был бы не архимандритом, а сталинским наркомом!

В первой половине XIX века начались поиски могилы Д. М. Пожарского. В фундаменте склепа было обнаружено 23 гробницы, принадлежащие роду Пожарских. Определить, какая из могил принадлежит нашему герою, было физически невозможно. В 1852 году раскопки в склепе начал чиновник для особых поручений А. С. Уваров. Он якобы и нашел могилу Дмитрия Михайловича.

Я много говорил о судьбе Д. М. Пожарского, пора рассказать и о последних годах жизни Кузьмы Минина. В декабре 1614 года подпись Минина стоит в

грамоте о съезде послов — «думный дворянин Кузьма Минин». В мае 1615 года, отъезжая на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, царь Михаил оставил за себя в Москве пятерых доверенных: бояр князя Ивана Васильевича Голицына, князя Владимира Тимофеевича Долгорукова, окольничих князя Даниила Михайловича Мезецкого, Федора Васильевича Головина и думного дворянина Кузьму Минина.

Жена и сын Минина Нефедий жили в его вотчине — селе Богородском. Сохранилась служебная грамота: «...С вотчины Кузьмы Минина и сына его Нефедия — села Богородское с деревнями, на 1613 четвертей, пожалованной за Московское осадное сидение, не взято пошлин, по приказу постельничаго и наместника Константина Ивановича Михалкова, в размере 20 рублей 12 алтын 3 денег».

Любопытна и грамота царя Михаила нижегородскому воеводе: «Бил нам челом думной наш дворянин Кузьма Минич, что живет он на Москве при нас, а поместья-де и вотчина за ним в Нижегородском уезде и брат его и сын живут в Нижнем Нове городе и им-де и его людям и крестьяном от сысков и поклепов чинитца продажа великая, и нам бы его пожаловать, братью ево и сына и людей и крестьян ни в чем в Нижнем Нове городе судить не велети, а велети их судить на Москве, и как к вам ся наша грамота придет, и вы б на Кузьмину братью и на людей и на крестьян в ысцовех исках, опричь татинова и разбойного дела, суда не давали без наших грамот».

Летом 1615 года между Казанью и Нижним Новгородом распалились «казаки», а точнее, банды местных татар, «многих понизовых городов татаровя и луговая черемиса заворовали, государю изменили, и собрався, многие места повоевали и села и деревни жгут, и многих людей в полон емлют и побивают». В декабре 1615 года в Казань для разбирательства с татарскими разбоями по приказу царя выехал боярин князь

Григорий Петрович Ромодановский. С ним отправились и Кузьма Минин с дьяком Марком Поздеевым.

Из Казани Минин выехал в начале 1616 года. По дороге он разболелся и умер. Погребли Кузьму Минина в Нижнем Новгороде. По указу царя вотчину Минина село Богородское передали его вдове Татьяне Семеновне и сыну Нефедю, которому заодно и дали чин стряпчего. Нефедий присутствовал на обеих свадьбах царя Михаила, он нес фонарь над государевой свечой «по пути из Грановитой палаты к венчанью».

В последний раз Нефедий Минин упомянут в официальных документах в 1628 году по случаю приезда в Москву персидского посла. Умер он бездетным где-то между 1628 и 1632 годами. Мать его Татьяна Семеновна ушла в монастырь. Так пресекся род Мининых. В 1632 году вотчина Мининых село Богородское было пожаловано в поместье князю Якову Куденековичу Черкасскому. Дом Кузьмы Минина в Нижнем Новгороде отдан царской невесте Марье Хлоповой, а после ее смерти в 1633 году отдан князьям Ивану Борисовичу и Якову Куденековичу Черкасским.

Неблагодарные соотечественники поступили с прахом Кузьмы Минина еще более по-свински, чем с прахом князя Пожарского. Первоначально Минин был похоронен с наружной стороны Спасо-Преображенского собора у алтаря. Со временем старый храм совсем обветшал, и в 1672 году останки Минина были перенесены в новое здание. В 1834 году могилу Кузьмы вновь разрыли и перенесли в склеп под собором, где его гробница была поставлена рядом с гробницами нижегородских князей.

Сто лет прах Кузьмы Минина не беспокоили, но летом 1929 года уже большевистское начальство решило снести Спасо-Преображенский собор, а на его месте построить местный Дом Советов. В ходе сноса собора 6 октября 1929 года состоялось вскрытие гробницы Кузьмы Минина. Акт вскрытия был подписан заведу-

ющим партийным архивом С. И. Богодиным, прорабом В. В. Медведевым, краеведом И. И. Вишневским и неким А. А. Евстафьевым, род занятий которого не установлен. Кости из гробницы Минина были перенесены в помещение крайисполкома, а сотрудник музея М. П. Званцев по останкам костей определил, что они принадлежат ребенку и двум взрослым. Это же подтвердила и проведенная впоследствии судебно-медицинская экспертиза. 9 октября 1929 года в газете «Нижегородская коммуна» была опубликована статья «Вскрытие гробницы Минина», где сообщалось, что прах Минина несколько раз переносился с места на место, и «...по-видимому, часть останков при перенесении потеряли и были вынуждены заменить их первыми попавшимися под руку частями скелета. Точно такое же содержание гробов было и при вскрытии гробниц [нижегородских князей. — А. III.] весной текущего года в том же соборе». К сожалению, фамилии автора под заметкой не оказалось.

Останки долгое время хранились в краеведческом музее, а в 1962 году их решили перенести в Архангельский собор, расположенный на территории Нижегородского кремля. Специальная комиссия с помощью эксперта с кафедры судебной медицины медицинского института предположила, что кости принадлежали Кузьме Минину, его жене и подростку-родственнику. В конце концов кости трех скелетов были захоронены в Архангельском соборе Нижегородского кремля. На надгробной плите высечено: «Кузьма Минин. Скончался в 1616 г.»

Завершая рассказ о Минине и Пожарском, стоит сказать несколько слов и об их культе. Разумеется, речь идет о светском культе, поскольку Минин и Пожарский, видимо, единственные из средневековых деятелей, положительно оцениваемые официальными историками и не ставшие православными святыми. В самом деле, все мало-мальски заметные фигуры

русской истории — княгиня Ольга, князь Владимир Красное Солнышко, Александр Невский, Даниил Московский и др. — записаны в святые, а вот Минин и Пожарский — нет. Но эта тема еще ждет своих исследователей.

Михаил и Филарет сделали все, чтобы подвиг Минина и Пожарского был мифологизирован и затерялся в ряду романовских сказок о святом царевиче Дмитрие, крестьянине Иване Сусанине, чудесном избрании царя Михаила и т. д.

Первым, кто по достоинству оценил историческую роль Минина и Пожарского, был Петр Великий. По пути в Персию он заехал в Нижний Новгород. Там 30 мая 1722 года Петр отметил свое пятидесятилетие. Он был на литургии в Спасо-Преображенском соборе, пел вместе с певчими, а по окончании службы пожелал увидеть могилу Кузьмы Минина. Поклонившись до земли, Петр Великий произнес: «Вот истинный избавитель Отечества!»

Позже официальные власти стали вспоминать о Минине и Пожарском в годы военных неудач. Так, поражения в войнах с Наполеоном в 1805–1807 годах вызвали вспышку квасного патриотизма среди московских бар, хорошо описанную Львом Николаевичем Толстым в романе «Война и мир». На этом фоне стал создаваться и культ Минина и Пожарского. Одни о них писали стихи, а скульптор Мартос в 1811 году начал работать над памятником воеводам второго ополчения. Завершить постройку грандиозного монумента удалось лишь после победы над «врагом рода человеческого». 20 февраля 1818 года в центре Красной площади был торжественно открыт памятник с краткой надписью на постаменте: «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия».

Как остроумно написал историк Валерий Шамшурин: «С тех пор Минин и Пожарский стали одними из самых популярных исторических личностей,

без упоминания о которых не обходился ни один серьезный разговор о судьбе России. Увековеченные Мартосом, они воспринимались неразрывно, как одно целое, символизируя жертвенный подвиг во имя Отечества. Однако и в те времена высказывались суждения об их неравнозначности, и предпочтение отдавалось то Минину, то Пожарскому. Любопытно в этой связи свидетельство Александры Осиповны Смирновой-Россет об отношении к вождям земского ополчения царя Николая I: «Он очень восторгается Мининым, гораздо более, чем Пожарским, который был прежде всего вояка»⁸⁶.

Добавлю от себя — таким воякой-бессребреником его изобразили в наших школьных и вузовских учебниках истории.

В 30-е годы большевики дважды переносили памятник Минину и Пожарскому по территории Красной площади с одного места на другое. По этому поводу эмигрантская пресса злословила, что Минин показывает рукой Пожарскому: «Мы раньше вон там стояли». И действительно, рука Минина точно указывала на то место.

Любопытно, что с петровских времен до 1860 года ни один корабль русского флота не был назван в честь Минина и Пожарского. А вот в 60–70-х годах XIX века, когда коварный Альбион чуть ли не ежегодно грозил войной России, первые русские броненосные крейсера, специально построенные для борьбы на британских коммуникациях, получили названия «Князь Пожарский» и «Минин».

Очередной пик культа Минина и Пожарского наблюдался в 1918–1920 годах, когда белогвардейская пропаганда оказалась в крайне затруднительном положении. Белые громогласно обличали бесчинства красных, но взамен идей большевизма ничего не могли предложить. Даже по простейшим, но животрепещущим вопросам — о будущем государственном уст-

ройстве России, о владении землей и др. — вожди белых отвечали: «Вот победим коммунистов, тогда посмотрим». (Так называемая позиция «непредопределенности», сформулированная деникинским правительством.)

Единственный позитивный лозунг белых был: «Даешь единую и неделимую Россию!» И тут как нельзя кстати пригодился культ Минина и Пожарского. Их имена к месту и не к месту повторяла белая пресса. Бронепоезда с названиями «Князь Пожарский» и «Кузьма Минин» можно было встретить на всех фронтах Гражданской войны. На Каспии деникинцы два танкера вооружили тяжелыми орудиями и назвали крейсерами «Минин» и «Пожарский». В свою очередь большевики свою пропаганду основывали на интернационализме. Их корабли и бронепоезда носили имена «Роза Люксембург», «Карл Либкнехт», «Бела Кун» и т. д. Но это не мешало белым вождям заключать секретные договоры с иностранными государствами, предусматривающими расчленение России, а большевикам — собирать по кускам осколки великой империи.

В первые годы после революции в СССР господствовала историческая школа М. Н. Покровского, которая всех государственных деятелей России до 1917 года объявила реакционными. Созыв второго ополчения Минина Покровский именовал «наемом дворянского ополчения буржуазией».

В Малой советской энциклопедии издания 1930–1932 годов о Минине и Пожарском говорится: «Минин-Сухорук... нижегородский купец, один из вождей городской торговой буржуазии... Буржуазная историография идеализировала М.-С. как бесклассового борца за единую «матушку-Россию» и пыталась сделать из него национального героя». «Пожарский... князь... ставший во главе ополчения, организованного мясником Мининым-Сухоруком на

деньги богатого купечества. Это ополчение покончило с крестьянской революцией».

С укреплением личной власти Сталина и ростом международной напряженности в конце 30-х годов кардинально изменилась официальная точка зрения на русскую историю. Это хорошо проиллюстрировано пропагандистскими фильмами «Александр Невский» и «Минин и Пожарский». Последний был снят в 1939 году на «Мосфильме» по сценарию В. Б. Шкловского. Роль Д. М. Пожарского сыграл Б. Н. Ливанов. Князь был представлен великим патриотом, рыцарем без страха и упрека. Однако если отбросить излишнюю идеализацию Минина и Пожарского, сценарий был предельно близок к исторической правде, насколько это можно сделать в односерийном фильме.

В последних кадрах фильма Кузьма Минин говорит на Красной площади: «Побили мы ляхов, а коли сунутся, и далее будем бить. Здесь мы им хвост отрубили, а там, — и Кузьма энергично простирает руку то ли на запад, то ли в будущее, — и шкуру спустим!» Это была не только речь исторического лица начала XVII века, но и суровое предупреждение тем, кто еще в 1939 году мечтал о Речи Посполитой «от моря до моря», то есть от Балтики до Черного моря с включением в состав Польши русских, украинских, белорусских и немецких земель.

7 ноября 1941 года Сталин, принимая парад на Красной площади, напутствовал уходящие на фронт полки: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»

В 1943 году советское правительство нашло средства поставить в городе Горьком на центральной площади памятник Кузьме Минину. В годы Великой Отечественной войны имена Минина и Пожарского

можно было увидеть на броне танков и бронекатеров, на фюзеляжах самолетов. В 1952–1953 годах были заложены крейсера проекта 68бис «Дмитрий Пожарский» и «Козьма Минин». И сейчас в наше трудное время Минин и Пожарский служат символами патриотических движений — от коммунистических до монархических.

Федор и Михаил Романовы

а два последних столетия наши историки до предела мифологизировали роль Романовых в Смутное время. На фоне злодея и неврастеника Бориса Годунова, отпетых негодяев Гришки Отрепьева и Тушинского вора перед нами предстает доброе патриархальное семейство Романовых. Романовы-де имели самые большие права на престол, но им чуждо стремление к власти, они далеки от политических интриг. И вот за эту доброту и бескорыстность все правители, начиная с царя Бориса и кончая Тушинским вором, всячески мучают праведное семейство. Наконец храбрый воевода освобождает Москву от злых иноземцев, и весь народ, начиная с самого воеводы и кончая простым казаком, молит юного ангелоподобного отрока стать царем Московским. Надо ли говорить, что тут не обошлось без вмешательства небесных сил. Отрок и его мать долго отказываются, они, мол, никогда и не думали, чтобы Миша мог стать царем.

Миф о Романовых нашел отражение даже в пушкинском «Борисе Годунове». Там дворянин Афанасий Пушкин говорит Рюриковичу Шуйскому:

Знатнейшие меж нами рода — где?
Где Сицкие князья, где Шестуновы,
Романовы, Отечества надежда?
Шуйский:
Ты прав, Пушкин.

Ну ладно, что Сицкие и Шастуновы уже три года как прощены и исправно служат Борису, поэт мог и не знать, но чтобы Шуйский — потомок Андрея Ярославича и ненавистник выскочек Романовых, признал их «знатнейшими меж нами» и «Отечества надеждой»? Это уже топорная лесть, граничащая с издевательством над семейством Романовых.

Пушкин писал П. А. Вяземскому сразу после окончания «Годунова»: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хотя она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!»

На самом деле Романовы были до неприличия беспородны. 550 лет Русью правили князья — потомки норманского князя Рюрика. Власть Рюриковичей наследовалась двумя способами: по горизонтали — старшему в роду, по вертикали — от отца к сыну. В XV веке окончательно утвердился второй способ наследования. Но всегда наследование шло исключительно по мужской линии. Князья обычно вступали в брак с княжнами из соседних княжеств, иногда с боярскими дочерьми, были браки с половецкими, а потом и татарскими княжнами. Боярская дочь, став женой Рюриковича, получала титул княгини, но никогда ни при каких обстоятельствах ее родичи не становились князьями и уж подавно не могли претендовать на княжеский престол. То же самое можно сказать о половецких и татарских князьях (ханах).

Семейство Романовых считало своим прародителем Андрея Кобылу — дружинника московского князя Симеона Гордого. Историкам о Кобыле известен лишь один факт, что он вместе с Алексеем Босоволоковым ездил в Тверь за невестой для Симеона. Предполагается, подчеркиваю — предполагается, поскольку неоспоримых доказательств нет, что Кобыла отличался большой плодовитостью. Позже ему приписали 5 сыновей, 14 внуков и 25 правнуков, но никаких достоверных документов на сей счет нет. Не только Романовы, но и десятки известных дворянских фамилий считали Кобылу своим предком. Среди них Бутурлины, Челядины, Пушкины, Свибловы и другие.

В 1547 году Романовы (они тогда назывались еще Захарьиными) породнились с родом Ивана Калиты. Царь Иван IV, еще не Грозный, женился на шестнадцатилетней Анастасии, дочери умершего четыре года назад окольничего Романа Захарьевича. Современники утверждали, что Анастасия была хороша собой. Но выбор определила не ее внешность, а соглашение между кланом Захарьиных-Яковлевых и кланом Глинских. Клан Захарьиных был многочисленен, его связывали семейные узы с князьями Сицкими, Бельскими, Шастуновыми и Оболенскими. Клан был силен и очень осторожен. С 1533 года по 1547 год Захарьины-Яковлевы были только на вторых ролях, но с другой стороны, их миновали и большие опалы. Это не могло не импонировать Глинским, которые надеялись править одни от имени Ивана, пользуясь поддержкой Захарьиных-Яковлевых.

Противостоять блоку Глинских с Захарьиными в 1547 году было практически некому, так как после убийства Андрея Шуйского клан Шуйских серьезно ослабел.

3 февраля 1547 года состоялась царская свадьба. Брат невесты Никита Романович Захарьин «вместе с царем в мыльне мылся» и в первую брачную ночь

«спал у постели» новобрачных. После свадьбы старшему из сыновей Романа Захарьевича Даниле был присвоен чин окольничего. Его дядя Григорий Юрьевич Захарьин и двоюродный брат Иван Большой Михайлов-Юрьев становятся боярами.

Брак Ивана IV с Анастасией Романовной не представлял ничего экстраординарного в истории России. Подавляющее большинство жен московских князей были дочерьми бояр или даже дворян. Да и у самого Ивана Грозного было семь жен и, соответственно, куча родни по женской линии, начиная с Романовых (Захарьиных) и кончая Нагими.

За тринадцать лет жизни с царем Иваном Анастасия Романовна родила шестерых детей: Анну (родилась 18 августа 1549 года, умерла в августе 1550 года), Марию (родилась 17 марта 1551 года, умерла в младенчестве), Дмитрия (родился 11 октября 1552 года, умер в июне 1553 года), Иоанна (родился 28 марта 1554 года, убит отцом 19 ноября 1582 года), Евдокию (родилась 26 февраля 1554 года, умерла в 1558 году) и будущего царя Федора (родился 11 мая 1557 года, умер 7 января 1598 года).

Сама Анастасия умерла 7 августа 1560 года сравнительно молодой, ей было около тридцати лет, что дало многим современникам и потомкам предполагать отравление царицы.

18 марта 1584 года внезапно умирает царь Иван. К этому времени все мужское потомство Захарьиных и Яковлевых или перемерло, или было казнено царем. В живых остался лишь Никита Романович Захарьин и его дети, которых по деду стали называть Романовыми.

Никита Романович оказался самым плодовитым в роду Захарьиных. От двух жен — Варвары Ивановны Ховриной и Евдокии Александровны Горбатой-Шуйской — он имел пятерых сыновей и пятерых дочерей (Федора, Михаила, Александра, Василия, Ива-

на, Анну, Евфимию, Ульяну, Марфу и Ирину). Из них только Ульяна умерла в младенчестве, в 1565 году. Старшая дочь Анна была выдана замуж за князя Ивана Федоровича Троекурова. Рюриковичи-Троекуровы вели свой род от ярославских удельных князей. Иван и Анна Троекуровы нажили двоих детей — Бориса и Марину. 6 декабря 1586 года Анна Никитична умерла, а И. Ф. Троекуров взял новую жену — Вассу Ивановну. Дочь Евфимию Никита Романович выдал за князя Ивана Васильевича Сицкого. Марфа стала женой Бориса Камбулатовича Черкасского. Он был сыном кабардинского владетеля Камбулата — родного брата Темрюка, отца Марии — второй жены Ивана Грозного. Два сына Камбулата — мурзы Хокяг и Хорошай — приехали на службу в Москву, крестились и получили имена Гавриил и Борис Камбулатовичи. В 1592 году Борис становится боярином. У Марфы Никитичны и Бориса Камбулатовича было трое детей — Иван, Ирина и Ксения. Иван при царе Михаиле стал боярином, Ирина выдана за боярина Федора Ивановича Шереметева, а Ксения — за Ивана Дмитриевича Колычева. Младшая дочь Никиты Романовича Ирина вышла замуж за боярина Ивана Ивановича Годунова. Потомства у них не было.

Наиболее выдающейся личностью из большой семьи Никиты Романовича стал его старший сын Федор. Он был красив и статен. По-видимому, первым из московской знати он стал брить бороду и носить короткую прическу. О щегольстве Федора и умении одеваться иностранные послы говорили, что если московский портной хотел похвалить свою работу заказчику, то он говорил: «Вы теперь одеты, как Федор Никитич». В 1586 году Федор прямо из рынд прыгнул в бояре. В 1590 году он женился на Ксении Ивановне. В торжественном обряде венчания участвовал сам царь Федор и боярин Борис Годунов. Остается лишь единственный вопрос — на ком женился Федор Никитич и кто стала

матерью царя Михаила? Об этом уже свыше трехсот лет спорят историки. Имя и отчество невесты точно известно, вопрос только в фамилии.

Ряд историков XIX века, как, например, Б. Филатович, утверждает, что Федор Никитич женился на дочери дворянина Ивана Васильевича Шестова. Многие историки (С. М. Соловьев, С. Ф. Платонов и др.) попросту обходят этот вопрос. На мой же взгляд, ближе всего к истине мнение П. Н. Петрова, автора «Истории родов русского дворянства», который считает женой Федора Никитича Ксению Ивановичу Шастунову, дочь князя Ивана Дмитриевича Шастунова. Шастуновы, как уже говорилось, ведут свой род от ярославских удельных князей. Петров писал: «Что же касается предположения о происхождении *великой старицы* из фамилии Шестовых — потому что жена полкового головы Ивана Васильевича Шестова Марья вдовою уже подвергалась ссылке в 1601 г. в город Чебоксары и там пострижена — это еще не доказательство в пользу неотмененного родства ее с женою Федора Никитича Романова. Незнатность при Грозном представителя Шестовых — один из аргументов, говорящих против допущения союза с дочерью полкового головы — двоюродного брата государя, когда род князей Шастуновых, на который указывают издавна как на родственный по матери царю Михаилу, описыватели усыпальницы Романовых в Новоспасском монастыре — конечно, составлял более приличную партию... А что незнатен был Иван Васильевич Шестов, хотя и храбрый человек, доказывает нахождение подписи его в низшей статье дворян на Земском соборе по поводу предстоящей войны с Польшею, по истечении срока перемирия (2 июля 1566 г.). Неаристократическую же родню в семье свои не принимала старинная московская аристократия, в XVI веке еще более надменная, чем после»⁸⁷. Кстати, Романовы породнились с Шастуновыми посредством брака боярина Федора

Дмитриевича Шастунова с Фетиньей Даниловной Романовой. Фетинья приходилась двоюродной сестрой Федору Никитичу. Брак Фетиньи был бездетным, и естественно желание Романовых еще раз породниться со знатным родом Шастуновых. Замечу, что и ранее никто из дочерей Романовых-Захарьиных-Юрьевых не выдавался за бедных дворян.

Федор Никитич оказался плодовит: с 1592 по 1599 год у него родилось шесть детей, но выжили лишь двое — Татьяна и Михаил, а остальные умерли в младенчестве (Борис в 1593 г., Никита в 1593 г., Лев в 1597 г. и Иван в 1599 г.). Позже Татьяна выйдет замуж за князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского, а Михаил, родившийся 12 июля 1596 года, станет царем. Об остальных, родившихся после Федора сыновьях Никиты Романовича, известно крайне мало. В 1590 году Михаил Никитич был пожалован в окольничие. Данных о его вступлении в боярство нет. Во всяком случае, он умер бездетным.

Александр Никитич в 1586 году стал рындой, а в 1597 году ему пожаловано боярство. Смолodu он женился на Евдокии, дочери Ивана Юрьевича Голицына. Брак был недолговечен. 1 августа 1597 года Евдокия умерла. Вскоре Александр вступает во второй брак с Ульяной Семеновной Погожевой. Оба брака его были бездетными.

Младший сын Никиты Романовича, Иван Никитич Каша, в 1591 году становится стольником. В 1599 году он служит чашником при царе Борисе во время приема шведских послов. До ссылки он холост, и лишь в 1606 году вступает в брак с княжной Ульяной Федоровной Литвиновой-Мосальской, род которой велся от князя Михаила Черниговского.

В отличие от большинства княжеских родов Рюриковичей и Гедиминовичей, да и многих родов старомосковской нетитулованной знати, во время правления Ивана Грозного вотчины Захарьиных-Юрье-

вых не только не сократились, но и значительно увеличились. После женитьбы на Анастасии Романовне Иван IV щедро наделил ее родню вотчинами, о чем сообщается в его духовной. В числе пожалованных были укрепленные городки Скопин и Романово Городище на юге страны, построенные для защиты от набегов крымских татар. Вместе с этими городами Захарьины-Юрьевы получили и окрестные села.

При организации опричного корпуса Захарьины-Юрьевы потеряли ряд вотчин в Костромском и Суздальском уездах, где до опричнины владели вотчинами Роман Юрьевич Захарьин, сын его Данила и племянник В. М. Юрьев. Но в качестве компенсации Захарьины-Юрьевы получили вотчины в других местах.

Казни родственников Романовых-Захарьиных из ветвей Захарьиных-Михайловых и Захарьиных-Яковлей, как ни странно, пошли потомству Романа на пользу. Как известно, в конце царствования Иван Грозный велел составить перечень опальных и часть конфискованных земель отдал уцелевшим родственникам казненных. Так, в конце 70-х — начале 80-х годов Никите Романовичу Захарьину-Юрьеву и его сыновьям были пожалованы родовые вотчины Протасия Васильевича Захарьина-Михайлова и бояр Яковлей. Эти вотчины находились в Московском, Костромском, Бежецком и других уездах. Наконец, в приданое Федор Никитич Романов получил село Домнино в Костромском уезде и село Климятино в Угличском уезде.

Богатство Романовых хорошо характеризует заем, выданный Никитой голландской купеческой компании — 20 тысяч рублей. При этом боярин взял грабительские 85 процентов годовых. Любопытно, что английский посол Боус утверждал, что этот заем был замаскированной формой взятки и голландцы сделали Никиту Романовича своим «агентом влияния».

После смерти царя Ивана Грозного на престол в за-

конном порядке всходит его сын Федор. Федору 27 лет, он уже девять лет женат на Ирине Федоровне Годуновой, но детей у них нет. Федор придурковат и болезнен. Естественно, сразу возникает вопрос: кто будет наследовать новому царю? К власти рвутся три самых могущественных в России клана — Шуйские, Годуновы и Романовы. Правда, в Угличе в ссылке прозябал младенец царевич Дмитрий. Он был слишком мал; когда умер Иван Грозный, Дмитрию минуло лишь два года. А главное, ни сам Дмитрий, ни его родня — бедные, жадные и глупые дворяне Нагие — не нужны ни Романовым, ни Шуйским, ни Годуновым.

Итак, все три клана очень богаты, имеют большую родню. Романовы были родней матери царя Федора, а Годуновы — родня его жены. Но, как уже говорилось, по русскому феодальному праву наследование престола по женской линии не допускалось законом и не имело precedентов.

Слабостью Романовых было то, что об Анастасии, умершей 36 лет назад, почти все забыли, а цветущая Ирина делила ложе с царем. Мало того, у Романовых не было достойного кандидата в цари. Никита Романович был стар и болен, а его старший сын Федор слишком молод по понятиям того времени. Главное же — по феодальным законам и Годуновы (весьма сомнительные Чингизиды), и совершенно безродные Романовы не имели никаких прав на престол, в отличие от Рюриковичей Шуйских. Поэтому самым естественным движением Романовых было объединение с Годуновыми. Последствия союза сказались сразу. К сентябрю 1584 года боярство получает князь Федор Михайлович Троекуров, сын которого Иван был женат на Анне Никитичне Юрьевой-Захарьиной. К февралю 1585 года боярином стал князь Иван Васильевич Сицкий, женатый на Евфимии Никитичне Юрьевой-Захарьиной. Одновременно с ним стал боярином князь Федор Дмитриевич

Шастунов, женатый на Фетинье Даниловне Захарьиной-Юрьевой.

Совместными усилиями кланов Годуновых и Романовых в 1587 году Шуйские были разгромлены. Роль Романовых после этого значительно возрастает. Старший из них, Федор Никитич, в 1590 году получает боярство и становится одним из руководителей Боярской думы. В 1596 году Федор Никитич был назначен царем Федором (читай Борисом Годуновым) вторым воеводой правой руки, то есть вторым по рангу военачальником на Руси. С ним немедленно заместничал боярин Петр Никитич Шереметев, назначенный третьим воеводой в большом полку. Шереметевы, как и Романовы, вели свой род от Федора Кошки и Андрея Кобылы, но Петр Никитич Шереметев посчитал для себя унизительным служить с Федором Никитичем Романовым. Он не явился к царю («у царской руки не был») и на службу не поехал. Федор разгневался, вряд ли тут дело обошлось без Годунова, велел сковать Петра Шереметева и в таком виде на простой телеге отправить на службу. Шереметев еще несколько дней полонился, но в конце концов смирился с назначением.

В том же году на Федора Никитича Романова, его отца Никиту и дядю Данилу «бил челом в Отечестве» (то есть заместничал) Рюрикович князь Ф. А. Ноготков. Царь Федор сделал Ноготкову выговор: «...И ты чевю дядь моих Данила и Микиту мертвых бесчестишь?» За свое челобитье Ноготков угодил в тюрьму на пять дней. Правда, по разрядам было сказано, что князю Ф. А. Ноготкову «не доведетца меньше быть боярина Федора Никитича Романова», но в следующей росписи воевод «на берегу» Федор Никитич Романов уже отсутствует, то есть он не служил «ниже» князя Ноготкова. Что же касается старого Никиты Романовича, то он постригся в монахи под именем Никона и тихо почил 23 апреля 1586 года. Разумеется, наибольшую выгоду от устранения Шуйских по-

лучил клан Годуновых. Борис постепенно становится правителем государства.

15 мая 1591 года в Угличе при загадочных обстоятельствах погиб царевич Дмитрий. Этот несчастный случай был доведен русскими историками и литераторами до масштабов национальной трагедии. На самом деле в 1591 году смерть Дмитрия для русского государства была рутинным событием. Так, например, беременность царицы Ирины имела на порядок большее значение. Другой вопрос, что правительство провело большую и добросовестную работу по расследованию этого инцидента. Вот бы Миша Романов в 1613–1615 годах сподобился провести такое расследование о Гришке Отрепьеве! Смерть Дмитрия в 1591–1600 годах не вызвала никаких волнений в народе. Нет данных даже о боярской крамольной болтовне, к примеру, чтобы кто-то, даже с пылу, обвинил в смерти царевича Бориса Годунова. А ведь система сыска у Бориса появилась задолго до его вступления на трон.

В 90-х годах XVI века Романовы по-прежнему оставались верными союзниками Годунова, вопреки мнению ряда историков. Так, к примеру, В. Н. Балязин утверждал, что Борис «давно уже держит камень за пазухой, собираясь кинуть его в ненавистных Никитичей». При этом он ссылался на голландца Исаака Массу⁸⁸, который описал поездку царя Федора на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Царская челядь и боярские холопы были посланы в Троицу заранее, чтобы приготовить места для стоянок, ночлега и отдыха своих господ. Случилось так, что в село Воздвиженское, где находился царский путевой дворец, одновременно приехали холопы Александра Никитича Романова и Бориса Годунова и им приглянулась одна и та же изба. Завязалась драка, в которой холопы Годунова одержали верх. Побитые романовские холопы пожаловались своему господину, а тот — царю Федору. Федор принял сторону Романовых и попенял Борису,

сказав, что он часто своевольничает и что это негоже. По словам Массы, Борис Годунов поклялся отомстить за это Романовым. По моему же мнению, столь мелкий эпизод вряд ли мог повлиять на взаимоотношения двух ведущих боярских кланов. Да и писал это Масса по чужим рассказам задним числом, уже в конце Смутного времени.

Можно допустить, что Романовы не испытывали особо нежных чувств к правителю Борису. Но при жизни царя Федора у них не было никаких шансов занять место Бориса хотя бы потому, что братья Никитичи были слишком молоды, а все старшие Романовы-Захарьины вымерли. Конфликт Никитичей с Годуновым при жизни Федора мог кончиться ссылкой Романовых, а в самом крайнем случае — потерей влияния обоими кланами и приходом к власти тех же Шуйских. Поэтому повторяю, до 1598 года никаких серьезных конфликтов между Годуновыми и Романовыми не было, и считать «ненавистными» Никитичей Борис просто не имел оснований.

Союз Годуновых и Романовых фактически распался в 1598 году после смерти царя Федора. Но открыто выступить против претензии Бориса на царский престол Романовы не рискнули. В 1598 году ни Романовы, ни их многочисленная родня даже не заикнулись о кандидатуре Федора Никитича. Лишь спустя 15 лет Романовы начали рассказывать сказки о том, что-де царь Федор на смертном одре завещал престол Федору Никитичу Романову.

Но с другой стороны, Романовы не поддержали и Бориса в самые трудные для него дни. Видимо, Романовы участвовали в попытке возведения на престол низложенного царя Симеона Бекбулатовича и в других интригах против Бориса, но никакими достоверными данными на этот счет историки не располагают.

Не было претензий к Романовым и у новоизбранного царя Бориса. Мало того, в сентябре 1598 года царь

Борис пожаловал боярство Александру Никитичу Романову, а также романовской родне Михаилу Петровичу Катыреву-Ростовскому и князю Василию Казы Кардануковичу Черкасскому. Формально Романовым не на что было жаловаться, и мирное сосуществование Романовых и Годуновых длилось до 1600 года.

В конце 1599 — начале 1600 года Борис Годунов тяжело заболел. К осени 1600 года состояние здоровья царя настолько ухудшилось, что он не мог принимать иностранных послов и даже самостоятельно передвигаться — в церковь его носили на носилках.

Братья Романовы решили, что настал их час, и начали подготовку к перевороту. Из многочисленных романовских вотчин в Москву стали прибывать дворяне и боевые холопы. Несколько сот вооруженных людей сосредоточилось на Варварке в усадьбе Федора Никитича. Среди них был и молодой дворянин Юрий Богданович Отрепьев. Однако спецслужба Бориса не дремала. По приказу царя в ночь на 26 октября 1600 года несколько сот стрельцов начали штурм усадьбы на Варварке. Несколько десятков сторонников Романовых было убито при штурме, а многие казнены без суда и следствия.

Обвинение Романовых в организации государственного переворота Годунову было нецелесообразно, поскольку это произвело бы невыгодное для новой династии впечатление как внутри страны, так и за границей. Поэтому Романовым было поставлено в вину колдовство. Братья Никитичи были отданы на суд Боярской думы. Титулованная знать — Рюриковичи и Гедиминовичи — ненавидели безродных выскочек, как Годуновых, так и Романовых. Надо ли говорить, что сочувствия в думе Романовы не нашли.

Колдовские процессы над знатью в Западной Европе обычно кончались кострами, и лишь в единичных случаях — плахами и виселицами. Однако Годунов поступил с Романовыми относительно мягко. Федора

Никитича Романова постригли в монахи под именем Филарета и послали в Антониево-Сийский монастырь. Его жену Ксению Ивановну также постригли под именем Марфы и сослали в один из заонежских погостов. Ее мать сослали в монастырь в Чебоксары. Александра Никитича Романова сослали к Белому морю в Усолье-Луду, Михаила Никитича — в Пермь, Ивана Никитича — в Пелым, Василия Никитича — в Яренск, сестру их с мужем Борисом Черкасским и детьми Федора Никитича, пятилетним Михаилом и его сестрой Татьяной, с их теткой Настасьей Никитичной и с женой Александра Никитича сослали на Белоозеро. Князя Ивана Борисовича Черкасского — на Вятку в Малмыж, князя Ивана Сицкого — в Кожеозерский монастырь, других Сицких, Шастуновых, Репниных и Карповых разослали по разным дальним городам.

В царствование Михаила пребывание Романовых в ссылке стало обрастать сказочными подробностями. На Руси всегда любили дураков и мучеников. Поэтому официальная пропаганда тиражировала душевраздирающие подробности мучений опальных Романовых. Так, например, Михаил Никитич Романов был сослан в село Нырба Пермской волости. В селе имелось всего лишь шесть дворов. Михаила якобы посадили в яму («земляную темницу»). Сверху яма была закрыта настилом из брусьев, засыпанных землей. В яме была сложена небольшая печь. На Михаила надели тяжелые кандалы — цепь на шее весила 1 пуд 39 фунтов (32,4 кг), 19 фунтов (7,8 кг) весили ножные кандалы и 10 фунтов (4,1 кг) — замок к ним. Пристав держал узника на хлебе и воде, а местные крестьяне тайно приносили ему вкусную еду. Через несколько месяцев Михаил умер. По приказу Лжедмитрия I тело Михаила было перевезено в Москву и погребено 18 марта 1606 года в Новоспасском монастыре. Тело его оказалось «нетленным». В селе Нырба был устроен «мемориальный музей» Михаила.

Путешественники в XIX веке видели его знаменитые цепи.

Увы, многие историки с иронией относятся к преданию о мучениях Михаила. А С. М. Соловьев, подробно описавший ссылку остальных Романовых, принципиально не упоминает о Михаиле. Историки задают один и тот же вопрос — если Годунов решил погубить братьев Романовых, то почему он сурово расправился с младшими братьями и создал сравнительно комфортные условия старшему брату Федору Никитичу? От себя добавлю — главному заводчику Смуты и основному кандидату на престол. Федор Никитич был насильственно пострижен в монахи под именем Филарета и отправлен в Антониево-Сийский монастырь в сопровождении пристава — стрелецкого головы Ратмана Дурова. Жена его Ксения была пострижена под именем Марфы и отправлена в Заонежье в Толвуйскую волость в Егорьевский погост. Позже мы вернемся к бедному иноку Филарету и увидим, что жилось ему совсем не худо.

Борису Годунову, пожалевшему Федора, было не резон убивать его младших братьев и родственников. Просто враги Годунова приписали ему еще несколько смертей. Ну убил злодей двух царей, царевну, свою сестру царицу и датского принца — жениха своей дочери, с помощью колдовства лишил зрения царя Симеона, так почему бы ему не замочить еще полдюжины ссыльных? На самом же деле бытовые условия ссыльных были весьма приличными. По этому поводу Р. Г. Скрынников писал: «Подлинные документы по поводу ссылки, сохранившиеся в отрывках, позволяют установить, какими были условия содержания опальных в местах заточения. Даже те ссыльные, которые не имели думного чина, получили разрешение взять с собой по «детинке» из числа своих дворовых холопов. Холоп прислуживал господину в пути, а затем в тюрьме. Тюрьмой для опального служил двор с рядом хозяйственных построек,

предназначенных для обслуживания тюремного сидельца. Пристав, сопровождавший в ссылку младшего из братьев Романовых, получил приказ выстроить для него двор вдали от посада и проезжей дороги. Инструкция предписывала приставу провести все необходимые работы: «двор поставить... а на дворе велеть поставить хором две избы, да сени, да клеть, да погреб и около двора была (чтобы) городба».

В клетки и погребу хранились продукты и снедь. Осужденные получали достаточный корм. Так, Василий Романов получал в день «по калачу да по два хлеба денежных; да в мясные дни по две части говядины да по части баранины; а в рыбные дни по два блюда рыбы, какова где случится, да квас житной». В стране был голод, а казна выделяла деньги для опальных с учетом дороговизны. На содержание младшего Романова была израсходована крупная для того времени сумма в 100 руб. Несмотря на все это, некоторые ссыльные, включая Василия Романова, погибли в местах заточения. Современники подозревали, что их казнили по тайному приказу Бориса Годунова. Близкий к Романовым летописец рассказывал о гибели ссыльных, следуя одной и той же несложной схеме: стрелецкий голова Леонтий Лодыженский, будучи приставом у боярина Александра Романова, удушил своего пленника по воле Бориса, Тимоха Грязной «удавиша» боярина Сицкого с женой, Роман Тушин «удавиша» окольного Михаила Романова, приставы Смирной Маматов и Иван Некрасов «удавиша» Василия Романова и пр.»⁸⁹ Кстати, и Михаил Никитич должен был получать пайку, которой и на троих бы хватило. Другой вопрос, что, возможно, пристав попросту воровал продукты. Обратим внимание, что опальный боярин князь Федор Дмитриевич Шастунов умер в Москве у себя во дворе, еще до отправки Никитичей в ссылку. Только из-за этого его смерть не была приписана Борису.

Боярин Борис Камбулатович Черкасский был стар и болен. Его вместе с женой Марфой сослали на Белоозеро. Вскоре там он умер от мочекаменной болезни («камчуга»). А его жена Марфа по указу Годунова от 2 сентября 1602 года была переведена в село Клин в вотчину Федора Никитича Романова. Там она жила вместе с женой Александра Никитича и малолетними детьми Федора Никитича Михаилом и Татьяной. Там же она и скончалась 28 февраля 1610 года.

Так называемый «новый летописец» именовал пристава Смирнова Маматова не иначе как «окаянным» и приписывал ему тайную расправу с Василием Романовым. На самом же деле Маматов был приставом у Ивана Романова. Иван Никитич, несмотря на свою молодость, был тяжело болен — страдал «старой» болезнью: «рукой не владел и на ногу прихрамывал» (наследственный недуг Романовых — болезнь Педжета). Но Маматов доставил его в Сибирь живым. Василия же Никитича Маматов принял от другого пристава, Ивана Некрасова, в Пелыме «больна, тако чуть жива». Источники в подробностях описывают дорогу Василия Романова в Сибирь. Иван Некрасов получил наказ вести его «бережно, чтоб он с дороги не ушел и лиха никакого над собою не сделал». Некрасову были выданы железные кандалы и предоставлено право использовать их в случае необходимости. Василия везли по Волге в струте, и там он имел некоторые послабления. Но Василий, по словам пристава, однажды выкрал у него ключи от цепи и бросил их в реку. Опасаясь побега, Некрасов тотчас заковал своего поднадзорного в цепь. В мае 1601 года Василий Никитич благополучно добрался до Яранска, где пробыл шесть недель. Затем ссыльного отправили дальше в Сибирь. Две с половиной недели Некрасов и Василий Романов шли пешком, «только на подводах везли запасишко свое». Пленник, естественно, шел без цепей, и только на ночь пристав сковывал его. Тем временем

наступила осень, ударили первые морозы. Василий Никитич расхворался, и Некрасову пришлось везти его в саях «простого», то есть без цепей. Это трудное путешествие длилось четыре месяца.

Власти позволили Василию Никитичу жить в одних хоромах с братом Иваном. На всякий случай приставы приковали братьев на цепь в разных углах избы, тут же послав донесение в Москву. В ответ дьяки составили черновой наказ с повелением расковать Ивана и Василия и позволить им «в избе и во дворе ходить по своей воле». В беловом варианте последние слова были вычеркнуты и заменены приказом беречь Романовых крепко, чтобы они «з двора не ходили». Руководители сыского ведомства в Москве явно хотели снять с себя ответственность за смерть ссыльных. Узнав о болезни Василия Никитича Романова, Семен Годунов заявил, что по государеву указу «ковать» ссыльных в цепи было не велено и что приставы «воровали», действуя «мимо государева наказа». 15 января 1602 года Борис Годунов приказал расковать ссыльных, но приказ этот дошел до Сибири с большим опозданием. Уже перед смертью с Василия Никитича сняли кандалы. Ивану Никитичу позволили сидеть у постели умирающего брата. Василий Никитич умер 15 февраля 1602 года.

В марте 1602 года Борис Годунов, получив известие о смерти Василия Романова, приказал перевезти Ивана Романова в Уфу. Но Иван Никитич был тяжело болен. 8 мая 1602 года Некрасов сообщил в Москву, что «изменник государев» разболелся «старою своею черною болезнью, рукою и ногою не владеет и язык ся отнялся, лежит при конце». Как только Ивану Никитичу стало легче, пристав повез его в Уфу. С дороги Некрасов писал в Москву, что Иван быстро поправляется: «...Везучи, язык у него появился, рукою стал владеть... а сказывает сердце здорово, ест довольно». Иван Романов прибегнул к какой-то

уловке, чтобы избавиться от оков. Позже он сам рассказывал монахам, что оковы сами спали с его рук и ног после усердной молитвы святому Сергию. Узнав об этом «чуде», приставы «ужаснулись» и сменили звериную лютость на «овечью кротость, и быв у них прочее время во ослабе».

К лету 1602 года состояние здоровья царя Бориса улучшилось. Положение в высших эшелонах власти было стабильным, и Борис решил облегчить участь ссыльных. 25 мая 1602 года Боярская дума распорядилась освободить Ивана Никитича Романова и князя Ивана Черкасского и перевезти их в Нижний Новгород «на государеву службу». 17 сентября 1602 года опальным объявили царскую милость — Борис велел вернуть их ко двору в Москву. Приставам указывалось везти Ивана Романова в Москву осторожно, по состоянию его здоровья.

Князья Сицкие также были освобождены и назначены на службу в понизовые города. Но не все они добрались до новых мест. Старший сын опального боярина Сицкого князь Василий Иванович умер в дороге, не добравшись до Москвы. Его смерть тут же приписали злему умыслу царя Бориса.

Летом 1602 года Боярская дума объявила о прощении вдов и детей опальных бояр. Борис приказал вдову Бориса Черкасского с дочерью и вдову Александра Романова освободить и перевезти в бывшую вотчину Романовых село Клин под Юрьевом-Польским, куда они благополучно добрались. Приставам было приказано содержать опальные семьи в полном довольствии. Царь Борис сложил свою ответственность за притеснения опальных на приставов, якобы действовавших не по его указу, а «своим воровством и хитростью».

В ноябре 1602 года Федор Никитич (Филарет) сказал своему приставу: «Государь-де меня пожаловал, велел мне повольность дать». Филарет и впрямь получил послабления. Ему позволено было часто по-

кидать келью и стоять «на крылосе». Борис велел выдать Филарету новую одежду и «покой всякий к нему держати».

В октябре 1604 года войско Лжедмитрия I вторглось в Россию. К этому времени все Романовы, за исключением Филарета, оказались на свободе. Кто состоял на царской службе, а кто вольготно жил в своих поместьях. В частности, восьмилетний Михаил Федорович жил в селе Клин в вотчине отца. Его опекали тетки — Марфа Никитична, вдова Бориса Камбулатовича Черкасского и вдова Александра Никитича Романова. Вместе с Михаилом жила и его сестра Татьяна. Надо ли говорить, что эта дамская компания тряслась над мальчиком и воспитала из него не рыцаря, а слабовольного и капризного барчука. Сам же монах Филарет, в миру Федор Никитич Романов, тихо поживал в Антониево-Сийском монастыре. Этот монастырь был основан в 1520 году преподобным Антонием на реке Сие, притоке Северной Двины в 90 верстах от города Холмогоры. Это был один из самых богатых северных монастырей России. В 1589 году в монастыре был построен каменный соборный храм Святой Троицы. Десятки окрестных сел принадлежали монастырю. Кстати, через 60 лет, при царе Алексее Михайловиче, крестьяне подняли восстание против монастырских властей.

В монастыре за Филаретом наблюдал пристав Богдан Воейков, который регулярно слал в Москву отчеты о поведении опального инокa. Филарет вел себя довольно тихо, конфликты с приставом Воейковым носили мелкий, чисто бытовой характер. Так, Филарет говорил приставу: «Не годится со мною в келье жить малому. Чтобы государь меня, богомольца своего, пожаловал, велел у меня в келье старцу жить, а бельцу с чернецом в одной келье жить непригоже». На что Воейков писал в своем донесении царю Борису: «Это он говорил для того, чтоб от него из кельи малого не взя-

ли, а он малого очень любит, хочет душу свою за него выронить. Я малого расспрашивал: что с тобою старец о каких-нибудь делах разговаривал ли или про кого-нибудь рассуждает ли? И друзей своих кого по имени поминает ли? Малый отвечал: «Отнюдь со мною старец ничего не говорит». Если малому вперед жить в келье у твоего государева изменника, то нам от него ничего не слышать. А малый с твоим государевым изменником душа в душу. Да твой же государев изменник мне про твоих государевых бояр в разговоре говорил: «Бояре мне великие недруги. Они искали голов наших, а иные научали на нас говорить людей наших, я сам видал это не однажды». Да он же про твоих бояр про всех говорил: «Не станет их ни с какое дело, нет у них разумного. Один у них разумен Богдан Бельский, к посольским и ко всяким делам очень досуж». Велел я сыну боярскому Болтину расспрашивать малого, который живет в келье у твоего государева изменника, и малый сказывал: «Со мною ничего не разговаривает. Только когда жену вспоминает и детей, то говорит: «Малые мои детки! Маленьки бедные остались. Кому их кормить и поить? Так ли им будет теперь, как им при мне было? А жена моя бедная! Жива ли уже? Чай она туда завезена, куда и слух никакой не зайдет! Мне уж что надобно? Беда на меня жена да дети: как их вспомнишь, так точно рогатиной в сердце толкает. Много они мне мешают: дай, Господи, слышать, чтобы их ранее Бог прибрал, я бы тому обрадовался. И жена, чай, тому рада, чтоб им Бог дал смерть, а мне бы уже не мешали, я бы стал промышлять одною своею душою. А братья уже все, дал Бог, на своих ногах». На это донесение царь Борис отвечал приставу: «Ты б старцу Филарету платье давал из монастырской казны и покой всякий к нему держал, чтоб ему нужды ни в чем не было. Если он захочет стоять на крылосе, то позволь, только б с ним никто из тутошних и прихожих людей ни о чем не разговаривал. Малому у него в

келье быть не вели, вели с ним жить в келье старцу, в котором бы воровства никакого не чаять. А которые люди станут в монастырь приходить молиться, прохожие или тутошные крестьяне и вкладчики, то вели их пускать, только смотри накрепко, чтобы к старцу Филарету к келье никто не подходил, с ним не говорил и письма не подносил и с ним не сослался».

В итоге из кельи Филарета «малого» вытурили, а вместо него поселили старца Иринарха, чтобы тот приглядывал за ссыльным. Надо ли говорить, что новый сосед-старец не понравился Филарету, и, видимо, от некоторых утех с «малым» пришлось отказаться. Тем не менее вел себя Филарет тихо и богобоязненно. Но вот до Антониево-Сийского монастыря дошли слухи о походе Лжедмитрия на Москву, и смиренный инок Филарет буквально начинает скакать от радости.

В начале 1605 года пристав Воейков шлет несколько доносов в Москву о бесчинствах Филарета и жалобы на игумена монастыря Иону, который смотрит на них сквозь пальцы. В марте 1605 года царь Борис делает игумену Ионе строгое внушение: «Писал к нам Богдан Воейков, что рассказывали ему старец Иринарх и старец Леонид: 3 февраля ночью старец Филарет старца Иринарха бранил, с посохом к нему прискакивал, из кельи его выслал вон и в келью ему к себе и за собою ходить никуда не велел. А живет старец Филарет не по монастырскому чину, всегда смеется неведомо чему и говорит про мирское житье, про птиц ловчих и про собак, как он в мире жил, и к старцам жесток, старцы приходят к Воейкову на старца Филарета всегда с жалобою, бранит он их и бить хочет, и говорит им: «Увидите, каков я вперед буду!» Нынешним Великим постом у отца духовного старец Филарет не был, в церковь и на прощанье не приходил и на крылосе не стоит. И ты бы старцу Филарету велел жить с собою в келье, да у него велел жить старцу Леониду, и

к церкви старцу Филарету велел ходить вместе с собою да за ним старцу, от дурна его унимал...» Далее Борис требовал, чтобы Иона укрепил ограду вокруг монастыря и ни под каким видом не допускал контактов Филарета с посторонними людьми.

Обратим внимание на фразу Филарета: «Увидите, каков я вперед буду!» Кем же видит себя смиренный монах — царем или патриархом? Да и откуда такая спесь взялась? Ну допустим, услышал он об успехах самозванца, так что же из того? Ну придет Лжедмитрий, какой-нибудь Стенька или Емелька и станет бояр вешать да топить, не вникая в их свары и обиды. Тут Филарет выдает себя с головой. Он прекрасно знает, что идет на Москву не просто его бывший холоп Юшка, а его «изделие». Другой вопрос, что он недооценивает польское влияние. У его «изделия» теперь совсем другие кукловоды.

Фразу «Увидите, каков я вперед буду» цитируют в своих трудах все наши историки от Соловьева до Скрынникова и... оставляют ее без комментариев. Один Валишевский (поляк, не боится задеть гордость великороссов) заметил по сему поводу: «В этом заключаются важные указания, которым не хватает, может быть, только подтверждения некоторых уничтоженных или слишком хорошо спрятанных документов. И, если они не подверглись уничтожению, без сомнения, уже недалек тот день, когда не побоятся их обнародовать». Увы, большевики, придя к власти, начали за здравие — приступили к опубликованию секретных царских договоров времен Николая II, предали гласности довольно много документов, касавшихся революционного движения и репрессий властей. Но позже курс сменился, и до сих пор масса документов XVI–XVII веков лежит в секретных хранилищах.

20 июня 1605 года Лжедмитрий I торжественно въезжает в столицу и сразу же призывает найти и вернуть в Москву своих бывших хозяев. В начале ию-

ля 1605 года в Антониево-Сийский монастырь прибыли посланцы самозванца и с торжеством повезли Филарета в Москву.

В Москве Романовы получили щедрые награды. Скромный инок Филарет возведен в сан ростовского митрополита. А прежний ростовский митрополит Кирилл Завидов был без объяснения причин попросту согнан с кафедры. Причем нет никаких сведений, что Кирилл мог чем-то прогневать самозванца. За что же такая милость простому монаху? За то, что он с начала 1605 года перестал вообще ходить на службы? Неужто за познания в ловчих птицах и собаках?

Дмитрий дал самую высшую церковную должность Филарету. Сделать монаха сразу патриархом было бы слишком, да и на том месте уже сидел послушный Игнатий. А крутицким митрополитом стал, как мы уже знаем, старый знакомый Гришки Пафнутий.

Младший брат Филарета Иван Никитич Романов получил боярство. Не был обойден и единственный сын Филарета — девятилетний Миша Романов стал стольником. Заметим, что возведение даже двадцатилетнего князя Рюриковича в чин стольника на Руси было событием экстраординарным. Даже тела умерших в ссылке Никитичей по царскому указу были выкопаны, доставлены в Москву и торжественно перезахоронены в Новоспасском монастыре.

Многие наши историки утверждают, что Лжедмитрий пожаловал Романовых как своих родственников, чтобы таким образом подтвердить свою легитимность. Такой взгляд не выдерживает критики. Ну во-первых, настоящему Дмитрию Романовы и родственниками не были. Попробуйте в русском языке найти степень родства Федора Никитича и Дмитрия Ивановича! Мало того, именно царь Федор, сын Анастасии Романовой, упрятал Дмитрия со всей родней в ссылку в Углич, а бояре Романовы во главе с

Федором Никитичем с большим усердием помогали царю. Да и не в этом дело. Зачем самозванцу лишний раз напоминать народу, что есть живые родственники царя Федора, которые за неимением лучшего могут стать претендентами на престол? Увы, на этот вопрос ни один наш историк дать ответа не может. Мало того, зачем давать Романовым власть и вотчины? Неужели самозванец так глуп, что думает, что гордый и честолюбивый Федор Никитич станет его верным холопом? А ведь чины и вотчины могли так пригодиться польским и русским сторонникам Лжедмитрия. Вот они бы и стали навсегда преданными холопами царя Дмитрия I. Наконец, чем черт не шутит, ведь Романовы могли и опознать Юшку Отрепьева, который пять лет назад жил у них на подворье.

Из всего этого можно сделать лишь один логичный вывод — бояре Романовы были в сговоре с заговорщиками церковными, главой которых был Пафнутий. Теперь Отрепьеву пришлось платить по счетам. Был ли удовлетворен наградами честолюбец Федор Никитич? Конечно, нет, но качать права было рано. Пока Романовы рассматривали полученные чины, вотчины и другие блага как промежуточную ступеньку для дальнейшего подъема вверх. Теперь Федору и Ивану Никитичам казалось, что еще чуть-чуть — и московский трон станет собственностью их семейства.

На несколько месяцев правления самозванца клан Романовых попросту затих. В результате Романовы проспали роковую ночь с 16 на 17 мая 1606 года, во время которой сторонники Шуйского и Пафнутия свергли и убили Лжедмитрия I. Ни Романовых, ни их родственников не было среди тех, кто ворвался в Кремль вместе с Василием Шуйским. Этот переворот был им явно не выгоден. Лишь через два часа после убийства Отрепьева к Кремлю подъехал Иван Никитич Романов с несколькими десятками дворян и боевых холопов и присоединился к победителям.

Митрополит Ростовский Филарет 17 мая находился в Москве, но весь день из дома не выходил и никого не принимал.

На следующий день Романовы сумели договориться с Голицыным, Куракиным и Мстиславским и решили собрать 19 мая народ на Красной площади, чтобы выбрать патриарха, а затем провести Земский собор под его руководством. Нетрудно предположить, что патриархом должен был стать Филарет.

Рано утром на Красной площади собралась огромная толпа. Бояре — конкуренты Шуйского — вышли на площадь и предложили избрать патриарха, который должен был стоять во главе временного правления и разослать грамоты для созыва советных людей из городов. Но сторонникам Шуйского удалось перекрыть конкурентов. Специально подобранные добрые молодцы горланили, что царь сейчас нужнее патриарха. Толпа, ведомая сторонниками Шуйских, вошла в Кремль. Откуда-то появился и сам князь Василий. Шуйского ввели в Успенский собор, где митрополит Пафнутий нарек его на царство. Он отслужил молебен, и князь Василий Иванович стал считаться царем. Злые боярские языки говорили, что Василий Шуйский был не избран, а выкликнут царем.

Итак, царя выбрали без патриарха, но долго ни церковь, ни вся страна не могли обойтись без него. Тем более что в монастыре в Старице томился годуновский патриарх Иов, а в Чудовом монастыре — отрепьевский патриарх Игнатий. Ни тот, ни другой ни Шуйским, ни Романовым, ни остальным боярам даром не был нужен. Первоначально Шуйские хотели пропихнуть в патриархи Пафнутия, но это была етоль одиозная личность, что против него ополчилось большинство бояр и высшее духовенство. Голицын, Куракин, Мстиславский и другие бояре горой стояли за митрополита Филарета, в котором видели противовес Шуйским. Их нимало не смущало, что

Филарет год назад был простым монахом и никогда не интересовался делами церкви.

Неожиданно царь Василий уступил оппонентам и объявил Филарета патриархом, о чем даже было сообщено польским послам. Противники Шуйского объявили его уступчивость трусостью. На самом деле Шуйский, видимо, не без подачи Пафнутия, задумал хитрый ход. Канонизировав погибшего в Угличе царевича Дмитрия и перевезя его мощи в Москву, он достигал сразу нескольких целей: компрометировал династию Годуновых и таким образом снимал с себя обвинения в предательстве царя Бориса; прекращал все слухи о чудесном спасении царевича и главное — удалял из Москвы опасных ему людей — Филарета, Ивана Михайловича Воротынского, Петра Федоровича Шереметева и других.

Филарет уже организовал заговор против Шуйского и хотел иметь алиби на случай провала. Итак, желания царя Василия и Филарета совпадали. Сборы были недолгие, и Филарет с большой помпой отправился в Углич. Филарет выполнил задачу блестяще. 28 мая 1606 года при большом стечении народа был вырыт из земли гроб, сняли крышку, и все увидели пятнадцать лет назад похороненного царевича, «яко жива лежащего всего нетленна, точию некую часть тела своего, яко некий долг отдаде земли». Заметим, что в XX веке на московских кладбищах через 20 лет после погребения в могиле разрешали делать новое захоронение.

Народ, увидев царевича, в единодушном восторге стал славить нетленные мощи, как явное знамение святости Дмитрия. Затем последовали новые чудеса: больные, с верой и любовью касаясь мощей, исцелялись. Затем духовенство и бояре под колокольный звон всех церквей Углича вынесли святые мощи из Спасо-Преображенского собора. Процессия направилась прямо по Московской дороге, пролегавшей в то

время близ Николосухопродской церкви. Но не пройдя и ста метров, процессия остановилась, по утлическому преданию, вследствие чудесного события: святые мощи нельзя было никакой силой сдвинуть с места.

Надо ли говорить, что чудеса сами по себе не происходят, просто Филарету была какая-то надобность заехать в Ростов. Полупатриарх, полумитрополит Ростовский заявил, что мощи желают добраться до Москвы не Московской, а большой Ростовской дорогой. В результате процессия сделала большой крюк через Ростов и Переяславль-Залесский.

3 июня царь Василий и мать царевича инокия Марфа встретили мощи Дмитрия в селе Тайнинском под Москвой. Василий Иванович был несказанно счастлив. Он даже взял в руки гроб и лично пронес его несколько десятков метров. Напротив, инокия Марфа остолбенела и не могла произнести ни слова до самой Москвы — в гробу она увидела свежий труп чужого ребенка. Молчал и Филарет. Его заранее предупредили о неудачной попытке свержения Шуйского, но здесь, в Тайнинском, рядом с царем и Пафнутием стоял митрополит Казанский Гермоген. Пока Филарет искал святые мощи да возил их по городам, Шуйский вызвал в Москву нового кандидата в патриархи. Гермоген имел непререкаемый авторитет как в церковных кругах, так и в Боярской думе. Выступить против его интронизации в патриархи никто не решался. И бедолаге Филарету пришлось малой скоростью отправляться в свою епархию.

Вскоре царь Василий отправил Ивана Никитича Романова воеводой в Козельск. Там Никитич отличился — разбил отряд князя Василия Рубец-Мосальского, шедшего на выручку Болотникову. За это царь Василий стал более благосклонно относиться к Романовым, тем более что Филарет два года тихо и богобоязненно сидел в Ростове.

В апреле 1608 года войско нового самозванца разгромило царские полки под Болховым. Виновниками поражения были двое бездарей — воеводы Дмитрий Иванович Шуйский и Василий Васильевич Голицын. Замечу, что оба тоже имели виды на московский престол.

После Болхова Лжедмитрий II двинулся прямо на Москву. Козельск, Калуга, Можайск и Звенигород без боя открыли ему свои ворота. Шуйский срочно собрал новое войско и отправил его навстречу самозванцу. Командование им царь поручил своему родственнику Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому и Ивану Никитичу Романову.

Царские полки заняли позицию на речке Незнахи между городами Подольском и Звенигородом. На поиск переправы были направлены разъезды, которые донесли, что «вор поиде под Москву не тою дорогою». Гетман Рожинский обходил их справа, идя из Звенигорода на Вязьму в направлении Москвы. Одновременно в войске была обнаружена измена. Как говорится в летописи, в полках «нача быти шатость: хотяху царю Василью изменить князь Иван Катырев, да князь Юрьи Трубецкой, да князь Иван Троекуров и иные с ними».

Обратим внимание — во главе заговора стояли в основном родственники Романовых. Иван Федорович Троекуров был женат на Анне Никитичне Романовой, а Иван Михайлович Катырев-Ростовский — на Татьяне Федоровне Романовой. Надо ли говорить, что в случае успеха заговора Иван Никитич Романов не остался бы в стороне.

Из-за «шатости» царь Василий приказал войску срочно отступить к Москве. В итоге рядом с Москвой образовалась новая столица — Тушино, а самозванец вошел в историю под именем Тушинский вор.

В сентябре 1608 года Петр Сапега с большим отрядом тушинцев взял без боя Переяславль, жители ко-

торого присягнули Тушинскому вору. Затем Сапега двинулся к Ростову. Ростовский воевода Третьяк Сеитов попытался организовать сопротивление, но потерпел поражение. А в Ростове тушинцев хлебом-солью встретил митрополит Филарет. Сапега в простых санях доставил митрополита в Тушино, что дало повод позднейшим историкам утверждать, что Филарет был увезен насильственно. Но пленных казнят, заключают под стражу, меняют, отдают за выкуп, а не делают главой церкви. Так что не был Филарет пленником.

Митрополиту Ростовскому устроили торжественную встречу в Тушино. Лжедмитрий произвел Филарета в патриархи. Тот стал вершить богослужения в Тушине и рассылать по всей России грамоты с призывами покориться царю Дмитрию, а под грамотами подписывался: «Великий Господин, преосвященный Филарет, митрополит Ростовский и Ярославский, нареченный патриарх Московский и всея Руси».

Вслед за Филаретом в Тушино перебежала и его родня по женской линии — Сицкие и Черкасские. В Тушине оказался даже Иван Иванович Годунов. Родственник убийцы едет каяться к спасенному царевичу? Ни в коем разе! И. И. Годунов — муж Ирины Никитичны Романовой, едет к ее брату Федору Никитичу. Заодно И. И. Годунов уговорил присягнуть самозванцу и жителей Владимира, где царь Василий поставил его воеводой. Романовы стали, без сомнения, самым сильным русским кланом в Тушине. После взятия Ростова самозванцу присягнули Ярославль, Вологда и Тотьма. На юге на сторону Тушинского вора перешла Астрахань, а на северо-западе — Псков.

В сентябре 1609 года польское коронное войско вторглось в пределы России. До этого в течение пяти лет десятки тысяч поляков бесчинствовали в России, но это были «вольные паны» и их «частные армии». Теперь же в крестовый поход против России двинул-

ся сам король Сигизмунд III. Если вначале ясновельможных панов вполне устраивало основательно пограбить Россию и вернуться домой, то король рассчитывал на покорение всей Московии с последующим превращением ее в польскую колонию и с обращением «туземцев» в католичество. Сигизмунд был настолько уверен в победе, что не нуждался ни в каких русских самозванцах и польских панах, входивших в их войска. Другой вопрос, что исключительно из внутрисполитических целей, дабы не озлоблять панство на родине, король предложил тушинским полякам, а также другим польским отрядам, грабившим Россию, так сказать, в автономном режиме, присоединиться к коронному войску.

Обращение короля дезорганизовало поляков в России. Воевать на два фронта, против Сигизмунда и Шуйского одновременно, не хотел никто. Поэтому большинство польских «полевых командиров» начало торговаться с королем по поводу условий присоединения их к коронному войску. Тушинский вор не стал дожидаться, пока его поляки договорятся с королем, и 27 декабря 1609 года, переодевшись крестьянином, вдвоем со своим шутом Кошелевым бежал из «воровской» столицы в Калугу.

После бегства самозванца гетману Рожинскому с поляками больше ничего не оставалось, как вступить в соглашение с королем. Куда больше проблем возникло у русских тушинцев. Двинуться вслед за Лжедмитрием они не могли — поляки не пускали, да и шансов на успех у Тушинского вора почти не было. Бежать к Шуйскому тоже было не резон. Царь охотно принимал перебежчиков, когда Тушинский вор был в силе, а сейчас он мог и наказать беглецов. Русским тушинцам, как и польским, оставался один выход — вступить в соглашение с королевскими послами.

Послы предложили русским собраться по польскому обычаю в коло. Туда явились патриарх Фила-

рет с духовенством, атаман Заруцкий с ратными людьми, боярин Салтыков с думными людьми и придворными. Пришел и касимовский хан Ураз Махмет со своими татарами. Посол Стадницкий рассказал «о добрых намерениях короля относительно Московского государства». Русские тушинцы согласились отдаться под покровительство польского короля и направили ему грамоту: «Мы, Филарет патриарх Московский и всея Руси, и архиепископы, и епископы и весь освященный собор, слыша его королевского величества о святой нашей православной вере радение и о христианском освобождении подвиг, Бога молим и челом бьем. А мы, бояре, окольные и т. д., его королевской милости челом бьем и на преславном Московском государстве его королевское величество и его потомство милостивыми господами видеть хотим».

Из этой грамоты следовало, что Филарет по-прежнему считает себя «патриархом Московским». Будь он пленником Тушинского вора, вынужденным ради спасения жизни формально выполнять обязанности патриарха, как позже писали царские историки, то вот она, сладкая свобода! Полякам не до него. Можно поехать в Москву к законно избранному патриарху Гермогену, за которого он несколько месяцев возносил молитвы в Ростове, и покаяться за грехи, хотя бы и невольные. Нет, Филарет считает себя законным патриархом и призывает короля стать правителем Московского государства.

Обращаю внимание читателя на принципиальную разницу между приглашением на престол королевича Владислава и короля Сигизмунда. В первом случае государство Московское получало нового государя, а во втором — оно в том или ином виде объединялось с Польшей. Объединение с Польшей под властью короля-католика неизбежно привело бы к полонизации страны; католическая или, по крайней мере, униатская церковь стала бы главенствующей. С московской

Русью произошло бы то, что поляки сделали с Малой и Белой Русью. Владислав же мог принять православную веру и стать независимым от Польши и отца монархом. Так, за 12 лет до этого Генрих Наваррский, заявив, что «Париж стоит мессы», перешел в католичество и стал королем Франции Генрихом IV.

Грамоту польскому королю повезла делегация русских тушинцев. Среди них были боярин Михаил Глебович Салтыков с сыном Иваном, князь Василий Михайлович Рубец-Мосальский, князь Юрий Хворостинин, дворяне Лев Плещеев, Никита Вельяминов, дьяки Грамотин, Чичерин, Соловецкий, Витоватов, Апраксин и Юрьев, также поехали Михаил Молчанов, Тимофей Грязный и бывший московский кожевник Федор Андронов. 31 января 1610 года делегация торжественно была представлена королю Сигизмунду в лагере под Смоленском. После хвалы королю «за старание водворить мир в Московском государстве» дьяк Грамотин от имени думы, двора и всех людей объяснил, что в Московском государстве желают иметь царем королевича Владислава, если только Сигизмунд сохранит греческую веру и не коснется древних прав и вольностей московского народа. Сигизмунд сам желал вступить на московский престол, но решил обмануть русских и вступил в переговоры о Владиславе. После нескольких дней споров 4 февраля король и послы согласились подписать кондиции (условия), при которых Владислав мог стать русским царем. Наиболее важным были два первых пункта:

Первое: Владислав должен был венчаться на царство в Москве от русского патриарха, по старому обычаю. Король прибавил сюда, что это условие будет исполнено, когда водворится совершенное спокойствие в государстве. Из этой прибавки видно намерение Сигизмунда не посылать сына в Москву, но под предлогом не установившегося спокойствия добиваться государства для себя.

Второе: Чтобы святая вера греческого закона оставалась неприкосновенной, чтоб учителя римские, люторские и других вер раскола церковного не чинили. Если люди римской веры захотят приходить в церкви греческие, то должны приходить со страхом, как прилично православным христианам, а не с гордостью, не в шапках, псов с собой в церковь не водили бы и не сидели бы в церкви в неположенное время. Сюда король прибавил, чтобы для поляков в Москве был построен костел, в который русские должны входить с благоговением. Король и сын его обещались не отводить никого от греческой веры, потому что вера есть дар Божий и силой отводить он нее и притеснять за нее не годится. Жидам запрещался въезд в Московское государство.

Сигизмунду удалось добиться своей цели. Гарантом исполнения договора становился польский король. К договору было приписано: «Чего в этих артиклах не доложено, и даст Бог его королевская милость будет под Москвою и на Москве, и будут ему бить челом патриарх и весь освященный собор, и бояре, и дворяне, и всех станов люди: тогда об этих артикулах его господарская милость станет говорить и уряжать, по обычаю Московского государства, с патриархом, со всем освященным собором, с боярами и со всею землею».

Сигизмунд поспешил сделать и следующий шаг для исполнения своих замыслов. Он потребовал от послов повиноваться ему до прибытия Владислава, и послы согласились, в чем и присягнули: «Пока Бог нам даст государя Владислава на Московское государство, буду служить и прямить и добра хотеть его государеву отцу, нынешнему наияснейшему королю польскому и великому князю литовскому Жигимонту Ивановичу».

Тем временем кризис в Тушине нарастал. В ночь на 11 февраля 1610 года из Тушина бежала Марина

Мнишек. Она была беременна от Тушинского вора, но это не помешало ей скакать на коне, переодетой казаком. Отъезд Марины к мужу в Калугу послужил сигналом для повального бегства русских тушинцев, которые бежали кто куда, частью в Калугу, а остальные рассеялись по стране мелкими шайками. Последними в первых числах марта 1610 года ушли поляки Рожинского, спалив за собой «воровскую столицу». Часть именитых русских тушинцев отправилась каяться к Шуйскому, а другие во главе с патриархом Филаретом в обозе Рожинского поехали под Смоленск к Сигизмунду. Поляки Рожинского ехали к королю, так как им некуда было больше деваться.

Из-за весенней распутицы Рожинский на несколько недель остановился в Волоколамске, поселившись в Иосифо-Волоцком монастыре. Там во время драки с панами он упал на каменные ступени, сильно ударившись прострелянным еще под Москвой боком. Падение оказалось роковым, и гетман умер 4 апреля 1610 года тридцати пяти лет от роду.

Схоронив Рожинского, Заборовский с большей частью войска двинулся к Смоленску, а остальные поляки во главе с Руцким и Мархоцким остались в Волоколамске. 21 мая к городу подошло объединенное русско-шведское войско под командованием Валуева и Горна. Поляки были выбиты из монастыря. Из полутора тысяч поляков и казаков спаслось только триста человек. В числе трофеев русских войск оказался и самозванный патриарх Филарет. В июне 1610 года Филарет был доставлен в Москву. Но вместо застенка он попал в родовые хоромы в Китай-городе.

23 июня 1610 года польское коронное войско под командованием гетмана Жолкевского разгромило царское войско Дмитрия Шуйского.

В Москве против царя был составлен заговор, во главе которого стояли князья Федор Иванович Мстиславский и Василий Васильевич Голицын. Разумеет-

ся, дело не обошлось без Романовых Филарета и Ивана Никитича и их множественной родни. Тушинские самозванные бояре во главе с Дмитрием Трубецким вошли в контакт с заговорщиками. Они прекрасно понимали, что московская знать не собирается менять Василия Шуйского на Тушинского вора, и предложили «нулевой» вариант, по которому тушинцы устраняют Лжедмитрия II, а московские бояре — царя Василия. А далее совместно будут выбирать нового царя. Москвичи согласились. Начать мятеж бояре поручили довольно скандальной личности — Захару Ляпунову.

17 июня 1610 года в Москве произошел государственный переворот, царь Василий был низложен, а через два дня насильственно пострижен в монахи.

Захар Ляпунов и группа дворян стали требовать «князя Василия Васильевича Голицына на государстве поставить». Тут впервые всплыли Романовы и предложили возвести на престол четырнадцатилетнего Михаила Федоровича, сына Филарета. Однако большинство бояр не устраивал ни тот, ни другой. В конце концов Боярская дума постановила отменить выборы царя до сбора в Москве представителей «всей земли».

По старой традиции Боярская дума создала нечто типа политбюро для управления страной. В его состав вошли Федор Мстиславский, Иван Воротынский, Василий Голицын, Иван Романов, Федор Шереметев, Андрей Трубецкой и Борис Лыков. В народе это правительство прозвали Семибоярщиной. От населения потребовали даже принести особую присягу Семибоярщине. В крестоприводной записи говорилось: «Все люди били челом князю Мстиславскому с товарищи, чтобы пожаловали, приняли Московское государство, пока нам Бог даст государя». Присягнувший клялся: «Слушать бояр и суд их любить, что они кому за службу и за вину приготовят; за Московское государство и за них, бояр, стоять и с изменниками биться до смерти; вора, кто называется царевичем

Димитрием, не хотеть; друг на друга зла не мыслить и не делать, а выбрать государя на Московское государство боярам и всяким людям всею землею».

Города, подчинявшиеся царю Василию, без особых проблем целовали крест Семибоярщине. В Москве же продолжались интриги. Захар Ляпунов с несколькими дворянами вел агитацию в пользу Тушинского вора. Боярин Мстиславский заявил, что сам он не хочет быть царем, но также не хочет видеть царем кого-либо из бояр, и что надо избрать государя из царского рода. Узнав, что Ляпунов намерен тайно впустить в Москву войско самозванца, Мстиславский передал Жолкевскому, чтобы тот немедленно шел к столице. Гетман 20 июля вышел из Можайска, а в Москву послал грамоты, где говорил, что идет защищать столицу от «вора». К князю Мстиславскому «с товарищи» Жолкевский прислал грамоту с щедрыми обещаниями боярам. Мстиславскому «с товарищи» давно хотелось избавиться от царской власти — опал, казней, изъятия вотчин — и жить подобно польским магнатам, эдакими полунезависимыми правителями в своих землях.

Переписка Жолкевского с боярами переросла в прямые переговоры. Переговоры затянулись, главным препятствием стал вопрос о вере Владислава. Патриарх Гермоген сказал боярам свое мнение об избрании королевича: «Если крестится и будет в православной христианской вере, то я вас благословляю. Если же не крестится, то во всем Московском государстве будет нарушение православной христианской вере, и да не будет на вас нашего благословения». Поэтому бояре настаивали, что первым и главным условием избрания Владислава на московский престол должно быть принятие им православия, а гетман без королевского благословения не мог на это согласиться. 2 августа у Девичьего монастыря Мстиславский и Жолкевский вели личные переговоры, которые были прерваны известием, что Лжедмитрий II подходит к Москве.

Действительно, русские «воры» и поляки Петра Сапеги начали штурм Серпуховских ворот. Поляки из войска Жолкевского держали нейтралитет. Но воевода Валуев и гарнизон Царева займища, которые, как мы уже знаем, были вынуждены присоединиться к полякам, не спрося гетмана, двинулись на помощь москвичам. Валуев с фланга атаковал поляков Сапеги и вместе с московскими ратниками обратил их в бегство.

Во время переговоров с боярами Жолкевский получил новые королевские инструкции. Москва должна была разом присягнуть Сигизмунду и его сыну Владиславу. Таким образом, король хотел стать фактическим правителем России. Гетман скрыл от бояр содержание королевской инструкции и постарался довести переговоры до конца. Обстоятельства заставляли его спешить. Гетман объявил боярам, что принимает только те условия, которые утверждены королем и на которых целовал крест Салтыков с товарищами под Смоленском. Все же остальные условия, предъявленные боярами в Москве, в том числе и то, что Владислав примет православие в Можайске, будут переданы на рассмотрение королю. Бояре согласились. Жолкевский со своей стороны согласился внести в договор, заключенный Салтыковым под Смоленском, некоторые поправки и изменения. Так, под Смоленском тушинцы незнатного происхождения требовали, чтобы Владислав возвысил незнатных людей по их заслугам, а в московский договор бояре внесли условие: «Московских княжеских и боярских родов приезжими иноземцами в отечестве и в чести не теснить и не понижать». Также московские бояре настаивали на том, чтобы не было преследований за убийство поляков 17 мая. Добавлены были и другие условия: отозвать Сапегу от «вора», помогать москвичам против самозванца, а по освобождению столицы — от «воровского» войска. Жолкевский должен был также

оставить город и ждать в Можайске окончания переговоров с королем. По договору Марина Мнишек должна была уехать в Польшу и не предъявлять никаких прав на московский престол. Все города Московского государства, занятые поляками и «ворами», должны быть освобождены. О вознаграждении короля и его войска за военные издержки предусматривалось переговорить московским послам с самим Сигизмундом. Жолкевский обещал написать королю и просить его снять осаду Смоленска.

27 августа москвичи торжественно присягнули королевичу Владиславу. В двух богато убранных шатрах, поставленных на середине дороги между польским станом и Москвой, в первый день присягнуло десять тысяч человек. Жолкевский от имени Владислава присягнул в соблюдении условий договора. На следующий день люди присягали в Успенском соборе в присутствии патриарха Гермогена. По городам разосланы были грамоты с приказом присягать королевичу Владиславу. Члены Семибоярщины писали в этих грамотах, что так как советные люди из разных городов не приехали на Земский собор, то Москва присягнула Владиславу на том, чтоб ему быть государем в православной вере греческого закона.

Однако слишком многие знали, что вопрос о принятии православия королевичем еще не решен. В результате вопрос о вере Владислава стал самым сильным козырем Тушинского вора в борьбе с Семибоярщиной.

Большинство городов повиновалось Москве и присягнуло Владиславу. Суздаль, Владимир, Юрьев, Галич и Ростов стали тайно ссылаться с Лжедмитрием II, желая перейти на его сторону, поскольку речь пошла о вере, и многие предпочли покориться тому, кто называл себя царевичем Дмитрием, сыном Ивана Грозного, чем католику Владиславу.

Через два дня после присяги к Жолкевскому изпод Смоленска приехал с письмом от короля Федор

Андронов. В письме король требовал, чтобы Московское государство было подчинено ему, а не сыну. Потом приехал Гонсевский с подробными инструкциями от Сигизмунда. Но увидев положение дел, Гонсевский счел невозможным нарушить договор и исполнить наказ короля, одно имя которого было ненавистно москвичам. Жолкевский решил не говорить ничего боярам о намерении Сигизмунда, а пока во исполнение условия договора отвести войска Петра Сапеги от Москвы. Гетман предложил Сапеге уговорить Тушинского вора присягнуть Сигизмунду, за что обещал выпросить для Сапегы Самбор или Гродно в кормление. Если же самозванец не согласится, то Сапега должен был выдать его Жолкевскому, а в крайнем случае отступить от него. Сапега был не против выполнения требований гетмана, но большинство рыцарства воспротивилось.

Жолкевскому пришлось припугнуть «сапеженцев». На рассвете 27 августа его войска окружили стан Сапег. На помощь Жолкевскому прибыл князь Мстиславский с 15-тысячным войском. Князь Мстиславский, первый боярин Московского государства, поступил под начальство коронного гетмана польского! В конце концов Жолкевскому удалось заставить «вора» бежать из-под Москвы в Калугу.

Отгнав Тушинского вора от Москвы, гетман стал настаивать на быстрейшей отправке послов к королю, что давало ему повод удалить из Москвы людей, способных стать претендентами на московский престол. Так, Жолкевскому удалось уговорить Василия Васильевича Голицына возглавить посольство. Гетман льстил ему, говоря, что такое важное дело должно быть совершенно именно таким знаменитым человеком, как Голицын, и уверял его, что это посольство даст ему удобный случай к приобретению особенной милости короля и королевича. Следующим наиболее вероятным кандидатом Жолкевский считал

стольника Михаила Федоровича Романова, но тому было 14 лет, и по московским обычаям того времени Михаил никак не мог быть включен в посольство. Тогда гетман постарался, чтобы духовенство в посольстве представлял его отец Филарет. Таким образом, Жолкевский получал двойную выгоду, удаляя из Москвы опытного интригана и главу клана Романовых, который в стане короля стал бы заложником на случай, если Михаила попытаются избрать на царство. Между московским и тушинским патриархами еще с 1606 года установились напряженные отношения, и Гермоген с удовольствием включил Филарета в посольство. Хотел ли ехать сам Филарет? Увы, мы никогда не узнаем ответа на этот вопрос. С момента отречения Шуйского от престола Филарет вел двойную игру. Внешне он был сторонником Владислава, а втихомолку пытался посадить на престол сына. Во всяком случае, и Филарет, и Михаил, как положено, целовали крест королевичу Владиславу, что дало повод через четверть века польскому королю Владиславу IV справляться у русских послов о здоровье «нашего подданного Михаила Романова».

Удаливши Голицына и Филарета, Жолкевский распорядился и насчет Василия Ивановича Шуйского, который так же был опасен, так как Гермоген не признал его пострижения. По настоянию гетмана бояре отправили бывшего царя в волоколамский Иосифо-Волоцкий монастырь, а его братьев — в Белую, откуда удобнее было переправить их в Польшу. Гермоген, кажется, догадывался о намерениях Жолкевского и добивался переправки Шуйского в Соловецкий монастырь, но гетман не согласился. Царицу Марию отправили в Суздаль в Покровский монастырь.

Василий Голицын и Филарет возглавили посольство. В его состав вошли окольный князь Мезецкий, думный дворянин Сукин, думный дьяк Томила Луговский, дьяк Сыдавный-Васильев; из духовных

лиц — спасский архимандрит Евфимий, троицкий келарь Авраамий Палицын и другие. Всего в посольстве было 1246 человек.

Послы должны были потребовать у Сигизмунда, чтобы Владислав принял православие в Смоленске от Филарета и смоленского архиепископа Сергия и явился в Москву уже православным человеком. Владислав, будучи на престоле, не должен сноситься с папой по делам веры, а только о государственных делах. Если кто из людей Московского государства захочет по своему недоумию отступить от православной веры, того казнить смертью, таким образом, категорически исключалась возможность унии. Послы также должны были требовать, чтобы королевич взял с собой из Польши лишь небольшое число необходимых ему людей; прежнего титула московских государей не изменять; жениться Владиславу на девице православной веры; города, занятые поляками и «ворами», очистить, как было до Смуты и как уже договорено с гетманом.

Таким образом, формальное возведение Владислава на престол могло стать благом для Московского государства. Естественно, что отпрыск королевского дома пользовался бы большим авторитетом в стране, чем, скажем, Василий Васильевич Голицын или кто-либо из Романовых, еще недавно пресмыкавшиеся перед Иваном Грозным и называвшие себя его холопами. Да и с точки зрения происхождения десятки князей Рюриковичей имели приоритет над Гедиминовичем Голицыным, не говоря уж о беспородных Романовых. Наконец, Владислав имел наследственные права не столько на польский престол, где короля выбирали паны, сколько на престол шведский.

Призвать иностранного монарха на престол в Западной Европе было обычным делом. К примеру, через 100 лет внук французского короля Людовика XIV Филипп стал королем Испании и основателем

династии испанских Бурбонов. Да и у нас призвали норманна Рюрика и с барабанным боем втащили на престол ангальт-цербскую принцессу Фике, ставшую императрицей Екатериной Великой.

Но фактически все мечты московских бояр о ручном короле Владиславе были химерой. Сигизмунду Владислав нужен был как дымовая завеса, чтобы самому овладеть московским престолом. Условия бояр были хороши, логичны и справедливы, но за ними не было «больших батальонов», как говорил Бонапарт. Со стороны Сигизмунда была большая ложь и вероломство, но и «батальоны» у него были. Точнее, он считал, что они есть. Переговоры под Смоленском, естественно, зашли в тупик. Король не соглашался на переход сына в православие и вообще не хотел отпускать его в Москву.

Ситуация сложилась крайне сложная и запутанная. Польские магнаты отказались помочь Сигизмунду войсками и деньгами в походе на Москву. Чтобы заплатить наемникам, стоявшим под Москвой, король был вынужден в феврале 1610 года продать или заложить свои драгоценности. Смоленск же продолжал успешно защищаться. Тушинский вор отошел от Москвы и укрепился в Калуге. Его признало еще несколько русских городов.

По всей России бродили остатки тушинской армии, опустошавшие страну. Наиболее крупными отрядами казаков и поляков предводительствовали пан Александр Лисовский и стольник Андрей Просовецкий, которые вообще никому не подчинялись.

Между тем шведы, убежавшие из-под Клушина, и новые отряды, прибывшие из Выборга, попытались захватить северные русские крепости Ладогу⁹⁰ и Орешек, но были отбиты их гарнизонами. Шведы контролировали только город Корелу. Кроме того, им удалось захватить участки побережья на Баренцевом и Белом морях, включая Колу. В марте 1611

года войска Делаярди подошли к Новгороду и стали в семи верстах у Хутынского монастыря.

В сложившейся ситуации московская знать опасалась, и, надо сказать, не без оснований, бунта горожан в пользу Тушинского вора, как это произошло в других городах. Чтобы сохранить свою власть и богатство, бояре стали предлагать Жолкевскому ввести войска в Москву. Как писал Р. Г. Скрынников, «инициативу приглашения наемных сил в Кремль взяли на себя Мстиславский и Иван Никитич Романов». А гетман... отказал им. Опытный полководец резонно заметил боярам: «Москва — город большой, людной, почти все жители Московского государства сходятся в Кремль по делам судным, здесь все разряды. Я должен стать в самом Кремле, вы другие — в Китай-городе, остальные — в Белом. Но в Кремле собирается всегда множество народа, бывает там иногда по пятнадцати и по двадцати тысяч, им ничего не будет стоять, выбравши удобное время, истребить меня там. Пехоты у меня нет, вы люди до пешего бою неспособные, а у них в руках ворота». Жолкевский привел в пример Лжедмитрия I, убитого народом, и погибших вместе с ним поляков и заключил: «Мне кажется гораздо лучше разместить войско по слободам около столицы, которая будет таким образом как будто в осаде». Москва издавна была опоясана монастырями, которые представляли собой как бы маленькие крепости. Жолкевский хотел занять несколько монастырей, включая Новодевичий, который имел важное стратегическое значение.

План Жолкевского был безупречен в военном отношении, но гетман не учел менталитета ни русских, ни поляков. Для русских появление поляков в женском Новодевичьем монастыре было кощунством, а полякам страшно хотелось пограбить Москву. Так, полк Заборовского, состоявший из тушинских поляков, был готов взбунтоваться, если его не пустят в

Москву. Рыцарство Заборовского считало, что если Москва будет в их руках, то и царская казна будет у них же. Депутат Заборовского полка пан Мархоцкий потребовал у гетмана ввода войск в Москву. Гетман в бешенстве отвечал Мархоцкому: «Я не вижу того, что ваша милость видите: так будьте гетманом, сдаю вам начальство!» На что Мархоцкий сказал: «Я начальства не хочу, но утверждаю одно, что если вы войска в столице не поставите, то не пройдет трех недель, как Москва изменит. А от полка своего я объявляю, что мы других еще три года под Москвою стоять не намерены». Встретив противодействие московских бояр и собственных солдат, Жолкевскому пришлось отказаться от своего плана и согласиться на ввод войск в Москву.

Мстиславскому, Романову и их сообщникам не сразу удалось осуществить свое намерение. Когда по их приглашению в Кремль прибыл полковник Гонсевский и русские приставы повели его осматривать места расквартирования рот, москвичи заподозрили неладное и ударили в набат. Вооружившись чем попало, народ бросился в Кремль. Гонсевскому пришлось срочно ретироваться.

Слухи о вводе полков дошли и до патриарха. Гермоген решил созвать собор по этому поводу. У патриарха собралось множество дворян, купцов, стрельцов и посадских людей. Патриарх дважды посылал за боярами, но они не явились, ссылаясь на занятость государственными делами. Тогда Гермоген велел передать боярам, что если они не хотят прийти к нему, то он сам пойдет к ним, и не один, а со всем московским народом. Бояре испугались, пошли к патриарху и два часа уговаривали его. Гермоген объяснял боярам, что гетман нарушает условия договора, не отправляет войска в Калугу против «вора», свои полки хочет ввести в Москву, а русское войско выслать против шведов. Бояре же утверждали, что ввод польского войска в Москву

необходим, иначе чернь предаст ее «вору». Иван Никитич Романов сказал патриарху, что если Жолкевский отойдет от Москвы, то всем боярам, спасая свои жизни, придется идти за ним, и тогда Москва достанется «вору», и Гермоген будет в ответе за это. Однако патриарх продолжал стоять на своем. Наконец Мстиславский грубо закричал на Гермогена: «Нечего попам мешаться в государственные дела!» Бояре Салтыков, Шереметев, Андрей Голицын и дьяк Грамотин выехали к толпе народа и начали уговаривать людей не поднимать мятеж. В конце концов толпа разошлась.

В ночь с 20 на 21 сентября польские войска тихо вошли в Москву. Часть поляков вместе с Жолкевским разместились в Кремле, остальные заняли Китай-город, Белый город и Новодевичий монастырь. Чтобы обеспечить коммуникации с Польшей, по приказу гетмана полки заняли города Можайск, Борисово Городище и Верею.

Военный аспект оккупации разрешился довольно легко. Зато возникла проблема верховной власти. Формально считалось, что Владислав уже царствует. В церквах попы возносили молитвы за его здравие. От его имени вершили суд. В Москве чеканили монеты и медали с его именем и профилем. К Владиславу под Смоленск отправлялись запросы по политическим и хозяйственным делам, жалобы, челобитные с просьбами о предоставлении поместий и т. п. Ответы приходили довольно быстро, щедро раздавались чины и поместья. Однако подписаны они были не Владиславом, а Сигизмундом. Чтобы не смущать население, бояре обратились к королю с просьбой, чтобы под грамотами стояла подпись Владислава. И действительно, с начала 1611 года в грамотах появляется «Царь и Великий князь Владислав», но его подпись стояла после подписи короля Сигизмунда. Таким образом, Сигизмунд стал не только фактическим, но и почти официальным правителем Руси.

Первым из поляков, понявшим, что русский народ никогда не примет Сигизмунда, стал Жолкевский. Он шел в Москву, чтобы сделать русским царем Владислава. Если бы Владислав принял православие, женился на русской боярышне, то его сын вырос бы русским человеком, и вполне вероятно, что шведская династия на сотни лет прижилась бы на Руси (Сигизмунд был этническим шведом, а не поляком). Но претензии Сигизмунда на московский трон заведомо обрекали семитысячный отряд поляков на гибель. Во всем польском войске это понимал лишь Жолкевский. Как мы уже знаем, буйные паны влезли в Москву вопреки воле гетмана. Теперь ему ничего не оставалось, как уехать. В начале октября 1610 года Жолкевский покинул Москву. Прощаясь с войском, он сказал: «Король не отпустит Владислава в Москву, если я немедленно не вернусь под Смоленск». По приказу короля Жолкевский взял с собой бывшего царя Василия и его братьев Дмитрия и Ивана Шуйских. Вместо себя Жолкевский оставил Александра Гонсевского, который незадолго до этого сам себя произвел в русские бояре.

А теперь мы вернемся к «великому» посольству, отправившемуся к королю, во главе которого были князь Голицын и митрополит Филарет. Посольство двигалось медленно и лишь 7 октября 1610 года прибыло под Смоленск. Поляки приняли посольство «с честью» и отвели 14 патров за версту от королевского стана. Кормили послов поляки плохо, а на жалобы отвечали, что «король не в своей земле, а на войне, и взять ему самому негде». Видимо, в этом ляхи были правы.

10 октября король дал аудиенцию послам, которые просили Сигизмунда отпустить своего сына на московское царство. Канцлер Лев Сапега от имени короля отвечал послам в расплывчатых выражениях, что король-де желает спокойствия в Московском государстве и назначит время для переговоров. А в это

время в королевском совете спорили, отпускать ли Владислава в Москву или нет. Сначала Лев Сапега, уже не надеясь взять Смоленск, был на стороне тех, кто соглашался отпустить королевича в Москву, но вскоре изменил свое мнение. Особенно повлияло на Сапегу письмо королевы Констанции, которая писала: «Ты начинаешь терять надежду на возможность взять Смоленск и советуешь королю на время отложить осаду: заклиная тебя, чтоб ты такого совета не подавал, а вместе с другими сенаторами настаивал на продолжении осады: здесь дело идет о чести не только королевской, но и целого войска». После этого канцлер заявил на королевском совете, что присяга, данная москвичами Владиславу, подозрительна. Не хотят ли русские только выиграть время? Что от этой присяги для Польши больше вреда, чем пользы, что ради сомнительных выгод надо с позором уйти из-под Смоленска и оставить надежду на приобретение Речи Посполитой Смоленской и Северской областей.

Противники Сапеги выдвигали контраргументы, что король обещал прислать Владислава, а гетман с войском присягнули. Нельзя сделать клятвопреступниками короля, гетмана и целое войско. Народ русский без царя быть не привык, и если им не дать королевича, ими избранного, то они обратятся к другому и будут настроены против Польши. Силой войны не кончить, потому что нет средств для этого. Если же войну не закончить, то беда ждет с двух сторон: от Москвы, так как там выберут другого государя, и от своих, недовольных неуплатой жалованья. Заплатить войску из Польши трудно, у короля нет денег. Если же королевич станет царем в Москве, то Польша приобретет доброго соседа, легко будет возвратить Лифляндию и Швецию, да и от татар будет меньше вреда. Большая часть шляхтичей могла бы переселиться в Москву, от чего в Речи Посполитой стало бы меньше бунтов, основная причина которых — бед-

ность граждан. Под гражданами королевские советники подразумевали, разумеется, не все польское население, а исключительно шляхту.

В конце концов победили противники отпуска королевича, которые рассматривали Россию как поверженную державу с неспособным на сопротивление народом. Они предлагали начать колонизацию России немедленно, «привести все дела в порядок» до приезда Владислава. Далее шли ссылки на молодость Владислава, а ему действительно было всего 15 лет, что отпускать королевича в Москву нельзя без согласия сейма. Дошло до того, что была поставлена под сомнение легитимность русского посольства. Говорили, что Голицына и Филарета выслали из Москвы как людей подозрительных и надо отправить польских послов в Москву и там вести переговоры с «добрыми людьми», но если кто из послов согласится с поляками, то его также послать в Москву.

15 октября на встрече с русскими послами пань радные заявили, что король никак не может отступить от Смоленска и вывести войско из Московского государства, так как он пришел для того, чтобы навести порядок в России, истребить «вора», очистить города, а потом дать своего сына на московский престол. Послы отвечали, что в государстве гораздо ранее настанет покой, если король выведет войско, а для истребления «вора» достаточно одного отряда Жолкевского, так как «вор» теперь силен только польскими войсками. Поход же всего королевского войска на «вора» разорит Россию, и без того уже опустошенную. Эта и последующие встречи превратились в итальянскую оперу: послы пели свою арию, а пань — свою, не слушая друг друга.

30 октября в королевский лагерь под Смоленском торжественно въехал гетман Жолкевский. Он привез сверженного царя Василия с братьями и представил их Сигизмунду. Поляки потребовали, чтобы Васи-

лий Шуйский поклонился королю, на что тот ответил: «Нельзя Московскому и всея Руси государю кланяться королю: праведными судьбами Божиими приведен я в плен не вашими руками, но выдан московскими изменниками, своими рабами».

Филарет возмутился насильственному привозу к Смоленску царя Василия и тем, что он был представлен в светском платье. Жолкевский отвечал митрополиту (посольство и поляки признавали Филарета только митрополитом, против чего он и сам не возражал): «Я взял бывшего царя не по своей воле, но по просьбе бояр, чтоб предупредить на будущее время народное смятение. К тому же он в Иосифове монастыре почти умирал с голода. А что привез я его в светском платье, то он сам не хочет быть монахом, постригли его неволею, а невольное пострижение противно и нашим и нашим церковным уставам, это и говорит патриарх». На что Филарет сказал: «Правда, бояре желали отослать князя Василия за польскою и московскою стражею в дальние крепкие монастыри, чтоб не было смуты в народе: но ты настоял, что его отослать в Иосифов монастырь. Его и братьев его отвозить в Польшу не следовало, потому что ты дал слово из Иосифова монастыря его не брать, да и в записи утверждено, что в Польшу и Литву ни одного русского человека не вывозить, не ссылатъ. Ты на том крест целовал и крестное целование нарушил. Надобно бояться Бога, а расторгать мужа с женою непригоже, а что в Иосифове монастыре его не кормили, в том виноваты ваши приставы, бояре отдали его на ваши руки».

Попытки поляков уговорить послов, чтобы те приказали воеводе М. Б. Шеину сдать Смоленск, были безрезультатны. Поэтому 21 ноября 1610 года король устроил генеральный штурм крепости. На расвете поляки взорвали мощную мину в подкопе под одной из башен. Башня развалилась, рухнула и стена длиной более 20 метров. В пролом трижды вланы-

вались поляки и трижды были выбиты из города. Штурм кончился полной неудачей.

Королю ничего не оставалось делать, как возобновить переговоры с русскими послами. Однако ни та, ни другая сторона не хотела уступать. Царские историки любили превозносить твердость русских послов, особенно Филарета. На самом же деле они и так уступили гораздо больше, чем хотели. Капитуляция же перед Сигизмундом немедленно сделала бы Голицына и Филарета политическими трупами и, возможно, обрекла бы на гибель их родственников, оставшихся в России. Так что послы радели не о государстве, а о собственной шкуре.

С декабря 1610 года посольство стало разваливаться. Второстепенные члены посольства, в отличие от Голицына и Филарета, не претендовали на ведущие посты в государстве, их вполне удовлетворяли поместья и деньги, предлагаемые поляками. Думный дворянин Сукин, дьяк Сыдавный Васильев, спасский архимандрит, троцкий келарь Авраамий и другие дворяне, взяв от короля грамоты на поместья и другие пожалованья, разъехались по городам без санкции руководителей посольства. Всего уехало 43 человека, а Захар Ляпунов открыто переметнулся к полякам.

11 декабря 1610 года Тушинский вор был убит на охоте своей татарской охраной. Так татары отомстили самозванцу за расправу над касимовским ханом Ураз Махметом.

Смерть столь ничтожной личности, как Тушинский вор, имела огромное политическое значение. Теперь единственным реальным претендентом на московский престол был королевич Владислав. Однако его еще никто из русских в глаза не видел. Все грамоты от его имени писал отец. Король Сигизмунд не позволял Владиславу принять православие. Переговоры под Смоленском зашли в тупик. С гибелью Ижедмитрия II теряло всякий смысл пребывание королевских войск в

России. Ведь король-то пришел якобы наводить порядок, и Жолкевского бояре зазвали в Москву, чтобы тот спас их от Тушинского вора. Теперь «вор» мертв, большая часть его воинства разбежалась. «Воренка» Ивана, лежащего в пеленках, никто всерьез не принимал.

С момента гибели «вора» изменился характер войны в России. До этого шла гражданская война, в которую на первом этапе вмешались польские паны, а на втором — польский и шведский короли. На третьем же этапе война становится национально-освободительной, одной из важнейших составляющих которой была борьба православия против католицизма.

К концу декабря 1610 года неформальным лидером сопротивления полякам стал патриарх Гермоген. Он рассылал по городам грамоты, в которых объяснял измену короля Сигизмунда, разрешал народ от присяги Владиславу и просил горожан, чтобы они, не мешкая, по зимнему пути, «собирався все в збор со всеми городаы, шли к Москве на литовских людей».

Первый раз такую грамоту Гонсевский перехватил на Святках 1610 года. Затем полякам попадали в руки списки с этих грамот, датированные 8 и 9 января 1611 года. Эти грамоты были отправлены Гермогеном в Нижний Новгород с Василием Чартовым и к Просовецкому в Суздаль или Владимир.

О настроениях в русских городах свидетельствует письма соловецкого игумена Антония к шведскому королю Карлу IX: «Божиею милостию в Московском государстве святейший патриарх, бояре и изо всех городов люди ссылаются, на совет к Москве сходятся, советуют и стоят единомышленно на литовских людей, и хотят выбирать на Московское государство царя из своих прирожденных бояр, кого Бог изволит, а иных земель инородцев никого не хотят. И у нас в Соловецком монастыре и в Сумском остроге, и во всей Поморской области тот же совет единомышленный: не хотим никого иноверцев на Московское

государство царем, кроме своих прирожденных бояр Московского государства».

Активно выступило против поляков население Нижнего Новгорода, Ярославля, Костромы, Перми и других городов. В Новгороде Великом горожане по призыву своего митрополита Исидора крест целовали помогать Московскому государству в борьбе с «разорителями православной веры». А воевод — сторонников Владислава, Ивана Салтыкова и Корнилу Чоголокова — новгородцы посадили в тюрьму «за многие неправды и злохитрство».

В январе 1611 года знакомый нам Прокопий Ляпунов поднял Рязань против поляков. Как уже говорилось, Ляпуновы после свержения Шуйского стали сторонниками Владислава. Захар Ляпунов ездил с посольством к королю Сигизмунду. А Прокопий Ляпунов в октябре 1610 года взял город Пронск у Тушинского вора и заставил его жителей присягнуть Владиславу. Теперь же Прокопий решительно выступал против поляков.

Идти на Москву с одними рязанцами, да еще имея в тылу остатки тушинского воинства, было опасно. И Прокопий Ляпунов делает удачный тактический ход. Он вступает в союз с этим воинством. Увы, этот тактический успех приведет первое ополчение к стратегической неудаче и будет стоить жизни самому Прокопию. В феврале 1611 года Прокопий отправляет в Калугу своего племянника Федора Ляпунова. Переговоры Федора с тушинцами приносят успех. Новые союзники выработали общий план действий: «Приговор всей земле: сходиться в дву городех, на Коломне да в Серпухов». В Коломне должны были собраться городские дружины из Рязани, с нижней Оки и с Клязьмы, а в Серпухове — старые тушинские отряды из Калуги, Тулы и северских городов.

Так начало формироваться земское ополчение, которое позже получило название первого ополче-

ния. Помимо рязанцев Ляпунова к ополчению прикнули жители Муром в главе с князем Василием Федоровичем Литвиным-Мосальским, Суздаля с воеводой Артемием Измайловым, из Вологды и поморских земель с воеводой Нащекиным, из Галицкой земли с воеводой Петром Ивановичем Мансуровым, из Ярославля и Костромы с воеводой Иваном Ивановичем Волынским и князем Волконским и другие.

Тем не менее этих ратников Ляпунову показалось мало, и он рьяно стал собирать под свои знамена не только казаков, но и всякий сброд. Ляпунов писал: «А которые казаки с Волги и из иных мест придут к нам к Москве в помощь, и им будет все жалованье и порох и свинец. А которые боярские люди, и крепостные и старинные, и те б шли безо всякого сумнения и боязни: всем им воля и жалованье будет, как и иным казакам, и грамоты, им от бояр и воевод и ото всей земли приговору своего дадут».

В декабре 1610 года боярин Михаил Глебович Салтыков и пропольски настроенная знать предложили Боярской думе написать грамоту Сигизмунду под Смоленск, чтобы тот отпустил Владислава в Москву. Русским послам в польском стане приписывалось «отдаться во всем на волю королевскую». В отдельной же грамоте к Ляпунову содержался призыв распустить ополчение. Бояре грамоты написали и понесли их на утверждение к патриарху, но Гермоген сказал им: «Стану писать к королю грамоты и духовным всем властям велю руки приложить, если король даст сына на Московское государство, крестится королевич в православную христианскую веру и литовские люди выйдут из Москвы. А что положить на королевскую волю, то это ведомое дело, что нам целовать крест самому королю, а не королевичу, и я таких грамот не благословляю вам писать и проклиная того, кто писать их будет, а к Прокофью Ляпунову напишу, что если королевич на Московское госу-

дарство не будет, в православную христианскую веру не крестится и литвы из Московского государства не выведет, то благословляю всех, кто королевичу крест целовал, идти под Москву и помереть всем за православную веру».

По словам летописца, Салтыков стал кричать на Гермогена, достал нож и хотел его зарезать, но патриарх, осенив Салтыкова крестным знаменем, сказал: «Крестное знамение да будет против твоего окаянного ножа, будь ты проклят в сем веке и в будущем».

Грамоты пришлось отправить без подписи патриарха. Находившихся под стражей князей Ивана Михайловича Воротынского и Андрея Васильевича Голицына силой заставили их подписать.

Грамоты доставили под Смоленск 23 декабря. На следующий день их принесли послам с требованием немедленно исполнить боярский приказ и угрозами в случае неповиновения. Филарет, прочтя грамоты, отвечал: «Отправлены мы от патриарха, всего освященного собора, от бояр, от всех чинов и от всей земли, а эти грамоты писаны без согласия патриарха и освященного собора, и без ведома всей земли: как же нам их слушать? И пишется в них о деле духовном, о крестном целовании смолян королю и королевичу. Тем больше без патриарха нам ничего сделать нельзя». Все остальные члены русского посольства согласились с Филаретом.

27 декабря послы были вызваны к радным панам, которые объявили русским о смерти самозванца в Калуге. Послы встали и с поклоном поблагодарили за эту новость. Паны с насмешкой спросили: «Теперь что вы скажете о боярской грамоте?» Голицын ответил, что посольство представляет не одних только бояр, и отчет послы должны будут давать не одним боярам, а в первую очередь патриарху и духовным властям, а потом боярам и всей земле, а грамоты написаны от одних только бояр, да и то не от всех. Таким образом, рус-

ские послы категорически отказались выполнять салтыковские инструкции.

23 января 1611 года в стан к королю приехал Иван Никитич Салтыков. Он привез новые грамоты послам и жителям Смоленска. В грамотах не было ничего нового, они повторяли старые требования отдаться на «всю волю королевскую». Однако послы быстро смекнули, что Салтыков представляет не русское государство, а самого себя и поляков Гонсевского, и заявили, что отказываются выполнять инструкции без подписи патриарха.

Поляки послали Салтыкова уговаривать смолян. Но представители осажденных прямо заявили Салтыкову, что если еще кто посмеет явиться к ним с подобными «воровскими» грамотами — будет застрелен, а говорить смоляне будут только с послами от всего Московского государства, находящимися при короле. В ответ на нажим поляков на посольство Филарет сказал: «Если вы увидели в нас неправду, то королю бы пожаловать отпустить нас в Москву, а на наше место велеть выбрать других». Но поляки не захотели отпустить послов, которые теперь стали их заложниками.

Между тем, говоря о Филарете, мы забыли об остальных Романовых. Но, увы, сказать о них практически нечего. После распада тушинского двора Иван Никитич, инокиня Марфа и стольник Миша переехали в Москву. Иван Никитич еще пытался играть какую-то политическую роль, но и он вскоре стал фактически пленником поляков, осажденных в Кремле. 19 марта 1611 года все Романовы тихо сидели на своих дворах в Белом городе, когда поляки избивали горожан и жгли столицу.

8 апреля 1611 года русские послы Филарет и князь Голицын были вызваны к канцлеру Сапеге, который объявил им, что «во вторник на Страстной неделе русские люди начали собираться на бой, королевские вышли к ним навстречу, сожгли город и мно-

го христианской крови пролилось с обеих сторон». Еще канцлер добавил, что патриарх Гермоген за подстрекательство к восстанию взят под стражу и содержится на подворье Кирилло-Белозерского монастыря в Кремле. Послов это сильно огорчило, а Филарет сказал: «Это случилось за грехи всего православного христианства, а отчего случилось и кто на такое разорение промыслил, тому Бог не потерпит и во всех государствах такое немилосердие отзовется. Припомните наши слова, мы на всех съездах говорили, чтоб королевское величество велел все статьи утвердить по своему обещанию и по договору, иначе людям будет сомнение и скорбь. Так и случилось. Так хотя бы теперь королевское величество смиловался, а вы бы, пань радные, о том порадили, чтоб кровь христианскую унять, и все бы люди получили покой и тишину».

Сапега ответил, что король именно за тем и пришел в Московское государство, чтобы его успокоить, но русские сами во всем виноваты, поляки же сами были бы все уничтожены, если бы не сожгли Москву, и добавил: «Но скажите, как этому злу помочь и кровь унять?»

Послы ответили: «Теперь мы и сами не знаем, что делать. Посланы мы от всей земли, и, во-первых, от патриарха, но слышим от вас, что этот начальный наш человек теперь у вас под стражею, Московского государства бояре и всякие люди пришли под Москву и с королевскими людьми бьются. Кто мы теперь такие, от кого послы — не знаем; кто нас отпускал, те, как вы говорите, умышляют противное нашему посольству. И с Смоленском теперь не знаем, что делать, потому что если смольняне узнают, что королевские люди, которых москвичи впустили к себе, Москву выжгли, то побоятся, чтоб и с ними того же не случилось, когда они впустят к себе королевских людей».

Сапега отвечал: «Что сделалось в Москве, об этом говорить нечего: говорите, что делать вперед?»

Тогда послы сказали: «Другого средства поправить дело нет, как то, чтоб король наши статьи о Смоленске подтвердил и время своего отступления в Польшу именно назначил на письме, за вашими сенаторскими руками. А мы об этой королевской милости дадим знать в Москву патриарху, боярам и всем людям Московского государства, напишем и тем, которые теперь пришли под Москву, чтоб они унялись и с королевскими людьми не бились и чтоб из Москвы к нам как можно скорее отписали и прислали людей изо всех чинов». Сапега согласился, но потребовал, чтобы договор о Смоленске был заключен немедленно и сразу же в город были впущены королевские войска. Но послы возразили, что, не получив ответа из Москвы, смоляне на это не согласятся. Тогда канцлер велел послам написать две грамоты: одну в Москву к патриарху и боярам, другую в ополчение к Ляпунову.

На следующий день Луговский принес эти грамоты к Сапеге, а тот спросил: «Хотите ли теперь же впустить в Смоленск людей королевских?» Луговский ответил, что решено ждать ответа из Москвы. «Когда так, то вас всех пошлют в Вильну», — пригрозил Сапега. «Надобно кровь христианскую унять, а Польшею нас стращать нечего: Польшу мы знаем», — был ответ Луговского.

12 апреля послам объявили, что на следующий день их отправят в Польшу. Напрасно Филарет и Голицын объясняли, что у них нет инструкций ехать в Польшу и даже нет средств на это путешествие. Рано утром им было велено садиться на речные суда. Когда русские стали садиться на суда, польская охрана перебила всех слуг и захватила все посольское имущество. Послы на трех судах под конвоем были отправлены вниз по Днепру. Первоначально русские послы были заключены во владениях пана Жолкевского в местечке Каменки, а когда поляки сдались в

Москве, Филарета и Голицына отправили подальше в замок Мальборг (Мариенбург).

Вновь на полтора года семейство Романовых оказывается вне игры. Следующее явление Романовых на исторической сцене произошло 26 октября 1612 года, когда поляки отворили Троицкие ворота Кремля, и на Каменный мост вышли бояре и другие москвичи, сидевшие в осаде вместе с поляками. Впереди процессии шел Федор Иванович Мстиславский, за ним — Иван Михайлович Воротынский, Иван Никитич Романов с племянником Михаилом и его матерью Марфой. Казаки попытались напасть и как минимум ограбить бояр, но Пожарский с дворянами силой оружия удержали казаков и заставили убраться в их табор.

Освобождение Москвы и отступление короля Сигизмунда дало возможность московскому правительству заняться созывом собора для избрания царя. В ноябре 1612 года по всем городам были разосланы грамоты с приказом выслать выборных людей в Москву. В грамотах говорилось: «Москва от польских и литовских людей очищена, церкви Божии в прежнюю лепоту облеклись и Божие имя славится в них по-прежнему; но без государя Московскому государству стоять нельзя, печься об нем и людьми Божиими промыслять некому, без государя вдосталь Московское государство разорят все: без государя государство ничем не стоит и воровскими заводами на многие части разделяется и воровство много множится».

Заседания собора начались 6 декабря 1612 года, хотя к тому времени в Москву прибыли лишь немногие выборные. Ход же заседаний собора уже три столетия вызывает споры историков. Официальные царские историки описывали елейную историю, как весь собор, умиляясь, избрал на царство Михаила Романова. Любые иные версии в XIX веке грозили Сибирью. В XX веке у историков-монархистов в эмиграции не было цензуры, но они так соскучились по

сусальным картинкам «а-ля святая Русь», что с восторгом повторяли сказки XIX века.

Что же касается «прогрессивных» историков конца XIX — начала XX века, то их в основном мало интересовали подробности собора. В своих политических интересах они выпячивали сам факт созыва собора и то, что царь Михаил обещал править, в дальнейшем опираясь на волю последующих соборов. Таким образом обосновывалась утопическая идея проведения государственных соборов в России второй половины XIX века — начала XX века.

Официальная версия событий хорошо изложена у Соловьева: «Прежде всего стали рассуждать о том, выбирать из иностранных королевских домов или своего природного русского, и порешили «литовского и шведского короля и их детей и иных немецких вер и некоторых государств иноязычных не христианской веры греческого закона на Владимирское и Московское государство не избирать, и Маринки и сына ее на государство не хотеть, потому что польского и немецкого короля видели на себе неправду и крестное преступление и мирное нарушение: литовский король Великий Новгород взял обманом». Стали выбирать своих: тут начались козни, смуты и волнения; всякий хотел по своей мысли делать, всякий хотел своего, некоторые хотели и сами престола, подкупали и засылали; образовывали стороны, но ни одна из них не брала верх. Однажды, говорит хронограф, какой-то дворянин из Галича принес на собор письменное мнение, в котором говорилось, что ближе всех по родству с прежними царями был Михаил Федорович Романов, его и надобно избрать в цари. Раздались голоса недовольных: «Кто принес такую грамоту, кто, откуда?» В то время выходит донской атаман и также подает письменное мнение. «Что это ты подал, атаман?» — спросил его князь Дмитрий Михайлович Пожарский. «О природном царе Михаиле Федоровиче», — отвечал

атаман. Одинакое мнение, поданное дворянином и донским атаманом, решило дело: Михаил Федорович был провозглашен царем».

Русские самодержцы были вольны уничтожать свои архивы. Но существуют и архивы других государств. Вот, к примеру, протоколы допроса стольника Ивана Чепчугова и дворян Н. Пушкина и Ф. Дурова, попавших в 1614 году в плен к шведам. Пленников допрашивали каждого в отдельности, поочередно, и их рассказы о казацком перевороте совпали между собой во всех деталях: «Казаки и чернь не отходили от Кремля, пока дума и земские чины в тот же день не присягнули Михаилу Романову». Подобное говорили и дворяне, попавшие в плен к полякам. Польский канцлер Лев Сапега прямо заявил пленному Филарету Романову: «Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки».

13 апреля 1613 года шведский разведчик доносил из Москвы, что казаки избрали Михаила Романова против воли бояр, принудив Пожарского и Трубецкого дать согласие после осады их дворов. Французский капитан Маржерет, служивший в России со времен Годунова, в 1613 году в письме к английскому королю Якову I подчеркивал, что казаки выбрали «этого ребенка», чтобы манипулировать им.

Фактически в Москве и не было правомочного Земского собора. По официальной версии 14 апреля 1613 года собор постановил составить утвержденную грамоту об избрании царем Михаила Романова. Об этой грамоте хорошо сказал профессор Р.Г. Скрынников: «За образец дьяки взяли годуновскую грамоту. Нимало не заботясь об истине, они списывали ее целыми страницами, вкладывали в уста Михаила слова Бориса к собору, заставляли инок Марфу Романову повторять речи иноки Александры Годуновой. Сцену народного избрания Бориса на Новодевичьем поле они воспроизвели целиком, перенесли ее

под стены Ипатьевского монастыря. Обосновывая права Романовых на трон, дьяки утверждали, будто царь Федор перед кончиной завещал корону братаничу Федору Романову. Старая ложь возведена была теперь в ранг официальной доктрины»⁹¹.

Чтобы убедиться, что избирательная грамота является фальшивкой, достаточно взглянуть на подписи под ней. Грамота помечена маем 1613 года, но в грамоте боярами названы Дмитрий Пожарский, И. Б. Черкасский, И. Н. Одоевский и Б. М. Салтыков, а между тем первые два получили боярство 11 июля 1613 года, а два последних — в декабре 1613 года. Формально грамоту подписали представители от 50 городов и уездов, многие города подписаны одним человеком, хорошо еще, если дворянином, а то и посадским человеком. Кузьма Минин — исключение в XVII веке, в то время ни один город не послал бы от себя выбирать царя одного посадского человека.

Попробуем на секунду задуматься — как могли выбрать на престол в такой сложный момент 16-летнего юношу? Мне могут возразить, что Александр Невский разбил шведов на Неве, будучи 19 лет от роду, а через два года побил немцев на Чудском озере. На том же озере дрался и его младший брат Андрей, которому было 12–14 лет. И не просто дрался, а командовал собственной суздальской дружиной, которая по некоторым данным и решила исход битвы. Младший лейтенант Бонапарт в 16–17 лет писал трактаты по баллистике и штудировал кодекс Юстиниана. Но Михаил Романов не был ни Александром Невским, ни Бонапартом. Свои детские и отроческие годы он провел в ссылке в глухом селе в окружении двух теток, не считая крестьян. Потом Гришка Отрепьев вызвал девятилетнего отрока в Москву и произвел в стольники. Но и это ничего не изменило. Последние семь лет он безвылазно провел в Москве на своем подворье. Неужто за 388 лет десятки ученых,

изучавших Смутное время, не смогли найти не только ни одного поступка, но и ни одного слова, произнесенного стольником Михаилом Романовым? Увы, это был недалекий мальчик, который наблюдал за ходом российской истории из окна своего терема и покидал его, лишь отправляясь в церковь и в редких случаях для присутствия на официальных церемониях. Эдакая помесь русского недоросля Митрофанушки с Пу-И — последним императором Поднебесной империи.

Да представьте себе 16-летнего Д'Артаньяна, Де Бражелона или Петю Ростова. Мог ли кто-нибудь из них, находясь в осажденном городе, да еще имея звание, соответствующее полковнику или даже генерал-майору, не взять в руки саблю?

К тридцати годам Михаил был настолько серьезно болен, что не мог даже самостоятельно передвигаться, но в молодости он был достаточно крепок и силен, так что в двадцать лет он увлекался охотой на лосей и на медведей. Михаил присягал королевичу Владиславу, так почему же ему, как верному подданному, не встать под знамена своего сюзерена? Почему на лихом коне не рвануться с польскими хоругвями навстречу гетману Ходкевичу? Не позволяют убеждения? Так беги же с острой саблей к Пожарскому! Благо, перебежчики, как русские, так и поляки, приходили в лагерь второго ополчения чуть ли не ежедневно. Не пускала мама, не пускали тетушки и нянечки — сиди, Миша, дома, читай Псалтырь, дави мух на окнах или иными боярскими делами занимайся.

Так может быть, избрание царем столь ничтожной личности было вызвано интересами большой политики? Как раз наоборот. Избрание Михаила ставило Россию в крайне неблагоприятное положение. Ведь Михаил юридически был подданным королевича Владислава, в отличие от Пожарского, Трубецкого и ряда других князей Рюриковичей и Гедиминовичей. В плену у поляков был митрополит Филарет — отец

Михаила, что, естественно, давало большой политический козырь полякам в борьбе с Москвой. Наконец, избрание царем Михаила надолго лишило Россию главного духовного вождя — патриарха, поскольку Михаил и его мать желали в патриархии только Филарета. И это при том, что у Владислава «в кармане» был патриарх Игнатий, принявший уже тем временем унию.

О праве крови я уже говорил. В течение 700 лет даже в самом захудалом русском княжестве правили только природные князья Рюриковичи, а в Малой и Белой Руси — Гедиминовичи. Первым исключением стал Борис Годунов, да и то если исключить его происхождение от чингизида Чета. Вторым исключением стал Михаил Романов. Это дало право любому князю Рюриковичу утверждать, что у него больше прав на престол, чем у династии Романовых. По этому поводу любил шутить вождь русских анархистов Петр Кропоткин, князь Рюрикович по происхождению, утверждавший, что у него более прав на корону, чем у Николая II. А был ли в 1613 году альтернативный кандидат на престол? К власти рвался Гедиминович Дмитрий Трубецкой. Но он был слабый политик и бездарный воевода. Если дворянство считало его казацким боярином, то казаки издевались и презирали его. Боярин Федор Мстиславский «с товарищи» был изгнан вождями ополчения из Москвы и даже не участвовал в соборе.

Интересно, что в документах начала XVII века имеются намеки на то, что царства добивался и Иван Никитич Романов. Но, как уже говорилось, главой клана был Филарет, а он недолюбливал своего брата Ивана. Видимо, родня не поддержала Ивана Никитича.

Как дореволюционные, так и советские историки утверждают, что Дмитрий Пожарский стоял в стороне от избирательной кампании начала 1613 года. Тем не менее уже после воцарения Михаила Пожарского

обвинили, что он истратил 20 тысяч рублей, «докупаясь государства». Справедливость обвинения сейчас уже нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Но трудно предположить, что лучший русский полководец и серьезный политик мог безразлично относиться к выдвижению шведского королевича или шестнадцатилетнего мальчишки, да еще из семейства, которое с 1600 года участвовало во всех интригах и поддерживало всех самозванцев. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что самым оптимальным выходом из Смуты было бы избрание государем славного воеводу, освободившего Москву и вдобавок прямого Рюриковича.

Однако против Пожарского сплотились все — и московские бояре, отсиживавшиеся в Кремле с поляками, и Трубецкой, и казаки. Серьезной ошибкой Пожарского был фактический роспуск дворянских полков второго ополчения. Часть дворян рати ушла на запад воевать с королем, а большая часть разъехалась по своим вотчинам. Причина — голод, царивший в Москве зимой 1612/13 года. Известны случаи даже смерти от голода дворян-ополченцев. Зато в Москве и Подмоскovie остались толпы казаков, по разным сведениям их было от десяти до сорока тысяч. В Москве за Яузой возник целый казацкий город — Казачья слобода. Было и еще несколько казацких таборов под Москвой. Еще раз повторю: казаков не донских, не запорожских, а местных — московских, костромских, брянских и т. д. Это были бывшие простые крестьяне, холопы, посадские люди. Возвращаться к прежним занятиям они не желали.

В конце октября 1612 года Пожарский и Трубецкой решили рассчитаться с казаками. В ходе «разбора» было отобрано одиннадцать тысяч «лучших и старших казаков», которым раздали захваченные в Москве вещи, оружие и деньги (по 8 рублей на человека). Нескольким тысячам воровских казаков, входя-

щих в различные, никому не подчинявшиеся отряды, позволили строиться и заводить хозяйство в Москве и других городах, не платя два года налогов и долгов. Однако, как писал Авраамий Палицын, «казацкого же чина воинство многочисленно тогда бысть, и в прелесть велику горше прежняго впадоша, вдавшиеся блуду, питею и зерни, и пропивши и проигравши все свои имения». То есть за несколько дней все было пропито, проиграно и прогуляно с девицами из Лоскутного ряда (аналог современной Тверской улицы в Москве). Казаки опять остались без средств. За годы Смуты они отвыкли работать, а жили разбоем и пожалованиями самозванцев. Пожарского и его дворянскую рать они люто ненавидели. Приход к власти Пожарского или даже шведского королевича для местных казаков был бы катастрофой. Например, донские казаки могли получить обильное царское жалование и с песнями уйти в свои станицы. А местным воровским казакам куда идти? Да и наследили они изрядно — не было города или деревни, где бы воровские казаки не грабили бы, не насиловали, не убивали.

Могли ли воровские казаки остаться безучастными к избранию царя? С установлением сильной власти уже не удастся грабить, а придется отвечать за содеянное. Поэтому пропаганда сторонников Романовых была для казаков поистине благой вестью. Ведь это свои люди, с которыми подавляющее большинство казаков неоднократно общалось в Тушине. Как мог Михаил Романов укорять казаков за преступления на службе у Тушинского вора? Да вместе же служили вою и выполняли приказы твоего папаша тушинского патриарха и твоих родственников тушинских бояр.

Пятьсот вооруженных казаков, сломав двери, ворвались к крутицкому митрополиту Ионе, исполнявшего в то время обязанности местоблюстителя патриарха: «Дай нам, митрополит, царя!» Дворец Пожарского и Трубецкого был окружен сотнями казаков.

Фактически в феврале 1613 года произошел государственный переворот — воровские казаки силой поставили царем Михаила Романова. Разумеется, в последующие 300 лет правления Романовых любые документы о «февральской революции 1613 года» тщательно изымались и уничтожались, а взамен придумывались сусальные сказочки типа приведенной выше сказочки С. М. Соловьева. Замечу, что версию о казачьем перевороте поддерживал не только Скрынников, но и известный специалист по истории России XVI–XVII веков А. Л. Станиславский. В его монографии «Гражданская война в России XVII в.» глава, посвященная избранию царя, называется «Михаил Романов — казачий ставленник».

После победы сторонников Романовых возник весьма забавный вопрос: а где же сами Романовы? Иван Никитич торчал под боком и все время твердил, прозрачно намекая на себя, что Романовы знатны и в родстве с царями, но Михаил-де слишком молод и неопытен и т. д. и т. п. Но его, как уже говорилось, всерьез не приняли.

На поиски Михаила Романова и его матери была снаряжена большая экспедиция под руководством архиепископа Рязанского Феодорита и родственника Михаила Федора Ивановича Шереметева. В наказе посланцам говорилось: «Ехать к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси в Ярославль или где он государь будет». Посланцы, уведомив новоизбранного царя и его мать об избрании, должны были сказать Михаилу: «Всяких чинов всякие люди бьют челом, чтоб тебе, великому государю, умильться над остатком рода христианского... и пожаловать бы тебе, великому государю, ехать на свой царский престол в Москву...» В заключение наказа говорилось: «Если государь не пожелает, станет отказываться или начнет размышлять, то бить челом и умолять его всякими обычаями, чтоб милость показал, был государем

царем и ехал в Москву вскоре: такое великое Божие дело сделалось не от людей и не его государским хотением, по избранью Бог учинил его государем. А если государь станет рассуждать об отце своем митрополите Филарете, что он теперь в Литве и ему на Московским государстве быть нельзя для того, чтоб отцу его за то какого зла не сделали, то бить челом и говорить, чтоб он государь про то не размышлял: бояре и вся земля посылают к литовскому королю, за отца его дают на обмен литовских многих лучших людей».

Послы отправились из Москвы 2 марта 1613 года. А еще ранее, 25 февраля, по русским городам были разосланы грамоты с известием об избрании Михаила: «И вам бы, господа, за государево многолетие петь молебны и быть с нами под одним кровом и державою и под высокою рукою христианского государя, царя Михаила Федоровича. А мы, всякие люди Московского государства от мала до велика и из городов выборные и невыборные люди, все обрадовались сердечною радостью, что у всех людей одна мысль в сердце вместилась — быть государем царем блаженной памяти великого государя Федора Ивановича племяннику, Михаилу Федоровичу. Бог его, государя на такой великий царский престол избрал не по чьему-либо заводу, избрал его мимо всех людей, по своей неизреченной милости. Всем людям о его избрании Бог в сердце вложил одну мысль и утверждение». Как видим, не прошло и двух недель после переворота, как началась мифологизация «февральской революции». Михаил чудесным образом стал племянником царя Федора, а Бог лично «помимо всех людей» выдвинул кандидатуру племянника в цари.

Присяга в большинстве областей России последовала быстро и без осложнений. Первыми присягнули 4 марта жители Переяславля-Рязанского.

Наконец пришло в Москву сообщение от посольства, посланного на поиски Михаила. Михаила с ма-

терью обнаружили в Костроме в Ипатьевском монастыре.

Чем занимался Михаил с матерью с начала 1613 года по 13 марта 1613 года — никому не известно. Об этом ничего не говорят ни грамоты послов, ни речи приехавших в Москву Михаила и Марфы. Но вот в начале XIX века делается сенсационное открытие — «подвиг Ивана Сусанина». Оказывается, после сдачи Москвы, но еще до 13 марта 1613 года, большой отряд поляков решил захватить в плен или убить Михаила Романова, чтобы не допустить его избрания на престол. Михаил с матерью находились в это время в Костроме или в рядом стоящем Ипатьевском монастыре, но злодеи ляхи об этом не знали.

Поляки схватили крестьянина Ивана Сусанина из села Домнино Костромского уезда, принадлежащего Романовым, и пытали его страшными пытками, заставляя рассказать, где скрывается Михаил. Сусанин знал, что он в Костроме, но не сказал и был замучен до смерти. Я пересказал версию Соловьева. Как известно, Федор Глинка пошел дальше. У него Иван Сусанин завел целый полк поляков в лес, где они и погибли от холода и голода, предварительно порубав на куски самого Сусанина. У Соловьева и Глинки Сусанин спасал царя. Посему и опера получила название «Жизнь за царя». Позже большевики решили, что мужик не должен спасать царя. Опера Глинки была переделана и переименована. В опере «Иван Сусанин» герой спасал не царя, а русский народ в лице его достойных представителей — граждан города Костромы. В 90-х годах XX века опере вернули первоначальное название, и там Сусанин опять спасает царя. В советское время вся пропагандистская шумиха с Сусаниным явно отдавала враньем. Это чувствовали даже дети. В школах большой популярностью пользовались анекдоты о Сусанине, которые были на четвертом месте после анекдотов о Василии Ивановиче, чукче и армянском радио.

На самом же деле никаких польских отрядов зимой 1612/13 года в районе Костромы не было. Миф о Сусанине был разоблачен еще в середине XIX века профессором Н. И. Костомаровым. По-видимому, крестьянин Иван Сусанин был схвачен небольшой шайкой «воров» (воровских казаков), которых немало бродило по Руси. За что же они стали его пытаться и замучили до смерти? Скорее всего «ворам» требовались деньги. Ни воровской шайке, ни даже большому польскому отряду ни Кострома, ни Ипатьевский монастырь были не по зубам. Они были обнесены мощными каменными стенами и имели десятки крепостных орудий.

Костомаров писал: «Сусанин на вопросы таких воров смело мог сказать, где находился царь, и вору остались бы в положении лисицы, поглядывающей на виноград. Но предположим, что Сусанин, по слепой преданности своему барину, не хотел ни в каком случае сказать о нем вору: кто видел, как его пытали и за что пытали? Если при этом были другие, то вору и тех бы начали тоже пытаться, и либо их, так же как Сусанина, замучили бы до смерти, либо добились бы от них, где находится царь. А если вору поймали его одного, тогда одному Богу оставалось известным, за что его замучили. Одним словом, здесь какая-то несообразность, что-то неясное, что-то неправдоподобное. Страдание Сусанина есть происшествие само по себе очень обыкновенное в то время. Тогда казаки таскались по деревням и жгли и мучили крестьян. Вероятно, разбойники, напавшие на Сусанина, были такого же рода воришки, и событие, громко прославленное впоследствии, было одним из многих в тот год. Через несколько времени зять Сусанина воспользовался им и выпросил себе обильную грамоту».

Действительно, крестьянин Богдан Собинин в 1619 году обратился к царю Михаилу с челобитной, где рассказал, что его тестя Ивана Сусанина Богданкова литовские люди запытали, дабы узнать, где го-

сударь. Обратим внимание: сказочники XIX–XX веков даже перепутали фамилию героя с отчеством. Чудесная сказка понравилась царю и его матери. Зятю дали денег и грамоту, подтверждавшую геройское поведение Ивана Богданшкова. Естественно, что никто не проверял сообщения Богдана, да и проверить их было физически невозможно. А главное — зачем? Просил Богдан немного, а польза для династии Романовых была огромная.

А теперь мы вернемся к послам, прибывшим 13 марта 1613 года в Кострому. Михаил приказал им явиться в Ипатьевский монастырь на следующий день, о чем послы оповестили весь город. Наутро послы, костромской воевода, местное духовенство с крестами и иконами, а также толпа зевак двинулись к Ипатьевскому монастырю, расположенному в двух-трех верстах от города. Михаил с матерью встретили процессию у входа в монастырь. Послы объявили Михаилу о цели своего визита, и он «с великим гневом и плачем» ответил, что не хочет быть государем, а мать его добавила, что не благословляет сына на царство.

Марфа напомнила, что митрополит Филарет находится в польском плену «в большом утеснении», и как узнает король, что на Московский престол вступил его сын, тотчас же сделает Филарету какое-нибудь зло, а ему, Михаилу, без благословения отца на Московском государстве никак быть нельзя. Послы со слезами молили и уговаривали Михаила, говорили, что выбрали его по изволению Божию, а не по его желанию, «положил Бог единомышленно в сердца всех православных христиан от мала и до велика на Москве и во всех городах». Далее послы стали доказывать, что все вышеупомянутые правители московские незаконно сели на престол, а вот Михаил один законный.

Представление длилось свыше шести часов. Наконец Михаил и Марфа сказали, что они во всем положились на провидение и непостижимые судьбы

Божии. Марфа благословила сына. Михаил принял посох у архиепископа, допустил всех к руке и сказал, что скоро поедет в Москву.

Казалось бы, комедия сыграна, теперь пора начинать царствовать. Государство по-прежнему находилось в критическом состоянии. Садись в сани, и через три дня государь будет в Москве. Санний путь 14 марта (по старому стилю) почти идеален, а через две недели начнется распутица, и уже не будет санного пути, но не будет еще и водного. Но Михаил выехал лишь 19 марта, а 21 марта прибыл в Ярославль.

Оттуда царь, а точнее, его мамочка, затеяла хозяйственную переписку с московскими властями: «К царскому приезду есть ли на Москве во дворце запасы и послано ли собирать запасы по городам, и откуда надеются их получить? Кому дворцовые села розданы, чем царским обиходам впредь полниться и сколько царского жалованья давать ружникам и оброчникам?» Москва отвечает: «Для сбора запасов послано и к сборщикам писано, чтоб они наскоро ехали в Москву с запасами, а теперь в государевых житницах запасов немного». 8 апреля Михаил (Марфа) пишет: «Писали вы к нам с князем Иваном Троекуровым, чтоб нам походом своим не замедлить, и прислали с князем Иваном роспись, сколько у вас в Москве во дворце всяких запасов. По этой росписи хлебных и всяких запасов мало для обихода нашего, того не будет и на приезд наш».

Соловьев писал: «Наконец 18 апреля царь уведомил духовенство и бояр, что поход его к Москве замедлился за дурною дорогою, зимний путь испортился, а как большой лед прошел и воды сбыло, то он выехал из Ярославля 16 апреля». И кто бы мог подумать, что в апреле наступит оттепель?! Нашим правителям уже 500 лет мешает погода.

25 апреля Михаил (Марфа) пишет боярам, чтобы они велели приготовить для царя Золотую палату царицы Ирины, а для Марфы — деревянные хоромы

жены царя Василия Шуйского. Бояре ответили, что приготовили для Михаила покои царя Ивана и Грановитую палату, а для матери его — хоромы в Вознесенском монастыре, где жила царица Марфа. Те же хоромы, о которых приказал государь, надо отстраивать заново — кровли там нет, лавок, окошек, дверей нет, и денег также нет, плотников нет, материалов нет.

29 апреля Михаил отписал боярам: «По-прежнему и по этому нашему указу велите устроить на Золотую палату царицы Ирины, а матери нашей хоромы царицы Марьи, если лесу нет, то велите строить из брусяных хором царя Василья. Вы писали нам, что для матери нашей изготовили хоромы в Вознесенском монастыре, но в этих хорамах матери нашей жить не годится».

Почти два месяца вояжировал Михаил из Костромы в Москву. Из его переписки с московскими властями можно составить пухлый том, но, увы, писалось там только о государевом быте да о разбойниках — не шалят ли по дороге, не обидят ли царя-батюшку? И ни одного военного, административного или иного государственного распоряжения!

2 мая 1613 года царь Михаил торжественно въехал в Москву. Михаил с матерью отстояли молебен в Успенском соборе, после чего Михаил допустил всех к своей руке. Венчание Михаила на царство состоялось 11 июля 1613 года. Накануне торжественного дня, с вечера, в Успенском и других соборах, а также во всех столичных монастырях и церквях были отправлены всенощные бдения. На рассвете 11 июля начался звон кремлевских колоколов, который не прекращался до самого прибытия царя в Успенский собор.

Перед венчанием Михаил пожаловал в бояре стольников князей Пожарского и Черкасского. Во время коронации боярин князь Мстиславский осыпал Михаила золотыми монетами, боярин Иван Никитич Романов держал шапку Мономаха, боярин князь Дми-

трий Тимофеевич Трубецкой — скипетр, боярин князь Пожарский — державу. Венчал Михаила за неимением патриарха казанский митрополит Ефрем.

История царствования Михаила Федоровича — тема отдельного большого исследования. Я лишь остановлюсь на нескольких аспектах, связанных с историей Смутного времени.

Михаил, вернувшись в Москву в мае 1613 года, нашел уже нормально функционирующий государственный аппарат. Основные Приказы (министерства) были воссозданы Мининым и Пожарским еще летом 1612 года в Ярославле. Зимой 1612/13 года аппарат был существенно усилен чиновниками, съехавшими в Москву.

Боярскую думу по-прежнему возглавлял князь Федор Иванович Мстиславский. Он был именным представителем боярства, ибо по-прежнему писалось: «Бояре — князь Ф. И. Мстиславский с товарищи». Важную роль играл в думе и князь Иван Михайлович Воротынский. Но, увы, оба были абсолютно тупы в военном деле и весьма посредственными администраторами. Оба были в солидном возрасте и слабы здоровьем. Мстиславский умер в 1622 году, а Воротынский — в 1617-м. Мстиславский и Воротынский удержались у власти исключительно в силу слабости царя, который принципиально был против выдвижения умных и энергичных государственных деятелей. Царя Михаила монархические историки называют Кротким. Естественно, что наименование дано на эзоповом языке, поскольку назвать кротким человека, отправившего на виселицу четырехлетнего ребенка, довольно сложно. «Кротость» на эзоповом языке означала «слабость ума». Семнадцать лет, проведенные за бабскими юбками, и не могли дать другого результата. За царя фактически правила его мать инокиня Марфа и его родня — Салтыковы. Замечу, что дядя царя Иван Никитич Романов занимал третье место после

Мстиславского и Воротынского, но Марфа относилась к нему весьма настороженно, и его роль в управлении государством была крайне мала.

Управление государством инокиней резко нарушало писанные и неписанные светские и церковные законы. Но возражать этому никто не смел, поскольку Смута надоела всем классам населения России, за исключением разве что «воровских» казаков. Здоровый организм выздоравливает сам по себе, без врача, или при враче, который не особенно вредит пациенту. Приблизительно такая ситуация сложилась и в России в 1613–1620 годах. И если бы «кроткого» Михаила заменили матерчатой куклой, в истории России мало что изменилось бы.

Как дореволюционные, так и советские историки сломали много копий в спорах о том, кто из московских правителей окончательно закрепил в стране крепостное право — Иван Грозный или Борис Годунов. На самом деле крепостное право, каким оно было в XVIII и начале XIX века, было основано именно при царе Михаиле. И дело тут, разумеется, не в характере или убеждениях царя, просто без создания тотального поместного землевладения стало невозможно собирать подати и иметь класс служилых людей, то есть дворянства.

Все московские правители, начиная с Ивана III, пытались превратить феодальную монархию в чиновную. Однако добиться этого не удалось даже Ивану Грозному. Лишь при Михаиле Московское государство можно с некоторой натяжкой назвать чиновной монархией. По этому поводу С. М. Соловьев писал, что при Михаиле «наследственной аристократии, высшего сословия не было, были чины: бояре, окольничие, казначеи, думные дьяки, думные дворяне, стольники, стряпчие, дворяне, дети боярские. При отсутствии социального интереса господствовал один интерес — родовой, который в соединении с чиновным началом по-

родил местничество. Все внимание чиновного человека сосредоточено было на том, чтобы при чиновном распорядке не унизить своего рода. Но понятно, что при таком стремлении поддерживать только достоинство своего рода не могло быть места для общих социальных интересов, ибо местничество предполагало постоянную вражду, постоянную родовую усобицу между чиновными людьми: какая тут связь, какие общие интересы между людьми, которые при первом назначении к царскому столу или береговой службе перессоривались между собою за то, что один не хотел быть ниже другого, ибо какой-то его родич когда-то был выше какого-то родича его соперника? Мы видели, что князь Иван Михайлович Воротынский, высчитывая по наказу неправды короля Сигизмунда, должен был сказать, что король посажал на важные места в московском управлении людей недостойных, худородных и в числе последних упомянул двоих князей: так, князь нечиновный в глазах князя чиновного был человек худородный»⁹². Если убрать монархические взгляды Сергея Михайловича и царскую цензуру, то вышесказанное можно сформулировать так: Россия ушла от монархий Запада и приняла турецкую (восточную) форму правления.

Без создания чиновной монархии при Михаиле было невозможно появление петровского «Табеля о рангах», официально узаконившего появление простолудинов в верхних эшелонах власти и разгул фаворитизма при Екатерине, когда присвоение высших чинов в государстве зависело от половой потенции бездарных кандидатов, всяких там Орловых, Зоричей, Зубовых и др.

Вспомним «Двадцать лет спустя» Александра Дюма. Там Портос жалуется, что самые малородовитые из его соседей ведут свой род от участников Крестовых походов. И это не выдумка Дюма. Действительно, к 1789 году французские дворяне, способные подтвер-

дить свои титулы начиная с XIII века, считались не очень породистыми по сравнению с многочисленными семействами, родословные которых уходили во времена Карла Великого и Хлодвиги. А у нас к началу XX века подавляющее большинство аристократов не имело предков — русских дворян — еще во времена Петра. Но это опять другая тема, и я отошлю интересующихся этим вопросом к специальной литературе, а остальных — к пушкинской «Моей родословной».

В первые годы правления Михаила России пришлось вести одновременно войну с Польшей на западе, со Швецией на северо-западе и с воровскими казаками по всей стране. 27 февраля 1617 года в селе Столбово на реке Сясь был подписан «вечный мир» со Швецией, вошедший в историю под названием Столбовского договора. По его условиям стороны должны:

— все ссоры, происшедшие между двумя государствами от Тязвинского до Столбовского мира, предать вечному забвению.

— Новгород, Старую Русу, Порхов, Ладогу, Гдов с уездами, а также Сумерскую волость (то есть район озера Самро, ныне Сланцевский район Ленинградской области) и все, что шведский король захватил во время Смутного времени, вернуть России.

— Бывшие русские владения в Ингрии (Ижорской земле), а именно Иван-город, Ям, Копорье, а также все Поневье и Орешек с уездом, переходят в шведское обладание. Шведско-русская граница проходит у Ладоги. Всем желающим выехать из этих районов в Россию дается две недели.

— Северо-западное Приладожье с городом Корела (Кексгольм) с уездом остается навечно в шведском владении.

— Россия выплачивает Швеции контрибуцию: 20 тысяч рублей серебряной монетой. (Деньги заняты московским правительством в Лондонском банке и переведены в Стокгольм.)

Сложнее оказалось с Польшей. Король Владислав продолжал претендовать на царскую корону, а отец Михаила по-прежнему томился в Мариенбурге. Тем не менее 1 декабря 1618 года в деревне Деулино было заключено перемирие с Польшей. Королевич Владислав так и не отказался от претензий на московскую корону, и польская сторона не признала Михаила царем. Однако поляки вернули Филарета, а взамен получили русские земли размером с небольшое европейское государство типа Бельгии или Дании. Россия потеряла 29 городов, включая Смоленск, Дорогобуш, Рославль, Чернигов, Новгород Северский. Кстати, заметим, что спустя 372 года, в 1991 году, Ельцин тоже ухитрился отдать Чернигов, Новгород Северский и другие исконно русские города.

14 июня 1619 года под Москвой у речки Пресни состоялась встреча царя Михаила и Филарета. Отец и сын поклонились друг другу в ноги и долго стояли в этом положении. Затем Филарет сел в карету, а царь Михаил пошел пешком впереди кареты.

По случаю возвращения Филарета в Москву пригласили иерусалимского патриарха Феофана, пообещав богатые подарки. Тот охотно согласился. Вместе с русскими владыками Феофан предложил патриарший престол Филарету, «ибо знали, что он достоин такого сана, особенно же потому, что он был царский отец по плоти, да будет царствию помощник и строитель, сирым защитник и обидимым предстатель». Филарет традиционно вначале отказывался, а потом согласился. Посвящение его в сан состоялось 24 июня 1619 года.

С возвращением Филарета в стране началось двоевластие. Филарет официально получил титул Великого государя. И титул этот был не формальным. Все государственные дела докладывались обоим государям, решались обоими, иностранные послы представлялись также обоим государям, подавали двойные грамоты и подносили двойные дары.

Один из современников описывал Филарета в 20-х годах XVII века: «Был ростом и полноты средних, божественное писание разумел отчасти, правом был опальчив и мнителен, а такой владетельный, что и сам царь его боялся. Бояр и всякого чина людей из царского сиклита томил заточениями необратными и другими наказаниями. К духовному сану был милостив и не сребролюбив, всеми царскими делами и ратными владел». Двоевластие продолжалось до самой смерти Филарета в 1631 году.

В «царствование» Филарета любимцы инокини Марфы Салтыковы были отстранены от власти и сосланы. В свою очередь фаворитом Филарета стал князь Борис Александрович Репнин.

Ни Марфа, ни Филарет, ни сам Михаил не пытались разобраться в истоках Смуты или даже подготовить детальное описание событий Смутного времени. Наоборот, они сделали все, чтобы спрятать концы в воду. В результате позднейшим историкам с большим трудом пришлось разбирать завалы из мифов, придуманных в царствование Михаила. Так, в спорах о личности самозванца Лжедмитрия I никто из историков не обратил внимания на любопытный момент, отмеченный церковным историком Д. Лавровым: «Что сказано было Годуновым о первом Лжедмитрии при его появлении, то повторено было Шуйским и Боярскою думой после его гибели. Перед лицом Филарета и Ивана Никитичей Романовых и, конечно, с согласия их, сказано, что Отрепьев служил в юности в холопах у детей Никитичевых Романовых. И после вступления на престол Михаила Федоровича, когда не стало уже ни одного Лжедмитрия, продолжали утверждать то же. Имя Григория Отрепьева внесено и в чин проклятия в неделю Православия. Патриарх Филарет мог бы безопасно вычеркнуть из этого списка Григория Отрепьева, если он безвинно прежде был включен сюда. А патриарх Филарет лучше других

мог бы знать, что первый Лжедмитрий — не был Отрепьевым, если это действительно было так»⁹³.

Возразить против этого нечего. Филарет прекрасно знал в лицо своего дворянина Юшку Отрепьева и царя Дмитрия. Понятно, что и он, и Михаил были меньше всего заинтересованы в установлении истины.

В завершение рассказа скажу несколько слов о дальнейшей судьбе наших героев.

Медико-антропологические исследования захоронений Романовых в усыпальнице Спасо-Преображенского собора Новоспасского монастыря позволили установить, что некоторые представители рода (Роман Юрьевич, Никита Романович, один из умерших в младенчестве братьев царя Михаила) страдали тяжелым наследственным заболеванием опорно-двигательного аппарата (болезнью Педжета). Вероятно, той же самой болезни был подвержен и царь Михаил Федорович, который, как писал он сам, в возрасте всего 27 лет «так скорбел ножками, что до возка и из возка в креслах носят». Последние годы Михаил почти не покидал царских покоев. 12 июля 1649 года царь Михаил Федорович скончался, оставив наследником шестнадцатилетнего сына Алексея.

Дядя царя Иван Никитич Романов вступил в брак с Ульяной Федоровной Литвиной-Мосальской. Умер Иван Никитич 18 июля 1640 года. В браке Иван Никитич имел семерых детей, но шестеро из них умерли в младенчестве. Лишь сын его Никита Иванович дожил до зрелых лет. В 1645 году Никита Иванович получил боярство. Умер он 11 декабря 1655 года, не оставив потомства. Со смертью Никиты Ивановича род Романовых, за исключением царствующей ветви, пресекся.

Царствующая ветвь Романовых пресеклась в 1727 году со смертью пятнадцатилетнего царя Петра Алексеевича, внука Петра I и праправнука Михаила Кроткого. Речь, разумеется, идет о легитимных потомках по мужской линии.

Комментарии

Широкоград Александр Борисович родился в 1947 году в Москве. Окончил факультет кибернетики Московского инженерно-физического института. Инженер в четвертом поколении. Отец разрабатывал управляемые ракеты в 40–60-х годах, а дед в 30-х годах работал «приемщиком» на заводе Крупна.

А.Б. Широград — автор нескольких сотен статей, опубликованных в газетах «Красная Звезда», «Известия», «Независимая газета», «Независимое военное обозрение», «Общая газета», «Деловой мир» и др.; в журналах «Военные знания», «Техника и вооружение», «Авиация и космонавтика», «Морской сборник», «Армейский сборник», «Техника — молодежи», «Чудеса и приключения», «Военный парад» и др. Автор четырнадцати книг, в том числе «Русско-турецкие войны», «Оружие отечественного флота», «Путь к трону».

«Исторические портреты» — новое произведение писателя.

¹ Ч и н г и з и д — потомок Чингизхана.

² В современных источниках пишется Захарий, но это неверно.

³ Скрынников Р. Лихолетье. М.: Московский рабочий, 1988. С. 11.

⁴ Р ы н д а — оруженосец.

⁵ По некоторым сведениям она была дочерью Юрия Сабурова.

⁶ Ч е р м н ы й — красный, т. е. рыжий или красивый.

⁷ Имеются в виду дети, достигшие дееспособного возраста. Анастасия Романовна родила еще трех дочерей и одного сына, Мария Темрюковна — сына, но все они умерли в младенчестве.

⁸ Балязин В. Самодержцы. Любовные истории царского дома. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.

⁹ Скрынников Р. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск: Русич, 1998. Корецкий В. Смерть грозного царя. Вопросы истории // 1979. № 9.

¹⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV. Т. 7–8. С. 316–317.

¹¹ По новому стилю — 27 мая.

¹² Буссов К. Хроника Московии. 1594–1612 гг.

¹³ Летопись о многих мятежах и разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев по преставлении царя Иоанна Васильевича. М., 1788.

¹⁴ Скрынников Р. Борис Годунов. М.: Наука, 1978. С. 107.

¹⁵ Новодевичий монастырь тогда был вне черты города.

¹⁶ Здесь и далее дается наиболее достоверная, по мнению автора, информация. В литературе приводятся и другие сроки начала собора, самый поздний из которых — начало марта 1598 года.

¹⁷ Густав — сын Эрика IV и Екатерины Мансдоттер. В Швеции Густава считали незаконным сыном.

¹⁸ Термин историка С. М. Соловьева.

¹⁹ Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб.: Наука, 1992. С. 67.

²⁰ Там же. С. 66.

²¹ К величайшему сожалению, следы этого портрета потерялись. О нем не знают ни в Государственном Историческом музее, ни в других музеях.

²² Ле Руд Ладюри Э. История климата с 1000 г. Л., 1971.

²³ По новому стилю — 28 августа.

²⁴ Скрынников Р. Борис Годунов. М.: Наука, 1978. С. 153–154.

²⁵ Здесь и далее земли Киевской Руси называются Малороссией, т. к. название «Украина» появилось в XVII веке.

²⁶ По другим данным — в 1299 году.

²⁷ История родов русского дворянства. Книга первая. СПб.: Книгоиздательство Герман Гоппе, 1886. С. 372.

²⁸ Соловьев С. История России с древнейших времен. Книга 2. Т. 3–4. С. 303.

²⁹ Под термином «протестантизм» здесь подразумеваются не только лютеране, кальвинисты и ариане, но и иные религиозные направления.

³⁰ Воевода — центральная правительственная власть в воеводстве. Воевод было девять, десятый назывался старостой Жмудским.

³¹ Староста управлял городом, творил суд над местной шляхтой.

³² Rokosz (польск.).

³³ Гетман — высший военачальник в польских и литовских войсках, а также у запорожских казаков. Происходит от германского слова «гауптман» — начальник.

³⁴ Дата по юлианскому, а в скобках — по григорианскому календарю, введенному в 1582 г. в Западной Европе.

³⁵ Войт — нечто вроде бургомистра.

³⁶ Casus belli (лат.) — повод к войне.

³⁷ Известно, что император Петр III официально не признал Павла своим наследником.

³⁸ Кастелян — второе лицо в воеводстве, ведал в основном военными делами.

³⁹ Успенский собор служил местом венчания царей, в соборе хоронили московских митрополитов и патриархов.

⁴⁰ Детями боярскими в XV–XVII веках назывались не дети бояр, а определенная категория служилых дворян.

⁴¹ Лавров Д. Святой страстотерпец, благоверный князь Угличский царевич Димитрий, Московский и всея России чудотворец. Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1912. С. 90.

⁴² Евдокимов Д. Воевода. М.: Армада, 1996. С. 53.

⁴³ Петров П. История родов русского дворянства. СПб., 1886. С. 372.

⁴⁴ Валишевский К. Смутное время. М.: Квадрат, 1993. С. 104.

⁴⁵ Соловьев С. История России с древнейших времен. Кн. IV. С. 410.

⁴⁶ Валишевский К. Смутное время. М.: Квадрат, 1993. С. 111.

⁴⁷ В те годы Польша регулярно платила дань крымскому хану, что, впрочем, не спасало ее от татарских набегов. Подробнее см. А. Широкопад. Русско-турецкие войны. Минск: Харвест, 2000.

⁴⁸ Типа собрания, которое у донских казаков называлось кругом, а у запорожцев — радой.

⁴⁹ Скрынников Р. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1990. С. 164.

⁵⁰ Скрынников Р. Лихолетье. М.: Московский рабочий, 1988. С. 343.

⁵¹ Все наши историки считают, что Димитрий всерьез собирался воевать с Османской империей. По мнению

же автора, это было блефом, предназначенным для польского короля, римского папы, а также для внутреннего потребления.

⁵² Павлов А. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб.: Наука, 1992. С. 29.

⁵³ Соловьев С. История России с древнейших времен. Кн. 4. С. 463.

⁵⁴ Лавров Д. Святой царевич Димитрий. С. 62.

⁵⁵ Там же. С. 156.

⁵⁶ Там же. С. 168.

⁵⁷ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М.: АСТ, 1999. С. 407.

⁵⁸ Вяземский дворянин Молчанов был участником убийства жены и сына Бориса Годунова.

⁵⁹ В боях с мятежниками под Москвой отличился князь Дмитрий Михайлович Пожарский.

⁶⁰ Город в Могилевской области, в 1945 г. был переименован в Славгород.

⁶¹ Имеются в виду не столько донские или запорожские казаки, сколько боевые холопы, крестьяне и посадские, ринувшиеся к Лжедмитрию II с целью поживы и именовавшие себя казаками.

⁶² По другим сведениям Роман Углицкий умер в 1285 году.

⁶³ Сборник Государственных грамот и догм. Т. 2. С. 312.

⁶⁴ По новому стилю — 6 июня.

⁶⁵ Он назван ростовским митрополитом, поскольку он так именовался в дошедших до нас документах.

⁶⁶ Фердинанд I Габсбург — младший брат императора Священной Римской империи Карла V, король Богемии с 1526 г., император Священной Римской империи в 1558—1564 гг.

⁶⁷ Речь идет о кравчем Басманове Федоре Алексеевиче, отце уже известного нам любимца самозванца Басманова Петра Федоровича.

⁶⁸ Подробнее об этом см. в книге А. Широкоград «Русско-турецкие войны». Минск: Харвест, 2000.

⁶⁹ Станиславский А. Гражданская война в России XVII в. М.: Мысль, 1990. С. 68.

⁷⁰ Некоторые историки XIX века отождествляли его с селом Троицко-Ильинское Ковровского уезда Владимирской области.

⁷¹ Берсень — крыжовник.

⁷² Одного, по крайней мере достигшего средних лет.

⁷³ Русская четверть — это примерно четверть ведра, т. е. 3,075 литра.

⁷⁴ Евдокимов Д. Воевода. М.: Армада, 1996.

⁷⁵ У него был родной брат Иван Меньшой.

⁷⁶ Действительно, за несколько дней до женитьбы на Екатерине Долгоруковой умер Петр II, а через 9 месяцев после свадьбы с Екатериной Долгоруковой был убит Александр II.

⁷⁷ Граф Якоб Делагарди, сын знаменитого шведского полководца Понтуса Делагарди и Софии Гюльденгельм — побочной дочери шведского короля Иоанна III.

⁷⁸ В русских грамотах начала XVII века под украинскими городами подразумевались русские города, находившиеся на юго-западной окраине Московского государства, как, например, Белгород, и термин «Украина» не имел ничего общего с нынешней Украиной.

⁷⁹ Соловьев С. История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. 7–8. М., 1960. С. 671.

⁸⁰ Валишевский К. Смутное время. М.: СП «Квадрат», 1993. С. 285.

⁸¹ Хорошо известный нам митрополит Крутицкий Пафнутий умер в 1611 году в осажденной Москве.

⁸² Скрынников Р. На страже московских рубежей. М.: Московский рабочий, 1986. С. 296–297.

⁸³ К о н ю ш е н н ы й — высшая боярская должность в Московском государстве.

⁸⁴ Соловьев С. История России с древнейших времен. Кн. 5. Т. 9–10. С. 264.

⁸⁵ Шамшури В. Минин и Пожарский — спасители Отечества. М.: Новатор, 1997. С. 183.

⁸⁶ Шамшури В. Минин и Пожарский — спасители Отечества. С. 191.

⁸⁷ Петров П. История родов русского дворянства. Кн. 1. М.: Современник, 1991. С. 172.

⁸⁸ Масса И. Краткое сказание о Московии. 1601–1610 гг. Брюссель, 1866.

⁸⁹ Скрынников Р. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 29–30.

⁹⁰ Ныне Старая Ладога.

⁹¹ Скрынников Р. На страже московских рубежей. М., 1986. С. 322.

⁹² Соловьев С. История России с древнейших времен. Кн. 5. С. 258.

⁹³ Лавров Д. Святой царевич Димитрий. С. 139.

Список использованной литературы

Фиглярин Видок. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение/Сост. Рейтблат А.//Новое литературное обозрение. 1998.

Древнерусская литература: Хрестоматия/Сост. О. Творогов. М.: Просвещение, 1995.

Жизнеописания, факты и гипотезы, портреты и документы в книгах. Российские судьбы. Кузьма Минин. Дмитрий Пожарский. М.: Новатор, 1997.

История родов русского дворянства. СПб.: Книгоиздательство Герман Гоппе, 1886.

История средних веков/Под ред. Е. Косминского. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952.

История Украинской ССР/Под ред. Ю. Кондуфора. Киев: Наукова думка, 1982.

Летопись о многих мятежах и разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев по преставлении царя Иоанна Васильевича. М., 1788.

Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича. СПб., 1901.

Царские прародители. М., 1912.

Балязин В. Самодержцы. Любовные истории царского дома. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.

Богданов А. Тайны московской патриархии. М.: Армада, 1998.

Богуславский В. Тульские древности. Тула: Русский лексикон, 1995.

Буганов В. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1976.

Валишевский К. Смутное время. М.: СП «Квадрат», 1993.

Веселовский С. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969.

Гримберг Ф. Рюриковичи или семисотлетие вечных вопросов. М.: Московский лицей, 1997.

Демидова Н., Морозова Л., Преображенский А. Первые Романовы на российском престоле. М., 1996.

Евдокимов Д. Воевода. М.: Армада, 1996.

Заичкин И., Почкаев И. Русская история: Популярный очерк. М.: Мысль, 1992.

Зимин А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М.: Наука, 1988.

Зимин А., Хорошкевич А. Россия времен Ивана Грозного. М., 1982.

Каргалов В. На границах Руси стоять крепко! М.: Русская панорама, 1998.

Кириков Б. Углич. Л.: Художник РСФСР, 1984.

Кобрин В. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995.

Коган В. История дома Рюриковичей. СПб.: Бельведер, 1993.

Колычев С. Историкография. СПб., 1722.

Костомаров Н. Исторические монографии и исследования. М.: Книга, 1989.

Лавров Д. Святой страстотерпец, благоверный князь угличский царевич Димитрий, московский и всея России чудотворец. Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1912.

Ле Руд Ладюри Э. История климата с 1000 г. Л., 1971.

Мархоцкий Н. История московской войны. М.: РОССМЭН, 2000.

Масса Исаак Краткое сказание о Московии. 1601–1610 гг. Брюссель, 1866.

Назаров В. Генеалогия Кошкиных-Захарьиных-Романовых и предание об основании Георгиевского монастыря// Историческая Генеалогия. Вып. 1. Екатеринбург: Зеркало, 1993.

Некрасов С. Предки царя Михаила Федоровича. Тверь, 1913.

Низовский А. Русские самозванцы. М.: Прибой, 2000.
Орлов В. Тайны полоцкой истории. Минск: Беларусь, 1995.

Павлов А. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб.: Наука, 1992.

Пасхалова Т., Станюкович А. Усыпальница прародителей царского дома Романовых в московском ставропигиальном Новоспасском монастыре. М.: Новоспасский монастырь, 1997.

Петров П. История русского дворянства. СПб.: Книгоиздательство Герман Гоппе, 1886.

Платонов С. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М.: Памятники исторической мысли, 1995.

Похлебкин В. Внешняя политика Руси, России и СССР в именах, датах, фактах. М.: Международные отношения, 1995.

Прокофьев С. Тайна царевича Дмитрия. М.: Evidentis, 2001.

Пушкин А. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957.

Пылаев М. Старая Москва. М.: Московский рабочий, 1996.

Пятницкий П. Сказание о венчании на царство русских царей и императоров. М., 1896.

Раков Э. Монастырь опальных княгинь. СПб., 1995.

Рыжов К. Все монархи мира. М.: Вече, 1998.

Савелов Л. Бояре Романовы. М., 1914.

Савелов Л. Лекции по генеалогии. М.: Археографический центр, 1994.

Скрынников Р. Борис Годунов. М.: Наука, 1978.

Скрынников Р. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск: Русич, 1998.

Скрынников Р. История Российская, IX–XVII вв. М.: Весь мир, 1997.

Скрынников Р. Лихолетье. М.: Московский рабочий, 1988.

Скрынников Р. На страже московских рубежей. М.: Московский рабочий, 1986.

Скрынников Р. Самозванцы в России в начале XVI века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1990.

Скрынников Р. Святители и власти. Л.: Лениздат, 1990.

Скрынников Р. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1986.

Скрынников Р. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985.

Соловьев С. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.

Станиславский А. Гражданская война в России XVII в. М.: Мысль, 1990.

Субтельный О. Украина. История. Киев: Лебедь, 1994.

Тихомиров М. Российское государство XV–XVII веков. М.: Наука, 1973.

Ткаченко В. Московские великие и удельные князья и цари. М.: Поиск, 1992.

Тыркова-Вильямс А. Жизнь Пушкина. М.: Молодая гвардия, 1999.

Федотов Г. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990.

Филатович Б. Судьба Романовых. 1912.

Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСТАН, 1991.

Шахмагонов Ф. Остри свой меч. М.: Воениздат, 1992.

Шмурло Е. Курс русской истории. Русь и Литва. СПб.: Алетейя, 2000.

Щуцкая Г. Новые данные о палатах Романовых в Зарядье (Итоги реставрации 1984–1992 гг.): Забелинские научные чтения. Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 1997.

Яровицкий Д. История запорожских казаков. Киев: Наукова думка, 1990.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Борис Годунов	9
Сигизмунд и Владислав	122
Лжедмитрий I	165
Василий Шуйский	235
Иван Болотников	299
Лжедмитрий II	311
Патриарх Гермоген	336
Марина Мнишек	377
Минин и Пожарский	417
Федор и Михаил Романовы	517
<i>Комментарии .....</i>	<i>597</i>
<i>Список использованной литературы .....</i>	<i>602</i>

Литературно художественное издание

Широкоград Александр Борисович

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Ведущий редактор *А. В. Варламов*
Художественный редактор *О. Н. Адаскина*
Технический редактор *Е. П. Кудиярова*
Корректор *Л. В. Савельева*
Компьютерная верстка *Т. В. Федоровой*
Компьютерный дизайн *Ю. А. Хаджи*

ООО «Издательство Астрель»
143900, Московская обл., г. Балашиха, пр-т Ленина, д. 81

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл,
ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:
www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак», 115201, г. Москва,
2-ой Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.